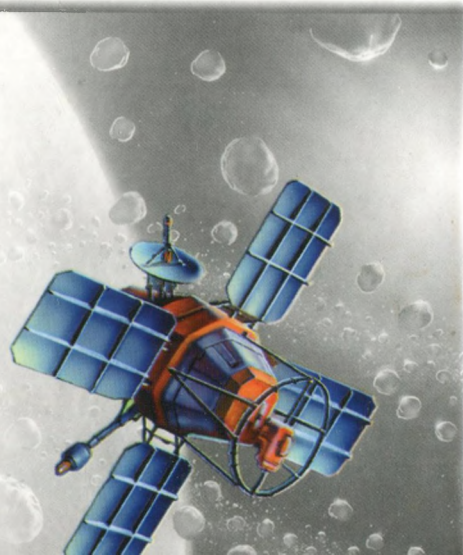
ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

ДЕНЬ ТРИФФИДОВ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ



КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JOHN

WYNDHAM

ДЖОН

УИНДЭМ

День триффидов

Куколки

Кукушки Мидвича

Кракен пробуждается

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
У37

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Перевод с английского А. и Б. Стругацких («День триффидов»), Е. Левиной («Куколки»), В. Ковалевского и Н. Штуцер («Кукушки Мидвича»), А. Захаренкова («Кракен пробуждается»),

Подписано в печать 18.03.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 812.

Уиндэм Дж.
У37 День триффидов: Сб. фантаст. романов: Пер. с англ. / Дж. Уиндэм. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 781, [3] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-013065-1

Джон Уиндэм (1903—1969). «Патриарх» английской научной фантастики. Классик — и классицист от фантастики, оригинальный и своеобразный, однако всегда «преданный» последователь Герберта Уэллса. Писатель, стилистически «смотревший назад» — но фактически обогнавший своими холодновато-спокойными «традиционными» романами не только свое, но и — в чем-то! — наше время...

Продолжать говорить о Джоне Уиндэме можно еще очень долго. Однако для каждого истинного поклонника фантастики сами за себя скажут уже НАЗВАНИЯ его книг:

«Кракен пробуждается»,

«Кукушки Мидвича»,

«Куколки» — и, конечно же, «лучшее из лучшего» в наследии Уиндэма — «День триффидов»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© John Beynon Harris, 1951, 1953, 1955, 1957
© Перевод. А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969
© Перевод. Е. Левина, 2002
© Перевод. В. Ковалевский, Н. Штуцер, 2002
© Перевод. А. Захаренков, 2002
© Послесловие. Вл. Гаков, 2002
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2002

КУКОЛКИ ДЖОНА УИНДЭМА

В мире англоязычной научной фантастики букет псевдонимов, скрывающих одного-единственного автора, — не редкость. Однако герой данной статьи в этом качестве превзошел многих, на долгие годы превратившись в постоянную головную боль для библиографов. «Накроить» с пяток псевдонимов из своих реальных имен — это еще куда ни шло, но вот подписать роман одним из них «в соавторстве» с другим, то есть с самим собою, — это ж надо так подставить составителей будущих библиографий и энциклопедий!

Читатели-фанаты, случайно раскопавшие в довоенных подшивках научно-фантастических журналов рассказы неких Джона Бейнона Харриса, просто Джона Бейнона, Уиндэма Паркса, его однофамильца Лукаса Паркса и Джонсона Харриса, долгое время и не подозревали, что все это написано одним человеком.

Да что читатели! И в предисловии первоклассного специалиста Юлия Кагарлицкого к первому изданию Уиндэма на русском языке (тому самому знаменитому тóму Библиотеки фантастики, где был опубликован перевод «Дня триффидов») все еще можно было прочесть о романе «Толчок вовне», будто бы написанном Уиндэмом в соавторстве с Лукасом Парксом. Меж тем шел 1966 год и «оба соавтора» в едином лице были еще живы*.

И спустя три с половиной десятилетия, когда издатели одного из сборников Уиндэма обратились к автору этих строк с

* Другая невольная мистификация того сборника, а именно та, что перевод некоего С. Бережкова на самом деле был выполнен Аркадием Стругацким, — для массового читателя тоже раскрылась нескоро... — *Примеч. автора.*

предложением написать предисловие, они также были изрядно заинтригованы загадочным «соавтором» писателя — Лукасом Парксом... Словом, наваждение какое-то!

Пришла пора расставить все на свои места. Все произведения вышеперечисленных «авторов», в том числе и злополучный роман (действительно подписанный Джоном Уиндэмом и Лукасом Парксом!), на деле принадлежат одному писателю. После долгих перипетий в научной фантастике за ним окончательно закрепилось имя Джона Уиндэма.

Все же прочие инкарнации — или, пользуясь названием одного из его романов — куколки, — таким образом, оказались лишь предварительными эволюционными стадиями. Ступенями на пути к появлению долгожданной «бабочки».

Последнее сравнение придумано не мной, оно буквально просится на язык. Коллега и соотечественник Уиндэма, известный британский писатель-фантаст и историк этой литературы Брайан Олдисс, заметил эту аналогию раньше:

«Проследить, как научная фантастика предвоенных десятилетий обрела свой нынешний облик, легче всего на примере творческого пути писателя, чей талант полностью раскрылся только в 50-е годы. Его карьера явилась отражением тех процессов, которыми жила эта литература в переходный период, да и весь окружающий мир в целом. Я имею в виду Джона Уиндэма. Он много раз менял имя и литературные пристрастия, и результатом трансформаций всех этих эволюционных личинок явилась на свет прекрасная бабочка».

Однако все по порядку.

Джон Уиндэм Паркс Лукас Бейнон Харрис родился 10 июля 1903 года в сельской местности, близ деревушки Ноуль в графстве Варвикшир. Как видим, родители — адвокат Джордж Бейнон Харрис и Гертруда Паркс — чем-чем, а именами первого отпрыска не обделили; и впоследствии, став писателем, тот весьма творчески распорядился и этим своим активом.

Как и детскими воспоминаниями. Юные годы, проведенные в английской country (что означает — провинция, загород, жизнь на лоне природы), с неизбежностью наложили отпечаток на творчество сначала «Бейнона Харриса и компании», а потом и известного всему читающему миру Джона Уиндэма. В его научно-фантастических книгах действие чаще всего развертывается в знакомых английских сельских ландшафтах, а герои исповедуют традиционные британские ценности, без коих не

было бы и этой страны. И вообще фантастика Уиндэма, как, пожалуй, ни у кого другого, — подчеркнуто британская. Внешне сдержанная, консервативная, окрашенная присущим только жителям Альбиона юмором...

Но все это проявится позже. Пока же подросток по имени Джон Бейнон Харрис, неожиданно оказавшийся сыном разведенных родителей (они разошлись, когда будущему писателю исполнилось 8 лет), из-за частых переездов матери из города в город переменил целых 8 школ, прежде чем окончил одну из них — это была частная школа в Петерсфилде (графство Хэмпшир), всего в часе езды от Лондона.

После этого молодой Харрис решил пойти по стопам отца, однако провалился на вступительных экзаменах на юридический факультет Оксфордского университета. Причина была очевидной: вместо того чтобы зубрить азы юриспруденции, молодой человек проводил дни в Музее науки при университете, разглядывая диковинные экспонаты и уже раздумывая, как этим багажом распорядиться впоследствии.

Оставленных родителями денег хватило ненадолго, и Харрис занялся поисками работы. Попробовав себя в роли рекламного агента, он быстро охладел к этому делу, зато все больше увлекался литературой, со временем превратившейся в единственное дело жизни.

Писать будущий Джон Уиндэм начал еще в 20-е годы, но только с мая 1931 года смог наконец гордо именовать себя профессионалом. Именно тогда в американском научно-фантастическом журнале Wonder Stories вышел первый рассказ дебютанта — «Миры на обмен», подписанный, кстати, еще собственным именем: Джон Бейнон Харрис.

Любопытно, что формально первым проданным в журналы «произведением» молодого Харриса стал даже не этот рассказ, а... придуманное дебютантом название нового журнала научной фантастики! Конкурс на лучшее название был объявлен в 1930 году журналом Air Wonder Stories, причем победителю назначили роскошный приз в «сто долларов золотом» (деньги в ту пору немалые!), и он достался Харрису. Правда, придуманное им название Future Flying Fiction так и не увидело свет (спустя месяц журнал поменял владельца, слился с другим изданием, и о названии забыли) — но письмо Харриса с объяснением, почему он выбрал именно этот вариант, в журнале было напечатано. А полученный приз можно было считать первым гонораром.

Начало было положено, и за предвоенное десятилетие новичок занял прочные позиции в рядах британской научной фантастики (хотя печататься продолжал преимущественно за океаном).

К этому раннему периоду творчества Уиндэма, который тогда чаще всего подписывался просто Джоном Бейноном, относятся многочисленные повести и рассказы, впоследствии переизданные в трех посмертных сборниках — «Скитальцы во времени» (1973), «Спящие на Марсе» (1973) и «Изгнанники на Эсперусе» (1979); а также два романа, вышедших в Англии отдельными изданиями. Действие первого, «Тайный народец» (1935), развертывается в подземном затерянном мире, расположенном где-то в недрах пустыни Сахары; второй — «Планетолет» (1936; журнальный вариант вышел под названием «Зайцем на Марс») — посвящен, как нетрудно догадаться, первой экспедиции на Красную планету.

Ничем примечательным ранние произведения Уиндэма не отличались, если не считать одной занятной сюжетной детали, которую можно встретить во втором романе (и рассказе-продолжении «Спящие на Марсе», вышедшем в 1938 году): среди первых марсопроходцев мы встречаем... русских! В довоенной западной фантастике случай, насколько я смог проверить, — уникальный.

Вообще же литературный старт новичка был заметен на общем фоне, но блестящего будущего не сулил. Известный в ту пору издатель Роберт Ласти вспоминает о Джоне Бейноне Харрисе как о внутренне неуверенном, каком-то неопределенном, праздном аутсайдере — в жизни и литературе. Словом, как о человеке, за будущее которого не дашь и пенса. Как порой ошибаются в людях даже профессионалы!

Судьбу Харриса перевернула война. Он, кстати, рано предвидел предстоящую схватку с фашизмом и даже предвосхитил ее в одном из рассказов, опубликованных накануне начала войны. Рассказ назывался «Аннигилятор Джаджсона», и в нем описывается, как с помощью вовремя изобретенной машины времени асов из Люфтваффе Геринга забрасывают куда-то в иную эру, избавляя современный мир от их присутствия.

Однако еще интереснее комментарии автора, опубликованные в том же — октябрьском 1939 года — номере журнала Amazing Stories. «Когда я задумывал этот рассказ, — писал Харрис, — мне показалось излишним вводить в него навязший в зубах образ «безумного ученого» — в то время как вполне нормальные ученые с

прекрасной репутацией достаточно эффективно подводят мир к саморазрушению прямо на наших глазах».

Когда же война достигла британских берегов, молодой писатель, подобно многим коллегам, отправился на фронт. Он служил в армии связистом и принимал участие в знаменитой высадке союзников на побережье Нормандии. «Меня постоянно не покидало чувство, что я оказался на войне по ошибке, — вспоминал потом писатель Уиндэм. — Возможно, это проистекало от того, что в детские годы я постоянно грезил войной, но другой — Первой мировой. Однако она закончилась слишком рано, и поучаствовать в ней мне не позволил возраст. Тем не менее я так и не смог избавиться от ощущения, что именно та война была моей войной, а сейчас я оказался вовлечен в войну чужую, к которой я не имею никакого отношения».

Вдоволь насмотревшись крови, смерти и разрушений, будущий Джон Уиндэм, видимо, все это хорошенько запомнил, чтобы потом рассказать другим, хотя и в несколько необычной форме.

А по окончании боевых действий, мрачно резюмирует тот же Олдисс, «когда плоды победы обернулись пеплом мира, Уиндэм вместе с тысячами таких же оказался выброшен на берег — без денег, семьи и профессии и даже без самого элементарного представления о том, чем заняться дальше».

Тут он, к счастью, вспомнил о литературе. И как раз вовремя: мир, лежавший в развалинах и еще не успевший прийти в себя от пережитого, срочно нуждался в таких, как «новорожденный» Уиндэм и его сверстники и друзья — Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Клиффорд Саймак, Рэй Брэдбери, Артур Кларк, Альфред Бестер и все прочие.

Миру стала остро необходима фантастика, новая, закаленная войной и быстро последовавшей за нею войной «холодной» (а также постоянно маячившей на горизонте войной окончательной — ядерной), — и среди британской разновидности этой литературы ярко взошла звезда Джона Уиндэма. «Именно в этот период, — пишет английский исследователь Джон Клют, — Уиндэм стал тем, кто лучше других выразил надежды, страхи и самодовольство англичан».

Похожее, помнится, говорилось за полвека до того в отношении Уэллса...

Славу новоиспеченному писателю Джону Уиндэму принес его третий по счету роман, впервые подписанный новым псевдонимом, — ныне признанный за классику жанра «День триф-

фидов» (1951), выходивший также под названием «Восстание триффидов».

Успех книги, прошедшей сначала журнальным сериалом в престижном американском литературном журнале Collier's и немедленно изданной в твердой обложке на родине автора, превзошел все ожидания. Хотя, вспоминал Уиндэм, идея романа, как и само магическое слово «триффид», вошедшее в список неологизмов научной фантастики (не ищите в словарях — его там нет), родились, как водится, в результате случая.

Однажды, потягивая бокал шерри в пабе, Уиндэм ненароком поймал отрывки разговора, который вели два соседа-садовника, разгоряченные пивом и, главное, «доставшими» их буйно разросшимися сорняками: «Я вчера обнаружил одного прямо в сарае с инструментами. Огромный — настоящее чудовище! Помнится, даже струхнул не на шутку, увидав такое...» После изрядного количества выпитого речь говорившего не отличалась четкостью, да и местный диалект сделал свое дело; короче, вполне тривиальное английское слово «испуган» (terrified) прозвучало как «триффид» (triffid). И... поразило слух случайно оказавшегося рядом писателя — последний как раз обдумывал новый фантастический роман о растениях-убийцах, захвативших Землю! (В романе генезис слова «триффид» выводится также из three-feet — «трехногий».)

Это к вопросу о положительном влиянии пивных на творческий процесс...

Как помнит читатель, знакомый с романом, в нем Земля стала вотчиной растений-хищников, мутировавших в результате космического катаклизма. После катастрофы почти все население планеты ослепло, исключая, разумеется, героев романа — иначе какая ж тут интрига! «Редко встретишь более бесперспективную завязку для написания романа, — отмечает Олдисс, — однако решает все магия не сюжета, а настоящей литературы».

Действительно, сила романа — не в живописании глобальной катастрофы и последующей робинзонады горстки выживших: подобное описывали до Уиндэма сотни раз, и многие, в том числе соотечественники, даже более впечатляюще, — а прежде всего в отличной литературе. Иначе говоря — в стиле, языке, настроении, ярких визуальных картинах, удачно выбранном темпе повествования, точных психологических портретах и сдержанном оптимизме.

Между прочим, вера Уиндэма в практически неограниченную сопротивляемость человеческого сообщества напастям ведет родословную от великих предшественников-классиков — Жюля Верна и Герберта Уэллса. А если говорить о соотечественниках, то на память приходит еще и Артур Конан Дойл с его романом «Отравленный пояс».

«Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит, что-то неладно...» Одной этой открывающей роман фразы, на мой вкус, хватит, чтобы накрепко привязать читателя. Чтобы тот уже не смог оторваться от книги до самой последней фразы: «А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли».

Магией привязывания читателя — без внешних эффектов, без словесной пиротехники — Джон Уиндэм, безусловно, владел.

С момента выхода в свет «Дня триффидов» имя писателя уже прочно ассоциировалось в сознании читателей и критиков с темой, наибольшее развитие получившей как раз на Британских островах. Можно определить ее как «глобальная катастрофа». Мэри Шелли с ее вторым (после знаменитого «Франкенштейна») романом — «Последний человек», «После Лондона» Ричарда Джеффриса, уже упоминавшийся «Отравленный пояс» Артура Конана Дойла; наконец, вполне катастрофические по духу главные романы Герберта Уэллса... Впечатляющий список, в котором достойное место заняли и книги Уиндэма.

Более традиционные варианты катастрофы — например, вторжение инопланетян — изображены писателем в двух других произведениях.

В романе «Кракен пробуждается» (1953; выходил также под названием «Из глубины») космические агрессоры сначала предусмотрительно заселяют океан и растапливают полярные шапки — с целью, надо сказать, предельно прагматической: расчистить себе требуемое «жизненное пространство».

А в «Мидвичских кукушках» (1957), выходивших также под названием «Деревня проклятых», инопланетяне «бесконтактно» (в духе библейского архангела Гавриила) оплодотворяют всех женщин в ничем не примечательной английской деревне. Правда, на сей раз иная цивилизация не имеет никаких агрессивных намерений; агрессорами и ксенофобами оказываются сами земляне, уничтожающие родившееся потомство сверхчеловеков...

Та же судьба может постигнуть и других вундеркиндов — на сей раз наделенных телепатией мутантов из романа «Перерождение» (1955). Этот роман более известен у нас под другим названием — «Куколки» (отдельные критики называли книгу Уиндэма даже «Хризалидами», что по-латыни — chrysalid — и означает, собственно, биологическую куколку).

Действие отнесено далеко в будущее, в классический в научной фантастике «постатомный» пейзаж на радиоактивном пепелище. В редких общинах случайно выживших царит новое Средневековье: возрождены давние предрассудки против чужих, непохожих, отклоняющихся от нормы. Рождающихся время от времени детей-мутантов ждет неизбежная смерть, а норма, обыденный стандарт возведен в своего рода религиозный канон. Герои романа испытывают множество приключений, пока в своих внешне бесцельных странствиях не попадают в поле зрения других выживших — сумевших создать новую технику и сохранить старую человечность...

Почему с переводом этой книги так тянули в застойные советские годы, объяснять, думаю, не требуется.

На Западе же главные «романы-катастрофы» Джона Уиндэма пришлись по вкусу и массовому читателю, обожающему пощекотать себе нервы картинами чужих страданий, и критиков, увидевших в них продолжение традиций британской школы научной фантастики. При этом соотечественники писателя увидели в его фантастических книгах еще и отражение реальных страхов, окружающих их в жизни: распад и агонию некогда не знавшей себе равных Британской империи, первые намеки на экологическую катастрофу и общий тупик, куда все более очевидно заводила людей техногенная цивилизация...

А теперь нам придется отвлечься от литературного творчества английского писателя: история экранизаций его главных произведений не менее любопытна и поучительна.

Из двух романов, «День триффидов» и «Кукушки Мидвича», больше повезло второму.

Впервые его перенес на экран английский режиссер Вольф Рилла в 1960 году. Фильм назывался «Деревня проклятых» и в целом сохранил — что необычно для научно-фантастического кино! — сюжетную канву романа. Однако только на первых порах: в фильме гештальт-сообщество детей-мутантов — часть зловещего плана порабощения нашей планеты. Режиссер отдал дань модной в фантастическом кино паранойе на тему «пятой

колонны»: в романе Уиндэма определенная уверенность в изначальном зле, которое будто бы несли в себе космические подкидыши, отсутствовала... Кино же заканчивается вполне просчитываемым в заданных обстоятельствах трагическим финалом: когда цель эксперимента с мидвичскими «кукушатами» становится очевидной для героя картины, тому ничего другого не остается, как раздобыть динамит и героически взорвать себя вместе с дьявольским отродьем.

Этот достаточно традиционный для англо-американской science fiction 50-х сюжет мог бы послужить основой для очередного «ужастика», однако режиссер, следуя духу прозы Уиндэма, свел все к ужасам скорее психологическим, чем физиологическим. Странные и жуткие «взрослые дети» с отстраненно-холодными, светящимися, как у кошек, глазами действительно могут внушить ужас — особенно зрителю, начитавшемуся той самой science fiction 50-х! Во всяком случае, если и был в кинофантастике той поры аутентичный образ космического Чужого — не обязательно монстра, но, безусловно, чуждого и пугающего, — то это, без сомнения, дети-телепаты из «Деревни проклятых».

Однако постановщик пошел дальше, превратив триллер-страшилку в добротную психологическую драму. Дело в том, что герой-ученый, принявший решение уничтожить неведомых «прогрессоров» (сегодня невозможно смотреть этот старый фильм, не проводя параллелей с более поздней аналогичной драмой в фантастике уже отечественной — вспомним конфликт Абалкина и Сикорски!), был их другом. Хотел им искренне помочь... Ясно, что решение взорвать не «объекты контакта», не «мостик» к иной космической цивилизации — просто детей, пусть и необыкновенных! — далось герою фильма не без нравственных мук. Каковые еще и отягощены новым обстоятельством: секрет того, как эффективнее всего уничтожить «вражью пятую колонну» — или просто невинных детишек? — ученый тайно «выкрал» из сознания самих же космических вундеркиндов...

В 1964 году вышел фильм режиссера Антона Лидера «Дети проклятых», представлявший собой не сиквел (как можно было предположить, исходя из названия), а фактически новую версию того же самого романа Уиндэма. На сей раз сюжет картины далеко отстоит от литературного первоисточника. Изменился и основной драматический конфликт — причем в сторону нетривиальную. Постановщик перенес действие в Лондон, в

специальный исследовательский центр ЮНЕСКО, куда со всех континентов тайно собрали шестерку детей со странными телепатическими способностями. Маленькие пациенты вызывают у исследующих их ученых (и у зрителей) куда большую симпатию, чем в первом фильме, где они все время оставались хоть маленькими, но чудовищами. Теперь же это — просто дети, несмотря на все их сверхспособности; и их гибель уже не может быть оправдана соображениями «планетарной безопасности».

В этом фильме инопланетных (да и кто сказал, что они заброшены на Землю из космоса?) подкидышей убивают просто потому, что люди не в силах совладать со своими иррациональными страхами и фобиями перед чужим, неведомым. Убивают, даже как следует не убедившись, существует ли на самом деле этот дьявольский план вторжения — или всего лишь привиделся в кошмарном сне...

Аллегория в фильме Лидера очевидна до тошноты — но от того не теряет убедительности. И актуальности. Кому оценить ее по достоинству, как не нам, сегодняшним зрителям: когда ни ума, ни терпения для решения проблемы не хватает, в ход идет пресловутая артиллерийская «зачистка». Зачищают не врагов — саму проблему!

К сожалению, данная картина снята почти аскетично (в смысле финансовых затрат) и в этом намного уступает своей предшественнице. Поэтому в зрительской памяти остался скорее первый фильм, а с ним — и расхожий миф о космической угрозе, заговоре и тому подобной чепухе. Жаль... Вторая попытка, если судить с позиций научной фантастики, а не постановочных эффектов, выглядит куда более нетривиальной и драматичной.

Что касается стопроцентно американского римейка 1995 года, также названного «Деревней проклятых», то у режиссера Джона Карпентера, судя по всему, как раз с финансами-то проблем не было. Да и 90-е годы, если говорить о технике съемки и спецэффектах, далеко ушли от романтических «картонных» 60-х. Однако и решено в данном случае все истинно по-американски — в лоб: «хороший Чужой — мертвый Чужой».

На сей раз ни о каких инопланетных «архангелах Гавриилах» речь, судя по всему, не идет — сюжет полностью решен в стилистике и традициях жанра horror. Загадочный туман накрывает городок (естественно, американский), после чего у десяти женщин рождаются странные детишки, которые на повер-

ку оказываются самыми настоящими демонами, обладающими властью над мыслями окружающих. И все — далее начинается кровавая, натуралистичная, как во всех фильмах Карпентера, борьба с чудовищами. Заканчивается она тем, что их всех поодиночке перебивают. Хэппи-энд. Только при чем здесь Уиндэм?

Не менее драматична история экранизации другого классического романа — «День триффидов».

Фильм 1963 года, снятый английскими режиссерами Стивом Секели (его имя почему-то отсутствует в титрах) и Фредди Френсисом, внешне также представляет собой добросовестный и обстоятельный пересказ литературного первоисточника. Кроме того, картину не назовешь малобюджетной — в ней присутствуют и спецэффекты, и недурная для своего времени анимация. Но... результат получился обескураживающим, и причина неудачи, по словам английского критика Джона Клюта, в том, что режиссеры «не имели ни малейшего понятия, для чего нужна научная фантастика и как она работает».

Герои картины без конца проповедуют — друг другу и зрителям, а также заняты выяснением отношений (по вялости и занудству любовная линия уступает только научно-фантастической). А главный драматический конфликт романа — мир под властью триффидов и попытки горстки уцелевших заново отстроить цивилизацию, разрушенную в результате глобальной катастрофы — остался как бы на обочине. Время от времени постановщики вспоминают, что на Земле, кроме обреченных (тех, кого метеорный дождь ослепил и сделал беззащитными перед растениями-хищниками) и горстки зрячих, способных сопротивляться агрессивной флоре, есть еще и сами триффиды! Загадочные мутировавшие растения, успешно решающие для себя проблему Liebensraum — «жизненного пространства»...

Когда о триффидах неожиданно вспоминают, камера, не жалея времени, смакует их со всех сторон, благо бригада художников и аниматоров постаралась на славу. А потом режиссеры, словно отработав обязательный номер на потребу любителям фантастики, снова погружаются с головой в хитросплетения любовной интриги: ясно, что она их интересует куда больше.

Любопытно, что одноименный английский телесериал (6 получасовых эпизодов, показанных по Би-би-си в 1981 году) вышел намного интереснее, живее, умнее своей киноверсии, нарушив очевидную тенденцию, связанную с количественным

расширением аудитории: киноэкранизация глупее и примитивнее соответствующей книги, а телеверсия — еще глупее, чем кино...

По крайней мере в телесериале присутствует то, ради чего, хотелось бы верить, писал свой роман Уиндэм: злоключения всей нашей спесивой и беззаботной цивилизации, неожиданно поставленной на грань выживания. Слепое человечество становится легкой добычей новых обстоятельств (в фильме их символизируют триффиды), а прозрение во всех смыслах дается нелегко.

А теперь вернемся к литературе.

Книги Джона Уиндэма никогда не становились литературной или масс-литературной сенсацией, не завоевывали премий и не вызывали скандал или же культовое поклонение. Но они всегда переиздавались, включались в школьные и университетские курсы литературы — и неизменно присутствовали в списках самых представительных образчиков фантастической литературы XX века.

Все это в равной мере относится к главным романам, о которых шла речь выше. Другие книги писателя, по общему мнению, значительно уступают им, но также представляют интерес.

Это прежде всего цикл связанных между собой новелл об освоении космоса — тот самый «Толчок вовне» (1959), подписанный «соавторами» Уиндэмом и Парксом, о котором говорилось в самом начале. А кроме того, роман «Проблема с лишайником» (1960), в котором врачи и политики вынуждены держать в тайне открытый учеными эликсир бессмертия (ибо легко представить, что произойдет, если о нем узнают до массового производства снадобья); еще одна история юного супермена, наделенного экстрасенсорными способностями, — короткий роман «Чокки» (1968); и наконец, посмертно изданная «Паутина» (1979).

Однако Уиндэм завоевал еще и репутацию мастера короткой формы. Многие его рассказы и повести, составившие сборники «Джиззл» (1954), «Рассказы о гусятине и насмешнике» (1956), «Семена времени» (1956), «Посмотрим, как ей это удастся» (1961; выходил также под названием «Бесконечный момент») и другие, ныне справедливо причислены к классике.

Среди них особенно выделяются различные путевые дневники путешественников во времени, на себе испытавших специфические парадоксы — хроноклазмы (типа: что произойдет,

если герой в прошлом убьет своего прадедушку или соблазнит прабабушку?). Между тем многие ли знатоки фантастики в курсе, что и этот ставший привычным неологизм изобретен не кем иным, как Уиндэмом? Я напомню лишь некоторые рассказы, хорошо известные по переводам: «Видеорама Пооли», «Странная история», «Хроноклазм».

И уж если речь пошла о парадоксальности мышления автора, то ее, на мой взгляд, лучшим образом демонстрирует саркастический рассказ «Контур сострадания» (на русский язык переведен как «Исчезнувший робот»). В этой новелле Уиндэм делает изящный реверанс в сторону коллеги Азимова: верный робот-слуга, не в силах более глядеть на мучения хозяев, в полном следовании Первому Закону Роботехники избавляет несчастных от постоянных источников этих мучений — их бренных и болезненных тел...

После триумфа своих главных романов 50-х годов Уиндэм не прекращал писать, хотя и с меньшей интенсивностью и, увы, далеко не столь успешно. По стандартам западного книжного рынка он вообще создал на удивление мало: каких-то неполных 20 книжек за три десятка лет.

И жизнь прожил какую-то несуетную и отчужденную. Настолько неяркую, что о ней вообще мало что известно.

Достаточно сказать, что единственный сын своих родителей Джон Бейнон Харрис собственной семьи не сподобился создать аж до наступления седьмого десятка! Да-да, он впервые надумал жениться, предусмотрительно спраздновав 60-летний юбилей. Впрочем, его браку с Грейс Уилсон не суждено было продлиться долго.

Не случайно именно Уиндэму принадлежит одна из самых резких и язвительных «женских утопий» (фактически — жесткая антиутопия) в западной фантастике — повесть «Посмотрим, как ей это удастся» (1956). В ней изображена ситуация, когда все мужское население вымерло и представительницам прекрасного пола теперь никто не мешает устроить жизнь «правильно». На деле, разумеется, получается еще больший кошмар, чем при прошлой цивилизации, когда везде доминировали мужчины. Не сомневаюсь, доживи писатель до наших дней, его за подобные выпады сегодняшние одержимые феминистки просто распяли бы...

К счастью, до всеобщего экстремизма сегодняшних дней Джон Уиндэм не дожил. Его последний опубликованный рассказ назывался программно оптимистично: «Жизнь отложена».

Рассказ вышел в 1968 году, а 11 марта 1969-го 66-летний ветеран английской фантастики умер у себя дома в Петерсфилде — в том самом городе, где когда-то ходил в школу.

Джон Уиндэм оставив после себя книги, которые не устаревают. И славу, которая никогда не вспыхивала ярко — как фейерверк. Вместо этого она и по сей день горит ровно и камерно — как свеча.

Вл. ГАКОВ

День триффидов

ГЛАВА 1
НАЧАЛО КОНЦА

Если день начинается воскресной тишиной, а вы точно знаете, что сегодня среда, значит, что-то неладно.

Я ощутил это, едва проснувшись. Правда, когда мысль моя заработала более четко, я засомневался. В конце концов, не исключалось, что неладное происходит со мной, а не с остальным миром, хотя я не понимал, что же именно. Я недоверчиво выжидал. Вскоре я получил первое объективное свидетельство: далекие часы пробили, как мне показалось, восемь. Я продолжал вслушиваться напряженно и с подозрением. Громко и решительно ударили другие часы. Теперь уже сомнений не было: они размеренно отбили восемь ударов. Тогда я понял, что дело плохо.

Я прозевал конец света, того самого света, который я так хорошо знал на протяжении тридцати лет; прозевал по чистой случайности, как и другие уцелевшие, если на то пошло. Так уж повелось, что в больницах всегда полно людей, и закон вероятности сделал меня одним из них примерно неделю назад. Легко могло получиться, что я попал бы в больницу и две недели назад; тогда я не писал бы этих строк — меня вообще не было бы в живых. Но игрою случая я не только оказался в больнице именно в те дни, но притом еще мои глаза, да и вся голова, были плотно забинтованы, и кто бы там ни управлял этими «вероятностями», мне остается лишь благодарить его.

Впрочем, в то утро я испытывал только раздражение, пытаясь понять, что за чертовщина происходит в мире, потому что

за время своего пребывания в этой больнице я успел усвоить, что после сестры-хозяйки часы здесь пользуются самым большим авторитетом.

Без часов больница бы просто развалилась. Каждую секунду по часам справлялись, кто когда родился, кто когда умер, кому принимать лекарство, кому принимать еду, когда зажигать свет, когда разговаривать, когда работать, спать, отдыхать, принимать посетителей, одеваться, умываться — в частности, часы предписывали, чтобы меня начинали умывать и приводить в порядок точно в три минуты восьмого. Это было одной из главных причин, по которой я предпочел отдельную палату. В общих палатах эта канитель начиналась зачем-то на целый час раньше. Но вот сегодня часы разных степеней точности уже отбивали по всей больнице восемь, и тем не менее ко мне никто не шел.

Я терпеть не могу обтирания губкой; процедура эта представлялась мне совершенно бессмысленной, поскольку проще было бы водить меня в ванную, однако теперь, когда губка так запаздывала, мне стало не по себе. Помимо всего прочего, губка обыкновенно предшествовала завтраку, а я чувствовал голод.

Вероятно, такое положение огорчило бы меня в любое утро, но сегодня, в эту среду восьмого мая, должно было произойти особенно важное для меня событие, и я вдвойне жаждал поскорее разделаться со всеми процедурами: в этот день с моих глаз собирались снять бинты. Я не без труда нащупал кнопку звонка и задал им трезвону на целых пять секунд, просто так, чтобы дать им понять, что я о них думаю.

В ожидании возмездия, которое неминуемо должна была повлечь за собой такая выходка, я продолжал прислушиваться.

И тогда я осознал, что тишина за стенами моей палаты гораздо более странная, нежели мне показалось вначале. Это была более глубокая тишина, чем даже по воскресеньям, и мне снова и снова пришлось убеждать себя в том, что сегодня именно среда, что бы там ни случилось.

Я никогда не был в состоянии объяснить себе, почему учредители госпиталя Св. Меррина решили воздвигнуть это заведение на перекрестке больших улиц в деловом квартале и тем самым обрекли пациентов на вечные терзания. Правда, для тех счастливцев, чьи недуги не усугублялись ревом и громом уличного движения, это обстоятельство имело те преимущества, что они, даже оставаясь в постелях, не утрачивали, так сказать, свя-

зи с потоком жизни. Вот громыхают на запад автобусы, торопясь проскочить под зеленый свет; вот поросячий визг тормозов и залповая пальба глушителей удостоверяют, что многим проскочить не удалось. Затем стадо машин, дожидавшихся на перекрестке, с ревом и рыканьем устремляется вверх по улице. Время от времени имеет место интерлюдия: раздается громкий скрежещущий удар, вслед за которым на улице образуется пробка — ситуация, в высшей степени радующая человека в моем положении, когда он способен судить о масштабах происшествия исключительно по обилию вызванной этим происшествием ругани. Разумеется, ни днем, ни ночью у пациента Св. Меррина не было никаких шансов вообразить себе, будто обычная жизнь прекратила течение свое потому только, что он, пациент, временно выбыл из игры.

Но этим утром все изменилось. Необъяснимо и потому тревожно изменилось. Не громыхали колеса, не ревели автобусы, не слышно было ни одного автомобиля. Ни тормозов, ни сигналов, ни даже стука подков — на улицах еще время от времени очень редко появлялись лошади. И не было слышно множественного топота людей, обычно спешащих в это время на работу.

Чем дольше я вслушивался, тем более странным все представлялось и тем меньше мне нравилось. Мне кажется, я слушал минут десять. За это время до меня пять раз донеслись неверные шаркающие шаги, трижды я услыхал вдали нечленораздельные вопли и один раз истерический женский плач. Не ворковали голуби, не чирикали воробьи. Ничего, только гудел в проводах ветер...

У меня появилось скверное ощущение пустоты. Это было то самое чувство, которое охватывало меня в детстве, если я начинал фантазировать, будто по темным углам спальни прячутся призраки; тогда я не смел выставить ногу из страха, что кто-то протянется из-под кровати и ухватит меня за лодыжку; не смел даже протянуть руку к выключателю, чтобы кто-то не прыгнул на меня, едва я пошевелюсь. Теперь мне снова пришлось бороться с этим ощущением, как я боролся с ним когда-то ребенком в темной спальне. Просто поразительно, какие мы еще дети, когда дело доходит до испытаний такого рода. Оказывается, древние страхи все время шагали рядом со мной, выжидая удобного момента, и вот этот момент наступил — и все потому только, что мои глаза закрыты бинтами и прекратилось уличное движение...

Я взял себя в руки и попробовал рассуждать логически. Почему прекращается уличное движение? Обычно потому, что улицу перекрывают для ремонтных работ. Все очень просто. В любой момент на сцене могут появиться пневматические молотки, которые внесут разнообразие в слуховые впечатления многострадальных пациентов.

Но у логики есть один недостаток: она не останавливается на полпути. Она немедленно подсказала мне, что шума уличного движения нет даже вдали, что не слышно ни гудков электричек, ни сирен буксиров. Не слышно было решительно ничего, пока часы не начали отбивать четверть девятого.

Искушение посмотреть — бросить всего-навсего один взгляд краешком глаза, не больше, просто составить какое-то представление о том, что же, черт побери, происходит, — было огромно. Но я обуздал его. Во-первых, легко сказать: бросить один взгляд. Для этого мне пришлось бы не просто приподнять повязку, а размотать множество прокладок и бинтов. Но, что самое важное, я боялся. После недели полной слепоты не вдруг наберешься храбрости шутить шутки со своим зрением. Правда, снять с меня бинты было решено именно сегодня, но это собирались сделать при специальном сумеречном свете, причем мне разрешили бы остаться без бинтов лишь в том случае, если бы обследование показало, что с глазами у меня все в порядке. Я не знал, в порядке ли мои глаза. Могло оказаться, что зрение испорчено. Или что я вообще ослеп. Я ничего не знал...

Я выругался и снова нажал на кнопку звонка. Это доставило мне некоторое облегчение.

Никто, по-видимому, звонками не интересовался. Во мне поднималось раздражение, такое же сильное, как тревога. Унизительно, конечно, пребывать от кого-то в зависимости, но куда более скверно, когда зависеть не от кого. Терпение мое истощилось. Необходимо что-то предпринять, решил я.

Если я заору в коридор и вообще начну скандалить, то кто-нибудь обязательно явится — хотя бы для того, чтобы обругать меня. Я отбросил простыню и вылез из кровати. Я ни разу не видел своей палаты, и хотя на слух я довольно точно представлял себе, где находится дверь, найти ее оказалось вовсе не просто. Несколько непонятных и ненужных препятствий встретилось мне на пути, я ушиб палец на ноге и ободрал голень, но мне удалось пройти через палату. Я высунул голову в коридор.

— Эй! — закричал я. — Дайте мне завтрак! В палату сорок восемь!

Секунду стояла тишина. Затем послышался рев голосов, вопивших одновременно. Казалось, их были сотни, и нельзя было различить ни единого слова. Как будто я включил запись шума толпы, причем толпы, настроенной очень воинственно. У меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, меня, пока я спал, переправили в дом умалишенных, что здесь не госпиталь Св. Меррина. Эти голоса просто не могли принадлежать нормальным людям. Я торопливо захлопнул дверь, чтобы оградить себя от этого столпотворения, и ощупью вернулся на кровать. В этот момент кровать представлялась мне единственным безопасным и спокойным местом во всем жутком мире. И словно в подтверждение этого в палату ворвался новый звук, и я замер с простыней в руках. С улицы донесся вопль, дикий и отчаянный, от которого кровь застыла у меня в жилах. Он повторился трижды, и когда он затих, мне все еще казалось, что он звенит в воздухе.

Я содрогнулся. Я чувствовал, как щекочут мой лоб под бинтами струйки пота. Теперь я знал, что происходит нечто страшное. И я не в силах был больше выносить одиночество и беспомощность. Я должен был знать, что вокруг меня происходит. Я поднял руки к бинтам — мои пальцы коснулись булавок, и тут я остановился...

Что, если лечение было неудачным? Что, если я сниму бинты и окажется, что я слепой? Тогда будет еще хуже, во сто крат хуже...

Я уронил руки и лег на спину. Я злился на себя и больницу, и я произнес несколько глупых беспомощных ругательств.

Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрел способность рассуждать последовательно. Я вдруг осознал, что снова ищу возможность объяснения происходящему. Объяснений я не нашел. Зато я окончательно убедился, что сегодня среда, какая бы там чертовщина ни происходила. Ибо вчерашний день был весьма примечателен, а я мог поклясться, что после него прошла всего одна ночь.

В хрониках вы прочтете, что во вторник, седьмого мая, Земля в своем движении по орбите прошла через облако кометных осколков. Вы можете даже поверить в это, если вам угодно, ведь поверили же миллионы людей. Возможно, так оно и было в самом деле. Я не могу привести доказательства ни «за», ни

«против». Я не был в состоянии увидеть, что происходило; но у меня есть на этот счет кое-какие мысли. По-настоящему я знаю только то, что я провел вечер в кровати, выслушивая свидетельства очевидцев о небесном явлении, которое было провозглашено самым поразительным в истории человечества.

Между прочим, пока оно не началось, никто ни слова не слыхал о предполагаемой комете или об ее осколках...

Не знаю, для чего понадобился радиорепортаж об этом, когда и так все, кто мог ходить, ковылять на костылях и передвигаться на носилках, были под открытым небом или возле окон, наслаждаясь зрелищем самого грандиозного из даровых фейерверков. Тем не менее радиокомментатор болтал не умолкая, и это с особенной силой заставило меня прочувствовать, как это тяжко — быть слепым. Я решил, что, если лечение окажется неудачным, я лучше покончу с собой.

Днем в выпусках сообщалось, что предшествующей ночью в небе над Калифорнией наблюдались какие-то яркие зеленые вспышки. В Калифорнии обычно происходит столько всякой всячины, что вряд ли кто-нибудь принял это сообщение всерьез, однако сообщения продолжали поступать, возникла версия о кометных осколках, и эта версия восторжествовала.

Из всех районов Тихого океана приходили описания ночи, озаренной блеском зеленых метеоров. В описаниях говорилось: «Метеоры падают такими обильными потоками, что кажется, будто само небо крутится вокруг нас». Да так оно и должно было быть, наверное.

По мере того как линия ночи передвигалась к западу, яркость зрелища отнюдь не ослабевала. Отдельные зеленые вспышки стали видны еще до наступления темноты. Диктор, комментировавший это явление в шестичасовом выпуске вечерних новостей, заметил, что оно создает помехи радиоприему на коротких волнах, но что на средние волны, на которых ведется настоящая передача, и на телевидение оно влияния не оказывает. Он назвал это явление потрясающей картиной и настоятельно советовал не упустить случая полюбоваться ею. Он мог бы не затруднять себя советами. По тому, как взбудоражены были все в больнице, я мог судить, что случая полюбоваться потрясающей картиной не упустит никто, кроме меня.

И словно мне мало было болтовни диктора, просвещать меня сочла своим долгом также и нянечка, которая принесла мне ужин.

— Небо просто кишит падучими звездами, — сказала она. — Все они зеленые и яркие. От них лица такие страшные, как у мертвецов. Все на улицах, там сейчас светло, как днем, только что цвет другой. Иногда падают такие большие звезды, что глазам больно. Волшебное зрелище. Говорят, раньше никогда такого не было. А жалко, что вам нельзя этого видеть, правда?

— Правда, — сказал я несколько резко.

— Мы во всех палатах подняли шторы, все больные смотрят, — продолжала она. — Если бы не эти бинты, вы все увидели бы прямо отсюда.

— О, — сказал я.

— А на улице видно еще лучше. В парках и в Хите, говорят, собрались тысячи людей, стоят и глядят. И на всех плоских крышах тоже люди, все смотрят вверх...

— Не слыхали, сколько это будет продолжаться? — терпеливо спросил я.

— Нет, не слыхала. Говорят, правда, что сейчас они уже не такие яркие, как в других местах. Только знаете что? Даже если бы вам сегодня сняли эти бинты, смотреть все равно не разрешили бы. Глаза сначала надо будет беречь, а некоторые звезды такие яркие. Они... У-ух!

— Что — ух? — спросил я.

— Какая сейчас была яркая, вся палата сделалась зеленой. Право, так жалко, что вам нельзя этого видеть.

— Действительно, — согласился я. — А теперь, милочка, ступайте отсюда.

Я попробовал слушать радио, но оно издавало все те же «ухи» и «ахи» вперемежку с пошлыми благоглупостями о «величественном зрелище» и «уникальном явлении», и так было, пока у меня не появилось ощущение, будто для всего мира дается бал, на который не пригласили только меня одного.

Выбора у меня не было, так как в больнице радио передавало только одну программу: хочешь — слушай, хочешь — нет. Через некоторое время я стал догадываться, что спектакль пошел на убыль. Диктор посоветовал всем, кто еще не видел, немедленно пойти и увидеть, чтобы не жалеть потом всю жизнь.

Основная идея состояла, видимо, в том, чтобы убедить меня, что я упустил ту самую возможность, ради которой родился на свет. В конце концов мне это надоело, и я выключил радио. Последнее, что я слышал, было сообщение о том, что зрелище быстро идет к концу и что мы, вероятно, через час-другой выйдем из зоны обломков.

Все это происходило вчера вечером, в этом не было никакого сомнения. Прежде всего, случись это раньше, я был бы куда более голоден, чем сейчас. Ладно, но что же тогда все это значит? Неужели вся больница, весь город праздновали эту ночь так, что до сих пор не могут очухаться?

Тут рассуждения мои были прерваны хором часов, близких и далеких, которые начали отбивать девять.

В третий раз я принялся терзать звонок. И пока я лежал в ожидании, мне послышалось, будто за дверью кто-то возится. Это было что-то вроде всхлипываний, шуршаний и шарканий, время от времени заглушаемых отдаленными криками.

Но в палату ко мне никто не вошел.

К этому времени мне было уже совсем плохо. Жуткие детские фантазии вновь овладели мною. Я напряженно ждал, что вот-вот отворится невидимая дверь и чудовищные призраки обступят меня. Я не был даже уверен, что кто-то или что-то не находится уже здесь, рядом, и не крадется неслышным шагом через палату...

Не могу сказать, что я вообще подвержен подобным штукам. Во всем виноваты проклятые бинты у меня на глазах и страшные крики в коридоре, отозвавшиеся на мой зов. Мною овладели призраки, а когда призраки овладевают человеком, сладить с ними трудно. Их уже не прогонишь веселым свистом или мурлыканьем песенки себе под нос.

Передо мной наконец в упор встал вопрос: что для меня страшнее — рискнуть зрением и снять бинты или оставаться во мраке со своими призраками?

Не знаю, что бы я сделал, случись это двумя днями раньше — возможно, то же самое, — но в этот день я по крайней мере мог сказать себе: «Ладно, провались оно все, обратимся к здравому смыслу. Ведь бинты все равно должны были снять сегодня. Рискну».

Одно обстоятельство делает мне честь. Я не настолько ополоумел от страха, чтобы сорвать с себя бинты немедленно. У меня достало здравого смысла и присутствия духа сначала встать с постели и опустить шторы. И только после этого я взялся за булавки.

Когда я снял повязки и обнаружил, что вижу в полутьме, я ощутил такое облегчение, какого не знал никогда раньше. Затем, убедившись, что ни злоумышленников, ни привидений нет ни под кроватью, ни вообще в палате, я первым делом подта-

щил к двери кресло и подпер им дверную ручку. После этого я почувствовал себя более уверенно. Я заставил себя привыкать к дневному свету постепенно, и на это у меня ушел целый час. К исходу этого часа я точно знал, что благодаря своевременной первой помощи и умелому лечению глаза мои видят так же хорошо, как прежде. Но никто ко мне не приходил.

На нижней полке тумбочки я обнаружил темные очки, заботливо приготовленные для меня. Из осторожности я надел их и только тогда подошел к окну. Нижняя часть его не открывалась, так что поле зрения было ограниченно. Засматривая вниз и по сторонам, я увидел на улице двух-трех человек, которые брели вдалеке странной неуверенной походкой, словно не зная, куда направиться. Но больше всего — и сразу же — меня поразила резкая и отчетливая видимость; даже отдаленные здания за крышами напротив вырисовывались необыкновенно ясно и четко. И тогда я заметил, что в городе не дымит ни одна труба...

Мой костюм был аккуратно повешен в шкафу. Когда я оделся, то почувствовал себя совсем хорошо. В портсигаре оказалось несколько сигарет. Я закурил и понемногу начал видеть мир совсем в ином свете: все казалось мне по-прежнему очень странным, но я уже сам не понимал, как это я поддался панике.

В наши дни не так-то просто вернуться к прежнему взгляду на вещи. Теперь каждый должен уметь рассчитывать во всем на себя. А тогда все было так регламентировано, так переплетено... Каждый столь неукоснительно играл свою маленькую роль, что нетрудно было принять привычку и обычай за закон природы, и когда установленный порядок как-нибудь нарушался, это влекло за собой серьезные последствия.

Если вы прожили половину жизни с определенными представлениями, то изменить их за пять минут невозможно. Оглядываясь назад, на тогдашний мир, я удивляюсь и даже как-то злюсь из-за того, что мы так мало знали и не хотели знать о своей повседневной жизни. Я практически ничего не знал, например, о том, как поступают ко мне продукты питания, откуда берется чистая вода, как ткут и шьют мою одежду, каким образом канализация содержит города в чистоте и о других обыкновенных вещах. Наша жизнь представляла собой сложное взаимодействие специалистов, которые справлялись со своими обязанностями более или менее эффективно и требовали того же от остальных. Вот почему мне не верилось, что больница дезорганизована полностью. Я был уверен в том, что кто-то где-то

продолжает держать ее в руках — только, к сожалению, этот кто-то совершенно забыл о палате сорок восемь.

Тем не менее, когда я все-таки снова подошел к двери и выглянул в коридор, мне пришлось признать, что дезорганизация коснулась не только единственного обитателя сорок восьмой палаты.

В коридоре не было ни души, хотя я слышал в отдалении приглушенный шум голосов. Слышались шаркающие шаги, время от времени в пустоте коридоров отдавалось эхо громкого выкрика, но не было ничего похожего на сумасшедший рев, который так напугал меня. На этот раз кричать я не стал. Я осторожно переступил через порог. Почему осторожно? Не знаю. Просто было вокруг что-то настораживающее.

В гулком здании трудно определить, откуда доносятся звуки, но с одной стороны коридор кончался французским окном с матовыми стеклами, на которых лежала тень балконных перил, и я направился в другую сторону. За поворотом секция отдельных палат кончалась, и я очутился в более широком коридоре.

Сначала мне показалось, что в этом коридоре тоже нет никого, а затем, сделав несколько шагов, я заметил человеческую фигуру, выступившую из тени. Это был мужчина в белом халате, наброшенном поверх черной куртки и полосатых брюк. Я решил, что он один из штатных врачей больницы, только непонятно было, почему он так жмется к стене и пробирается словно на ощупь.

— Эй, послушайте, — сказал я.

Он мгновенно остановился. Его лицо, обращенное ко мне, было серым и испуганным.

— Вы кто? — спросил он неуверенно.

— Меня зовут Мэйсен, — ответил я. — Уильям Мэйсен. Я здешний пациент — сорок восьмая палата. Я вышел, чтобы узнать, почему...

— Вы зрячий? — быстро прервал он меня.

— Разумеется! Я снова превосходно вижу. Вылечили меня просто чудесно. Только ко мне все не приходили снять бинты, и я сделал это сам. Мне кажется, ничего худого в этом нет. Я взял...

Но он снова прервал меня:

— Пожалуйста, отведите меня в мой кабинет. Мне непременно нужно позвонить.

Я все еще не мог понять, в чем дело. Но этим утром меня сбивало с толку буквально все.

— Где это? — спросил я.

— Пятый этаж, западное крыло. На двери табличка «Доктор Сомс».

— Ладно, — сказал я с некоторым удивлением. — А где мы находимся сейчас?

Он помотал головой, его лицо напряглось и выразило крайнее раздражение.

— Да откуда мне знать, будь оно все проклято? — резко произнес он. — Глядите глазами, черт побери, вы же зрячий! Вы что, не видите, что я ослеп?

Нет, этого не было заметно. Его глаза были широко раскрыты и смотрели, как мне казалось, прямо на меня.

— Подождите минуту, — сказал я. Я отошел и огляделся. На стене напротив лифта я обнаружил большую цифру «5». Я вернулся и сказал ему об этом.

— Хорошо, — проговорил он. — Возьмите меня за руку. Когда выходишь из лифта, нужно свернуть направо. Затем первый коридор налево, третья дверь.

Я последовал его указаниям. Мы не встретили никого на своем пути. В кабинете я подвел его к столу и вложил ему в руку телефонную трубку. Несколько секунд он слушал. Затем он ощупью поискал на столе, нашел телефон и нетерпеливо постучал по рычагу. Выражение его лица медленно менялось. Раздражение и тревога исчезли. Он выглядел теперь просто усталым, очень усталым. Он положил трубку на стол. Несколько секунд он стоял молча и словно бы глядел прямо перед собой на противоположную стену. Затем он повернулся ко мне.

— Бесполезно, — сказал он. — Не работает. Вы еще здесь?

— Да, — ответил я.

Его пальцы ощупали край стола.

— Куда я обращен лицом? Где это проклятое окно? — спросил он вновь раздраженно.

— Прямо у вас за спиной.

Он повернулся и шагнул к окну, расставив руки. Он осторожно ощупал подоконник и край рамы, затем отступил назад. Прежде чем я понял, что он собирается делать, он с размаху всем телом ударился в стекло и выбросился наружу...

Я не стал смотреть. Все-таки это был пятый этаж.

Придя в себя, я тяжело повалился в кресло. Я взял из пачки на столе сигарету и закурил. Руки у меня тряслись.

Так я просидел несколько минут, стараясь подавить дурноту. Вскоре она прошла. Я вышел из кабинета и вернулся туда, где встретился с ним. Когда я добрался до этого места, я все еще чувствовал себя не совсем хорошо.

В дальнем конце коридора я заметил дверь в палату. Стеклянные створки были матовые, только на уровне глаз темнели прозрачные овалы. Я подумал, что в палате должна быть дежурная, которой можно сообщить о самоубийстве врача.

Я отворил дверь. В палате было темно. Вероятно, шторы опустили вчера вечером, когда окончился небесный спектакль, да так и не подняли.

— Нянечка! — позвал я.

— Нету ее здесь, — сказал мужской голос. — Ее здесь давно нету, уже несколько часов... Слушай, приятель, подними ты эти проклятущие шторы, что мы здесь в темноте валяемся. Ума не приложу, что это нынче стряслось с этой проклятущей больницей...

Я поднял шторы на ближайшем окне, и в палату ворвался столб яркого солнечного света. Это была хирургическая палата, в ней находились около двадцати лежачих больных. Большинство были с повреждениями ног, некоторые, кажется, с ампутированными конечностями.

— Ну что ты там возишься, приятель? — произнес тот же голос. — Поднимай же их.

Я повернулся и взглянул на говорившего. Это был смуглый дородный мужчина с обветренным лицом. Он сидел на постели лицом ко мне и к солнечному свету. Глаза его смотрели прямо на меня, и глаза его соседа, и глаза остальных...

Несколько секунд я молча глядел на них. Мне нужно было справиться с собой. Затем я сказал:

— Я... они... там что-то заело. Пойду поищу кого-нибудь, чтобы исправили.

С этими словами я вылетел из палаты.

Меня трясло, и мне хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. Я начинал понимать. Но поверить, что все, все до одного в этой палате ослепли, как тот врач, было невозможно. И тем не менее...

Лифт не работал, и я стал спускаться по лестнице. Этажом ниже я взял себя в руки и, набравшись смелости, заглянул в другую палату. Постели там были разбросаны.

Сперва мне показалось, что палата пуста, но это было не так... не совсем так. На полу лежали двое в ночном белье. Один был весь в крови, у другого был такой вид, словно его хватил удар. Оба были мертвы. Остальные ушли.

Вернувшись на лестницу, я понял, что большая часть отдаленных голосов, которые я слышал все время, доносились снизу; теперь они стали ближе и громче. Мгновение я колебался, но ничего другого мне не оставалось, как продолжать спускаться.

На следующем повороте я едва не упал, споткнувшись о тело, лежавшее поперек дороги. Ниже, на лестничной площадке, лежал еще один человек, который, видимо, тоже споткнулся, но не удержался на ногах и раскроил себе череп о каменные ступени.

В конце концов я добрался до последнего поворота, откуда мне открылся вестибюль. Вероятно, все, кто был способен передвигаться, инстинктивно бросились сюда — либо в надежде найти помощь, либо чтобы выбраться на улицу. Возможно, некоторые сумели выйти. Одна из парадных дверей была распахнута настежь, но большинство больных не могли найти ее. Это была плотная толпа мужчин и женщин, почти все в больничном ночном белье, медленно и беспомощно кружащаяся на месте. Тех, кто был на краю толпы, это движение безжалостно прижимало к мраморным углам и лепным украшениям. То один, то другой человек спотыкался, и если толпа позволяла ему упасть, то шансов подняться у него уже не было.

Все это было похоже... Вы видели картины Доре, изображающие грешников в аду? Но Доре не мог изобразить звуков: рыдания, стоны, вопли отчаяния.

Больше минуты или двух я выдержать не мог. Я бросился назад, вверх по лестнице.

Мне казалось, что я должен чем-нибудь помочь им. Может быть, вывести их на улицу. Во всяком случае, прекратить это чудовищное медленное движение по кругу. Но довольно было одного взгляда, чтобы понять, что мне не удалось бы пробраться к выходу и тем более повести их за собой. А если бы и удалось, что дальше?

Я сел на ступеньку и некоторое время сидел, сжимая голову руками, и ужасные крики и стоны все стояли у меня в ушах. Тогда я отправился на поиски и нашел другой путь. Это была узкая служебная лестница, которая вывела меня во двор через черный ход.

Возможно, эта часть рассказа не совсем удалась мне. Все было так неожиданно и так потрясло меня, что какое-то время я сознательно старался не вспоминать подробности. А тогда у меня было такое чувство, будто это кошмар, от которого я отчаянно, но тщетно пытаюсь пробудиться. Выходя во двор, я все еще не решался поверить в то, что видел.

Но в одном-то я был уверен совершенно. Реальность или кошмар, а мне хотелось выпить, как никогда в жизни.

В переулке за воротами не было ни души, однако почти напротив оказался кабачок. Я и сейчас помню, как он назывался: «Герой Аламейна». На железных крючьях над приоткрытой дверью висела вывеска с очень похожим изображением виконта Монтгомери.

Я ринулся прямо туда.

Когда я вошел в общий бар, меня на миг охватило покойное ощущение обыденности. Бар был прозаичен и знаком, как все бары.

Но хотя в этом помещении не было никого, что-то, несомненно, происходило в задней комнате. Я услыхал тяжелое дыхание. Хлопнула пробка. Пауза. Затем голос произнес:

— Джин, будь он неладен! К черту!

Зазвенело разбитое стекло. Послышался сдавленный смешок:

— Зеркало, кажись. На что теперь зеркала?

Хлопнула другая пробка.

— Опять проклятый джин, — обиженно сказал голос. — К черту джин!

На этот раз бутылка угодила во что-то мягкое, стукнулась об пол и покатилась, с бульканьем разливая содержимое.

— Эй! — позвал я. — Я бы хотел выпить.

Наступила тишина. Затем голос осторожно осведомился:

— Это кто там?

— Я из больницы. Я хотел бы выпить.

— Что-то не припоминаю вашего голоса. Вы зрячий?

— Да, — ответил я.

— Тогда лезьте через бар, доктор, ради Бога, и найдите мне бутылку виски.

— В таких делах я доктор, это верно, — сказал я.

Я перелез через бар и вошел в заднюю комнату. Там стоял пузатый краснолицый человек с седыми моржовыми усами, одетый в брюки и сорочку без воротничка. Он был изрядно пьян. Кажется, он раздумывал, открывать ли бутылку, которую он держал в руке, или запустить ею мне в голову.

— А ежели вы не доктор, то кто вы? — спросил он подозрительно.

— Я был пациентом... но выпить я хочу, как любой доктор, — ответил я и добавил: — У вас опять джин.

— Опять! Вот сволочь, — сказал он и отшвырнул бутылку. Она с веселым звоном вылетела в окно.

— Дайте-ка мне штопор, — сказал я.

Я взял с полки бутылку виски, откупорил ее и вручил ему вместе со стаканом. Себе я налил порцию крепкого бренди, долив немного содовой, затем еще одну порцию. После этого дрожь в моих руках несколько унялась.

Я взглянул на своего собутыльника. Он пил виски, не разбавляя, прямо из горлышка.

— Вы напьетесь, — сказал я.

Он остановился и повернул ко мне голову. Я мог бы поклясться, что его глаза видят меня.

— Напьюсь, сказали тоже! — произнес он презрительно. — Да я уже пьян, черт подери!

Он был настолько прав, что я не стал спорить. Секунду подумав, он объявил:

— Я должен стать еще пьянее. Гораздо пьянее. — Он придвинулся ко мне. — Знаете что? Я ослеп. Слепой, понимаете? Как летучая мышь. И все слепые, как летучие мыши. Кроме вас. Почему вы не слепой, как летучая мышь?

— Не знаю, — сказал я.

— Это все проклятая комета, разрази ее... Это она все наделала. Зеленые падучие звезды... и все теперь слепые, как мыши. Вы видели зеленые звезды?

— Нет, — признался я.

— В том-то и дело. Вы их не видели и потому не ослепли. Все другие их видели, — он выразительно помотал рукой, — и все ослепли, как мыши. Сволочная комета, вот что я скажу.

Я налил себе третью порцию бренди. Мне стало казаться, что в его словах что-то есть.

— Все ослепли? — повторил я.

— Ну да! Все. Наверное, все в мире. Кроме вас, — добавил он, подумав.

— Почему вы знаете?

— Да очень просто. Вы вот прислушайтесь, — предложил он.

Мы стояли рядом, опершись на бар в темном кабачке, и слушали. Ничего не было слышно — ничего, кроме шороха

грязной газеты, которую ветер гнал по пустой улице. И эта тишина включала в себя все, что было здесь забыто тысячу лет назад, а то и больше.

— Поняли? — сказал он. — Это само собой ясно.

— Да, — сказал я медленно. — Да. Теперь я понимаю.

Я решил, что пора идти. Я не знал куда. Но мне нужно было узнать как можно больше о том, что происходит.

— Вы здесь хозяин? — спросил я.

— Ну и что из этого? — сказал он, словно оправдываясь.

— Да ничего, просто я должен уплатить за три двойных бренди.

— А... плюньте вы.

— Но послушайте...

— Плюньте, вам говорят. И знаете почему? Потому что на кой дьявол мертвецу деньги? А я ведь мертвец... все равно что мертвец. Вот только выпью немного еще.

Для своих лет он выглядел весьма крепким мужчиной, и я сказал ему об этом.

— Зачем жить, если ты слепой, как мышь? — злобно отозвался он. — Моя жена так мне и сказала. И она была права... только она храбрее, чем я. Когда она узнала, что детишки тоже ослепли, она что сделала? Легла с ними в постель и открыла газ. Понятно? Только у меня духу не хватило с ними остаться. Жена у меня была храбрая, не то что я. Ничего, я тоже стану смелее. Я скоро вернусь к ним — вот только напьюсь как следует.

Что я мог ему сказать? Все, что я говорил, только злило его. В конце концов он ощупью нашел лестницу и скрылся наверху с бутылкой в руке. Я не пытался ни остановить его, ни следовать за ним. Я стоял и смотрел, как он уходит. Я вышел на безмолвную улицу.

ГЛАВА 2
ПОЯВЛЕНИЕ ТРИФФИДОВ

Это рассказ о событиях моей личной жизни. В нем упоминается огромное количество вещей, исчезнувших навсегда, и я не могу вести его иначе, чем употребляя слова, которыми мы имели обыкновение обозначать эти исчезнувшие вещи, так что они должны остаться в рассказе. А чтобы была понятна общая

обстановка, мне придется вернуться к более давним временам, чем день, с которого я начал.

Когда я был ребенком, наша семья — отец, мать и я — жила в южном пригороде Лондона. У нас был маленький дом, который отец содержал ежедневным добросовестным высиживанием за конторкой в департаменте государственных сборов, и маленький сад, в котором отец работал еще более добросовестно каждое лето. Мало что отличало нас от десяти или двенадцати миллионов других людей, населявших тогда Лондон и его окрестности.

Отец был одним из тех виртуозов, которые способны в один миг получить сумму целой колонки чисел — даже в тогдашних нелепых денежных единицах, — и потому, вполне естественно, по его мнению, меня ждала карьера бухгалтера. В результате моя неспособность дважды получить одинаковую сумму одних и тех же слагаемых представлялась отцу явлением загадочным и досадным. И мои преподаватели, пытавшиеся доказать мне, что ответы в математике получаются логически, а не путем некоего мистического вдохновения, один за другим отступались от меня в уверенности, что я не способен к вычислениям. Отец, читая мои школьные табеля, мрачнел, хотя во всех других отношениях, кроме математики, табеля выглядели вполне прилично. Думаю, его мысль следовала таким путем: нет способности к числам — нет понятия о финансах — нет денег.

— Право, не знаю, что с тобой будет. Что бы ты сам хотел делать? — спрашивал он.

И лет до тринадцати или четырнадцати я, сознавая полную свою никчемность, уныло качал головой и признавался, что не знаю.

Тогда отец тоже качал головой.

Для него мир резко делился на людей за конторками, занимавшихся умственной работой, и людей без конторок, умственной работой не занимавшихся и потому неумытых. Как он ухитрился сохранить такие воззрения, которые успели устареть за целый век до него, я не знаю, но они насквозь пропитали годы моего детства, и я только много позже осознал, что неумение обращаться с числами совсем не обязательно обрекает меня на жизнь дворника или судомойки. Мне в голову не приходило, что карьеру мне может обеспечить предмет, который интересовал меня больше всего, а отец тоже либо не замечал, либо не

обращал внимания на то, что мои отметки по биологии всегда были хорошими.

По-настоящему эта проблема была решена для нас появлением триффидов. Но триффиды сделали для меня гораздо больше. Они обеспечили меня профессией и дали возможность жить в достатке. Правда, несколько раз они едва не отняли у меня жизнь. С другой стороны, надо признаться, что они и сохранили ее, ибо именно ожог триффидом уложил меня на больничную койку, где я провел трагический «вечер кометных осколков».

В книгах содержится множество досужих рассуждений относительно внезапного появления триффидов. Большинство этих рассуждений — сплошной бред. Разумеется, триффиды не возникли самопроизвольно, как полагают некоторые простые души. Вряд ли справедлива и гипотеза, рассматривающая появление триффидов как некую разновидность пришествия — этакое знамение, предупреждающее о том, что грядет нечто худшее, если буйный мир не исправится и не станет вести себя прилично. И не из космоса попали к нам их семена в качестве образцов ужасающих форм жизни, населяющих иные, менее благополучные планеты. Я, во всяком случае, отлично знаю, что это не так.

Я узнал о них больше, чем кто бы то ни было, потому что триффиды стали моей специальностью, и фирма, в которой я служил, была тесно, хотя и не совсем честно, связана с их появлением в нашем мире. Тем не менее их истинное происхождение остается неясным. Мое собственное мнение, чего бы оно ни стоило, состоит в том, что триффиды появились в результате серии биологических экспериментов и, по всей вероятности, совершенно случайно. Те, кто знал их истинную генеалогию, не опубликовали ни одного авторитетного документа. Причиной этому было, несомненно, странное политическое положение в ту эпоху.

Мир, в котором мы тогда жили, был просторен, и большая его часть была открыта для любого из нас. Его опутывали шоссе, железные дороги и океанские линии, готовые перенести нас за тысячи миль в целости и сохранности. Если нам хотелось путешествовать быстрее и мы могли себе это позволить, мы путешествовали на самолетах. В те дни ни у кого не было нужды таскать с собой оружие и вообще принимать какие-либо меры предосторожности. Вы могли просто встать и отправиться куда вам угодно, и ничто не могло помешать вам, если не считать множества всяких анкет и правил. Сейчас этот одомашненный мир представляется утопией. Тем не менее таким он был.

Молодым людям, которые не знают его, трудно, должно быть, вообразить все это. Наверное, то время представляется им золотым веком, хотя оно далеко не было таковым. Иные могут решить, что подобный благоустроенный мир был скучен, и это тоже не так. Наша планета была довольно занятным местом — по крайней мере для биолога. С каждым годом мы понемногу отодвигали границу произрастания пищевых растений все дальше на север. Там, где всегда были тундры и пустоши, появлялись и давали обильные урожаи новые поля. Возвращались к жизни и покрывались зеленью древние пустыни. Дело в том, что пища была тогда нашей самой насущной проблемой и процесс восстановления посевных площадей и движение границ произрастания культурных растений вызывали у нас не меньше волнений, нежели движение военных фронтов у предыдущих поколений.

Это смещение интереса с мечей на орала было, вне сомнений, социальным прогрессом, но в то же время ошибались оптимисты, когда утверждали, что оно свидетельствует об изменении человеческой натуры. Человеческая натура оставалась прежней — девяносто пять процентов людей жаждали жить в мире, а остальные пять процентов только и ждали случая заварить какую-нибудь кашу. Затишье продолжалось лишь потому, что такого случая не представлялось.

Одним из факторов, которые удерживали милитаристские пять процентов от безобразных выходок, были искусственные спутники. Интенсивные исследования в области ракетной техники дали наконец результаты. Были запущены первые исследовательские спутники. Прошло какое-то время, и на орбитах появились боевые спутники, спутники-бомбы. Было очень неприятно сознавать, что над вашей головой крутятся в неизвестных количествах ужасные средства истребления, крутятся и крутятся себе спокойно, пока кто-то не нажмет кнопку. Еще неприятнее было сознавать, что сделать здесь ничего нельзя. Тем не менее жизнь должна была идти своим чередом, волей-неволей приходилось свыкаться с этой идеей, а новизна, как известно, живет очень недолго. Время от времени появлялись сообщения о том, что, кроме спутников с ядерными боеголовками, над нашими головами носятся спутники, начиненные гербицидами, эпизоотиками, радиоактивной пылью, инфекционными болезнями — новенькими, с иголочки, только что из лабораторий. Трудно сказать, действительно ли существовало это

ненадежное и по сути своей предназначенное для истребления без разбора оружие. Но надо иметь в виду, что границы человеческой глупости — особенно глупости, вызванной давящим страхом — определить трудно. И не исключено поэтому, что в каких-нибудь генеральных штабах набор вирусов, очень неустойчивых и делающихся безвредными уже через несколько дней, мог считаться стратегическим оружием. В конце концов страны заключили между собой молчаливое соглашение ничего не отрицать и не подтверждать относительно боевых спутников, и постепенно общественное мнение переключилось на не менее важную, но менее острую проблему нехватки продовольствия.

Именно в это время на исторической арене появился Умберто Кристофоро Палангец. Впрочем, его появление прошло совершенно незамеченным, и вряд ли те, кто не знал его лично, когда-либо догадывались о его существовании. Я, например, узнал о нем лишь годы спустя, когда уже работал в компании.

Умберто был латиноамериканцем. Его роль в мировом производстве продуктов питания началась с того момента, когда он вошел в контору «Арктической и Европейской компании рыбьих жиров» и показал там бутыль с бледно-розовым маслом.

В «Арктической и Европейской» не проявили никакого энтузиазма. Дела ее шли не совсем хорошо. Тем не менее со временем они все же удосужились подвергнуть оставленный образец анализу.

Прежде всего обнаружилось, что масло это не является рыбьим жиром: это было растительное масло неизвестного происхождения. Вторым откровением явилось то обстоятельство, что в сравнении с этим маслом лучшие рыбьи жиры казались дрянной машинной смазкой. Встревожившись, сотрудники «Арктической и Европейской» отправили остаток образца на более тщательное исследование и одновременно разослали торопливые запросы с целью выяснить, не появлялся ли мистер Палангец где-либо еще.

Когда Умберто пришел опять, директор-управляющий принял его с очень лестной обходительностью.

— Какое замечательное масло принесли вы нам, мистер Палангец, — сказал он.

Умберто наклонил черную лоснящуюся голову. Он и сам прекрасно знал это.

— Ничего подобного я в жизни не видел, — признался директор.

Умберто снова наклонил голову.

— Да, вы не видели, — вежливо сказал он. Затем, как бы после раздумья, он добавил: — Но это ничего, сеньор, я думаю, вы еще увидите. И в очень больших количествах. — Он опять подумал. — Оно появится на рынке, я думаю, лет через семь-восемь. — Он улыбнулся.

Директору это показалось невозможным. Он честно сказал:

— Оно лучше, чем наши рыбьи жиры.

— Мне так и говорили, сеньор, — согласился Умберто.

— Вы собираетесь торговать им сами, мистер Палангец?

Умберто снова улыбнулся:

— Разве тогда я показал бы его вам?

— Мы могли бы улучшить один из наших жиров синтетическим, — заметил директор задумчиво.

— При помощи некоторых витаминов... но синтез витаминов обойдется слишком дорого, даже если бы вы умели это, — тихо сказал Умберто. — Кроме того, — добавил он, — мне говорили, что это масло все равно с легкостью вытеснит ваши лучшие жиры.

— Гм, — сказал директор. — Ну хорошо, мистер Палангец. Полагаю, вы пришли к нам с предложением. Может быть, мы перейдем прямо к нему?

Умберто объяснил:

— Избавиться от этого затруднения можно двояко. Обычный путь — это предотвратить его или по крайней мере оттянуть до тех пор, пока не оправдает себя капитал, вложенный в существующее оборудование. Это, разумеется, наиболее приемлемый путь.

Директор кивнул. Он-то знал о таких вещах.

— Однако на этот раз я должен вам посочувствовать, потому что, видите ли, это невозможно.

Директор усомнился. Ему хотелось сказать: «Вы так думаете?» Но он подавил это желание и ограничился уклончивым: «О?»

— Другой путь, — продолжал Умберто, — это производить товар самому, пока не стряслось несчастье.

— А! — сказал директор.

— Я полагаю, — сказал Умберто, — мне кажется, я смог бы доставить вам семена этого растения, скажем, через шесть месяцев. Если бы вам пришлось выращивать это растение, вы смогли бы начать производство масла через пять лет или, возможно, полный урожай получился бы через шесть.

— Действительно, как раз вовремя, — заметил директор.

Умберто кивнул.

— Первый путь значительно проще, — сказал директор.

— Если бы он был осуществим, — согласился Умберто. — Но, к сожалению, ваш конкурент для вас недоступен или, скажем, он несокрушим.

Он произнес это утверждение с такой уверенностью, что директор в течение нескольких секунд внимательно глядел на него.

— Понятно, — сказал он наконец. — Хотелось бы знать... э-э... Вы не из Советского Союза, мистер Палангец?

— Нет, — сказал Умберто. — Как правило, я жил в странах западного мира. Но у меня есть различные связи...

Здесь уместно вспомнить, что русские прославились гигантскими работами по обводнению пустынь и степей и по созданию плодородных районов в своей северной тундре. Значительных успехов добилась и их биология, причем в этой области они, конечно, как и все другие государства, имели свои секреты.

— Подсолнечники, — сказал директор рассеянно, как бы размышляя вслух. — Мне случайно известно, что они там сумели увеличить выход подсолнечного масла. Но ведь это совсем не то.

— Да, — согласился Умберто. — Это совсем не то.

Директор посвистел.

— Семена, вы говорите. Вы хотите сказать, что это какой-то новый вид? Потому что, если это какой-то улучшенный известный сорт, который легко...

— Мне объяснили, что это новый вид — нечто совершенно новое.

— Значит, своими глазами вы его не видели? Может быть, это действительно какая-нибудь модифицированная разновидность подсолнечника?

— Я видел фотографию, сеньор. Я не говорю, что там нет ничего от подсолнечника. Я не говорю, что там нет ничего от турнепса. Я не говорю, что там нет ничего от крапивы или даже от орхидеи. Но я утверждаю вот что. Если все они приходятся этому растению папашами, то эти папаши не узнали бы своего ребенка. И уж во всяком случае, они не стали бы им гордиться.

— Понятно. А теперь скажите, какую сумму вы рассчитываете получить от нас за семена этой штуки?

Умберто назвал сумму, которая сразу заставила директора перестать посвистывать. Она заставила директора снять очки и пристально уставиться на собеседника. Умберто это не смутило.

— Судите сами, сеньор, — сказал он, постукивая пальцами о пальцы. — Это трудно. И это опасно, очень опасно. Я не трус, но опасности не доставляют мне удовольствия. Есть еще один человек. Я должен буду увезти его с собой, и ему нужно хорошо заплатить. Там будут и другие, которым тоже нужно заплатить. Кроме того, мне придется купить самолет — реактивный самолет, очень быстрый. Все это стоит дорого. И я говорю вам: это непросто. Вам нужны хорошие семена. Большая часть семян этого растения не всхожа. Чтобы действовать наверняка, я должен буду доставить вам отсортированные семена, очень ценные... Да, это будет непросто.

— Я верю вам. Но все-таки...

— Неужели я прошу так уж много, сеньор? А что вы запоете через несколько лет, когда это масло появится на мировом рынке и ваша фирма разорится?

— Все это надо тщательно продумать, мистер Палангец.

— Ну разумеется, сеньор! — согласился Умберто с улыбкой. — Я могу подождать немного. Но боюсь, что уменьшить сумму я не смогу.

Сумму он не уменьшил.

Открыватель и изобретатель — это бич для бизнеса. Палки в колеса по сравнению с ними — ничто, вы просто меняете сломанные спицы и катите дальше. Но появление нового процесса, нового вещества, когда ваше производство отлично налажено и работает как часовой механизм, — это сам дьявол во плоти. Иногда даже хуже, чем дьявол. Тогда уже хороши все средства. Слишком многое поставлено на карту. И если вы не в состоянии действовать легально, вам приходится искать другие пути.

Ведь Умберто еще недооценил опасность. Дело было не только в том, что конкуренция нового дешевого масла вытеснила бы с рынка «Арктическую и Европейскую» и ее коллег. Эта реакция пошла бы вширь. Жестокий, хотя, возможно, и не смертельный, удар получило бы производство арахисового масла, оливкового масла и китового жира. Более того, это самым разрушительным образом отразилось бы на зависимых отраслях, производящих маргарин, мыло и сотни других товаров, начиная с косметических кремов и кончая масляными красками. И

когда наиболее влиятельные из заинтересованных лиц осознали серьезность угрозы, условия Умберто стали казаться едва ли не скромными.

С ним заключили соглашение: очень уж убедительно выглядел образец масла, хотя все остальное и представлялось несколько туманным.

Фактически все обошлось «Арктической и Европейской» гораздо дешевле, чем она соглашалась заплатить, потому что Умберто исчез со своим самолетом и больше его никогда не видели.

Никто никогда не узнает, что случилось с самим Умберто. Я думаю, что где-то в стратосфере над Тихим океаном его атаковали самолеты, пустившиеся за ним в погоню. Вероятно, он узнал об этом только тогда, когда снаряды с русских истребителей стали рваться у него в кабине.

И я думаю также, что один из этих снарядов вдребезги разбил некий фанерный ящик — тот самый ящик, в котором были упакованы семена.

Может быть, самолет Умберто взорвался, может быть, он просто развалился на куски. Как бы то ни было, я уверен, что, когда обломки начали свое долгое-долгое падение в океан, на их месте осталось в небе легкое облачко, похожее на клуб белого пара.

Но это был не пар. Это были семена, такие бесконечно легкие, что они плавали даже в разреженном воздухе. Миллионы опутанных шелковистой паутинкой семян триффидов, отданных на волю всех ветров, чтобы лететь туда, куда понесут их эти ветры...

Прошли, наверное, недели, а может быть, и месяцы, прежде чем они наконец коснулись земли, многие за тысячи миль от того места, где они начали свой полет.

Повторяю, все это только предположения. Но я не вижу более вероятной причины неожиданного появления этого таинственного растения почти во всех частях света.

Мое знакомство с триффидами состоялось в детстве. Случилось так, что один из первых триффидов в округе вырос в нашем собственном саду. Он уже изрядно развился, когда мы обратили на него внимание, потому что вместе с множеством других сорняков он пустил корни в укромном месте — в мусорной яме за оградой.

Там он никому не мешал и ему никто не мешал. Мы просто время от времени смотрели, как он растет, и не трогали его.

Но триффид, конечно, своеобразное растение, и он не мог в конце концов не вызвать у нас некоторого любопытства. Возможно, наше любопытство не было слишком активным, поскольку всегда можно найти нескольких незнакомцев, которым удается поселиться в запущенных уголках сада; тем не менее мы нередко говорили друг другу, что этот незнакомец выглядит как-то очень уж странно.

В нынешнее время, когда каждый слишком хорошо знает, как выглядит триффид, трудно восстановить в памяти, какими необычными и в известном смысле иноземными представлялись нам первые триффиды. Насколько я знаю, ни дурных предчувствий, ни тревоги они ни у кого не вызывали. Я полагаю, что большинство людей относились к ним — если только вообще как-нибудь относились — примерно так же, как мой отец.

В памяти моей запечатлена картина, как он озадаченно рассматривает наш экземпляр. Триффиду, вероятно, не больше года. Почти во всех деталях это уменьшенная вдвое копия взрослой особи, только он еще не имел названия и никто еще не видел взрослую особь. Отец нагибается, глядя на него через очки в роговой оправе, ощупывает стебель и тихонько пыхтит в желтоватые усы, что делает всегда, погружаясь в задумчивость. Он исследует прямой ствол и деревянистое основание. Он уделяет особое внимание трем маленьким черенкам, торчащим из основания рядом со стволом, и в этом внимании нет прозрения, одно лишь любопытство. Он разглаживает короткие пучки зеленых кожистых листьев, пропускает их между большим и указательным пальцами, словно осязание может что-то подсказать ему. Затем он заглядывает в диковинное воронкообразное образование на верхушке стебля и по-прежнему пыхтит сквозь усы в нерешительной задумчивости. Я помню, как он в первый раз поднимает меня на руки, чтобы я тоже посмотрел в эту коническую чашечку. На дне ее я вижу туго скрученную, похожую на молодой, свернутый в улитку листок папоротника, спираль, которая дюйма на два выступает из липкой массы. Я не притрагиваюсь к ней, но я знаю, что вещество это липкое, потому что в нем барахтаются мухи и другие мелкие насекомые.

Отец не раз однообразно удивлялся, какое это странное растение, и обещал непременно пойти куда-то на днях и узнать наконец, что оно такое. По-моему, он так никуда и не ходил, а если бы и пошел, то вряд ли узнал бы что-нибудь в то время.

Триффид был тогда высотой более метра. Должно быть, их было много в округе, и они росли себе спокойно и незаметно, и никто не обращал на них особого внимания — так по крайней мере казалось, потому что, если даже биологи и ботаники интересовались ими, публика об этом не знала. И триффид в нашем саду продолжал мирно расти, как и тысячи его собратьев в запущенных уголках по всему белому свету.

Но прошло немного времени, и вот первый триффид вытянул из земли ноги и зашагал.

Такие невероятные способности триффидов, насколько я знаю, впервые обнаружились в Индокитае. Это, между прочим, доказывает, что люди все еще не обращали на триффидов практически никакого внимания. Индокитай был одной из тех областей нашей планеты, где вечно возникали всякого рода неправдоподобные и странные слухи. Эти слухи приобретали популярность, когда в делах наступало затишье, и издателям, чтобы несколько оживить газеты, приходилось прибегать к «духу таинственного Востока». Как бы там ни было, индокитайский случай недолго оставался уникальным. Через несколько недель сообщения о ходячих растениях посыпались с Борнео и Суматры, из Конго, Колумбии, Бразилии и других стран, расположенных вблизи экватора.

На этот раз они все-таки попали в печать. Однако никто еще не осознавал, что эти созревшие особи имеют что-то общее с почтенной мирной травой на нашей мусорной куче.

Осознанию мешало то обстоятельство, что сведения поступали из третьих рук и публиковались с оттенком игривости, которой газеты прикрываются, если речь идет о морских змеях, о редчайших явлениях природы, о телепатии и тому подобном. И только когда появились фотографии, мы сообразили, что наша трава отличается от ходячих экземпляров только размерами.

Кинохроника совершила промах. Возможно, операторы, которые отправились в заморские страны, сумели в награду за беспокойство получить хорошие и интересные кадры, но у продюсеров бытовала теория, будто любая тема продолжительностью более десяти секунд, если это не репортаж о боксерском матче, неминуемо повергает зрителя в скуку. Поэтому то, что впоследствии сыграло такую громадную роль в моей жизни и в жизни множества других людей, я впервые увидел на считанных кадрах, втиснутых между первенством по хулу на Гавайских островах и спуском со стапелей нового линкора. (Это не

анахронизм. Линкоры все еще строились; ведь кормиться нужно было и адмиралам.) Мне дали увидеть, как через экран бредут, раскачиваясь, триффиды под аккомпанемент изречений, предположительно соответствующих умственному уровню великого современного кинозрителя.

— А теперь, друзья, получайте, что нашел для вас наш оператор в Эквадоре. Зелень на прогулке! Вам небось такие штуки мерещатся разве что после хорошей попойки, а там, в солнечном Эквадоре, их можно видеть в любое время и без всякого похмелья! Растения-чудовища на походе! Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюлю. Как тебе это понравится, мамочка?

Короткое время, пока длилась эта сцена, я просидел как завороженный. Вот оно, наше таинственное растение из мусорной ямы, только высотой более двух метров. Я не мог ошибиться... И оно «ходило»!

Основание, которое я увидел тогда целиком впервые, было косматым от множества маленьких волосовидных корешков. Оно было сферической формы, только в нижней его части имелись три тупых, сужающихся к концам выступа. Опираясь на них, основание возвышалось над уровнем почвы на целый фут.

«Шагая», триффид передвигался примерно так, как человек на костылях. Две тупые «ноги» скользили вперед, задняя «нога» подтягивалась к ним, растение наклонялось, и передние «ноги» снова скользили вперед. При каждом шаге длинный стебель отчаянно мотался — это производило тошнотворное впечатление. Такой способ передвижения выглядел одновременно энергичным и неуклюжим, триффиды в движении смутно напоминали резвящихся молодых слонов. Было такое чувство, что у них вот-вот обдерутся листья или даже сломается стебель. Но при всей своей неказистости они могли «ходить» со скоростью нормального человеческого шага.

Вот примерно все, что я увидел, пока не начался спуск на воду линкора. Немного, но вполне достаточно, чтобы возбудить в мальчишке исследовательский дух. Если эта штуковина может показывать такой фокус в Эквадоре, то почему бы ей не показать такой же у нас в саду? Правда, наша гораздо меньше, но ведь на вид она совершенно такая же...

Через десять минут после возвращения домой я уже окапывал нашего триффида, осторожно убирая вокруг него землю, чтобы поощрить его к прогулке.

К несчастью, открытие самодвижущихся растений имело один аспект, который операторы не испытали на себе или по каким-то причинам решили скрыть от публики. Во всяком случае, об опасности я не подозревал. Я сидел на корточках, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не повредить корни, когда на меня обрушился чудовищный удар, и я потерял сознание...

Очнулся я в постели; мать, отец и доктор сидели рядом и с тревогой глядели на меня. Голова моя раскалывалась, все тело ныло, и, как я узнал потом, лицо мое украшал пухлый кроваво-красный рубец. Меня настойчиво, но напрасно расспрашивали, как случилось, что я валялся в саду без памяти: я не имел ни малейшего представления о том, чем меня ударило. Лишь позже я выяснил, что я, вероятно, был первым в Англии человеком, которого ужалил триффид. Триффид был, разумеется, незрелый. Но еще прежде чем я полностью оправился, отец узнал, как все произошло, и к тому времени, когда я снова вышел в сад, он уже совершил над триффидом правосудие и сжег обрубки на костре.

Как только ходячие растения стали установленным фактом, пресса оставила прежнюю сдержанность и устроила им настоящую рекламу. Теперь необходимо было подобрать им название. Ботаники уже привычно барахтались в многосложных латинских и греческих словах, создавая производные от *ambulans* и *pseudopodia*, но газеты и публика желали чего-нибудь более простого для произношения и не слишком тяжеловесного для заголовков. Если раскрыть газеты того времени, то можно встретить в них такие названия, как

тришоты	трикаспы
тригенаты	тригоны
трилоги	тридентаты
триниты	трипедалы
трипеды	трикеты
триподы	триппеты,

а также массу других таинственных слов, которые даже не начинаются обычным «три», хотя почти все они так или иначе включают в себя указание на три «ноги» растения.

Шли споры — публичные и частные, в барах и клубах — о терминах, но постепенно в этой филологической мешанине стал

брать верх один термин. В своей первичной форме он оказался не совсем приемлемым, но повседневное употребление сократило его долгое «и», а привычка вскоре добавила для уверенности второе «ф». Так возник общепринятый стандартный термин. Короткое запоминающееся название, зародившееся в редакции какой-то газетки как подходящий ярлык для диковинки, — ему суждено было впоследствии сделаться словом, неразрывно связанным с представлением о боли, страхе, несчастье: триффид*...

Первая волна всеобщего интереса скоро спала. Да, действительно, триффиды были немного жутковаты, но в конечном счете именно потому, что они были новинкой. Совершенно так же публика относилась к новинкам прошлых лет — к черным лебедям, гигантским ящерицам, кенгуру. И если на то пошло, разве триффиды более удивительны, чем двоякодышащие рыбы, устрицы, головастики и сотни других живых существ? Летучая мышь, скажем, это зверек, научившийся летать; отлично, теперь у нас есть растение, научившееся ходить, — и что из этого?

Однако имелись в вопросе о триффидах аспекты, отмахнуться от которых было труднее. Их внезапное появление и тем более их повсеместное распространение представлялись весьма загадочными. Дело в том, что хотя созревали они быстрее всего в тропиках, но сообщения о них поступали отовсюду, кроме полярных районов и пустынь.

Публика была удивлена и несколько шокирована, узнав, что триффиды — плотоядные растения, что мухи и другие насекомые, попавшие в чашечку, самым настоящим образом перевариваются содержащимся в ней липким веществом. В нашем умеренном поясе мы, конечно, тоже знали о существовании крупных насекомоядных растений, но мы не привыкли, чтобы они находились вне специальных парников, и склонны были усматривать в них что-то неприличное или по крайней мере неправильное. Но настоящую тревогу вызвало открытие, что скрученный жгут, увенчивающий стебель триффида, представляет собой тонкое трехметровое жало, способное с силой выбрасываться наружу и содержащее достаточно яда, чтобы убить человека, если оно ударяет в незащищенную кожу.

Как только эта опасность была оценена по достоинству, последовало торопливое истребление триффидов; их рубили в куски

* От английского «three feet» — три ноги.

повсюду, пока кого-то не осенило, что для полного обезвреживания триффида достаточно удалить у него жало. Только тогда это несколько истерическое избиение пошло на убыль, но ряды триффидов к тому времени уже изрядно поредели. Несколько позже появилась мода иметь одного-двух обезвреженных триффидов у себя в саду. Выяснилось, что отрезанное жало восстанавливается только через два года, и ежегодное урезание вполне гарантирует вашим детям безопасную и забавную игрушку.

В умеренном поясе, где человеку удалось ограничить большинство форм жизни (кроме себя самого) более или менее строгими рамками, статус триффидов был, таким образом, определен вполне четко. Но в тропиках, особенно в джунглях, они быстро сделались бичом Божьим.

Путнику нелегко обнаружить засаду в кустах и зарослях, и едва он вступал в зону поражения, ему навстречу выхлестывалось ядовитое жало. Даже туземец не всегда мог разглядеть неподвижного триффида, коварно затаившегося возле лесной тропинки. Они были сверхъестественно чувствительны ко всякому движению поблизости от себя, и застать их врасплох было трудно.

Борьба с ними превратилась в тропиках в серьезную проблему. Наилучший способ состоял в том, чтобы отстреливать верхушку стебля вместе с жалом. Туземцы взяли на вооружение длинный легкий шест с кривым ножом на конце; они пользовались им довольно ловко, если успевали нанести удар первыми, но ничего не получалось, когда триффид вдруг наклонялся вперед и неожиданно увеличивал таким образом радиус поражения на метр-полтора. Вскоре, однако, эти копьеобразные приспособления были вытеснены пружинными ружьями разных типов. Как правило, они стреляли вертящимися дисками, вертящимися крестами и маленькими бумерангами из тонкой стали. Точный бой у них не превышал двенадцати метров, однако при попадании они напрочь срезали стебель и с двадцати пяти метров. Изобретение этого оружия вызвало тихую радость как у властей, которым очень не нравилось, что огнестрельное оружие носит кто попало, так и у населения: острые, как бритва, метательные снаряды были значительно дешевле и легче, нежели патроны, и восхитительно подходили для бесшумной партизанской войны.

Повсюду продолжались интенсивные исследования триффида, его природы, образа жизни и внутреннего строения. Были проведены серьезные эксперименты с целью установить в интересах

науки, как далеко и как долго способен он ходить; есть у него передняя и задняя части или он с одинаковой неуклюжестью может двигаться любой стороной вперед; какую долю времени он проводит, зарывшись корнями в землю; как он реагирует на присутствие в почве различных химических веществ, а также масса всяких иных экспериментов, полезных и бесполезных.

Самый крупный экземпляр, найденный в тропиках, достигал в высоту почти трех метров. Европейские экземпляры не превышали двух метров сорока сантиметров, в среднем же они были двух метров десяти сантиметров. Они, по-видимому, легко приспосабливались в самом широком диапазоне климатов и почв. Естественных врагов у них, видимо, не было, если не считать человека.

Но они обладали еще большим числом довольно очевидных особенностей, которые вначале не были замечены наблюдателями. Прошло, например, много времени, прежде чем обратили внимание на то, что триффиды бьют жалом с невероятной точностью и почти всегда целятся в голову. Не сразу заметили и то, что они имеют обыкновение оставаться подле своих жертв. Причина стала ясной, когда узнали, что они питаются не только насекомыми, но и мясом. Жалящий жгут не обладал мускульной мощностью, чтобы разрывать плоть, но в нем было достаточно силы, чтобы отделять лоскутья от разложившегося тела и отправлять их в чашечку на стебле.

Не сразу заинтересовались и тремя небольшими голыми черенками у основания стебля. Существовало неясное представление, будто они как-то связаны с системой размножения — той самой системой, куда ботаники обыкновенно зачисляют на первый случай все сомнительные органы, пока они не будут как следует изучены и поняты. Поэтому стали считать, что свойство этих черенков вдруг приходить в движение и выстукивать барабанную дробь о главный стебель является своеобразным проявлением триффидных любовных устремлений.

Я был ужален в детстве, в самом начале эры триффидов. Этот несчастный случай, возможно, стимулировал мой к ним интерес, ибо, кажется, с той поры у меня с ними установилось что-то вроде связи. Я провел — или, с точки зрения моего отца, «потратил» — много времени, зачарованно наблюдая за ними.

Нельзя упрекать отца за то, что он считал это пустым времяпрепровождением. И тем не менее позже оказалось, что время

было проведено далеко не худшим образом, потому что как раз перед тем, как я окончил школу, «Арктическая и Европейская компания рыбьих жиров» реорганизовалась, утратив в процессе реорганизации из своего названия слово «рыбьих». Публика узнала, что «Арктическая и Европейская», а также другие подобные фирмы за границей собираются выращивать триффидов в больших масштабах на предмет получения ценных масел и соков и производства питательных кормовых жмыхов. Таким образом, триффиды в одну ночь вошли в царство большого бизнеса.

Я тут же определил свое будущее. Я обратился в «Арктическую и Европейскую», где мои данные позволили мне получить работу в сфере производства. Неудовольствие отца было несколько смягчено размерами зарплаты, весьма хорошей для моего возраста. Но когда я с энтузиазмом заговорил о будущем, он только с сомнением запыхтел в усы. Он верил лишь в такую работу, которая имела давно установившиеся традиции; впрочем, он мне не препятствовал. «В конце концов, — снисходительно заметил он, — если эта штука кончится пшиком, ты будешь еще достаточно молод, чтобы приняться за что-либо более солидное».

Приниматься за что-либо более солидное мне не пришлось. Пятью годами позже отец и мать погибли при крушении прогулочного аэробуса, но им еще довелось увидеть, как новые фирмы вытеснили с рынка все конкурирующие масла, и те из нас, кто вступил в дело с самого начала, могли, очевидно, считать себя обеспеченными на всю жизнь.

Одним из вступивших с самого начала был Уолтер Лакнор.

Вначале фирма колебалась, брать ли Уолтера. Он мало понимал в агрономии, еще меньше в делах и не имел никакой квалификации для лабораторных работ. С другой стороны, он очень много понимал в триффидах, у него была врожденная сноровка обращаться с ними.

Я не знаю — могу только догадываться, — что случилось с Уолтером в роковой майский день через несколько лет. Очень печально, что он не выжил. Сейчас он был бы незаменим у нас. Я не думаю, что кто-нибудь действительно понимает триффидов или когда-нибудь научится понимать их, но Уолтер был к этому ближе всех. Или вернее будет сказать, что ему была дана способность воспринимать их интуитивно.

Впервые он поразил меня год или два спустя после того, как начался триффидный бизнес.

Солнце садилось. Мы закончили работу и с чувством удовлетворения взирали на три новых поля, засаженных почти созревшими триффидами. В те дни мы еще не содержали их в коралях, как позже. Они были высажены на полях приблизительно прямыми рядами — во всяком случае, прямыми рядами располагались стальные шесты, к которым они были прикреплены цепями, потому что сами растения оставаться в строю не желали. Мы считали, что примерно через месяц можно будет начать надрезать их для получения сока. Вечер был тихий, и только триффиды время от времени нарушали эту тишину, барабаня черенками по стеблям. Уолтер смотрел на них, склонив голову. Затем он вынул изо рта трубку.

— Сегодня вечером они что-то разговорчивы, — сказал он.

Я воспринял это, естественно, как метафору.

— Возможно, погода виновата, — предположил я. — Мне кажется, они делают это больше, когда сухо.

Он искоса взглянул на меня, улыбаясь:

— Вы тоже более разговорчивы, когда сухо?

— С какой стати? — начал я и остановился. — Не думаете же вы, что они действительно разговаривают, — сказал я, пораженный выражением его лица.

— Почему бы и нет?

— Но это же абсурд. Говорящие растения!

— Больший абсурд, нежели ходячие растения? — спросил он.

Я уставился на них, затем снова на него.

— Мне в голову не приходило... — начал я с сомнением.

— Подумайте об этом немного и понаблюдайте за ними. Мне интересно, к какому выводу вы придете.

Как это ни странно, но за все время, что я имел дело с триффидами, такая возможность никогда не приходила мне в голову. Я думаю, меня гипнотизировала теория любовного призыва. Но когда он подал эту идею, я принял ее сразу и целиком. Я не мог больше отделаться от ощущения, что они, возможно, действительно отстукивают друг другу какие-то тайные послания.

До того вечера я воображал, что наблюдаю триффидов достаточно внимательно, но, когда о них заговорил Уолтер, я почувствовал, что не видел практически ничего. А Уолтер, если он был в настроении, мог говорить о них часами, выдвигая теории, которые звучали иногда дико, но никогда не казались невозможными. К тому времени публика уже не смотрела на триффидов как на каприз природы. Они были забавными урод-

цами, только и всего; особого интереса они не представляли. Компания же ими интересовалась. Она считала, что их существование является благом для всего человечества и особенно для нее самой. Уолтер не разделял ни мнения публики, ни мнения компании. Слушая его, я начинал временами мучиться скверными предчувствиями.

Теперь он был совершенно убежден, что они «разговаривают».

— А отсюда следует, — утверждал он, — что где-то в них прячется интеллект. Он не может находиться в мозгу, потому что, как показывают вскрытия, никакого мозга у них нет. Но это не значит, что у них нет какой-то системы или органа, которые выполняли бы функции мозга. А что-то вроде интеллекта у них, несомненно, имеется. Вы заметили, что, когда они нападают, они всегда целят в незащищенную часть тела? Почти всегда в голову, иногда в руки. Или вот еще: если взять статистику жертв, то обращает на себя внимание процент поражения глаз и ослепление. Это весьма примечательно и важно.

— Чем же? — спросил я.

— Тем, что им известно, как вернее всего вывести человека из строя. Другими словами, они знают, что делают. Давайте посмотрим на это вот с какой точки зрения. Положим, что они действительно обладают интеллектом. Тогда у нас перед ними только одно важное преимущество — зрение. Мы видим, они — нет. Отнимите у нас зрение, и наше превосходство исчезнет. Мало того, наше положение станет хуже, чем у них, потому что они приспособлены к слепому существованию, а мы — нет.

— Даже если бы это было так, они не могут создавать вещи. Они не могут пользоваться вещами. У них в этом жалящем жгуте очень мало силы, — заметил я.

— Правильно. Но на что нам способность пользоваться вещами, если мы не видим, что нужно делать? И, кроме того, они не нуждаются в вещах, как мы. Они могут получать пищу прямо из почвы, могут питаться насекомыми и кусочками сырого мяса. Им ни к чему сложнейший процесс выращивания, распределения и вдобавок еще обработки продуктов питания. Короче, если бы мне предложили пари: у кого больше шансов выжить — у триффидов или у слепого человека, я бы знал, на кого поставить свои деньги.

— Вы предполагаете равные интеллекты, — сказал я.

— Ничего подобного. Я готов признать, что триффиды обладают интеллектом совершенно иного типа, хотя бы потому,

что их потребности гораздо проще. Смотрите, какие сложные процессы мы используем, чтобы получить съедобный продукт из триффида. А теперь поменяйте нас местами. Что нужно сделать триффиду? Ужалить, подождать несколько дней и приступать к еде, только и всего. Просто и естественно.

В таком духе он мог продолжать часами; слушая его, я постепенно терял представление об истинном соотношении между вещами и обнаруживал вдруг, что думаю о триффидах как о своего рода соперниках человечества. Сам Уолтер никогда не притворялся, будто думает иначе. Он упомянул как-то, что намеревался, собрав необходимый материал, написать об этом книгу, но потом раздумал.

— Раздумали? — спросил я. — Что же помешало вам?

— Вот это все. — Он махнул рукой в сторону плантаций. — Теперь это верный источник доходов. Не стоит зря внушать людям беспокойство. Все-таки триффиды у нас под контролем, так что вопрос это чисто академический. Вряд ли имеет смысл поднимать его.

— С вами я никогда ни в чем не уверен, — сказал я. — Я никогда не знаю, насколько вы серьезны и как далеко от фактов уводит вас ваше воображение. Вы серьезно полагаете, что они представляют опасность?

Прежде чем ответить, он пососал трубку.

— Если говорить честно, — признался он, — то я... понимаете, я сам ни в чем не уверен. Но я твердо знаю одно: они *могли бы* представлять опасность. Я ответил бы вам гораздо более определенно, если бы мне удалось нащупать, о чем они там барабанят. Мне это как-то очень не нравится. Вон они, торчат себе на грядках, и никто не думает о них больше, чем об огурцах, но ведь они половину времени занимаются тем, что трещат и барабанят друг другу. Почему? О чем? Много бы я дал, чтобы узнать это.

Я думаю, что Уолтер редко упоминал о своих идеях кому-либо еще, и я тоже держал их в тайне отчасти потому, что считал себя человеком легковерным, а отчасти потому, что незачем нам было приобретать в фирме репутацию умалишенных.

Примерно год мы работали рука об руку. Но в связи с открытием новых питомников и с необходимостью изучать заграничный опыт я стал много времени проводить в поездках. Уолтер оставил работу в поле и перешел в исследовательскую группу. Его устраивало, что наряду с исследованиями для компании

он мог вести там исследования для себя. Время от времени я заходил повидать его. Он непрерывно экспериментировал с триффидами, но вопреки его надеждам результаты не подтверждали однозначно его главные идеи. Ему удалось доказать — по крайней мере самому себе — наличие у триффидов довольно хорошо развитого интеллекта; впрочем, даже я вынужден был признать, что этот результат показал нечто большее, нежели инстинкт. Он все еще был уверен, что барабанная дробь черенков является формой передачи информации. Для публичного же употребления он указал, что черенки представляют собой какие-то важные органы и что без них триффид медленно вырождается. Он установил также, что невсхожие семена у триффидов составляют девяносто пять процентов от общего числа.

— И слава Богу, — заметил он. — Если бы они прорастали все, на земле скоро не осталось бы места ни для кого, кроме триффидов.

С этим я тоже согласился. В посевной сезон у триффидов было на что посмотреть. Темно-зеленый стручок под чашечкой блестел и надувался до размеров крупного яблока. Когда он взрывался, хлопок был слышен на расстоянии до двадцати метров. Белые семена, словно струя пара, взвивались в воздух, и самый легкий ветерок начинал уносить их прочь. С высоты триффидное поле поздним августом напоминало панораму какой-то беспорядочной бомбардировки.

Уолтеру принадлежало открытие, что качество соков повышается, если у растений не удалять жалящие жгуты. В результате практика урезания жгутов повсеместно прекратилась, и с тех пор при полевых работах нам приходилось носить защитные приспособления.

В день, когда случай уложил меня в госпиталь, я работал вместе с Уолтером. Мы исследовали некоторые экземпляры, у которых обнаружили необычные отклонения от нормы. Оба мы были в сетчатых масках. Я не видел точно, что произошло. Знаю только, что, когда я наклонился, жало яростно хлестнуло мне в лицо и шлепнулось о проволоку маски. В девяноста девяти случаях из ста это ничего не значит: маски для того и предназначены. Но на этот раз удар был так силен, что часть крошечных пузырьков с ядом лопнула, и несколько капель брызнуло мне в глаза.

Уолтер отнес меня в свою лабораторию и уже через несколько секунд применил противоядие. Только благодаря этому у врачей

оказалась возможность спасти мне зрение. Но и это означало для меня больше недели на больничной койке в полном мраке.

Пока я лежал в больнице, я твердо решил, что, когда — и если — мне вернут зрение, я попрошу перевода на другую работу. Если мою просьбу отклонят, я уйду из фирмы совсем.

У меня выработался значительный иммунитет к триффидному яду еще после первого случая у нас в саду. Я был способен перенести и перенес без особого для себя вреда удары жалом, которые уложили бы любого неподготовленного человека хладным трупом. Но меня не оставляла мысль о кувшине, который повадился ходить по воду. Я получил последнее предупреждение.

Помнится, я провел во мраке много часов, раздумывая, на какую работу я могу рассчитывать, если мне откажут в переводе.

Принимая во внимание то, что уже ждало нас всех за углом, я едва ли мог найти более праздную тему для размышлений.

ГЛАВА 3
ОСЛЕПШИЙ ГОРОД

Дверь кабинета еще раскачивалась позади меня, когда я направился по переулку на угол проспекта. Там я остановился в нерешительности.

Налево, за милями пригородных улиц, лежали поля и луга; направо был лондонский Вест-энд и за ним Сити. Я уже несколько оправился, но ощущал себя теперь странно обособленным и как-то без руля и без ветрил. У меня не было никакого плана действий, и перед лицом событий, которые я начал наконец постигать как гигантскую и всеобъемлющую катастрофу, мне было все еще слишком не по себе, чтобы что-нибудь придумать. Какой план мог бы соответствовать таким событиям? Я чувствовал себя одиноким, заброшенным и вместе с тем временами не совсем настоящим, не совсем самим собою.

Проспект был пуст, единственным признаком жизни были фигуры немногочисленных людей, осторожно нащупывающих путь вдоль витрин магазинов.

Для начала лета день был превосходный. В синем небе, испещренном белыми ватными облачками, сияло солнце. Все небо

было чистым и свежим, только на севере грязным пятном вставал из-за крыш столб жирного дыма.

Я простоял в нерешительности несколько минут. Затем я повернул на восток, к центру Лондона.

До сих пор не знаю почему. Может быть, то была инстинктивная тяга к знакомым местам, а возможно — подспудное чувство, что если еще сохранились где-нибудь порядок и организация, так это в том направлении.

После бренди я был голоден, как никогда в жизни, но разрешить проблему питания оказалось не так-то легко. Казалось бы, вот они, магазины и лавки, без хозяев, без охраны, с витринами, забитыми едой; и вот он я, голодный и с деньгами в кармане; и если бы мне не захотелось платить, можно было бы разбить витрину и взять что угодно бесплатно.

Но убедить себя пойти на это было трудно. Прожив тридцать лет в уважении к праву и в повиновении закону, я еще не был готов признать, что условия изменились совершенно. Кроме того, у меня было такое ощущение, будто, пока я веду себя нормально, мир еще может каким-то непостижимым образом вернуться к нормальному состоянию. Абсурд, разумеется, но у меня было сильнейшее чувство, что стоит мне швырнуть камень в витрину, как я навсегда окажусь вне прежнего мироустройства: я сделаюсь грабителем, вором, грязным шакалом, терзающим мертвое тело вскормившего меня порядка. Какая дурацкая щепетильность на обломках разгромленной вселенной! И все же мне до сих пор приятно вспомнить, что я не сразу утратил цивилизованный облик, что хоть некоторое время я бродил, глотая слюну, среди выставленных яств, и уже устаревшие условности не позволяли мне утолить голод.

Примерно через полмили проблема разрешилась чисто софистическим путем. Поперек тротуара стояло какое-то такси, зарывшись радиатором в витрину кондитерского магазина. Это было уже нечто совсем иное, чем если бы взлом совершил я сам. Я пролез мимо такси и набрал всякой вкусной еды. Но даже тогда во мне говорило что-то от прежних нравственных стандартов: я оставил на прилавке щедрую плату за все, что взял.

Наискосок через улицу был садик. Такие садики разбивают на месте кладбищ при исчезнувших церквах. Старые надмогильные камни сняли и прислонили к кирпичной ограде, на расчищенном пространстве посеяли траву и проложили гравий-

ные дорожки. Под свежей листвой деревьев поставили уютные скамейки, и на одной из них я устроился со своим завтраком.

Здесь было пустынно и тихо. Никто сюда больше не входил, только иногда мимо решетчатой калитки пробредала, волоча ноги, одинокая фигура. Я бросил крошки немногим воробьям, первым птицам, которых я увидел в этот день, и почувствовал себя лучше, наблюдая их дерзкое безразличие к катастрофе.

Покончив с едой, я закурил сигарету. Пока я сидел так, раздумывая, что делать дальше, тишина нарушилась звуками пианино. Играли где-то неподалеку, и девичий голос запел балладу Байрона. Я слушал, запрокинув голову и глядя на узор, образованный нежными молодыми листьями в свежем синем небе. Песня смолкла. Замерли звуки пианино. Затем послышались рыдания. Без страсти: тихие, беспомощные, горькие. Не знаю, кто оплакивал свои надежды, певица ли или другая женщина. Но у меня больше не было сил слушать. Я встал и тихонько вышел обратно на улицу, и некоторое время я видел все словно в тумане.

Даже Гайд-парк-Корнер, когда я добрался туда, был почти пустынен. Несколько покинутых легковых и грузовых машин стояли на улицах. Видимо, очень немногие из них потеряли управление на ходу. Один автобус прошел поперек улицы и остановился в Грин-парке. Белая лошадь с обломками оглоблей лежала у памятника артиллеристам, о который она раскроила себе череп. Двигались только люди, немного мужчин и еще меньше женщин. Они осторожно нащупывали путь руками и ногами там, где были поручни и ограды, и медленно брели, выставив перед собой руки, по открытым местам. Кроме того, неожиданно для себя я заметил двух-трех котов, видимо, вполне зрячих, воспринимавших новые обстоятельства с самообладанием, которое столь свойственно всем котам вообще. Блуждание в этой сверхъестественной тишине приносило им мало пользы: воробьев было мало, а голубей не было совсем.

Меня все еще магнетически влекло к прежнему центру моего мира, и я пошел по направлению к Пиккадилли. Там я вдруг услыхал неподалеку от себя новый отчетливый звук — равномерное приближающееся постукивание. Я взглянул вдоль Парклейн и понял, в чем дело. Человек, одетый более аккуратно, чем все другие, кого я видел этим утром, торопливо шел в мою

сторону, постукивая по стене рядом с собой белой тростью. Услыхав мои шаги, он настороженно остановился.

— Все в порядке, — сказал я. — Идите, не бойтесь.

Я почувствовал облегчение при виде его. Это был, так сказать, обыкновенный слепой. Его черные очки не так смущали меня, как широко раскрытые, но бесполезные глаза остальных.

— Тогда стойте на месте, — сказал он. — Бог знает, сколько дураков уже столкнулись со мной сегодня. Что, черт побери, случилось? Почему так тихо? Я знаю, сейчас не ночь — я чувствую солнце. Что стряслось?

Я рассказал ему все, что знал.

Когда я закончил, он молчал не менее минуты, затем у него вырвался горький смешок.

— Есть в этом одна штука, — сказал он. — Теперь все их проклятое попечительство понадобится им самим.

И он несколько вызывающе расправил плечи.

— Спасибо. Счастливо оставаться, — сказал он и зашагал своей дорогой, держась с преувеличенной независимостью.

Быстрый и отчетливый стук его трости постепенно замер вдали за моей спиной, когда я направлялся вверх по Пиккадилли.

Людей здесь было больше, и я пошел по мостовой среди стоявших в беспорядке машин. На мостовой я гораздо меньше смущал людей, нащупывавших дорогу вдоль стен зданий, потому что, заслышав поблизости от себя шаги, они каждый раз останавливались в готовности к возможному столкновению. Такие столкновения происходили на тротуарах непрерывно, и одно из них показалось мне многозначительным. Молодой человек в хорошо сидящем костюме, при галстуке, выбранном явно на ощупь, и молодая женщина с хныкающим ребенком на руках ощупью двигались навстречу друг другу вдоль витрины магазина. Они столкнулись, молодой человек стал осторожно обходить женщину и вдруг остановился.

— Погодите минутку, — сказал он. — Ваш ребенок зрячий?

— Да, — сказала она. — А я вот ослепла.

Молодой человек повернулся. Он упер палец в стекло витрины и сказал:

— А ну, сынок, посмотри, что там такое?

— Я не сынок, — возразил ребенок.

— Ну же, Мэри, скажи джентльмену, — сказала мать укоризненно.

— Там красивые тети, — сказала девочка.

Молодой человек взял женщину за руку и повел ее на ощупь к следующей витрине.

— А здесь что? — спросил он.

— Всякие яблоки, — ответила девочка.

— Отлично! — сказал молодой человек.

Он стащил с ноги туфлю и ударил в стекло каблуком. Он был неопытен, и первый удар не увенчался успехом. Зато после второго звон разбитого стекла эхом прокатился по улице. Молодой человек снова натянул туфлю, осторожно всунул руку в разбитую витрину и принялся шарить там, пока не нашел пару апельсинов. Один он дал женщине, другой протянул девочке. Затем он опять пошарил, нашел апельсин для себя и принялся его чистить. Женщина стояла в нерешительности.

— Но... — начала она.

— В чем дело? — спросил он. — Вы не любите апельсины?

— Это же неправильно, — сказала она. — Нам не следовало брать их. Не так надо было.

— А как? — спросил он. — Как вы собираетесь добывать еду?

— Я думаю... Ну, я не знаю, — призналась она неохотно.

— Очень хорошо. Вот вам и ответ. Ешьте, а потом мы пойдем и поищем чего-нибудь более сытного.

Она все держала плод в руке, склонив голову, как бы глядя на него.

— Все равно это неправильно, — снова сказала она, но теперь в голосе ее было меньше уверенности.

Потом она опустила ребенка на тротуар и принялась чистить апельсин...

Пиккадилли-Сиркус был самым многолюдным местом, какое мне пришлось до сих пор видеть. После пустынных улиц мне показалось, будто он заполнен толпой, хотя там было, наверное, всего не более сотни человек. Большей частью они были в нелепых, самых неподходящих одеждах и беспокойно бродили по кругу, словно еще не совсем пришли в себя. Изредка какое-нибудь столкновение вызывало взрыв ругани и бессильной ярости; слушать это было жутко, потому что эти взрывы порождаются страхом и детской раздражительностью. Но вообще, за единственным исключением, разговоров и шума было немного, словно слепота заперла людей в самих себе.

Разговаривал и шумел только высокий и тощий пожилой человек с копной жестких седых волос, обосновавшийся на одном из «островков безопасности» на проезжей части. Он вдохновенно

разглагольствовал о раскаянии, о гневе грядущем, о неприятностях, которые ожидают грешников. Никто не обращал на него внимания: для большинства день гнева уже наступил.

Затем вдалеке послышались звуки, привлекшие всеобщее внимание, — хор голосов, который становился все громче:

Когда подохну я,
Меня не хороните.
Возьмите мое тело
И в спирте утопите.

Унылый и нестройный, он гудел в пустынных улицах, отдаваясь гнетущим эхом. Люди в Сиркусе поворачивали головы то вправо, то влево, пытаясь определить его направление. Пророк Судного дня повысил голос, дабы перекричать соперников. А разноголосый вой приближался:

В ногах и головах
Поставьте мне бочонок,
Тогда червям могильным
Не жрать моих печенок.

И как аккомпанемент к нему слышалось шарканье многих шагов, старающихся ступать в ногу.

С того места, где я стоял, было видно, как они цепочкой один за другим выползли из бокового переулка на Шафтсбериавеню и повернули к Сиркусу. Второй в цепочке держался за плечи ведущего, третий — за плечи второго и так далее, человек двадцать пять или тридцать. Песня закончилась, и тогда кто-то затянул «Пиво, пиво, вот славное пиво!» таким высоким голосом, что сейчас же устыдился и смолк.

Они устало и упорно тащились вперед, пока не оказались в центре Сиркуса, и тут ведущий скомандовал:

— Рота-а-а... стой!

У него был уверенный командирский голос. Все в Сиркусе стояли неподвижно, все лица были обращены к нему, каждый старался понять, что происходит. Ведущий снова заговорил, пародируя манеру профессионального гида:

— Итак, джентльмены, мы здесь. Пиккавматьегодилли-Сиркус. Центр мира. Пуп вселенной. Здесь знатные особы развлекались вином, девками и музыкой.

Он был не слепым, отнюдь. Его глаза смотрели зорко, схватывая все, что происходило вокруг. Должно быть, зрение у него

сохранилось так же случайно, как у меня, но он был изрядно пьян, и пьяны были люди, которых он привел.

— Мы тоже будем развлекаться, — прибавил он. — Следующая остановка в знаменитом Кафе-Рояль, выпивка за счет заведения.

— Ага... А как насчет девок? — спросил голос, и раздался смех.

— О, девки... Тебе нужны девки? — сказал ведущий.

Он шагнул вперед и поймал за руку какую-то женщину. Она завизжала, он, не обращая на это внимания, подтащил ее к говорившему.

— Держи, парень. И не говори потом, что я о тебе не забочусь. Это персик, цыпочка... если тебе не все равно.

— Эй, а мне? — сказал другой.

— Тебе? Так, посмотрим. Тебе блондинку или черненькую?

Позже я понял, что вел себя как дурак. Моя голова все еще была набита условностями и нравственными стандартами, которые утратили смысл. Мне даже в голову не пришло, что у женщины, принятой в эту банду, гораздо больше шансов выжить, чем у предоставленной самой себе. Воспламененный школьной героикой и благородными сантиментами, я ринулся в бой. Он заметил меня, когда я был уже совсем рядом, и я изо всех сил ударил его в челюсть. К несчастью, он чуть-чуть опередил меня...

Когда я вновь обрел способность интересоваться окружающим, оказалось, что я лежу на мостовой. Топот и шарканье банды затихали вдали, и пророк Судного дня, восстановив свое красноречие, посылал ей вслед громовые угрозы вечного проклятия, адского пламени и геенны огненной.

Обретя таким путем некоторую долю здравого смысла, я почувствовал облегчение, что так дешево отделался. Если бы на мостовую лег он, мне неминуемо пришлось бы взять на себя ответственность за людей, которые шли за ним. Можно что угодно думать о его методах, но он был глазами этой группы, и к нему они будут обращаться не только за выпивкой, но и за едой. И женщины тоже пойдут к ним добровольно, когда достаточно наголодаются. Я огляделся и подумал, что уже теперь вряд ли какая-нибудь женщина стала бы серьезно возражать против этого. В общем, так или иначе, мне, кажется, удалось счастливо избежать возведения в ранг вожака банды.

Припомнив, что они направились в Кафе-Рояль, я решил прийти в себя и освежить голову в отеле «Риджент-Палас».

Похоже было на то, что кто-то подумал об этом раньше меня, но нетронутых бутылок там осталось еще достаточно.

Я думаю, именно тогда, удобно расположившись со стаканчиком бренди и сигаретой, я начал наконец признавать, что все, что я видел, было реальным и окончательным. Что возврата к прежнему не будет, не будет никогда. Что это конец всему, что я знал...

Возможно, чтобы убедить меня, понадобился тот удар кулаком. Теперь я был лицом к лицу с фактом, что мое существование больше не имело цели. Мой образ жизни, мои планы, стремления, мои надежды — все это сметено вместе с условиями, которые их формировали. Я полагаю, что, если бы я имел родных и близких и у меня было кого оплакивать, я чувствовал бы себя в тот момент покинутым. Но то, что еще вчера создавало в моей жизни некоторую пустоту, обернулось теперь для меня удачей. Мать и отец давно умерли, единственная моя попытка жениться кончилась несколько лет назад неблагоприятно, никто во всем мире от меня не зависел. И как это ни странно, я вдруг обнаружил, что испытываю — отчетливо сознавая, что так не должно быть — чувство облегчения.

Не только под действием бренди возникло это чувство, ибо оно осталось во мне навсегда. Я думаю, оно возникло из ощущения, что мне предстоит нечто совершенно небывалое и новое. Все прежние избитые проблемы, личные и общие, были решены одним могучим потрясением. Только небо тогда знало, какие могут встать новые проблемы, а по всему было видно, что их будет немало, но они будут новыми. Я стал сам себе хозяином и не был больше винтиком в чужой машине. Да, возможно, мир будет полон ужасов и опасностей, которым придется противостоять, но я буду действовать по своему разумению, я не буду больше игрушкой сил и интересов, которых я не понимал и не желал понимать.

Нет, это было не только бренди, ибо даже сейчас, годы спустя, я все еще испытываю нечто подобное, хотя не исключено, что бренди несколько упростило тогда для меня положение вещей.

Затем был еще маленький вопрос: что делать дальше, как и где начинать эту новую жизнь? Я, однако, решил пока не слишком беспокоиться об этом. Я допил бренди и вышел из отеля посмотреть, что может предложить мне этот странный мир.

ГЛАВА 4
ТЕНИ ПРОШЛОГО

Чтобы избежать новой встречи с бандой из Кафе-Рояль, я направился по боковой улице, ведущей в Сохо, рассчитывая вернуться на Риджент-стрит немного дальше.

Видимо, голод гнал народ из домов. Поэтому или по иной причине кварталы, куда я теперь углубился, были более многолюдны, нежели остальные места, где мне пришлось до сих пор проходить. На тротуарах и в узких переулках происходили непрерывные столкновения, и сумятица усугублялась толкучкой перед разбитыми витринами. Никто из толпившихся, очевидно, не знал, какой перед ним магазин. Одни оставались снаружи и пытались выяснить это, отыскивая на ощупь распознаваемые предметы; другие, рискуя распороть животы о торчащие осколки стекла, предприимчиво лезли внутрь.

Я чувствовал, что надо бы показать этим людям, где найти пищу. Но действительно ли я должен это сделать? Если бы я подвел их к нетронутой продовольственной лавке, началась бы давка, и все было бы кончено в течение пяти минут и слабейшие были бы раздавлены насмерть. Пройдет какое-то время, продовольствие кончится, и что тогда делать с тысячами, требующими еды? Можно было бы отобрать небольшую группу и неопределенно долго кормить ее — но кого отбирать и от кого отказаться? Как я ни старался, безусловно правильной линии поведения мне придумать не удавалось.

Происходило нечто жестокое и страшное, где не было места рыцарству, где все хватали и никто не давал. Человек, столкнувшись с другим человеком и почувствовав, что тот несет какой-то сверток, вырывал этот сверток в расчете на съестное и отскакивал в сторону, а ограбленный в бешенстве хватал руками воздух или бил кулаками во все стороны. Раз меня едва не сбил с ног пожилой человек, внезапно шарахнувшийся, не разбирая дороги, с тротуара на мостовую; выражение его лица было необычайно хитрое и торжествующее, и он алчно прижимал к груди две банки масляной краски. На углу мне преградила путь толпа, сгрудившаяся вокруг смущенного ребенка. Люди едва не плакали от отчаяния: ребенок был зрячий, но он был слишком мал, чтобы понять, чего от него хотят.

Я начал ощущать беспокойство. С моим цивилизованным порывом помочь всем этим людям сражался инстинкт, кото-

рый приказывал держаться в стороне. Люди на глазах теряли обычные сдерживающие начала. Я испытывал также иррациональное чувство вины за то, что был зрячим, тогда как все остальные были слепыми. Это вызывало странное ощущение, будто я скрываюсь от них, разгуливая между ними. Позже я понял, что прав был инстинкт.

Возле Голден-сквер я подумал о том, что пора пробираться обратно на Риджент-стрит, где мостовая шире и идти свободнее. Я уже сворачивал в переулок, который вел туда, когда меня остановил внезапный пронзительный крик. Люди вокруг тоже остановились. Они стояли как вкопанные по всей длине улицы, поворачивая головы так и этак, полные смятения, пытаясь догадаться, что происходит. Страх усилил горе и нервное напряжение, и многие женщины расплакались; нервы мужчин были не в лучшем состоянии: их испуг выразился в коротких проклятиях. Несомненно, они все время подсознательно ожидали чего-нибудь зловещего в этом роде. Теперь они ждали, что крик повторится.

Он повторился, болезненный и задыхающийся. Но теперь он не внушал такого страха, потому что к нему были готовы. На этот раз я понял, где кричат. В несколько шагов я был у входа в аллею. Когда я сворачивал за угол, задыхающийся крик раздался снова.

В глубине аллеи, метрах в десяти от входа, корчилась на земле какая-то девушка, а дородный мужчина избивал ее тонким медным прутом. Платье ее было разорвано, на голой спине виднелись красные рубцы. Вблизи я увидел, почему она не убегает: руки у нее были связаны за спиной и конец веревки был обмотан вокруг левого запястья мужчины.

Я подбежал в тот момент, когда мужчина размахнулся для следующего удара. Было нетрудно выхватить у него прут и с известной силой обрушить этот прут ему на плечи. Он проворно лягнул в мою сторону ногой в тяжелом ботинке, но я быстро увернулся. Радиус его действия был ограничен веревкой, обмотанной вокруг запястья. Пока я искал по карманам нож, он еще раз лягнул воздух. Никуда не попав, он для ровного счета пнул девушку. Затем он выругал ее и потянул за веревку, чтобы поднять ее на ноги. Я торопливо нагнулся и перерезал веревку. Легкий толчок в грудь заставил его попятиться и сделать полоборота, так что он потерял ориентировку. Освободившейся левой рукой он выдал великолепный косой свинг. По мне он

промахнулся, но угодил кулаком в кирпичную стену. После этого он потерял интерес ко всему, кроме боли в разбитых костяшках. Я помог девушке встать, распутал ее руки и повел по аллее прочь, а он все осквернял руганью воздух позади нас.

Когда мы свернули на улицу, она начала приходить в себя. Она повернула ко мне замурзанное, в потеках слез лицо и взглянула на меня.

— Да вы же зрячий! — сказала она недоверчиво.

— Конечно, — сказал я.

— О, слава Богу! Слава Богу! Я думала, что я одна осталась такая, — проговорила она и расплакалась.

Я огляделся. В нескольких шагах был кабачок, там гремел граммофон, вдребезги бились стаканы и вообще шла добрая старая жизнь. Несколькими метрами дальше был еще один кабачок, поменьше и еще нетронутый. Хороший удар плечом распахнул перед нами дверь в бар. Я чуть не на руках внес туда девушку и усадил ее в кресло. Затем я сломал другое кресло и заложил дверь, чтобы какие-нибудь непрошеные гости не помешали нам.

Можно было не спешить. Она всхлипывала и пила маленькими глотками. Я предоставил ей время, чтобы взять себя в руки, и вертел ножку бокала, слушая, как граммофон в соседнем кабачке выбулькивает популярную тогда, хотя и мрачноватую песенку о сердце в холодильнике. В то же время я украдкой разглядывал девушку. Ее платье, вернее, то, что от платья осталось, было хорошего качества. Хорош был и голос, приобретенный явно не на сцене и не в киностудии. Она была блондинка, однако далеко не платиновая. Похоже было, что лицо у нее миловидное, если отмыть его от грязи. Она была дюйма на три-четыре ниже меня, телосложения изящного, но не хрупкого. На вид она была сильной, хотя эта сила наверняка употреблялась до сих пор разве что на игры в мяч, на танцы и в лучшем случае на верховую езду. У нее были гладкие, прекрасной формы руки, а длина ногтей, тех, что еще были целы, представлялась скорее декоративной, нежели практичной.

Спиртное постепенно делало свое дело. После первой порции она уже оправилась настолько, что в ней заговорили обычные рефлексы.

— Господи, — сказала она. — Выгляжу я, наверное, ужасно.

Я был единственным человеком, который мог это заметить, но я промолчал.

Она встала и подошла к зеркалу.

— Ужасно, — признала она. — Где здесь?..

— Попробуйте пройти туда, — предложил я.

Она вернулась минут через двадцать. Учитывая, что возможности в ее распоряжении были, вероятно, очень ограниченны, поработала она успешно: моральное состояние было восстановлено. Сейчас она больше походила на жертву дурного обращения в представлении кинорежиссера, чем на настоящую жертву.

— Сигарету? — спросил я, протягивая ей через стол вторую укрепляющую порцию.

Пока завершался процесс восстановления сил, мы обменялись рассказами о себе. Сначала рассказал я, чтобы дать ей время собраться с мыслями. После этого она сказала:

— Мне чертовски стыдно за себя. Я ведь вовсе не такая уж размазня, честное слово. На самом деле я могу за себя постоять, хотя вы, может быть, думаете иначе. Но все это оказалось для меня слишком огромным. То, что случилось, уже само по себе скверно, но тут мне пришла в голову одна ужасная мысль, и я ударилась в панику. Понимаете, мне представилось, будто я осталась единственной зрячей во всем мире. Это меня подкосило, я испугалась и потеряла голову, я сломалась, я ревела, как девчонка из викторианской мелодрамы. Никогда, никогда бы не поверила, что могу так раскиснуть.

— Пусть вас это не беспокоит, — сказал я. — Мы наверняка очень скоро узнаем о себе множество удивительных вещей.

— А меня это все-таки беспокоит. Если я потеряла голову в самом начале... — Она замолчала.

— Я в больнице тоже чуть не сошел с ума от страха, — сказал я. — Мы же люди, а не счетные машины.

Ее звали Джозелла Плэйтон. Имя показалось мне знакомым, хотя я не мог вспомнить, где оно мне встречалось. Она жила на Дин-роуд, Сент-Джонс-вуд. Это подтверждало мои предположения относительно ее социальной принадлежности. Уединенные комфортабельные дома, большей частью некрасивые и все дорогие. Ее спасение от общей участи было столь же случайным, как и мое, даже, пожалуй, еще более случайным. В понедельник вечером она была на пирушке, и пирушка была, по-видимому, изрядная.

— Я думаю, какой-то болван вообразил, будто будет очень весело, если намешать в спиртное какой-нибудь гадости, — ска-

зала она. — Выпила я очень немного, но никогда не чувствовала себя более скверно.

Вторник запомнился ей как день черных страданий и рекордного похмелья. Около четырех часов дня она решила, что с нее достаточно. Она позвонила горничной и приказала, чтобы никто не смел ее беспокоить, пусть там будет комета, землетрясение или даже Страшный суд. Заявив этот ультиматум, она приняла сильнейшую дозу снотворного, которое на пустой желудок подействовало на нее как нокаут.

После этого она ничего не знала, пока сегодня утром ее не разбудил отец, ввалившийся к ней в комнату.

— Джозелла, — проговорил он, — ради Бога, вызови доктора Мэйла. Скажи ему, что я ослеп, начисто ослеп.

Ее поразило, что было уже около девяти. Она торопливо встала и оделась. Слуги не отзывались ни на звонок отца, ни на звонок из ее комнаты. Она пошла разбудить их и, к своему ужасу, обнаружила, что они тоже ослепли.

Телефон не работал, и ей показалось, что самым правильным будет съездить за доктором на машине. Тишина и отсутствие уличного движения сразу бросились ей в глаза, но она проехала почти милю, прежде чем сообразила, что произошло. Когда она осознала это, то в панике чуть не повернула обратно, но возвратиться ни с чем было бы глупо. Возможно, доктору, как и ей самой, удалось избегнуть этого непонятного бедствия. И поэтому в отчаянной, но уже тающей надежде она продолжала мчаться вперед.

На середине Риджент-стрит мотор стал давать перебои и фыркать; в конце концов он заглох совсем. В спешке она не поглядела на счетчик: бак был пуст.

Мгновение она сидела в нерешительности. Все лица на улице были обращены в ее сторону, но к тому времени она уже знала, что никто из этих людей не видит ее и не в состоянии ей помочь. Она вышла из машины, рассчитывая отыскать где-нибудь поблизости гараж или, если гаража не окажется, пройти оставшуюся часть пути пешком. Когда она захлопнула дверцу, ее позвали:

— Эй, приятель, а ну погоди минутку!

Она обернулась и увидела человека, ощупью направлявшегося к ней.

— Что вам? — спросила она. Вид его ей не понравился.

Услыхав ее голос, он изменил тон.

— Я заблудился, — сказал он. — Не знаю, где нахожусь.

— Это Риджент-стрит. Сразу позади вас кинотеатр «Нью Гэлери», — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

— Только покажите мне, где здесь обочина, мисс, будьте так добры, — сказал он.

Она заколебалась, и в это время он подошел вплотную. Его протянутая рука пошарила и коснулась ее рукава. Он прыгнул вперед и крепко и больно сжал ее руки в своей ладони.

— Так ты зрячая, — сказал он. — Какого же ты черта зрячая, когда все слепые?

Прежде чем она сообразила, что происходит, он повернул ее, подставил ногу, и она уже лежала на мостовой лицом вниз, а он упирался коленом ей в спину. Сжимая ее кисти одной рукой, он принялся связывать их шнурком, который достал из кармана. Затем он поднялся и снова поставил ее на ноги.

— Все в порядке, — сказал он. — Теперь ты будешь моими глазами. Я голоден. Веди меня, где есть хорошая жратва. Давай пошевеливайся.

Джозелла рванулась от него.

— Не пойду. Немедленно развяжите меня. Я...

Он ударил ее по лицу:

— Хватит болтовни!

И она пошла.

Она пошла и все время искала случай бежать. Он был настороже. Раз ей почти удалось это, но он оказался проворнее. Едва она вывернулась из его рук, как он подставил ногу, и, прежде чем она смогла подняться, он снова держал ее. После этого он нашел прочный шнур и привязал ее к своему запястью.

Сначала она повела его в кафе и поставила перед холодильником. Холодильник не работал, но продукты в нем были еще свежими. Затем они отправились в бар, где он потребовал ирландского виски. Ирландское виски оказалось на верхней полке, куда она не могла дотянуться.

— Развяжите мне руки, — предложила она.

— Ну да, а ты треснешь меня по голове бутылкой. Я уже давно из пеленок, милочка. Нет уж, я лучше выпью шотландского. Где здесь оно?

Он брал в руки бутылку за бутылкой, и она говорила ему, что в них содержится.

— Мне думается, я была просто не в себе, — объяснила она. — Сейчас я вижу полдюжины способов, как можно было перехит-

рить его. Только разве можно сразу перемениться и стать зверем? Я, во всяком случае, не могу. Вдобавок вначале я все воспринимала неправильно. Мне представлялось, что в наше время такие вещи невозможны и что вот-вот кто-нибудь появится и все поставит на место.

Прежде чем они ушли, в баре разразился скандал. В открытую дверь ввалилась еще одна компания мужчин и женщин. Гангстер неосторожно велел Джозелле сказать им, что содержится в найденной ими бутылке. Они сразу замолчали и обратили в ее сторону незрячие глаза. Послышался шепот, затем двое мужчин осторожно выступили вперед. По их лицам было ясно видно, что они собираются делать. Она рванула веревку и крикнула:

— Берегитесь!

Без малейшего промедления гангстер выбросил вперед ногу в ботинке. Пинок попал в цель. Один из мужчин, вскрикнув от боли, согнулся пополам. Другой бросился вперед, но она отступила в сторону, и он с треском врезался в прилавок.

— Прочь руки от нее! — заревел гангстер. Он угрожающе поводил головой по сторонам. — Она моя, провалиться вам всем. Ее нашел я!

Было ясно, однако, что те не собираются отступиться так просто. Даже если бы они видели опасность в выражении лица гангстера, это вряд ли остановило бы их. Джозелла начала понимать, что дар зрения, хотя бы из вторых рук, был теперь дороже всяких богатств и что с ним не расстаются без жестокой борьбы. Новоприбывшие стали надвигаться на них, вытянув перед собой руки. Тогда она подцепила носком ножку кресла и опрокинула его у них на пути.

— Пошли! — крикнула она, оттаскивая гангстера назад.

Двое мужчин споткнулись о перевернутое кресло и упали, на них повалилась женщина. Все смешалось, люди барахтались, пытаясь подняться, спотыкались и падали снова. Она потащила гангстера за собой, и они выскользнули на улицу.

Она не знала, почему так поступила. Возможно, перспектива стать рабой и глазами этой компании показалась ей еще более мрачной, чем положение пленницы у гангстера. Впрочем, он не стал благодарить ее. Он просто приказал ей найти другой кабачок, пустой.

— Я думаю, — сказала она рассудительно, — что он был не такой уж плохой человек, хотя по его внешности этого не ска-

жешь. Притом он был испуган. В глубине души он трусил гораздо больше, чем я. Он дал мне поесть и немного выпить. А избивать он меня стал потому, что был пьян и я не хотела идти с ним к нему домой. Не знаю, что бы со мной было, если бы не вы. Наверное, рано или поздно я бы убила его. — Она помолчала и добавила: — Но мне ужасно стыдно за себя. Вот до чего может дойти современная молодая женщина, не правда ли? Визжит и разваливается на куски... Черт возьми!

Теперь она выглядела и, наверное, чувствовала себя лучше, хотя и сморщилась от боли, потянувшись к бокалу.

— Что до меня, — сказал я, — то я во всем этом деле вел себя редкостным дураком. Мне просто повезло. Я должен был сделать выводы, когда увидел ту женщину с ребенком на Пиккадилли. Только случайно я не влип в такую же историю, как и вы.

— У всех обладателей сокровищами всегда была жизнь, полная опасностей, — задумчиво сказала она.

— Отныне буду иметь это в виду, — сказал я.

— А у меня это отпечаталось в памяти уже навсегда, — заметила она.

Некоторое время мы прислушивались к гаму в соседнем кабачке.

— Что же мы будем делать дальше? — сказал я наконец.

— Я должна вернуться домой. Там мой отец. Очевидно, теперь нет смысла пытаться найти доктора, даже если он остался зрячим.

Она хотела добавить еще что-то, но в нерешительности замолчала.

— Вы не будете возражать, если я пойду с вами? — спросил я. — Мне кажется, что в такое время людям вроде нас с вами не следует бродить в одиночку.

Она с благодарностью взглянула на меня:

— Спасибо вам. Я чуть не попросила вас об этом сама, но подумала, что у вас, может быть, и без меня есть о ком заботиться.

— Никого, — сказал я. — Во всяком случае, в Лондоне.

— Я очень рада. Дело даже не в том, что я боюсь, как бы меня снова не схватили... теперь я буду очень осторожна. Но, честно говоря, я боюсь одиночества. Я начинаю чувствовать себя такой... такой отрезанной от всех, такой покинутой.

Я стал видеть все в новом свете. Чувство облегчения постепенно вытеснялось растущим осознанием мрака, ожидавшего

нас впереди. Сначала было невозможно не испытывать некоторого превосходства над остальными и, как следствие, уверенности. Наши шансы выжить в этой катастрофе были в миллион раз больше, чем у них. Там, где им нужно было шарить, нащупывать и догадываться, нам оставалось просто идти и брать. Но, кроме того, должно было быть и другое...

Я сказал:

— Интересно, сколько людей сохранили зрение? Я натолкнулся на одного взрослого мужчину, на ребенка и грудного младенца. Вы не встретили ни одного. Мне кажется, нам предстоит убедиться, что зрение сделалось настоящей редкостью. И некоторые ослепшие уже начали понимать, что их единственный шанс на спасение состоит в том, чтобы завладеть зрячим. Когда это поймут все, нам предстоит много неприятного.

Джозелла поднялась с места.

— Мне пора идти, — сказала она. — Бедный отец. Уже пятый час.

На Риджент-стрит меня вдруг осенило.

— Перейдем на ту сторону, — сказал я. — Кажется, где-то там должен быть магазин...

Магазин там был. Мы обзавелись парой ножей в ножнах и ремнями.

— Совсем как пираты, — сказала Джозелла, застегивая на себе ремень.

— По-моему, лучше быть пиратом, чем пиратской добычей, — возразил я.

Пройдя несколько сотен метров, мы наткнулись на огромный сияющий автомобиль. Таким роскошным машинам положено едва слышно мурлыкать, но, когда я включил двигатель, нам показалось, будто она взревела громче, чем все уличное движение в каком-нибудь деловом квартале. Мы двинулись на север, выписывая зигзаги возле брошенных машин и бредущих людей, застывавших посреди улицы при нашем приближении. На всем пути лица с надеждой обращались к нам навстречу; когда мы проезжали мимо, они разочарованно вытягивались. Мы проехали дом, охваченный пламенем, и где-то в районе Оксфорд-стрит поднимались клубы дыма от другого пожара. На Оксфорд-Сиркус народу было больше, но мы аккуратно пробрались через толпу, миновали здание Би-би-си и выехали на транспортную дорогу в Риджент-парке.

Нам стало легче, когда улицы остались позади и мы оказались на просторе, где не было несчастных людей, бредущих на

ощупь неизвестно куда. На полях, заросших травой, мы заметили только две или три небольшие группы триффидов, ковыляющих в южном направлении. Каким-то образом они ухитрились вытянуть из земли колья, к которым были прикованы, и волокли их на цепях за собой. Я вспомнил, что несколько десятков экземпляров содержались в загоне при зоопарке, некоторые на привязи, а большинство просто в двойной ограде, и удивился, как им удалось оттуда выбраться. Джозелла тоже заметила их.

— Для них это, наверное, безразлично, — сказала она.

Остаток пути мы проехали без задержки. Через несколько минут я затормозил возле ее дома. Мы вышли из машины, и я распахнул ворота. Короткая подъездная дорога вела вокруг лужайки с кустарником, скрывавшим фасад дома со стороны шоссе. Едва мы обогнули ее, как Джозелла вскрикнула и побежала вперед. На гравии ничком неподвижно лежал человек. Лицо его было обращено к нам, и в глаза мне сразу же бросилась яркая красная черта на его щеке.

— Стойте! — заорал я.

Вероятно, тревога в моем голосе заставила ее замереть на месте.

Теперь я заметил триффида. Он затаился в кустарнике поблизости от распростертого тела.

— Назад! Живо! — сказал я.

Она колебалась, не спуская глаз с лежащего.

— Не должна же я... — начала она, оборачиваясь ко мне. Затем она остановилась. Глаза ее расширились, и она завизжала.

Я круто повернулся и увидел перед собой другого триффида, громоздившегося всего в нескольких шагах за моей спиной.

Одним машинальным движением я закрыл лицо руками. Я услыхал, как свистнуло жало, нацеленное в меня, но не было беспамятства, не было и мучительной жгучей боли. В подобные моменты мысль работает с молниеносной быстротой; тем не менее инстинкт, а не разум бросил меня на триффида, прежде чем тот ударил вторично. Я столкнулся с ним, опрокинул и, падая вместе с ним, вцепился обеими руками в верхнюю часть стебля, крутя и выворачивая чашечку с жалом. Стебель триффида не ломается, зато его можно как следует измочалить. И прежде чем я поднялся на ноги, стебель у этого триффида был измочален на совесть. Джозелла стояла на том же месте как пригвожденная.

— Идите сюда, — сказал я. — В кустах позади вас есть еще один.

Она со страхом оглянулась через плечо и подошла.

— Он же ударил вас, — сказала она. — А вы даже не...

— Сам не понимаю, в чем дело, — сказал я.

Я поглядел на поверженного триффида. Затем я вспомнил про оружие, которым мы запаслись, имея в виду совсем других врагов, вынул нож и отрезал жало у основания.

— Вот оно что, — сказал я, показывая ей пузырек с ядом. — Глядите, какие они пустые, все сморщились. Если бы они были полны хотя бы наполовину... — Я опустил книзу большой палец.

Это обстоятельство, а также мой благоприобретенный иммунитет к яду спасли меня. Все же на тыльной стороне ладоней появилась поперечная розовая полоса, а шея чесалась дьявольски. Я все время тер ее, пока стоял и рассматривал жало.

— Странно... — пробормотал я скорее себе под нос, чем для нее, но она услышала.

— Что странно?

— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пузырьки с ядом были совершенно пустые, как эти. Он, должно быть, здорово поработал жалом сегодня.

Сомневаюсь, чтобы она слушала меня. Ее внимание было вновь поглощено человеком на подъездной дороге, и она разглядывала триффида, стоявшего подле него.

— Как бы нам взять его оттуда? — спросила она.

— Ничего не получится, пока там торчит эта штука, — ответил я. — И, кроме того... Видите ли, боюсь, ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы хотите сказать, что он мертв?

Я кивнул:

— Да. Несомненно. Я видел людей, пораженных жалом. Кто это?

— Старый Пирон. Он был у нас садовником. И шофером у отца. Такой славный старик... Я всю жизнь знала его.

— Мне, право, очень жаль... — начал я, не зная, какие слова сказать в утешение, но она прервала меня:

— Глядите!.. Глядите, вон там! — Она показала на тропинку, ведущую за угол дома. Из-за угла была видна нога в черном чулке и женской туфле.

Мы тщательно осмотрелись и затем перешли на другое место, откуда было лучше видно. Девушка в черном платье лежала

в цветочной клумбе, вытянув ноги на тропинку. Ее милое свежее личико было обезображено яркой красной линией. У Джозеллы перехватило дыхание. На глазах выступили слезы.

— О!.. О, это же Анна! Бедная маленькая Анна, — проговорила она.

Я попытался утешить ее.

— Они ничего не почувствовали — ни он, ни она, — сказал я. — Если жало убивает, оно убивает мгновенно.

Триффидов в засаде здесь, видимо, больше не было. Может быть, обоих убил один и тот же. Держась рядом, мы пересекли тропинку и вступили в дом через боковую дверь. Джозелла позвала. Никто не отозвался. Она позвала снова. Мы стояли и вслушивались в мертвую тишину, царившую в доме. Она повернулась и взглянула на меня. Не было сказано ни слова. Она медленно повела меня по коридору к двери, обитой байкой. И едва она приоткрыла дверь, как что-то просвистело в воздухе и шлепнулось о створку и притолоку дюймом выше ее головы. Она торопливо захлопнула дверь и поглядела на меня расширившимися глазами.

— Один там, в зале, — сказала она.

Она произнесла это испуганным полушепотом, как будто триффид мог подслушать ее.

Мы вернулись к боковой двери и снова вышли в сад. Ступая по траве, чтобы не производить шума, мы направились в обход дома и остановились перед входом в холл. Стеклянная дверь была раскрыта настежь, одна из стеклянных панелей была расколота. След из ошметков грязи тянулся через ступеньки и по паркету. Там, где след кончался, посередине комнаты стоял триффид. Верхушка его стебля почти касалась потолка, и он тихонько покачивался на месте. Возле его сырого косматого основания лежал пожилой человек в ярком шелковом халате. Я крепко взял Джозеллу за руку. Я боялся, что она может рвануться в холл.

— Это... ваш отец? — спросил я, хотя и так знал, кто это.

— Да, — сказала она и закрыла лицо руками. Она вся дрожала.

Я стоял неподвижно, не спуская глаз с триффида на случай, если он двинется в нашу сторону. Затем я подумал о носовом платке и подал ей свой. Сделать ничего нельзя было. Через некоторое время она взяла себя в руки. Вспомнив про ослепших людей, которых мы видели сегодня, я сказал:

— Вы знаете, я бы предпочел, чтобы со мной случилось *это*, нежели стать как остальные...

— Да, — отозвалась она после паузы.

Она взглянула на небо. Там была мягкая бездонная синева и плыли облачка, легкие, как перья.

— О да, — повторила она уже более уверенно. — Бедный папа. Он бы не перенес слепоты. Он слишком любил все это... — Она снова заглянула в холл. — Что же нам делать? Я не могу оставить...

В этот момент я уловил в уцелевшей стеклянной панели отражение какого-то движения. Я быстро обернулся и увидел триффида, который выдрался из кустов и ковылял напрямик через лужайку к нам. Было слышно, как при размахах стебля шуршат его кожистые листья.

Времени терять было нельзя. Я ведь понятия не имел, сколько их могло быть поблизости. Я снова схватил Джозеллу за руку и бегом потащил за собой назад той же дорогой, по которой мы пришли. Когда мы благополучно забрались в автомобиль, она наконец разрыдалась по-настоящему.

Ей будет легче, когда она выплачется. Я закурил сигарету и стал обдумывать наш следующий ход. Ей, конечно, не захочется бросить так тело отца. Она пожелает достойно похоронить его, и это означает, что нам придется рыть могилу и сделать все, что полагается в таких случаях. А прежде чем хотя бы попытаться все это сделать, нужно будет найти способ избавиться от триффидов, которые уже там, и отогнать других, которые могут появиться. Короче говоря, я бы с радостью отказался от всего этого, но в конце концов и то сказать: там, в холле, лежал не мой отец...

Чем больше я обдумывал эту новую проблему, тем меньше она мне нравилась. Я понятия не имел, сколько триффидов может быть в Лондоне. По несколько штук содержал каждый парк. Обычно им урезали жала и пускали бродить, где им вздумается; но было много триффидов с нетронутыми жалами, их держали либо на привязи, либо за проволочной сеткой. Я вспомнил о тех, что ковыляли на юг по Риджент-парку. Интересно, сколько их держали в загоне при зоопарке и сколько вырвалось на свободу? Затем много триффидов было также в частных садиках; правда, следовало ожидать, что хозяева урезают их, но кто скажет, как далеко может зайти дурацкая беспечность? И было еще несколько питомников и еще несколько экспериментальных станций в окрестностях Лондона...

Я сидел и размышлял, и меня не покидало ощущение какого-то смутного движения в глубине памяти, какие-то ассоциации идей, которые никак не могли соединиться. Затем меня осенило. Я словно наяву услышал голос Уолтера:

— Уверяю вас, в борьбе за существование триффид оказался бы в гораздо лучшем положении, чем слепой человек.

Конечно, он имел в виду человека, ослепленного триффидным жалом. Но все равно меня так и подбросило. Более того, это меня испугало.

Я стал вспоминать. Нет, это были всего лишь общие соображения, и тем не менее теперь это представлялось чуть ли не сверхъестественным...

— Отнимите у нас зрение, — говорил он, — и наше превосходство исчезнет.

Да, совпадения случались во все времена, только далеко не всегда они бросаются в глаза...

Хруст гравия вернул меня к настоящему. По подъездной дороге к воротам ковылял, раскачиваясь, триффид. Я перегнулся через сиденье и поднял стекло в окне.

— Поезжайте! Поезжайте! — истерически закричала Джозелла.

— Здесь мы в безопасности, — сказал я. — Мне хочется посмотреть, что он станет делать.

В то же время меня осенило, что одна из моих проблем решена. Я настолько привык к триффидам, что совершенно забыл, как большинство людей смотрят на триффида с неурезанным жалом. Я вдруг понял, что Джозелла больше не заикнется о возвращении в этот дом. Ее взгляд на это чудовище выражался одной простой идеей: держаться от него как можно дальше.

В воротах триффид приостановился. Можно было поклясться, что он прислушивается. Мы сидели тихо и неподвижно. Джозелла смотрела на него с ужасом. Я ожидал, что он хлестнет жалом в автомобиль. Но этого не случилось. Вероятно, наши голоса звучали в закрытой кабине приглушенно, и он решил, что мы находимся вне пределов досягаемости.

Голые черенки коротко простучали по стеблю. Он качнулся, неуклюже перевалился вправо и скрылся на другой подъездной дороге.

Джозелла с облегчением вздохнула.

— О, давайте уедем, пока он не вернулся, — умоляюще проговорила она.

Я включил двигатель, развернул машину, и мы поехали обратно в Лондон.

ГЛАВА 5
ОГОНЬ В НОЧИ

К Джозелле вернулось самообладание. С явным и нарочитым намерением отвлечься от того, что осталось позади, она спросила:

— Куда мы сейчас едем?

— Сначала в Клеркенвел, — ответил я. — Затем мы поищем для вас одежду. За одеждой, если хотите, поедем на Бонд-стрит, но сначала отправимся в Клеркенвел.

— Но почему в Клеркенвел?.. О Господи!

Действительно, «о Господи»! Мы повернули за угол и оказались на улице, забитой людьми. Они с плачем и криками бежали нам навстречу, вытянув перед собой руки и спотыкаясь. В тот момент, когда мы увидели их, женщина, бежавшая впереди, оступилась и упала; сейчас же о нее споткнулись и повалились бежавшие следом, и она исчезла под грудой барахтающихся тел. А позади толпы мы увидели причину этого панического бегства: над головами охваченных ужасом людей раскачивались три ствола в темных листьях. Я дал газ и круто свернул в боковой переулок.

Джозелла обратила ко мне испуганное лицо:

— Вы... вы видели? Они их *погоняли!*

— Да, — сказал я. — Поэтому мы и едем в Клеркенвел. Там находится мастерская, которая производит лучшие в мире триффидные ружья и маски.

Проехав несколько кварталов, мы вновь помчались намеченным маршрутом, но вскоре оказалось, что путь далеко не так свободен, как я рассчитывал. На улицах вблизи от Кингз-Кросс-стэйшн народу было гораздо больше. Продвигаться вперед становилось все труднее, хотя я непрерывно сигналил. Наконец перед самой станцией пришлось остановиться. Не знаю, почему там была такая толпа. Можно было подумать, будто все население района сошлось туда. Мы не могли пробиться через плотную стену людей, и, оглянувшись, я убедился, что так же безнадежно было бы пытаться проложить путь назад. Толпа уже сомкнулась позади нас.

— Выходите, быстро, — сказал я. — Мне кажется, они хотят взять нас.

— Но... — начала Джозелла.

— Живо! — приказал я.

Я в последний раз дал сигнал и выскользнул из машины вслед за Джозеллой. И как раз вовремя. Какой-то мужчина нащупал ручку задней дверцы. Он распахнул ее и стал шарить внутри. Другие, спешившие к машине, едва не сбили нас с ног. Послышался сердитый крик, когда кто-то отворил переднюю дверцу и обнаружил, что место водителя тоже опустело. К этому времени мы уже благополучно смешались с толпой. Кто-то схватил мужчину, открывавшего заднюю дверцу, приняв его за водителя. Началась свалка. Я крепко взял Джозеллу за руку, и мы начали выбираться из толпы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Выбравшись, мы некоторое время шли пешком, ища подходящую машину. Примерно через милю мы нашли то, что было нужно: автофургон, показавшийся мне более всего пригодным для плана, который начал смутно формироваться в моем сознании.

Клеркенвел уже два или три века специализировался на производстве точных инструментов. Маленькая мастерская, с которой я время от времени имел дело по долгу службы, приспособила старинное умение к новым нуждам. Я нашел ее без труда; нетрудно оказалось и пробраться внутрь. Когда мы покинули ее, нами владело приятное чувство защищенности: в кузов машины мы уложили несколько штук превосходных триффидных ружей, несколько тысяч маленьких стальных бумерангов к ним и несколько шлемов с масками из проволочной сетки.

— А что теперь — одежда? — спросила Джозелла, когда мы тронулись.

— Обсуждается предварительный план, открытый для критики и поправок, — объявил я. — Прежде всего предлагается найти какое-нибудь pied-à-terre: местечко, где можно привести себя в порядок и обсудить положение.

— Только не кабак, — запротестовала она. — Довольно с меня кабаков на сегодня.

— С меня тоже, — согласился я. — Хотя мои друзья нипочем не поверили бы мне, особенно если принять во внимание, что все бесплатно. Собственно, я имел в виду какую-нибудь пустую квартиру. Найти такую, должно быть, не очень трудно. Там мы отдохнем и составим вчерне план действий. Кроме того, там было бы удобно устроиться на ночь... а если нынешние чрезвычайные обстоятельства, на наш взгляд, не отменили некоторых условностей, то что же, может быть, нам удастся найти и две квартиры.

— Я думаю, мне будет приятнее сознавать, что кто-то есть рядом со мной.

— И чудесно, — сказал я. — Далее, операция номер два. Обмундирование и снаряжение для леди и джентльменов. Тут нам, пожалуй, лучше разделиться, а разделившись, не забыть, на какой квартире мы остановились.

— Х-хорошо, — проговорила она с некоторым сомнением в голосе.

— Все будет в порядке, — заверил я ее. — Только возьмите за правило ни с кем не разговаривать, и никто не догадается, что вы зрячая. Вы тогда попали в переделку только потому, что были захвачены врасплох. В стране слепых и кривой — король.

— О да... Это, кажется, из Уэллса, не так ли?.. Только в его рассказе получилось иначе.

— Вся трудность в том, как понимать слово «страна» — в оригинале «patria», — заметил я. — «Caecorum in patria luscus rex imperat omnus». Первым это сказал некий джентльмен из римской классики, по имени Фуллоний, и больше о нем никто ничего не знает. Но здесь нет больше организованной patria, организованного государства. Есть только хаос. Воображаемый народец Уэллса приспособился к слепоте. Здесь же, по-моему, этого не произойдет. Я не вижу, как это могло бы произойти.

— А что же, по-вашему, произойдет?

— Я знаю не больше, чем вы. В свое время мы узнаем, и боюсь, что скоро. Но вернемся лучше к нашим баранам. На чем мы остановились?

— Одежда.

— А, да. Ну, это просто. Нужно забраться в магазин, взять то, что требуется, и выбраться обратно. В центре Лондона триффидов вы не встретите — по крайней мере пока.

— Как легко вы об этом говорите: забраться и взять.

— Чувствую я себя вовсе не легко, — признался я. — Но я не уверен, что это добродетель. Скорее уж привычка. С другой стороны, упрямое нежелание смотреть фактам в лицо ничего не изменит и ничем нам не поможет. Я думаю, мы должны считать себя не ворами, а всего лишь... ну, скажем, наследниками поневоле.

— Да. Что-то в этом роде, — согласилась она с видом эксперта.

Некоторое время она молчала. Затем вернулась к первоначальной проблеме.

— А что после одежды? — спросила она.

— Операция номер три, — сказал я, — это, несомненно, обед.

С квартирой, как я и ожидал, все обошлось как нельзя проще. Мы оставили машину на середине улицы в богатом квартале и забрались на третий этаж. Не знаю, почему именно на третий, разве что он представлялся нам как-то менее заметным. Процесс выбора был несложен. Мы звонили или стучали, и если кто-нибудь откликался, мы шли дальше. За четвертой дверью нам не ответили. Муфта замка вылетела от одного хорошего толчка плечом, и мы вошли.

Я никогда не принадлежал к людям, которым нравится жить в квартале за две тысячи фунтов в год, однако я обнаружил, что в ее пользу можно сказать очень многое. Интерьер здесь обставляли, как мне кажется, элегантные молодые люди с тем остроумным даром сочетать вкус с передовой модой, который обходится так дорого. Там и тут наличествовали настоящие derniers cris, из них некоторым, если бы мир остался прежним, несомненно, предстояло бы стать увлечением завтрашнего дня; другие, по-моему, с самого начала были обречены на забвение. Общий же эффект был такой же, как на выставке-распродаже с ее нетерпимостью к человеческим слабостям: книга, сдвинутая с места на несколько дюймов, книга в переплете неподходящего цвета, безалаберный гость в неподходящем костюме, усевшийся в неподходящее кресло, сразу же нарушили бы здесь тщательно продуманное равновесие и тон. Я повернулся к Джозелле, взирающей на все это широко раскрытыми глазами.

— Ну как, подойдет нам эта хижина или пойдем дальше? — спросил я.

— О, я думаю, нам и здесь будет неплохо, — ответила она. Рука об руку мы ступили на нежно-желтый паркет и начали осмотр.

Я не рассчитывал на это, но трудно было бы найти более удачный способ отвлечь ее мысли от событий дня. Наш обход сопровождался потоками восклицаний, выражавших восхищение, зависть, удовольствие и, надо признаться, злость. На пороге комнаты, переполненной атрибутами женского снаряжения, Джозелла остановилась.

— Я буду спать здесь, — объявила она.

— Господи! — воскликнул я. Затем я сказал: — Ну что ж, о вкусах не спорят.

— Не надо ехидничать. Ведь мне больше никогда, вероятно, не представится случай поблаженствовать. И, кроме того, разве вам неизвестно, что в каждой девушке есть капелька пошлейшей кинозвезды? Вот и пусть это проявится в последний раз.

— Пусть, — сказал я. — Но я все же надеюсь, что здесь где-нибудь найдется местечко поскромнее. Избави меня Бог спать в постели под зеркалом на потолке.

— Над ванной тоже есть зеркало, — сообщила она, заглядывая в соседнее помещение.

— Это было бы уже верхом разложения, — заметил я. — Впрочем, вам не придется ею пользоваться. Нет горячей воды.

— Правда, а я и забыла. Вот жалость-то! — разочарованно воскликнула она.

Остальные помещения оказались не такими сенсационными. Когда обход был закончен, Джозелла отправилась добывать одежду. Я еще раз осмотрел квартиру, чтобы выяснить, какими ресурсами мы здесь располагаем и чего у нас нет, а затем тоже двинулся в поход.

Едва я шагнул наружу, как дальше по коридору открылась другая дверь. Я замер на месте. Вышел молодой человек, ведя за руку белокурую девушку. Когда она переступила через порог, он отпустил ее.

— Подожди здесь минутку, родная, — сказал он.

Он сделал несколько шагов по мягкому ковру, скрадывавшему звуки. Его протянутые руки нашли окно в конце коридора. Его пальцы нащупали и отодвинули шпингалет. За окном снаружи я заметил пожарную лестницу.

— Что ты делаешь, Джимми? — спросила девушка.

Он быстро вернулся к ней и снова взял ее за руку.

— Я просто проверил дорогу, — сказал он. — Пойдем, родная.

Она отпрянула:

— Джимми, мне не хочется уходить. У себя дома мы хоть знаем, где находимся. Как мы найдем еду? Как мы будем жить?

— Дома, родная, еду мы и вовсе не найдем... и потому не проживем долго. Пойдем, моя радость. Не бойся.

— Но я боюсь, Джимми... Я боюсь!

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Все будет хорошо, родная. Пойдем.

— Погоди, Джимми, мы идем не туда...

— Ты перепутала, дружок. Мы идем правильно.

— Джимми, мне страшно... Пойдем назад!

— Слишком поздно, родная.

Перед окном он остановился. Одной рукой он тщательно ощупал подоконник. Затем он обнял ее и прижал к себе.

— Это было слишком прекрасно и не могло продолжаться долго, — тихо сказал он. — Я люблю тебя, родная моя. Я очень, очень люблю тебя.

Она подняла к нему лицо, и он поцеловал ее в губы.

Повернувшись, он поднял ее на руки и шагнул из окна.

«Ты должен отрастить толстую шкуру, — сказал я себе. — Должен. Иначе останется только пить до бесчувствия. Такие вещи должны происходить сейчас повсюду. Они происходят повсюду. Здесь ничем не поможешь. Положим, ты достал бы им еды, чтобы они продержались еще несколько дней. А дальше? Ты должен научиться смотреть на это и мириться с этим. Ничего другого не остается. Или утопить себя в алкоголе.

Если не драться за свою жизнь, несмотря ни на что, выжить будет невозможно... Уцелеют лишь те, кто сумеет подчинить чувства разуму...»

Поиски всего необходимого заняли больше времени, чем я ожидал. Мне удалось вернуться часа через два. Протискиваясь в дверь, я уронил несколько пакетов. Джозелла довольно нервно окликнула меня из своей сверхженственной спальни.

— Это только я, — успокоил я ее, пробираясь по коридору со своим грузом.

Свалив все на кухне, я отправился подобрать упавшие пакеты. Перед ее дверью я остановился.

— Не входите! — предупредила она.

— Да я и не собирался, — возразил я. — Мне только хотелось узнать, умеете ли вы готовить.

— Я умею варить яйца, — отозвался ее приглушенный голос.

— Этого я и опасался. Многому же нам предстоит научиться...

Я вернулся на кухню. Водрузив керосинку на бесполезную электрическую плиту, я принялся за дело.

Когда я закончил накрывать столик в гостиной, результат показался мне вполне удовлетворительным. Чтобы довершить убранство, я поставил наготове подсвечники со свечами. Джозелла все не появлялась, но несколько минут спустя из ванной донесся плеск бегущей воды. Я окликнул ее.

— Сейчас иду, — отозвалась она.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Совершенно сознательно я начал прощаться со всем, что было. Солнце стояло низко. Башни, шпили, фасады из портландского камня казались белыми и розовыми на фоне темнеющего неба. Там и тут горели пожары. Облака дыма поднимались черными грязными пятнами, кое-где у их основания мелькали языки пламени. Очень возможно, сказал я себе, что после завтрашнего дня мне не видеть больше ни одного из этих знакомых зданий. Может быть, наступит время, когда кто-нибудь вновь вернется сюда, но все здесь будет совсем по-другому. Над городом поработают пожары и непогода, он будет мертв и заброшен. Но сейчас, на расстоянии, он еще может маскироваться под живой город.

Отец как-то рассказывал мне, что перед самой войной с Гитлером он имел обыкновение бродить по Лондону с широко раскрытыми глазами, поражаясь красоте зданий, которую он раньше никогда не замечал... и прощаясь с ними. Сейчас мною владело такое же чувство. Но тут было нечто худшее. В той войне выжило все-таки больше людей, чем кто-нибудь смел надеяться. А теперь был враг, которого люди не могли одолеть. На этот раз человеку угрожали не варварские погромы и злоумышленные поджоги: впереди был просто долгий, медленный, неодолимый процесс разложения и разрушения.

Я стоял и смотрел, и сердце мое все еще отвергало то, что говорил мне разум. Даже тогда я все еще был под властью ощущения, будто все это слишком велико, слишком неестественно, чтобы происходить в действительности. И тем не менее я знал, что такое происходит в истории далеко не впервые. Трупы других великих городов похоронены в пустынях и стерты с лица земли азиатскими джунглями. Некоторые пали так давно, что от них не осталось даже названий. Но для тех, кто там обитал, разрушение представлялось не более вероятным и возможным, нежели представляется мне умирание исполинского современного города...

Должно быть, думал я, это было одним из наиболее упорных и удобных заблуждений человечества: считать, что «у нас это случиться не может», что никаким катаклизмам не подвержено лично мое крошечное время и местечко в мире. Но вот это случилось у нас. Если не произойдет никакого чуда, то я взирал сейчас на начало конца Лондона. Вероятно, были и другие, такие же, как я, взиравшие на начало конца Нью-Йорка, Парижа, Сан-Франциско, Буэнос-Айреса, Бомбея и прочих го-

родов, которым отныне предопределено пойти путем тех прежних, что заросли джунглями.

Я все смотрел в окно, когда позади послышался шорох. Я оглянулся и увидел Джозеллу. На ней было длинное красивое платье из бледно-голубого жоржета и белый меховой палантин. На простой цепочке блестели голубовато-белые брильянты; камни, мерцавшие в серьгах, были поменьше, но такой же чистой воды. Ее волосы были так убраны, а лицо сияло такой свежестью, словно она только что вышла из салона красоты. Она шла через комнату, легко ступая ногами в серебряных туфельках и блестящих чулках-паутинках. Я молча таращил на нее глаза, и под моим взглядом исчезала легкая улыбка на ее губах.

— Вам не нравится? — спросила она по-детски обиженно.

— Это чудесно... Вы очаровательны, — отозвался я. — Мне... Ну, я просто не ожидал ничего подобного.

Требовалось что-то еще. Я ведь понимал, что ко мне этот наряд не имеет никакого отношения. Я добавил:

— Вы прощаетесь?

— Значит, вы поняли. Я так надеялась, что вы поймете.

— Думаю, что понял. Я рад, что вы так сделали. Это будет очень приятно вспоминать.

Я протянул ей руку и подвел к окну.

— Я тоже прощался... со всем этим.

Не знаю, о чем она думала, пока мы стояли там плечом к плечу: это ее тайна. Мои же мысли неслись беспорядочно, калейдоскопом картин жизни, которая кончалась навсегда, или это больше походило на перелистывание огромного фотоальбома с одним всепонимающим «а ты помнишь?».

Мы долго стояли у окна, погруженные в раздумье. Затем она вздохнула. Она оглядела себя, приглаживая пальцами тонкий шелк.

— Это глупо?.. Когда горит Рим... — проговорила она с горестной усмешкой.

— Нет... это славно, — сказал я. — Спасибо вам. Этот жест... и напоминание о том, что при всех гадостях в нашем мире так много красоты. Вы не могли бы сделать... и выглядеть... прекраснее.

Улыбка ее просветлела.

— Спасибо, Билл. — Она помолчала. — Ведь я еще не говорила вам «спасибо»? Нет, не говорила. Если бы вы не выручили меня...

— Если бы не вы, — прервал я ее, — я бы скорее всего валялся сейчас в каком-нибудь кабаке в пьяных слезах и соплях. Я благодарен вам не меньше. Сейчас не такое время, чтобы быть одному. — Затем, чтобы переменить разговор, я добавил: — Кстати, о пьянстве. Вот здесь у нас имеется отличное амонтильядо и кое-что приятное на закуску. Квартира нам попалась на диво удачная.

Я разлил шерри, и мы подняли бокалы.

— За здоровье, силу... и удачу, — сказал я.

Она кивнула. Мы выпили.

Когда мы принялись за превосходный паштет, Джозелла спросила:

— Что, если бы сейчас вдруг вернулся владелец всего этого?

— Мы объяснили бы ему... и он был бы только благодарен за то, что кто-то может сказать ему, где какая бутылка и так далее... Но вряд ли это случится.

— Пожалуй, — согласилась она, подумав. — Да, пожалуй. Боюсь, что это вряд ли случится. А интересно... — Она оглядела комнату. Ее взгляд остановился на белом цоколе с рифленой облицовкой. — Вы не включали радио?.. Ведь это радио, не правда ли?

— Это и радио, и телевизор, — ответил я. — Но он не работает. Нет тока.

— Ну конечно, я забыла. Наверное, мы долго еще будем забывать такие вещи.

— Но я включал другой приемник, когда выходил. На батарейках. И ничего. В эфире тишина, как в могиле.

— И это значит, что везде как у нас?

— Боюсь, что да. Пищит кто-то морзянкой на сорока двух метрах, и больше ничего. Нет даже несущей частоты. Хотел бы я знать, кто он и где находится этот бедняга.

— Будет... будет очень тяжело, да, Билл?

— Будет... Нет, я не желаю омрачать этот обед, — сказал я. — Делу время, потехе час... а в будущем нас совершенно определенно ждет дело. Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Например, сколько раз вы были влюблены и почему вы до сих пор не замужем... или вы замужем? Сами видите, как мало я знаю. Вашу биографию, будьте так любезны.

— Ну что ж, — сказала она. — Я родилась в трех милях отсюда, и моя мать была этим очень недовольна.

Я поднял брови.

— Видите ли, она твердо решила, что я буду американкой. Но когда за нею приехали, чтобы отвезти на аэродром, было уже поздно. Очень она была импульсивная... Я думаю, это передалось и мне.

Она продолжала болтать. Ничего примечательного не случилось в ее ранние годы, но, по-моему, ей нравилось вспоминать о них и на время отвлечься от нашего положения. А мне нравилось слушать ее, как она болтает о знакомых и забавных вещах, которые уже исчезли из этого мира. Мы с легкостью прошли через ее детство, через школьные годы и «выход в свет», если это выражение еще что-нибудь значило.

— Когда мне исполнилось девятнадцать, я едва не вышла замуж, — призналась она. — И как же я рада сейчас, что из этого ничего не получилось! Тогда я, конечно, думала по-другому. У меня была ужасная ссора с папой, который все это расстроил. Он-то ведь сразу понял, что Лайонель просто слигад и...

— Кто? — прервал я ее.

— Слигад. Вроде как помесь слизняка и гада, этакий светский тунеядец. Так вот, я порвала с семьей и ушла жить к одной своей подруге, у которой была квартира. Тогда семья перестала давать мне деньги. Это было очень глупо, так как могло привести совсем не к тем результатам, на которые они рассчитывали. Не случилось же этого просто потому, что образ жизни всех моих знакомых девушек, вступивших на такую стезю, показался мне очень уж утомительным. Слишком мало радостей, ужасное количество скандалов из ревности, которые приходится улаживать... и слишком много расчета. Вы не поверите, сколько им приходилось рассчитывать, чтобы удерживать при себе одного-двух запасных партнеров... — Она задумалась.

— Это не важно, — заметил я. — Общую мысль я уловил. Вы просто не хотели никаких партнеров.

— Вы не лишены интуиции. В общем, я все равно не могла оставаться нахлебницей у подруги, где жила. Мне нужно было зарабатывать, и тогда я написала книгу.

Мне показалось, что я ослышался.

— То есть вы сделали компиляцию?

— Я написала книгу. — Она взглянула на меня и улыбнулась. — Должно быть, я страшно тупая на вид — так на меня глядели все, когда я говорила, что пишу книгу. Заметьте, книга получилась не такая уж хорошая... Я хочу сказать, не такая, как у Олдоса, или Чарльза, или других людей в этом роде. Но свое дело она сделала.

Я не стал осведомляться, какого из всех мыслимых Чарльзов она имеет в виду. Я просто спросил:

— Вы хотите сказать, что она была издана?

— О да. И она принесла мне много денег. Право на экранизацию...

— Что же это за книга? — спросил я с любопытством.

— Она называется «Мои похождения в мире секса».

Я вытаращил глаза, затем хлопнул себя по лбу.

— Джозелла Плэйтон, ну конечно! Я никак не мог вспомнить, где я слышал ваше имя. Так это вы написали ту штуку? — добавил я недоверчиво.

Не знаю, почему я не вспомнил раньше. Ее фотографии были всюду (не очень хорошие фотографии, как я теперь убедился), и всюду была эта книга. Две крупные библиотеки наложили на нее запрет, скорее всего просто из-за названия. После этого успех ей был обеспечен, и книга стала продаваться сотнями тысяч экземпляров. Джозелла хихикнула. Я был рад, что ей смешно.

— О Боже, — сказала она. — Вы на меня глядите совершенно как все мои родственники.

— Не могу им ставить этого в вину, — заметил я.

— А вы ее читали?

Я покачал головой. Она вздохнула:

— Смешной народ. Вам известны только название и реклама, и вы уже шокированы. А в действительности это такая безобидная маленькая книжечка. Смесь незрелой искушенности и розовой романтики с пятнышками девичьего румянца. Но с названием мне повезло.

— Тоже мне везение, — сказал я. — Да еще имя поставили свое настоящее.

— Это было ошибкой, — согласилась она. — Издатели убедили меня, что так будет лучше для рекламы. Со своей точки зрения они были правы. Я приобрела скандальную известность. Меня прямо распирало от смеха, когда люди в ресторанах и прочих таких местах осторожно разглядывали меня — как видно, им было трудно связать воедино то, что они видели, и то, что они думали. Ко мне на квартиру стали регулярно наведываться всякие личности, которые мне совсем не нравились, и, чтобы избавиться от них, я снова вернулась домой: я ведь доказала, что могу прожить самостоятельно. Впрочем, книга все-таки подпортила мою репутацию. Оказалось, люди склонны

воспринимать ее название буквально. По всей видимости, я была навек обречена отбиваться от людей, которых терпеть не могла... а те, которых я была готова терпеть, были либо напуганы, либо шокированы. Больше всего меня раздражало, что книга даже не была безнравственной. Она была просто глупой, и разумным людям следовало бы понимать это.

Она помолчала. Мне пришло в голову, что разумные люди сочли просто глупым и самого автора, но я не стал говорить этого вслух. Все мы в молодости творили безрассудства, о которых неприятно вспоминать, но поступки, имеющие следствием финансовый успех, люди почему-то не склонны рассматривать как безрассудства молодости.

— Из-за этого все как-то пошло прахом, — пожаловалась она. — Я принялась за новую книгу, чтобы выправить положение. Но я рада, что так и не закончила ее. Она получилась резковатой.

— И название такое же волнующее? — спросил я.

Она покачала головой:

— Я собиралась назвать ее «Здесь покинутая».

— Гм... Да, в нем, конечно, уже нет той изюминки, — сказал я. — Цитата?

— Да, — кивнула она. — Из мистера Конгрива: «Здесь покинутая дева отдыхает от любви».

— Э... А... — сказал я и на несколько минут погрузился в размышления.

— А теперь, — предложил я, — настало, мне думается, время составить вчерне план наших действий. Если разрешите, я хотел бы высказать несколько общих соображений.

Мы развалились в чрезвычайно комфортабельных креслах. На низком столике между нами стояла кофеварка. Перед Джозеллой была крошечная рюмка с куантро. Пузатый плутократический бокал с лужицей бесценного бренди был передо мной. Джозелла выпустила струйку дыма и пригубила из рюмки. Смакуя, она проговорила:

— Интересно, доведется ли нам когда-нибудь еще раз ощутить вкус свежих апельсинов? Ладно, валяйте.

— Так вот, — сказал я. — Положение не блестящее. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Если не завтра, то послезавтра. Уже сейчас можно представить себе, что здесь произойдет. Пока еще есть вода в резервуарах. Скоро она кончится. Весь

город будет вонять, как гигантская сточная канава. На улицах уже появились трупы, с каждым днем их будет все больше. — Я увидел, как она содрогнулась. Я совсем забыл, что кое-какие из моих соображений могут жестоко задеть ее. Я поспешно продолжал: — Это может вызвать холеру, тиф и бог знает что еще. Важно уехать отсюда раньше, чем начнется что-нибудь в этом роде.

Она согласно кивнула.

— Тогда следующий вопрос, по-видимому, таков: куда мы едем? У вас есть какие-нибудь предложения? — спросил я.

— Ну... Мне кажется, надо найти место, где мы, грубо говоря, не будем путаться под ногами. С надежным водоснабжением, например, с колодцем. И еще хорошо бы, чтобы это было где-нибудь на возвышенности... где всегда бы дули свежие, чистые ветры.

— Правильно, — сказал я. — О свежих, чистых ветрах я не подумал — но вы правы. Вершина холма с надежным водоснабжением — такое местечко найти не так-то просто. — Я подумал секунду. — Лейк-дистрикт? Нет, слишком далеко. Может быть, Уэльс? Или, возможно, Эксмур, или Дартмур, или уж сразу Корнуэлл? Где-нибудь на Лендс-Энде у нас будет по преимуществу юго-западный ветер прямо с Атлантики, ничем не зараженный. Но это тоже очень далеко. Нам ведь придется зависеть от городов, когда снова можно будет посещать их без опаски.

— Как насчет Суссекского Даунса? — предложила Джозелла. — Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом, прямо напротив Пулборо. Он, правда, не на вершине холма, но довольно высоко на склоне. Там есть ветряной насос для воды, и я думаю, они там вырабатывают собственное электричество. Они там все переделали и модернизировали.

— Действительно, идея заманчивая. Но это слишком близко к населенным местам. Вы не думаете, что нам следовало бы убраться еще дальше?

— У меня на этот счет есть сомнения. Сколько пройдет времени, прежде чем можно будет снова вернуться в город?

— Не имею никакого представления, — признался я. — Думаю, что-нибудь около года... Такой срок наверняка достаточно велик, как по-вашему?

— Понятно. Но вы же сами говорите: если мы заедем слишком далеко, нам будет очень непросто получать из городов снабжение.

— Это, конечно, мысль, — согласился я.

Мы временно оставили вопрос о будущей резиденции и перешли к разборке деталей переезда. Мы решили, что утром прежде всего раздобудем грузовик — вместительный грузовик, и стали составлять список материальных благ, которые в него погрузим. Если мы успеем погрузиться, то выедем завтра же вечером, а если нет — этот вариант представлялся более вероятным, потому что список все увеличивался, — то мы рискнем остаться в Лондоне еще на одну ночь и отправимся послезавтра утром.

Было уже около полуночи, когда мы кончили добавлять к списку необходимого свои личные пожелания. В результате получилось нечто вроде каталога универсального магазина. Но даже если это занятие послужило лишь для того, чтобы отвлечь на время наши мысли от самих себя, оно стоило затраченного времени.

Джозелла зевнула и поднялась.

— Спать хочется, — сказала она. — И меня ждут шелковые простыни этого ложа любви.

Казалось, она плыла над толстым ковром. Положив ладонь на дверную ручку, она остановилась и с важным видом оглядела себя в большом зеркале.

— Было очень славно, — сказала она и послала своему отражению воздушный поцелуй.

— Спокойной ночи, сладкое суетное видение, — пробормотал я.

Она обернулась с легкой улыбкой и затем исчезла за дверью, как облако тумана.

Я плеснул в бокал последнюю каплю бренди, согрел в ладонях и выпил.

«Никогда, никогда в жизни ты не увидишь больше такого зрелища, — сказал я себе. — Sic transit...»

И, не дожидаясь, пока тяжкое отчаяние овладеет мной, я отправился в свою скромную постель.

Я уже покоился в блаженном полузабытьи, когда раздался стук в дверь.

— Билл, — позвал голос Джозеллы. — Скорее идите сюда. Свет!

— Какой свет? — осведомился я, выбираясь из постели.

— В городе. Идите и посмотрите.

Она стояла в коридоре, закутавшись в халат, который мог принадлежать только владелице той замечательной спальни.

— Боже милосердный! — нервно проговорил я.

— Не валяйте дурака, — раздраженно сказала она. — Идите и посмотрите на этот свет.

Свет действительно был. Выглянув из окна на северо-восток, я увидел яркий неподвижный луч, скорее всего прожекторный, направленный прямо в зенит.

— Это означает, должно быть, что там кто-то зрячий, — сказала она.

— Должно быть, — согласился я.

Я попробовал определить, где находится прожектор, но не смог из-за темноты. Не слишком далеко, я был уверен, и основание луча как бы висело в воздухе — это, вероятно, означало, что прожектор установлен на высоком здании. Я заколебался. Мысль попытаться отыскать туда путь по улицам, погруженным в кромешный мрак, представлялась мне далеко не привлекательной. Кроме того, возможно было — весьма маловероятно, но все-таки возможно, — что это западня. Даже слепой человек, достаточно умный и отчаянный, мог оказаться в состоянии смонтировать такую штуку на ощупь.

— Лучше оставим это до завтра, — решил я.

Я нашел пилку для ногтей и опустился перед окном на корточки так, чтобы мои глаза были на уровне подоконника. Кончиком пилки я старательно провел по краске прямую линию, обозначив точное направление на луч. Затем я вернулся в свою комнату.

Час или больше я лежал, не смыкая глаз. Ночь усилила тишину над городом и прибавила тоски нарушающим ее звукам. Время от времени с улицы поднимался гомон голосов, раздраженных и ломающихся от истерии. Однажды послышался леденящий душу визг, который, казалось, упивался освобождением от оков разума. Неподалеку кто-то тихо рыдал, бесконечно и безнадежно. Дважды я слыхал отчетливый треск одиночных пистолетных выстрелов... И я от всего сердца вознес благодарность случаю, который свел меня с Джозеллой и избавил от одиночества.

Полное одиночество было самым страшным состоянием, какое я мог тогда себе представить. Один был ничем. Содружество означало цель, а цель помогала держать на привязи мрачные ужасы.

Я старался заглушить ночные крики мыслями обо всем, что нужно будет сделать завтра, и послезавтра, и еще через день, и

во все последующие дни; догадками о том, что может означать прожекторный луч и какое влияние он окажет на нас. Но рыдания продолжались, они не давали забыть о том, что я видел сегодня и что я увижу завтра...

Отворилась дверь, и я сел в постели, охваченный внезапной тревогой. Это была Джозелла с горящей свечой. Глаза у нее были огромные и темные, и она плакала.

— Я не могу заснуть, — сказала она. — Я боюсь... ужасно боюсь. Вы их слышите... всех этих несчастных? Я не вынесу этого...

Она пришла, ища утешения, как ребенок. Не думаю все же, чтобы она нуждалась в утешении больше, чем я сам.

Она заснула раньше меня, положив голову мне на плечо.

Воспоминания о прошедшем дне все еще не давали мне покоя. Но рано или поздно человек засыпает. Последнее, что я вспомнил, был нежный девичий голос, певший балладу Байрона.

ГЛАВА 6
ВСТРЕЧА

Проснувшись, я услыхал, что Джозелла уже возится на кухне. Мои часы показывали около семи. К тому времени, когда я побрился с холодной водой и оделся, по всей комнате уже пахло поджаренным хлебом и кофе. Когда я вышел в кухню, Джозелла держала сковородку над керосинкой. Она была преисполнена самообладания, которое совсем не ассоциировалось с испуганной фигуркой минувшей ночи. И движения ее были весьма деловиты.

— Боюсь, молоко у нас будет концентрированное, — сказала она. — Холодильник не работает. Впрочем, все остальное в порядке.

На мгновение мне было трудно поверить, что эта скромно и практично одетая девушка и есть вчерашнее видение из великосветского бала. На ней были темно-синий лыжный костюм, грубые носки с белым верхом и крепкие башмаки. На черном кожаном ремне вместо посредственного ножа, которым я ее вооружил вчера, висел отличный охотничий кинжал.

Не знаю, в какой одежде я ожидал ее увидеть и думал ли я об этом раньше вообще, но ее вид произвел на меня большое впечатление.

— Подходяще, как вы думаете? — спросила она.

— Замечательно, — уверил я ее. Затем я оглядел себя. — Мне бы тоже следовало подумать об этом. Этот джентльменский наряд, — добавил я, — не совсем пригоден в нынешних обстоятельствах.

— Да, вы могли бы одеться лучше, — честно согласилась она, взглянув на мой измятый костюм. — Этот свет прошлой ночью, — продолжала она, — шел с университетской башни. Я, во всяком случае, в этом уверена. Больше в том направлении нет ничего заметного. И расстояние тоже подходит.

Я отправился в ее комнату и посмотрел вдоль царапины, которую провел на подоконнике. Она действительно указывала прямо на башню. И я увидел кое-что еще. На башне развевались два флага. Будь там один флаг, это могло оказаться простой случайностью, но два явно означали сигнал: дневной эквивалент прожекторного луча. За завтраком мы решили отложить выполнение нашей программы и прежде всего обследовать башню.

Мы вышли из квартиры примерно через полчаса. Как я и надеялся, наш автофургон, стоявший на середине улицы, избег внимания мародеров. Не откладывая дела в долгий ящик, мы бросили чемоданы, добытые Джозеллой, в кузов рядом с противотриффидным снаряжением и тронулись в путь.

Людей было мало. Вероятно, усталость и похолодание воздуха подсказали им вчера, что наступила ночь, и пока лишь некоторые вышли из своих ночных убежищ. Теперь они старались держаться ближе к водосточным канавам, а не к стенам, как вчера. Многие из них имели трости или обломки дерева, которыми они простукивали путь вдоль обочины тротуаров. Ходить так было гораздо легче, нежели вдоль стен с их дверями и выступами, а стук уменьшал опасность столкновения.

Мы продвигались без особых трудностей и вскоре свернули на пустынную Стор-стрит, в конце которой перед нашими глазами выросла университетская башня. Джозелла сразу сказала:

— Осторожно. По-моему, у ворот что-то творится.

Она была права. Подъехав ближе, мы обнаружили перед университетом довольно изрядную толпу. Вчерашний день наделил нас неприязнью к толпам. Я резко свернул на Гауэр-стрит, проехал метров пятьдесят и остановил машину.

— Как вы думаете, что там происходит? Попробуем узнать или уберемся подобру-поздорову? — спросил я.

— Я за то, чтобы узнать, — быстро ответила Джозелла.

— Отлично. Я тоже.

— Я помню этот район, — добавила Джозелла. — За этими домами есть садик. Если забраться туда, можно наверняка все увидеть, ни во что не вмешиваясь.

Мы вышли из машины и принялись разглядывать нижние этажи ближайших зданий. В третьем доме обнаружилась открытая дверь. Проход вел прямо в садик. Это место выглядело странно, потому что большая его часть располагалась на уровне подвалов, то есть ниже уровня соседних улиц, но дальний его участок, ближайший к университету, поднимался и образовывал своего рода террасу, отделенную от дороги высокими железными воротами и низенькой оградой. Из-за ограды доносился шум толпы. Мы пересекли лужайку, поднялись по гравийной дорожке и устроились наблюдать, укрывшись за кустами.

Толпа на дороге перед воротами университета состояла, должно быть, из нескольких сотен мужчин и женщин. Она была больше, чем можно было судить по ее шуму, и я впервые осознал, насколько толпа слепых молчаливее и пассивнее такой же толпы зрячих. Это, разумеется, естественно, ибо, чтобы ориентироваться в происходящем, им приходится полагаться исключительно на слух, так что все заинтересованы в молчании каждого; но понял я это только теперь.

События развертывались прямо перед нами. Нам удалось найти небольшое возвышение, с которого мы могли видеть университетские ворота поверх голов толпы. Человек в кепке что-то многословно доказывал другому человеку, стоявшему по ту сторону решетчатых ворот. По всей вероятности, его доказательства успеха не имели, так как собеседник в ответ только отрицательно качал головой.

— Что там такое? — шепотом спросила Джозелла.

Я помог ей устроиться рядом с собой. Говоривший повернулся, и мы увидели его профиль. Ему было, насколько я мог судить, лет тридцать, у него были прямой узкий нос и впалые щеки; волосы, выбившиеся из-под кепки, были темные. Но внимание привлекала не столько его наружность, сколько напряженность, которая ощущалась в каждом его движении.

По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, его голос становился все громче и выразитель-

нее. Впрочем, на собеседника это не производило впечатления. Было очевидно, что человек по ту сторону ворот был зрячим: он настороженно поглядывал сквозь очки в роговой оправе. В нескольких шагах позади него стояли еще трое, тоже, несомненно, зрячие. Они тоже глядели на толпу и ее предводителя с тем же настороженным вниманием. Человек в кепке начал горячиться. Голос его возвысился, как если бы он говорил теперь, обращаясь не только к людям за ограждением, но и к толпе.

— Да послушайте же меня! — сердито вскричал он. — Эти вот люди имеют столько же прав жить, как и вы. Разве не так, черт подери! Они не виноваты, что ослепли. Разве не так, черт подери? Никто здесь не виноват. Но если они погибнут от голода, виноваты будете вы, и вам это прекрасно известно.

Я показывал им, где взять еду. Я делал для них все, что мог, но, Господи Иисусе, я ведь один, а их тысячи! Вы бы тоже могли показывать им, где еда, но разве вы это делаете? Черта с два! Вам на них наплевать! Вы заботитесь только о своих шкурах. Я видел таких, как вы. У вас один символ веры: «Провалитесь все к чертям, лишь бы мне было хорошо».

Он презрительно сплюнул и ораторским жестом простер руку.

— Там, — сказал он, — там, в Лондоне, тысячи несчастных людей. Им нужно только, чтобы кто-нибудь показал, как взять еду, которая лежит у них под носом. Вы могли бы делать это. Единственное, что от вас требуется, — это просто показать им. А вы? Что вы делаете, подонки? Вы помогаете им? Нет, вы заперлись здесь, и пусть все они подыхают с голоду, а между тем каждый из вас мог бы спасти сотни людей, и для этого нужно всего-навсего выйти и показать беднягам, где взять жратву. Боже всемогущий, да есть ли в вас что-либо человеческое?

Он говорил яростно. Он знал, в чем обвинять, и обвинял он страстно. Я почувствовал, как пальцы Джозеллы бессознательно впились в мой локоть, и положил ладонь на ее руку. Человек по ту сторону ворот сказал что-то, чего мы не расслышали.

— На сколько времени? — закричал человек в кепке. — Да откуда мне знать, черт вас подери совсем, на сколько времени хватит еды? Я знаю только, что, если недоноски вроде вас не возьмутся за дело и не начнут помогать, мало кто останется в живых к тому времени, когда сюда придут, чтобы привести в порядок все это проклятое безобразие. — Секунду он стоял,

свирепо глядя на собеседника. — Факт тот, что вы боитесь. Вы боитесь показать им, где еда. А почему? Потому что чем больше эти бедняги съедят, тем меньше останется для вашей шайки. В этом все дело. Что, не так? Вот она, правда, только у вас нет смелости признать это...

Мы снова не расслышали ответа собеседника; впрочем, очевидно было, что оратору этот ответ не понравился. В течение секунды он мрачно смотрел сквозь решетку. Затем он сказал:

— Ладно. Вы сами хотели этого.

С молниеносной быстротой он вцепился в руку собеседника, вытянул ее между прутьями решетки на свою сторону и вывернул. Он схватил за руку стоявшего рядом слепого мужчину и зажал ее на запястье собеседника.

— Держи крепче, парень, — сказал он и прыгнул к замку на воротах.

Человек в очках оправился от неожиданности. Он изо всех сил ударил свободной рукой через прутья позади себя. Этот удар наудачу пришелся слепому в лицо. Тот вскрикнул и сжал руку еще крепче. Предводитель толпы рвал и ломал замок. В этот момент треснул винтовочный выстрел. Пуля щелкнула в решетку и с жужжанием рикошетировала. Предводитель в нерешительности остановился. За его спиной раздались проклятия, женский визг. Толпа качнулась взад и вперед, словно не зная, бежать прочь или ринуться на штурм ворот. Решение за нее приняли те трое во дворе за ограждением. Я увидел, как молодой человек что-то выдернул из-под руки, и я упал ничком, опрокинув рядом Джозеллу, когда застучала автоматная очередь.

Было очевидно, что стрелявший нарочно взял слишком высокий прицел; тем не менее грохот выстрелов и визг пуль произвели впечатление. Одной короткой очереди оказалось достаточно, чтобы все кончилось. Когда мы подняли головы, толпа уже потеряла монолитность. Слепые люди поспешно разбредались, торопясь уйти подальше от ворот. Предводитель задержался, чтобы крикнуть что-то неразборчивое, затем повернулся и тоже пошел прочь. Он направился на север на Мэлит-стрит, стараясь снова собрать и построить за собой своих последователей.

Я сел и взглянул на Джозеллу. Она задумчиво посмотрела на меня, затем опустила глаза и уставилась в землю. Прошло несколько минут, прежде чем мы заговорили.

— Ну? — сказал я наконец.

Она подняла голову и посмотрела на дорогу, на последних отставших от толпы, убредающих в переулки.

— Он был прав, — сказала она. — И вы знаете, что он был прав. Ведь верно?

Я кивнул:

— Да, он был прав... И все-таки он был и совершенно не прав. Понимаете, никто никогда не придет, «чтобы привести в порядок все это безобразие». Теперь я в этом совершенно уверен. Порядка больше не будет. Мы могли бы поступить, как он требует. Мы могли бы пойти и показывать некоторым — правда, только немногим — из этих людей, где еда. Мы могли бы делать это несколько дней, ну, может быть, недель. А потом? Что потом?

— Это так страшно, так жестоко...

— Если глядеть фактам в лицо, альтернатива очень простая, — сказал я. — Или уехать отсюда, чтобы спасти все, что можно спасти от гибели, в том числе и самих себя; или посвятить себя тому, чтобы еще хоть ненадолго продлить жизнь этих людей. Это самый объективный взгляд на вещи, который мне доступен. Но я знаю, что, очевидно, гуманный путь является также скорее всего и дорогой к самоубийству. Должны ли мы тратить время на продление страданий, если мы уверены, что в конечном счете шансов спасти этих людей нет никаких? Лучший ли это способ применить свои силы?

Она медленно кивнула:

— Да, пожалуй, выходит, что выбирать не из чего. И даже если бы мы могли спасти некоторых, то кого для этого выбрать? И кто мы такие, чтобы выбирать? И вообще как долго мы смогли бы это делать?

— Все здесь страшно сложно, — сказал я. — Я не знаю, сколько слепых сможет содержать один зрячий, когда кончатся готовые припасы, но не думаю, чтобы уж очень много.

— Вы уже все решили, — сказала она, взглянув на меня. Мне почудилось, будто в ее голосе прозвучала нотка неодобрения.

— Милая девушка, — сказал я. — Все это нравится мне не больше, чем вам. Я прямо изложил вам альтернативу. Что мы выберем? Поможем строить новую жизнь тем, кто избежал катастрофы? Или сделаем моральный жест, который вряд ли станет чем-либо большим, нежели жестом. Люди на той стороне дороги, очевидно, решили выжить.

Она погрузила пальцы в песок, затем высыпала песок из ладони.

— Я думаю, вы правы, — сказала она. — Но вы правы и в том, что мне это не нравится.

— Наши «нравится» и «не нравится» больше не имеют никакого значения, — отозвался я.

— Может быть, и так, но во всяком деле, которое начинается со стрельбы, есть, по-моему, что-то скверное.

— Он ведь стрелял в воздух, — заметил я. — И очень возможно, что он предотвратил свалку.

Из толпы уже никого не осталось. Я перелез через ограду и помог перебраться Джозелле. Человек у ворот приоткрыл створку, чтобы впустить нас.

— Сколько вас? — спросил он.

— Всего-навсего двое, — ответил я. — Мы видели ночью ваш сигнал.

— О'кей. Пошли к Полковнику, — сказал он и повел нас через двор.

Тот, кого он назвал Полковником, располагался в небольшой комнатушке неподалеку от входа, вероятно, бывшей швейцарской. Это был круглолицый человек лет пятидесяти или около того. Волосы у него были густые, но седые и аккуратно подстриженные. Такими же седыми и аккуратными были его усы, и казалось, ни один волосок в них не посмел бы нарушить строй. Лицо его было розовым, здоровым и свежим, впору молодому человеку; как я увидел позже, впору молодому человеку была и его голова. Он сидел за столом с большим количеством бумаг, уложенных в абсолютно ровные пачки; перед ним лежал чистый розовый лист промокательной бумаги.

Когда мы вошли, он устремил сначала на меня, затем на Джозеллу твердый взгляд и смотрел на нас несколько дольше, чем необходимо. Я сразу раскусил эту технику. Она призвана внушить вам, что вы стоите перед опытным судьей, привыкшим оценивать людей с первого взгляда; вы должны почувствовать, что стоите перед надежным человеком, без всяких там глупостей — или, при иных обстоятельствах, что вас видят насквозь и знают все ваши слабости. Правильной реакцией является такой же взгляд в ответ, тогда в вас признают «дельного партнера». Так я и сделал. Полковник взял перо.

— Ваши фамилии?

Мы назвали себя.

— Адреса?

— Боюсь, что в нынешних обстоятельствах они вряд ли понадобятся, — сказал я. — Но если вы считаете, что должны их знать...

Мы дали свои адреса.

Он пробормотал что-то о системе, организации и родственниках и записал. Затем последовали вопросы о возрасте, профессии и так далее. Он снова обратил на нас испытующий взгляд, нацарапал на каждой анкете еще несколько слов и сложил анкеты в пачку.

— Нужны дельные люди. Дело дрянь. Работы здесь много. Очень много. Мистер Бидли скажет вам, что надо.

Мы вернулись в вестибюль. Джозелла усмехнулась.

— Он забыл спросить у нас рекомендации в трех экземплярах, — сказала она, — но на работу мы, кажется, приняты.

Микаэль Бидли, когда мы нашли его, оказался совсем не похожим на Полковника. Он был высокий, худой, широкоплечий и немного сутулый; было в нем что-то от атлета, занявшегося интеллектуальным трудом. Во время отдыха его лицо с большими черными глазами принимало меланхолическое выражение, но редко кому случалось видеть его на отдыхе. Судить о его возрасте по седым прядям в шевелюре было невозможно. Ему могло быть сколько угодно — от тридцати пяти до пятидесяти. В то время он был сильно измотан, и из-за этого определить его возраст было еще труднее, по-видимому, он был на ногах всю ночь; тем не менее он поздоровался с нами весело и представил нам молодую женщину, снова записавшую наши имена, когда мы назвали себя.

— Сандра Тельмонт, — объяснил он. — Сандра является нашим профессиональным запоминателем — она работала в кино монтажницей, и в том, что она с нами, мы видим заботливую руку судьбы.

Молодая женщина кивнула мне и посмотрела на Джозеллу более пристально.

— Мы с вами встречались, — сказала она задумчиво.

Она взглянула на блокнот, который держала на колене. Затем на ее милой, но очень обыкновенной физиономии появилась слабая улыбка.

— О да, конечно, — проговорила она.

— Вот видите? — сказала Джозелла, обращаясь ко мне. — Мне теперь от этого не отделаться, как от липучки для мух.

— В чем дело? — спросил Микаэль Бидли.

Я объяснил. Он посмотрел на Джозеллу более внимательно. Она вздохнула.

— Пожалуйста, забудем об этом, — попросила она. — Я уже немного устала переживать это.

Ее слова вызвали у него добродушное удивление.

— Ладно, — сказал он и кивнул. Затем он повернулся к столу. — Теперь о деле. Вы видели Джейкса?

— Это Полковник, который играет в гражданские власти? — спросил я. — Видели.

Он ухмыльнулся.

— Должен знать, что мы и как. Ни шагу, пока не знаешь, как с пайком, — произнес он, имитируя манеру Полковника. — Впрочем, это совершенно верно, — продолжал он. — Давайте я коротко опишу вам, что мы и как. Нас здесь сейчас тридцать пять человек. Люди разные. Зрячих из них двадцать восемь. Остальные слепые — жены и мужья и двое или трое детишек. В настоящий момент главная идея состоит в том, что завтра мы отсюда уезжаем, если успеем подготовиться... Чтобы уйти, как говорится, от греха подальше.

Я кивнул:

— Мы тоже решили убраться этим вечером и по той же причине.

— Какой у вас транспорт?

Я рассказал о нашем фургоне.

— Сегодня мы собирались погрузиться, — добавил я. — Пока у нас нет практически ничего, кроме целого арсенала противотриффидного снаряжения.

Он поднял брови. Сандра тоже с любопытством взглянула на меня.

— Странные вещи вы берете как предметы первой необходимости, — заметил он.

Я объяснил ему причину. Объяснил, видимо, скверно, потому что это не произвело на них впечатления. Он рассеянно кивнул и продолжал:

— Итак, поскольку вы соединились с нами, я предлагаю вот что. Приведите сюда вашу машину, разгрузитесь, затем поезжайте и смените ее на хороший большой грузовик. Затем... Да! Кто-нибудь из вас разбирается в медицине?

Мы покачали головами. Он нахмурился:

— Жаль. У нас до сих пор нет ни одного человека, причастного к медицине. Между тем я буду очень удивлен, если нам

скоро не понадобится доктор — например, всем нам нужно сделать прививки... Значит, посылать вас в набег на аптекарские склады не стоит. Как насчет продуктов и ширпотреба? Подойдет вам?

Он порылся в бумагах, скрепленных скрепкой, вытянул листок и протянул мне. На листке под номером 15 был напечатан на машинке список консервированных продуктов, кастрюль, сковородок и постельных принадлежностей.

— Наименования даны ориентировочно, — сказал он, — но все-таки старайтесь по возможности держаться их, тогда мы избежим ненужного дублирования. Берите все лучшего качества. Когда будете брать продукты, обращайте внимание на объем; скажем, о кукурузных хлопьях забудьте, даже если они самое любимое ваше блюдо. Держитесь оптовых складов и крупных магазинов. — Он отобрал у меня лист и нацарапал на нем несколько адресов. — Из продовольствия за вами консервы и фасованные товары. Например, не дайте себе увлечься мешками с мукой — этим занимается другая группа. — Он задумчиво поглядел на Джозеллу. — Боюсь, это будет тяжелая работа. Но это самое полезное дело, какое мы можем вам сейчас предложить. Постарайтесь как можно больше сделать до темноты. Сегодня вечером в девять тридцать будет общее собрание и дискуссия.

Мы повернулись, чтобы идти. Он остановил нас:

— У вас есть пистолет?

— Об этом я не подумал, — признался я.

— Лучше иметь на всякий случай. Достаточно стрелять просто в воздух. — Он достал из ящика стола два пистолета и протянул нам. — Все-таки не так противно, как это, — добавил он, поглядев на кинжал у Джозеллы на поясе. — Счастливого грабежа.

К тому времени, когда мы разгрузили фургон и выехали, мы обнаружили, что людей на улицах еще меньше, чем вчера. При звуках двигателя они теперь не пытались остановить нас, а торопливо отходили на тротуары.

Первый приглянувшийся нам грузовик оказался бесполезен, потому что был нагружен деревянными контейнерами, снять которые было бы нам не под силу. Следующая находка была более счастливой — пятитонка, почти новая и пустая. Мы пересели в нее и поехали, бросив фургон на произвол судьбы.

Железные шторы пакгауза по первому адресу в моем списке были опущены, но без особых трудностей поддались нажиму ломика из соседней лавочки и закатились вверх. Внутри мы обнаружили находку. У платформы стояли три грузовика. Один из них был загружен ящиками с мясными консервами.

— Вы смогли бы вести такую машину? — спросил я Джозеллу.

Она поглядела:

— Почему бы нет? Общий принцип тот же, верно? И уличное движение мешать не будет.

Мы решили вернуться за грузовиком позже и поехали на пустой машине к другому складу, где погрузили свертки одеял и пледов, затем поехали дальше, чтобы забрать звонкую груду кастрюль, сковородок, котелков и чайников. Управившись с этим, мы почувствовали, что поработали здорово и что работа оказалась тяжелее, чем мы предполагали.

Разыгравшийся аппетит мы утолили в маленьком кабачке, до сих пор нетронутом.

Атмосфера в деловых и коммерческих кварталах была мрачной, хотя мрачной скорее в стиле обычного воскресного или праздничного дня, чем бедствия. Людей здесь почти не было. Если бы катастрофа разразилась днем, а не ночью, когда все служащие уже разошлись по домам, картина здесь была бы чудовищной.

Подкрепившись, мы забрали из пакгауза грузовик с консервами и медленно, без всяких приключений повели оба грузовика к университету. Мы оставили их во дворе и снова отправились на добычу. Около половины седьмого мы снова вернулись со второй парой грузовиков и с приятным чувством выполненного долга.

Микаэль Бидли вышел, чтобы обследовать наш взнос. Он одобрил все, кроме дюжины ящиков, которые я поставил в кузов своего второго грузовика.

— Что в них? — спросил он.

— Триффидные ружья и припасы к ним, — ответил я.

Он недоуменно поглядел на меня.

— Ах да! Вы же явились с целым арсеналом.

— Они нам наверняка понадобятся, — сказал я.

Он подумал. Было ясно, что он считает меня слегка помешанным на триффидах. Наверное, он относил это за счет профессионального предубеждения, усиленного фобией, которая

возникла в результате недавнего несчастного случая. Теперь он, конечно, подозревал меня в других, менее безобидных маниях.

— Послушайте, — сказал я, — мы с Джозеллой привели четыре полных грузовика. Мне нужно в одном из них место для этих ящиков. Если вы полагаете, что не можете уделить мне такое место, я пойду и найду трейлер или другой грузовик.

— Нет, оставьте их там, где положили, — решил он. — Места они занимают немного.

Мы отправились в здание и попили чаю в импровизированной столовой, которую с большим знанием дела оборудовала миловидная женщина средних лет.

— Он думает, — сказал я Джозелле, — что я свихнулся на триффидах.

— Боюсь, что горький опыт научит его, — ответила она. — Странно, что никто, кроме нас, не встречался с ними.

— Эти люди находились в центральных районах, так что это неудивительно. Мы ведь тоже сегодня не видели ни одного.

— Они могут добраться по улицам сюда, как вы считаете?

— Трудно сказать. Может быть, отдельные заблудившиеся...

— Как они вырвались на волю?

— Так случается рано или поздно, когда они мечутся на привязи достаточно беспокойно и достаточно долго. А на наших фермах они прорывались так: наваливались всей кучей на какой-нибудь участок ограды и опрокидывали его.

— Неужели вы не могли сделать ограды прочнее?

— Могли, конечно, но мы же не держали их на фермах постоянно. Притом это случалось не так уж часто, а когда случалось, то обычно они просто вырывались из одного огороженного поля на другое. Мы загоняли их обратно и восстанавливали ограду. Я не думаю, что триффиды направятся сюда намеренно. Триффидам город должен представляться пустыней, и мне думается, что они двинутся наружу, в открытые поля. Вы когда-нибудь стреляли из противотриффидных ружей? — добавил я.

Она покачала головой.

— Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, и мы попрактикуемся, если хотите, — предложил я.

Примерно через час я вышел к ней, чувствуя себя гораздо более удобно в костюме, представляющем некую модификацию ее идеи о лыжных брюках и прочных башмаках, и увидел на ней весенне-зеленое платье, которое было ей очень к лицу. Мы

взяли пару триффидных ружей и отправились в садик на Рассел-сквер. Мы провели около получаса, отстреливая верхушки у подходящих кустарников, когда к нам по траве широким шагом приблизилась молодая женщина в кирпично-красной куртке и элегантных зеленых брюках. Остановившись в нескольких шагах, она направила на нас крошечный фотоаппарат.

— Вы кто? — спросила Джозелла. — Пресса?

— Почти, — ответила молодая женщина. — Я официальный летописец. Зовут меня Элспет Кэри.

— Так быстро? — заметил я. — Видна твердая рука нашего Полковника.

— Вы совершенно правы, — согласилась она. Затем она взглянула на Джозеллу. — А вы мисс Плэйтон. Я часто думала...

— Послушайте, — прервала ее Джозелла. — Почему даже в этом гибнущем мире судят по одной моей случайной ошибке? Нельзя ли забыть об этом?

— Хм, — сказала мисс Кэри задумчиво. — Угу. — Она переменила разговор: — Так что у вас здесь насчет триффидов?

Мы рассказали ей.

— Они думают, — сказала Джозелла, — что Билл свихнулся.

Мисс Кэри обратила на меня прямой взгляд. Лицо ее было скорее оригинальным, нежели миловидным, оно загорело под более жарким солнцем, чем наше северное. Карие глаза смотрели твердо и зорко.

— Но это не так? — сказала она.

— Видите ли, я полагаю, что они могут натворить много бед, когда вырвутся на волю, и их следует принимать всерьез.

Она кивнула:

— Правильно. Я бывала в странах, где они на воле. Это очень скверно. Но в Англии... здесь я просто не могу себе этого представить.

— Остановить их сейчас некому, — сказал я.

Гул мотора в небе прервал наш разговор. Мы взглянули вверх и увидели над крышей Британского музея снижающийся вертолет.

— Это Айвен, — сказала мисс Кэри. — Он все-таки нашел машину. Мне надо пойти и заснять посадку. Увидимся позже. — И она заспешила через лужайку.

Джозелла легла на траву, заложив руки за голову, и стала смотреть в глубокое небо. Как только смолк мотор вертолета, наступила полная тишина.

— Не могу этому поверить, — сказала Джозелла. — Стараюсь изо всех сил, но не могу поверить по-настоящему. Так не может быть навсегда... навсегда... навсегда... Это что-то вроде сна. Завтра этот сад наполнится шумом. Помчатся мимо с ревом красные автобусы, заспешат по тротуарам прохожие, засверкают светофоры... Конец света не наступает вот так... не может... это невозможно...

Я ощущал примерно то же самое. Дома, деревья, нелепо громоздкие отели на другой стороне Рассел-сквер — все это было слишком привычным, слишком готовым при одном мановении вернуться к жизни...

— И все-таки мне кажется, — проговорил я, — что, если бы динозавры были способны рассуждать, они в свое время подумали бы то же самое. Такие вещи случались уже не раз, наверное.

— Но почему именно с нами? Это словно в газетах, когда читаешь об удивительных событиях, которые произошли с какими-то другими народами... непременно с другими! Ведь мы такие обыкновенные.

— Разве не всегда люди спрашивали: «Почему именно со мной?» Был ли то солдат, оставшийся невредимым, когда все его товарищи погибли, или человек, которого посадили за подделку чеков. Просто слепой случай, я бы сказал.

— Случай, что это произошло вообще? Или что это произошло именно сейчас?

— Именно сейчас. Когда-нибудь это так или иначе должно было произойти. Это же противоестественно — считать, что один вид живых существ будет доминировать вечно.

— Не понимаю почему?

— Почему? — в этом весь вопрос. Но жизнь должна быть динамичной, а не статичной, такой вывод неизбежен. Так или иначе, она должна меняться. Заметьте, я вовсе не считаю, что с нами теперь покончено навсегда, но попытка была очень основательная.

— Значит, вы не считаете, что это действительно конец... конец человечества?

— Может быть, и конец. Но... нет, этого я не считаю. Еще не сейчас.

Это могло быть концом. Тут я не сомневался. Но ведь должны были сохраниться и другие группы вроде нашей. Я видел пустой мир, по лику которого рассыпаны крошечные общины, стремящиеся снова с боем овладеть этим миром. Я должен был верить, что по крайней мере некоторым удастся добиться цели.

— Нет, — повторил я. — Это не обязательно конец. Мы все еще умеем приспосабливаться, и у нас огромные преимущества по сравнению с нашими предками. И пока остаются в мире здоровые телом и духом, у нас всегда есть шансы... и очень неплохие шансы.

Джозелла не ответила. Она лежала, обратив лицо к небу, с отрешенным выражением в глазах. Я подумал, что мог бы догадаться о том, что проходит перед ее мысленным взором, но промолчал. Через некоторое время она сказала:

— Вы знаете, едва ли не самое страшное — это то, с какой легкостью мы утратили мир, казавшийся таким устойчивым.

Она была совершенно права. Именно простота представлялась ядром этого ужаса. Мы забываем о силах, которые держат мир в равновесии, потому что хорошо знаем их, и безопасность является для нас нормой. Но это не так. Мне никогда раньше не приходило в голову, что преимущество человека определяется вовсе не наличием мозга, как это утверждают книги. Это преимущество следует из способности мозга усваивать информацию, которую несет узкий диапазон видимого света. Вся цивилизация человека, все, чего он достиг или мог достигнуть, висит как на ниточке на его восприимчивости к полоске вибраций от красной до фиолетовой. Без этого он погиб. На мгновение я осознал истинную призрачность его власти, все чудо свершенного им при помощи столь хрупкого инструмента.

Джозелла продолжала развивать свою мысль.

— Это будет очень странный мир... то, что от него осталось, — сказала она задумчиво. — Я не думаю, что мы очень полюбим его.

Такая точка зрения показалась мне странной — как если бы кто-нибудь объявил, что он не любит умирать или что ему не нравится рождаться. Я предпочитал совсем иной подход: сначала выяснить, как это все будет, а затем всеми силами бороться против того, что мешает. Но спорить я не стал.

Время от времени мы слышали, как во двор университета въезжают грузовики. Очевидно, большинство снабженческих групп уже вернулись. Я взглянул на часы и потянулся за ружьями, лежавшими в траве подле меня.

— Если мы хотим поужинать, а потом послушать, что обо всем этом думают другие люди, — сказал я, — то самое время возвращаться.

ГЛАВА 7
КОНФЕРЕНЦИЯ

Я думаю, все мы ожидали, что на собрании нам просто коротко обрисуют положение и дадут точные инструкции на завтра. Время отправления, маршрут, задача дня и прочее.

И я решительно не ожидал, что мы получим столько пищи для размышлений.

Собрание состоялось в небольшом лектории, освещенном для такого случая автомобильными фарами. Когда мы вошли, за кафедрой совещались несколько мужчин и женщин, которые, по-видимому, утвердили себя в качестве некоего комитета. К своему изумлению, мы обнаружили, что в зале собралось около сотни человек. В большинстве это были молодые женщины — примерно по четыре на каждого мужчину. Джозелла обратила мое внимание на то, что из женщин только немногие были зрячие.

В группе совещавшихся выделялся своим ростом Микаэль Бидли. Рядом с ним я узнал Полковника. Остальные были мне незнакомы, за исключением Элспет Кэри, сменившей в интересах наших потомков фотоаппарат на блокнот. Интерес комитета был сосредоточен на пожилом человеке с некрасивым, но добродушным лицом, в золотых очках, с длинными седыми волосами.

Была еще одна женщина в этой группе, совсем молоденькая, лет двадцати двух или трех. Видимо, она испытывала неловкость от того, что не находилась вместе со всеми в зале. Время от времени она нервно и неуверенно поглядывала на аудиторию.

Вошла Сандра Тельмонт с огромным листом бумаги. Секунду она проглядывала этот лист, затем живо разогнала комитет по креслам. Взмахом руки она направила Микаэля на кафедру, и собрание началось.

Он постоял в ожидании, пока стихнут разговоры, слегка ссутулившись, глядя в зал темными глазами. Потом он заговорил. У него были приятный тренированный голос и совершенно домашние манеры.

— Должно быть, многие из нас, — начал он, — все еще не оправились от впечатления, вызванного этой катастрофой. Мир, который мы знали, кончился в мгновение ока. Некоторые из

нас, возможно, испытывают чувство, будто это конец всему. Это не так. Но я сразу скажу вам, что это может оказаться концом всему, если мы это допустим.

Как ни чудовищна эта катастрофа, мы все еще в состоянии пережить ее. Стоит, наверное, именно сейчас вспомнить, что в истории человечества не нам одним приходится быть свидетелями исполинских бедствий. О них дошли до нас только мифы, но не приходится сомневаться, что где-то в глубинах истории имел место Великий потоп. Те, кто пережил его, были свидетелями катастрофы таких же масштабов, как наша, и в некоторых отношениях более ужасной. Но они не впали в отчаяние: они, должно быть, все начали сначала, как можем начать и мы.

Из жалости к себе и из патетики не построить ничего. Поэтому лучше будет, если мы сразу отрешимся от этих чувств, ибо мы должны стать именно строителями.

А чтобы выбить почву из-под ног любителей драматизировать, я позволю себе напомнить вот о чем. Нынешняя катастрофа даже сейчас не кажется мне самым худшим, что могло бы случиться. Я, а также, вероятно, и многие из вас большую часть жизни прожили в ожидании событий, гораздо более страшных. И я все еще верю, что, если бы не эта катастрофа, с нами случилось бы нечто худшее.

После шестого августа 1945 года шансы человечества поразительно уменьшились. Только позавчера они были меньше, чем в эту минуту. Если уж вам хочется драматизировать, возьмите лучше в качестве материала все годы после 1945-го, когда дорога безопасности сузилась до ширины натянутого каната, по которому мы переступали, намеренно закрывая глаза на пропасть, разверзшуюся под нами.

Рано или поздно мы могли оступиться. Совершенно не важно, как это могло произойти: по злому умыслу, по небрежности или простой случайности. Равновесие было бы потеряно, и началось бы уничтожение.

Мы не знаем, как это было бы страшно. Как это могло быть страшно... Возможно, в живых не осталось бы ни одного человека; возможно, не уцелела бы и сама планета...

А теперь сравните наше положение. Планета не затронута, не покрыта шрамами. Она по-прежнему плодородна. Она может давать пищу и сырье. Мы располагаем хранилищами знаний, которые научат нас делать все, что делалось до сих пор... хотя о некоторых вещах лучше забыть навсегда. И у нас есть средства, здоровье, сила начать строить заново.

Речь его не была длинной, но она произвела впечатление. Должно быть, она заставила многих слушателей почувствовать, что они находятся не столько в конце одного пути, сколько в начале другого. И хотя его выступление состояло главным образом из общих мест, в зале, когда он сел, ощущалось больше бодрости.

Полковник, выступивший следом за ним, был практичен и держался фактов. Он напомнил, что в видах гигиены нам следует по возможности скорее удалиться из населенных районов, каковое мероприятие намечается примерно на полдень следующего дня. Практически все предметы первой необходимости и кое-что сверх того в количестве, достаточном для обеспечения разумного уровня удобств, уже имеются. В рассуждении запасов нашей целью должна быть максимальная независимость от внешних источников хотя бы на один год. Этот период мы проведем фактически на положении осажденных. Несомненно, помимо того, что запечатлено в списках, есть еще много других предметов, которые для всех нас было бы желательно взять с собой, но с ними придется подождать, пока медицинский надзор (тут девушка в комитете покраснела) позволит группам выйти из изоляции и отправиться за ними. Что же касается места изоляции, то комитет тщательно обдумал этот вопрос и, приняв во внимание требование компактности, независимости и отчуждения от остального мира, пришел к заключению, что лучше всего для наших целей подойдет провинциальная школа-интернат или, на худой конец, какая-нибудь крупная помещичья усадьба.

Не знаю, то ли комитет тогда действительно еще не принял решения относительно места нашей будущей резиденции, то ли Полковник был одержим идеей о необходимости скрывать это решение как военную тайну, но то обстоятельство, что он не назвал ни место, ни хотя бы предполагаемый район, было, по моему глубокому убеждению, серьезнейшей ошибкой, допущенной в тот вечер. Впрочем, его деловой подход вселил в слушателей новый заряд уверенности.

Когда он сел, снова поднялся Микаэль. Он шепнул девушке несколько ободряющих слов и затем представил ее. Всех очень беспокоило, сказал он, что среди нас не было ни одного человека с медицинскими знаниями, и поэтому он с величайшим удовлетворением приветствует здесь сейчас мисс Берр. Правда, у нее нет медицинских степеней и внушительных рекомендаций, но зато она является медицинской сестрой высокой ква-

лификации. Сам он полагает, что практические навыки, приобретенные за последнее время, могут стоить больше, нежели степени, полученные годы назад.

Девушка, снова покраснев, коротко сообщила, что полна решимости выполнить свой долг. Закончила она немного неожиданно, объявив, что сегодня же, не выходя из зала, сделает нам всем прививки от разных болезней.

Маленький человечек (имени его я не разобрал), похожий на воробья, втолковал нам, что здоровье каждого является делом общим, что о любых болезненных симптомах необходимо докладывать немедленно, поскольку распространение среди нас заразных заболеваний может принять очень серьезный оборот.

Когда он закончил, поднялась Сандра и представила последнего выступающего: «Доктор Е.Х. Ворлесс, доктор наук, Эдинбург, профессор социологии Кингстонского университета».

К кафедре подошел седовласый мужчина. Он постоял несколько минут, положив на нее кончики пальцев и склонив голову. Остальные члены комитета внимательно и с некоторым беспокойством смотрели на него. Полковник, наклонившись к Микаэлю, что-то шепнул ему, и тот кивнул, не спуская глаз с профессора. Старик поглядел в зал. Он провел ладонью по волосам.

— Друзья мои, — сказал он. — Я полагаю, что могу претендовать на старшинство по возрасту. За мои семьдесят лет я узнал и должен был забыть много, хотя и не так много, как мне бы хотелось. Но если в процессе длительного изучения человеческих установлений что-либо поражало меня более, нежели их устойчивость, так это их разнообразие.

Хорошо говорят французы: autres temps, autres moeurs. Давайте хорошенько поразмыслим, и тогда мы отчетливо увидим, что добродетели, почитаемые в одном обществе, оборачиваются преступлением в другом; что поступки, вызывающие возмущение здесь, поощряются где-нибудь в другом месте; что привычки, порицаемые в одном веке, охотно прощаются в другом. Мы увидим также, что в каждом обществе и в каждую эпоху распространена уверенность в моральной правоте обычаев данного общества и данной эпохи.

Отсюда явствует, что, поскольку многие обычаи разных обществ и разных эпох противоречат друг другу, они не могут быть все «правильными» в абсолютном смысле. Самый строгий приговор, который можно им вынести — если им вообще дол-

жно выносить приговоры, — состоит в утверждении, что в каком-то времени они были «правильными» для общества, где они существовали. Может быть, они правильны и сейчас, но нередко оказывается, что это совсем не так, что общество, которое продолжает поддерживать их, безотносительно к изменившимся обстоятельствам, делает это себе во вред — возможно, ведет себя к самоуничтожению.

Аудитория не понимала, куда он клонит. Слушатели беспокойно задвигались. Большинство из них привыкли немедленно выключать радио, когда передавались выступления такого рода. Теперь они чувствовали себя в ловушке. Оратор решил пояснить свою мысль.

— Таким образом, — продолжал он, — вряд ли вы можете рассчитывать найти одни и те же нормы поведения, обычаи и привычки в какой-либо умирающей от голода индийской деревушке и, скажем, в центре Лондона. Аналогично население теплых стран с благоприятными условиями для жизни очень отличается в смысле взгляда на добродетели от занятого тяжким трудом населения суровых северных областей. Другими словами, различные обстоятельства порождают различные нормы морали.

Я напоминаю вам об этом потому, что мир, который мы знали, ушел. Он кончился.

Вместе с ним ушли и условия, определявшие и формировавшие наши нормы. У нас теперь другие нужды, и другими должны быть наши цели. Если нужен пример, я приведу вам такой: весь день мы с чистой совестью занимались тем, что еще два дня назад было бы грабежом и кражей. Старые нормы сломаны, и мы должны выяснить, какой образ жизни лучше всего соответствует новым. Мы не просто начинаем заново строить: мы должны начать заново думать, а это труднее и неприятнее.

В ближайшем будущем огромное большинство всех этих предрассудков должно исчезнуть или радикально измениться. Мы можем признать и сохранить лишь один первостепенный предрассудок, тот, что гласит: человечество пребудет вовеки. Этому соображению должны быть подчинены, по крайней мере временно, все остальные. Что бы мы ни делали, мы должны задавать себе вопрос: «Поможет это или помешает человечеству в борьбе за существование?» Если поможет, то мы обязаны делать, даже если это вступает в конфликт с идеями, в которых мы были воспитаны. Если помешает, то мы должны устранить-

ся, даже если наше бездействие столкнется с нашими прежними идеями о долге и справедливости.

Это будет нелегко: старые предрассудки умирают с трудом. Простак опирается на костыли афоризмов и заповедей; опирается на них и робкий и умственно ленивый... Мы тоже подчас опираемся на эти костыли — и гораздо чаще, чем нам кажется. Теперь же, когда старая организация мира рухнула, созданные для нее арифметические таблицы не дают больше правильных ответов. Нам придется найти в себе моральную смелость думать и планировать самим за себя.

Он помолчал, задумчиво разглядывая аудиторию. Затем сказал:

— Прежде чем вы решите примкнуть к нашему сообществу, следует совершенно отчетливо разъяснить вам одну вещь. Мы все, кто взялся за эту задачу, обязаны будем играть определенные роли. Мужчины будут работать, женщины будут рожать. Если вы с этим не согласны, то в сообществе вам не место.

После паузы, заполненной мертвой тишиной, он добавил:

— Мы можем позволить себе содержать слепых женщин — у них будут зрячие дети. Мы не можем позволить себе содержать слепых мужчин. Видите ли, в нашем новом мире дети — самое важное.

Он закончил выступление. Некоторое время все молчали, затем аудитория зашевелилась и зажужжала.

Я повернулся к Джозелле. К моему удивлению, она улыбалась.

— Что здесь смешного? — спросил я несколько резко.

— Посмотрите на лица публики, — ответила она.

Я посмотрел и был вынужден признать, что она имела причины улыбаться. Я взглянул на Микаэля. Обводя глазами зал, он старался определить общую реакцию.

— Микаэль как будто немного обеспокоен, — заметил я.

— Ну а как же, — сказала Джозелла. — Другое дело, если бы Янгу удалось провернуть это еще в девятнадцатом веке.

— Какой вы иногда бываете грубой, — сказал я. — Вы что, знали обо всем этом заранее?

— Не то чтобы знала, но не такая уж я тупица. Кроме того, пока вы ходили переодеваться, кто-то пригнал полный автобус вот этих слепых девушек. Они из какого-то благотворительного учреждения. Я спросила себя: для чего было специально ездить за ними, если можно набрать тысячи на окрестных улицах? Ответ

напрашивался сам собой. Во-первых, поскольку они слепые уже давно, у них должны быть известные рабочие навыки. Во-вторых, все они девицы. Такая дедукция не представляла особых трудностей.

— Гм, — сказал я. — Это зависит от точки зрения. Мне бы это в голову не пришло. А что вы?..

— Ш-ш-ш! — сказала она.

В зале наступила тишина.

Поднялась высокая женщина, смуглая и моложавая, с видом весьма целеустремленным.

— Следует ли нам сделать вывод, — спросила она голосом, в котором звучала углеродистая сталь, — следует ли нам сделать вывод, что последний оратор выступает в защиту свободной любви? — И она села с устрашающей решимостью.

Доктор Ворлесс рассматривал ее, приглаживая волосы.

— Я думаю, задавшая этот вопрос должна знать, что я ни слова не сказал о любви, ни о свободной, ни о продажной или взаимной. Не соблаговолит ли она поставить вопрос яснее?

Женщина снова встала:

— Я думаю, оратор понял меня. Я спрашиваю, не предлагает ли он отменить закон о браке?

— Все законы, которые мы знали, отменены обстоятельствами. Создавать законы, соответствующие новым условиям, а также, если понадобится, навязывать их придется теперь нам самим.

— Есть еще закон Божий и закон благопристойности.

— Мадам, у Соломона было три сотни — или пять сотен? — жен, но Бог, видимо, не ставил ему это в вину. Мусульманин с тремя женами сохраняет полную респектабельность. Все зависит от местных обычаев. Позже мы сами решим, каковы будут наши законы касательно этого и всех прочих предметов, чтобы они были наиболее выгодными для нашего сообщества.

Наш комитет после дискуссии пришел к выводу, что, если мы хотим построить новый порядок вещей и не хотим впасть в варварство — а такая опасность существует, — мы должны иметь определенные обязательства со стороны тех, кто выразит желание присоединиться к нам.

Никто из нас не собирается восстанавливать образ жизни, который нами утрачен. Что мы предлагаем? Трудовую жизнь в наилучших условиях, какие мы можем создать, и счастье, которое придет в борьбе с трудностями. Взамен мы просим сотрудни-

чества и плодотворной деятельности. Никто никого не принуждает. Выбирайте сами. Те, кому наше предложение не по душе, свободны идти куда угодно и основать сообщество отдельно на принципах, которые они предпочитают.

Последовал бессвязный спор, то и дело опускавшийся до частностей и гипотетических предположений, на которые пока не могло быть ответа. Но никто не пытался прекратить его. Чем дольше он продолжался, тем привычней становилась сама идея.

Мы с Джозеллой отправились к столу, где сестра Берр расположилась со своими орудиями пыток. Нам было сделано несколько уколов, после чего мы снова сели слушать, как спорят.

— Как вы думаете, — спросил я Джозеллу, — сколько из них решат присоединиться?

Она огляделась.

— Да почти все к утру, — сказала она.

Я усомнился. Слишком много слышалось возражений и вопросов. Джозелла сказала:

— Знаете, если бы вы были женщиной и вам предстояло перед сном подумать час-другой, выбрать ли детей и организацию, которая будет о вас заботиться, или верность принципам, которые скорее всего не дадут вам ни детей, ни мужчину-защитника, вы бы не испытывали таких сомнений.

— Не ожидал от вас такого цинизма.

— Если вы всерьез считаете это цинизмом, значит, вы сентиментальный пошляк. Я говорю о реальных женщинах, а не о куклах из фильмов и дамских журналов.

— О, — сказал я.

Некоторое время она размышляла, затем нахмурилась. Наконец она сказала:

— Хотела бы я знать, сколько им от нас нужно. Я люблю детей, но должен быть какой-то предел.

Дебаты беспорядочно продолжались примерно час, после чего постепенно затихли. Микаэль попросил, чтобы списки тех, кто решит присоединиться к сообществу, были у него в кабинете к десяти часам утра. Полковник потребовал, чтобы все, кто может водить грузовики, явились к нему в семь ноль-ноль. На этом собрание закончилось.

Мы с Джозеллой вышли из здания. Вечер был теплый. Прожекторный луч на башне вновь с надеждой пронизывал небеса. Мы нашли низенькую ограду и уселись на нее, глядя в темноту сада и слушая слабый шорох ветра в листве. Мы молча выкурили по сигарете. Затем я отшвырнул окурок и глубоко вздохнул.

— Джозелла, — сказал я.

— М-м? — отозвалась она рассеянно.

— Джозелла, — снова сказал я. — Э... насчет детей. Я бы... э... я был бы чертовски горд и счастлив, если бы они были вашими и моими.

Секунду она сидела неподвижно, не говоря ни слова. Затем она повернула ко мне лицо. Лунный свет блестел на ее каштановых волосах, но глаза оставались в тени. Я ждал, сердце мое билось сильно и немного болезненно. Она произнесла с удивительным спокойствием:

— Спасибо, милый Билл. Мне кажется, я тоже была бы горда и счастлива.

Я перевел дыхание. Сердце билось по-прежнему сильно, и, протянув руку к ее руке, я обнаружил, что пальцы у меня дрожат. У меня не было слов в эту минуту. Но у Джозеллы они были. Она сказала:

— Правда, теперь это не так просто.

Меня подбросило.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Она раздумчиво проговорила:

— Мне кажется, я бы на месте этого комитета... — Она кивнула в сторону башни. — Я бы установила правило. Я бы разделила нас на группы. Я постановила бы, что каждый мужчина, который женится на зрячей девушке, обязан взять за себя еще и двух слепых девушек.

Я уставился в ее лицо, скрытое тенью.

— Вы шутите, — сказал я.

— Боюсь, что нет, Билл.

— Но послушайте...

— А вам не кажется, что примерно это они и имели в виду... когда выступали там, на собрании?

— Пожалуй, — согласился я. — Но одно дело, если такое правило установят они. И совсем другое...

Я проглотил слюну и сказал:

— Послушайте, вы с ума сошли. Это же противоестественно. То, что вы предлагаете...

Она подняла ладонь, чтобы остановить меня.

— Погодите, Билл, выслушайте меня. Я знаю, поначалу это звучит немного жутко, но никто с ума не сошел. Все это очень ясно... и очень непросто. Все это, — она обвела рукой вокруг, — что-то изменило во мне. Словно я вдруг все увидела по-другому.

И мне кажется, те из нас, кого минула чаша сия, будут гораздо ближе друг к другу, гораздо больше зависеть друг от друга, будут больше... ну, больше походить на единое племя, чем когда-либо раньше.

Весь день, когда мы разъезжали по городу, я видела несчастных, обреченных людей. И все время я твердила себе: «Если бы не милость судьбы...» И затем я сказала себе: «Это чудо! Я не заслуживаю лучшей участи, нежели эти люди. Но произошло чудо. Я уцелела... и теперь я должна оправдать это». Я ощущаю себя как-то ближе к другим людям, чем прежде. Это ощущение заставило меня думать все время: чем я могу помочь хотя бы некоторым из них?

Понимаете, Билл, мы обязаны что-то сделать, чтобы оправдать это чудо. Я могла быть одной из этих слепых девушек; вы могли быть одним из этих несчастных слепых мужчин. Мы не способны сделать ничего большого. Но если мы возьмем на себя заботу хотя бы о немногих и дадим им хоть чуть-чуть счастья, мы расплатимся... уплатим крошечную долю своего долга. Вы понимаете меня, Билл, ведь правда?

Минуту или больше я обдумывал ее слова.

— По-моему, — сказал я, — это самый странный довод, какой я слыхал сегодня... и вообще в жизни. И все же...

— И все же это так, правда, Билл? Я знаю, что это так. Я попыталась поставить себя на место одной из этих слепых девушек, и я знаю. В нашей воле дать настоящую, полную жизнь, насколько это возможно, некоторым из них. Так что же, дадим мы ее им как долю нашей благодарности... или откажем им из-за внушенных нам предрассудков?

Некоторое время я молчал. Я ни секунды не сомневался, что Джозелла уверена в каждом своем слове. Я подумал о судьбах решительных женщин с подрывными идеями, таких, как Флоренс Найтингэл и Елизавета Фрай. Ничего с ними нельзя поделать... И так часто в конечном счете они оказывались правы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет так, раз вы считаете это нужным.

Мы все сидели на ограде, держась за руки, и глядели на испятнанные тенями деревья, но почти ничего не видели. По крайней мере я не видел. Затем в здании у нас за спиной кто-то завел патефон. Над пустынным двором зазвучал вальс Штрауса, полный светлой тоски по родине. На мгновение перед нами возникло видение большого зала: вихрь красок и луна вместо хрустальной люстры.

Джозелла соскользнула со стены. Раскинув руки и изгибаясь, легкая как пушинка, она танцевала в огромном круге лунного света. Потом она остановилась передо мной. Глаза ее сияли, и она протянула ко мне руки.

И мы танцевали на пороге неведомого будущего под эхо исчезнувшего прошлого.

ГЛАВА 8
КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ

Я брел по незнакомому пустынному городу, где мрачно бил колокол и гробовой бестелесный голос вопил в пространстве: «Зверь на свободе! Берегитесь! Зверь на свободе!» Тут я проснулся и обнаружил, что колокол бьет наяву. Он гремел медным звоном так резко и тревожно, что секунду я не мог сообразить, где нахожусь. Затем, пока я все сидел, приходя в себя, послышались крики: «Пожар!» Я выскочил из постели и в чем был выбежал в коридор. Там пахло дымом, слышались торопливые шаги, хлопали двери. Больше всего шума доносилось справа, где бил колокол и кричали испуганные голоса, и я побежал туда. Лунные блики падали через высокие окна в конце коридора и разрежали сумрак, позволяя держаться подальше от стен, вдоль которых на ощупь двигались люди.

Я добежал до лестницы. Колокол гремел внизу в вестибюле. Я стал поспешно спускаться сквозь дым, становившийся все гуще. На последних ступеньках я споткнулся и упал. Сумрак вдруг обратился в кромешную тьму, в этой тьме вспыхнула туча искр, и все кончилось...

Сначала была боль в голове. Затем, когда я открыл глаза, был яркий блеск. Он ослепил меня, словно прожектор, но, когда я попробовал поднять веки снова, на этот раз осторожно, оказалось, что передо мной всего-навсего обыкновенное окно, да притом еще грязное. Я знал, что лежу на кровати, но я не стал подниматься: в голове стучал яростный поршень, предупреждавший малейшие попытки пошевелиться. Поэтому я продолжал тихо лежать и глядеть в потолок до тех пор, пока не обнаружил, что руки у меня связаны.

Это сразу вывело меня из летаргии, несмотря на грохот в голове. Я увидел, что связан со знанием дела. Не настолько

крепко, чтобы было больно, однако вполне прочно. Несколько витков электрического шнура на запястьях и сложный узел внизу, так, чтобы нельзя было дотянуться зубами. Я выругался и стал осматриваться. Комната была невелика, и, кроме кровати, на которой я лежал, в ней ничего не было.

— Эй! — крикнул я. — Есть здесь кто-нибудь?

Через минуту снаружи послышались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась маленькая голова в шерстяном колпаке. Под головой болтался галстук, похожий на веревку. Лицо казалось темным от небритой щетины. Глаза были устремлены в мою сторону, но не на меня.

— Здорово, хрен, — сказала голова довольно дружелюбно. — Что, очухался? Потерпи немного, я сейчас принесу тебе хлебнуть горячего. — И голова скрылась.

Предложение потерпеть было совершенно лишним, но ждать пришлось недолго. Через несколько минут он вернулся, неся бидон с проволочной ручкой.

— Ты где? — спросил он.

— Прямо перед тобой, на кровати, — ответил я.

Он осторожно двинулся вперед, вытянув левую руку, нащупал спинку кровати, затем обошел кровать и протянул мне бидон.

— Получай, приятель. Вкус у него не так чтобы очень, потому как старина Чарли плеснул туда немного рома, но я думаю, ты не будешь в обиде.

Я принял бидон, зажав его довольно неловко между связанными руками. В бидоне оказался чай, крепкий и сладкий, с изрядным количеством рома. Возможно, вкус у этого чая действительно был несколько странный, но он подействовал на меня как эликсир жизни.

— Спасибо, — сказал я. — Ты прямо чудодей. Меня зовут Билл.

Его, как оказалось, звали Элф.

— Ну, выкладывай, Элф, — сказал я. — Что здесь происходит?

Он присел на край кровати и протянул мне пачку сигарет и спички. Я взял, прикурил для него, закурил сам и вернул ему коробок.

— Вот какое дело, друг, — сказал он. — Ты, поди, знаешь, что вчера утром возле университета был небольшой шум. Может, ты был там?

Я сказал, что все видел.

— Ну так вот, после этого дела Коукер — это тот самый парень, который вел переговоры, — он вроде как бы обозлился. «Ладно, — говорит он этак злобно. — Эти гады у нас попляшут. Я все выложил им честно и благородно. А теперь они получат сполна». Да, а надо тебе сказать, что мы еще раньше встретили пару ребят и одну бабенку, которые тоже зрячие. Они все это и устроили. Он парень что надо, этот Коукер!

— Ты хочешь сказать... Он все это подстроил? Никакого пожара не было? — спросил я.

— Пожар! Да какой там пожар? Они вот что сделали: натянули проволоку, зажгли в зале кучу бумаги и щепок и принялись бить в колокол. Мы посчитали, что зрячие выскочат первыми, потому что немного света от луны все-таки было. Так оно и получилось. Коукер и еще один парень брали в работу тех, кто спотыкался о проволоку, и передавали нам, а уж мы относили на грузовик. Просто, как поцелуй ручку.

— М-м, — произнес я горестно. — Действительно, он парень не промах, этот ваш Коукер. И много нас, дураков, попалось в эту ловушку?

— Да пару дюжин мы, наверное, взяли... правда, потом оказалось, что пять или шесть из них слепые. Когда в грузовике не осталось больше места, мы укатили и оставили остальных разбираться что к чему.

Как бы ни относился к нам Коукер, было очевидно, что Элф враждебных чувств к нам не испытывал. Кажется, он смотрел на все это дело как на спорт. Я мысленно снял перед Элфом шляпу. Я-то отлично сознавал, что в его положении я не был бы способен смотреть на что бы то ни было как на спорт. Я допил чай и получил от него вторую сигарету.

— А что будет дальше? — спросил я.

— Коукер хочет разделить всех нас на команды и придать каждой команде одного из ваших. Вы будете смотреть, где что можно взять, вроде бы глазами будете для нас. Ваше дело помочь нам продержаться, пока кто-нибудь не придет и не управится с этой погибелью.

— Понятно, — сказал я.

Он настороженно повернул ко мне лицо. Нет, в чуткости отказать ему было нельзя. Он уловил в моем тоне больше, чем я хотел выразить.

— Ты думаешь, это надолго? — спросил он.

— Не знаю. Что говорит Коукер?

Коукер, по-видимому, не затруднялся частностями. Впрочем, у Элфа было свое мнение.

— Если ты спросишь меня, так, по-моему, никто нас спасать не придет. Если бы было кому, то давно бы уже пришли. Другое дело, будь мы в каком-нибудь маленьком городишке или в деревне. А тут Лондон! Ясно, что сюда пришли бы раньше, чем в какое другое место. Нет, на мой взгляд, они еще не пришли, и значит это, что они никогда не придут. Потому что, провалиться мне, кто же мог подумать, что случится такое?

Я ничего не сказал. Не такой был Элф человек, чтобы утешаться легковесными ободрениями.

— А ты, я смотрю, тоже так думаешь? — спросил он, помолчав.

— Да, дела обстоят неважно, — признался я. — Но есть еще шанс, видишь ли... люди откуда-нибудь из-за границы...

Он покачал головой:

— Они бы уже были здесь. Они бы уже разъезжали по улицам с громкоговорителями и объясняли нам, что нужно делать. Нет, приятель, мы влипли: никто никуда не придет. Это уж точно.

Некоторое время мы молчали, затем он сказал:

— А знаешь, неплохо мы все-таки пожили.

Мы немного поговорили о том, как пожил он. Он работал во многих местах и всюду, по-видимому, обделывал кое-какие тайные делишки. Он подвел итог:

— Так или иначе, мне жилось неплохо. А ты чем промышлял?

Я рассказал. Это не произвело на него впечатления.

— Триффиды, ха! Гнусные твари. Какие-то они, можно сказать, ненастоящие, что ли.

Больше о триффидах не было сказано ни слова.

Элф вышел, оставив меня с моими мыслями и с пачкой своих сигарет. Я продумал ситуацию, и она мне не нравилась. Мне хотелось знать, как ее восприняли другие. Особенно меня интересовало мнение Джозеллы.

Я встал с кровати и подошел к окну. Вид из окна был жалкий. Внутренний двор-колодец с гладкими стенами, выложенными белыми изразцами, подо мной четыре этажа и застекленный люк внизу. Сделать тут можно было немного.

Элф повернул за собой ключ, но на всякий случай я попробовал дверь. Комната не вселяла в меня никаких надежд. Она

выглядела как номер третьесортной гостиницы, только из нее было вынесено все, кроме кровати.

Я вернулся на кровать и предался размышлениям. Вероятно, я смог бы одолеть Элфа даже со связанными руками — при условии, что у него нет ножа. Но он скорее всего имел нож, и это было бы неприятно. Вряд ли слепой станет угрожать ножом; чтобы справиться со мной, он пустит нож в ход без предупреждения. Затем, как узнать, с кем я еще столкнусь, пока буду искать выход на улицу? Более того, я не желал причинять Элфу никакого вреда. Самым благоразумным представлялось ждать удобного случая: такой случай обязательно должен выпасть на долю зрячего среди слепых.

Часом позже Элф вернулся, неся тарелку с едой, ложку и опять бидон с чаем.

— Вроде бы и грубо с нашей стороны, — извинился он, — но вилки и ножи давать тебе не велено, так что обойдись так.

Энергично работая ложкой, я спросил Элфа о других пленниках. Он знал очень немного и совсем не знал имен, но я выяснил, что среди них есть женщины. Затем я остался один на несколько часов, в течение которых изо всех сил старался заснуть и избавиться от головной боли.

Когда Элф появился снова с едой и неизбежным чаем, его сопровождал человек, которого он назвал Коукером. Коукер выглядел более усталым, чем вчера у ворот университета. Под мышкой у него была кипа бумаг. Он окинул меня изучающим взглядом.

— Вам известно, чего от вас хотят? — спросил он.

— Более или менее. Элф рассказал мне.

— Тогда ладно. — Он бросил бумаги на кровать, взял одну сверху и развернул ее. Это оказался план Большого Лондона. Он указал на район, жирно обведенный синим карандашом, включающий часть Хэмпстеда и Суисс-коттедж.

— Вот ваше место, — сказал он. — Ваша команда работает внутри этого района и нигде больше. Нельзя допустить, чтобы все группы охотились за одной и той же добычей. Ваше дело искать продовольствие в этом районе и снабжать свою команду продовольствием и всем остальным, что понадобится. Дошло?

— А иначе? — спросил я, глядя на него.

— А иначе они останутся голодными. И если они будут голодными, вам придется плохо. Некоторые из парней — настоящее зверье, и никто из нас не занимается этим для развлечения.

Поэтому будьте осторожны. Завтра утром мы отвезем туда вас и вашу группу на грузовиках, после чего вашим делом будет помочь им продержаться, пока не придет кто-нибудь, чтобы привести все в порядок.

— А если никто не придет? — спросил я.

— Кто-нибудь должен прийти, — сказал он угрюмо. — Одним словом, действуйте и смотрите не забирайтесь в чужие районы.

Он повернулся, чтобы идти, но я остановил его.

— Мисс Плэйтон находится у вас? — спросил я.

— Имен я не знаю, — сказал он.

— Блондинка, примерно метр шестьдесят пять — шестьдесят семь, серо-голубые глаза, — настаивал я.

— Девушка примерно такого роста есть, и она блондинка. Но я не заглядывал ей в глаза. У меня есть дела поважнее, — сказал он и вышел.

Я нагнулся над картой. Я не был в восторге от своего района. Конечно, это был пригород с чистым целебным воздухом. Но в данных обстоятельствах я бы предпочел расположение каких-нибудь доков или пакгаузов. Сомнительно было, чтобы в назначенном мне районе нашлись более или менее крупные товарные склады. Однако «приз не может достаться всем сразу», как, несомненно, сказал бы Элф, и, кроме того, я не собирался оставаться там дольше, чем необходимо.

Когда Элф пришел снова, я спросил его, не передаст ли он Джозелле записку. Он покачал головой:

— Прости, друг. Не велено.

Я обещал ему, что ничего плохого в записке не будет, но он остался неколебим. Я не мог винить его за это. У него не было причин доверять мне, и он не мог прочесть записку, чтобы убедиться, так ли она безобидна, как я обещал. И вообще у меня не было ни бумаги, ни карандаша, и я оставил эту мысль. Все же мне удалось убедить его дать ей знать, что я нахожусь здесь, и выяснить, в какой район ее посылают. Ему ужасно не хотелось делать этого, но он был вынужден согласиться, что, если порядок будет когда-либо восстановлен, мне будет легче найти ее, зная, откуда начинать поиски.

Затем я остался на некоторое время наедине со своими мыслями.

Беда была в том, что я с чудовищной ясностью видел правоту обеих сторон. Я знал, что здравый смысл и дальновидность на стороне Микаэля Бидли и его группы. Если бы они отправи-

лись в путь, мы с Джозеллой, несомненно, поехали бы с ними и работали бы с ними, и тем не менее я чувствовал, что сердце у меня было бы не на месте. Никто бы не смог убедить меня, что уже ничем нельзя помочь тонущему кораблю, не смог бы меня заверить, что я сделал выбор не по расчету. Если действительно не было возможности организованного спасения, тогда их предложение спасти то, что еще можно, было самым разумным. Но, к сожалению, человеческой натурой движет отнюдь не только разум. Я противопоставил себя прочным, укоренившимся традициям и предрассудкам, о которых говорил старый профессор. И он был совершенно прав относительно того, как трудно принять новые принципы. Если бы, например, пришло откуда-нибудь чудесное спасение, каким мерзавцем я ощутил бы себя из-за того, что удрал; как бы я презирал себя и остальных за то, что мы не остались здесь, в Лондоне, помогать до конца, каковы бы ни были наши соображения...

Но с другой стороны, если бы помощь не пришла, как бы я обвинял себя за бессмысленную трату времени и усилий, когда другие люди, более крепкие духом, трудились над спасением всего, что еще можно было спасти.

Я знал, что должен решиться раз и навсегда. Но я не мог.

Не было никакой возможности узнать, что избрала Джозелла. Она ничего мне не передавала. Но вечером в комнату просунул голову Элф. Он был краток.

— Вестминстер, — сказал он. — Ну и ну! Да разве найдешь какую-нибудь жратву в парламенте?

На следующее утро Элф разбудил меня рано. Его сопровождал громадный детина с бегающими глазками, назойливо выставлявший напоказ мясницкий нож. Элф подошел ко мне, бросил на кровать охапку одежды. Детина закрыл дверь и привалился к косяку, следя за мной хитрым взглядом и поигрывая ножом.

— Давай лапы, приятель, — сказал Элф.

Я протянул ему руки. Он ощупал проволоку у меня на запястье и перекусил ее кусачками.

— А теперь, друг, напяливай на себя это барахло, — сказал он, отступая.

Я оделся. Детина с ножом следил за каждым моим движением, как ястреб. Когда я застегнул последнюю пуговицу, Элф достал наручники.

— Ничего страшного, — заметил он.

Я медлил. Детина отвалился от косяка и выставил нож перед собой. Для него, очевидно, наступил самый интересный момент. Я решил, что сейчас, пожалуй, не время предпринимать отчаянные попытки, и снова протянул руки. Элф ощупал их и замкнул наручники на запястьях. Затем он вышел и принес мне завтрак.

Еще через два часа снова явился детина, по-прежнему держа нож напоказ. Он махнул им в сторону двери.

— Давай, — сказал он. Это было единственное слово, которое он произнес.

Он шел за мной по пятам, и я всей спиной ощущал острие ножа. Мы спустились вниз на несколько этажей и пересекли вестибюль. На улице ждали два нагруженных грузовика. У заднего борта одного стоял Коукер с двумя своими людьми. Он поманил меня. Не говоря ни слова, он продел у меня между руками цепь. На концах цепи было по ремню. Один ремень был уже обмотан вокруг запястья дородного слепого мужчины; другой он прикрепил к запястью такого же угрюмого типа, так что я оказался между ними. Они ничем не желали рисковать.

— На вашем месте я бы не стал откалывать никаких номеров, — посоветовал мне Коукер. — Будьте с ними хороши, и они будут хороши с вами.

Мы втроем неловко вскарабкались через задний борт, и оба грузовика тронулись в путь.

Мы остановились где-то неподалеку от Суисс-коттеджа и выгрузились. Человек двадцать, бесцельно бродивших вдоль водосточных канав, при шуме моторов разом, словно части единого механизма, повернулись в нашу сторону с выражением недоверия на лицах, а затем начали медленно приближаться к нам, окликая нас на ходу. Шоферы заорали нам, чтобы мы посторонились. Грузовики дали задний ход, развернулись и с грохотом умчались. Люди, двигавшиеся к нам, остановились. Кто-то из них закричал вслед грузовикам, остальные безнадежно и молча повернулись и побрели прочь. Метрах в пятидесяти женщина забилась в истерике и стала колотиться головой о стену. Я почувствовал дурноту.

Я повернулся к своей команде.

— Ну, — сказал я, — что вам нужно прежде всего?

— Квартиру, — сказал один. — Нам нужно место, где спать.

Я подумал, что это самое меньшее, что я должен для них сделать. Я не мог вот так просто улизнуть и бросить их посере-

дине улицы. Раз уж дело зашло так далеко, я должен был найти для них какой-то центр, что-то вроде штаба, и помочь им устроиться. Требовалось место, где можно было бы складывать добычу, питаться и держаться всем вместе. Я пересчитал их. В команде оказалось пятьдесят два человека, из них четырнадцать женщин. Лучше всего подошла бы гостиница. Это решило бы вопрос с кроватями и постельными принадлежностями.

Мы выбрали один из прославленных меблированных домов, викторианское здание с плоской крышей. Здесь было гораздо больше удобств, чем необходимо.

Бог знает, что случилось с большинством жильцов, но в одном из холлов мы наткнулись на старика, пожилую женщину (она оказалась хозяйкой), средних лет мужчину и трех девушек. Они сгрудились там, дрожащие и перепуганные. У хозяйки достало присутствия духа протестовать против нашего вторжения. Она изрекла несколько очень громких угроз, но даже лед свирепых манер, свойственных хозяйкам меблированных домов, был до жалости тонок. Немного пошумел и старик, пытавшийся поддержать ее. Остальные сидели тихо, они только нервно прислушивались, обратив лица в нашу сторону.

Я объяснил, что мы въезжаем в дом. Если им это не нравится, они могут уйти. Если же они предпочитают остаться и делить все поровну, мы возражать не будем. Им это не понравилось. Было ясно, что где-то в доме спрятан запас провизии, который делить с нами они не желают. Только когда до них дошло, что мы намерены создать еще большие запасы, их отношение к нам смягчилось, и они приготовились извлечь из этого все выгоды.

Я решил, что останусь на день-другой, пока не устрою команду. Я догадывался, что Джозелла поступит со своей командой так же. Хитроумный человек этот Коукер: трюк назывался «подержите младенца». Просят минуточку подержать младенца и удирают. Когда все наладится, я улизну и найду ее.

Два дня мы работали систематически, обчищая самые крупные магазины — большей частью однотипные лавки какой-то одной фирмы, в общем, не очень богатые. Почти повсюду до нас побывали другие. Витрины были в ужасном состоянии. Стекла были выбиты. На полу валялись вскрытые банки и разорванные пакеты, их содержимое липкой вонючей массой перемешалось с осколками стекла. Но повреждения, как правило, были

невелики, и мы находили в лавках и на задних дворах нетронутые ящики.

Слепым было неимоверно трудно поднимать и вытаскивать эти тяжелые ящики на улицу и грузить их на ручные тележки. А ведь надо было еще доставить добычу домой и перенести в кладовые. Но практика уже начала давать им некоторые навыки.

Хуже всего было то, что мне нельзя было ни на минуту оставить их. Они были не в состоянии сделать почти ничего без моего руководства. Мы могли бы организовать хоть дюжину рабочих партий, но использовать одновременно нельзя было даже две. В доме, когда я уходил с партией фуражиров, работы тоже приостанавливались. Мало того, им приходилось сидеть сложа руки, пока я тратил время на поиски и исследование новых источников добычи. Двое зрячих могли бы наработать вдвое и втрое больше, нежели вся моя команда.

С того момента, когда мы принялись за дело, у меня не было ни одной свободной минуты. Днем я думал только о работе и к вечеру уставал так, что засыпал мгновенно, едва ложился. Время от времени я говорил себе: «Завтра к вечеру я уже полностью обеспечу их всем необходимым, хотя бы на некоторое время. Тогда я смоюсь и пойду искать Джозеллу».

Звучало это прекрасно, но каждый день это было новое завтра, и с каждым днем мне становилось труднее. Некоторые начали понемногу обучаться, но по-прежнему практически ничто, начиная с работы на улицах и кончая открыванием банок консервов, не могло производиться без моего участия. Мне даже казалось, что с каждым днем я становлюсь все более незаменимым.

И они не были ни в чем виноваты. В этом заключалась главная трудность. Некоторые старались изо всех сил, и я просто не мог предать их и плюнуть на их судьбу. Десять раз на день я проклинал Коукера за то, что он поставил меня перед такой проблемой, но это не помогало мне разрешить ее. Я только спрашивал себя, чем все это может кончиться...

Первый намек на ответ (хотя я не подозревал тогда, что это намек) появился на четвертое или пятое утро, как раз перед тем, как мы собрались выйти на добычу. Женский голос крикнул нам с лестницы, что на ее этаже двое больных, тяжело больных, по ее мнению.

Обоим моим волкодавам это не понравилось.

— Послушайте, — сказал я им. — Я сыт по горло этой цепью и наручниками. Мы бы прекрасно обошлись без них.

— И вы бы сейчас же удрали к своим? — сказал кто-то.

— Не обольщайтесь, — сказал я. — Мне ничего не стоит прикончить эту пару горилл-любителей в любое время дня и ночи. Я не сделал этого просто потому, что ничего против них не имею. Но меня начинает раздражать эта пара тупоголовых идиотов...

— Эй, послушай... — возразил один из волкодавов.

— И, — продолжал я, — если они не дадут мне взглянуть на заболевших, пусть ждут своего конца с минуты на минуту.

Мои волкодавы вняли гласу разума, но в комнате больных они изо всех сил, насколько позволяла цепь, старались держаться позади. Заболели двое мужчин — один средних лет, другой совсем молодой. У обоих был жар, оба жаловались на острую боль в животе. В те времена я мало понимал в таких вещах, но не надо было понимать много, чтобы ощутить сильное беспокойство. Придумать я ничего не мог, только велел перенести их в пустующий дом рядом и попросил одну из женщин по возможности ухаживать за ними.

Это было начало перемен. Следующее событие, совсем в ином роде, случилось примерно в полдень.

К тому времени мы уже основательно очистили большинство продуктовых магазинов вблизи от дома, и я решил несколько расширить сферу действий. Я вспомнил, что в полумиле к северу находится еще одна улица с магазинами, и повел команду туда. Магазин мы нашли, но нашли и кое-что другое.

Свернув за угол, я сразу остановился. Перед бакалейной лавкой толпилась группа мужчин: они выносили из дверей ящики и грузили их на грузовик. Работали они совершенно так же, как мы. В моей группе было человек двадцать. Я остановил их и стал раздумывать, как быть дальше. Я склонялся к мысли отступить, чтобы избежать возможного столкновения, и отправиться поискать свободное поле деятельности где-нибудь в другом месте: не было смысла вступать в конфликт, когда вокруг по различным магазинам разбросано так много добра. Но принять решение я не успел. Пока я колебался, из лавки уверенным шагом вышел рыжеволосый молодой человек. Не могло быть сомнения в том, что он зрячий: через секунду он увидел нас.

Он повел себя очень решительно. Он быстро сунул руку в карман. В следующее мгновение пуля щелкнула в стену у меня за спиной.

Последовала живая картина. Люди его и моей группы замерли, обратив друг на друга невидящие глаза, силясь понять,

что происходит. Затем он выстрелил снова. Думаю, он целился в меня, но пуля попала в моего стража слева. Тот хрюкнул как бы в удивлении и со вздохом сложился пополам. Я нырнул за угол, волоча за собой второго волкодава.

— Живо! — сказал я. — Давай ключи от наручников. Пока я скован, я ничего не могу сделать.

Он только понимающе осклабился. Он был человек одной идеи.

— Ха, — сказал он. — Это ты брось. Меня не проведешь.

— О Боже, шут гороховый... — проговорил я, натягивая цепь и подтаскивая к себе труп волкодава номер один, чтобы укрыться за ним.

Этот дурак пустился в спор. Бог знает, каким коварством наделила меня его тупость. Цепь провисла достаточно, чтобы я мог поднять обе руки. Я так и сделал и трахнул его обеими руками с такой силой, что голова его с треском ударилась о стену. На этом спор прервался. Я нашел ключ у него в боковом кармане.

— Слушайте, — сказал я остальным. — Повернитесь все кругом и идите прямо. Не отделяйтесь друг от друга, иначе пропадете. Ну, идите, не задерживайтесь.

Я отомкнул наручники на одном запястье, освободился от цепи и перебрался через стену в чей-то сад. Там я присел на корточки и освободил второе запястье. Затем я перешел через сад и осторожно заглянул через дальний угол ограды. Молодой человек с пистолетом не бросился за нами, как я ожидал. Он все еще был со своей группой и давал ей какие-то указания. Тогда я сообразил, что спешить ему было некуда. Раз мы не отстреливались, он понял, что мы не вооружены, а уйти отсюда быстро мы не в состоянии.

Покончив со своими директивами, он уверенно вышел на дорогу, откуда была видна моя удаляющаяся команда, и направился за нею следом. На углу он остановился взглянуть на распростертые тела моих стражей. Вероятно, цепь внушила ему, что один из них и был глазами нашей группы, потому что он снова сунул пистолет в карман и вразвалку пошел за остальными.

Этого я не ожидал, и мне потребовалась минута, чтобы понять его замысел. Затем я сообразил, что самым выгодным для него было бы проводить нашу группу до дома и поглядеть, какую добычу там можно захватить. Мне оставалось признать, что либо он быстрее меня осваивается в неожиданных положениях, либо в от-

личие от меня он заранее продумал возможности, какие могут возникнуть. Я был рад, что велел своей команде идти прямо, никуда не сворачивая. Очень возможно, что они вскоре утомятся, но я знал, что найти самостоятельно обратную дорогу домой и привести туда этого молодого человека тогда уже никто из них не сможет. Пока они будут держаться вместе, собрать их не составит труда. Насущной же проблемой был человек, который имел пистолет и без размышлений пускал его в ход.

В некоторых местах земного шара можно было бы раздобыть подходящее оружие в первом попавшемся доме. Но не в Хэмпстеде; к сожалению, это был весьма респектабельный пригород. Вероятно, где-нибудь и оказалось бы спортивное ружье, но мне пришлось бы долго искать его. Единственное, что я мог придумать, — это не терять молодого человека из виду и надеяться, что счастливая случайность даст мне возможность с ним разделаться. Я отломал у дерева сук, снова перелез через стену и побрел, постукивая по краю тротуара, в надежде на то, что меня теперь нельзя отличить от сотен слепых, бредущих вдоль улиц таким же образом.

Дорога здесь была прямая. Рыжеволосый молодой человек был метрах в пятидесяти впереди меня, а моя команда — еще дальше, метров на пятьдесят дальше. Так мы прошли около полумили. К счастью, никто из моей группы не свернул в переулок, который вел домой. Я еще спрашивал себя, сколько пройдет времени, прежде чем они решат, что прошли достаточно, когда случилось неожиданное: один из моих застонал вдруг и согнулся, прижимая руку к животу. Затем он осел на мостовую и повалился, корчась от боли. Остальные продолжали идти. Должно быть, они слышали стоны, но не догадались, что он — один из них.

Молодой человек посмотрел на упавшего, потом сошел с тротуара и приблизился к скорчившемуся телу. Он остановился в нескольких шагах от него. Вероятно, с четверть минуты он стоял так, настороженно глядя на упавшего сверху вниз. Затем медленно, но совершенно хладнокровно он вытащил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову.

При звуке выстрела группа впереди остановилась. Я тоже. Молодой человек больше не пытался преследовать их — было очевидно, что он сразу потерял к ним всякий интерес. Он повернулся кругом и пошел обратно посередине улицы. Я вспомнил свою роль и снова двинулся вперед ему навстречу, посту-

кивая палкой по краю тротуара. Он даже не взглянул на меня, но я-то хорошо видел его лицо: напряженное, с плотно сжатыми челюстями... Я еще некоторое время стучал палкой, пока он не остался далеко позади, а затем поспешил к своим. Напуганные выстрелом, они спорили, идти им дальше или нет.

Я прервал их, сообщив, что больше не обременен своими тупыми волкодавами и что отныне мы будем действовать по-другому. Я достану грузовик и минут через десять вернусь, чтобы отвезти их домой.

Встреча с организованной группой соперников прибавила мне забот, однако наше убежище мы нашли по возвращении нетронутым. Единственной новостью, которая ожидала меня, было то, что еще двое мужчин и одна женщина слегли с острой резью в животе и их перенесли в соседний дом.

Мы приняли все возможные меры к обороне на случай нашествия мародеров в мое отсутствие. Затем я взял новую группу, и мы отправились на грузовике — на этот раз в другом направлении.

Я вспомнил, что, когда в свое время мне приходилось бывать в Хэмпстеде, я чаще всего сходил с автобуса на последней остановке и там была масса небольших лавочек и магазинов. С помощью карты я нашел этот район довольно легко, и не только нашел, но и обнаружил, что каким-то чудом он почти не пострадал. Если не считать трех-четырех разбитых витрин, он выглядел так, словно здесь все закрыто просто на уик-энд.

Но была и разница. Например, никогда раньше, ни в будни, ни по воскресеньям, здесь не царила такая тишина. И на улице лежало несколько трупов. К трупам я уже притерпелся достаточно, чтобы не обращать на них особого внимания. Я даже удивился, что их так мало, и решил, что большинство жителей забились в какие-нибудь убежища от страха или когда начали слабеть от голода. Отчасти из-за этого мне не захотелось заходить в жилые дома.

Я остановился перед продовольственным магазином и несколько секунд прислушивался. Тишина опустилась на нас, как одеяло. Не было слышно постукивания палок, не было видно бредущих фигур. Не было заметно никакого движения.

— О'кей, — сказал я. — Вылезай, ребята.

Запертую дверь магазина отворили без труда. Внутри были аккуратные ряды кадушек с маслом, сыров, окороков, ящиков с сахаром и всего прочего. Я поставил группу на работу. К тому

времени они уже приобрели кое-какие навыки и действовали более уверенно. Я мог оставить их и отойти, чтобы обследовать кладовые магазина и подвал.

Я был в подвале, исследовал хранившиеся там ящики, когда где-то послышались шаги. И сейчас же загремели каблуки по полу надо мной. Один человек провалился вниз головой в открытый люк. Упав, он больше не двинулся и не издал ни звука. Я решил, что наверху идет схватка с какой-нибудь соперничающей шайкой. Я перешагнул через тело упавшего и с поднятой рукой, чтобы защитить голову, стал осторожно подниматься по трапу.

Прежде всего я увидел в неприятной близости от своего лица многочисленные шаркающие башмаки. Они пятились к люку. Я быстро выскочил и откатился в сторону, пока они не раздавили меня. И едва я поднялся на ноги, как вдребезги разлетелась витрина. Снаружи вместе с нею ввалились три человека. Длинная зеленая плеть хлестнула им вслед и настигла одного, когда он уже лежал на полу. Остальные двое вскочили и, скользя среди разбросанных банок и пакетов, навалились на столпившихся, стремясь убраться подальше от окна. Под их нажимом еще двое оступились и рухнули в открытый люк.

Достаточно было одного взгляда на эту зеленую плеть, чтобы понять, что произошло. За последние дни я совершенно забыл о триффидах. Я вскарабкался на ящик и посмотрел в окно через головы людей. Я увидел трех триффидов: одного посередине улицы и двух ближе, на тротуаре. Четыре человека неподвижно лежали на земле. Теперь стало понятно, почему здесь нетронуты магазины и почему в этом районе не видно ни души. Я проклял себя за то, что не пригляделся к трупам на дороге. Если бы я увидел след жала, я бы знал, чего ожидать.

— Стойте смирно! — закричал я. — Не двигайтесь!

Я спрыгнул с ящика, столкнул людей, стоявших на откинутой крышке люка, и захлопнул люк.

— Позади вас дверь, — сказал я им. — Только без паники.

Первые двое вышли без паники. Затем триффид ударил свистнувшим жалом через разбитую витрину. Кто-то упал с диким криком. Остальные рванулись, едва не опрокинув меня. В дверях началась давка. Прежде чем мы прошли, позади дважды свистнули удары. В задней комнате я огляделся отдуваясь. Нас было семеро.

— Стойте смирно, — сказал я. — Здесь мы в безопасности.

Я вернулся к двери. Внутренняя половина магазина была вне пределов досягаемости для триффидов — пока они оставались снаружи. Мне удалось добраться до люка и снова откинуть крышку. Из подвала вылезли двое мужчин, упавших туда после того, как я выскочил наружу. Один придерживал сломанную руку, другой был в синяках и царапинах и ругался.

Задняя комната выходила в небольшой дворик. В кирпичной стене дворика была калитка, но я стал осторожен. Вместо того чтобы направиться к калитке, я забрался на крышу флигеля и осмотрелся. Калитка открывалась в узкую аллею, которая проходила по всей длине квартала. Аллея была пуста. Но на другой ее стороне, за стеной, огораживавшей, вероятно, частные сады, я различил среди кустарников неподвижные верхушки двух триффидов. Может быть, это было еще не все. Стена на той стороне была ниже, и их высота позволяла им бить жалами через аллею. Я объяснил своим людям положение.

— Проклятые уроды, — сказал один. — Всегда ненавидел этих тварей.

Я снова осмотрелся. Здание через одно от нас оказалось автопрокатной конторой, там стояли наготове три легковые машины. Было нелегко добраться туда через две отделявшие нас стены, особенно с человеком, у которого была сломана рука, но нам это удалось. Кое-как мне удалось втиснуть всех в большой «даймлер». Едва все уселись, я открыл ворота на улицу и побежал назад к машине.

Триффиды немедленно заинтересовались. Их зловещая чувствительность к звукам подсказывала им, что здесь что-то происходит. Когда мы тронулись в путь, два уже поджидали нас у ворот. Их жала хлестнули нам навстречу и без вреда шлепнулись в закрытые окна. Я круто свернул, сбил одного и переехал через него. Минуту спустя мы были уже далеко и мчались на поиски другого, более безопасного места.

Этот вечер был для меня самым скверным со дня катастрофы. Освобожденный от своих стражей, я выбрал себе небольшую комнату, где мог побыть в одиночестве. На каминной полке я установил в ряд шесть свечей и долго сидел в кресле, обдумывая положение. Вернувшись домой, мы узнали, что один из первых заболевших умер; другой был, несомненно, при смерти; заболели еще четверо. К концу ужина заболели еще двое. Что это была за болезнь, я понятия не имел. При отсутствии са-

нитарных условий и вообще при теперешнем положении это могло быть все что угодно. Я подумал о тифе, но у меня было смутное впечатление, что у тифа должен быть более длительный инкубационный период. Да и то сказать, если бы я и знал — какая разница? Достаточно того, что болезнь эта очень скверная, раз рыжеволосый молодой человек пустил в ход пистолет и отказался от преследования нашей группы.

Похоже было на то, что я с самого начала оказывал своей команде сомнительную услугу. Мне удалось помочь им продержаться, в то время как, с одной стороны, им угрожала соперничающая шайка, а с другой — из пригорода надвигались триффиды. Теперь появилась еще эта болезнь. Чего же я достиг в конце концов? Отодвинул на какое-то время голодную смерть, только и всего.

Я не знал, что делать дальше. И, кроме того, меня мучила мысль о Джозелле. То же самое, а может быть, нечто похуже могло твориться и в ее районе...

Я обнаружил, что снова думаю о Микаэле Бидли и его группе. Еще раньше я знал, что на их стороне логика, а теперь я начинал думать, что на их стороне и истинная гуманность. Они исходили из того, что невозможно спасти кого-нибудь, кроме очень немногих. Внушать же остальным беспочвенные надежды — это по меньшей мере жестоко.

Кроме того, были еще мы сами. Если в чем-либо вообще есть какая-нибудь цель, то для чего мы выжили? Не для того же, чтобы попусту растратить себя в безнадежных усилиях?..

Я решил, что завтра же отправлюсь на поиски Джозеллы и мы вместе разрешим все сомнения.

Щеколда двери звякнула. Дверь медленно приоткрылась.

— Кто там? — спросил я.

— О, вы здесь... — сказал девичий голос.

Она вошла и притворила за собой дверь.

— Что вам угодно? — спросил я.

Она была высокая и тонкая. Меньше двадцати, подумал я. У нее были слегка вьющиеся волосы. Каштановые волосы. Она была тихая, но не из тех, кого не замечают: так уж она была устроена и сложена. Золотисто-коричневые глаза ее смотрели поверх меня, а то бы я подумал, что она меня рассматривает.

Она ответила не сразу. Была в ней какая-то неуверенность, которая очень не шла ей. Я ждал, пока она заговорит. У меня почему-то комок подкатил к горлу. Понимаете, она была моло-

да, и она была прекрасна. Вся жизнь должна была лежать перед нею: возможно, чудесная жизнь. Всегда есть что-то немного печальное в молодости и красоте при любых обстоятельствах, не правда ли?..

— Вы собираетесь уходить? — сказала она. Это был наполовину вопрос, наполовину утверждение тихим, чуть нетвердым голосом.

— Я этого не говорил, — возразил я.

— Да, — согласилась она. — Но это говорят другие... И ведь это правда?

Я ничего не сказал. Она продолжала:

— Так нельзя. Вам нельзя бросать их. Вы им нужны.

— Мне здесь нечего делать, — сказал я. — Все надежды напрасны.

— А вдруг окажется, что не напрасны?

— Этого не может быть... не сейчас. Мы бы уже знали.

— Но если они все-таки оправдаются? А вы все бросили и ушли?..

— Вы полагаете, я не думал об этом? Мне здесь нечего делать, говорю я вам. Я был чем-то вроде наркотика, который впрыскивают больному, чтобы хоть немного продлить его жизнь... не вылечить, а именно отсрочить смерть.

Несколько секунд она молчала. Затем она проговорила нетвердо:

— Жизнь прекрасна... даже такая. — Она едва владела собой.

Я не мог выговорить ни слова. Она оправилась:

— Вы можете не дать нам умереть. Всегда есть шанс... просто шанс, что что-нибудь случится, даже сию минуту.

Я уже сказал, что думаю об этом. Я не стал повторять.

— Это так трудно, — проговорила она словно сама себе. — Если бы только я могла видеть вас... Но, конечно, если бы я могла видеть... Вы молоды? Голос у вас молодой.

— Мне около тридцати, — сказал я. — И я очень обыкновенный.

— Мне восемнадцать. Это был день моего рождения... день, когда пришла комета.

Я не мог придумать, что ответить. Любые слова были бы жестокими. Пауза затянулась. Я видел, как она стискивает руки. Затем она уронила руки; костяшки пальцев у нее побелели. Она шевельнула губами, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— Ну что? Что я могу сделать? — спросил я. — Продлить это еще немного?

Она закусила губу. Затем она сказала:

— Они... они говорят, что вы, наверное, одиноки. Я подумала, что если бы... — Ее голос дрогнул, костяшки пальцев побелели еще сильнее. — Если бы у вас кто-нибудь был... я хочу сказать, если бы у вас был кто-нибудь здесь... вы... вы бы, может быть, не ушли от нас. Может быть, вы остались бы с нами?

— О Боже, — сказал я тихо.

Я глядел на нее. Она стояла очень прямо, губы ее слегка дрожали. У нее должны были быть поклонники, жадно ловившие тень ее улыбки. Она была счастлива и беззаботна, а потом к ней пришло бы счастье в заботах. Ее ждали жизнь, полная очарования, и радостная любовь.

— Вы ведь будете добры ко мне, правда? — сказала она. — Понимаете, я никогда еще...

— Замолчите! Замолчите! — сказал я. — Вы не должны говорить мне такие вещи. Пожалуйста, уходите.

Но она не уходила. Она стояла и глядела на меня невидящими глазами.

— Уходите же! — повторил я.

Она была укором, и я не мог вынести этого. Она была не просто собой. Она была тысячами тысяч погибших юных жизней.

Она подошла ближе.

— Что это, вы плачете? — сказала она.

— Уходите. Ради Бога, уходите! — сказал я.

Она постояла в нерешительности, затем повернулась и ощупью направилась к двери. Когда она выходила, я сказал:

— Можете сказать им, что я остаюсь.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего ощутил запах. Он чувствовался и раньше, но погода, к счастью, была прохладная. Теперь же наступил теплый день, и было уже довольно поздно. Я не стану подробно рассказывать об этом запахе; те, кто знал его, никогда не забудут, а для остальных он неописуем. Он неделями поднимался над городами и разносился каждым дуновением ветра. Я вдохнул его в то утро, и он окончательно убедил меня, что наступил конец. Смерть есть лишь жуткий конец движения; окончательным же является распад.

Несколько минут я лежал и думал. Теперь единственное, что можно было сделать, — это погрузить команду на грузови-

ки и вывезти из города. А запасы, которые мы сделали? Их тоже надо погрузить и вывезти... и, кроме меня, никто не может сидеть за рулем... На это понадобятся дни... если только они еще есть у нас, эти дни...

Тут я подумал, что сейчас делают мои люди. В доме стояла странная тишина. Я прислушался, но различил только стоны, доносившиеся откуда-то из другой комнаты. Меня охватила тревога. Я вылез из постели и торопливо оделся. На лестничной площадке я прислушался снова. Нигде в доме не было слышно шагов. На меня вдруг нахлынуло скверное ощущение, будто история повторяется и я опять нахожусь в больнице.

— Эй! Кто здесь есть? — крикнул я.

Отозвалось несколько голосов. Я распахнул ближайшую дверь. Там лежал мужчина. Он выглядел очень плохо, и он был в бреду. Я ничего не мог сделать. Я снова закрыл дверь.

Мои шаги гремели по деревянным ступенькам. На следующем этаже женский голос позвал:

— Билл!.. Билл!..

Она лежала на кровати в маленькой комнатушке, девушка, которая приходила ко мне вчера вечером. Когда я вошел, она повернула ко мне лицо. Я увидел, что она тоже больна.

— Не подходите близко, — сказала она. — Это все-таки вы, Билл?

— Да.

— Я так и думала. Вы еще можете ходить, остальные ползают. Я рада, Билл. Я сказала им, что вы не уйдете, но они сказали, что вы уже ушли. И они все ушли, все, кто мог ходить.

— Я спал, — сказал я. — Что произошло?

— Многие и многие из нас заразились. Все были напуганы.

Я сказал беспомощно:

— Что я могу сделать для вас? Может быть, вам что-нибудь принести?

Ее лицо исказилось, она обхватила себя руками и скорчилась. Потом приступ прошел. Она лежала, и струйки пота текли по ее лбу.

— Пожалуйста, Билл. Я не очень храбрая. Вы не можете принести мне чего-нибудь, покончить с этим?

— Да, — сказал я. — Я могу сделать это для вас.

Я вернулся из аптеки минут через десять. Я подал ей стакан воды и положил снадобье ей в другую руку.

Некоторое время она медлила. Затем она сказала:

— Все тщетно... и все могло быть совсем по-другому. Прощайте, Билл... и спасибо вам за то, что вы сделали.

Я глядел на нее, как она лежала. Была одна вещь, которая делала все еще более тщетным. Я спрашивал себя, сколько других женщин сказали бы: «Возьми меня с собой», когда она сказала: «Останься с нами»?

И я даже не знал ее имени.

ГЛАВА 9
ЭВАКУАЦИЯ

Я решил ехать к Вестминстеру, потому что хорошо помнил о рыжеволосом молодом человеке, который в нас стрелял.

После того как мне исполнилось шестнадцать, мой интерес к оружию пошел на убыль, но теперь, когда мир снова впал в дикость, представлялось необходимым либо быть готовым вести себя при случае по-дикарски, либо в скором времени вообще перестать вести себя как бы то ни было. На Сент-Джеймс-стрит было несколько магазинов, где с величайшей изысканностью торговали всеми видами смертоносного оружия — от ружей на птиц до винтовок на слонов.

Я покинул эти магазины со смешанным чувством защищенности и агрессивности. У меня был добрый охотничий кинжал. В кармане лежал пистолет, точный и надежный, как научный прибор. На сиденье рядом со мной покоились заряженный дробовик двенадцатого калибра и коробки с патронами. Я выбрал дробовик, а не винтовку: гремит он не менее убедительно, верхушку же триффида снесет, не в пример пуле, начисто. А триффиды были уже в самом Лондоне. По-видимому, они еще старались избегать улиц, но я заметил, как несколько штук ковыляли через Гайд-парк, и еще несколько торчало в Грин-парке. Скорее всего это были декоративные экземпляры с урезанным жалом, но, может быть, и нет.

И вот я прибыл в Вестминстер.

Все здесь несло на себе отпечаток смерти, гибели. Обычная россыпь покинутых машин замерла на улицах. Людей почти не было.

Над всем этим возвышалось здание парламента, стрелки его часов застыли на трех минутах седьмого. Было трудно пове-

рить, что теперь это просто претенциозное украшение из непрочного камня, которому предстоит разрушаться в бозе. Пусть градом посыплются вниз на террасу его обвалившиеся бельведеры — больше не будет негодующих членов парламента, жалующихся на риск, которому подвергаются их драгоценные жизни. Наступит время, и потолки и крыши провалятся в эти залы, откуда на весь мир звучало эхо добрых намерений и наивных уловок.

Рядом невозмутимо текла Темза. Она будет течь и тогда, когда обрушатся каменные набережные, растечется вода и Вестминстер снова превратится в островок на болоте.

Поразительно четким силуэтом на фоне ясного неба вздымалось серебристо-серое аббатство. Оно стояло, отчужденное своим возрастом от эфемерной поросли вокруг. Прочный фундамент веков поддерживал его, и, может быть, ему предстояло еще долгие века сохраняться в неприкосновенности и служить памятником тем, чья работа была теперь разорена дотла.

Я не стал там задерживаться. В грядущие годы кто-нибудь, исполненный романтической меланхолии, придет взглянуть на аббатство. Но романтизм такого рода есть сплав трагедии и давних воспоминаний. Мне же все это было слишком близко.

Мало того, я начинал испытывать нечто новое — страх одиночества. Я не был одинок с тех пор, как шел из больницы по Пиккадилли. Во всем, что я видел тогда, была неразгаданная новизна. А теперь я впервые почувствовал ужас, который обрушивает одиночество на стадное по натуре животное. Я ощущал себя голым, беззащитным против всех страхов, кравшихся за мною по пятам...

Я заставил себя ехать по Виктория-стрит. Даже рокот мотора тревожил меня своим эхом. Мне страстно хотелось бросить машину и бесшумно двигаться пешком, ища безопасности в собственной ловкости, подобно зверю в джунглях. Вся моя воля потребовалась мне, чтобы не сорваться и продолжать действовать по плану. Ведь я знал, что стал бы делать, если бы мне достался этот район: я бы искал продовольствие в его крупнейшем универсальном магазине.

Так и есть, кто-то очистил продовольственный отдел магазина армии и флота. Но сейчас там не было ни души.

Я вышел из бокового подъезда. Кот обнюхивал на мостовой что-то похожее на груду тряпья. Я хлопнул в ладоши. Кот поглядел на меня и скрылся.

Из-за угла вышел человек. Лицо его сияло торжеством, он катил по середине улицы огромный круг сыра. Услыхав мои шаги, он опрокинул сыр, сел на него и принялся яростно размахивать палкой. Я вернулся к машине.

Не исключено, что Джозелла тоже избрала для своей резиденции какой-нибудь отель. Я вспомнил, что несколько отелей есть вокруг вокзала Виктории, и направился туда. Их оказалось там гораздо больше, чем я предполагал. Обследовав десяток и не найдя никаких признаков организованной стоянки, я понял, что это совершенно безнадежно.

Тогда я стал искать кого-нибудь, чтобы расспросить. Может быть, именно благодаря ей кто-нибудь остался в живых. В этом районе я встретил пока всего несколько человек, способных передвигаться. Теперь мне уже казалось, что не осталось ни одного. Но в конце концов на углу Бекингэм и Палас-роуд я заметил сгорбленную старуху, сидевшую на пороге. Всхлипывая и ругаясь, она терзала консервную банку сломанными ногтями. Я отправился в маленькую лавку поблизости и нашел там полдюжины банок бобов, забытых на верхней полке. Затем я нашел консервный нож и вернулся к ней. Она все еще безуспешно терзала свою жестянку.

— Бросьте ее, — сказал я. — Это кофе.

Я вложил в ее руку консервный нож и дал ей банку бобов.

— Слушайте меня, — сказал я. — Где-то здесь должна быть девушка, зрячая девушка. Вы ничего не знаете о ней? Она обслуживала группу слепых.

Я не очень рассчитывал на успех, но ведь что-то помогло этой старухе продержаться дольше, чем всем остальным. Я едва поверил своим глазам, когда она кивнула.

— Да, — сказала она и принялась открывать банку.

— Вы ее знаете? Где она? — спросил я. Мне почему-то и в голову не пришло, что речь могла идти вовсе не о Джозелле.

Старуха покачала головой:

— Я не знаю. Я была с ее командой какое-то время, а потом потеряла их. Такой старухе, как я, не угнаться за молодыми, и я их потеряла. Они не стали ждать бедную старуху, и я так и не нашла их больше.

Она продолжала трудиться над банкой.

— Где она живет? — спросил я.

— Мы все жили в отеле. Не знаю только, где этот отель, а то бы я его снова нашла.

— А название отеля?

— Не знаю. Что толку в названиях, когда не можешь читать, да и никто не может.

— Но вы должны помнить о нем что-нибудь.

— Ничего не помню.

Она подняла банку и осторожно понюхала содержимое.

— Вот что, — сказал я холодно. — Вы хотите, чтобы я оставил вам эти банки?

Она сделала движение рукой, чтобы придвинуть их к себе.

— Ну так вот. Тогда расскажите мне все, что знаете об этом отеле, — продолжал я. — Например, вы должны знать, большой он или маленький.

Она подумала, все еще загораживая банки.

— Внизу было вроде бы гулко... как будто много места. И там было роскошно... знаете, мягкие ковры, и хорошие кровати, и хорошие простыни.

— Что еще?

— Да больше как будто... А, да, вот что. Снаружи две ступеньки, и входить надо через дверь, которая вертится.

— Это уже лучше, — сказал я. — Вы не врете? Если я не найду этот отель, то вас-то уж я найду, будьте уверены.

— Как на духу, мистер. Две низенькие ступеньки, и крутится дверь.

Она порылась в потрепанном чемоданчике рядом с собой, вытащила грязную ложку и принялась смаковать бобы, словно это было райское угощение.

Оказалось, что отелей поблизости еще больше, чем я думал, и просто удивительно, сколько из них было с крутящимися дверями. Но я не сдавался. И когда я нашел, ошибки быть не могло: следы и запах были слишком знакомы.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул я в пустом вестибюле.

Я уже решил подняться наверх, когда из угла послышался стон. Там, на диванчике в нише, лежал человек. Даже в сумеречном свете было видно, что он уже не жилец. Я не стал подходить слишком близко. Его глаза открылись. На секунду я подумал, что он зрячий.

— Это вы там? — сказал он.

— Да, я хотел...

— Воды, — сказал он. — Ради Христа, дайте мне немного воды...

Я направился в ресторан и нашел буфетную. В кранах не было ни капли. Я опростал в кувшин два сифона с содовой и

вернулся в вестибюль с кувшином и чашкой. Я поставил их на пол так, чтобы он мог до них дотянуться.

— Спасибо, друг, — сказал он. — Я управлюсь. Держись от меня подальше.

Он погрузил чашку в кувшин и осушил ее.

— Господи! — сказал он. — Как хорошо! — Он осушил еще одну чашку. — Что ты здесь делаешь, друг? Место это нездоровое, сам понимаешь.

— Я ищу девушку... зрячую девушку. Ее зовут Джозелла. Она здесь?

— Была она здесь. Ты опоздал, приятель.

Внезапное подозрение обрушилось на меня как удар.

— Вы... вы хотите сказать...

— Да нет. Успокойся, друг. Она этого не подцепила. Нет, она просто ушла... как все, кто мог ходить.

— А куда она пошла, вы не знаете?

— Этого я не могу сказать, друг.

— Ясно, — сказал я с трудом.

— Ты бы тоже лучше уходил, приятель. А то побудешь здесь еще немного и останешься здесь совсем. Как я.

Он был прав. Я стоял и смотрел на него.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет. Этого мне хватит. Мне уже недолго. — Он помолчал. Затем он добавил: — Прощай, друг, и большое спасибо. И если ты ее найдешь, береги ее — она славная девушка.

Позже, когда я обедал консервированной ветчиной и бутылкой пива, мне пришло в голову, что я не спросил его, когда ушла Джозелла. Но я решил, что в таком состоянии он вряд ли мог иметь ясное представление о времени.

Затем я отправился в университет. Я считал, что Джозелла подумала бы о том же, и была надежда, что кто-нибудь из нашей разгромленной группы мог тоже прибиться туда, пытаясь воссоединиться. Это была не очень основательная надежда, ибо здравый смысл должен был заставить их покинуть город еще несколько дней назад.

Два флага все еще висели над башней, вялые в теплом воздухе раннего вечера. Из двух десятков грузовиков, которые были собраны во дворе, осталось четыре, по всей видимости — нетронутые. Я остановил машину рядом с ними и направился к зданию. Мои каблуки отчетливо стучали в тишине.

— Хэлло! Хэлло, эй! — позвал я. — Есть здесь кто-нибудь?

Эхо моего голоса прокатилось по коридорам и лестничным пролетам, перешло в едва слышный шепот и замерло. Я пошел к двери в другое крыло и покричал еще раз. Снова эхо замерло без ответа, оседая на стены бесшумно, как пыль. И тогда, повернувшись, я увидел на стене у парадного входа надпись мелом большими буквами. Это был адрес:

ТИНШЭМ-МЭНОР
ТИНШЭМ
ДИВАЙЗЕС, УИЛТШИР

Это было уже нечто.

Я глядел на надпись и раздумывал. Примерно через час стемнеет. До Уилтшира, насколько я помнил, не менее ста миль. Я вышел во двор и осмотрел грузовики. Один из них был мой — тот самый, который я пригнал последним и куда сложил свои противотриффидные ружья. Я вспомнил, что груз его состоит из отличного набора продуктов и предметов первой необходимости. Будет гораздо лучше прибыть с этим грузом, чем с пустыми руками на легковой машине. Но без самой настоятельной необходимости я вовсе не желал гнать ночью огромный, тяжело нагруженный грузовик по дорогам, на которых, надо полагать, могут возникнуть разные неприятные осложнения. Чтобы иметь возможность с ними справиться, пришлось бы искать другую машину и перетаскивать груз на нее; на это ушло бы слишком много времени. Куда лучше и удобнее выехать на этом же грузовике рано утром. Я перенес в его кабину коробки с патронами, чтобы все было готово к отъезду, и вернулся в здание. Дробовик я взял с собой.

Моя комната, из которой я выбежал по ложной пожарной тревоге, была в том же виде, как я ее оставил: одежда на кресле и даже портсигар и зажигалка там, где я положил их возле своей импровизированной кровати. Было еще слишком рано, чтобы ложиться. Я закурил, сунул портсигар в карман и решил побыть под открытым небом.

Прежде чем выйти в садик на Рассел-сквер, я внимательно оглядел его. Я уже привык относиться с подозрением к открытым пространствам. И действительно, я заметил одного триффида. Он неподвижно стоял в северо-западном углу садика, но он был значительно выше окружающих кустов. Я подошел ближе и одним выстрелом снес его верхушку. В тишине сквера

выстрел прозвучал как грохот гаубицы. Убедившись, что других триффидов поблизости нет, я вошел в садик и сел, прислонившись спиной к дереву.

Так я сидел, наверное, минут двадцать. Солнце опустилось низко, половина площади была погружена в тень. Скоро нужно будет возвращаться в здание. Пока светло, я еще могу держать себя в руках; но в темноте на меня бесшумно поползут призраки. Я уже чувствовал, что погружаюсь в первобытное состояние. Пройдет немного времени, и я буду проводить часы мрака в страхе, как проводили их мои отдаленные предки, с вечным недоверием вглядываясь в ночь за порогом своих пещер. Я встал и в последний раз оглядел площадь, словно это была страница истории, которую мне хотелось изучить, прежде чем она перевернется. И пока я стоял, на дороге послышались шаги, негромкие звуки, прорезавшие, однако, тишину, как скрежет жерновов.

Я повернулся с ружьем наготове. Я был испуган, как Робинзон Крузо при виде отпечатка ноги, потому что это не были неуверенные шаги слепого. Затем я уловил в сумерках двигающийся огонек. Когда огонек появился в саду, я разглядел фигуру мужчины. Видимо, он увидел меня еще прежде, чем я услыхал его шаги, так как он направился прямо ко мне.

— Не стреляйте, — сказал он, широко расставив пустые руки. Я узнал его, когда он приблизился на несколько метров. Он тоже узнал меня.

— О, это вы, — сказал он.

Я продолжал держать ружье наготове.

— Привет, Коукер, — сказал я. — Что вам здесь надо? Хотите поручить мне еще одну маленькую команду?

— Нет. Можете опустить эту штуку. Слишком от нее много шума. Я и нашел-то вас из-за нее. Нет, — повторил он. — Довольно с меня. Я ухожу отсюда к чертовой матери.

— Я тоже, — сказал я и опустил ружье.

— Что случилось с вашей командой? — спросил он.

Я рассказал ему. Он кивнул:

— То же, что с моей. И с другими, наверное. И все-таки мы попытались...

— Негодная попытка, — сказал я.

Он снова кивнул.

— Да, — признался он. — Мне кажется, ваша группа с самого начала взяла правильную линию. Только неделю назад она представлялась мне совсем неправильной.

— Шесть дней назад, — поправил я его.

— Неделю, — сказал он.

— Да нет же... А, черт, какое это имеет значение? — сказал я. — В общем, — продолжал я, — что вы скажете, если я объявлю вам амнистию и мы начнем все сначала?

Он согласился.

— Я ничего не понял, — опять признался он. — Я думал, что один только я отношусь к этому серьезно, и я просчитался. Я не верил, что это продлится долго или что кто-нибудь не придет на помощь. Но полюбуйтесь на это теперь! И так, наверное, повсюду. В Европе, в Америке, в Азии — везде то же самое. Если бы не так, они были бы уже здесь, помогали, лечили, чистили... Нет, я считаю, что ваша группа понимала это с самого начала.

Несколько секунд мы молчали, затем я спросил:

— Эта болезнь, эпидемия... Что это такое, по-вашему?

— Убейте меня, не знаю, приятель. Я думал, что это тиф, но кто-то мне сказал, будто тиф развивается дольше. Так что не знаю. И не знаю, почему не заразился сам... Разве что я мог держаться от заболевших подальше и следить за тем, чтобы моя еда была чистая. Я ел только консервы, которые открывал сам, и пил только пиво из бутылок. Так или иначе, хотя мне и везло до сих пор, мне не улыбается торчать здесь дольше. Вы-то куда собираетесь?

Я рассказал ему про адрес, написанный мелом на стене. Он еще не видел эту надпись. Он как раз направлялся к университету, когда услыхал мой выстрел, и стал с некоторой опаской разыскивать стрелявшего.

— Это я... — начал я и остановился. Где-то на улице, к западу от нас, послышался звук стартера. Мотор заревел и вскоре затих вдали.

— Ну вот, еще кто-то уехал, — сказал Коукер. — Кстати, об этой надписи. Как вы думаете, кто ее мог оставить?

Я пожал плечами. Вполне возможно, что адрес оставил человек из нашей группы, который был захвачен Коукером и потом вернулся сюда. Или кто-нибудь из зрячих, кого Коукер упустил. Ведь определить, когда сделана надпись, было нельзя. Он подумал.

— Вдвоем нам будет лучше. Я пристроюсь к вам и посмотрю, что там делается. Ладно?

— Ладно, — согласился я. — Я за то, чтобы сейчас лечь спать и завтра выехать пораньше.

* * *

Я проснулся, когда он еще спал. Я вновь облачился в свой лыжный костюм и тяжелые башмаки, бросив неудобную одежду, которой снабдили меня люди Коукера. К тому времени, когда я вернулся с набором банок и пакетов, Коукер тоже был на ногах и одет. За завтраком мы решили, что поедем не в одном грузовике, а поведем два — к вящей пользе обитателей Тиншэма.

— И смотрите, чтобы окна в кабине были закрыты, — напомнил я. — Вокруг Лондона полно триффидных заповедников, особенно к западу.

— Ага. Я уже видел этих тварей в городе, — сказал он беспечно.

— Я тоже видел их, и притом в действии, — сказал я.

В первом же гараже, который нам повстречался, мы взломали бензоколонку и запаслись горючим. Затем, грохоча по улицам, как танковая колонна, мы двинулись на запад: моя трехтонка впереди, он за мной.

Продвижение было утомительным. Через каждые несколько десятков метров попадался какой-нибудь брошенный автомобиль. Временами две-три машины загораживали дорогу полностью, так что приходилось переключаться на первую скорость и сдвигать одну из них в сторону. Разбитых машин было немного. Видимо, слепота поражала водителей хотя и быстро, но не мгновенно, так что они успевали затормозить. В большинстве они сворачивали при этом к тротуару. Если бы катастрофа произошла днем, главные магистрали были бы совершенно забиты и нам пришлось бы затратить дни, чтобы выбраться из центра боковыми улицами, отступая перед непроходимой стеной машин и ища объезда. Одним словом, продвигались мы не так медленно, как мне представлялось из-за нескольких пустяковых задержек, и когда я через несколько миль увидел впереди возле дороги перевернутую машину, я осознал, что теперь мы уже на пути, который прошли и расчистили для нас другие.

На западной окраине Стейнза мы ощутили, что Лондон наконец остался позади. Я оставил машину и пошел назад к Коукеру. Когда он выключил двигатель, наступила тишина, плотная и неестественная, нарушаемая только потрескиванием охлаждающегося металла. Я вдруг вспомнил, что с того момента, как мы тронулись в путь, я не видел, кроме нескольких воробьев, ни одного живого существа. Коукер вылез из кабины. Он

стоял посередине дороги, вслушиваясь и оглядываясь. Потом он пробормотал:

Вон там пред нами пролегают
Пустыни бесконечной вечности...

Я пристально посмотрел на него. Серьезное, задумчивое выражение на его лице сменилось вдруг ухмылкой, и он спросил:

— А может быть, вы предпочитаете Шелли?

Я — Озимандис, царь царей,
Взгляни, надменный, на мои труды и ужаснись!..

Пошли поедим чего-нибудь.

— Коукер, — сказал я, когда мы устроились на прилавке в магазине, намазывая мармелад на бисквиты. — Вы меня озадачили. Кто вы такой? В первый раз, когда я вас повстречал, вы занимались декламацией — вы мне простите это вполне подходящее слово? — на портовом жаргоне. Теперь вы цитируете Марвелла. Я не понимаю этого.

Он усмехнулся.

— Я тоже никогда этого не понимал, — сказал он. — Как и полагается гибриду: никогда не знаешь, что ты такое. Мать тоже не знала, что я такое, — во всяком случае, она никогда не могла доказать, кто был моим отцом, и получить средства на мое содержание. Она вымещала это на мне, и я с детства был всем на свете недоволен. Окончив школу, я повадился ходить на митинги — все равно какие, лишь бы это были митинги протеста. Это свело меня с публикой, которая там выступала. Может быть, они находили меня забавным. Так или иначе, они стали таскать меня с собой на всякие политические сборища. Потом мне надоело, что я их забавляю и что мои слова вызывают у них этакий двойной смех, наполовину вместе со мной, наполовину надо мной. Я сообразил, что мне необходимо общее образование, какое имеют они, и тогда я сам посмеюсь над ними. Я поступил в вечерние классы и стал практиковаться в их жаргоне. Очень многие не понимают одной простой вещи. Если вы разговариваете с человеком и хотите, чтобы он принял вас всерьез, говорите с ним на его собственном жаргоне. Если же вы цитируете Шелли, но говорите как простолюдин, они находят, что вы милы, вроде обезьянки у шарманщика, но на смысл ваших слов они не обращают внимания. Необходимо говорить на жаргоне, который они привыкли принимать

всерьез. И наоборот. Половина политической интеллигенции, выступая перед рабочей аудиторией, ничего не может добиться — и не столько потому, что она стоит выше этой аудитории, сколько из-за того, что большинство ребят слушают голос, а не слова; они пропускают слова мимо ушей, потому что слова эти очень уж вычурны, а не обыкновенная человеческая речь. И вот я рассудил, что надо сделаться двуязыким и каждый язык употреблять в подходящей обстановке, а время от времени — вдруг и не тот язык не в той обстановке. Это действует без промаха. Чудесная вещь наша английская кастовая система. С тех пор я стал делать успехи в ораторском ремесле. Постоянной работой это не назовешь, но зато интересно и разнообразно.

— А как случилось, что вы не ослепли? Вы же не были в больнице, не так ли?

— Я? Нет. Случилось так, что я выступал на митинге протеста против хамства полиции во время одной забастовки. Мы начали около шести, а через полчаса пожаловала и сама полиция. Я нашел очень удобный люк и спустился в подвал. Они полезли за мной и стали подвал обыскивать, только я зарылся в кучу стружки. Они немного потоптались наверху, потом все затихло. Но я не торопился вылезать. Ни к чему мне было попадаться в их маленькие славные ловушки. Я согрелся в стружках и заснул. А когда утром осторожно высунул нос наружу, то увидел, что произошло. — Он помолчал в задумчивости. — Ну что ж, моя ораторская карьера закончилась. Вряд ли теперь будет спрос на мои таланты.

Я не стал спорить об этом. Мы закончили еду. Он соскочил с прилавка.

— Пошли. Нам пора двигаться. «Завтра к свежим полям и новым лугам», если вам нужна на этот раз совершенно банальная цитата.

— Она не только банальная, она еще и неточная, — сказал я. — Не «к полям», а «к лесам».

Он подумал хмурясь.

— Провалиться мне, приятель, так оно и есть, — признал он.

И я, и Коукер заметно ожили: сельские пейзажи вселяли какие-то надежды. Да, конечно, эти зеленые всходы созреют, но некому будет собрать урожай и некому будет собрать фрукты с плодовых деревьев; и вся эта местность никогда больше не будет такой аккуратной и нарядной, как сегодня, но при всем том она будет продолжать жить по-своему. Это не то что города, бесплод-

ные и обреченные. Это место, где можно работать, заботиться и еще найти свое будущее. На его фоне мое существование в течение последней недели представилось мне чем-то вроде жизни крысы, шмыгающей по помойным ямам. И когда я глядел на поля, я чувствовал, как ширится и крепнет моя душа.

Когда нам попадались города на нашем пути, такие, как Рединг и Ньюбери, на некоторое время возвращалось ко мне лондонское настроение, но это были всего лишь незначительные впадины на графике моего возрождения.

Невозможно до бесконечности сохранять трагическое настроение. В этом разум подобен фениксу. Это его качество может быть полезным и вредным, оно просто часть воли к жизни, хотя именно оно позволило нам вступать в одну изнурительную войну за другой. Но мы не можем долго оплакивать целые океаны пролитого молока — таково необходимое свойство нашего организма. Под голубым небом с облаками, плывущими подобно айсбергу, страшная память о городе бледнела и чувство жизни вновь освежало нас подобно чистому ветру. И если это не может служить оправданием, то, во всяком случае, объясняет, почему я время от времени вдруг с удивлением ловил себя на том, что пою за рулем.

В Хангерфорде мы остановились, чтобы взять горючего и еды. Чувство освобождения продолжало расти по мере того, как мы милю за милей мчались по нетронутой стране. Она еще не казалась пустынной, она была пока только сонной и приветливой. Даже небольшие кучки триффидов, ковыляющих через какое-нибудь поле или зарывшихся корнями в землю, не портили моего настроения. Они вновь превратились для меня в объекты чисто профессионального интереса.

Неподалеку от Дивайзеса мы опять остановились, чтобы свериться с картой. Немного дальше мы свернули вправо на проселок и въехали в деревню Тиншэм.

ГЛАВА 10
ТИНШЭМ

Миновать Мэнор, не заметив, не было никакой возможности. Высокая стена, огораживающая поместье, проходила рядом с дорогой за кучкой домиков, составлявших деревню Тиншэм. Мы ехали вдоль этой стены, пока не увидели массивные

ворота из сварного железа. За воротами стояла молодая женщина, лицо которой не выражало ничего, кроме трезвого сознания возложенной на нее ответственности. Она была вооружена ружьем и неумело сжимала это ружье обеими руками. Я дал сигнал Коукеру притормозить и окликнул ее. Она пошевелила губами, но из-за шума двигателя я не расслышал ни слова. Я выключил двигатель.

— Это Тиншэм-Мэнор? — осведомился я.

Она не пожелала выдавать никаких тайн.

— Вы кто такие? — спросила она вместо ответа. — И сколько вас?

Мне очень хотелось, чтобы она не обращалась так со своим ружьем. Не спуская глаз с ее пальцев, неловко нащупывавших спусковой крючок, я вкратце объяснил ей, кто мы такие, почему мы приехали, что мы везем, и заверил ее, что нас всего двое и больше в грузовиках никто не прячется. Вряд ли она восприняла все это. Ее глаза не отрывались от моего лица, и в них было тоскливо-умозрительное выражение, обыкновенно свойственное ищейкам и неприятное даже у них. Мои слова не рассеяли эту всеобъемлющую подозрительность, которая делает добросовестных людей такими скучными. Когда она вышла, чтобы заглянуть в кузовы и проверить правдивость моих утверждений, я мысленно пожелал ей не столкнуться когда-нибудь с людьми, относительно коих ее подозрения оправдались бы. Ей очень не хотелось признать, что она удовлетворена, ведь это принижало ее роль надежного часового, но в конце концов она уступила и пропустила нас. Когда я въезжал в ворота, она крикнула: «Берите вправо!» — и сейчас же вернулась к своим обязанностям по обеспечению безопасности вверенного ей участка.

За короткой вязовой аллеей раскинулся парк в стиле восемнадцатого века, усаженный деревьями, которым было достаточно места, чтобы разрастись во всем великолепии. Дом не блистал архитектурным изяществом, но это был громадный дом. Он занимал обширную площадь и сочетал в себе множество разнообразных стилей, словно из его прежних владельцев никто не мог удержаться от искушения оставить на нем свой персональный отпечаток. Каждый из них при всем уважении к деятельности своих отцов ощущал, по-видимому, настоятельную необходимость выразить также и дух своего собственного времени. Неколебимое пренебрежение предыдущими канонами вылилось в неколебимую эклектику. Это был, несомненно,

смешной дом, но он производил впечатление дружелюбия и надежности.

Правая дорожка привела нас на широкий двор, где уже стояло несколько машин. Вокруг, занимая, наверное, несколько акров, располагались многочисленные каретники и конюшни. Коукер поставил свой грузовик рядом с моим и вылез. Никого вокруг видно не было.

Мы вошли в главное здание через черный ход и двинулись по длинному коридору. В конце коридора оказалась кухня баронских масштабов, где было тепло и пахло едой. С другой стороны была дверь, из-за которой доносился приглушенный гул голосов и звон посуды, но нам пришлось пройти через один темный проход и еще одну дверь, прежде чем мы до них добрались.

По-моему, место, где мы очутились, было некогда залом для слуг. Помещение было достаточно просторно для сотни человек, а сейчас здесь на скамьях за длинными столами на козлах сидели человек пятьдесят — шестьдесят, и с первого взгляда было ясно, что все они слепые. Они сидели тихо и терпеливо, в то время как несколько зрячих трудились не покладая рук. Возле входа у бокового столика три девушки прилежно нарезали цыплят. Я подошел к одной из них.

— Мы только что прибыли, — сказал я. — Что прикажете делать?

Она остановилась, затем, не выпуская вилки, отвела тыльной стороной ладони прядь волос, упавшую на лоб.

— Было бы хорошо, если бы один из вас занялся овощами, а другой помог с посудой, — сказала она.

Я принял команду над двумя громадными кастрюлями с картошкой и капустой. Раскладывая порции, я урывками оглядел людей в зале. Джозеллы среди них не было, не видел я и никого из выступавших в университете, хотя лица некоторых женщин показались мне знакомыми.

Процент мужчин здесь был гораздо больше, чем в прежней группе, причем подобраны они были странно. Несколько человек, возможно, и являлись лондонцами или, во всяком случае, горожанами, но большинство было в крестьянской одежде. Исключение составлял пожилой священник, но все они были слепыми.

Женщины были более разнообразными. Некоторые были в городских платьях, разительно не соответствующих обстановке, остальные были скорее всего местные. Из местных зрячей

была только одна девушка, но среди горожанок было около десятка зрячих и несколько слепых, державшихся вполне уверенно.

Коукер тоже оглядывал зал.

— Странное это заведение, — сказал он вполголоса. — Ну что, нашли вы ее?

Я покачал головой. Я вдруг осознал, что моя надежда найти здесь Джозеллу была сильнее, нежели я думал.

— Удивительное дело, — продолжал он. — Здесь нет почти ни одного человека из тех, кого я взял тогда с вами... кроме той девчонки, которая нарезает курятину.

— Она вас узнала? — спросил я.

— Думаю, что да. Она на меня зверем посмотрела.

Когда раздача закончилась, мы тоже взяли себе по тарелке и сели за стол. Качество продуктов и поварское искусство не вызывали никаких сомнений, к тому же после недели жизни на одних консервах интерес к горячей пище был у меня обострен до крайности. После трапезы послышался стук по столу. Поднялся священник; подождав, пока наступит тишина, он заговорил:

— Друзья мои! Кончается еще один день, и уместно сейчас вновь вознести Господу нашему молитвы благодарности за его великую милость, сохранившую нас в разгаре такого бедствия. Я призываю вас всех помолиться, дабы он воззрел с состраданием на тех, кто еще бродит во мраке и одиночестве, и дабы благоугодно было ему направить их стопы сюда, где мы сможем помочь им. Будем же просить его дать нам пережить грядущие испытания и несчастья, чтобы в его время и с его помощью мы смогли сыграть свою роль в построении лучшего мира к его вящей славе.

Он наклонил голову:

— Всемогущий и всеблагий Господь наш...

Сказав «аминь», он затянул псалом. После псалма собрание разбилось на группы, слепые взялись за руки, и четверо зрячих девушек повели их из зала.

Я закурил сигарету. Коукер тоже рассеянно взял у меня одну, не сказав ни слова. К нам подошла девушка.

— Вы нам поможете прибрать со стола? — сказала она. — Мисс Дюрран, мне кажется, скоро вернется.

— Мисс Дюрран? — повторил я.

— Она наш руководитель, — объяснила девушка. — Свои дела вы уладите с нею.

О том, что мисс Дюрран вернулась, нам сообщили часом позже, когда почти стемнело. Мы нашли ее в маленькой комнате, похожей на кабинет, освещенный всего двумя свечами на столе. Я сразу узнал в ней ту смуглую женщину с тонкими губами, которая выступала против профессора на собрании в университете. Когда мы предстали перед ней, все ее внимание сосредоточилось на Коукере. Выражение ее лица было не более дружелюбным, чем неделю назад.

— Мне сообщили, — холодно произнесла она, разглядывая Коукера словно кучу отбросов, — мне сообщили, что вы тот самый человек, который организовал нападение на университет.

Коукер подтвердил и ждал продолжения.

— Тогда я должна сказать вам раз и навсегда, что в нашей общине мы не признаем грубой жестокости и не собираемся ее терпеть.

Коукер слегка улыбнулся. Затем он ответил на исконном жаргоне средних классов:

— Все зависит от точки зрения. Разве вы можете судить, кто был более жесток: тот, кто осознал свою ответственность перед настоящим и остался, или тот, кто осознал свою ответственность перед будущим и ушел?

Она продолжала пристально смотреть на него. Выражение ее лица не изменилось, но было очевидно, что в эту минуту меняется ее мнение о Коукере. Она явно не ожидала ни такого ответа, ни такой манеры держаться. Оставив на время эту проблему, она повернулась ко мне.

— Вы тоже в этом участвовали? — спросила она.

Я объяснил ей, что играл во всем этом несколько пассивную роль, и задал ей вопрос в свою очередь:

— Что случилось с Микаэлем Бидли, с Полковником и остальными?

Это ей не понравилось.

— Они уехали куда-то в другое место, — сказала она резко. — Здесь у нас чистая благопристойная община в правилах... в христианских правилах, и мы намерены держаться этих правил. У нас нет места людям развратным. Разложение и неверие послужили причиной большинства несчастий мира. Те из нас, кого пощадила катастрофа, обязаны создать общество, в котором это не повторится. Циник, умник пусть знает, что здесь он не нужен, какие бы блестящие теории он ни выдвигал, чтобы замаскировать свою распущенность и свой материализм. Мы хрис-

тианская община, и мы намерены таковой остаться. — Она с вызовом посмотрела на меня.

— Значит, вы разделились? — сказал я. — Куда же направились те?

Она жестко ответила:

— Они отправились дальше, а мы остались здесь. Только это и имеет значение. Постольку, поскольку они не вмешиваются в наши дела, они могут зарабатывать себе вечное проклятие, где им угодно и как им угодно. А они будут прокляты, в этом я не сомневаюсь, раз им вздумалось считать себя выше законов Божеских и человеческих.

Она завершила эту декларацию щелчком челюсти, который дал мне ясно понять, что дальнейшие вопросы будут пустой тратой времени. Затем она повернулась к Коукеру.

— Что вы умеете делать? — спросила она.

— Много чего, — ответил он хладнокровно. — Для начала я буду помогать всем понемногу, пока не увижу, где я полезнее всего.

Она была слегка ошарашена. Ясно было, что она намеревалась принять решение и дать руководящие указания. Но она передумала.

— Хорошо, — сказала она. — Осмотритесь и приходите ко мне поговорить завтра вечером.

Но от Коукера не так-то легко было отделаться. Он пожелал узнать о размерах поместья, о численности общины, о проценте зрячих и о массе других вещей. И он узнал.

Прежде чем мы ушли, я задал вопрос о Джозелле. Мисс Дюрран нахмурилась:

— Знакомая фамилия. Где же я ее?.. О, это она выступала за консерваторов на прошлых выборах?

— Не думаю. Она... э... написала одну книгу, — сознался я.

— Она... — начала мисс Дюрран. Затем я увидел, что она вспомнила. — О, о, та самая?.. Ну, знаете, мистер Мэйсен, я не думаю, чтобы подобная особа пожелала связать свою судьбу с такой общиной, как наша.

В коридоре Коукер повернулся ко мне. Я увидел в сумерках, что он ухмыляется.

— Царство гнетущей ортодоксии, — заметил он. Усмешка исчезла, и он добавил: — Удивительный тип, знаете ли. Гордыня и предрассудки. Она нуждается в помощи. Она знает, что чертовски нуждается в помощи, но ничто не заставит ее в этом признаться.

Он задержался возле открытой двери. Было уже темно, и в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, но мы знали, что это мужская спальня.

— Хочу перебросить с этими ребятами парой слов. Увидимся позже.

Он шагнул в комнату и весело поздоровался: «Здорово, приятели! Как делишки?» Я посмотрел ему вслед и вернулся в обеденный зал. Единственным источником света там были три свечи, поставленные рядом на столе. Возле свечей сидела девушка и с неудовольствием вглядывалась в какую-то штопку.

— Хэлло, — сказала она. — Ужасно, правда? Как это в старину умудрялись что-нибудь делать по вечерам?

— Не такая уж это старина, — возразил я. — И это наше будущее, а не только прошлое... если кто-нибудь научит нас делать свечи.

— Да, пожалуй. — Она подняла голову и оглядела меня. — Вы приехали сегодня из Лондона?

— Да, — признался я.

— Там сейчас плохо?

— Лондону конец, — сказал я.

— Наверное, вы видели там ужасные зрелища, — предположила она.

— Видел, — коротко сказал я и спросил: — Вы давно здесь?

Она охотно обрисовала мне положение вещей.

Во время нападения на университет Коукер захватил почти всех зрячих. Осталось несколько человек. Она и мисс Дюрран были среди тех, кого Коукер упустил. На следующий день мисс Дюрран взяла командование на себя, но не совсем преуспела в этом. О немедленном отъезде из Лондона нечего было и думать, так как только один из оставшихся мог водить грузовик. Весь этот день и большую часть следующего они вынуждены были возиться со своими слепыми почти так же, как я со своими в Хэмпстеде. Но вечером следующего дня вернулись Микаэль Бидли и двое зрячих, а ночью в университет прорвались еще несколько человек. К полудню третьего дня у них уже набралось с десяток водителей. Тогда они решили, что благоразумнее выезжать немедленно, нежели ждать и гадать, вернутся ли остальные.

Тиншэм-Мэнор был выбран пробным пунктом назначения по предложению Полковника. Полковник знал это место и утверждал, что оно полностью отвечает требованиям компактности и изоляции.

Группа была очень разношерстная, и ее руководители отлично сознавали это. На следующий день после прибытия в Тиншэм состоялось собрание. По количеству участников оно было малочисленнее, чем тогда в университете, но во всех других отношениях почти такое же. Микаэль и его сторонники объявили, что сделать предстоит очень много и что они не намерены тратить свою энергию на умиротворение субъектов, погрязших в дешевых предрассудках и готовых ссориться по пустякам. Слишком велика задача, и слишком прижимает время.

Выступила Флоренс Дюрран. То, что произошло в мире, есть достаточное предостережение, сказала она. И она не может понять, как можно быть столь слепо неблагодарными за чудо спасения да еще пытаться увековечить подрывные теории, которые в течение столетия подтачивали христианство. Она, со своей стороны, не желает жить в общине, где будут постоянно стремиться извратить простую веру тех, кто не стыдится выразить благодарность Господу Богу путем соблюдения его законов. Она не хуже других сознает серьезность положения. Самое правильное будет с должным вниманием отнестись к предупреждению, которое дал Бог, и немедленно вернуться к его учению.

Таким образом обнаружился раскол группы. Мисс Дюрран поддержали пять зрячих девушек, десяток слепых девушек, несколько мужчин и женщин средних лет, тоже слепых, и не поддержал ни один из зрячих мужчин. При таких обстоятельствах не оставалось сомнений, что покинуть Тиншэм придется сторонникам Микаэля Бидли. Грузовики не были разгружены, ничто их не задерживало, и сразу после полудня они отбыли, оставив мисс Дюрран и ее последователей плыть или тонуть в соответствии со своими убеждениями.

Мисс Дюрран и зрячие девушки приступили к осмотру поместья. Большая часть дома была на замке, но в помещении для слуг кто-то недавно жил. Что произошло с людьми, присматривавшими за усадьбой, стало ясно, когда осмотрели фруктовый сад. Там среди рассыпанных фруктов лежали трупы мужчины, женщины и девочки. Рядом, зарывшись корнями в землю, терпеливо ждали два триффида. На образцовой ферме в дальнем углу поместья положение было такое же. Либо триффиды нашли дорогу в парк через какие-нибудь ворота, либо в парке еще раньше содержались неурезанные экземпляры, которые затем вырвались на свободу. Как бы то ни было, они представляли угрозу, и с ними следовало расправиться быстро, пока они не

натворили новых бед. Мисс Дюрран послала одну девушку обойти ограду и запереть все ворота и калитки, а сама взломала дверь в оружейную комнату. Несмотря на отсутствие опыта, она вместе с другой молодой женщиной сумела отстрелить верхушки у всех триффидов, каких удалось обнаружить в поместье, а их оказалось двадцать шесть штук. Можно было надеяться, что больше в пределах ограды триффидов не осталось.

На следующий день они обследовали деревню и нашли там триффидов в значительных количествах. Уцелели только те жители, кто либо заперся у себя дома и намеревался отсиживаться, пока хватит припасов, либо не столкнулся с триффидами во время коротких вылазок за продовольствием. Всех их собрали и переправили в поместье. Они были здоровы и в большинстве полны сил, но сейчас были скорее обузой, чем помощниками, потому что среди них не оказалось ни одного зрячего.

В течение того же дня прибыли еще четыре молодые женщины. Две, сменяясь за рулем, пригнали груженый грузовик и привезли слепую девушку. Одна приехала в легковом автомобиле. Быстро осмотревшись, она заявила, что это заведение ей не подходит, и укатила дальше.

О Джозелле моя собеседница ничего не знала. Она никогда не слыхала ее фамилии и, вероятно, никогда ее не встречала.

Пока мы разговаривали, в зале вспыхнул электрический свет. Девушка посмотрела на лампы с благоговением, точно на небесное знамение. Она задула свечи и, продолжая трудиться над штопкой, время от времени поглядывала вверх, как бы желая убедиться, что лампы никуда не делись.

Через несколько минут вошел Коукер.

— Ваша работа? — спросил я, кивнув на лампы.

— Да, — признался он. — Здесь у них есть собственный генератор. Лучше использовать бензин, чем дать ему испариться.

— Вы хотите сказать, что мы все это время могли иметь здесь электрический свет? — спросила девушка.

Коукер посмотрел на нее.

— Надо было всего-навсего завести мотор, — сказал он. — Если вам нужен был свет, почему вы не завели мотор?

— Я не знала, что он есть, и, кроме того, я ничего не понимаю в моторах и электричестве.

Коукер продолжал задумчиво глядеть на нее.

— И поэтому вы сидели впотьмах, — сказал он. — Как по-вашему, долго вы протянете, если будете по-прежнему сидеть впотьмах, вместо того чтобы заниматься делом?

Его тон задел ее.

— Не моя вина, что я не разбираюсь в таких вещах.

— Не согласен, — возразил Коукер. — Это не просто ваша вина. Вы ее лелеете и холите. Более того, вы притворяетесь, будто вы слишком одухотворенная натура, чтобы разбираться в технике. Это дешевая и глупая форма тщеславия. Каждый является в мир круглым невеждой, но на то Бог и даровал ему — и даже ей — мозги, чтобы приобретать знания. Неспособность пользоваться собственными мозгами не есть достойная похвалы добродетель, даже женщин следует порицать за это.

Она рассердилась, что было вполне понятно. Впрочем, Коукер был зол с самого начала. Она сказала:

— Все это очень хорошо, но у разных людей ум действует в разных направлениях. Мужчины понимают, как работают машины и электричество. Женщины, как правило, такими вещами не очень интересуются.

— Не пытайтесь всучить мне стряпню из мифов и притворства, это не для меня, — сказал Коукер. — Вам прекрасно известно, что женщины управляются — вернее, управлялись с самыми тонкими и сложными механизмами, когда брали на себя труд разобраться в них. Но обычно бывало так, что они слишком ленивы и не желают брать на себя этот труд. На что это им, когда традицию милой беспомощности можно расценить как женскую добродетель? И когда можно свалить все дело на чьи-то плечи? Обычно это поза, и против нее никто не считает нужным выступить. Напротив, ее лелеют, мужчины ей подыгрывают, стойко ремонтируя для своей бедняжки пылесос и мужественно меняя перегоревшие лампы. Вся эта комедия полностью устраивала обе стороны. Жестокая практичность так хорошо гармонировала с душевной тонкостью и очаровательной беспечностью, и дурак тот, кто пачкает руки.

Он продолжал, окончательно войдя в раж:

— До сих пор мы могли себе позволить забавляться такого рода умственной ленью и игрой в паразитов. Целые поколения твердили о равенстве полов, но женщина кровно заинтересована в своей зависимости и не желает освобождаться от нее. Ей пришлось модифицировать свое поведение в соответствии с изменившимися условиями, но эти модификации были незначительны, да и они вызывали у женщин недовольство. — Он помолчал. — Вы сомневаетесь? Так вот, взгляните на какую-нибудь бойкую девчонку и на интеллектуальную женщину. Обе

они, каждая по-своему, втирают очки, играя в высшую чувствительность. Но приходит война, приносит с собой общественные обязанности, и оказывается, что из той и другой можно сделать приличных механиков.

— Они обычно не становились хорошими механиками, — заметила девушка. — Об этом все говорят.

— А, защитный механизм в действии. Только позвольте вам заметить, что такие утверждения были в интересах почти всех. Впрочем, все равно до некоторой степени это было так, — признал он. — А почему? Да потому, что они учились наспех, без надлежащей школьной подготовки, и им вдобавок пришлось бороться против взлелеянного годами убеждения, будто такие интересы им чужды и слишком громоздки для их тонких натур.

— Не понимаю, отчего вы набросились именно на меня, — сказала она. — Не я ведь одна ничего не понимаю в этом несчастном моторе.

Коукер усмехнулся:

— Вы совершенно правы. Получилось нечестно. Я просто разозлился, что вот есть мотор, исправный, готовый к работе, и никто пальцем не пошевелил, чтобы завести его. Меня всегда выводит из себя тупое недомыслие.

— Тогда пойдите и выскажите все это мисс Дюрран, а не мне.

— Не беспокойтесь, выскажу. Но это касается не только ее. Это касается и вас, и всех остальных. Я в этом совершенно уверен, знаете ли. Времена изменились довольно радикально. Вы больше не можете сказать: «Ну, в таких делах я ничего не понимаю» — и оставить это дело кому-нибудь другому. Больше нет идиотов, путающих невежество с невинностью, вот что важно. И невежество перестало быть в женщине изюминкой или игрушкой. Оно делается опасным, смертельно опасным. Если все мы как можно скорее не научимся разбираться во множестве вещей, которые прежде нас не интересовали, то ни мы, ни наши подопечные долго не протянут.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось изливать свое презрение к женщинам именно на меня — и все из-за какого-то грязного старого мотора, — сказала она обиженно.

Коукер поднял глаза к потолку:

— Великий Боже! А я-то стараюсь втолковать ей, что у женщин есть все способности, стоит им только взять на себя труд применить их.

— Вы сказали, что мы паразиты. Думаете, что это приятно слышать?

— Я не собираюсь говорить вам ничего приятного. И я всего-навсего сказал, что в погибшем мире женщинам было выгодно играть роль паразитов.

— И все потому, что я ничего не понимаю в каком-то вонючем шумном моторе.

— Черт возьми! — сказал Коукер. — Послушайте, отцепитесь вы от этого мотора.

— А тогда зачем...

— Мотор просто оказался символом. Главное же состоит в том, что отныне нам всем придется многому учиться. И не тому, что нравится, а тому, что обеспечивает и поддерживает жизнь общины. Отныне нельзя будет просто заполнить избирательный бюллетень и сложить всю ответственность на кого-то другого. И нельзя будет считать, что женщина выполнила свой долг перед обществом, если убедила мужчину взять ее на содержание и предоставить ей укромный уголок, где она будет безответственно рожать детей и отдавать их еще кому-то для обучения.

— Все-таки я не понимаю, какое это имеет отношение к моторам...

— Послушайте, — сказал Коукер терпеливо. — Предположим, у вас есть ребенок. Кем бы вы хотели его видеть, когда он вырастет? Дикарем или цивилизованным человеком?

— Конечно, цивилизованным.

— Вот. А тогда будьте любезны обеспечить ему цивилизованное окружение. Все, чему он обучится, он узнает от нас. Мы все должны знать как можно больше, стать как можно более интеллигентными, чтобы дать ему максимум возможного. Это означает для нас тяжелый труд и напряженную работу мысли. Измененные условия должны повлечь за собой изменение взглядов.

Девушка собрала свою штопку. Несколько секунд она критически разглядывала Коукера.

— Мне кажется, с такими взглядами, как у вас, вам больше подойдет группа мистера Бидли, — сказала она. — Мы здесь не намерены ни менять своих взглядов, ни поступаться своими убеждениями. Именно поэтому мы отделились от той группы. Так что если вам не нравятся обычаи достойных респектабельных людей, вам лучше уехать отсюда. — Она фыркнула и удалилась.

Коукер смотрел ей вслед. Когда дверь за нею закрылась, он облегчил свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Я расхохотался.

— А чего вы ожидали? — спросил я. — Вы встаете в позу и ораторствуете перед этой девицей, как будто она является собранием правонарушителей — да еще ответственных за всю западную социальную систему. И после этого вы удивлены, что она взбесилась.

— Я ожидал, что она внемлет голосу разума, — пробормотал Коукер.

— С какой стати? Большинство из нас внемлет голосу привычки. Она будет против любых изменений, разумных или неразумных, которые вступают в конфликт с внушенным ей представлением о хорошем и плохом; и она будет искренне убеждена, что проявляет твердость характера. Вы слишком торопитесь. Приведите человека в райские кущи, когда он только что утратил дом и семью, и райские кущи ему не понравятся; оставьте его там на некоторое время, и он начнет думать, что эти кущи напоминают ему утраченный дом, только дом был уютнее. Она приспособится со временем, это неизбежно... и будет искренне отрицать, что приспособилась.

— Другими словами, давайте просто импровизировать, никаких планов нам не нужно, из этого ничего не выйдет. Так?

— Вот тут на сцену выступает руководитель. Руководитель планирует, но он мудр и не говорит об этом. Когда возникает необходимость в переменах, он производит их как уступку — временную уступку, конечно — обстоятельствам, и если он хороший руководитель, он производит уступки в правильной последовательности и в окончательной форме. Планы всегда встречают очень веские возражения, но кто будет протестовать против уступок чрезвычайным обстоятельствам?

— Макиавеллизм какой-то. Я привык видеть цель и идти прямо к цели.

— Большинству людей это не подходит, хотя они и утверждают обратное. Они предпочитают, чтобы их уговаривали и упрашивали или даже погоняли. Тогда они никогда не совершат ошибки: если ошибка случится, это будет чья-то ошибка, а не их. Ломить прямо вперед — это механистический взгляд, а люди в массе не машины. У них есть свои умы, весьма приятные умы, которым легче всего на проторенной дороге.

— Кажется, вы не слишком верите, что у Бидли что-нибудь получится. Ведь Бидли — это план во плоти.

— У него будут свои неприятности. Но его группа сделала выбор, а здешняя публика все отрицает, — сказал я. — Они

собрались здесь просто потому, что сопротивляются любому плану. — Я помолчал. Затем добавил: — Знаете, эта девица была права в одном. Вам здесь не место. Ее реакция есть пример того, с чем вы столкнетесь, если попытаетесь обращаться с ними по-своему. Стадо овец не гонят на рынок по прямой линии, и тем не менее всегда находится дорога, чтобы доставить их туда.

— Нынче вечером вы необычно циничны и блещете метафорами, — заметил Коукер.

Я возразил:

— Разве цинично знать, как пастух управляется со стадом?

— Некоторым может показаться, что цинично сравнивать людей с овцами.

— Но это менее цинично и более человечно, чем видеть в них кучу механизмов, приспособленных для управления на расстоянии.

— Гм, — сказал Коукер. — Это надо продумать.

ГЛАВА 11
...И ДАЛЬШЕ

Утро я провел довольно беспорядочно. Я ходил, помогал понемногу тут и там и задавал массу вопросов.

Ночь перед этим была отвратительной. Только когда я лег, я понял, что была для меня надежда найти в Тиншэме Джозеллу. Как ни был я утомлен после переезда, заснуть не удавалось: я лежал в темноте с открытыми глазами, чувствуя себя на мели и без будущего. Я был настолько уверен в том, что Джозелла с группой Бидли окажется здесь, что мне в голову не приходило задуматься, как быть дальше. Теперь я впервые осознал, что если бы даже я догнал Бидли, то совсем не обязательно нашел бы Джозеллу. Она ведь покинула Вестминстер совсем незадолго до меня и в любом случае должна была сильно отстать от группы. Очевидно, первым делом следовало подробно расспросить обо всех, кто приезжал в Тиншэм за последние два дня. Мне оставалось только одно — думать, что она направилась сюда. Это было моей единственной путеводной нитью. По-видимому, она зашла в университет и нашла написанный мелом адрес; но ведь могло случиться, что она туда не заходила, а

поспешила покинуть зловонную могилу, в которую превратился Лондон.

Тяжелее всего мне было бороться с мыслью, что Джозелла заразилась этой чумой, уничтожившей обе наши команды. Но я старательно отгонял от себя эту мысль.

В бессонной ясности послеполуночных часов я сделал открытие: мое стремление встретиться с группой Бидли было весьма второстепенным по сравнению с желанием разыскать Джозеллу. Если я найду их, но Джозеллы с ними не будет... что ж, тогда мне придется подождать немного, но от поисков я не откажусь...

Когда я проснулся, постель Коукера была уже пуста. Я решил посвятить утро расспросам. Скверно было, что никто не догадался записывать имена тех, кто нашел Тиншэм неподходящим для себя и поехал дальше. Фамилии Джозеллы почти никто не знал, разве что некоторые, вспоминавшие ее с неодобрением. Мои попытки описать ее внешность ни к чему не привели. Я лишь с достоверностью установил, что девушки в синем лыжном костюме здесь никогда не было, но, с другой стороны, я не мог поручиться, что сейчас она одета именно так. Расспросы кончились тем, что я всем страшно надоел и окончательно разочаровался сам. Была слабая надежда, что Джозелла — это та девушка, которая сразу по прибытии уехала за день до нас, но вряд ли Джозелла оставила бы по себе столь тусклое воспоминание.

Коукер появился во время обеда. Он занимался тщательным обследованием жилых помещений. Он переписал весь живой инвентарь и выявил число слепых животных. Исследовал оборудование и механизмы на ферме. Все разведал относительно источников чистой воды. Заглянул на склады продовольствия и фуража. Выяснил, сколько слепых девушек были слепыми еще до катастрофы, и организовал для остальных тренировочные классы под их руководством.

Он обнаружил, что мужчины загнаны в тоску добронамеренными заверениями священника, будто для них найдется много полезной работы, например... э... плетение корзинок и... э... вязание, и Коукер сделал все возможное, чтобы рассеять эту тоску более интересными перспективами.

Повстречав мисс Дюрран, он предупредил ее, что если не удастся сделать так, чтобы слепые женщины сняли с плеч зрячих хотя бы часть работы, то все развалится через десяток дней; и что если будут услышаны молитвы священника о том, чтобы

к общине присоединились еще новые слепые, то заведение станет совершенно нежизнеспособным. Он пустился далее в рассуждения о необходимости начать немедленно создавать резервы продовольствия и конструировать устройства, которые дадут возможность работать слепым мужчинам, но она резко оборвала его. Она была явно обеспокоена, хотя и не желала показать этого, но ее решительность, вызвавшая в свое время разрыв с группой Бидли, теперь столь же несправедливо обрушилась на Коукера. Закончила она тем, что, по ее сведениям, он и его воззрения вряд ли совместимы с духом общины.

— Беда в том, что она жаждет быть боссом, — сказал мне Коукер. — Это у нее в крови и не имеет ничего общего с возвышенными принципами.

— Какая клевета, — сказал я. — Вы просто хотите сказать, что безупречность ее принципов обязывает ее взять на себя всю ответственность и, таким образом, направлять и наставлять всех остальных является ее долгом.

— Это одно и то же, — сказал он.

— Да, но лучше сказать так, — возразил я.

Секунду он думал.

— Если она немедленно не возьмется за дело по-настоящему, этому заведению конец. Вы видели их хозяйство?

Я покачал головой. Я рассказал ему, как провел утро.

— Немного же вам удалось узнать. И что дальше? — спросил он.

— Я здесь не останусь. Поеду за Бидли и остальными, — ответил я.

— А если ее нет и там?

— Сейчас я просто надеюсь, что она там. Должна быть. Где же ей еще быть?

Он открыл было рот, но промолчал. Затем он сказал:

— Вы знаете, я поеду с вами. Возможно, принимая все во внимание, там мне тоже не очень обрадуются, как и здесь, но я это переживу. Я видел, как развалилось на куски одно начинание, и я предвижу, как развалится это — не так стремительно, может быть, и более страшным образом. Странно, не правда ли? Самые благородные намерения оборачиваются сейчас самыми опасными в мире. И это срам, потому что Тиншэм мог бы уцелеть даже с таким количеством слепых. Пока здесь нужно только брать, и так будет еще довольно долго. Им недостает только организованности.

— И желания быть организованными, — добавил я.

— Да, и этого тоже, — согласился он. — Вы знаете, беда в том, что катастрофа, несмотря ни на что, еще не дошла до сознания этих людей. И они не хотят браться за дело: им кажется, что это означало бы бесповоротный конец всему. А так они вроде бы застряли на даче, томятся и ожидают чего-то.

— Правда. Но неудивительно, — сказал я. — Даже нам пришлось пережить многое, чтобы убедиться, а они ведь не видели того, что видели мы. И потом, здесь, в провинции, нет этого ощущения беспросветности... окончательной гибели, что ли.

— Ну что ж, пусть они поскорее осознают все это, если хотят выжить, — сказал Коукер, оглядывая зал. — Спасительного чуда не будет.

— Дайте им время. Они осознают, как и мы. Вы всегда слишком торопитесь. Время, знаете ли, больше не деньги.

— Деньги не имеют значения, а время имеет. Сейчас им нужно думать об урожае, готовить мельницу, чтобы молоть муку, искать на зиму фураж для скота.

Я покачал головой:

— Это не так уж срочно, Коукер. В городах хранятся, должно быть, огромные запасы муки, и, судя по всему, потребителей для нее найдется немного. Мы еще долго сможем жить на капитал. Вот что действительно нужно было бы делать немедленно, так это обучать слепых. К тому времени, когда понадобятся рабочие руки, они должны научиться работать.

— Все равно, если не предпринять что-то, зрячие здесь скоро не выдержат. Достаточно, чтобы сдал один-другой, и все расползется по швам.

С этим мне пришлось согласиться.

К вечеру мне удалось найти мисс Дюрран. Никто не знал и знать не хотел, куда направилась группа Микаэля Бидли, но я не верил, что они не оставили никаких указаний для тех, кто последует за ними. Мисс Дюрран была недовольна. Я даже подумал сначала, что она откажется сообщить мне. И дело было не только в том, что я столь решительно предпочел другую общину. Серьезнее в этих обстоятельствах была потеря сильного мужчины, пусть даже с неподходящими принципами. Тем не менее она не дрогнула и не попросила меня остаться. В конце концов она резко сказала мне:

— Они направились в Дорсетшир, куда-то в район Биминстера. Больше я ничего не знаю.

Я вернулся и рассказал Коукеру. Он огляделся. Затем он покачал головой с каким-то сожалением.

— О'кей, — сказал он. — Мы покинем эту свалку завтра же.

В девять часов на следующее утро мы были уже в двенадцати милях от Тиншэма. Как и прежде, мы ехали в наших двух грузовиках. Мы сомневались, не взять ли более подвижную машину, оставив грузовики в пользу тиншэмской публики, но мне не хотелось расставаться со своим грузовиком. Я ведь сам грузил его и знал, что у меня в кузове. Кроме ящиков с противотриффидным снаряжением, вызвавших такое неодобрение у Микаэля Бидли, я собрал во время переезда из Лондона множество вещей, которые было бы трудно достать за пределами крупных городов: аккумуляторные батареи, несколько насосов, наборы хороших инструментов. Эти предметы можно было бы раздобыть и позже, но наступало время держаться от городов подальше, от больших и маленьких. С другой стороны, тиншэмская публика располагала собственным транспортом для доставки всего необходимого из городов, где еще не было признаков эпидемии. Так или иначе, два грузовика не составили бы разницы, и мы выехали так же, как и приехали.

Погода стояла все еще теплая. Некоторые деревни уже дышали смрадом, хотя на возвышенных местах запах был почти незаметен. Изредка в поле у обочины дороги мы видели трупы, но, как и в Лондоне, инстинкт загнал большинство жителей под крыши. Деревенские улицы были пустынны, пусто было и в окрестных полях, словно вся человеческая раса со своими домашними животными внезапно улетучилась с лица земли. Так было до Стипл-Хони.

С дороги, пока мы спускались по склону холма, деревушка была видна как на ладони. Она раскинулась на другом берегу небольшой сверкающей речки, над которой аркой нависал каменный мост. Это было тихое местечко, обступившее сонную церковь и очерченное по окраинам пунктиром белоснежных коттеджей. Казалось, никакие события за последние века не нарушали покой под его тростниковыми крышами. Но как и в других деревнях, ничто в нем не шевелилось и ни единый дымок не поднимался над его трубами. И вот, когда мы уже проехали середину склона, мои глаза уловили какое-то движение.

Слева от моста на том берегу стоял наискосок к дороге двухэтажный дом. С кронштейна на стене свисала гостиничная вы-

веска, а в окне над нею развевалось что-то белое. Подъехав ближе, я разглядел человека, который отчаянно махал нам полотенцем, высунувшись из окна. Я решил, что это слепой, иначе он выбежал бы на дорогу нам навстречу. И он не был болен, слишком уж энергично он размахивал своим полотенцем.

Я дал Коукеру сигнал и затормозил, едва мы съехали с моста. Человек в окне бросил полотенце. Он прокричал что-то неслышное в шуме моторов и скрылся. Мы выключили двигатели. Стало так тихо, что мы услышали в доме торопливый стук каблуков по деревянной лестнице. Дверь распахнулась, и человек, выставив перед собой руки, шагнул на улицу. Из-за ограды слева молнией хлестнул длинный жгут и ударил в него. Он пронзительно вскрикнул и упал.

Я схватил дробовик и вылез из кабины. Я осторожно обошел изгородь, пока не увидел триффида, затаившегося в тени куста. Тогда я снес ему верхушку.

Коукер тоже вышел из своего грузовика и встал рядом со мной. Он взглянул на труп человека, затем посмотрел на обезглавленного триффида.

— Да ведь он... нет, черт возьми, не может же быть, чтобы этот урод нарочно поджидал его здесь, — сказал он. — Простая случайность, наверное... Не мог же он знать, что человек выйдет из дверей... Не мог, ведь правда?

— А если мог? Сработал он очень точно, — сказал я.

Коукер обеспокоенно посмотрел на меня:

— Чертовски точно. Но вы же не хотите сказать...

— Все как сговорились ничему не верить о триффидах, — сказал я и добавил: — Поблизости могут быть еще другие.

Мы тщательно обследовали все укромные местечки по соседству, но ничего не нашли.

— Хорошо бы выпить, — предложил Коукер.

Если бы не пыль на прилавке, маленький бар в гостинице выглядел бы весьма обыкновенно. Мы налили себе виски. Коукер залпом проглотил свою порцию. Затем он обратил на меня встревоженный взгляд.

— Это мне не нравится. Совершенно не нравится. Послушайте, Билл, вы должны знать об этом гораздо больше, чем все остальные. Ведь не мог он... я хочу сказать, что он ведь просто случайно оказался там, правда?

— Мне кажется... — начал я и остановился, прислушиваясь к барабанной дроби снаружи.

Я пересек комнату и распахнул окно. Затем я всадил в обезглавленного триффида заряд из второго ствола — на этот раз в основание стебля. Барабанная дробь смолкла.

— Самое скверное в триффидах, — сказал я, когда мы налили по второй порции, — это те их свойства, о которых мы ничего не знаем. — И я рассказал ему о теориях Уолтера. Он содрогнулся:

— Не станете же вы серьезно уверять, что они «разговаривают», когда издают этот треск?

— Не знаю, — признался я. — Я, пожалуй, возьмусь утверждать, что это своего рода сигналы. Но Уолтер считал это самым настоящим «разговором», а уж он-то знал триффидов лучше, чем кто бы то ни было.

Я извлек расстрелянные гильзы и перезарядил ружье.

— И он в самом деле говорил об их превосходстве над слепым человеком?

— Это было много лет назад, — напомнил я.

— Все же... странное совпадение.

— Ничего странного, — возразил я. — Любой удар судьбы можно представить странным совпадением, если набраться терпения и подождать.

Мы выпили и повернулись, чтобы идти. Коукер посмотрел в окно. Затем он схватил меня за руку и показал на улицу. Из-за угла, раскачиваясь, вышли еще два триффида и заковыляли к ограде, служившей укрытием первому. Я подождал, пока они остановятся, и затем снес обоим макушки. Мы вылезли через окно, которое было достаточно удалено от любого возможного места засады, и направились к машинам, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Еще одно совпадение? — спросил Коукер. — Или они пришли поглядеть, что случилось с их приятелем?

Мы выехали из деревни и помчались по узким проселочным дорогам. Мне показалось, что триффидов вокруг стало гораздо больше. А может быть, я просто не замечал их раньше? Или их действительно было меньше, поскольку мы ехали до этого по шоссейным дорогам? Я по опыту знал, что триффиды стремятся избегать твердых поверхностей, и считал, что такие поверхности, возможно, причиняют какое-то неудобство их ногам-корням. Подумав, однако, я постепенно пришел к убеждению, что их было много и раньше, причем относились они к нам не безразлично: не исключалось, что вовсе не случайно

они двигались именно в нашу сторону, когда мы видели, как они ковыляют к шоссе через поля.

Более очевидное доказательство мы получили, когда триффид ударил в меня из-за живой изгороди. К счастью, целиться в движущуюся машину он не умел. Удар был нанесен на мгновение раньше, чем нужно, и жало оставило след из капелек яда на ветровом стекле перед моим лицом. Прежде чем он успел нанести второй удар, я был уже далеко. Но после этого я, несмотря на теплую погоду, закрыл окно рядом с собой.

В течение прошлой недели я думал о триффидах, только когда они были у меня перед глазами. Они встревожили меня и в доме у Джозеллы, и когда напали на нас в Хэмпстеде, но большую часть времени мне приходилось тревожиться совсем по другим, более насущным поводам. Теперь же, оглядываясь назад, вспоминая Тиншэм таким, каким он был до того, как мисс Дюрран очистила его с помощью дробовиков, и состояние деревень, через которые мы проезжали, я начал задавать себе вопрос: какую роль могли сыграть триффиды в исчезновении населения?

Через следующую деревню я ехал медленно, внимательно приглядываясь. В нескольких палисадниках я заметил трупы, лежащие там, по-видимому, не первый день, и почти в каждом случае где-нибудь поблизости оказывался триффид. По всему было видно, что триффиды становятся в засаду только на мягкой почве, куда можно на время ожидания зарыться корнями. Там же, где дверь дома открывалась прямо на улицу, увидеть труп можно было редко, а триффида — никогда.

Я представлял себе, что произошло в большинстве деревень. Жители выходили за едой. Пока они передвигались по мощеным участкам, они были в относительной безопасности; но стоило им покинуть тротуары или просто оказаться рядом с садовой оградой, как они попадали под смертельные удары. Кто-нибудь успевал вскрикнуть, и это усугубляло ужас оставшихся в домах. Время от времени голод выгонял на улицу следующего. Некоторым посчастливилось вернуться, но в большинстве они теряли ориентировку и бродили, пока не падали от истощения или не вступали в пределы досягаемости триффида. Уцелевшие могли догадаться, что происходит. Те, у кого был сад, могли услыхать свист жала, и они осознавали, что им остается только одна альтернатива: умереть от голода или разделить судьбу покинувших дом. Возможно, многие заперлись в домах, довольствуясь наличными запасами еды и ожидая помощи, которая

никогда не придет. Такова, возможно, история человека из гостиницы в Стипл-Хони.

Мысль о том, что в деревнях, через которые мы проезжали, еще могли сохраниться изолированные группы уцелевших жителей, была не очень приятной. Она снова вызвала ощущение, знакомое нам по Лондону: по всем нормам цивилизованной жизни следует попытаться найти их и сделать для них что-нибудь; и горькое сознание того, что всякая попытка такого рода обречена на провал.

Та же самая проблема. Что здесь можно сделать с самыми лучшими намерениями, кроме как продлить агонию? Опять на время утихомирить свою совесть только для того, чтобы опять увидеть крах своих усилий?

Мне пришлось твердо сказать себе, что в район землетрясения не лезут, когда еще рушатся здания. Спасательные работы надо начинать, когда толчки прекратятся. Но доводы разума не облегчали душу. Старый профессор был прав, когда подчеркивал трудности психической адаптации.

Триффиды в большой степени усугубили катастрофу. Помимо плантаций нашей фирмы, в стране было множество других питомников. Они выращивали триффидов для нас, для частных покупателей, для продажи менее значительным компаниям, которые занимались переработкой триффидного масла; и большинство этих питомников по климатическим соображениям располагалось как раз на юге. Но их было больше, чем я думал, если все виденное нами было результатом более или менее равномерного распределения на местности вырвавшихся на волю триффидов. И уж совсем не успокаивала мысль о том, что ежедневно все новые и новые экземпляры достигают зрелости, а урезанные триффиды медленно, но верно восстанавливают свои жала...

Сделав еще две остановки — одну для обеда и другую для заправки горючим, — мы въехали в Биминстер ранним вечером примерно в половине пятого. Мы доехали до центра города, не обнаружив никаких признаков пребывания здесь группы Бидли.

На первый взгляд здесь все было мертво, как и в других местах, которые мы видели сегодня. Главная улица с ее магазинами была пуста, только у обочины на одной стороне стояли два грузовика. До них оставалось еще метров двадцать, когда из-за них выступил человек с винтовкой. Он выстрелил поверх моей головы и затем снизил прицел.

ГЛАВА 12
ТУПИК

С предупреждением такого рода приходилось считаться. Я затормозил.

Человек был высок и светловолос. Обращаться с винтовкой он умел. По-прежнему держа меня на прицеле, он дважды мотнул головой в сторону. Я воспринял это как предложение выйти из кабины. Спустившись на землю, я показал ему пустые руки. Когда я подошел к нему, из-за грузовика вышел еще один мужчина в сопровождении девушки. За моей спиной раздался голос Коукера:

— Опусти свою пушку, приятель. Ты у меня как на ладони.

Светловолосый поглядел в сторону Коукера. Я мог бы прыгнуть на него в этот момент, но я сказал:

— Он прав. И вообще мы люди мирные.

Светловолосый неохотно опустил винтовку. Коукер, который спустился из своего грузовика под прикрытием моей машины, вышел из-за прикрытия.

— В чем дело? — спросил он. — Человек человеку волк?

— Вас только двое? — спросил второй человек.

Коукер взглянул на него:

— А вы чего ждали? Целой бригады? Нет, нас только двое.

Все трое облегченно вздохнули. Светловолосый объяснил:

— Мы думали, что вы какая-нибудь банда из большого города. Мы все время ждем, что они начнут набеги за продовольствием.

— О, — сказал Коукер. — Значит, вы давно уже не видели больших городов. Если это ваша единственная забота, можете спать спокойно. Все банды, какие там есть, озабочены сейчас совсем другим. Они делают — если мне будет позволено так выразиться — то же самое, что и вы.

— И вы думаете, что они не придут сюда?

— Я совершенно уверен, что нет. — Он оглядел их. — Вы не из группы Бидли?

Они озадаченно переглянулись.

— Жаль, — сказал Коукер. — Это была бы наша первая удача за очень долгое время.

— А что такое группа Бидли? — спросил светловолосый.

После нескольких часов в кабине, прогретой солнцем, я чувствовал себя совсем иссохшим и увядшим. Я предложил пе-

ренести разговор с улицы в какое-нибудь более подходящее место. Мы обошли их грузовики, пробираясь через знакомый хаос ящиков, банок с чаем, окороков, мешков с сахаром, пакетов с солью и всего прочего, и вступили в небольшой бар. За элем мы с Коукером коротко рассказали им обо всем, что мы делали и что мы знали. Затем наступила их очередь.

Как оказалось, они были активным отрядом группы из шести человек. Остальные, две женщины и один мужчина, остались дома, в здании, которое было избрано в качестве резиденции.

Седьмого мая около полудня светловолосый и девушка мчались в автомобиле на запад. Они собирались провести две недели в Корнуэлле, и им было очень весело в дороге, когда где-то поблизости от Крюкерна на них надвинулся из-за поворота двухэтажный автобус. Легковой автомобиль врезался в него, и последнее, что помнил светловолосый, была чудовищная громада автобуса, нависшая над ними, как скала.

Он очнулся в постели и, подобно мне, был поражен таинственной тишиной. Если не считать нескольких ссадин, мелких порезов и гула в голове, ничего плохого с ним, видимо, не случилось. Полежав и никого не дождавшись, он отправился на разведку и понял, что находится в крошечной провинциальной больнице. В соседней палате он обнаружил свою девушку и еще двух женщин, из которых одна была в сознании, но не могла передвигаться, потому что нога и рука у нее были в гипсе. В другой палате оказалось двое мужчин: один — вот этот его нынешний товарищ по группе и другой — со сломанной ногой. Всего в больнице было одиннадцать человек, из них восемь зрячих. Двое слепых были прикованы к постели и серьезно больны. Никто из обслуживающего персонала не появлялся. Светловолосому и его товарищам пришлось несколько труднее, чем мне. Они долго не решались покинуть больницу, делали все возможное для беспомощных больных, не понимая, что происходит, надеясь, что вот-вот кто-нибудь придет на помощь. Они не имели ни малейшего представления, что случилось с ослепшими и как их лечить. Они могли только кормить их и стараться их утешить. Двое слепых умерли на следующий день. Третий исчез, и никто не видел, как он ушел. Пассажиры автобуса, пострадавшие при столкновении, были местными жителями. Едва оправившись, они ушли из больницы разыскивать родственников. Группа сократилась до шести человек, из которых двое были с переломами конечностей.

К тому времени они осознали, что бедствие велико и им, по крайней мере временно, придется рассчитывать только на себя. Но об истинном размахе случившегося они еще не имели представления. Они решили оставить больницу и найти более подходящее место, воображая, что в городах еще уцелело много зрячих и дезорганизация может привести к разного рода эксцессам. Они ежедневно ожидали нашествия голодных, которые двинутся на них из разоренных городов подобно армиям саранчи. Поэтому главной их заботой было запасать продовольствие и готовиться к осаде.

Выслушав наши заверения в том, что такое нашествие совершенно исключено, они довольно уныло переглянулись.

Странное это было трио. Светловолосый оказался служащим фондовой биржи, звали его Стефен Бреннел. Его подруга была хорошенькая, отлично сложенная девушка, склонная иногда покапризничать и изобразить раздражение, но решительно неспособная чему-либо удивляться по-настоящему. До катастрофы она чем только не занималась: разрабатывала новые фасоны платьев и продавала их, исполняла мелкие роли в кино и из-за этого упускала верные шансы поехать в Голливуд, выступала хозяйкой в третьеразрядных клубах и уклонялась от исполнения этих обязанностей всеми доступными ей способами; таким «способом» и был, вероятно, несостоявшийся пикник в Корнуэлле. Она была непоколебимо убеждена, что с Америкой ничего серьезного не произошло и что надо только немного продержаться, а там примчатся американцы и наведут порядок. Из всех, кого я встречал после катастрофы, это было самое спокойное существо. Правда, порою она тосковала по ярким огням рекламы, но в то же время она твердо верила, что американцы вот-вот восстановят все это.

Третий член трио, смуглый молодой человек, имел против судьбы зуб. Он много работал и много копил, пока не завел собственную радиомастерскую, и у него была мечта. «Взгляните на Форда, — говорил он, — и взгляните на лорда Нуффилда — он начинал с велосипедной мастерской, которая была ничуть не больше моей радиомастерской, а чего он достиг! Такую же штуку проделаю и я. Но взгляните на эту дьявольщину, которая творится вокруг! Это же нечестно!» Судьба, как ему казалось, не желала больше Фордов и Нуффилдов, но он не собирался покоряться. Это только перерыв, ниспосланный для его испытания. Придет время, и мы снова увидим его в радиомастерской, твердо стоящим на первой ступеньке к миллионерству.

Но и они, увы, ничего не знали о группе Микаэля. Единственно, с кем они столкнулись, была группа людей в деревне на границе с Девонширом, где двое с дробовиками порекомендовали им никогда больше не ходить в том направлении. Люди эти, судя по всему, были местными жителями. Коукер заметил, что эта группа, по-видимому, очень мала.

— Если бы у них была большая группа, они бы меньше боялись и проявили бы больше любопытства, — утверждал он. — Но если группа Бидли все-таки где-нибудь поблизости, мы рано или поздно найдем ее. — Он повернулся к светловолосому и предложил: — Давайте держаться вместе, как вы считаете? Мы умеем работать, а когда мы найдем их, нам всем будет проще договориться с ними.

Трое вопросительно переглянулись и затем кивнули.

— Ладно, — согласился светловолосый. — Помогите нам погрузиться, и поедем.

По-видимому, Чаркотт-Олд-Хаус был некогда укрепленным замком. Сейчас его укрепляли заново. Когда-то в прошлом защитный ров осушили, однако Стефен считал, что ему удалось удачно нарушить дренажную систему и ров постепенно вновь заполнится водой. Он планировал затем взорвать засыпанные участки рва и восстановить круговую защиту полностью. Наши новости лишили эти приготовления всякого смысла и вызвали у него некоторое уныние и досаду. Каменные стены дома были толстые. Из трех окон фасада торчали пулеметные дула, и еще два пулемета были установлены на крыше. В холле был наготове небольшой арсенал минометов и огнеметов, которыми он очень гордился.

— Мы нашли военный склад, — объяснил он, — и потратили целый день, чтобы стащить сюда это вооружение.

Глядя на коллекцию оружия, я впервые осознал, что, будь катастрофа не такой сокрушительной, она принесла бы людям много больше страданий. Если бы уцелело хотя бы десять — пятнадцать процентов населения, весьма возможно, что крошечные общины вроде этой действительно были бы вынуждены жестоко отбиваться от наседающих толп голодных людей. Но в настоящей ситуации Стефен, видимо, совершил свои военные приготовления напрасно. Впрочем, не все. Я показал на огнеметы.

— Это может пригодиться против триффидов, — сказал я.

Он ухмыльнулся:

— Вы правы. Очень действует. Единственное, для чего мы их применяли. И кстати, это единственное оружие, которое обращает триффидов в бегство. Можете в клочья разбить триффида пулями, он с места не сдвинется. Наверное, они просто не знают, с какой стороны идет уничтожение. Но дайте им попробовать горячего из этой штуки, и они удерут со всех ног.

— Сильно они вам досаждают? — спросил я.

Оказалось, что не очень. Время от времени один, а то и два или три приближаются к дому, и тогда их отгоняют огнеметом. Во время экспедиций группа несколько раз попадала в опасные положения, но обычно они покидают грузовик только в застроенных районах, где триффиды встречаются редко.

Вечером после наступления темноты мы все поднялись на крышу. Луна еще не взошла. Ландшафт перед нами тонул в непроглядном мраке. Сколько мы ни вглядывались, никому из нас не удалось разглядеть ни малейшего огонька. И никто из группы Стефена не видел в дневное время ничего похожего на дым. Когда мы возвращались в освещенную лампой комнату, я был в подавленном настроении.

— Остается только одно, — сказал Коукер. — Придется разделить район на участки и обшарить их.

Но в голосе его не было убежденности. По-моему, он считал, подобно мне, что группа Бидли продолжала бы по ночам сигнальный свет, а днем давала бы сигнал как-нибудь иначе — например, столбом дыма.

Однако более разумного предложения не было, и мы принялись трудиться над картой района, размечая участки и стараясь при этом, чтобы каждый участок включал возвышенности для лучшего обзора.

На следующее утро мы отправились на грузовике в город и оттуда разъехались на легковых машинах в разные стороны. Поиски начались.

Вне всякого сомнения, это был для меня самый печальный день с тех пор, как я бродил по Вестминстеру в поисках Джозеллы.

Правда, на первый взгляд было не так уж плохо. Была пустынная дорога под солнцем, была свежая зелень раннего лета. Были дорожные указатели, которые по-прежнему показывали, как попасть в Экзетер и Уэст и в другие места. Иногда, хотя и

редко, были птицы. И были цветы у проселочных обочин, такие же, как всегда.

Но было и другое. Были поля, где валялись трупы коров и бродил слепой скот, ревели от боли недоенные коровы, отрешенно стояли пугливые овцы, запутавшиеся в зарослях ежевики или в колючей проволоке, а другие овцы бесцельно кружили по пастбищам или умирали от голода с выражением упрека в слепых глазах.

Проезжать вблизи от ферм становилось тошно. На всякий случай я оставил себе для вентиляции только узкую щель в верхней части окна, но я закрывал и эту щель, когда впереди на дороге показывалась ферма.

Триффиды были на свободе. Я видел, как они ковыляют через поля, как неподвижно стоят возле изгородей. На многих фермерских дворах они нашли себе по вкусу кучи отбросов и угнездились в них, терпеливо ожидая, пока мертвый скот достигнет должной стадии разложения. Я смотрел теперь на них с омерзением, какого они прежде никогда во мне не вызывали. Чудовищные, чуждые нам твари. Кто-то из нас вызвал их к жизни и кто-то из нас в безоглядной алчности расселил по всему свету. Мы не можем даже винить за них природу. Мы их создали сами, как создавали прекрасные цветы или гротескные пародии на собак. Я возненавидел их не только за плотоядность: им шло на пользу наше бедствие, они процветали на наших трупах...

Шли часы, и ощущение одиночества нарастало. На каждом холме, на каждой возвышенности я останавливался, чтобы осмотреть окрестности в полевой бинокль. Однажды я заметил дым, но когда подъехал, то увидел всего лишь несколько вагонов, догорающих на рельсах. Не знаю, что там произошло, кругом по-прежнему не было ни души. В другой раз флаг на шесте погнал меня к какому-то домику; но в домике было тихо. Потом на склоне отдаленного холма я заметил мелькание чего-то белого; однако, направив туда бинокль, я обнаружил несколько мечущихся в панике овец и среди них триффида, который раз за разом безрезультатно бил жалом в их защищенные шерстью спины. Живых людей я не видел нигде.

Я сделал остановку, чтобы поесть. Я ел быстро, вслушиваясь в тишину, которая действовала мне на нервы, торопясь скорее закончить и снова пуститься в путь, чтобы слышать хотя бы шум мотора.

Начались галлюцинации. Я видел руку, машущую мне из окна, но это оказалась не рука, а ветка дерева, качающаяся перед домом. Я видел посередине поля человека, который стоял и смотрел в мою сторону, но в бинокль рассмотрел только пугало. Я слышал зовущие голоса, еле слышные за шумом мотора, я останавливался и выключал двигатель, но голосов не было, не было ничего, только где-то вдали мычала недоенная корова.

Мне пришло в голову, что по всей стране, наверное, разбросаны одинокие мужчины и женщины, которые считают, что они остались одни, что только они уцелели в катастрофе. И я испытывал к ним острую жалость.

Всю вторую половину дня я буквально в отчаянии продолжал упрямо рыскать по своему участку, уже потеряв всякую надежду. В конце концов, однако, я пришел к убеждению, что в этом районе большая группа людей может остаться незамеченной только в том случае, если будет искусно прятаться. Я не был в состоянии обшарить каждый проселок и каждую тропинку, но зычные звуки моего сигнала огласили на участке каждый акр. Тогда я сдался и поехал обратно в город. Я вернулся к нашему грузовику в самом мрачном настроении. Никого еще не было, и чтобы провести время и избавиться от холода в груди, я зашел в ближайший кабачок и налил себе хорошую порцию бренди.

Следующим вернулся Стефен. Видимо, поездка подействовала на него так же, как на меня: в ответ на мой вопросительный взгляд он только помотал головой и схватился за бутылку. Минут через десять к нам присоединился тщеславный радиомастер. Он привез с собой обалдевшего растрепанного парня, который не мылся и не брился, наверное, несколько недель. Этот субъект болтался на дороге — видимо, это занятие было его единственной профессией. Как-то вечером (он не помнил даже, в какой день) он забрался на ночь в отличный сарай. Накануне он прошел больше, чем обыкновенно, и потому заснул как убитый. На следующее утро он проснулся в мире кошмаров. Он до сих пор не уверен, кто сошел с ума — он сам или остальная вселенная. У нас составилось мнение, что хотя он, может быть, немного и не в себе, но у него сохранилось ясное и точное представление о том, как поступают с пивом.

Прошло еще полчаса, и появился Коукер. Он вошел в сопровождении здоровенного щенка и поразительно старой леди. Она была, видимо, в самом лучшем своем платье. Ее чистота и

аккуратность разительно контрастировали с обликом нашего первого новобранца. Она с благовоспитанной нерешительностью остановилась в дверях кабачка. Коукер взял на себя церемонию представлений.

— Это миссис Форсетт, — провозгласил он, — единственная владелица Универсального магазина Форсетта в коллекции из десятка домишек, двух пивных и одной церквушки, каковая коллекция известна под названием Чиппингтон-Дёни. Миссис Форсетт умеет готовить. Знали бы вы, как она готовит!

Миссис Форсетт приветствовала нас с достоинством, приблизилась с уверенностью, уселась с осмотрительностью и снизошла к предложенному ей стаканчику портвейна, за которым последовал еще один стаканчик.

В ответ на наши расспросы она призналась, что в роковой вечер и последовавшую за ним ночь она очень крепко спала. Почему так случилось — она не стала рассказывать, а мы не стали спрашивать. Она спала, и поскольку ее никто не беспокоил, она проспала до полудня. Проснувшись, она чувствовала себя неважно и потому не поднималась до вечера. Ей показалось странным, но знаменательным, что никто не потребовал ее за прилавок. Когда она наконец встала и подошла к двери, она увидела в своем саду «одну из этих триффидных тварей» и человека, лежавшего на тропинке перед воротами, вернее, его ноги. Она уже хотела выйти и посмотреть, что с ним, но тут триффид шевельнулся. Она едва успела захлопнуть дверь. Вероятно, для нее это было неприятным переживанием — воспоминание о нем подвигло ее на третий стаканчик портвейна.

Затем она стала ждать, пока кто-нибудь придет и уберет триффида и труп. Ей было странно, что никто не приходит, но она не испытывала особых неудобств, потому что продуктов в магазине было достаточно. Так она и ждала, когда Коукер заметил дым ее печки, отстрелил у триффида верхушку и зашел посмотреть, что у нее делается, объяснила она, с восхитительной рассеянностью наливая себе четвертый стаканчик.

Она угостила Коукера обедом, а он в благодарность дал ей совет. Было нелегко внушить ей представление об истинном положении вещей. Отчаявшись, он предложил ей самой поглядеть на то, что делается в деревне, только держаться подальше от триффидов, а он к пяти часам вернется и узнает ее мнение. Он вернулся и увидел, что она полностью собралась, уложила багаж и готова ехать немедленно.

Вечером, вернувшись в Чаркотт-Олд-Хаус, мы снова обступили карту. Коукер принялся намечать новые районы поисков. Мы следили за ним без всякого энтузиазма. И тогда Стефен сказал то, что думали все, в том числе и сам Коукер:

— Послушайте, мы обшарили все в радиусе пятнадцати миль. Ясно, что поблизости их нет. Или ваши сведения неверны, или они решили здесь не останавливаться и поехали дальше. Я считаю, что продолжать поиски так, как сегодня, не имеет смысла.

Коукер положил циркуль.

— Что же вы предлагаете?

— Понимаете, по-моему, мы могли бы очень быстро и очень точно проделать все это с воздуха. Бьюсь об заклад, всякий, кто услышит звук мотора самолета, немедленно выскочит и начнет подавать какие-нибудь знаки.

Коукер покачал головой:

— И как это мы раньше об этом не подумали? Нужен, конечно, вертолет... Только где его найти? И кто будет пилотом?

— Я берусь запустить в воздух такую штуку, — уверенно сказал радиомастер.

Что-то в его тоне вызывало сомнение.

— Вы хоть раз водили вертолет? — спросил Коукер.

— Нет, — признался радиомастер. — Но я думаю, ничего там такого сложного нет. Была бы сноровка.

— Гм, — сказал Коукер, недоверчиво глядя на него.

Стефен вспомнил, что неподалеку находятся две базы ВВС, а от Йовила начиналась линия аэротакси.

Вопреки нашим сомнениям, радиомастер не ударил лицом в грязь. Он был, очевидно, убежден, что инстинктивное знание механизмов не подведет его. Повозившись полчаса, он поднял вертолет в воздух и привел его в Чаркотт.

Четыре дня подряд машина парила над районом по расширяющимся окружностям. Два дня наблюдения вел Коукер, на остальные два дня его заменил я. Всего мы обнаружили десять небольших групп. Ни в одной из них ничего не знали о группе Бидли, и ни в одной из них не было Джозеллы. Заметив группу, мы садились. Обычно она состояла из двух или трех человек, самая крупная состояла из семи. Они с радостной надеждой встречали нас, но их интерес к нам сразу пропадал, как только они узнавали, что мы не являемся разведывательным отрядом спасателей, а представляем такую же небольшую группу. Мы не

могли предложить им ничего, чего бы они не имели. Некоторые в своем разочаровании начинали разговаривать в оскорбительных и угрожающих тонах, но большинство снова впадало в апатию. Как правило, они не высказывали желания объединяться с другими группами; они хотели только набрать всего побольше, устроиться поуютнее и ждать американцев, которые уж просто-таки обязаны найти какой-нибудь выход. Эта идея была широко распространена и глубоко укоренилась. Наши заверения, что выжившие американцы скорее всего по горло заняты своими делами, воспринимались как попытки облить холодной водой. Американцы, утверждали они, никогда бы не допустили, чтобы такое безобразие случилось у них в стране. Все же, невзирая на веру в доброго американского дядюшку, мы оставляли каждой группе карту с расположением всех других групп, обнаруженных на этот день, так что, если бы они передумали, они могли бы объединиться с ними.

Эти полеты далеко не были развлечением, хотя они, во всяком случае, были лучше одиноких поездок по пустынным полям. Однако в конце четвертого дня было решено прекратить поиски.

Так по крайней мере решили остальные. У меня было совсем другое отношение к этому. У меня была личная цель. Они же искали и могли найти только незнакомых людей. Для меня поиски группы Бидли были средством, а не самоцелью. Если бы я нашел ее и Джозеллы бы там не оказалось, я бы все равно продолжал искать. Но я не мог ожидать, чтобы остальные бросили все и посвятили свое время моим личным делам.

Мне было странно, что я нигде не встретил ни одного человека, который бы кого-нибудь искал. Если не считать Стефена и его подруги, каждый был отрезан от всех друзей и родных, соединявших его с прошлым, и начинал новую жизнь с совершенно незнакомыми людьми. Один только я очень быстро обрел новую привязанность за такой короткий срок, что даже не подозревал, какое это будет иметь значение для меня.

После того как решили прекратить поиски, Коукер сказал:

— Ну ладно. Теперь следует подумать, что мы будем делать для себя.

— Будем запасаться на зиму и жить, — отозвался Стефен. — Что же еще?

— Я все время думаю об этом, — сказал Коукер. — Возможно, какое-то время этого будет достаточно. А потом?

— Если даже у нас кончатся запасы, не страшно, — сказал радиомастер. — Кругом всего полно.

— Американцы будут здесь до Рождества, — объявила подруга Стефена.

— Послушайте, — терпеливо сказал Коукер. — Давайте пустим американцев по ведомству журавлей в небе. Напрягитесь и представьте себе мир, в котором нет никаких американцев. Можете?

Девушка вытаращила на него глаза.

— Куда же они девались? — сказала она.

Коукер печально вздохнул. Он повернулся к радиомастеру.

— Эти магазины и склады будут существовать не вечно. В новом мире нам дан хороший старт. Для начала у нас в руках порядочный капитал. Но он исчерпается. Правда, мы не съедим всего, что можно взять, всего не съесть даже нашим внукам. Но ведь съестное долго не протянет. Большая его часть испортится. И речь не только о еде. Рассыплется рано или поздно все, может быть, и не так скоро, но наверняка. Если мы хотим иметь в следующем году свежую пищу, нам придется выращивать ее самим. И может быть, еще не так скоро, но все-таки наступит время, когда нам придется делать самим все. Наступит время, когда износится или проржавеет последний трактор, кончится горючее и мы окончательно вернемся к природе и благословим лошадей, если они у нас еще будут.

Сейчас у нас передышка, ниспосланная нам небом передышка, и мы должны воспользоваться ею, чтобы прийти в себя и приняться за дело. Позже нам придется пахать, еще позже — учиться ковать лемехи, а еще позже — учиться выплавлять железо. Мы сейчас на пути, который поведет нас назад, назад, назад, пока мы не научимся — если только мы сможем научиться — производить все, что потребляем. Только тогда мы остановимся на этом пути в первобытное состояние. Но как только мы остановимся, мы, вероятно, снова медленно поползем вверх.

Он оглядел нас, чтобы удостовериться, следим ли мы за его словами.

— Мы можем сделать это. Если захотим. Самое ценное в нашем хорошем старте — это знание. Мы избавлены от тех трудностей, которые пришлось преодолевать нашим предкам. Все, что нам надо, содержится в книгах, нам остается только взять на себя труд пойти и прочесть их.

Все глядели на Коукера с любопытством. Они впервые слышали, как он ораторствует.

— Я читал историю, — продолжал он, — и знаю из нее, что для использования знаний необходимо свободное время. Там, где каждому приходится работать ради куска хлеба до седьмого пота и где нет ни минуты свободного времени для мысли, там знание застаивается, и народ тоже. Люди, которые мыслят, не являются производителями материальных благ, они, как может показаться, почти полностью живут за счет других. Но в действительности они представляют собой долгосрочный вклад. Знания вырастали в больших городах и институтах, их содержал труд на полях и в малых городах. Вы с этим согласны?

Стефен сдвинул брови:

— Более или менее... Но я не понимаю, к чему вы клоните.

— А вот к чему. Рациональное количество людей в общине. Наша община благодаря своему размеру может рассчитывать только на животное существование и деградацию. Если нас по-прежнему будет всего десять человек, то нам конец. Неизбежно постепенное и бессмысленное вымирание. Когда пойдут дети, мы сможем урвать от наших трудов очень немного времени, чтобы дать им хотя бы самое зачаточное образование; пройдет поколение, и мы будем иметь дикарей или олухов. Для того чтобы удержаться на нынешнем уровне, чтобы иметь возможность использовать знания в библиотеках, нам необходим учитель, врач и руководитель. Мы должны быть в состоянии прокормить их, пока они помогают нам.

— Ну? — сказал Стефен после паузы.

— Я все думаю о той общине, которую мы с Биллом видели в Тиншэме. Мы вам о ней рассказывали. Женщина, которая там верховодит, нуждается в помощи, нуждается отчаянно. У нее на руках пятьдесят или шестьдесят человек, из них всего дюжина зрячих. Так у нее дело не пойдет. И она это знает... но не желает признавать это перед другими. Она не попросила нас остаться, потому что не желает быть у нас в долгу. Но она была бы рада, если бы мы вернулись и попросили принять нас.

— Господи, — сказал я, — вы хотите сказать, что она намеренно пустила нас по ложному следу?

— Не знаю. Возможно, я несправедлив к ней. Но разве не странно, что мы не нашли здесь никаких следов Бидли и компании? Одним словом, не знаю, добивалась ли она этого, но в результате я все же решил вернуться туда.

Хотите знать почему? На это есть две причины. Первая: если эту общину не взять в руки, она разложится, и это будет срамом и растратой человеческого материала. Вторая причина: в Тиншэме гораздо удобнее, чем здесь. Там есть ферма, которую ничего не стоит привести в порядок. Практически поместье там является самодовлеющей хозяйственной единицей, а при нужде оно может быть и расширено.

Еще важнее такое обстоятельство. Тиншэмская община достаточно многочисленна, чтобы выкроить время для обучения и нынешних слепых, и их зрячих детей, и я приложу все усилия, чтобы это сделать. А если надменной мисс Дюрран это не понравится, пусть она пойдет и утопится.

Теперь дело вот в чем. Я думаю, что смог бы сделать это и сам. Но я уверен, что, если бы мы поехали туда всей компанией, мы бы все реорганизовали и наладили работу в течение нескольких недель. И мы бы жили в общине, которая будет расти и предпримет чертовски удачную попытку выдержать, несмотря ни на что. Или нам остается сидеть здесь маленькой группкой, обреченной на деградацию и отчаянное одиночество. Ну, что вы на это скажете?

Были споры, были вопросы о деталях, но по существу сомнений почти не было. Те, кто выезжал на поиски, знали, что такое отчаянное одиночество. Ни у кого не было привязанности к нынешней резиденции. Ее в свое время выбрали как хорошую оборонительную позицию — и только. Большинству уже невмоготу стало переносить полную изоляцию от мира. Мысль о более многочисленной и разнообразной компании уже сама по себе была привлекательной. Через час разговор шел о транспорте и порядке переезда, и предложение Коукера было окончательно принято. Сомневалась еще только подруга Стефена.

— Этот самый Тиншэм... он хоть значится на карте? — спросила она недовольно.

— Не беспокойтесь, — утешил ее Коукер. — Он значится на всех лучших американских картах.

Рано утром на следующий день я понял, что в Тиншэм я не поеду. Может быть, когда-нибудь потом, но не сейчас...

Моим первым побуждением было ехать со всеми, хотя бы для того, чтобы выжать из мисс Дюрран правду о группе Бидли. Но я вновь вынужден был с беспокойством признаться, что не уверен, с ними ли Джозелла, ведь, говоря по правде, все сведения, которые мне удалось собрать, говорили не в пользу этого.

Через Тиншэм она почти наверняка не проезжала. Но если она уехала не за группой Бидли, то куда? Маловероятно, чтобы в университете имелся еще один адрес, который я проглядел...

И тут, словно вспышка света, меня озарило воспоминание о нашем разговоре в той роскошной квартире. Я как бы вновь увидел Джозеллу, как она сидит в голубом бальном платье и огни свечей вспыхивают в брильянтах. Мы говорили... «Как насчет Суссекского Даунса? Я знаю там, на северной стороне, славный старый фермерский дом...» И тогда я понял, что мне делать...

Утром я сказал об этом Коукеру. Он мне сочувствовал, но явно старался не слишком меня обнадеживать.

— Ну что ж, поступайте, как вам кажется лучше, — сказал он. — Я надеюсь... В общем, вы знаете, где мы будем находиться, и вы можете оба приехать в Тиншэм и помочь нам протаскивать эту бабу через обруч, пока она не образумится.

В то утро разразилась непогода. Лил проливной дождь, когда я снова влезал в знакомый грузовик. Коукер вышел проводить меня. Я знаю, почему он сделал это. Он никогда не говорил об этом ни слова, но я чувствовал, что его мучают воспоминания о своем первом отчаянном предприятии и о его последствиях. Он стоял возле кабины, волосы его слиплись, по лицу и за шиворот текла вода, и он протянул мне руку.

— Будьте осторожны, Билл. Карет «скорой помощи» у нас теперь нет, а ваша подруга наверняка предпочитает, чтобы вы явились к ней в целости и сохранности. Желаю вам счастья... и передайте ей мои извинения за все, когда вы ее найдете.

Он сказал «когда», но звучало это как «если».

Я пожелал им удачи в Тиншэме. Затем я включил зажигание, и грузовик, разбрызгивая грязь, помчался по мокрой дороге.

ГЛАВА 13

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАДЕЖДЕ

Утро было испорчено мелкими бедами. Сначала в карбюраторе оказалась вода. Затем я ухитрился проехать десяток миль на север в полной уверенности, что еду на запад, а когда повернул назад, у меня отказало зажигание, и я остановился на открытом всем ветрам холме в совершенно пустынной местности.

Эти задержки сильно испортили бодрое настроение, с которым я пустился в дорогу. К тому времени, когда я справился с неполадками, был уже час дня и погода прояснилась.

Выглянуло солнце. Все вокруг стало ярким и свежим, но, хотя следующие двадцать миль я проехал без происшествий, мною вновь овладела тоска. Теперь я был по-настоящему предоставлен самому себе и не мог отделаться от ощущения одиночества. Оно вновь нахлынуло на меня, как в тот день, когда мы разделились, чтобы искать Микаэля Бидли; только теперь оно было вдвое сильнее... Раньше одиночество было для меня просто чем-то нежелательным, невозможностью перекинуться словом, чем-то, разумеется, временным. В тот день я узнал, что это нечто гораздо более страшное. Оно могло давить и угнетать, могло искажать привычные масштабы и играть опасные шутки с разумом. Оно зловеще пряталось всюду, натягивая нервы и звеня в них тревогой, не давая ни на минуту забыть, что никто тебе не поможет и никому ты не нужен. Оно доказывало тебе, что ты атом, летящий в пустоте, и оно ждало случая напугать тебя, напугать чудовищно — вот чего оно добивалось и чего нельзя было ему позволить...

Лишить стадное животное общества ему подобных означает изувечить его, изнасиловать его природу. Заключенный и изгнанник знают, что где-то существуют другие люди; само существование их делает возможным заключение и изгнание. Но когда стада больше нет, бытие стадного животного кончается. Оно больше не частица целого; уродец без места в жизни. Если оно не может удержать разум, оно пропало, пропало окончательно и бесповоротно, самым чудовищным образом, оно становится лишь судорогой в мышцах трупа.

Теперь это требовало гораздо больших усилий, чем прежде. Только отчаянная надежда вновь обрести друга в конце дороги удерживала меня от того, чтобы немедленно повернуть назад и искать облегчения в обществе Коукера и всех остальных.

Зрелища, которые я видел в пути, не имели с этим ничего общего. Да, они были ужасны, но к тому времени я уже притерпелся к ним. Ужас исчез, как исчезал из истории ужас, наполнявший поля великих сражений. И, кроме того, я не смотрел больше на эти зрелища как на часть исполинской, поражающей воображение трагедии. Моя упорная борьба была личным конфликтом со стадными инстинктами моей расы. Бесконечная оборона без всякой надежды на победу. В глубине души я знал, что не выдержу длительного одиночества.

Чтобы отвлечься, я поехал быстрее, чем следовало. В каком-то маленьком городке с забытым названием я круто свернул за угол и врезался в автофургон, загораживавший улицу. К счастью, мой грузовик отделался царапинами, но машинам удалось так сцепиться, что разъединить их мне одному в таком тесном пространстве было делом нелегким. Эта проблема отняла у меня целый час и пошла мне на пользу, заняв мои мысли практическим делом.

После этого случая я впредь уже не решался ехать с большой скоростью, если не считать нескольких минут вскоре после того, как я въехал в Нью-Форест. Сквозь ветви деревьев я вдруг увидел вертолет, летящий на небольшой высоте. Он двигался так, что должен был пройти над дорогой впереди меня. К несчастью, деревья у обочины совершенно скрывали дорогу от наблюдения с воздуха. Я погнал грузовик во весь дух, но к тому времени, когда я выскочил на открытую местность, вертолет был уже крошечным пятнышком, удалявшимся на север. Тем не менее даже один вид его доставил мне облегчение.

Несколькими милями дальше я очутился в маленькой деревушке, расположенной возле опушки зеленого массива. На первый взгляд она казалась очаровательной, словно картинка, эта пестрая смесь соломенных и черепичных крыш с цветущими садами. Но мне не хотелось вглядываться в эти сады, когда я проезжал мимо них: слишком часто виднелись в них триффиды, нелепо торчащие среди цветов. Я был уже недалек от окраины, когда из ворот последнего сада вырвалась крошечная фигурка и побежала по дороге ко мне навстречу, размахивая руками. Я затормозил, привычно огляделся, нет ли поблизости триффидов, затем взял ружье и соскочил на землю.

На девочке были голубое ситцевое платье, белые носки и сандалии. Ей было лет девять или десять. Хорошенькая малышка — это было сразу видно, хотя ее каштановые волосы были растрепаны, а лицо грязное от размазанных слез. Она потянула меня за рукав.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она умоляюще. — Пожалуйста, пойдите и посмотрите, что с Томми.

Я стоял и глядел на нее. Чудовищное одиночество этого дня рассеялось. Мой разум, казалось, вырвался из ящика, в который я его заключил. Мне хотелось поднять ее и прижать к себе. Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы. Я протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Мы пошли к воротам, откуда она выбежала.

— Вон Томми, — сказала она.

Мальчик лет четырех лежал на крошечной лужайке между клумбами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с ним случилось.

— Его ударило чудище, — сказала она. — Оно его ударило, и он упал. И оно собиралось ударить меня, когда я хотела помочь ему. Ужасное чудище!

Я взглянул вверх и увидел над оградой верхушку триффида.

— Зажми уши ладошками, — сказал я. — Сейчас я выстрелю.

Она зажала уши, и я отстрелил триффиду верхушку.

— Ужасное чудище, — повторила она. — Теперь оно сдохло?

Я открыл рот, чтобы ответить утвердительно, когда триффид начал барабанить черенками по стеблю — совершенно как тот, в Стипл-Хони. И как тогда, я заставил его замолчать выстрелом из второго ствола.

— Да, — сказал я. — Теперь оно сдохло.

Мы подошли к мертвому мальчику. Алый след удара четко выделялся на бледной щеке. Это случилось, должно быть, несколько часов назад. Она опустилась возле него на колени.

— Не надо, — сказал я ей тихо.

Она подняла голову, на ее глазах блестели слезы.

— Томми умер? — спросила она.

Я присел возле нее на корточки и покачал головой:

— Боюсь, что да.

Через некоторое время она сказала:

— Бедный Томми. Давайте похороним его, как щеночков.

— Да, — отозвался я.

При всем этом всеобщем уничтожении я вырыл единственную могилу, и она была такая маленькая. Девочка собрала букетик и положила сверху. Затем мы уехали.

Ее звали Сюзен. Давным-давно, как ей это представлялось, что-то случилось с мамой и отцом, так что они ослепли. Отец ушел позвать на помощь и не вернулся. Потом пошла мама, строго наказав детям из дома не отлучаться. Она вернулась вся в слезах. На следующий день она опять пошла и на этот раз больше не вернулась. Дети съели все, что было в доме, потом есть стало нечего. В конце концов Сюзен проголодалась так, что решилась нарушить мамин наказ, и пошла попросить помощь в лавке мисс Уолтон. Лавка была открыта, но мисс Уолтон там не было. Сюзен позвала, никто не вышел. Тогда она

взяла немного пирожков, печенья и конфет, решив, что мисс Уолтон она скажет об этом потом.

На обратном пути она увидела несколько чудищ. Одно в нее ударило, но не рассчитало, и жало проскочило у девочки над головой. Это ее напугало, и оставшийся путь она бежала что было сил. После этого она очень остерегалась чудищ и во время последующих походов в лавку научила остерегаться Томми. Но Томми был маленький. Когда он сегодня утром вышел поиграть, он не заметил чудища, которое спряталось в соседнем саду. Сюзен несколько раз пыталась подобраться к нему, но каждый раз она видела, как при ее приближении верхушка триффида начинала дрожать и двигаться...

Примерно через час я решил, что пора остановиться на ночлег. Оставив ее в кабине, я обошел несколько коттеджей, пока не нашел подходящего, и мы уселись за ужин. Я мало понимаю в маленьких девочках, но Сюзен, на мой взгляд, управилась с поразительным количеством еды; она призналась мне, что диета из печенья, пирожков и конфет совсем не так приятна, как ей казалось когда-то. После ужина мне удалось ее немного отмыть, затем я кое-как причесал ее, и результат этих операций показался мне вполне удовлетворительным. С другой стороны, иметь собеседника доставляло ей такое удовольствие, что она на время забыла обо всем.

Я понимал ее. Совершенно то же самое испытывал и я.

Но вскоре после того, как я уложил ее в постель и снова спустился вниз, я услыхал, что она плачет. Я вернулся к ней.

— Ничего, Сюзен, — сказал я. — Все будет хорошо. Бедному Томми даже не было больно, это случилось очень быстро. — Я сел на край постели и взял ее за руку. Она перестала плакать.

— Это не только Томми, — сказала она. — Это уже после Томми... Нигде никого не было, совсем никого. Мне было так страшно...

— Я знаю, — сказал я. — Уж я-то знаю. Мне тоже было страшно.

Она взглянула на меня:

— Но теперь ведь вам не страшно?

— Нет. И тебе тоже. Вот видишь, нам нужно просто быть вместе, и тогда нам никогда не будет страшно.

— Да, — серьезно и задумчиво сказала она. — Я думаю, так будет хорошо...

Мы обсудили еще множество других вопросов, прежде чем она заснула.

* * *

— Куда мы едем? — спросила на следующее утро Сюзен, когда мы тронулись в путь.

Я сказал, что мы ищем одну леди.

— А где она? — спросила Сюзен.

Этого я точно не знал.

— Когда же мы ее найдем? — спросила Сюзен.

Этого я не знал совсем.

— А она красивая? — спросила Сюзен.

— Да, — сказал я, обрадованный тем, что могу наконец дать вполне определенный ответ.

Почему-то это ей понравилось.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказала она, и мы перешли на другую тему.

Из-за нее я старался объезжать более крупные города по окраинам, но избежать многих неприятных сцен в сельской местности было трудно. Через некоторое время я бросил притворяться, будто они не существуют. Сюзен глядела на них с тем же отстраненным интересом, что и на обычные пейзажи. Они ее не пугали, а озадачивали, и она задавала вопросы. Тогда я рассудил, что мир, в котором ей предстоит расти, вряд ли будет находить пользу в сюсюканье и эвфемизмах, наполнявших мое детство, и впредь уже старался говорить с нею об ужасных и причудливых зрелищах с одинаковой объективностью. Для меня это тоже было хорошо.

К полудню собрались тучи, снова начался дождь. Когда в пять часов вечера мы затормозили на дороге сразу за Пулборо, дождь все еще лил вовсю.

— А куда мы теперь? — спросила Сюзен.

— В том-то и загвоздка, — признался я. — Это где-то там. — Я махнул рукой в сторону Даунса.

Я напрягал память, пытаясь вспомнить, что еще говорила Джозелла, но помнил только, что дом стоит на северной стороне холма. Кроме того, у меня было впечатление, будто он находится где-то напротив Пулборо и отделен от него болотистой низиной. Теперь, когда я был здесь, это представлялось весьма неопределенным ориентиром: холмы Даунса тянулись вправо и влево на мили.

— Может быть, для начала нам следует посмотреть, не видно ли какого-нибудь дымка на той стороне? — предложил я.

— Разве в такой дождь что-нибудь увидишь? — весьма справедливо возразила Сюзен.

Через полчаса дождь соизволил на некоторое время прекратиться. Мы вышли из грузовика и сели рядышком на каменную ограду. Мы внимательно оглядели склоны холма, но ни острые глаза Сюзен, ни мои, оснащенные биноклем, не обнаружили никаких признаков дыма или движения. Вскоре ливень возобновился.

— Есть хочется, — сказала Сюзен.

Я есть не стал. Теперь, когда я был так близок к цели, нетерпеливое стремление узнать, насколько оправдалась моя догадка, захватило меня полностью. Пока Сюзен ужинала, я отвел грузовик немного назад и вверх по склону, чтобы увеличить поле зрения. В промежутках между ливнями и в сгущающихся сумерках мы вновь оглядели противоположную сторону долины. Никаких результатов. В долине не было ни жизни, ни движения, если не считать нескольких коров и овец да торчащего в низине одинокого триффида.

Мне пришла в голову одна мысль, и я решил спуститься в деревню. Не хотелось брать с собой Сюзен, потому что я знал, как там нехорошо, но оставлять ее здесь одну я тоже не мог. Впрочем, в деревне я обнаружил, что зрелища действуют на нее гораздо слабее, чем на меня: у детей иная концепция страшного, пока их не научат, чему следует ужасаться. Подавлен зрелищами был один только я. Для Сюзен там было не столько скверно, сколько интересно. Все мрачные ощущения у нее были смыты удовольствием от алого шелкового плащика, который она себе раздобыла, хотя он был ей велик на несколько размеров. Я тоже не остался внакладе. Я вернулся к грузовику с большой фарой, похожей на прожектор, которую мы сняли с роскошного «роллс-ройса».

Я установил эту штуку на стержне возле ветрового стекла и присоединил ее к аккумуляторам. Когда все было готово, оставалось только ждать темноты и надеяться на то, что дождь прекратится.

К тому времени, когда наступила тьма, дождь накрапывал еле-еле. Я включил своей прожектор и послал в ночь ослепительный столб света. Я медленно поворачивал фару вправо и влево, обводя лучом гряды холмов на той стороне и жадно вглядываясь в поисках ответного сигнала. Раз десять я ровно и упорно перемещал луч, выключая его на несколько секунд в конце каждого поворота. И каждый раз ночь над холмами оставалась не-

проглядно черной. Затем дождь снова пошел сильнее. Я направил луч прямо вперед и уселся в ожидании, слушая барабанный стук капель по крыше кабины, а Сюзен заснула, привалившись к моей руке. Прошел час, барабанный стук перешел в редкое потрескивание и замолк совсем. Когда я вновь принялся поворачивать фару, Сюзен проснулась. Я заканчивал шестой поворот, и вдруг Сюзен закричала:

— Глядите, Билл! Вон там! Свет!

Я сейчас же выключил фару и стал смотреть вдоль линии ее протянутой руки. Ничего определенного я не увидел. Нечто тусклое, словно светлячок вдали, если только не обман зрения. Пока мы вглядывались, снова хлынул ливень, и когда я взялся за бинокль, видимости уже не было никакой.

Я не знал, пора ли включать двигатель. Могло случиться, что свет — если свет был — не виден с более низкого места. Я снова включил фару и стал ждать, собрав все свое терпение. Прошел еще час, прежде чем дождь прекратился опять. Я сейчас же выключил фару.

— Есть! — возбужденно вскрикнула Сюзен. — Глядите! Глядите!

Да, свет был. И достаточно яркий, чтобы рассеять все сомнения. Правда, даже с помощью бинокля невозможно было разглядеть деталей.

Я включил фару и передал азбукой Морзе букву «В» — других букв, кроме «SOS», я не знал, и приходилось довольствоваться этим. В ответ огонек на той стороне мигнул и затем разразился серией точек-тире, которые — увы! — ничего мне не говорили. На всякий случай я ответил двумя «В», нанес на карту примерное направление на огонек и включил фары грузовика.

— Это там леди? — спросила Сюзен.

— Должна быть она, — сказал я. — Должна быть.

Это было нелегкое путешествие. Чтобы пересечь болотистую долину, пришлось воспользоваться дорогой к западу от нас и затем снова пробираться на восток вдоль подножия холмов. Едва мы проехали милю, что-то заслонило огонек. Отыскивать путь среди тропинок во мраке было трудно, и в довершение всего опять хлынул дождь. О дренажных шлюзах заботиться было некому, поэтому часть полей в низине оказалась под водой, и местами вода скрывала колеса. Приходилось править с

исключительной осторожностью, а мне хотелось мчаться на полной скорости не разбирая дороги.

Когда мы выбрались на другую сторону низины, затопление нам больше не грозило, но скорость не увеличилась, потому что тропинки изобиловали зигзагами и самыми невероятными поворотами. Мне пришлось все свое внимание отдать дороге, а девочка вглядывалась в склоны холмов, выжидая появления огонька. Мы достигли точки, где наш путь пересекала нанесенная на карту линия, но огонек не появлялся. Я попробовал первый же поворот вверх по склону. После этого мы потратили полчаса, чтобы вернуться на дорогу из мелового карьера.

Мы двинулись по нижней тропе дальше. Затем Сюзен разглядела справа между ветвями какое-то мерцание. Следующий поворот был удачнее. Мы снова поднялись по откосу и увидели в полумиле крошечный квадратик освещенного окна.

Но даже тогда и даже с помощью карты было нелегко найти ведущий туда проселок. Мы медленно, все время на первой скорости, тащились вверх по склону, и каждый раз, когда окно вновь появлялось перед нами, оно было ближе. Проселок не предназначался для тяжелых грузовиков. Кое-где мы продирались сквозь заросли и кусты ежевики, которые скребли борта кузова, как бы стараясь задержать нас и столкнуть обратно.

Наконец впереди на дороге показался фонарь. Он задвигался, раскачиваясь, показывая нам поворот к воротам. Затем он опустился на землю. Я подъехал и затормозил в метре от него. Когда я открыл дверцу, в лицо мне неожиданно ударил свет карманного фонарика. Я успел разглядеть фигуру в блестящем от воды дождевике.

Легкий надлом нарушил нарочитое спокойствие голоса, который произнес:

— Здравствуйте, Билл. Долго же вас не было.

Я спрыгнул с подножки.

— О Билл!.. Я не могу... Милый мой, я так надеялась, Билл... — говорила Джозелла.

Я вспомнил о Сюзен, только когда она сказала сверху:

— Глупые, вы же промокнете. Разве нельзя целоваться под крышей?

ГЛАВА 14
ШИРНИНГ

Чувство, с которым я прибыл на ферму Ширнинг, то самое чувство, которое твердило мне, что все беды теперь позади, интересно только тем, что свидетельствует, как обманчивы подчас бывают чувства Я нашел и обнял Джозеллу, но мне не пришлось немедленно увезти ее в Тиншэм и воссоединиться с остальными, что должно было быть естественным следствием нашей встречи. Причин было несколько.

С того момента, как мне пришло в голову, где она может находиться, я представлял себе ее, должен сознаться, несколько кинематографически, будто она сражается против всех сил природы и так далее и тому подобное. В известном смысле, наверное, так оно и было, но вся обстановка здесь весьма отличалась от воображаемой. У меня был простой план: «Полезай в кабину. Мы поедем к Коукеру и его маленькой компании». Этот план рухнул в первую же минуту. Вообще следует знать, что так просто никогда не бывает, и, с другой стороны, поразительно, сколь часто лучшее маскируется под худшее...

Не то чтобы я с самого начала отдал предпочтение Ширнингу перед Тиншэмом, хотя присоединиться к большой группе было бы значительно умнее. Но Ширнинг был очаровательным местом. Слово «ферма» являлось просто его титулом. Фермой он был лет двадцать пять назад и до сих пор выглядел как ферма, но на самом деле это была загородная дача. В Суссексе и в соседних графствах было полно таких домов и коттеджей, которые облюбовали для себя усталые лондонцы. Внутри дом был полностью модернизирован, так что его прежние хозяева вряд ли узнали бы хоть одну комнату. Снаружи он блестел как новенький. Загоны и сараи имели вид скорее пригородный, нежели деревенский, они давно уже не знали никакого домашнего скота, кроме разве верховых лошадей и пони. Двор не имел никаких утилитарных устройств и не издавал грубых запахов; он был засажен высокой густой травой и превратился в лужайку для игры в шары. Окна под красной черепицей выходили на поля, обработанные другими фермерами, более практичными. Впрочем, сараи и амбары оставались в хорошем состоянии.

Друзья Джозеллы, нынешние владельцы Ширнинга, мечтали когда-нибудь все здесь переделать и заняться всерьез сель-

ским хозяйством. Они до последнего дня отказывались от самых соблазнительных предложений в надежде, что когда-нибудь и какими-то путями, о которых имели очень смутное представление, они достанут деньги и выкупят принадлежавшую им по праву землю.

На ферме были свой колодец и своя силовая станция, так что она обладала многими преимуществами, но, обойдя ее, я понял мудрость Коукера, когда он говорил о необходимости коллективных усилий. Я ничего не понимал в сельском хозяйстве, но чувствовал, что, если мы останемся здесь, содержание шестерых человек потребует очень тяжелых трудов.

Остальных троих звали Деннис и Мэри Брент и Джойс Тэйлор, и они были уже здесь, когда прибыла Джозелла. Деннис был владельцем фермы. Джойс гостила у них и готовилась взять на себя домашнее хозяйство, потому что Мэри ждала ребенка.

В ночь зеленых вспышек на ферме были еще два гостя, Джоан и Тед Дэнтон, приехавшие на неделю отдохнуть. Все пятеро вышли в сад любоваться небесным представлением. Наутро все пятеро проснулись в мире, где царил вечный мрак. Сначала они пытались звонить по телефону; затем, когда убедились, что это невозможно, они стали ждать приходящую прислугу. Она не пришла. Тед вызвался попробовать узнать, что произошло. Деннис не пошел с ним только из-за жены, которая была на грани истерики. Тед отправился в одиночку. Он больше не вернулся. Позже в тот же день ушла, никому не сказав ни слова, Джоан: вероятно, она хотела попытаться найти мужа. Она тоже исчезла навсегда.

Деннис следил за временем, ощупывая стрелки часов. К вечеру сидеть и ждать сложа руки стало невыносимо. Он решил попробовать дойти до деревни. Обе женщины решительно против этого восстали. Боясь за Мэри, он сдался, и попытку решила предпринять Джойс. Она подошла к двери и стала нащупывать путь палкой. Едва она переступила через порог, как что-то со свистом хлестнуло ее по руке и обожгло, как раскаленный утюг. Она с криком отскочила назад в прихожую и упала. Деннис нашел ее. К счастью, она была в сознании. Она стонала и жаловалась на боль в руке. Нащупав вспухший рубец, Деннис догадался, в чем дело. Несмотря на слепоту, они с Мэри кое-как ухитрились применить горячие припарки. Пока Мэри грела воду в чайнике, он наложил турникет и сделал все возможное, чтобы выдавить яд. Затем они перенесли Джойс на кровать, где она пролежала несколько дней.

Тем временем Деннис проводил эксперименты. Слегка приоткрыв дверь, он просовывал наружу метлу. Каждый раз слышался свист жала, и ручка метлы несильно дергалась в его ладони. То же самое было у одного из окон, выходящих в сад; остальные окна были, по-видимому, свободны. Если бы не отчаянные протесты Мэри, он бы попробовал выбраться через окно. Но Мэри была уверена, что раз триффиды обступили дом, значит, их много повсюду.

К счастью, у них было достаточно продуктов, чтобы продержаться некоторое время, хотя готовить было трудно; к тому же Джойс, несмотря на высокую температуру, видимо, превозмогла действие триффидного яда, так что положение не было таким уж отчаянным. Бóльшую часть следующего дня Деннис занимался тем, что мастерил для себя подобие шлема. У него была проволочная сетка только с крупными ячейками, так что ему пришлось складывать и связывать ее в несколько слоев. Это заняло много времени, но в конце концов, оснастившись этим шлемом и парой фехтовальных рукавиц, к вечеру он смог отправиться на вылазку в деревню. Триффид ударил в него, едва он отошел от дома на три шага. Он стал шарить вокруг, нашел триффида и выкрутил ему стебель. Через минуту по шлему хлестнуло другое жало. Этого триффида он найти не смог, хотя тот нанес ему полдюжины ударов, прежде чем наконец отстал. Он нашел дорогу к мастерской, а оттуда направился через двор и вышел на проселок, нагрузившись тремя большими мотками бечевки, которую разматывал за собой. Бечевка должна была привести его назад.

На проселке его несколько раз хлестали жала триффидов. Чтобы преодолеть милю, отделяющую ферму от деревни, ему понадобилось удивительно много времени, и бечевка кончилась еще по пути. Тишина, царившая вокруг, приводила его в ужас. Время от времени он останавливался и кричал, но никто не отзывался. Иногда ему казалось, что он заблудился, но потом он ощутил под ногами дорожное покрытие и понял, где находится. Окончательно он уверился в этом, когда наткнулся на столб с указателем. Тогда он пошел дальше.

Пройдя расстояние, показавшееся ему очень большим, он почувствовал, что его шаги звучат по-иному: они отдавались слабым эхом. Двинувшись в сторону, он обнаружил тротуар и затем стену. Немного дальше он нащупал почтовый ящик, вделанный в кирпичную кладку. Теперь он знал, что находится в

деревне. Он закричал. На этот раз чей-то голос, голос женщины, откликнулся ему, но кричали где-то впереди, и слов нельзя было разобрать. Он крикнул вторично и направился на голос. Ответный крик вдруг оборвался пронзительным воплем. После этого снова наступила тишина. Только тогда, и все еще сомневаясь, он осознал, что положение в деревне не лучше, чем у него на ферме. Он присел на травянистую обочину тротуара и стал думать, что делать дальше.

По наступившей прохладе он догадался, что наступила ночь. Видимо, он шел не менее четырех часов, и теперь оставалось только идти назад. Незачем, однако, возвращаться с пустыми руками... Он пошел дальше, постукивая по стенам палкой, пока палка не загремела об оцинкованную вывеску деревенской лавочки. На протяжении последних пятидесяти или шестидесяти метров триффидные жала трижды хлестали его по шлему. Еще один удар, едва он открыл калитку, и он споткнулся о тело, лежавшее поперек дорожки. Труп был мужской, холодный как лед.

У него создалось впечатление, что в лавке кто-то побывал до него. Тем не менее он нашел изрядный окорок. Он сунул его в мешок вместе с пакетами масла и маргарина, печенья и сахара, затем сложил туда же часть банок с полки, которая, насколько он помнил, содержала съестное; банки сардин, во всяком случае, различить было легко. Затем он поискал и нашел десятка полтора мотков бечевки, взвалил мешок на плечо и отправился домой.

По дороге он сбился с пути и едва справился с охватившей его паникой, пока возвращался назад и ориентировался заново. Но в конце концов он снова оказался на знакомом проселке. Ощупью ему удалось найти бечевку, которая тянулась от фермы, и он связал ее с бечевкой из деревни. Остаток пути он прошел сравнительно благополучно.

В последующую неделю он дважды совершал вылазки в деревенскую лавку, и с каждым разом триффиды на дороге попадались все чаще. Троим обитателям фермы оставалось только ждать и надеяться. И тут случилось чудо: прибыла Джозелла.

С самого начала мне стало ясно, что о немедленном переезде в Тиншэм не может быть и речи. Во-первых, Джойс была очень слаба — увидев ее, я поразился, как ей удалось выжить. Расторопность Денниса спасла ей жизнь, но они не могли обеспечить ее в течение последующей недели ни укрепляющими

средствами, ни хотя бы правильным питанием, и это замедлило выздоровление. Перевозить ее на большие расстояния было немыслимо в ближайшую неделю или две. И, кроме того, путешествие было опасно также для Мэри, у которой вскоре должны были наступить роды; таким образом, нам оставалось только ждать, пока минуют эти два кризиса.

Снова мне пришлось заняться грабежами. На этот раз я должен был действовать по более обширному списку и доставлял на ферму не только продукты, но еще и горючее для генератора, курнесушек, двух только что отелившихся коров (отощавших до того, что у них ребра торчали наружу), медицинские препараты для Мэри, а также огромное количество всяких мелочей.

Округа буквально кишела триффидами, нигде я еще не встречал их в таком количестве. Чуть ли не каждое утро оказывалось, что новые две или три штуки притаились в засаде возле дома, и, прежде чем приниматься за что-нибудь другое, надо было отстреливать им верхушки. Потом я оборудовал проволочную ограду, чтобы не допускать их в сад; тогда они стали приходить к самой ограде и вызывающе слонялись вокруг нее, пока их не приканчивали.

Я вскрыл ящики со снаряжением и обучил маленькую Сюзен стрелять из триффидного ружья. Она очень быстро стала специалистом по истреблению чудищ, как она продолжала их называть. Ежедневное отмщение стало ее долей работы.

Джозелла рассказала мне, что с ней было после ложной тревоги в университете.

Ее вывезли с командой, как и меня, но от стражи, к которой она была прикована, она отделалась сразу же. Она предъявила им ультиматум: либо ее освободят от всех и всяческих пут, и тогда она будет оказывать им любую помощь; либо, если они намерены принуждать ее, наступит день, когда по ее рекомендации они хлебнут синильной кислоты или проглотят цианистый калий. Пусть они выбирают, что им больше подходит. Они сделали разумный выбор.

В том, что случилось дальше, ее история мало отличалась от моей. Когда ее команда погибла, она стала рассуждать примерно так же, как я. Она взяла автомобиль и отправилась искать меня в Хэмпстед. Ни единого живого человека из моей команды она не встретила; не столкнулась она и с теми, кого вел рыжеволосый убийца с пистолетом. Она пробыла в Хэмпстеде почти до захода солнца, а затем решила поехать в университет. Не зная, чего там

можно ожидать, она оставила машину за два квартала и дальше пошла пешком. Не успела она дойти до ворот, как услыхала выстрел. Из осторожности она укрылась в садике, где мы с нею прятались раньше. Оттуда она заметила Коукера, который тоже осторожно оглядывался. Она не знала, что это я стрелял в триффида на Рассел-сквер и что это мой выстрел был причиной настороженности Коукера; она заподозрила ловушку. Попадаться второй раз она не желала и вернулась к своей машине. Она понятия не имела, куда уехали остальные и уехали ли они вообще. Она знала только одно место, где она могла найти убежище и о котором она едва ли не случайно упоминала мне. И она решила отправиться туда в надежде, что я, если еще жив, вспомню и постараюсь его отыскать.

— Как только я выбралась из Лондона, — рассказывала она, — я свернулась калачиком на заднем сиденье и заснула. Сюда я приехала довольно рано, на следующее утро. Деннис услыхал шум мотора и высунулся из окна верхнего этажа, чтобы предупредить меня о триффидах. Затем я увидела несколько штук возле самого дома, и было очень похоже, что они ждут, чтобы кто-нибудь вышел. Мы с Деннисом кричали друг другу, потом триффиды зашевелились, и один направился ко мне, так что мне пришлось безопасности ради забраться в машину. Триффид продолжал двигаться ко мне. Я включила двигатель, сшибла и переехала его. Но остались другие, а у меня, кроме ножа, не было никакого оружия. Проблему разрешил Деннис.

«Если у вас найдется лишняя канистра бензина, плесните немного на них, а затем бросьте в них кусок горящей ветоши, — предложил он. — Это должно подействовать».

Это подействовало. Теперь я всегда пользуюсь садовым насосом. Просто чудо, как я еще дом не подожгла.

С помощью поваренной книги Джозелла кое-как приготовила обед, а затем принялась наводить в доме порядок. Работа, обучение, всякого рода импровизации поглотили ее настолько, что ей некогда было задумываться над будущим дальше чем на несколько ближайших недель. В эти дни она не заметила в окрестностях никого, но она была уверена, что где-нибудь должны быть люди, и тщательно наблюдала за долиной в поисках дыма днем и огней ночью. Однако в ее поле зрения не появилось ни одного дымка, ни единого проблеска света до того вечера, когда приехал я.

В каком-то смысле хуже всего катастрофа подействовала на Денниса. Джойс была еще слаба и еле двигалась. Мэри держалась замкнуто и, по всей видимости, находила бесконечное утешение в мыслях о своем предстоящем материнстве. Но Деннис был как зверь в западне. Нет, он не предавался бессмысленной ругани, как это делали многие другие, но он ненавидел свою слепоту злобно и горько, словно она загнала его в клетку, где он не намерен оставаться долго. Еще до моего прибытия он убедил Джозеллу найти в энциклопедии систему Брайля и сделать ему копию алфавита для слепых. Он ежедневно упорно тренировался, составляя из этой азбуки слова и пытаясь прочесть их. В остальное время он мучился своей бесполезностью, хотя никому не говорил ни слова. Он с угрюмой настойчивостью брался то за одно, то за другое дело, так что больно было смотреть на него, и всей моей силы воли едва хватало, чтобы удерживаться и не помогать ему: вспышка злости, которой он встретил однажды непрошеную помощь, была достаточно красноречива. Я испытывал удивление перед его настойчивостью и трудолюбием, но больше всего меня поразило то, что уже на второй день слепоты он сумел смастерить такой удачный шлем из проволоки.

Он всегда стремился сопровождать меня в экспедиции, и его радовала возможность участвовать в погрузке тяжелых ящиков. Он жаждал книг по системе Брайля, но достать их можно было только в больших городах, и мы решили подождать с этим до тех пор, пока не уменьшится риск подхватить какую-нибудь заразу.

Дни потекли быстро — конечно, для тех из нас, кто владел зрением. Джозелла была очень занята, большей частью по дому, и Сюзен училась помогать ей. Много дел было и у меня. Джойс стало значительно лучше, она впервые поднялась с постели, а затем быстро пошла на поправку. Вскоре после этого начались схватки у Мэри.

Это была трудная ночь для всех. Труднее всего, вероятно, для Денниса, который знал, что все зависит теперь от двух добросовестных, но совершенно неопытных девушек. Его самообладание вызывало во мне беспомощное восхищение.

Рано утром к нам спустилась смертельно усталая Джозелла.

— Девочка, — сказала она. — У них обеих все в порядке. — И она повела Денниса наверх.

Через несколько секунд она вернулась и взяла стаканчик, который я держал для нее наготове.

— Все обошлось гладко, слава Богу, — сказала она. — Бедняжка Мэри страшно боялась, что малышка тоже родится слепой, но ничего подобного, конечно, не случилось. А теперь она горько плачет, что не может увидеть ее.

Мы выпили.

— Странно как-то, — проговорил я. — Я имею в виду положение вообще. Словно зерно — оно сморщенное и как будто мертвое, а на самом деле оно живое. И вот теперь родилась новая жизнь, и она сразу вступает во все это...

Джозелла закрыла лицо руками:

— Господи! Билл... Неужели все и дальше будет так, как сейчас? Дальше... дальше... все время?

Она упала в кресло и расплакалась.

Через три недели я отправился в Тиншэм повидать Коукера и организовать наш переезд. Я взял легковую машину, чтобы обернуться за один день. Когда я вернулся, Джозелла встретила меня в холле. Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего особенного. Переезжать туда нам не придется, — ответил я. — Тиншэм погиб.

Она вытаращила глаза.

— Что там произошло?

— Не знаю точно, скорее всего чума.

Я коротко рассказал о поездке. Особенного расследования не потребовалось. Когда я приехал, ворота были настежь, и при виде триффидов, свободно разгуливающих по парку, я уже понял, чего следовало ожидать. Тяжелый запах подтвердил мою догадку. Я заставил себя войти в дом. Судя по всему, он был покинут не менее двух недель назад. Я заглянул в две комнаты. Этого было достаточно. Я позвал, и мой голос замер в пустоте здания. Дальше я не пошел.

К наружной двери была прибита какая-то записка, но от нее остался только чистый уголок. Я потратил много времени в поисках листка, который, должно быть, сорвало ветром. Но я не нашел его. Грузовиков и легковых машин на заднем дворе не оказалось, большая часть припасов исчезла вместе с ними. Куда — я не знал. Оставалось вернуться в свою машину и ехать назад.

— И что же теперь? — спросила Джозелла, когда я закончил.

— Теперь, родная, мы остаемся здесь. Мы знаем, как бороться за жизнь. И мы будем бороться за жизнь впредь... если

нам не придут на помощь. Возможно, где-нибудь существует организация...

Джозелла покачала головой:

— Я думаю, о помощи надо забыть. Миллионы и миллионы людей ждали помощи и надеялись, и все напрасно.

— Таких групп, как наша, тысячи, — возразил я. — Они рассеяны по всей Европе, по всему миру. Некоторые объединятся, начнут строить заново.

— А когда это будет? — сказала Джозелла. — Через поколения? Вероятно, уже после нас. Нет. Мир погиб, остались только мы... Мы должны заботиться о самих себе. Мы должны планировать свою жизнь без расчета на чью-либо помощь... — Она замолчала. На лице ее появилось странное, пустое выражение, какого я никогда у нее не видел. Она сморщилась.

— Родная вы моя... — сказал я.

— О Билл, Билл, я родилась не для такой жизни. Если бы не вы, я бы...

— Тихо, моя радость, — проговорил я нежно. — Тихо. — Я погладил ее по волосам.

Через несколько секунд она взяла себя в руки.

— Простите, Билл. Жалость к себе... это отвратительно. Больше я не буду.

Она вытерла глаза платком.

— Итак, я должна стать женой фермера. Но все равно я рада выйти за вас замуж, Билл... даже если это не очень-то правильная, настоящая женитьба.

Она вдруг засмеялась. Я давно уже не слышал ее смеха.

— Что такое?

— Я вспомнила, как я всегда боялась своей свадьбы.

— Это делает вам честь... хотя это несколько неожиданно.

— Да нет, дело не только в этом. Я про своих издателей, репортеров, кинопублику. Какое это было бы для них развлечение. Выпустили бы новое издание моей глупой книжки... снова выпустили бы фильм... и фотографии во всех газетах. Вам бы это не понравилось.

— Я знаю кое-что, что не понравилось бы мне гораздо больше, — сказал я. — В лунную ночь вы поставили мне одно условие, помните?

Она взглянула на меня.

— Ну что же, возможно, не все получилось так уж плохо, — сказала она.

ГЛАВА 15
МИР СУЖАЕТСЯ

С тех пор я завел журнал. Это была помесь дневника, биржевого бюллетеня и тетради для заметок. В нем описаны места, где я побывал во время экспедиций, перечисляются добытые припасы, оцениваются количества припасов, которые надлежало вывезти, берутся на заметку складские и жилые помещения с примечаниями, какие из них следует очистить в первую очередь, пока они не разрушились. Прежде всего я искал продукты, горючее и зерно, но этим я не ограничивался. Журнал пестрит перечислениями грузов одежды, инструментов, белья, обуви, кухонной посуды, грузов скобяных изделий и проволоки, проволоки, снова проволоки, а также книг.

Из записей следует, что в первую же неделю после возвращения из Тиншэма я принялся сооружать проволочную ограду против триффидов. У нас уже были изгороди, защищающие от них дом и сад. Теперь же я начал осуществлять честолюбивый план по освобождению от них нескольких сотен акров посевной площади. Для этого необходима была прочная проволочная ограда, подкрепленная естественными препятствиями и вертикальными щитами, а внутри — изгородь более легкого типа, которая не давала бы скоту и нам самим неосмотрительно вступать в зону поражения жалом. Это была тяжелая, изнурительная работа, и она отняла у меня много месяцев.

Одновременно я стремился постигнуть азбуку сельского хозяйства. Изучать сельское хозяйство по книгам очень трудно. Во-первых, никто из авторов, писавших на эту тему, не предполагал, что какой-нибудь фермер будет начинать с абсолютного нуля. Поэтому я обнаружил, что все работы начинаются с середины, в предположении, что читатель уже имеет какой-то опыт (которого я не имел) и знает терминологию (которой я не знал). Мои специализированные знания в биологии были решительно бесполезны перед лицом практических проблем. Теория требовала материалы и вещества, которые я либо не мог найти, либо не смог бы распознать, если бы даже нашел. Очень скоро я понял, что к тому времени, когда кончатся практически невосполнимые запасы химических удобрений, кормов и всего прочего, останутся только простейшие механизмы, и тогда нам придется попотеть, а уж каков будет урожай, Бог его знает.

Книжные знания в области коневодства, молочного хозяйства и работ на бойне тоже не давали никакой практической основы для овладения этими искусствами. Слишком много оказалось моментов, когда нельзя прерывать работу для консультации с нужной главой. Мало того, практика непрерывно обнаруживала загадочные отклонения от простых книжных схем.

К счастью, у нас было достаточно времени, чтобы делать ошибки и на них учиться. Сознание, что пройдет еще несколько лет, прежде чем нам придется более или менее целиком положиться на собственные ресурсы, оберегало нас от отчаяния по поводу наших неудач. Кроме того, мы могли утешать себя тем, что, проживая собранные запасы, мы тем самым не даем им погибнуть втуне.

Из соображений безопасности я прождал целый год, прежде чем снова поехать в Лондон. Для моих набегов это был самый прибыльный район, но он же производил на меня и наиболее тягостное впечатление. Сначала все еще казалось, будто прикосновение волшебной палочки может вернуть ему жизнь, хотя машины на улицах начали ржаветь. Годом позже изменения стали более заметны. Огромные пласты штукатурки обвалились со стен и засыпали тротуары. На улицах валялись колпаки дымовых труб и обломки черепицы. Трава и кустарники задушили канализационные люки. Опавшая листва забила водосточные трубы, и трава проросла в щелях стоков. Едва ли не каждое здание украсилось зеленым париком, под которым в прелой сырости гнили крыши. Сквозь окна были видны провалившиеся потолки, отставшие обои, блестящие от плесени стены. Сады парков и скверов заросли совершенно и расползались по соседним улицам. Зелень выпирала отовсюду, укореняясь на мостовых в щелях между камнями, выползая из трещин в бетоне, карабкаясь даже по сиденьям покинутых машин. Она вторгалась со всех сторон, чтобы вновь завладеть пустынями, которые создал человек. И странно, по мере того как живые растения закрывали камень, впечатление от города становилось все менее тяжелым. Когда Лондон вступил в стадию, где ему не помогла бы уже никакая волшебная палочка, большинство его призраков начало исчезать, медленно отступая в историю.

Однажды — не в тот год и не в следующий, а гораздо позже — я вновь стоял на Пиккадилли-Сиркус, оглядывая запустение и пытаясь воссоздать мысленно картины кишевших там некогда толп. Но у меня ничего не вышло. Даже в моей памяти эти толпы были

лишены реальности. От них не осталось никакого привкуса, никакого оттенка. Они сделались такими же аксессуарами истории, как римский Колизей или ассирийские армии, и почему-то такими же далекими для меня. Ностальгия, которая временами, в тихие часы, овладевала мною, терзала меня сильнее, чем само зрелище старого мира, лежащего в развалинах. Когда я бывал в полях далеко отсюда, я мог предаваться приятным воспоминаниям; но среди шершавых, медленно погибающих построек мне в голову лезли только суета, крушение надежд, бесцельные устремления, вездесущий металлический грохот, и я начинал сомневаться, так ли уж много мы потеряли...

Первую пробную вылазку в Лондон я предпринял в одиночку и вернулся с ящиками боеприпасов против триффидов, с бумагой, частями двигателей, а также с книгами и пишущей машинкой по системе Брайля для Денниса, с напитками, сладостями, патефонными пластинками и с новыми книгами для зрячих. Неделей позже со мной поехала Джозелла с более конкретной целью: за одеждой и бельем не только и не столько для взрослых, сколько для ребенка Мэри и для ребенка, которого ждала теперь она сама. Лондон произвел на нее угнетающее впечатление, и больше она туда не ездила.

Я продолжал набеги на Лондон в поисках различных вещей и, как правило, пользовался случаем, чтобы заодно прихватить и предметы роскоши. Ни разу не пришлось мне увидеть, чтобы на улицах что-нибудь двигалось, если не считать немногих воробьев или заблудившегося триффида. Кошки и собаки дичали с каждым поколением, их можно было заметить на полях, но не здесь. Правда, иногда я наталкивался на свидетельства того, что не один я добываю припасы, но я никогда не видел этих людей.

Последнюю поездку я совершил в конце четвертого года. Где-то во внутреннем пригороде я обнаружил, что появилась опасность, пренебрегать которой я не имел права. Первым проявлением ее был громоподобный грохот позади меня. Я остановил грузовик и, оглянувшись, увидел поперек улицы груду развалин и столб пыли над нею. Видимо, сотрясение от тяжелого грузовика доконало непрочный уже фасад какого-то здания. Больше я не обрушил ни одного дома, но весь тот день я провел в напряженном ожидании потока кирпича и штукатурки, падающего мне на голову. С той поры я ограничил свои экспедиции небольшими городами, да и там ходил пешком.

Крупнейшим и наиболее удобным источником снабжения для нас мог стать Брайтон. Но от него мне пришлось отказать-

ся. К тому времени, когда я решил, что он безопасен для посещения, там были уже другие. Кто они и сколько их — узнать мне не удалось. Я затормозил перед грубой каменной стеной, возведенной поперек дороги. На ней красовались слова:

СТОЙ! НАЗАД!

Этот совет был подкреплен треском ружейного выстрела, и передо мной взлетел фонтанчик пыли. Я не увидел никого, с кем можно было бы вступить в переговоры, да и начало переговоров не предвещало ничего хорошего.

Я развернул грузовик и задумчиво поехал прочь. А что, если наступит время, когда оборонительные приготовления моего друга Стефена все-таки окажутся небесполезными? Для очистки совести я заехал в арсенал, где мы еще раньше взяли огнеметы против триффидов, и погрузил там несколько пулеметов и минометов.

В ноябре второго года у нас с Джозеллой родился первый ребенок. Мы назвали его Дэвидом. Моя радость сливалась временами с дурными предчувствиями: какое будущее создадим мы для него? Но Джозеллу это волновало меньше всего. Она его боготворила. Видимо, он был для нее компенсацией за все, что она утратила, и, как это ни странно, теперь она беспокоилась о состоянии мостов на нашем пути в будущее гораздо меньше, чем прежде. Как бы то ни было, это был крепкий мальчишка, и его здоровье позволяло надеяться, что он сможет постоять за себя, когда вырастет. Поэтому я подавил свои предчувствия и с удвоенным рвением взялся за работу на земле, которая в один прекрасный день будет содержать нас всех.

После этого прошло, должно быть, не очень много времени, и Джозелла заставила меня обратить более пристальное внимание на триффидов. За эти годы я так привык принимать против них меры предосторожности, что их превращение в непременную деталь пейзажа прошло для меня гораздо менее заметно, чем для остальных обитателей фермы. Кроме того, имея с ними дело, я привык носить проволочную маску и перчатки, так что, когда я выезжал в экспедиции, ничего нового в этом для меня не было. Короче говоря, я привык обращать на триффидов не больше внимания, чем на москитов в малярийной местности. Джозелла заговорила о них однажды вечером, когда мы лежали в постели. В

тишине слышался только отдаленный перемежающийся треск твердых черенков, барабанящих по стеблям.

— В последнее время они трещат куда больше, — сказала она.

Сначала я не понял, о чем она говорит. Эти звуки были обычным фоном везде, где я так долго жил и работал, и если я не прислушивался к ним сознательно, я не мог даже сказать, есть они или нет. Теперь я прислушался.

— Не слышу, чтобы они трещали как-нибудь иначе, — сказал я.

— Я не сказала, что иначе. Я сказала, что они трещат больше, потому что их теперь больше, чем прежде.

— Не заметил, — проговорил я безразлично.

С тех пор как я соорудил ограду, мои интересы сосредоточились внутри ее, и мне было все равно, что делается снаружи. Во время поездок мне казалось, будто в большинстве мест триффидов столько же, сколько раньше. Я вспомнил, что их количество здесь поразило меня, еще когда я прибыл сюда впервые, и я предположил тогда, что где-то в окрестностях располагались крупные питомники.

— Много больше. Присмотрись к ним завтра, — предложила она.

Утром я вспомнил и, одеваясь, выглянул в окно. Я увидел, что Джозелла права. Позади совсем небольшого участка ограды можно было насчитать более сотни триффидов. За завтраком я сказал об этом. Сюзен удивилась.

— Их становится больше с каждым днем, — сказала она. — Разве ты не заметил?

— Мне и без того есть о чем беспокоиться, — сказал я. Ее тон слегка задел меня. — И вообще по ту сторону ограды они меня не интересуют. Достаточно выпалывать их ростки внутри ограды, а снаружи они могут делать все, что им угодно.

— Все равно, — проговорила Джозелла озабоченно, — с какой стати они сходятся сюда такими толпами? Я совершенно уверена, что они именно сходятся. И мне хотелось бы знать почему.

На лице Сюзен вновь появилось выражение удивления.

— Да ведь он их приманивает, — сказала она.

— Не показывай пальцем, — автоматически заметила Джозелла. — Что ты имеешь в виду? Как это Билл их может приманивать?

— Очень просто. Он создает шум, и они приходят.

— Послушай, — сказал я. — О чем ты болтаешь? Ты что, полагаешь, будто я во сне им подсвистываю?

Сюзен обиделась.

— Ладно. Раз ты мне не веришь, я покажу тебе после завтрака, — объявила она и надулась.

Когда завтрак кончился, она выскользнула из-за стола и вернулась с моим дробовиком и с биноклем. Мы вышли на лужайку. Она оглядела горизонт, заметила вдали триффида и подала мне бинокль. Триффид неторопливо ковылял через поля. До него было больше мили, и он двигался на восток.

— Следи за ним, — сказала она.

Она выстрелила в воздух.

Через несколько секунд триффид послушно изменил курс и двинулся в нашу сторону.

— Видишь? — сказала она, потирая плечо.

— Да, это похоже на... А ты уверена? Попробуй еще раз, — предложил я.

Она покачала головой:

— Не стоит. Все триффиды, которые слыхали выстрел, идут сейчас сюда. Минут через десять они остановятся и станут слушать. Если они близко и им слышно, как трещат эти у ограды, они будут здесь. Если они далеко, но мы выстрелим еще раз, они тоже будут здесь. Но если они ничего не услышат, то подождут еще немного и поплетутся дальше своей дорогой.

Я вынужден был признать, что это открытие несколько ошарашило меня.

— Ага... э... конечно, — сказал я. — Ты, должно быть, следила за ними очень внимательно, Сюзен.

— Я всегда слежу за ними. Я их ненавижу, — сказала она, как если бы это все объясняло.

К нам подошел Деннис.

— Сюзен права, — сказал он. — Мне это не нравится. Мне это уже давно не нравится. Эти проклятые твари что-то против нас затеяли.

— Да бросьте вы... — начал я.

— А я вам говорю, они совсем не так просты, как мы думаем. Они ведь все знали. Они стали вырываться на свободу в тот же момент, когда не стало никого, кто мог бы остановить их. Они были возле нашего дома уже на следующий день. Можете вы объяснить это?

— Это для них обычное дело, — возразил я. — В джунглях они всегда слонялись возле тропинок. Часто они обступали де-

ревни и врывались туда, если их не отбивали. В тропических странах они всегда были бичом Божьим.

— Но ведь не здесь, вот что я хочу сказать. Они не могли вытворять этого здесь, пока не изменилась обстановка. Они даже не пытались. Но как только возможность представилась, они воспользовались ею немедленно. Словно они узнали, что теперь можно.

— Слушайте, Деннис, будьте же благоразумны, — сказал я. — Подумайте, ну что вы говорите.

— Я отлично знаю, о чем я говорю. По крайней мере главное. Я не строю никаких определенных теорий, но я скажу вам вот что: они воспользовались нашей катастрофой с поразительной быстротой. Я скажу также, что в их нынешнем поведении чувствуется нечто очень похожее на систему. Вы были так погружены в работу, что не замечали, как они накапливаются и ждут здесь, за оградой. А Сюзен заметила, я сам слыхал, как она об этом говорила. И как вы полагаете, чего они там ждут?

Я не стал отвечать немедленно. Я сказал:

— Вы считаете, что дробовик их привлекает и мне лучше пользоваться триффидным ружьем?

— Дело не только в дробовике, дело вообще в шуме, — сказала Сюзен. — Хуже всего трактор, потому что он шумит громко и долго, так что им легко определить, куда нужно идти. Но они слышат и наш движок. Я видела, как они сворачивают сюда, едва он начинает тарахтеть.

— Мне бы хотелось, — сердито заметил я, — чтобы ты не твердила «они слышат», как будто это животные. Они не животные. Они не слышат. Они всего лишь растения.

— Все равно как-то они слышат, — упрямо возразила Сюзен.

— Ну... ладно, мы что-нибудь сделаем, — пообещал я.

Мы стали делать. Первой ловушкой было грубое подобие ветряной мельницы, производящее энергичный стук. Мы установили ее в полумиле от фермы. Она сработала. Она оттянула от ограды и собрала со всей округи триффидов. Когда вокруг нее столпилось несколько сотен штук, мы с Сюзен поехали туда и взяли их с огнемета. Ловушка отлично сработала и во второй раз... и после этого триффиды перестали обращать на нее внимание. Следующим нашим ходом было сооружение загона внутри ограды. Участок ограды перед загоном был заменен воротами. Место мы выбрали напротив движка и оставили ворота открытыми. Через пару

дней мы захлопнули ворота и уничтожили пару сотен триффидов, забравшихся в загон. Второй раз на том же месте это не удалось, и даже в других местах число попадающих в такую ловушку триффидов быстро сокращалось.

Хорошие результаты мог бы дать обход границ с огнеметом раз в несколько дней, но это потребовало бы времени и скоро оставило бы нас без горючей смеси. Расход ее при пользовании огнеметом очень велик, а запасы в армейском арсенале были ограниченны. Если бы мы их исчерпали, наши драгоценные огнеметы стали бы железным ломом, потому что я не знал ни состава, ни способа приготовления эффективного горючего.

Два или три раза мы испробовали на скоплениях триффидов минометы, но результаты были плохими. Триффиды, как и деревья, могли выдержать без смертельного исхода множество механических повреждений.

Невзирая на ловушки и периодические избиения, число триффидов со временем все увеличивалось. Они ничего не предпринимали. Они просто зарывались корнями в землю и стояли. На расстоянии они ничем не отличались от мирной живой изгороди, и если бы не барабанный стук, производимый то одним, то другим, они были бы не более примечательны, чем любая другая ограда. Но тому, кто усомнился бы в их постоянной готовности, достаточно было проехать на машине по проселку. Это значило пройти сквозь строй такого свирепого бичевания жалами, что приходилось, достигнув шоссе, останавливаться и очищать заляпанное ядом ветровое стекло.

Время от времени кто-нибудь из нас выдвигал новый способ борьбы с ними; было предложено, например, опрыскивать почву за оградой крепким раствором мышьяка. Но во всех случаях отступление триффидов было временным.

Мы испробовали за год множество подобных уловок, и вот настал день, когда Сюзен утром влетела в нашу комнату и сообщила, что чудища прорвались и обступили дом. Она встала, как обычно, рано, чтобы подоить коров. Небо за окном ее спальни уже светлело, но, когда она спустилась в холл, там царила кромешная тьма. Она сообразила, что так быть не должно, и включила свет. Едва разглядев прижавшиеся снаружи к окнам кожистые зеленые листья, она догадалась, что произошло.

Я на цыпочках пересек спальню и резко захлопнул окно. В тот же момент снизу в стекло хлестнуло жало. Мы увидели внизу чащу триффидов в десять или двенадцать рядов, обступив-

ших дом вплотную. Огнеметы мы держали в сарае. Прежде чем отправиться за ними, я принял все меры предосторожности. В толстой куртке и рукавицах, в кожаном шлеме и шоферских очках под проволочной маской, я врубился в толпу триффидов самым огромным мясницким ножом, какой у нас нашелся. Жала свистели и хлестали по проволочной сетке так часто, что яд совершенно залил ее и стал проникать внутрь мелкими брызгами. Брызги затуманили стекла очков, так что, добравшись до сарая, я первым делом смыл яд с лица. Чтобы расчистить себе путь назад в дом, я решился всего на одну короткую, направленную понизу струю из огнемета, потому что боялся поджечь дверь и оконные рамы, но и этого оказалось достаточно, чтобы они задвигались, заволновались и беспрепятственно пропустили меня.

Джозелла и Сюзен стояли с огнетушителями наготове, а я, все еще похожий на помесь глубоководного водолаза с марсианином, высовывался поочередно из окон верхнего этажа и поливал огнем осаждающую толпу этих тварей. Потребовалось немного времени, чтобы поджечь большинство и погнать остальных. Сюзен, уже в маске и перчатках, схватила второй огнемет и принялась с упоением гоняться за ними, чтобы истребить до конца. Я направился через поле искать пролом. Это было нетрудно. С первой же возвышенности я увидел место, где триффиды продолжали вливаться внутрь ограды потоком качающихся стеблей и развевающихся листьев. Все они двигались по направлению к дому. Выпроводить их было просто. Струя по передним остановила их; еще две по сторонам заставили их устремиться назад. Струя поверху подстегнула их и обратила в бегство запоздавших. Метрах в двадцати лежал плашмя участок ограды с вывороченными столбами. Я поднял его и кое-как укрепил снова, а затем выпустил из огнемета еще несколько струй, чтобы предупредить новые неприятности хотя бы на ближайшие часы.

Почти весь день потратили мы с Джозеллой и Сюзен, заделывая пролом. Затем, пока мы с Сюзен обшаривали все уголки внутри ограды и добивали последних вторгшихся триффидов, прошло еще два дня. Мы обследовали все ограждение и укрепили все сомнительные участки. А через четыре месяца они прорвались вновь.

На этот раз мы нашли в проломе множество раздавленных триффидов. Впечатление было такое, будто на ограду навали-

лись и давили, пока она не упала, и передние ряды тварей, повалившись вместе с нею, были растоптаны остальными.

Было ясно, что необходимо принимать новые оборонительные меры. Все участки ограды были примерно одинаковой прочности, все они могли быть прорваны подобным же образом. Наиболее подходящим способом держать триффидов на расстоянии представлялась электрификация. Я нашел армейский генератор, установленный на трейлере, и доставил его домой. Мы с Сюзен принялись монтировать проводку. Прежде чем мы успели закончить ее, мерзкие твари прорвались еще раз в другом месте.

Я уверен, что эта система полностью бы себя оправдала, если бы ограду можно было держать под напряжением непрерывно или хотя бы большую часть времени. Но для этого требовалось горючее. Бензин был для нас особенно ценен. Мы всегда могли обеспечить себя какой-нибудь пищей, но, когда кончатся запасы бензина и дизельного топлива, с ними кончится нечто большее, нежели какие-то удобства. Не будет больше экспедиций, следовательно, перестанут пополняться запасы. Первобытная жизнь начнется всерьез. Поэтому из соображений экономии мы пускали ток через ограду всего на несколько минут по два-три раза в сутки. Это вынудило триффидов отступить, теперь они не решались наваливаться на ограду. В качестве дополнительной предосторожности мы провели вдоль внутренней изгороди сигнальную проволоку, чтобы можно было вовремя управиться с любым прорывом.

Слабость системы была в том, что триффиды оказались способны учиться на опыте, по крайней мере в ограниченных пределах. Например, они стали привыкать к тому, что мы включаем ток только ночью и утром и только на короткое время. Мы стали включать генератор случайным образом, но Сюзен, для которой триффиды были постоянными объектами пристального наблюдения, вскоре начала утверждать, будто время, на которое электрический удар удерживает их вдали от ограды, становится все короче.

Мы начали замечать, что они отступают от ограды, только когда запускается генератор, а едва он умолкает, они надвигаются снова. В то время мы не могли еще сказать, действительно ли они ассоциируют ток в ограде с шумом генератора, но позже у нас не осталось сомнений, что так оно и есть. Все же ограда под током и периодические нападения на их особенно густые

скопления больше чем на год избавили нас от прорывов. Позже триффиды прорывались неоднократно, однако мы вовремя узнавали об этом, и прорывы перестали быть для нас серьезными осложнениями.

Защищенные нашей оградой, мы продолжали учиться сельскому хозяйству, и постепенно наша жизнь вошла в однообразный ритм.

Однажды летом шестого года мы с Джозеллой отправились вдвоем на морское побережье. Мы поехали в полугусеничном вездеходе, которым я обычно пользовался теперь, когда дороги сильно ухудшились. Для Джозеллы это был праздник. В последний раз она была за оградой несколько месяцев назад. Заботы по дому и о детях слишком утомляли ее, и она выезжала только изредка, когда это было совершенно необходимо. Но теперь дом можно было оставлять на Сюзен, и когда мы перевалили через гряду холмов, нас охватило чувство освобождения. На последнем южном склоне мы остановили машину, вышли и сели.

Был идеальный июньский день, в чистом синем небе белело несколько легких облачков. Солнце озаряло песчаные пляжи и море за ними так же ярко, как в прошлом, когда эти пляжи были усеяны купальщиками, а море пестрело лодочками. Несколько минут мы в молчании глядели на эту сцену. Потом Джозелла сказала:

— Тебе иногда не кажется, Билл, что стоит на некоторое время закрыть глаза, а потом снова открыть, и можно увидеть все, как было раньше?

— Теперь уже не так часто, — ответил я. — Но ведь мне довелось увидеть гораздо больше, чем тебе. Впрочем, иногда...

— Погляди на чаек... Они такие же, как раньше.

— В этом году стало гораздо больше птиц, — согласился я. — И я рад этому.

На расстоянии крошечный городок все еще представлялся россыпью домиков под красными крышами и бунгало, населенных по большей части буржуа, отошедшими от дел. Но такое впечатление могло продержаться всего несколько минут. Хотя виднелись еще черепичные крыши, но стен уже не было видно. Аккуратные садики потонули в буйно разросшейся зелени, испещренной яркими пятнами одичавших потомков тщательно культивировавшихся цветов. И даже дороги выглядели как полосы зеленых ковров. Вблизи же обнаруживалось, что

впечатление мягкой зелени иллюзорно: дорога была выстлана грубыми жесткими ползунами.

— Всего несколько лет назад, — задумчиво проговорила Джозелла, — люди жаловались, что эти бунгало портят пейзаж. И посмотри на них теперь.

— Да, пейзаж отомщен, — сказал я. — Тогда казалось, что с природой покончено. Но кто мог подумать, что в старике так много крови?

— Меня это как-то пугает. Словно все сорвалось с цепи, все радуется, что нам пришел конец и что каждый волен идти своей дорогой. Хотелось бы мне знать... Может быть, мы все это время морочили себе голову? Как по-твоему, Билл, с нами действительно покончено?

В моих экспедициях у меня было больше времени подумать над этим, чем у нее.

— Если бы ты была не такой, какая ты есть, я бы мог ответить тебе в этаком героическом тоне — в духе бездумного волюнтаризма, который часто сходит за веру и решимость.

— Но поскольку я такая, какая я есть?..

— Я дам тебе честный ответ: с нами еще не покончено. И пока будет жизнь, будет и надежда.

Несколько секунд мы смотрели на пейзаж перед нами.

— Мне кажется, — пояснил я, — только кажется, заметь, что у нас есть крошечный шанс, такой крошечный, потребуется много времени, чтобы он оправдался. Если бы не триффиды, я бы сказал, что у нас хорошие шансы, хотя и тут потребовалось бы время. Но триффиды являются реальным фактором. Это нечто такое, с чем никогда не приходилось бороться ни одной растущей цивилизации. Смогут они отобрать у нас планету или мы сможем остановить их?

Настоящая проблема состоит в том, чтобы найти против них простое средство. Мы держимся не так уж плохо — мы отбиваем их. Но наши внуки, что будут делать они? Не придется ли им проводить жизнь в резервациях, отбивая триффидов ценой бесконечных тяжелых усилий?

Я уверен, что простой способ существует. Вся беда в том, что к простым способам идут через очень сложные исследования. А у нас для этого нет ресурсов.

— Да у нас же все ресурсы мира, — возразила Джозелла. — Только иди и бери.

— Материальные — да. Но умственных нет. Тут нужна группа, группа экспертов, которые все свое время отдавали бы про-

блеме, как разделаться с триффидами раз и навсегда. Что-то можно было бы сделать, я уверен. Какой-нибудь избирательный гербицид. Синтезировать необходимые гормоны, которые вызывали бы у триффидов состояние биологической неустойчивости... только у триффидов, не задевая ничего другого. Это было бы возможно, если сосредоточить на таком деле достаточно мозговых мощностей...

— Раз ты так думаешь, почему бы тебе не попытаться?

— Слишком много причин. Во-первых, я для этого не гожусь. Я всего лишь посредственный биохимик, и я в единственном числе. Затем нужны лаборатория и оборудование. Далее, необходимо время, а на мне сейчас слишком много неотложных дел. Но даже если бы я смог что-нибудь сделать, нужны средства производить эти синтетические гормоны в массовых масштабах. Для этого потребовалась бы фабрика. Но прежде всего нужна исследовательская группа.

— Людей можно обучить.

— Да... когда они свободны от необходимости ежечасно драться за существование. Я собрал множество книг по биохимии в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь сможет ими воспользоваться. Я научу Дэвида всему, что знаю, а он передаст это дальше. Но если не будет когда-нибудь свободного времени для работы в этой области, для людей останутся только резервации.

Джозелла, нахмурившись, следила за стадом из четырех триффидов, которые ковыляли через поле под нами.

— Когда-то говорили, что единственным серьезным соперником человека являются насекомые. Мне кажется, что в триффидах есть что-то общее с некоторыми видами насекомых. О, я знаю, что биологически это растения. Я хочу сказать, что они не заботятся о судьбе отдельной особи и отдельная особь не беспокоится о своей судьбе. Каждый в отдельности обладает чем-то отдаленно напоминающим разум; когда же они собираются толпой, это заметно особенно. Толпой они действуют целенаправленно, совсем как муравьи и пчелы, и можно утверждать, что каждый в отдельности не знает цели и плана, частью которого является. Все это очень странно; нам, во всяком случае, этого не понять. Слишком они другие. Мне кажется, это противоречит всем нашим идеям о наследственных признаках. Может быть, есть в пчеле или триффиде что-нибудь похожее на ген общественной организации? Может быть, муравей имеет ген архитектуры? И если у них это есть, то почему мы не выра-

ботали гены знания иностранных языков или поварского искусства? Как бы то ни было, у триффидов есть что-то в этом роде. Возможно, каждый триффид в отдельности не знает, для чего он трется возле нашей ограды, но вместе они знают, что их цель — добраться до нас. И что рано или поздно они доберутся.

— Может случиться еще очень многое, что предотвратит такой исход, — заметил я. — Мне бы не хотелось, чтобы ты потеряла надежду.

— А я и не теряю — разве что когда устаю. Обычно я слишком занята и не могу беспокоиться о том, что будет через много лет. Нет, как правило, мне просто немножко грустно — этакая нежная меланхолия, которую столь ценили в восемнадцатом веке. Меня одолевает чувствительность, когда ты заводишь патефон, — страшно подумать, что огромный оркестр, уже давно исчезнувший, все еще играет для горстки людей, загнанной в угол и обреченной на постепенное одичание. Музыка уносит меня в прошлое, и я грущу о том, что ушло и никогда не вернется. У тебя не бывает такого чувства?

— Угу, — признался я. — Но я заметил, что со временем мне делается все легче принимать настоящее. Полагаю, если бы мне было дано исполнение желаний, я бы пожелал возродить наш старый мир, но с одним условием. Видишь ли, несмотря ни на что, внутренне я сейчас более счастлив, чем когда-либо раньше. Ты это знаешь, не правда ли, Джози?

Она положила ладонь на мою руку.

— Я тоже так чувствую. Нет, мне больно не за то, что потеряли мы, а за то, чего никогда не узнают наши дети.

— Будет нелегко внушить им надежды и цели, — признал я. — Нам не уйти от нашего прошлого. Но им-то незачем будет все время оглядываться назад. Традиции погибшего золотого века и мифы о предках-волшебниках были бы для них сущим проклятием. Целые народы обладали этим комплексом неполноценности, который вырос из плача по славному прошлому. Только вот как сделать, чтобы этого не случилось?

— Будь я сейчас ребенком, — сказала она задумчиво, — я бы, наверное, спросила, в чем причина. Если бы мне не ответили... то есть если бы мне разрешили думать, будто меня произвели на свет в мире, который был разрушен совершенно бессмысленно, я бы сочла бессмысленной и самоё жизнь. Самое трудное здесь в том, что это так и представляется...

Она помолчала, размышляя, затем добавила:

— Ты не считаешь, что нам стоит... Ты не считаешь, что мы должны создать миф, чтобы помочь им? Сказку о мире, который был чудо каким разумным, но таким злым, что его пришлось разрушить... или он случайно разрушил себя? Снова что-нибудь вроде Великого потопа. Это не подавило бы их комплексом неполноценности; это могло бы побудить к тому, чтобы строить, и строить на этот раз что-нибудь лучшее.

— Да... — проговорил я, подумав. — Да. В большинстве случаев лучше всего говорить детям правду. Это как бы облегчает им жизненный путь... Только зачем притворяться, будто это миф?

Джозелла с сомнением взглянула на меня:

— Что ты имеешь в виду? Триффиды... ну, я признаю, триффиды были чьим-то злым умыслом или ошибкой. Но все остальное...

— За триффидов, мне кажется, никого винить не стоит. Триффидные масла были очень ценным продуктом. Никому не дано знать, к чему ведет великое открытие, все равно какое — новый вид двигателя или триффид, и до катастрофы мы управлялись с ними превосходно. Они являлись для нас благословением, пока обстоятельства не сложились в их пользу.

— Да, но обстоятельства изменились не по нашей вине. Это было... ну, вроде землетрясения, урагана — то, что страховые компании определили бы как стихийное бедствие. А возможно, это был Страшный суд. Ведь не сами же мы сотворили эту комету. Но ты прав, ошибок было много. Боже мой, сколько было ошибок! Об этом мы можем и должны предупредить наших детей.

— Гм... Ну что же... — сказал я. — Впрочем, когда они справятся с триффидами и выберутся из этого дрянного положения, у них будет возможность делать свои собственные, новые, с иголочки, ошибки.

— Бедные малыши, — пробормотала она, словно вглядываясь в бесконечные ряды прапраправнуков. — Как мало можем мы предложить им.

— Сказано: «Жизнь такова, какой ты ее делаешь».

— Это, мой милый Билл, почти во всех случаях всего лишь куча... ладно, не буду говорить гадостей. Помнится, эту пословицу любил повторять мой дядя Тед... пока с самолета не сбросили бомбу, которая оторвала ему обе ноги. Это изменило его мнение. Я вот ничего такого не сделала в своей жизни, что помогло бы мне остаться теперь в живых. — Она отбросила окурок. — Что мы такое совершили, Билл, почему нам выпало

счастье выжить в этом ужасе? Иногда — то есть когда я не чувствую себя усталой и эгоистичной — я думаю, как нам действительно повезло, и мне хочется вознести благодарность кому-то или чему-то. Но мне сразу приходит в голову, что, если бы этот кто-то существовал, он выбрал бы гораздо более достойных, чем я. Простодушную девушку все это повергает в крайнее смущение.

— А мне кажется, — сказал я, — что будь кто-нибудь или что-нибудь за рулем Вселенной, многое в истории просто не могло бы случиться. Впрочем, не стоит особенно раздумывать над этим. Нам повезло, моя радость. И если счастье завтра нам изменит, пусть. Что бы ни случилось, у нас уже не отобрать времени, которое мы провели с тобой. Я получил больше, чем заслуживаю, и больше, чем большинство мужчин получало за всю свою жизнь.

Мы посидели еще немного, глядя в пустынное море, а затем спустились на вездеходе в городок.

Разыскав большинство предметов, обозначенных в нашем списке, мы отправились на пляж и устроили пикник, имея позади широкую полоску плавника, через который не смог бы перебраться неслышно ни один триффид.

— Надо выезжать так почаще, пока мы можем, — сказала Джозелла. — Сюзен выросла, и я немного освободилась.

— Ты заслужила право на передышку более, чем кто-либо другой, — согласился я.

Я произнес это, чувствуя, что пора бы, пока это еще возможно, поехать с нею и сказать последнее «прости» всем знакомым местам и вещам. С каждым годом все ближе надвигалась на нас перспектива тюремного заключения.

Уже приходилось, выезжая к северу от Ширнинга, делать многомильный крюк, чтобы миновать долину, которая снова превратилась в болото. Дороги быстро приходили в негодность, их покрытие разъедали дожди и разрушали корни растений. Все труднее становилось доставлять домой цистерны с горючим. Мог наступить день, когда одна такая цистерна застрянет на проселке и, возможно, закупорит его навсегда. В полугусеничном вездеходе еще можно будет разъезжать по достаточно сухой местности, но со временем все труднее будет находить свободный проезд даже для него.

— И надо будет в последний раз повеселиться, — сказал я. — Ты снова приоденешься, и мы отправимся...

— Ш-ш-ш! — прервала меня Джозелла. Она подняла палец, прислушиваясь.

Я затаил дыхание. Это было скорее ощущение пульсации в воздухе, чем звук. Оно было едва заметно, но оно постепенно нарастало.

— Это... это же самолет! — сказала Джозелла.

Мы глядели на запад, прикрыв глаза ладонями от солнца. Гул мотора был все еще не громче жужжания насекомого. Он усиливался так медленно, что речь могла идти только о вертолете: любая другая машина давно бы уже успела пролететь над нами.

Первой его увидела Джозелла. Крошечная точка над морем неподалеку от береговой линии, движущаяся явно в нашу сторону параллельно побережью. Мы вскочили на ноги и принялись махать. Точка росла, и мы махали все яростнее и кричали изо всех сил. Если бы пилот держался прежнего курса, он бы не мог не увидеть нас на открытом пляже, но за несколько миль от нас вертолет вдруг круто свернул в северном направлении и полетел над сушей. Мы продолжали бешено размахивать руками в надежде, что он все же заметит нас. Все было напрасно. Медленно и невозмутимо он с гулом удалялся от моря и наконец скрылся за грядой холмов.

Мы опустили руки и поглядели друг на друга.

— Если он прилетел один раз, то может прилететь и снова, — стойко, но не очень убедительно сказала Джозелла.

Вертолет все же нарушил медленное течение нашего дня. Он нанес удар по смирению, которое мы так старательно укрепляли в наших душах. Мы говорили себе, что, кроме нас, должны существовать и другие группы, однако они в таком же положении, как и мы, а может быть, и в худшем. Но когда, словно видение из прошлого, перед нашими глазами проплыл вертолет, он вызвал в нас не только воспоминания: он показал, что кто-то сумел наладить жизнь лучше, чем мы. Может быть, в этом был привкус зависти? И, кроме того, он заставил нас вспомнить, что мы все еще по природе своей стадные существа.

Беспокойное ощущение, которое вертолет оставил после себя, нарушило наше настроение и привычный ход мыслей. Не сговариваясь, мы стали собирать вещи, в глубоком раздумье вернулись к вездеходу и направились домой.

ГЛАВА 16
КОНТАКТ

Мы проехали, вероятно, половину расстояния до Ширнинга, когда Джозелла заметила дым. На первый взгляд это могло быть облако, но с вершины холма мы разглядели под расплывшейся шапкой плотный серый столб. Мы молча переглянулись. За все эти годы мы видели всего несколько случайных пожаров, самопроизвольно возникавших ранней осенью. И мы мгновенно поняли, что столб дыма впереди поднимается в районе Ширнинга.

Я пустил вездеход на полную скорость. Никогда еще он не мчался так по размытым, разрушенным дорогам. Нас кидало и швыряло на сиденье, но нам все равно казалось, будто мы едва ползем. Джозелла сидела молча, сжав губы, не спуская глаз со столба дыма. Она жадно искала признаки того, что горит где-нибудь либо ближе, либо дальше, только не в самом Ширнинге. Но сомневаться уже не приходилось. Мы с ревом промчались по последнему проселку, не замечая трифидов, хлеставших жалами в борта вездехода. Затем, после поворота, мы увидели, что горит не дом, а поленница дров.

На мой сигнал выбежала Сюзен и схватилась за веревку, которая распахивала ворота с безопасного расстояния. Она что-то прокричала, но мы не расслышали за лязгом гусениц. Ее свободная рука указывала не на пламя, а на дом. Только въехав во двор, мы поняли, в чем дело. Посредине нашей лужайки стоял вертолет.

Едва я остановил машину, из дома вышел человек в кожаной куртке и бриджах. Он был высокий, белокурый, лицо его было обожжено солнцем. С первого же взгляда я почувствовал, что где-то уже видел его. Он помахал нам, весело улыбаясь.

— Мистер Билл Мэйсен, я полагаю, — сказал он, когда мы подошли к нему. — Меня зовут Симпсон. Айвен Симпсон.

— Помню, — сказала Джозелла. — Вы привели в тот вечер вертолет в университет.

— Совершенно верно. Вы молодец, что помните. Но чтобы доказать вам, что у меня тоже хорошая память, я скажу вам, кто вы. Вас зовут Джозелла Плэйтон, и вы автор...

— Вы ошибаетесь, — строго прервала его Джозелла. — Меня зовут Джозелла Мэйсен, и я автор «Дэвида Мэйсена».

— А, да! Я только что видел оригинальное издание и скажу, если мне будет позволено, что выполнено оно с отменным мастерством.

— Постойте, — сказал я. — Этот пожар...

— Ничего страшного. Ветер дует от дома. Хотя боюсь, что запас ваших дров погиб.

— Что произошло?

— Это Сюзен. Она ни за что не желала, чтобы я пролетел мимо. Услыхав шум мотора, она схватила огнемет и стала искать, как подать сигнал. Дрова были ближе всего — такой костер прозевать невозможно.

Мы вошли в дом и присоединились к остальным.

— Кстати, — сказал Симпсон, — Микаэль велел мне, чтобы я прежде всего принес извинения.

— Мне? — спросил я удивленно.

— Вы были единственным человеком, который усмотрел в триффидах опасность, и он вам не поверил.

— Но... вы хотите сказать, что вы знали, где я нахожусь?

— Несколько дней назад мы узнали примерный район вашего местонахождения. Нам рассказал парень, которого мы все очень хорошо помним, — Коукер.

— Значит, Коукер тоже спасся, — сказал я. — Я видел могильник в Тиншэме и решил, что он погиб от чумы.

Позже, когда мы поели и выставили наше лучшее бренди, он рассказал нам историю своей группы.

Оставив Тиншэм на милость и принципы мисс Дюрран, партия Микаэля Бидли направилась вовсе не в район Биминстера. Она двинулась на север, в Оксфордшир. Мисс Дюрран сознательно обманула нас с Коукером: о Биминстере не было сказано ни слова.

Они нашли поместье, удовлетворявшее, как им сначала казалось, всем их требованиям, и они, несомненно, закрепились бы там, как мы закрепились в Ширнинге, но угроза со стороны триффидов все усиливалась и недостатки этого места обнаруживались со все большей очевидностью. Через год Микаэль и Полковник сочли, что оставаться там нецелесообразно. В это поместье уже было вложено немало труда, но к концу второго лета все согласились, что, чтобы построить общину, необходимо мыслить категориями десятков лет. Кроме того, необходимо было понять, что откладывать переезд нельзя: позже будет труднее. Им нужно было место, которое бы обеспечивало дальней-

шее развитие; район, окруженный естественными препятствиями так, чтобы достаточно было очистить его от триффидов всего один раз. Сооружение и укрепление изгородей требует больших усилий, а с увеличением общины пришлось бы увеличивать и их длину. Ясно было, что лучшим естественным препятствием, которое может заменить изгороди, является вода. Группа провела дискуссию относительно достоинств различных островов. В конце концов решено было выбрать остров Уайт, главным образом из-за климатических условий, хотя многие сомневались, удастся ли его очистить. И в марте они снова погрузились и отправились в путь.

— Когда мы туда прибыли, — рассказывал Айвен, — нам показалось, что триффидов там еще больше, чем на старом месте. Едва мы устроились в одном старом помещичьем доме возле Годшилла, как они стали тысячами скапливаться вокруг стен. Мы дали им недели две, а затем уничтожили их огнеметами.

Стерев в порошок первую партию, мы дали им накопиться снова, перебили их во второй раз и так далее. Там мы уже могли позволить себе не жалеть горючей смеси, потому что с полным уничтожением триффидов надобность в огнеметах отпадала. На острове их могло быть довольно ограниченное число, и чем больше их собиралось вокруг дома, тем больше это нам нравилось.

Нам пришлось проделать это десяток раз, прежде чем начали сказываться результаты. Все пространство вокруг стен покрылось обуглившимися головешками, и только тогда они стали избегать нас. Черт возьми, их оказалось куда больше, чем мы ожидали...

— На вашем острове прежде было по меньшей мере полдюжины питомников, разводивших триффиды высших сортов, не говоря уже о тех, которых держали в частных садах, — заметил я.

— Это меня не удивляет. Судя по всему, этих питомников могла быть и целая сотня. Если бы меня спросили раньше, я бы сказал, что у нас в стране несколько тысяч этих тварей. В действительности же они, наверное, исчислялись сотнями тысяч.

— Да, примерно, — сказал я. — Они могут расти практически повсюду, и они давали большой доход. Когда они были огорожены в питомниках и на фермах, казалось, что их не так уж много. Впрочем, все равно, если учесть, сколько их здесь вокруг нас, то надо полагать, что целые области в стране должны быть сейчас свободны от них.

— Это точно, — согласился он. — Но поселитесь где-нибудь в такой области, и через несколько дней они начнут собираться там. Я и без пожара, который устроила Сюзен, догадался бы, что здесь живут люди. Вокруг каждого обитаемого места они образуют этакий темный бордюр.

Одним словом, через некоторое время толпы вокруг нашего дома сделались реже. Может быть, они нашли, что это вредно для их здоровья, или им не нравилось топтаться по обгорелым останкам своих родичей... ну и конечно, их стало меньше. Тогда мы изменили тактику и сами вышли на охоту за ними. Это было нашим главным занятием в течение месяцев. Мы прочесали каждый дюйм острова — так нам, во всяком случае, казалось. Мы считали, что истребили всех триффидов до одного, маленьких и больших. И все-таки на следующий год они вновь ухитрились появиться, и еще через год после этого. С тех пор мы каждую весну проводим интенсивный поиск ростков из семян, которые заносятся к нам ветром, и уничтожаем их на месте.

Одновременно мы организовывались. Сначала нас было пятьдесят или шестьдесят человек. Я вылетал на вертолете, и когда я обнаруживал какую-нибудь группу, то садился и передавал всем приглашение присоединиться к нам. Некоторые соглашались, но очень многие отказывались: они избавились от одного правительства и, невзирая ни на какие трудности, не желают другого. В Южном Уэльсе есть несколько групп, которые создали нечто вроде племенных общин; они отвергают любую форму организации сверх необходимого минимума, ими же самими установленного. Такие же общины имеются и в других каменноугольных районах. Обычно во главе их стоят шахтеры, которые в ночь катастрофы находились в смене под землей и не видели зеленых звезд... Бог знает, как им удалось потом выбраться из шахт на поверхность.

Некоторые столь решительно не желают никакого вмешательства извне, что стреляют по вертолету, такая компания есть в Брайтоне...

— Знаю, — сказал я. — Меня они тоже прогнали.

— В последнее время я нашел еще несколько таких. В Мейдстоне, в Гилдфорде и в других местах. Из-за них мы и не нащупали вас раньше. Летать в этот район небезопасно. Уж не знаю, что они себе вообразили; возможно, завладели большими запасами продовольствия и боятся, что их заставят с кем-нибудь поделиться. Во всяком случае, рисковать не имело смысла, и я оставил их вариться в собственном соку.

Все же многие присоединились к нам. Через год нас было уже около трех сотен — не все, конечно, зрячие.

А месяц назад я наткнулся на Коукера и его компанию. Между прочим, одним из первых вопросов, которые он мне задал, был вопрос о вас. Им пришлось очень плохо, особенно вначале.

Через несколько дней после его возвращения в Тиншэм появились две женщины из Лондона и привезли с собой чуму. Коукер при первых же симптомах поместил их в карантин, но было уже поздно. Тогда он решил немедленно переехать. Мисс Дюрран не пожелала сдвинуться с места. Она останется и будет смотреть за больными. Коукера она нагонит позже, если сможет. Больше он ее не видел.

Инфекцию они увезли с собой. Прежде чем им удалось от нее избавиться, они трижды переезжали с места на место. К тому времени они забрались уже далеко на запад, в Девоншир, и сначала у них все пошло хорошо. Но затем они начали испытывать те же затруднения, что и мы, и вы. Коукер продержался около трех лет, после чего стал рассуждать примерно так, как рассуждали мы. Только он не подумал об острове. Вместо этого он решил отгородить в Корнуэлле участок между рекой и морским побережьем. Прибыв туда, они потратили первые месяцы на сооружение изгороди, затем, как и мы на своем острове, взялись за триффидов. У них была гораздо более тяжелая местность, и им так и не удалось очистить ее от триффидов полностью. Правда, ограда у них получилась на диво прочная, но они не могли положиться на нее так, как мы полагаемся на море, и у них много сил уходило на патрулирование.

Коукер считает, что им удалось бы выдержать до тех пор, пока вырастут и станут работать дети, но это потребовало бы огромного напряжения. Когда я их нашел, они колебались недолго. Они тут же стали грузиться на свои рыбачьи лодки, и все они были на острове через пару недель. Когда Коукер узнал, что вы не с нами, он высказал предположение, что вы, вероятно, до сих пор находитесь где-нибудь в этом районе.

— Передайте ему, что за это мы прощаем ему все, — сказала Джозелла.

— Он будет нам очень полезен, — сказал Айвен. — И, судя по тому, что он говорил о вас, вы тоже могли бы быть очень полезны, — добавил он, глядя на меня. — Вы ведь биохимик, да?

— Биолог, — сказал я. — И немного биохимик.

— Это уже тонкости. Главное в другом. Микаэль попытался проделать кое-какие исследования, которые бы дали способ разделаться с триффидами по-научному. Найти такой способ необходимо, если мы намерены вообще чего-нибудь добиться. Но беда в том, что работают у нас над этим несколько человек, которые едва помнят школьную биологию. Как вы думаете, что, если вам сделаться профессором? Это было бы стоящее дело.

— Не знаю дела более стоящего, — сказал я.

— Значит ли это, что вы приглашаете на свой остров нас всех? — спросил Деннис.

— Во всяком случае, для «взаимной оценки», — ответил Айвен. — Билл и Джозелла, наверное, помнят наши принципы, изложенные в тот вечер в университете. Эти принципы действуют и поныне. Мы не собираемся реставрировать старое, мы хотим построить нечто новое и лучшее. Некоторым это не нравится. Они для нас бесполезны. Мы просто не можем позволить себе иметь оппозицию, которая будет стараться увековечить старые, скверные черты прежнего мира. Мы предпочитаем, чтобы люди, которые этого хотят, жили где-нибудь в другом месте.

— В данных обстоятельствах «другое место» — это не очень щедрое предложение, — заметил Деннис.

— О, я вовсе не хочу сказать, будто мы вышвыриваем их назад на съедение триффидам. Но таких людей было много, для них нужно было найти отдельное место, и вот одна компания переправилась на острова Чэннел и принялась их чистить, как мы чистили свой Уайт. Сейчас там человек сто. Они живут тоже вполне благополучно.

У нас принята система взаимной оценки. Новоприбывшие проводят с нами шесть месяцев, затем их дело заслушивается в совете. Если им не нравятся наши обычаи, они так и говорят; если нам они не подходят, мы тоже так и говорим. Если они нам подходят, они остаются; если нет, мы провожаем их на острова Чэннел или обратно на Большую землю, если это им предпочтительнее.

— Что-то в этом есть от диктатуры, — сказал Деннис. — А как формируется этот ваш совет?

Айвен покачал головой:

— Долго рассказывать. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Если мы вам понравимся, вы останетесь. Но если даже нет, то все равно, по-моему, на островах Чэннел вам будет лучше, чем здесь через несколько лет.

* * *

Вечером, когда Айвен попрощался с нами и его вертолет скрылся на юго-западе, я вышел и сел на свою излюбленную скамейку в углу сада.

Я глядел через долину, где когда-то зеленели аккуратные и ухоженные сады. Теперь они снова вернулись к первобытному состоянию. Необработанные поля заросли кустарником и тростниками, там и сям блестели застойные лужи. Крупные деревья медленно погружались в пропитанную водой почву.

Я вспоминал Коукера и его слова о руководителе, учителе и враче, и я думал об усилиях, которые потребуются, чтобы прокормить нас всех с этих немногих акров. О том, как подействуют на каждого из нас тюремное заключение и полная изоляция. О троих слепых, которые к старости будут все острее сознавать свою бесполезность и в конце концов впадут в отчаяние. О Сюзен, которой нужен будет муж и дети. О Дэвиде, и о дочке Мэри, и о будущих детях, которым суждено сделаться батраками, едва они окрепнут. О Джозелле и о себе, о том, как с годами нам придется гнуть спину все усерднее, чтобы прокормить тех, кто появится на свет, и о том, что все больше нужно будет трудиться вручную.

И были еще триффиды, которые терпеливо ждут своего часа. Я видел сотни их, стоящих плотной темно-зеленой стеной позади ограды. Необходимо было открыть что-то, чтобы справиться с ними. Нужен какой-то естественный враг, какой-то яд, какой-то вирус. Для этого необходимо время, свободное от всякой другой деятельности. И как можно скорее. Время работало на триффидов. Им оставалось только ждать, а мы истощали свои ресурсы. Сначала горючее, затем не останется проволоки, чтобы чинить ограды. А они или их потомки будут ждать и ждать, пока проволока проржавеет насквозь...

И все же Ширнинг стал нашим домом. Я вздохнул.

В траве зашелестели легкие шаги. Подошла Джозелла и села рядом. Я обнял ее за плечи.

— Что думают об этом они? — спросил я.

— Они очень переживают, бедняги. Им трудно понять, что триффиды ждут их, ведь они даже не видят их. Слепым, должно быть, ужасно переезжать в совершенно новое место. Они ведь знают только то, что мы говорим им. По-моему, они вряд ли представляют себе, что жить здесь скоро станет невозможно. Если бы не дети, они решительно бы отказались. — Она помол-

чала, затем добавила: — Понимаешь, это их дом, это все, что у них осталось. То есть это они так думают. В действительности это уже не только их дом, он и наш — не так ли? Мы много поработали для него. — Она положила ладонь на мою руку. — Ты его создал, Билл, и сохранил для нас. Как ты думаешь, может быть, нам подождать здесь еще год-другой?

— Нет, — сказал я. — Я работал потому, что все держалось на мне. А теперь это представляется мне напрасным.

— Милый, не надо! Подвиги странствующих рыцарей не бывают напрасны. Ты дрался за всех нас и отражал драконов.

— Главным образом из-за детей, — сказал я.

— Да... из-за детей, — согласилась она.

— И ты знаешь, меня все время преследовали слова Коукера: первое поколение — батраки, следующее — дикари... Надо, пока не поздно, признать поражение и немедленно уходить.

Она сжала мне руку:

— Не поражение, Билл, а всего лишь — как это называется? — стратегическое отступление. Мы отступаем, чтобы работать и подготовить возвращение сюда. Мы ведь вернемся. Ты научишь нас, как стереть с лица земли этих гнусных триффидов, всех до единого, и отобрать у них нашу землю.

— Как ты веришь в меня, радость моя.

— Почему бы и нет?

— Что ж, я буду по крайней мере бороться. Но сначала мы переедем. Когда?

— Как по-твоему, нельзя ли нам провести лето здесь? Это было бы для всех нас вроде каникул... нам ведь не нужно теперь готовиться к зиме. А каникулы мы с тобой заслужили.

— Хорошо, — согласился я.

Мы сидели и смотрели, как долина растворяется в сумерках. Джозелла сказала:

— Как странно, Билл. Теперь, когда я могу бросить все это, мне не хочется уезжать. Иногда наш дом представлялся мне тюрьмой... а теперь я чувствую себя предателем. Понимаешь, я... Несмотря на все, я была здесь счастлива. Счастливее, чем когда-либо в моей жизни.

— Что до меня, родная, то я вообще раньше не жил. Но у нас будут еще лучшие времена... Это я тебе обещаю.

— Глупо, конечно, но я буду плакать, когда придет время уезжать. Я наплачу бочки слез. Ты не обращай на меня внимания.

Однако получилось так, что плакать нам было некогда.

ГЛАВА 17
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Джозелла была права: торопиться нужды не было. За лето я рассчитывал подыскать на острове подходящий дом и в несколько рейсов переправить туда самое ценное из собранных нами запасов и оборудования. Но между тем дрова наши пропали, а нам необходимо было топливо для кухни. На следующее утро мы с Сюзен отправились за углем.

Вездеход для этого не годился, и мы взяли грузовик с четырьмя ведущими колесами. Хотя ближайший угольный склад на железной дороге был от нас всего в десяти милях, нам пришлось из-за плохих дорог и объектов проездить почти весь день. Никаких неприятных происшествий с нами не случилось, но вернулись мы только к вечеру.

Миновав последний поворот на проселке (причем триффиды хлестали по грузовику с обеих сторон так же неутомимо, как всегда), мы в изумлении вытаращили глаза. Во дворе перед нашим домом стояла странная, чудовищного вида машина. Это зрелище так оглушило нас, что некоторое время мы сидели и глазели на нее с открытыми ртами. Затем Сюзен надела шлем и перчатки и вылезла открыть ворота.

Мы поставили грузовик на место, подошли к диковинной машине и оглядели ее. Шасси у нее было на гусеницах, что свидетельствовало о ее военном происхождении. Она производила впечатление чего-то среднего между закрытым бронетранспортером и самодельным домиком на колесах. Мы с Сюзен переглянулись, подняв брови, и пошли в дом.

В холле мы обнаружили наших домочадцев и еще четырех незнакомых мужчин в одинаковых серо-зеленых лыжных костюмах. Двое из них были при пистолетах в кобурах на правом бедре; остальные двое были вооружены автоматами, которые они положили на пол рядом с собой.

Когда мы вошли, Джозелла повернулась к нам. Лицо у нее было каменное.

— Это мой муж. Билл, это мистер Торренс. Он сказал нам, что является официальным лицом. У него есть к нам предложение. — Мне никогда не приходилось слышать, чтобы она говорила таким ледяным тоном.

На секунду язык у меня прирос к гортани. Человек, на которого она указала, не узнал меня, но я-то запомнил его хоро-

шо. Лицо, глядевшее на тебя через прорезь прицела, отпечатывается в памяти на всю жизнь. И вдобавок эти приметные рыжие волосы. Я отлично помнил, как этот деятельный молодой человек обошелся с моей командой в Хэмпстеде. Я кивнул ему. Он произнес, глядя на меня:

— Насколько я понимаю, вы здесь хозяин, мистер Мэйсен.

— Дом принадлежит мистеру Бренту, — ответил я.

— Я хочу сказать, что вы организатор этой группы.

— Пожалуй, — сказал я.

— Прекрасно. — На лице его было такое выражение, словно он говорил: «Ну вот, мы и достигли кое-чего». — Я являюсь командиром Юго-Восточного района, — заявил он.

Видимо, я должен был понять, что это значит. Но я не понял и сообщил ему об этом.

— Это означает, — пояснил он, — что я являюсь старшим должностным лицом чрезвычайного комитета для Юго-Восточного района Британских островов. В таковом качестве на мне лежит обязанность надзора за распределением и размещением личного состава.

— Ну и ну, — сказал я. — Впервые слышу об этом... э... комитете.

— Возможно. Мы тоже не подозревали о существовании вашей группы, пока не заметили вчера дым пожара.

Я промолчал.

— Когда мы обнаруживаем такую группу, — продолжал он, — я обязан обследовать ее и определить сумму налогов, а также произвести необходимые изменения в ее составе. Таким образом, вы можете считать, что я здесь с официальным визитом.

— От официального комитета... — сказал Деннис. — Или, может быть, это самозваный комитет.

— Должен быть закон и порядок, — напыщенно произнес Торренс. Затем, изменив тон, он сказал: — У вас здесь удобное место, мистер Мэйсен.

— Это не у меня, а у мистера Брента, — поправил я.

— Оставим мистера Брента. Он здесь только потому, что вы согласились содержать его.

Я взглянул на Денниса. Лицо его застыло.

— Тем не менее это его собственность, — заметил я.

— Была, я так понимаю. Но общества, давшего ему санкцию на собственность, больше не существует. Поэтому право на владение исчезло. Более того, мистер Брент слепой и, таким образом, никак не может считаться достаточно компетентным.

— Ну и ну, — снова сказал я.

Этот молодой человек со своими решительными манерами не понравился мне еще в первую нашу встречу. И мое впечатление о нем не улучшилось в ходе нашего разговора. Он продолжал:

— Дело идет о жизни и смерти. Чувства не должны мешать необходимым практическим мероприятиям. Теперь так. Миссис Мэйсен сообщила мне, что здесь у вас восемь человек. Пятеро взрослых, вот этот подросток и двое детей. И за исключением этих трех, — он показал на Денниса, Мэри и Джойс, — все зрячие.

— Это так, — согласился я.

— Гм. Это, знаете ли, совершенно непропорционально. Боюсь, что здесь придется кое-что изменить. В наше время необходимо быть реалистами.

Джозелла поймала мой взгляд. В ее глазах я увидел предупреждение. Но я и без того не собирался бушевать. Я уже видел прямолинейные методы рыжеволосого человека в действии, и мне нужно было получше узнать, против чего придется бороться. Видимо, он понял, что я горю любопытством.

— Давайте лучше я посвящу вас во все подробности, — сказал он. — Вкратце дело обстоит так. Штаб района находится в Брайтоне. В Лондоне очень скоро стало слишком неудобно. В Брайтоне мы очистили часть города и установили там карантин. Брайтон достаточно велик. Когда прошла чума и мы получили возможность как следует оглядеться, оказалось, что в окрестностях имеется множество складов. Однако этот путь для нас теперь закрывается. Дороги сильно ухудшились: ездить приходится далеко. Этого следовало ожидать, разумеется. Правда, мы считали, что можем продержаться на несколько лет дольше, но получилось иначе. Возможно, мы с самого начала набрали слишком много людей. Как бы то ни было, мы должны расселиться. Единственный мыслимый путь — это жить на продукты с земли. Для этого нам нужно разбиться на мелкие группы. Стандартная группа установлена такая: один зрячий на десять слепых плюс неограниченное число детей.

У вас здесь удобное место, оно вполне может прокормить две группы. Мы закрепим за вами семнадцать слепых, тогда всего их у вас будет ровно двадцать плюс, конечно, дети, которые у них родятся.

Я с изумлением воззрился на него:

— И вы серьезно убеждены, что на продукты с этой земли могут прожить двадцать человек и их дети? Послушайте, да это же совершенно невозможно! Мы сомневались, проживем ли мы с этой земли сами.

Он уверенно кивнул:

— Очень даже возможно. Я предлагаю вам командование двойной группой, которую мы здесь разместим. Честно говоря, если вы откажетесь, мы поставим здесь кого-нибудь другого, кто не откажется. В такие времена нельзя позволить себе расточительность.

— Да взгляните вы на поле, — сказал я. — Оно просто не прокормит столько людей.

— Уверяю вас, что прокормит, мистер Мэйсен. Разумеется, вам придется немного снизить жизненный уровень — всем нам придется на ближайшие несколько лет, но, когда подрастут дети, вы получите новые рабочие руки и сможете расширить хозяйство. Согласен, лично для вас это будет означать тяжелый труд в течение шести или семи лет, здесь уж ничего не поделаешь. Но затем вы станете постепенно освобождаться, и в конце концов за вами останутся только руководство и надзор. Это будет, несомненно, щедрой наградой за трудные годы, как вы считаете?

Какое будущее ждало бы вас, если бы вы остались в нынешнем положении? Только тяжелый труд, пока вы не умрете на борозде, а вашим детям придется продолжать тянуть ту же лямку, и все для того лишь, чтобы просто выжить. Откуда при такой системе возьмутся будущие вожди и администраторы? На вашем прежнем пути вы будете выбиваться из сил и останетесь в том же положении еще двадцать лет, и все ваши дети вырастут деревенщиной. На нашем пути вы станете главою клана, который будет работать на вас, и вы передадите его в наследство вашим сыновьям.

До меня начало доходить. Я сказал с удивлением:

— То есть вы предлагаете мне что-то вроде... феодального владения?

— Ага, — сказал он, — вот вы и начали понимать. Для нынешнего положения вещей именно это является очевидной и совершенно естественной формой социальной и экономической организации.

Не было никакого сомнения в том, что этот человек говорит совершенно серьезно. Я не стал спорить и повторил снова:

— Но эта ферма просто не сможет прокормить столько человек.

— В течение нескольких лет вам придется, конечно, кормить их главным образом толчеными триффидами. Насколько можно судить, в этом сырье недостатка не будет.

— Пища для скота! — сказал я.

— Но зато очень питательная. Мне говорили, что она содержит массу витаминов. Нищим же — особенно слепым нищим — выбирать не приходится.

— И вы серьезно полагаете, что я должен взять этих людей и держать их на силосе?

— Послушайте, мистер Мэйсен. Если бы не мы с вами, никого из этих слепых не было бы сейчас в живых. И никого из этих детей. Им надлежит делать то, что мы им приказываем, брать, что мы им даем, и благодарить нас за все, что они получают. Если они откажутся от того, что мы им предлагаем... ну что ж, царство им небесное.

Я решил, что сейчас было бы неразумно высказывать ему свои чувства по поводу его философии. Я начал с другого конца:

— Я как-то не пойму... Скажите, а какую роль играете во всем этом вы и ваш комитет?

— В руках комитета верховная администрация и законодательная власть. Он будет править. Кроме того, он будет контролировать вооруженные силы.

— Вооруженные силы, — повторил я тупо.

— Разумеется. Когда это станет необходимо, мы создадим вооруженные силы путем рекрутского набора в феодальных владениях, как вы это называете. Взамен вы получите право взывать к комитету в случае нападения извне или внутренних мятежей.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

— Армия! Конечно, это будет небольшой подвижной отряд полицейских сил?..

— Я вижу, вы узко мыслите, мистер Мэйсен. Бедствие, как вы знаете, не ограничилось нашими островами. Оно было всемирным. Всюду царит одинаковый хаос — это несомненно, иначе мы бы уже знали сейчас, что где-то положение иное, и в каждой стране, вероятно, есть свои уцелевшие. Ну так вот, рассудок подсказывает нам, что первая страна, которая вновь встанет на ноги и приведет себя в порядок, будет иметь наилучшие шансы привести в порядок и все остальные. Как по-вашему, можем мы оставить эту задачу какой-нибудь другой стране и дать ей сделаться новой доминирующей силой в Европе, а то и

во всем мире? Очевидно, нет. Ясно, что нашим национальным долгом является как можно скорее встать на ноги и взять на себя статус ведущей державы, с тем чтобы противостоять возможной опасной оппозиции. Поэтому чем скорее мы создадим вооруженные силы, способные вселить страх в любого агрессора, тем будет лучше.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина. Затем Деннис неестественно засмеялся:

— Всемогущий Боже! Мы пережили такое... а теперь этот человек предлагает начать войну!

Торренс резко возразил:

— Видимо, я выразился недостаточно ясно. Слово «война» является неоправданным преувеличением. Речь идет об умиротворении и должном наставлении племен, вернувшихся к первобытному беззаконию.

— Если только та же благодатная идея не пришла в голову этим самым племенам, — пробормотал Деннис.

Я заметил, что Джозелла и Сюзен очень пристально глядят на меня. Джозелла показала глазами на Сюзен, и я понял.

— Давайте поставим точки над i, — сказал я. — Вы считаете, что мы, трое зрячих, можем взять на себя полную ответственность за двадцать взрослых слепых и за какое-то число их детей. Мне представляется...

— Слепые не совсем беспомощны. Они могут делать многое, в том числе для своих собственных детей, и они могут помогать готовить для себя пищу. При должной организации забота о них во многих отношениях сводится к надзору и руководству. Но вас будет здесь не трое, мистер Мэйсен, а двое: вы и ваша жена.

Я посмотрел на Сюзен, сидевшую очень прямо в своем голубом костюмчике, с красной ленточкой в волосах. Она переводила взгляд с меня на Джозеллу, и в глазах ее была горячая мольба.

— Трое, — сказал я.

— Мне очень жаль, мистер Мэйсен. На группу положено десять человек. Девочку мы возьмем в штаб. Мы подыщем для нее какую-нибудь полезную работу, а когда она подрастет, мы дадим ей группу.

— Мы с женой считаем Сюзен своей дочерью, — резко сказал я.

— Повторяю, мне очень жаль. Но таков закон.

Несколько секунд я глядел на него, а он твердо глядел на меня. И тогда я сказал:

— В таком случае мы требуем в отношении ее твердых гарантий и обязательств.

Мои домочадцы неслышно ахнули. Торренс немного смягчился.

— Естественно, вы получите все практически мыслимые гарантии, — сказал он.

Я кивнул:

— Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Для меня это полная неожиданность. Кое-что приходит в голову уже сейчас. Оборудование у нас износилось. Найти новое, не поврежденное ржавчиной, теперь трудно. И я предвижу, что в ближайшее время мне понадобятся хорошие, сильные рабочие лошади.

— С лошадьми трудно. Сейчас их мало. Некоторое время вам придется в качестве тягла использовать людей.

— Далее, — продолжал я, — относительно жилья. Пристройки малы, а в одиночку я не способен построить даже временные сооружения.

— В этом, кажется, мы можем вам помочь.

Мы обсуждали детали еще минут двадцать. Торренс сделался почти любезен, а затем я спровадил его вместе с его угрюмыми охранниками осматривать в сопровождении Сюзен наше хозяйство.

— Билл, как ты мог?.. — начала Джозелла, едва за ними закрылась дверь.

Я рассказал ей все, что знал о Торренсе и его методе устранять препятствия при помощи огнестрельного оружия.

— Это меня ничуть не удивляет, — заметил Деннис. — Меня удивляет совсем другое, и знаете что? Что я вдруг почувствовал симпатию к триффидам. По-моему, если бы не они, таких гадостей сейчас было бы гораздо больше. И если они смогут воспрепятствовать возрождению крепостного права, то я желаю им всяческой удачи.

— Вся эта идея абсурдна, — сказал я. — У них нет ни малейших шансов. Разве смогли бы мы с Джозеллой содержать такую кучу народа и одновременно еще отбиваться от триффидов? Однако, — добавил я, — мы не можем прямо отказываться от предложения, которое делают четверо вооруженных людей.

— Значит, ты не...

— Милая моя, — сказал я. — Неужели ты всерьез можешь представить меня феодальным сеньором, ударами бича понука-

ющим к работе крепостных и вилланов? Даже если триффиды не сомнут меня до этого...

— Но ты сказал...

— Послушайте, — сказал я. — Уже темнеет. Сегодня они не уедут. Им придется остаться здесь на ночь. Завтра они решат забрать Сюзен с собой — она будет заложницей, отвечающей за наше поведение. И они могут оставить здесь одного или двух охранников, чтобы присматривать за нами. Так вот, я думаю, нам это не подходит Верно?

— Конечно, однако...

— Мне кажется, я убедил его в том, что его идея начала мне импонировать. Сегодня вечером у нас будет ужин, который должен быть воспринят как знак взаимопонимания. Приготовьте хороший ужин. Все ешьте как можно больше. Накормите поплотнее детей. Подайте на стол нашу лучшую выпивку. Проследите, чтобы Торренс и его парни выпили как следует, но сами на спиртное не нажимайте. К концу ужина я на несколько минут выйду. Продолжайте увеселять компанию, чтобы это не бросалось в глаза. Поставьте пластинки с развеселыми песенками или что-либо в этом роде. И все хором подпевайте. Еще одно: ни слова о Микаэле Бидли и его группе. Торренс, должно быть, знает о колонии на Уайте, но незачем давать ему понять, что мы тоже знаем. А теперь мне нужен мешок сахару.

— Сахару? — растерянно спросила Джозелла.

— Нет? Ну, тогда большой бидон меда. Мне кажется, мед тоже подойдет.

За ужином каждый сыграл свою роль прекрасно. Компания не только оттаяла, она по-настоящему оживилась. Джозелла в добавление к ортодоксальным напиткам выставила крепкую брагу собственного изготовления, которая была принята благосклонно. Когда я потихоньку вышел, гости были в состоянии приятной расслабленности.

Я подхватил узел с одеялами и одеждой и пакет с едой, лежавшие наготове, и поспешил через двор к сараю, где находился вездеход. При помощи шланга я доверху наполнил баки вездехода из цистерны, в которой мы держали наши основные запасы бензина. Затем я занялся диковинной машиной Торренса. Подсвечивая себе фонариком, я с некоторым трудом нашел крышку карбюратора и залил в бак литра полтора меду. Остальной мед из большого бидона я опростал в цистерну.

Мне было слышно, как поет и шумит компания. Добавив к вещам, уже уложенным в вездеход, кое-что из триффидного снаряжения и других мелочей, я вернулся в дом и присоединился к пирующим. Вечер закончился в атмосфере, которую даже внимательный наблюдатель принял бы за доброжелательную.

Мы дали им два часа, чтобы заснуть покрепче.

Поднялась луна, и двор был залит белым светом. Я забыл смазать дверь в сарае, и она отчаянно заскрипела. Остальные уже гуськом двигались ко мне. Бренты и Джойс хорошо знали двор, поэтому поводырь им не требовался. Следом за ними шли с детьми на руках Джозелла и Сюзен. Дэвид сонно захныкал, но Джозелла быстро прикрыла ему рот ладонью. Не выпуская его из рук, она вскарабкалась в кабину. Остальных я усадил позади и закрыл дверцу. Затем я забрался на водительское место, поцеловал Джозеллу и перевел дыхание.

На другой стороне двора триффиды теснились у самых ворот, как всегда, если их не трогали несколько часов.

Волею провидения двигатель вездехода завелся моментально. Я включил первую передачу, объехал машину Торренса и двинулся прямо на ворота. Тяжелый бампер с треском ударил в створки. Мы рванулись вперед, волоча за собой фестоны из проволоки и сломанных досок, сбили дюжину триффидов и под градом яростных ударов жалами миновали остальных. Затем мы помчались по проселку.

Там, где поворот на подъеме давал возможность еще раз увидеть Ширнинг, я затормозил и выключил двигатель. В нескольких окнах горели огни, затем вспыхнули фары машины и залили дом ярким светом. Зарычал стартер. Послышались выхлопы, и у меня слегка екнуло сердце, хотя я знал, что скорость нашего вездехода в несколько раз превосходит скорость этого неуклюжего устройства. Машина начала рывками разворачиваться на гусеницах передом к воротам. Не успела она закончить разворот, как ее двигатель зафыркал и смолк. Снова зарычал стартер. Он рычал и рычал, раздраженно и безрезультатно.

Триффиды уже обнаружили, что ворота опрокинуты. В лунном сиянии и свете фар мы видели, как их высокие тонкие силуэты, раскачиваясь на ходу, торопливой процессией вливаются во двор; другие триффиды ковыляли вниз по склонам долины, чтобы последовать за ними...

Я поглядел на Джозеллу. Она не наплакала бочек слез: она вообще не плакала. Она посмотрела на меня, затем на Дэвида, спавшего у нее на руках.

— У меня есть все, что мне по-настоящему нужно, — сказала она. — И когда-нибудь ты приведешь нас сюда обратно, Билл.

— Это очень славно, когда жена так уверена в муже, радость моя, но... Нет, черт возьми, никаких «но». Я приведу вас сюда снова, — сказал я.

Я вышел, чтобы удалить с крыльев вездехода обломки ворот и стереть яд с ветрового стекла, чтобы мне видна была дорога прочь отсюда, через вершины холмов на юго-запад.

Здесь мой рассказ о себе объединяется с историей остальных. Вы найдете ее в великолепных хрониках колонии, принадлежащих перу Элспет Кэри.

Наши надежды сосредоточены теперь здесь. Вряд ли что-нибудь выйдет из неофеодального плана Торренса, хотя несколько его феодальных владений сохранилось до сих пор. Насколько мы знаем, они влачат весьма жалкое существование. Их стало гораздо меньше, чем было. Айвен то и дело докладывает, что пало еще одно феодальное поместье и что осаждавшие его триффиды разбрелись, чтобы принять участие в других осадах.

Таким образом, задачу, стоявшую перед нами, будем выполнять мы сами, без посторонней помощи. Теперь уже виден путь, но придется затратить еще много усилий и выполнить много исследований. А потом наступит день, и мы (или наши дети) переправимся через узкие проливы и погоним триффидов, неустанно истребляя их, пока не сотрем последнего из них с лица земли, которую они у нас отняли.

Куколки

1

Когда-то, совсем маленьким, я часто видел во сне город. Было это очень странно, потому что начал он мне сниться задолго до того, как я узнал, что это такое. И все-таки именно город, раскинувшийся на берегу большого голубого залива, представал передо мной снова и снова. Я мог рассматривать улицы и окаймляющие их здания и даже лодки в гавани, а между тем наяву я никогда не видел ни моря, ни лодки.

И дома отличались от тех, что я знал, и движение на улицах тоже было странным: повозки бегали без лошадей; а в небе иногда пролетали какие-то блестящие штуки, похожие на рыб. Наверняка это были не птицы.

Чаще всего я видел это изумительное место в дневном свете, но иногда он являлся мне погруженным во тьму ночи, и тогда огни его извивались вдоль берега, как гирлянды светляков, а некоторые из них искрами сияли в море или в небе.

Это было столь завораживающе красиво, что однажды — я был тогда еще слишком мал, чтобы понимать, что делаю — я спросил мою старшую сестру Мэри, где может находиться этот чудесный город. Она покачала головой и сказала, что на свете нет такого места — сейчас нет. Но может быть, продолжала она, я каким-то образом смог увидеть во сне то, что было давным-давно. Сны — забавная вещь, неизвестно, почему они именно такие, а не иные. Так что, возможно, я увидел кусочек прекрасного мира, того замечательного мира, в котором жили прежние люди. Увидел то, что было когда-то, еще до того, как Бог наслал на мир Бедствие.

Она очень строго предупредила меня, чтобы я никому об этом не рассказывал: насколько ей известно, другим людям та-

кие картины не приходят в голову ни во сне, ни наяву, так что говорить об этом неразумно.

Это был хороший совет, и, к счастью, у меня хватило ума последовать ему. В этом округе у людей был острый глаз на все странное и необычное, и даже то, что я левша, вызывало у окружающих неодобрение.

Поэтому и тогда, и следующие несколько лет я никому не говорил об этих снах. Я даже забыл о них, потому что по мере того, как я становился старше, они снились мне все реже и реже. Однако совет старшей сестры я запомнил накрепко. Если бы не он, я, возможно, рассказал бы кому-нибудь еще и о том странном взаимопонимании, которое установилось у меня с моей двоюродной сестрой Розалиндой. Ведь если бы на это обратили внимание, нам с ней наверняка пришлось бы худо. Но в то время ни она, ни я не придавали этому никакого значения: у нас просто выработалась привычка к осторожности. Я, безусловно, не чувствовал себя необычным. Я был нормальным мальчишкой, нормально подрастал и все окружающее в мире принимал как должное.

Так продолжалось до того дня, когда я встретил Софи. Впрочем, даже тогда перемена произошла не сразу. Это теперь, оглядываясь назад в прошлое, я могу сказать, что именно в тот самый день у меня зародились первые сомнения.

В тот день я отправился бродить в одиночку. Я часто так делал. Мне было тогда около десяти лет. Ближайшая ко мне по возрасту сестра, Сара, была на пять лет старше меня, и эта разница в годах приводила к тому, что часто я играл один. Отправившись по проселочной дороге на юг, вдоль полей, я добрался до высокого вала и прошел по его гребню довольно много.

Вал не казался мне загадочным. Он был слишком велик для того, чтобы считать его чем-то, что когда-то давно построили люди, и мне никогда не приходило в голову связать его с теми удивительными делами Прежних Людей, рассказы о которых я иногда слышал. Это был просто вал, изгибавшийся широкой дугой, а потом уходивший, прямой как стрела, к далеким холмам. Обычный фрагмент мира, и ему точно так же не стоило удивляться, как реке, небу или самим этим холмам.

Я часто ходил по гребню вала, но редко спускался на другую его сторону. Я считал ее чужой, не столько враждебной, сколько не своей территорией. Я нашел там одно место, где дождь, стекая с дальнего склона вала, промыл в песке большой

овраг, и обнаружил, что если сесть в нем и хорошенько оттолкнуться, то можно съехать вниз с довольно большой скоростью, а в конце пролететь несколько футов по воздуху и приземлиться в мягкий песок у подножия вала.

Я бывал там, наверное, раз шесть и никогда никого не встречал, но в тот день, когда я поднимался с песка в третий раз и готовился съехать в четвертый, чей-то голос сказал: «Привет!»

Я огляделся. Сначала я не мог понять, откуда шел голос, но потом мое внимание привлекла колышущаяся верхушка кустов. Ветки раздвинулись, и оттуда выглянуло лицо. Загорелое личико, обрамленное темными кудряшками, очень серьезное, с ярко блестевшими глазами. С минуту мы рассматривали друг друга, потом я ответил: «Привет!»

Немного погодя кусты раздвинулись шире, и я увидел девочку чуть ниже меня ростом и вроде бы немного младше. На ней были красно-коричневый комбинезон и желтая рубашка. Крест, вышитый на комбинезоне, выделялся более темным цветом. Ее волосы удерживались с двух сторон желтыми лентами. Несколько секунд она не двигалась, словно не решаясь покинуть свое убежище, но затем любопытство одержало верх над осторожностью, и она вылезла из кустов.

Я разглядывал ее во все глаза, потому что она была совершенно мне незнакома. У нас время от времени устраивались праздники или увеселительные прогулки, на которые съезжались дети со всей округи, так что встретить здесь кого-то, ранее не виденного, было просто удивительно.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Софи, — ответила она. — А тебя?

— Дэвид. Где ты живешь?

— Там. — Она неопределенно махнула рукой в сторону чужой местности за валом и перевела взгляд на песочную промоину, по которой я скатывался. — Это интересно? — спросила она, жадно глядя туда.

Я поколебался минуту, потом ответил:

— Здорово! — и предложил: — Давай попробуй сама.

Она отступила, снова перевела взгляд на меня и секунду или две изучала меня с очень серьезным выражением лица, а потом внезапно решилась. На вершину вала она забралась раньше меня и быстро съехала по промоине. Кудри и ленты ее развевались. Когда я приземлился вслед за ней, ее серьезность исчезла, а глаза сверкали от возбуждения и удовольствия.

— Еще! — вскрикнула она и, не отдышавшись, полезла наверх. Несчастье случилось, когда она съезжала в третий раз. Она села и оттолкнулась, как и раньше. Я смотрел, как она летела вниз, а потом замерла в куче песка. Она умудрилась приземлиться на фут левее обычного места. Я приготовился съезжать следом и ждал, пока она освободит мне место, но она не отодвигалась.

— Ну, давай же, — поторопил я ее.

Она попробовала подняться, а потом крикнула:

— Я не могу, больно!

Я рискнул съехать сбоку оврага и приземлился около нее.

— В чем дело? — спросил я. Ее лицо сморщилось, в глазах стояли слезы.

— Нога застряла, — сказала она.

Левая нога ее была засыпана рыхлым песком. Я разгреб его руками. Башмак попал в узкую щель между двумя выступающими камнями и застрял. Я попытался его вытащить, но он не поддавался.

— Может быть, как-нибудь вытянешь ногу, — предложил я.

Мужественно сжав зубы, она попыталась.

— Не выходит.

— Я помогу тебе, — предложил я.

— Нет, нет, больно, — запротестовала она.

Я не знал, что делать дальше. Было видно, что ей очень больно. Подумав, я предложил:

— Лучше всего разрезать шнурки в башмаке, чтобы ты могла вынуть ногу. Я не могу добраться до узла.

— Нет! — Она испугалась. — Нет, мне нельзя!

Она сказала это с такой убежденностью, что я растерялся. Если бы она вынула ногу из башмака, мы могли бы потом камнем выбить его из расщелины, но она этого не хотела, и я вообще не знал, что делать. Она лежала в песке навзничь, согнутое колено застрявшей ноги торчало вверх.

— Ой, как больно! — Она больше не могла сдерживать слезы. Они ручьем бежали по лицу. Но даже в эту минуту она не орала во весь голос, а только повизгивала, как щенок.

— Ты должна снять башмак, — сказал я.

— Нет, — повторила она, — нет, мне нельзя. Никогда. Я не должна...

Я растерянно сел рядом. Двумя руками она крепко держалась за мою руку и плакала. Было ясно, что боль в ноге усили-

вается. Практически первый раз в жизни я оказался в ситуации, когда должен был принимать решение сам. И я решился.

— Ничего не поделаешь. Тебе придется снять башмак — и если ты этого не сделаешь, то останешься здесь насовсем и, наверное, умрешь.

Она согласилась не сразу, но в конце концов поддалась уговорам. С опаской наблюдала она за тем, как я разрезал шнурки, а потом сказала:

— Уйди, ты не должен смотреть.

Я заколебался. Но детство — это пора жизни, полная необъяснимых, но важных условностей, поэтому я отодвинулся на несколько ярдов и повернулся к ней спиной. Я слышал, как она тяжело дышала, а потом снова заплакала. Я обернулся.

— Не получается, — сказала она, испуганно глядя на меня сквозь слезы.

Я опустился на колени, чтобы посмотреть, чем я могу помочь.

— Ты не должен никому рассказывать, — сказала она, — никогда, никогда. Обещай.

Держалась Софи очень храбро, лишь издавая какое-то щенячье повизгивание. Когда я наконец освободил ногу, она выглядела ужасно: вся распухла и была как-то вывернута. Я даже не обратил внимания, что пальцев на ней больше обычного...

Мне удалось выколотить ботинок из расщелины, но надеть его на распухшую ногу было невозможно. Наступать на нее она тоже не могла. Я подумал, что смогу понести ее на спине, но оказалось, что Софи тяжелее, чем я ожидал. Было ясно, что таким образом мы далеко не уйдем.

— Надо найти кого-нибудь и позвать на помощь, — сказал я.

— Нет, я поползу, — ответила она.

Я шел рядом с ней, нес ее ботинок и чувствовал себя бесполезным. Она бойко проползла на удивление большое расстояние, но потом была вынуждена остановиться. Ее брюки на коленках разорвались, и кожу она стерла до крови. Никогда я не встречал ни мальчишки, ни девчонки, которые смогли бы вытерпеть такое, и был просто потрясен. Я помог ей подняться на здоровой ноге и удерживал ее стоя, пока она показывала, где находится ее дом и дымок, на который мне нужно идти. Когда я оглянулся, она на четвереньках пряталась в кусты.

Дом я нашел без труда и, волнуясь, постучал в дверь. Открыла высокая женщина с красивым добрым лицом и больши-

ми яркими глазами. Ее красно-коричневое платье было немного короче, чем те, что носили женщины у нас дома, но общепринятый крест на нем тянулся от шеи через грудь до самого подола. Он был зеленого цвета, в тон ее головному платку.

— Вы мама Софи? — спросил я.

Она настороженно посмотрела на меня и нахмурилась.

— В чем дело? — От волнения она говорила отрывисто.

Я рассказал все.

— Ее нога! — воскликнула она. Мгновение она пристально смотрела на меня, потом поставила метлу, которую держала в руках, к стене и коротко спросила:

— Где она?

Я повел ее той же дорогой, которой пришел к дому. Услышав ее голос, Софи выползла из кустов. Мать посмотрела на ее распухшую, бесформенную ногу и кровоточащие коленки.

— Бедная моя девочка, — сказала она, обнимая и целуя Софи. А потом спросила:

— Он видел?

— Да, мама, — сказала Софи. — Прости меня, мама, я очень старалась, но сама ничего не смогла сделать, а мне было очень больно.

Мать медленно кивнула и вздохнула:

— Ладно, ничего не поделаешь. Залезай.

Софи забралась на спину матери, и мы отправились к ним домой.

Заповеди и наставления, которые в детстве учишь наизусть, можно помнить дословно, но должным смыслом они наполняются, лишь когда сам столкнешься с этим в жизни. И даже в этом случае еще нужно суметь разглядеть в сложившейся ситуации иллюстрацию того, что когда-то было просто заучено.

Поэтому, терпеливо наблюдая, как раненую ногу Софи обмывают, накладывают на нее холодный компресс и перевязывают, я не усмотрел никакой связи между этой ногой и тем утверждением, которое слышал каждое воскресенье.

«И Бог создал мужчину по образу своему и подобию. И Бог поведал, что у мужчины будет одно тело, одна голова, две руки и две ноги, что у каждой руки будет два сочленения, и она будет заканчиваться одной кистью, и каждая кисть должна иметь пять пальцев, и на каждом пальце должен быть плоский ноготь». И так далее до...

«Затем Бог создал женщину, по тому же образу и подобию, но с отличиями в соответствии с ее природой: голос ее должен быть выше, чем у мужчины. У нее не должна расти борода, у нее должны быть две груди...» И так далее...

Я знал это слово в слово, и все-таки вид шести пальцев на ноге у Софи ничего мне не напомнил. Я видел, как ее нога лежала на коленях у матери. Видел, как мать, посмотрев на нее долгим взглядом, приподняла ее, наклонила голову, нежно поцеловала и подняла к небу глаза, полные слез. Мне было жаль ее, жаль Софи, жаль больную ногу, но ничего больше я не увидел.

Пока делали перевязку, я с любопытством огляделся вокруг. Их жилище было гораздо меньше нашего, скорее домик, чем дом. Но мне здесь понравилось больше, чем у нас. Он был дружелюбный.

Хотя мать Софи была озабочена и взволнованна, я не чувствовал, что мешаю, как часто бывало дома, где я всегда оказывался нарушителем спокойной и размеренной жизни. Сама эта комната мне приглянулась, потому что на стенах не было назидательных надписей, которые всегда можно использовать как доказательство чьей-либо неправоты. Вместо них висели рисунки лошадей, тоже очень мне понравившиеся.

Вскоре успокоенная Софи умыла слезы и прыжками добралась до стола. С важным видом гостеприимной хозяйки она спросила, люблю ли я яйца.

После еды миссис Уэндер попросила меня подождать, пока она отнесет Софи наверх. Через несколько минут она вернулась и села рядом со мной. С серьезным выражением лица она взяла меня за руку и некоторое время молчала. Я очень хорошо чувствовал ее волнение, хотя поначалу не мог понять, чем она так обеспокоена. Она меня удивила, потому что до сих пор ничто не говорило о том, что она умеет думать таким образом. Я послал ей мысль, пытаясь успокоить и объяснить ей, что она не должна бояться меня, но мои мысли до нее не добирались. Она продолжала смотреть на меня блестящими глазами, такими же, какие были у Софи, когда она изо всех сил старалась не заплакать. Ее собственные мысли были бесформенны и беспокойны. Я снова попытался послать ей внутреннее сообщение, но она не смогла его уловить.

Потом она медленно кивнула и сказала: «Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был очень добр к Софи. Я хочу поблагодарить тебя за это». Мне стало неловко, и я принялся разглядывать

свои башмаки. Мне еще никто никогда не говорил, что я хороший мальчик, и я не знал, как надо на это отвечать.

— Тебе нравится Софи? — продолжала она, внимательно глядя на меня.

— Да, — сказал я и добавил: — Я считаю, что она очень храбрая. Ей ведь было очень больно.

— Можешь ты ради нее хранить тайну? Очень важную тайну! — спросила она.

— Да, конечно, — согласился я немного неуверенно, потому что не мог понять, о какой тайне идет речь.

— Ты видел ее ногу? — сказала она, пристально глядя мне в глаза. — Ее пальцы?

— Да, — снова кивнул я.

— Так вот, Дэвид, это и есть тайна. Об этом никто больше не должен знать. Ты единственный человек, который это знает, кроме ее отца и меня. Больше никто не должен знать. Совсем никто, никогда.

— Хорошо, — ответил я и снова кивнул. Наступило молчание. Вернее, утих ее голос, но мысли продолжали звучать, как безутешное отчаянное эхо этих «никто» и «никогда». Потом мысли ее изменились, она внутренне напряглась, стала свирепой и испуганной одновременно. Было бесполезно думать ей в ответ, поэтому я постарался как мог выразить свои мысли словами.

— Никто никогда не узнает, — повторил я убеждающе.

— Это очень, очень важно, — настаивала она, — как бы мне объяснить тебе это...

На самом деле ей ничего не надо было мне объяснять. Устойчивое, напряженное ощущение серьезности произошедшего, наполнявшее ее, передавалось и мне — с абсолютной ясностью. Слова ее говорили гораздо меньшее.

— Если кто-нибудь об этом узнает, то будет очень... они будут очень жестоки с Софи. Мы должны позаботиться, чтобы этого никогда не случилось.

Ее беспокойство вылилось в какое-то другое чувство, твердое как сталь.

— Потому что у нее на ноге шесть пальцев? — спросил я.

— Да. Этого никто на свете, кроме нас, не должен знать. Это должно быть нашей тайной, — повторяла она, как будто вколачивала мне в голову эту мысль. — Ты обещаешь, Дэвид?

— Да, я обещаю. Если хотите, я могу поклясться, — предложил я.

— Обещания достаточно, — сказала она.

Весь этот разговор был для меня таким мучительным, что я решил скрыть его ото всех, даже от моей двоюродной сестры Розалинды. Но в глубине души мне было непонятно, почему это все так важно. Почему какой-то крошечный пальчик на ноге требует такой невероятной искренности?! У взрослых очень часто степень беспокойства совершенно несоразмерна причине.

Поэтому я решил придерживаться главного: надо хранить тайну. Мать Софи продолжала смотреть на меня печальным невидящим взглядом, от которого мне стало неуютно. Она заметила, что я ерзаю, и улыбнулась по-доброму.

— Ну и хорошо, — сказала она, — будем хранить тайну и никогда больше не станем говорить об этом.

— Можно мне будет навестить Софи? — спросил я.

Она заколебалась, обдумывая ответ, а потом сказала:

— Ладно, но только чтобы об этом никто не знал.

Лишь когда я добрался до вала, влез на него и направился к дому, заунывные воскресные поучения сомкнулись с реальностью. В голове у меня как будто что-то щелкнуло, и зазвучали слова: «Каждая нога должна иметь два сочленения и одну ступню, и каждая ступня должна иметь пять пальцев, и каждый палец должен заканчиваться плоским ногтем». И так далее до конца: «...и каждое существо, которое имеет внешность человека, но сформировано не так, не является человеком. Это не мужчина и не женщина. Это Богохульство против Истинного Образа Божьего, и ненавистно оно перед лицом Божьим».

Я вдруг встревожился и растерялся. Мне все время вбивали в голову, что богохульство — вещь чудовищная. Но в Софи не было ничего чудовищного. Она обычная маленькая девочка, разве только более разумная и храбрая, чем большинство других. Однако в соответствии с Определением...

Было ясно, что где-то произошла ошибка. Ведь не мог же один крошечный пальчик на ноге, пусть даже два крошечных пальчика — потому что я предполагал, что на второй ноге, вероятно, должен быть такой же, — ведь не может быть этого достаточно, чтобы сделать ее «ненавистной перед лицом Божьим»?!

Пути мира Господня поистине загадочны! Неисповедимы...

2

Домой я добрался привычным путем. В том месте, где лес лентой взбирался на вал, спускаясь на другой его стороне, я вышел на узкую дорогу, которой почти никто не пользовался.

С этого момента я был настороже и не убирал руку с ножа. Вообще-то я должен был держаться от леса подальше, потому что хищные животные, какие-нибудь дикие собаки или кошки, проникали оттуда, хоть и нечасто, на освоенную территорию вроде Вэкнака. Однако в этот раз я только слышал, как разбегаются с моего пути мелкие зверьки. Пройдя примерно с милю, я дошел до обработанных полей, за которыми стоял наш дом. Внимательно наблюдая за окрестностью, я пробрался вдоль края леса, потом, прячась в тени изгородей, пересек все поля, кроме последнего, и остановился, чтобы как следует оглядеться. Вокруг никого не было видно. Только во дворе старый Джекоб медленно сгребал навоз. Когда он повернулся ко мне спиной, я быстро пересек открытое пространство, влез в окно и пробрался в свою комнату.

Описать наш дом нелегко. С того времени, как мой дед, Элайес Строрм, построил его, прошло пятьдесят лет, и дом оброс новыми комнатами и пристройками. И теперь с одной стороны он смыкался со складами, конюшнями и амбарами, а с другой — с прачечными, молочными, сыродельнями, помещениями для работников и тому подобными пристройками. С подветренной стороны от главного дома располагался большой, хорошо утоптанный двор, главной достопримечательностью которого была навозная куча.

Как и все дома в округе, наш изначально строился из толстых, грубо отесанных бревен, но как самый старый здесь снаружи он теперь был выложен кирпичом и камнями, взятыми из развалин построек Прежних Людей. Внутри стены были обмазаны глиной, смешанной с соломой, и оштукатурены.

Мой дед, судя по рассказам отца, слыл человеком беспросветно и уныло добродетельным. Намного позже из обрывков разговоров я составил другой его портрет, более правдоподобный, хотя и не такой благообразный. Элайес Строрм приехал с востока, откуда-то с моря. Почему он переехал сюда, в точности неизвестно. Он давал всем понять, что безбожный образ жизни людей на востоке заставил его искать край, где народ менее испорчен и более тверд в вере. Однако я слышал и разговоры о

том, что в родных краях его просто не могли больше выносить. Как бы то ни было, в возрасте сорока шести лет, со всем своим нажитым богатством, разместившимся в шести фургонах, он перебрался в Вэкнак, местность в то время еще дикую.

Человек он был черствый, властный и прямолинейный до жестокости. Его глаза под лохматыми бровями горели проповедническим огнем. Имя Божье неумолимо рвалось из его уст, страх перед дьяволом неугасимо пылал в его сердце, и трудно было определить, какое из этих чувств вдохновляло его больше.

Вскоре после строительства дома он уехал куда-то далеко и вернулся с женой. Она была застенчивая, хорошенькая, с розовыми щечками и золотыми локонами и на двадцать пять лет моложе его. По рассказам, когда она думала, что ее никто не видит, она становилась похожей на прелестного резвого жеребенка, но под взглядом мужа пугалась и замирала, как кролик.

Жизнь у бедняжки сложилась несладко. Ей открылось, что свадебный обряд не рождает любви. Она не вернула мужу его ушедшую молодость и не смогла возместить это упущение умелым ведением хозяйства.

Не в характере Элайеса было пропускать чужие недостатки без замечаний. Всего несколько лет понадобилось ему на то, чтобы заглушить ее юную непосредственность поучениями. Розы и золото ее наружности поблекли от проповедей. В конце концов от былой прелести остался лишь печальный серый призрак, и она безропотно скончалась через год после рождения второго сына.

Дедушка Элайес с самого начала знал в точности, каким должен быть его наследник. Принципы веры вошли в кровь и плоть моего отца, а голова его до отказа была набита цитатами из Библии и «Покаяний» Николсона. В вере сын не отставал от отца. Разница между ними обнаружилась только в подходе: у моего отца не горел в глазах проповеднический огонь, его добродетелью стала приверженность к Закону.

Мой отец Джозеф Строрм женился после смерти деда Элайеса и не повторил его ошибки. Взгляды моей матери гармонировали с его собственными. У него было сильно развито чувство долга, и он не испытывал никаких сомнений относительно того, в чем именно состоит этот долг.

Наш округ и особенно наш дом, первенец в этих краях, назывался Вэкнак, согласно преданию о том, что когда-то, много лет назад, во времена Прежних Людей на этом месте стоял го-

род, который назывался Вэкнак. Предание, как и положено преданиям, было туманным, но кое-какие остатки стен и фундаментов действительно еще сохранились в наших местах. Потом их использовали для новых построек. Еще был в этих местах вал, уходивший вдаль к холмам, и гигантский утес, который, должно быть, тоже сделали Прежние Люди, каким-то своим сверхчеловеческим способом срезав полгоры, чтобы добывать из ее нутра что-нибудь нужное им и интересное. Наверное, в те времена это место и вправду называлось Вэкнак. Так или иначе, теперь так называется наша послушная закону и почитающая Бога община, состоящая из нескольких сотен разбросанных хозяйств, больших и малых.

Отец мой был в общине человеком влиятельным. Когда ему исполнилось шестнадцать лет и он в первый раз выступил перед народом с воскресной проповедью в церкви, построенной его отцом, в округе жили меньше шестидесяти семейств. После того как расчистили больше земли для посевов, в эти края переселилось много людей, но отец по-прежнему был у всех на виду. Он все еще оставался самым крупным землевладельцем. Как и раньше, он читал по воскресным дням проповеди, толковал с однозначной ясностью и откровения небес по земным вопросам, и законы вечные, а по установленным дням в качестве судьи вершил законы человеческие. В остальное же время делал все для того, чтобы и он сам, и его домочадцы, и все его работники служили образцами поведения для всей округи.

Жизнь дома сосредоточивалась в большой общей комнате, которая служила также и кухней. И сам дом, и его комнаты были самыми лучшими и самыми большими во всем Вэкнаке. Предметом особой гордости (разумеется, не суетной) считался громадный очаг. Это было что-то вроде горделивой демонстрации достойного употребления дарованных Господом отличных материалов, своего рода выполнение завета. Печь была сложена из тяжелых валунов, а дымоход — целиком из кирпича и поэтому никогда не занимался огнем. Место, где он выходил на крышу, единственное в округе было покрыто черепицей, так что солома, покрывавшая всю остальную часть крыши, тоже никогда не загоралась.

Моя мать следила за тем, чтобы большая комната всегда содержалась в чистоте и порядке. Пол был выложен из кирпича, камня и плиток, искусно пригнанных друг к другу. Мебель составляли несколько тщательно выскобленных столов, табу-

реток и стульев. Стены были чисто выбелены. На них висели до блеска начищенные сковородки, не влезавшие из-за своей массивности в шкафы. Чем-то вроде украшений служили развешенные на стенах деревянные доски с красиво выжженными изречениями из «Покаяний». На висевшей слева от очага было написано: «То есть человек, что по образу Божьему», на той, что справа: «Храни чистоту породы Господней», на противоположной стене расположились доски с «Да будет благословенна Норма» и «В чистоте наше спасение». Самое заметное, крупно выведенное изречение висело на стене напротив двери, ведущей на хозяйственный двор. Она напоминала каждому входящему: «НЕ ПРОГЛЯДИ МУТАНТА».

Частые ссылки окружающих на эти надписи познакомили меня со всеми изречениями намного раньше, чем я научился читать. Я бы даже сказал, что они были моими первыми учебниками. Кроме перечисленных, там были и такие: «Норма — это воля Божья», «Свято точное воспроизведение», «Каждое Отклонение — от дьявола» и еще несколько — о Богохульствах. Большую часть из них я не помнил, но о некоторых уже кое-что узнал, например о Нарушениях. Дело в том, что, когда случалось Нарушение, это событие обставлялось самым внушительным образом. Обычно первым признаком того, что произошло Нарушение, было возвращение отца домой в дурном расположении духа. Позже вечером он собирал всех домочадцев и всех работников. Мы становились на колени, отец, обращаясь к Богу, провозглашал наше раскаяние, и мы все вместе молились о прощении. На следующий день все вставали до рассвета и собирались во дворе. С первыми лучами солнца мы начинали петь псалмы, под звуки которых отец торжественно убивал двухголового теленка, или четырехногого цыпленка, или какое-нибудь другое воплощенное Нарушение. Иногда это были еще более своеобразные существа.

Нарушения случались не только у животных. Бывало, что отец сокрушенно и гневно швырял на кухонный стол странные колосья или овощи. Уничтожать такие овощи было нетрудно, если они росли только на нескольких грядках. Но случалось, что Нарушение охватывало целое поле. Тогда ждали подходящей безветренной погоды и с пением псалмов поджигали его. Мне это зрелище очень нравилось.

Так как мой отец был человеком набожным и дотошным, с наметанным на все Нарушения глазом, мы сжигали и убивали

гораздо чаще, чем другие семейства. Но отец очень сердился и обижался, когда кто-нибудь заикался о том, что мы подвержены Нарушениям больше других.

Нет, говорил он, ему совсем не хочется бросать деньги на ветер. Если бы наши соседи поступали по совести, он не сомневается, что им пришлось бы уничтожать Отклонения в гораздо большем количестве, но беда заключается в том, что у некоторых людей принципы слишком растяжимые.

Таким образом, я очень рано узнал, что такое Нарушение. Это то, что выглядит неправильно, то есть не похоже в точности на тех животных или те растения, от которых оно родилось. Обычно неправильной оказывалась какая-нибудь мелочь, но это не имело значения: большое или маленькое — это было Нарушение или, если это случалось с людьми, Богохульство. Нарушение и Богохульство считались официальными названиями, а попросту то и другое именовали Отклонениями.

Вопрос о том, что именно считать Нарушением, был не таким простым, как кажется на первый взгляд. Иногда возникали разногласия, и тогда посылали за окружным инспектором. Но отец инспектора звал редко; он предпочитал для верности уничтожать все мало-мальски сомнительное. Находились люди, которые упрекали его за чрезмерную щепетильность, говоря, что если бы не он, то количество Отклонений в год, которое сократилось по сравнению с дедовским временем вдвое, было бы еще меньше. Однако в любом случае Вэкнак почитали образцом Чистоты.

Наш район уже не считался окраинным. Упорный труд и многочисленные жертвы привели к такой стабильности форм животных и растений, что нам могли позавидовать многие общины, лежащие на востоке. Теперь нужно пройти не менее 30 миль на юг и юго-запад, чтобы добраться до дикой территории, то есть до тех мест, где вероятность выращивания правильного потомства оказывается менее половины. А еще дальше тянулась полоса земель шириной где 10, где 20 миль, на которой росло намного больше неправильного. За ней простирались таинственные Заросли, Окраина, где не было ничего устойчивого и где, по выражению моего отца, «дьявол разгуливает по своим владениям и насмехается над законами Божьими».

По слухам, полоса Зарослей тоже не имеет постоянной ширины, а за ней лежат Дурные Земли, о которых никто ничего толком не знает. Тот, кто отправлялся в Дурные Земли, там

обычно и пропадал, а те двое или трое, что вернулись оттуда, долго не протянули.

Однако самые большие неприятности нам причиняли не Дурные Земли, а Заросли. Люди Зарослей (их называли людьми, но на самом деле они были Отклонениями, хотя внешне и походили на обычных людей... если, конечно, их неправильности не бросались в глаза) почти ничего не имели. Поэтому они добирались до цивилизованной территории и крали зерно, домашний скот, одежду, инструменты и, если находили, — оружие. А иногда они воровали детей.

Небольшие набеги случались два-три раза в год, и, как правило, на них никто не обращал внимания, кроме, разумеется, тех, кого грабили. Обычно хозяева успевали убежать и теряли только имущество, после чего их соседи собирали деньги, вещи и все необходимое, чтобы помочь ограбленным снова наладить жизнь. Но время шло, граница отодвигалась все дальше, и все большее количество людей кормилось на все уменьшавшейся территории Зарослей. Все чаще у них случались голодные годы, и вскоре речь уже шла не о редких стремительных набегах дикарей, быстро возвращавшихся в Заросли, а о действиях больших организованных групп, которые наносили значительный ущерб.

Когда отец был еще ребенком, матери часто пугали детей такими угрозами: «Не будешь слушаться, позову из Зарослей старуху Мэгги. У нее четыре глаза, чтобы следить за тобой, четыре уха, чтобы слушать тебя, и четыре руки, чтобы шлепать тебя. Смотри!» Другим пугалом был Волосатый Джек: «...он заберет тебя к себе в Заросли, в пещеру, там живет его семья. Все они волосатые, и у них длинные хвосты. Каждый из них утром на завтрак съедает по мальчику, а вечером на ужин девочку».

Однако в последнее время близость Зарослей нагоняла страху не только на маленьких детей. Люди Зарослей стали опасными, и на правительство в Риго обрушился поток жалоб по поводу грабежей. Впрочем, толку от этих жалоб не было никакого. Да и то сказать, чем могло помочь Правительство, если совершенно не было известно, где именно на протяжении 500—600 миль будет совершен очередной набег. Поэтому Правительство, удобно расположившееся далеко на востоке, только выражало сочувствие — правда, в самых ободряющих выражениях — и предлагало крепить самооборону. А поскольку и без того еще со времени освоения новых земель все мужчины, способные держать оружие, являлись

членами добровольной милиции, это предложение было равносильно полному безразличию к нашим бедам.

Округ Вэкнак находился достаточно далеко от Зарослей, чтобы считать их не угрозой жизни, а лишь ее осложнением. Меньше чем на 10 миль грабители к нам не приближались, и все-таки изредка они появлялись и здесь, и с каждым годом все чаще. Это отвлекало мужчин от работы на фермах, что приносило большие убытки. Кроме того, если тревога объявлялась где-то недалеко, возникало опасение, что в следующий раз это будет еще ближе...

А вообще мы вели жизнь спокойную, веселую и деятельную. Народу у нас на ферме было много: отец, мать, две мои сестры и дядя Аксель составляли нашу собственную семью, но, кроме того, с нами жили еще кухарки и доярки. Некоторые из них вышли замуж за работников фермы и народили детей, так что вечером после работы у нас за стол садилось более двадцати человек, а когда все собирались на молитву, то народу оказывалось еще больше, потому что к нам присоединялись семьи из соседних домов.

На самом деле дядя Аксель не был нашим настоящим родственником. В свое время он женился на одной из сестер моей матери, Элизабет. Был он в ту пору моряком, и поэтому уехали они тогда на восток. Там, в Риго, жена его умерла в то время, как он сам находился в плавании, из которого вернулся калекой. Так как он был мастером на все руки и только двигался медленно из-за больной ноги, отец позволил ему жить у нас. Дядю Акселя я считал своим лучшим другом.

Моя мать происходила из семьи, в которой росли пять девочек и два мальчика. Четыре девочки были родными сестрами, а младшая и два мальчика — сводными. Старшую сестру, Ханну, ее муж отослал из своего дома, и с тех пор о ней никто не слышал. Следующей по возрасту была Эмили, моя мать. Потом шла Хэрриет, которая вышла за хозяина большой фермы в Кентаке, почти за пятнадцать миль от нас. Затем Элизабет, вышедшая замуж за дядю Акселя. Я не знаю, где жили мои сводные тетя Лилиан и дядя Томас, но второй мой сводный дядя, Энгус Мортон, владел фермой рядом с нами. Граница между нашими землями тянулась примерно на милю. Это очень раздражало моего отца, потому что не было ни одного вопроса, по которому он бы сходился во мнениях с дядей Энгусом. Дочь дяди Энгуса, Розалинда, приходилась мне, как я уже говорил, двоюродной сестрой.

Вэкнак был самой большой фермой в округе. Но фермерские хозяйства везде велись примерно одинаково. Все они продолжали разрастаться, потому что устойчивость форм животных и растений из года в год повышалась, а это побуждало к расширению владений. Каждый год валили деревья, расчищали землю и распахивали новые поля. Каждый год у леса отбирали все новые участки, и в конце концов вся округа стала выглядеть так же, как и давно освоенные земли на востоке. Говорили, что теперь даже в Риго без карты знают, где находится Вэкнак.

Короче говоря, я жил на самой процветающей ферме в самом процветающем округе. Но в возрасте десяти лет я это мало ценил. Наша ферма представлялась мне местом чересчур беспокойным, где работы, казалось, всегда больше, чем людей, и надо принимать специальные меры, чтобы от нее уберечься.

В тот вечер я ухитрился скрываться до тех пор, пока привычные звуки не известили меня, что приближается время трапезы и мне можно показаться на людях без опаски.

Я побродил по двору, посмотрел, как распрягают и выводят коней. Наконец колокол на конюшне прогудел два раза. Двери открылись, люди высыпали во двор и направились к кухне. Я пошел со всеми вместе. Прямо напротив двери красовалось предостережение: «НЕ ПРОГЛЯДИ МУТАНТА!», но оно было слишком привычным, чтобы обращать на него внимание. Меня в тот момент занимал исключительно запах еды.

3

После того случая я один-два раза в неделю навещал Софи. По утрам мы учились. Все учение заключалось в том, что несколько старушек по очереди обучали полдюжины ребятишек читать, писать и производить несложные арифметические действия. А после уроков мне легко удавалось закончить пораньше полуденную трапезу и ускользнуть из-за стола прежде, чем кто-нибудь догадается поручить мне какую-либо работу. Софи, после того как ее нога зажила, познакомила меня со всеми интересными местами на их территории.

Однажды я повел ее на нашу сторону большого вала, чтобы показать паровую машину. Другой такой не было на сто миль вокруг, и мы страшно ею гордились. Корки, который присмат-

ривал за ней, не оказалось на месте, но двери сарая, где стояла машина, были открыты настежь, и оттуда доносились ритмичные вздохи, стоны и скрипы. Мы подобрались к самому порогу и заглянули внутрь. Зрелище открылось завораживающее: в темной глубине сарая с шелестом двигались большие бревна, а под самой крышей, едва различимая в полумраке, медленно раскачивалась взад-вперед огромная поперечина. В крайних точках своего движения она ненадолго останавливалась, как будто собираясь с силами для следующего захода. Картина увлекательная, но тем не менее довольно однообразная.

Десяти минут было достаточно, чтобы насмотреться вдоволь, а потом мы залезли на бревна около сарая и сидели там, чувствуя, как с каждым уханьем машины вся груда под нами ответно вздрагивает.

— Дядя Аксель говорит, что у Прежних Людей машины были гораздо лучше этой, — сказал я.

— А мой папа говорит, что если хоть четверть того, что рассказывают о Прежних Людях, правда, то они были просто волшебники, а не настоящие люди, — возразила Софи.

— Нет, они действительно были необыкновенными, — настаивал я.

— Слишком необыкновенные, говорит папа, чтобы быть на самом деле, — продолжала Софи.

— Разве он не верит тому, что о них рассказывают? Что они могли летать? — спросил я.

— Нет. Это глупости. Если бы они летали, то мы бы тоже могли.

— Но ведь они умели много такого, чему мы сейчас учимся заново, — запротестовал я.

— Только не летать, — покачала головой Софи. — Это же очевидно: либо ты можешь летать, либо нет. Мы летать не можем.

Я хотел рассказать ей о своем сне, о городе и тех штуках, что летали над ним, но передумал: в конце концов, сон не доказательство. Вскоре мы слезли с бревен и, забыв о машине с ее вздохами и скрипами, отправились к Софи домой.

Джон Уэндер, ее отец, вернулся с очередной охоты. Из-под навеса слышался стук молотка: он растягивал шкуры на рамах, и от этого все вокруг пропиталось специфическим запахом. Софи со всех ног бросилась к отцу и повисла у него на шее. Он выпрямился, прижимая ее к себе одной рукой, и сказал:

— Привет, птичка!

Со мной он поздоровался более сдержанно. Между нами была невысказанная договоренность, что мы с ним держимся друг с другом как мужчина с мужчиной. Так было с самого начала. Когда мы встретились в первый раз, он так поглядел на меня, что я испугался и долго боялся при нем разговаривать. Однако со временем мы подружились. Он показывал и рассказывал мне много интересного. Но все-таки я иногда ловил на себе его тяжелый взгляд. И неудивительно. Только спустя много лет я смог оценить, как сильно он встревожился, когда однажды узнал, что Софи вывихнула ногу и что из всех людей на свете ее ступню видел Дэвид Строрм, сын Джозефа Строрма. Я думаю, его очень искушала мысль о том, что мертвый мальчик секрета не разболтает... Спасла меня, по-видимому, миссис Уэндер...

Мне кажется, ему было бы гораздо спокойнее, если бы он знал об одном происшествии, которое случилось у нас дома примерно через месяц после моей встречи с Софи.

Я посадил в руку занозу. Когда я вытащил ее, ранка сильно кровоточила. Я пошел на кухню перевязать руку, но там все были слишком заняты приготовлением ужина, чтобы возиться со мной. Поэтому я сам пошарил в ящике с чистыми тряпками, оторвал лоскут и неуклюже старался обвязать им руку, пока мать не обратила на меня внимание. Она укоризненно поцокала языком и заставила сначала промыть ранку, а потом аккуратно перевязала ее, ворча, что, конечно, я должен был обязательно занозить руку именно тогда, когда она занята. Я сказал, что сожалею, и добавил:

— Я бы и сам перевязал, если бы у меня была еще одна рука.

Наверное, мой голос прозвучал слишком громко, потому что вокруг мгновенно наступила гулкая тишина. Мать застыла на месте. Я оглядел внезапно умолкшую комнату: Мэри с пирогом в руках, двух работников с фермы, ожидавших еды, отца, приготовившегося занять свое место во главе стола, и других — все они остолбенели, глядя на меня. Я увидел, как на лице у отца удивление сменилось гневом.

Еще не понимая, что произошло, я с тревогой увидел, как рот его сжался, подбородок выдвинулся вперед, брови нахмурились. Все еще с недоумением в глазах он переспросил:

— Что ты такое сказал, мальчик?

Мне был знаком этот тон, и я судорожно попытался сообразить, что ужасного я натворил в этот раз. Запинаясь и заикаясь, я ответил:

— Я... ска-азал, что никак не могу справиться с повязкой.

Недоумение во взгляде отца пропало, теперь он смотрел на меня с угрозой:

— Ты пожелал иметь третью руку?

— Нет, папа. Я только сказал, что если бы у меня была еще одна рука... то...

— ...то ты бы мог завязать сам. Если это не желание, то что же это?

— Я только сказал: если бы... — возражал я, слишком перепуганный и смущенный, чтобы толково объяснить, что я всего-навсего употребил одно из многих выражений для обозначения трудности выполнения дела. Я видел, что окружающие перестали глазеть на меня и теперь выжидательно смотрят на отца. Выражение его лица было страшным.

— Ты, мой сын, призывал дьявола дать тебе еще одну руку! — Голос его обличал.

— Да нет же! Я только...

— Замолчи, мальчик! Все в этой комнате слышали твои слова. Ложь тебя не спасет!

— Но я...

— Выражал ты или не выражал неудовольствие формой тела, данной тебе Богом по своему образу и подобию?

— Я только сказал: если бы...

— Ты богохульствовал, мальчик. Тебе не нравится Норма! Все слышали тебя. Что можешь ты ответить на это? Ты знаешь, что такое Норма?

Я перестал оправдываться. Я хорошо знал, что отец в теперешнем своем настроении даже не попытается понять меня. Как попугай, я пробормотал:

— Норма — это образ Божий.

— Значит, ты знаешь это и все-таки сознательно пожелал быть Мутантом? Это чудовищно, это возмутительно! Ты, мой сын, совершил богохульство, да еще в присутствии родителей! — и самым суровым голосом, каким он читал проповеди, потребовал: — Скажи, что такое Мутант?

— Проклят он перед Богом и людьми, — промямлил я.

— Ты пожелал стать ТАКИМ! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Но я с угнетающей отчетливостью понимал, что говорить что-либо бесполезно, и, опустив глаза, молчал.

— На колени! — скомандовал он. — Становись на колени и молись!

Голос отца зазвенел. Все остальные тоже опустились на колени.

— Господи, мы согрешили, мы виноваты в упущении. Прости нам, что мы плохо обучали этого ребенка Твоим законам...

Долго гремели слова молитвы, затем наконец раздалось: «Аминь», и после паузы отец сказал:

— Теперь отправляйся в свою комнату и молись. Моли Бога, несчастный, о прощении, которого ты не заслужил, но которое милосердный Господь, может быть, еще дарует тебе. Я приду к тебе позднее.

Ночью, когда утихла боль после расправы отца со мной, я долго лежал без сна и ломал голову: у меня и мысли не было желать третьей руки, но если бы я даже захотел?.. Если так чудовищно даже подумать о том, чтобы иметь три руки, то что случилось бы, если бы они действительно у кого-нибудь были? Или существовала бы какая-нибудь другая неправильность? Например, лишний палец на ноге?..

Когда я наконец уснул, мне приснился сон. Мы все собрались на дворе, как во время последнего Очищения. Тогда объектом его был маленький безволосый теленочек, который стоял в ожидании и глупо моргал, глядя на нож в руке отца. Теперь на его месте оказалась маленькая девочка. Софи стояла посередине двора и тщетно пыталась скрыть длинный ряд пальчиков на ногах, хорошо видных всем собравшимся. Мы глядели на нее и ждали. Вдруг она стала перебегать от одного к другому, умоляя помочь ей, но никто не двигался с места и на всех лицах было написано безразличие. Мой отец направился к ней, в руке у него сверкал нож. Софи отчаянно заметалась между неподвижными людьми, слезы ручьями бежали по ее лицу. Отец приближался к ней, жестокий и неумолимый, и никто не пошевелился, чтобы ей помочь. Отец подошел совсем близко и раскинул руки, чтобы она не могла убежать, когда он загонит ее в угол.

Он поймал ее и потащил обратно на середину двора. Край солнца показался над горизонтом, все начали петь псалом. Одной рукой отец держал Софи, как вырывающегося теленка, а другую высоко вознес вверх. Когда он с размаху опустил ее, нож засверкал в лучах восходящего солнца, как тогда, когда он перерезал горло теленку.

Если бы Джон и Мэри Уэндер видели меня, когда я, проснувшись, метался в слезах и долго лежал потом в темноте,

стараясь убедить себя, что эта ужасная картина только сон, я думаю, на душе у них стало бы гораздо спокойнее.

4

В ту пору кончилась моя безмятежная жизнь, и со мной стали происходить различные события. Видимых причин этому не было. События даже не были связаны между собой. Больше всего это походило на перемену погоды.

Первым таким событием было знакомство с Софи, второе — что мой дядя Аксель узнал обо мне и моей двоюродной сестре Розалинде Мортон. Он наткнулся на меня, когда я с ней разговаривал, и счастье еще, что это был он, а не кто-нибудь другой.

Наверное, инстинкт самосохранения заставлял нас до тех пор молчать об этом, потому что ясного ощущения опасности у нас не было. Я настолько ничего не боялся, что не стал особенно скрывать, в чем дело, когда дядя Аксель увидел, как я сижу за стогом и вроде бы сам с собой разговариваю. Он стоял рядом минуту или две, прежде чем я увидел его краешком глаза и повернулся посмотреть, кто это.

Дядя Аксель был человеком высокого роста, не худой и не толстый, но крепкий и, что называется, хорошо сохранившийся. Я часто наблюдал, как он работает, и думал о том, как крепко сроднились его жилистые руки с полированным деревом рукояток его инструментов.

Он стоял, опираясь на толстую палку, с которой он всегда ходил из-за того, что сломанная в плавании нога неправильно срослась, и внимательно меня рассматривал. Его лохматые, начавшие седеть брови были слегка нахмурены, но на губах играла улыбка.

— Ну, Дэви, с кем это ты так усиленно щебечешь? С феями, гномами или просто с кроликами?

Я только покачал головой. Он подошел, хромая, сел рядом и осведомился, жуя травинку:

— Скучно одному?

— Нет, — ответил я.

Немного нахмурившись, он снова спросил:

— Разве не интересней было бы разговаривать с кем-нибудь из ребят? Гораздо ведь интереснее, чем с самим собой?

Я было заколебался, но ведь меня спрашивал дядя Аксель, мой лучший друг из всех взрослых, и я сказал:

— Я так и делал.

— Что делал? — недоуменно спросил он.

— Разговаривал с одним из них, — сказал я.

Он нахмурился и переспросил:

— С кем?

— С Розалиндой, — ответил я.

Он пристально посмотрел на меня и заметил:

— Но я что-то ее нигде рядом не вижу.

— А она не здесь. Она у себя дома, то есть не совсем дома, а в маленьком тайнике на дереве, который для нее построили братья в леске неподалеку от ее дома. Это ее любимое место, — объяснил я.

Сначала он никак не мог понять, что я имею в виду, и продолжал говорить со мной так, как будто это была игра. Но когда я постарался объяснить ему, он притих и долго слушал, внимательно глядя мне в глаза. Лицо его становилось все серьезнее. Когда я закончил, он минуту или две молчал, а потом спросил:

— Значит, это игра? Ты мне правду говоришь, истинную правду, Дэви?

Внимательно и пристально он всматривался в меня.

— Ну конечно же, дядя Аксель, — уверял я.

— Ты об этом больше никому никогда не рассказывал?.. Совсем никому?

— Нет, это же секрет, — сказал я, и он вздохнул с облегчением.

Отбросив одну изжеванную травинку, он взял из стога другую и долго, тщательно грыз ее и выплевывал, потом посмотрел на меня в упор:

— Дэви, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты дал мне слово.

— Какое, дядя Аксель?

— Я хочу, — очень серьезно сказал он, — я хочу, чтобы ты хранил это в тайне. Я хочу, чтобы ты дал мне слово никому, слышишь, никому не рассказывать то, что ты мне сегодня рассказал. НИКОГДА. Это очень важно. Позже ты поймешь, насколько это важно. Ты не должен делать ничего такого, что даст кому бы то ни было повод даже заподозрить это. Обещаешь?

Его суровая настойчивость произвела на меня большое впечатление. Никогда не говорил он со мной так серьезно. Я понял, что, давая ему слово, клянусь в чем-то гораздо более важ-

ном, чем могу себе представить. Он смотрел мне в глаза, пока я произносил слова обещания, и удовлетворенно кивнул, увидев, что я действительно собираюсь его исполнить. В знак договора мы пожали друг другу руки. Потом он сказал:

— Лучше всего тебе было бы совсем забыть об этом.

Я подумал хорошенько и покачал головой:

— Я, наверное, не смогу, дядя Аксель. Никак. Я хочу сказать, что это просто есть во мне. И стараться забыть это все равно что... — Тут я остановился, не в силах выразить словами то, что хотел сказать.

— Все равно что забыть, как говорить или слышать? — продолжил он.

— Вроде этого, только по-другому, — признался я.

Он кивнул и снова задумался, потом спросил:

— Ты слышишь слова в уме?

— Не то чтобы «слышу» и не то чтобы «вижу». Они... вроде каких-то образов... и если при этом их называть словами, то они делаются яснее, их тогда легче понимать...

— Но у тебя нет необходимости пользоваться словами, выговаривать их громко вслух, как ты только что делал?

— Нет. Просто это иногда помогает делать их яснее. Отчетливей.

— Это еще помогает делать все гораздо опаснее для вас обоих. Я хочу, чтобы ты еще пообещал мне никогда больше не говорить при этом вслух.

— Ладно, дядя Аксель, — согласился я.

— Когда ты станешь старше, ты поймешь, насколько это важно, — сказал он и принялся настаивать, чтобы я вынудил Розалинду пообещать то же самое. Я не стал ему ничего говорить о других, потому что он и без того очень встревожился, но для себя решил, что их тоже надо заставить дать слово. Под конец он снова протянул мне руку, и мы еще раз очень торжественно поклялись хранить тайну.

В тот же вечер я рассказал о нашем разговоре Розалинде и остальным. Каким-то образом это наконец позволило отчетливо выразить то чувство, которое давно зрело во всех нас. По-видимому, все мы к тому времени уже совершили в тот или иной момент какую-нибудь оплошность и привлекли к себе любопытный или подозрительный взгляд. Столь пристальное внимание было достаточным предостережением каждому. Имен-

но такие взгляды, непонимающие, но полные неодобрения, почти подозрения, уберегли нас от беды.

До этого мы не сговаривались о какой-то единой линии поведения, просто каждый в отдельности старался вести себя осторожно из чувства самосохранения. Однако теперь взволнованные настояния дяди Акселя соблюдать тайну резко усилили сознание угрожающей нам опасности. Она была не вполне отчетлива, но очень реальна. Наверное, стараясь внушить им серьезность предостережений дяди Акселя, я всколыхнул жившую в их умах тревогу, потому что возражений не последовало. Все они дали слово охотно, даже горячо, как будто были рады разделить это бремя на всех. Это стало нашим первым совместным действием, оно сплотило нас, сделало нас ГРУППОЙ, потому что отныне четко определялись наши обязанности по отношению друг к другу. Оно изменило нашу жизнь, явив собой начало коллективной самозащиты, хотя в то время мы этого не понимали. Главным тогда казалось только чувство общности...

А потом, почти сразу после этого события, в моей жизни произошло то, что затронуло всех: большое вторжение из Зарослей.

Как всегда, никакого плана борьбы с грабителями не было. Единственной организованной мерой явилось назначение определенных мест сбора добровольных отрядов различных округов. При объявлении тревоги всем здоровым мужчинам полагалось мчаться к штабу своего округа, где решалось, как действовать, в зависимости от места и размеров нападения. Такой метод был хорош для борьбы с небольшими группами врага, но ни на что большее не годился.

В результате, когда у Людей Зарослей появились предводители, которым удалось организовать настоящее вторжение, мы оказались без отлаженной системы защиты, способной его отразить. Поэтому они смогли, смяв маленькие отряды нашей добровольной милиции, широким фронтом продвинуться вперед и грабить в свое удовольствие. Серьезное сопротивление встретило их, только когда они забрались почти на двадцать пять миль в глубь освоенной территории.

К тому времени мы привели в боевую готовность наши отряды, а соседние округа собрали свои, чтобы пресечь дальнейшее распространение прорыва и отвлекать внимание с флангов. Наши отряды были лучше вооружены, у многих имелись ру-

жья, а Люди Зарослей пользовались в основном копьями и луками, ружей у них насчитывалось лишь несколько штук, захваченных при грабежах. Однако ширина полосы прорыва осложнила борьбу с ними. Они лучше знали лес, умели прятаться ловчее, чем настоящие люди, и поэтому продвинулись еще на пятнадцать миль, прежде чем мы смогли их остановить и вступить с ними в открытый бой.

Для меня, десятилетнего мальчика, это было захватывающее время. Люди Зарослей находились примерно в семи милях от Вэкнака, поэтому он стал одним из мест сбора милиции. Отец в самом начале этой кампании был ранен в руку и теперь только помогал создавать новые отряды из добровольцев.

Несколько дней у нас царила невероятная суета: кто-то все время приезжал и уезжал, людей записывали, распределяли по отрядам, затем они с очень решительным видом отправлялись воевать, а наши женщины махали им вслед платками. Когда добровольцы — в том числе и все наши работники — уехали, ферма совершенно опустела и затихла. А через день примчался всадник. Он задержался у нас достаточно долго и успел рассказать о том, что была большая битва, что Люди Зарослей в панике бегут, а несколько их предводителей взяты в плен. Затем он поскакал дальше разносить добрые вести.

В тот же день во двор въехал небольшой отряд. В середине его находились двое пленников, предводители Людей Зарослей.

Я бросил все дела и кинулся смотреть на них. Первое впечатление меня разочаровало. Я ожидал увидеть, как в сказках о Зарослях, существ с двумя головами, или покрытых шерстью, или шестиногих и шестируких. Вместо этого я увидел двух совершенно обыкновенных, на первый взгляд, людей. Только необычайно грязных и оборванных. Один из них был низкого роста, его светлые волосы висели клочьями, как будто он подрезал их ножом. Но когда я взглянул на второго, то просто остолбенел и не мог оторвать от него глаз, потому что, если одеть его в пристойную одежду и подстричь ему бороду, это был бы вылитый мой отец...

Когда он осадил коня и огляделся, то заметил меня. Сначала он только мельком посмотрел в мою сторону, но потом взгляд его вернулся, и он уставился на меня в упор со странным выражением, которого я не мог понять...

Он открыл было рот, чтобы заговорить, но в этот момент из дома вышли люди посмотреть, что происходит. Среди них на-

ходился и мой отец с рукой на перевязи. Я увидел, как он остановился на пороге, рассматривая группу всадников, и тоже заметил человека в седле. Мгновение он, совсем как я, смотрел на него широко открытыми глазами, а потом побледнел, и лицо его стало землисто-серым.

Я быстро перевел взгляд на того человека. Он сидел в седле абсолютно неподвижно, но выражение его лица заставило мое сердце внезапно сжаться. Никогда раньше я не видел такой ненависти: все черты его лица обострились, глаза сверкали, зубы оскалились, как у дикого зверя. Меня как будто обожгло. Это было жуткое откровение, явление чего-то уродливого, ранее мне неизвестного. Оно навсегда запечатлелось в моем мозгу, и я никогда не смог бы его забыть...

Отец с болезненным видом оперся рукой о косяк двери, чтобы не упасть, повернулся и ушел обратно в дом.

Один из людей отряда разрезал веревку, которая стягивала руки пленника. Он спешился, и тогда я увидел, что именно в нем было не так. Стоя, он на восемнадцать дюймов возвышался над всеми остальными, но не потому, что обладал таким крупным телосложением. Если бы он имел нормальные ноги, он был бы ростом с моего отца, пять футов десять дюймов, но его ноги не были нормальными. Они выглядели чудовищно длинными и тонкими. И руки у него тоже были длинные и тонкие. Он походил на получеловека-полупаука...

Сопровождавший дал ему еды и кружку пива. Когда пленник сел на скамью, его костлявые колени оказались почти на уровне плеч. Он жевал хлеб с сыром и цепким взглядом осматривал двор. В это время он снова заметил меня и поманил к себе. Я притворился, что не вижу. Он снова поманил меня. Мне стало стыдно своего страха, и я подошел ближе, осторожно держась на расстоянии от его паучьих рук.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил он.

— Дэвид, — ответил я. — Дэвид Строрм.

Он удовлетворенно кивнул.

— Значит, тот человек, который стоял в дверях с рукой на перевязи, был твой отец, Джозеф Строрм?

— Да, — сказал я.

Он снова кивнул и стал внимательно рассматривать дом и пристройки.

— Значит, это место и есть Вэкнак?

— Да, — снова ответил я.

Не знаю, что еще он захотел бы узнать у меня, но тут мне велели убираться подальше. Немного позже отряд снова оседлал лошадей и быстро ускакал в сторону Кентака. Руки человеку-пауку снова связали за спиной. Я глядел им вслед и был рад, что они уехали.

Таким образом, моя первая встреча с Людьми Зарослей оказалась не столько интересной и волнующей, сколько неприятной и тревожной. Позже я услышал, что той же ночью обоим пленным удалось бежать. Я не помню точно, кто рассказал мне об этом, но твердо уверен, что не отец. Он сам ни разу не упоминал тот день, а у меня не хватало смелости спрашивать его об этом.

Только мы разделались с вторжением, после которого возвратившиеся с войны торопились наверстать упущенное время усиленной работой на ферме, как отец ввязался в очередную ссору с дядей Энгусом Мортоном.

Разница в их характерах и взглядах привела к тому, что они в течение многих лет постоянно враждовали. Отец громогласно заявлял, что если у Энгуса и есть какие-то взгляды, то они настолько неопределенны, что это просто угрожает честным принципам общины. На что Энгус открыто отвечал, что Джозеф Строрм дубиноголовый педант, да в придачу еще и бестолковый фанатик. Поэтому ссоры между ними вспыхивали очень легко. Последняя случилась из-за того, что Энгус приобрел пару коней-гигантов. До нашей округи уже раньше доходили слухи о конях-гигантах, но у нас их еще никто не видел. Отца смущали даже рассказы о них, а то, что их купил и привез к нам Энгус, естественно, не служило им хорошей рекомендацией. Поэтому он отправился осматривать их, уже имея против них крепкое предубеждение.

Все его предчувствия подтвердились сразу же. Как только он увидел этих громадных животных, с грудью шириной в 26 ладоней, он сразу понял, что они НЕПРАВИЛЬНЫЕ.

— На этот раз вы не правы, — жизнерадостно сказал ему инспектор, очень довольный, что хоть раз его позиция оказалась неуязвимой. — Они одобрены Правительством и, таким образом, в любом случае находятся вне моего ведения.

— Я не верю этому, — объявил отец, — Бог никогда не создавал лошадей такого размера. Правительство НЕ МОГЛО их одобрить.

— Нет одобрило, — ответил инспектор и добавил: — К тому же Энгус предупредил меня, что, зная своих соседей, он привез оформленную по всем правилам родословную этих лошадей.

— Правительство, которое разрешает существование таких животных, аморально и подкупно, — заявил отец.

— Возможно, — согласился инспектор. — Но все равно это наше законное Правительство.

Отец с бешенством глядел на него.

— Легко понять, почему некоторые люди их одобряют: одна такая зверюга может работать вместо двух или даже трех обычных лошадей, а ест она лишь немного больше одной. Они выгодны, и это единственная причина того, почему их разрешили. Но это не означает, что они ПРАВИЛЬНЫЕ. Я утверждаю, что эта лошадь не есть творение Господа нашего, а значит, она является НАРУШЕНИЕМ и должна быть уничтожена как таковое.

— В официальном разрешении утверждается, что эта порода выведена путем обычного скрещивания крупных экземпляров, и вам не найти в них ни одной явной неправильности, — сказал инспектор.

— Разумеется, так и говорят некоторые, когда видят выгоду. Знаете, как это называется? — спросил отец.

Инспектор пожал плечами. Отец продолжал:

— Ведь из этого не следует, что они ПРАВИЛЬНЫЕ. Лошадь такого размера НЕПРАВИЛЬНА. И в глубине души вы это знаете так же хорошо, как и я. От этого никуда не денешься. Если мы начнем позволять такие вещи, неизвестно, до чего мы докатимся. Богобоязненная община не может отказаться от своей веры только потому, что на нее оказывает давление государственная контора по выдаче разрешений. Нас здесь много таких, кто знает, как должны выглядеть Божьи твари, даже если Правительство этого не знает.

Инспектор улыбнулся.

— А кошка Дэйкеров? — спросил он.

Отец только бросил на него яростный взгляд. История дэйкеровой кошки еще не забылась, и напоминание о ней больно уязвило отца.

Примерно год назад прошел слух, что у Бена Дэйкера и его жены прижилась бесхвостая кошка. Отец занялся расследованием и когда установил, что кошка не лишилась хвоста в результате какой-то случайности, а просто никогда его не имела, то своей властью судьи приговорил ее к уничтожению как НА-

РУШЕНИЕ и приказал инспектору выдать на это ордер. Очень неохотно инспектор ордер выписал, но Дэйкеры немедленно его обжаловали. Такая канитель в совершенно ясном деле настолько возмутила отца и оскорбила его принципы, что он, не дожидаясь окончательного ответа на жалобу, лично расправился с дэйкеровой кошкой. Когда же вскоре пришло уведомление, что бесхвостые кошки являются признанной породой с многолетней, хорошо известной историей, отец оказался в очень неприятном положении, и этот случай дорого ему обошелся. С большой неохотой он принес публичные извинения, иначе ему пришлось бы расстаться с судейским крестом.

— Сейчас дело гораздо серьезнее, — резко возразил он инспектору.

— Послушайте, — терпеливо сказал инспектор, — эта порода одобрена. На эту конкретную пару есть официальное разрешение. Если вам этого недостаточно, то идите и сами стреляйте ее, а потом посмотрим, что вам за это будет.

— Ваш моральный долг выдать ордер на уничтожение этих так называемых лошадей, — настаивал отец.

Но инспектор внезапно устал от пререканий.

— В мои официальные обязанности, — резко сказал он, — входит сбережение их от вреда, который могут причинить им дураки и фанатики.

Отец чуть не ударил инспектора. Несколько дней он буквально кипел от ярости, и в очередное воскресенье нам пришлось выслушать пламенную проповедь на тему терпимости к Мутантам, которые загрязняют чистоту нашей общины. Он призвал к всеобщей борьбе против хозяина этих Нарушений, прошелся насчет аморальности верхов, намекнул, что некоторые, по-видимому, испытывают братские чувства к Мутантам, и в довершение всего заклеймил некое официальное лицо как беспринципного наемника беспринципных хозяев и местного представителя СИЛ ЗЛА.

У инспектора не было такой удобной трибуны для публичного ответа, зато широкое хождение получили некоторые его язвительные замечания о неуважении к власти, преследованиях, фанатизме, религиозной мании, привлечении к суду за оскорбление личности и возможных последствиях действий, направленных против решения Правительства.

Похоже, что именно последнее заставило отца ограничиться только разговорами. У него и так было много неприятностей

с дэйкеровой кошкой, которая вовсе ничего не стоила, а за коней-гигантов было заплачено очень дорого. Ну и разумеется, Энгус не упустил бы возможности передать дело в суд.

Все случившееся привело к тому, что в нашем доме воцарилась атмосфера плохо скрываемого раздражения, так что находиться в нем стало неприятно и хотелось держаться подальше.

В округе все успокоилось, и незнакомые люди почти не встречались. Поэтому родители Софи снова позволили ей гулять, и я, когда мог незаметно убежать, часто отправлялся к ней.

Софи в школу, конечно, не ходила, там бы ее быстро разоблачили, хотя бы из-за фальшивого свидетельства о рождении. Родители научили ее читать и писать, но так как у них в доме не было книжек, никакой пользы ей это не принесло. Поэтому во время прогулок мы много разговаривали, по крайней мере я старался пересказывать ей все, что узнавал из книжек.

Я рассказал ей о том, что наш мир довольно большой и, по-видимому, круглый. Основная его часть, в которой Вэкнак составлял маленький округ, называется Лабрадор. Считается, что так его назвали Прежние Люди, хотя полной уверенности в этом нет. Большая часть Лабрадора окружена водой, которая называется «море». Это очень важно, потому что в нем водятся рыбы. Никто из тех, кого я знал, за исключением дяди Акселя, в жизни не видел моря, потому что оно было очень далеко. Но если проехать миль триста на восток, на север или на северо-запад, то рано или поздно до него доберешься, а если на юг или юго-запад, то попадешь в Заросли или Дурные Земли и там погибнешь.

Еще говорили, хотя никто в точности этого не знал, что во времена Прежних Людей Лабрадор был очень холодной землей. Настолько холодной, что люди здесь жить не могли, а только выращивали деревья и добывали из земли что-то загадочное. Но все это было много-много лет назад. Может быть, тысячу лет назад, а может быть, и больше, точно никто не знал, только предполагали. Не было известно, сколько поколений людей жили, как дикари, с момента Бедствия и до той поры, когда началась описанная в книгах история. Из времен дикости и невежества до нас дошли только «Покаяния» Николсона, и то лишь потому, что они долго, может быть, несколько веков, хранились в запечатанном каменном сундуке. А со времени Прежних Людей сохранилась только Библия.

За исключением того, что рассказывалось в этих двух книгах, все прошлое, кроме трех последних столетий, вошедших в

нашу историю, представляло собой огромное черное пятно забвения. Из этой пустоты до нас дотягивались еще обрывки каких-то легенд, сильно исковерканных при передаче из уст в уста. Именно такая цепочка пересказов донесла до нас название «Лабрадор», потому что ни в Библии, ни в «Покаяниях» оно не упоминалось. Возможно, что правду говорили и о холодах, хотя теперь у нас было всего два холодных месяца в году — но, может быть, так случилось из-за Бедствия. Из-за Бедствия могло случиться все что угодно...

Очень долго обсуждался вопрос о том, обитаемы ли другие части света, кроме Лабрадора и большого острова Ньюфа. Полагали, что все остальное составляют Дурные Земли, на которые Бедствие обрушилось особенно тяжко, но потом обнаружили, что и там есть участки Зарослей. Они были заражены Отклонениями, безбожны и в настоящее время совершенно непригодны для освоения, но поскольку границы Дурных Земель там, как и у нас, постепенно отодвигались, когда-нибудь, возможно, их удастся освоить.

Вообще об остальном мире было известно мало, но по крайней мере это более интересный предмет, чем этика, которой нас обучал каждое воскресенье после обеда один старик. Этика рассказывала, почему мы должны или не должны делать то или другое. Большая часть того, что нельзя делать, совпадала с тем, чему учил отец, но причины некоторых запретов объяснялись по-иному, так что все запутывалось, и разобраться было трудно. Согласно этике, человечество пребывает в стадии возвращения в Благодать. Мы идем по едва различимому следу, который ведет нас трудным путем к вершинам, с которых мы когда-то свалились. От истинного пути ответвляется много ложных, некоторые из них кажутся легче и привлекательнее, но на деле ведут к краю вечной пропасти. Есть только один истинный путь, следуя которому мы с Божьей помощью и в назначенное время вернем то, что было утрачено. Но путь этот так трудно различим, так обильно усеян ловушками и обманом, что каждый шаг следует делать с величайшей осторожностью. Слишком опасно человеку полагаться на собственное разумение. Только власти, церковные и светские, могут судить, в каком именно направлении нужно делать очередной шаг, не опасаясь сбиться с искомого старого пути и тем самым отклониться от истинного восхождения на путь греховный. Надо трудом избыть посланное миру наказание Бедствием, надо с верой в сердце отыскать и

пройти долгий путь обратно наверх, надо устоять перед искушениями, и тогда Бог дарует нам прощение и наградит возвратом Золотого века.

Такие наказания посылались людям и раньше: изгнание из Рая, всемирный потоп, чума, гибель Содома и Гоморры, плен египетский... Бедствие — одно из них, величайшее из всех, и поэтому оно заключает в себе повторение всех предыдущих несчастий вместе взятых.

Почему оно было послано, до сих пор нам не открылось, но, судя по прошлым случаям, ему наверняка предшествовало время безбожия и самонадеянности.

Многочисленные правила, доводы и примеры были подытожены в этике следующим образом: долг и цель каждого человека в этом мире заключаются в том, чтобы неустанно бороться с тем злом, которое принесло нам Бедствие, и прежде всего каждый должен следить за тем, чтобы форма человеческого тела во всем повторяла божественный канон, дабы человеку было позволено, когда придет время, занять свое высокое место в образе Божием.

Однако об этой части этики я Софи никогда не рассказывал. Не потому, что про себя считал ее Отклонением, но ведь надо было признаться перед самим собой, что она не вполне соответствовала истинному образу Божьему, поэтому тактичнее казалось не касаться этого вопроса. И без того у нас находилось о чем поговорить.

5

Никого в Вэкнаке не волновало, если я пропадал надолго, но стоило попасться кому-нибудь на глаза, как для меня тут же находилась работа. Год выдался хороший, солнечный и в меру дождливый. Даже фермеры жаловались только на нехватку времени, отнятого у них борьбой с вторжением, — надо было нагонять упущенное. Весенний приплод у всех животных, кроме овец, дал необычайно низкий процент Нарушений. Злаки росли и вызревали настолько правильно, что только одно поле, принадлежащее Энгусу Мортону, инспектор приказал сжечь. Даже среди овощей почти не было Отклонений, как обычно, больше всего их дали пасленовые. В целом все говорило о том, что год будет рекордным по

Чистоте. Уничтожений проводилось так мало, что даже мой отец был доволен и в одной из своих проповедей объявил, что в этом году Вэкнак дал настоящий отпор силам Зла и надо возблагодарить Бога за то, что наказан только тот, кто привез коней-гигантов, а не вся община.

Этим летом все были так заняты, что мне ничего не стоило убежать из дома, и мы с Софи бродили, совершая гораздо более далекие прогулки, чем прежде. Правда, мы старались соблюдать осторожность и держались в стороне от людных дорог, чтобы ни с кем не встретиться. Софи так воспитали, что ее страх перед незнакомыми людьми граничил с инстинктом: она бесследно исчезала чуть ли не прежде, чем мы замечали кого-то. Единственный взрослый, с которым она подружилась, был Корки, присматривавший за паровой машиной. Всех остальных она опасалась.

Высоко по ручью мы нашли место, где берега были усыпаны галькой. Мне очень нравилось, сняв башмаки и закатав брюки, шлепать босиком по воде, внимательно оглядывая все камни и щели. Софи обычно сидела на каком-то выступавшем из воды большом плоском валуне и жадно наблюдала за мной. Однажды мы отправились туда с маленькими сачками, которые нам сделала миссис Уэндер, и банкой для добычи. Я бродил по воде, вылавливая маленьких, похожих на рачков существ, а Софи пыталась добраться до них с берега. Ей это не особенно удавалось, спустя некоторое время она сдалась и стала с завистью следить за мной. Потом, осмелев, она сняла один башмак, изучающе посмотрела на свою босую ногу и немного погодя сняла второй. Закатав штанины комбинезона выше колен, она ступила в воду. Некоторое время она задумчиво стояла, рассматривая сквозь воду свои ноги в окружении блестящих камешков. Я позвал ее:

— Иди сюда. Здесь их много.

Она прошлепала ко мне, возбужденно смеясь. Когда нам надоело, мы сели на плоский камень и выставили ноги на солнце, чтобы они обсохли.

— Они ведь не очень страшные? — спросила Софи, критически рассматривая свои ступни.

— Совсем они не страшные. Рядом с ними мои кажутся какими-то шишковатыми, — честно ответил я.

Ей мой ответ очень понравился. Через несколько дней мы снова пошли туда. Поставив на плоский камень банку, мы по-

ложили рядом башмаки и стали усердно ловить рачков, время от времени подбегая к валуну с добычей. Мы забыли обо всем на свете, как вдруг раздался чей-то голос:

— Эй, Дэвид, здорово!

Я взглянул вверх, чувствуя, как замерла рядом со мной Софи. На берегу, как раз над камнем, где лежали наши вещи, стоял окликнувший нас мальчик. Я узнал его. Это был Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца. Он был на два года старше меня.

— Здорово, Алан, — буркнул я неприветливо.

Прошлепав по воде к камню, я подобрал башмаки Софи и, крикнув «Лови!», бросил ей. Один она поймала, другой упал в воду, но она быстро его вытащила.

— Что вы здесь делаете? — спросил Алан.

Я ответил, что мы ловим рачков. Говоря это, я как бы невзначай вылез из воды на камень. Мне Алан никогда не нравился, а сейчас он был и вовсе некстати.

— Это ерунда. Ловить надо рыбу, — сказал он презрительно и перевел взгляд на Софи, которая с башмаками в руках выбиралась на берег немного выше по ручью.

— Кто она такая? — спросил он.

Я не торопился отвечать и медленно надевал башмаки. Софи тем временем скрылась в кустах.

— Кто она такая? — повторил он. — Она не из?..

Он замолчал, не договорив. Подняв глаза, я увидел, что он уставился на что-то рядом со мной. Я быстро повернул голову. На плоском камне виднелся мокрый отпечаток ступни. Софи наступила на камень, когда опускала добычу в банку. Отпечаток был еще довольно влажный, и все шесть пальцев проступали отчетливо. Я пнул банку. Каскад воды и дерущихся рачков залил камень, уничтожая отпечаток, но я с болью в сердце понял, что непоправимое уже совершилось...

— Ого! — сказал Алан с неприятным блеском в глазах. — Так кто она такая?

Я ничего не ответил.

— Я ведь все равно скоро узнаю, — сказал он с ухмылкой.

— Это не твое дело, — ответил я.

Не обращая на мои слова никакого внимания, он повернулся и посмотрел вверх по ручью в том направлении, где спряталась в кустах Софи.

Я взобрался с ногами на камень и бросился сверху на Алана. Он был крупнее меня, но я застал его врасплох, и мы свали-

лись, обхватив друг друга руками и ногами. Драться как следует я не умел, просто несколько раз участвовал в жестоких драках и поэтому только старался бить со всей силы. Я хотел выиграть хотя бы несколько минут, чтобы Софи успела надеть башмаки и спрятаться. Если у нее будет немного времени в запасе, ему никогда ее не найти. Это я знал по опыту.

Оправившись от удивления, он так ударил меня два раза по лицу, что я забыл о Софи и стал отчаянно защищаться ногами и зубами. Мы перекатывались по маленькой лужайке. Я дрался изо всех сил, но начало сказываться то, что он был тяжелее меня. Он становился все увереннее, а я все слабее. Однако кое в чем я выиграл: помешал ему сразу погнаться за Софи. Постепенно он стал одолевать меня. Он уже сидел на мне и колотил, а я тщетно пытался из-под него выбраться. Я лягался и брыкался, но мог только освободить руки, чтобы защитить голову. Вдруг раздался дикий вопль, и удары прекратились. Он повалился на меня. Я столкнул его с себя, сел и увидел Софи с большим острым камнем в руке.

— Это я его ударила, — сказала она гордо, но с некоторым удивлением. — Он не умер?

Ударила она его крепко. Алан лежал неподвижно, с побелевшим лицом, по щеке у него текла струйка крови, но дышал он ровно, так что, без сомнения, был жив.

— Ой, мама. — Внезапно ослабев, Софи уронила камень.

Мы поглядели на Алана, потом друг на друга. По-моему, у обоих было желание сделать что-то для него, но мы побоялись.

«НИКТО не должен знать. НИКТО!» — настойчиво повторяла нам миссис Уэндер, а теперь этот мальчик узнал. Это нас испугало. Я попятился, схватил Софи за руку и потащил прочь.

— Идем скорее, — торопил я ее.

Джон Уэндер внимательно и терпеливо выслушал наш рассказ.

— Ты уверен, что он видел? Может, он просто заинтересовался Софи, потому что она ему незнакома? — спросил он под конец.

— Нет, — ответил я. — Он увидел отпечаток ноги, поэтому и захотел ее поймать.

Джон Уэндер медленно кивнул.

— Понимаю, — сказал он, и я удивился, как спокойно это прозвучало. Он пристально изучил наши лица. Глаза Софи све-

тились тревогой и возбуждением. Мои, должно быть, покраснели, на лице были грязные потеки. Повернув голову, он встретил взгляд жены и внимательно посмотрел ей в глаза: — Боюсь, дорогая, что время пришло.

— Джонни, неужели? — Расстроенное лицо миссис Уэндер побледнело.

— Да, Марти, очень жаль, но это так. Мы знали, что рано или поздно так случится. Слава Богу, что это случилось при мне. Сколько времени тебе надо на сборы?

— Немного, Джонни. Я всегда держала вещи наготове.

— Хорошо. Тогда за дело.

Он поднялся, обойдя стол, подошел к ней, обнял, наклонился и поцеловал. У нее в глазах стояли слезы.

— Джонни, милый. Ты так добр ко мне, а ведь я принесла тебе такое... — Он прервал ее поцелуем. Долгим взглядом они посмотрели в глаза друг другу, а потом без единого слова оба повернулись к Софи. Миссис Уэндер взяла себя в руки, быстро подошла к буфету, достала еду и поставила на стол.

— Идите сначала умойтесь, грязнули, — сказала она. — Потом приметесь за еду, и чтоб съели все до крошки.

Умываясь, я задал наконец вопрос, который меня давно мучил:

— Миссис Уэндер, если дело только в пальцах на ногах, то почему вы их не отрезали, когда Софи была маленькой? Я не думаю, что ей было бы больно, и тогда никто бы никогда не узнал.

— Остались бы шрамы, Дэвид, и, увидев их, люди сразу бы догадались, в чем дело. Скорее за стол, ужинать.

— Мы уезжаем, — сказала Софи с набитым ртом.

— Уезжаете? — тупо переспросил я.

Она кивнула:

— Мама говорила, что если кто-нибудь когда-нибудь узнает, мы уедем. Мы чуть было не уехали в тот раз, когда ты увидел.

— Уезжаете насовсем? И никогда не вернетесь? — огорчился я.

— Да, наверное.

Хотя я и проголодался, после этих слов мой аппетит начисто пропал. Я сидел и ковырял в тарелке. Раздававшиеся в доме звуки суеты и беготни приобрели особый смысл. Через стол я посмотрел на Софи, в горле у меня стоял комок.

— Куда? — грустно спросил я.

— Не знаю, куда-нибудь подальше, — ответила она.

Мы продолжали сидеть за столом. Софи жевала и болтала, а я не мог ничего проглотить из-за комка в горле. Вокруг и впереди, в будущем, была пустота. Я знал, что все теперь станет другим и прежнее больше не вернется. При этой мысли меня охватило отчаяние. Я с трудом сдерживал слезы.

Появилась миссис Уэндер с множеством тюков и сумок, и я мрачно наблюдал, как она свалила их около двери и снова вышла. С улицы вошел мистер Уэндер и забрал часть из них. Снова появилась миссис Уэндер и увела Софи в другую комнату. Когда мистер Уэндер зашел за тюками в следующий раз, я двинулся за ним.

Две лошади, Пятнышко и Рыжик, терпеливо стояли около дома, часть вещей уже была навьючена на них. Я удивился, что нет повозки, и спросил об этом. Джон Уэндер покачал головой.

— Повозка привязывает к дороге, а с вьючными лошадьми едешь куда хочешь, — ответил он.

Я смотрел, как он крепит тюки, и собирался с духом. Наконец я сказал:

— Мистер Уэндер, пожалуйста, возьмите меня с собой!

Он прекратил работу и обернулся ко мне. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом он с сожалением медленно покачал головой. Наверное, он увидел, что я чуть не плачу, поэтому положил мне на плечо руку и не убирал ее.

— Зайдем в дом, Дэви, — сказал он и повел меня обратно.

Миссис Уэндер снова была в комнате, она стояла посередине и оглядывалась, проверяя, не забыла ли чего.

— Марти, он хочет ехать с нами, — сказал мистер Уэндер.

Она опустилась на стул и протянула ко мне руки. Я подошел к ней, говорить я не мог. Глядя поверх моей головы, она сказала:

— Джонни, этот ужасный отец. Я боюсь за мальчика.

Я находился так близко от нее, что мог уловить ее мысли. Они мелькали быстрее слов, но понимать их было легко. Я понял, что она чувствовала, что она искренне хотела взять меня с собой, но потом мысли ее сделали скачок, и я без объяснений уже знал, что мне с ними нельзя, я не должен с ними ехать. Я получил ответ раньше, чем Джон Уэндер произнес первую фразу.

— Я знаю, Марти, но я боюсь за Софи и за тебя. Если нас поймают и обвинят не только в Сокрытии, но и в похищении детей...

— Если они заберут Софи, мне будет все равно, Джонни.

— Но, родная моя, дело не только в этом. Когда они узнают, что мы уехали из их округа, мы уже станем чужой заботой, и они не будут забивать себе голову нами. Но если у Строрма пропадет сын, то шум будет на много миль вокруг, и я сомневаюсь, что нам удастся бежать. Чтобы найти нас, они все перевернут. Ты же понимаешь, мы не можем увеличивать опасность для Софи.

Некоторое время миссис Уэндер молчала. Я чувствовал, как совпадают все его слова с тем, что она сама думала раньше. Наконец она крепко обняла меня:

— Ты ведь все понял, Дэвид? Твой отец очень рассердится, если ты поедешь с нами, и у нас будет меньше шансов спасти Софи. Я очень хочу, чтобы ты с нами поехал, но ради Софи мы не можем себе это позволить. Пожалуйста, Дэвид, будь мужественным. Ты единственный ее друг, будь храбрым ради нее. Скажи, будешь?

Ее слова были неуклюжим повторением мыслей, гораздо более ясных. Я уже подчинился неизбежности, но говорить не мог. Молча кивнув, я позволил ей обнять себя. Моя собственная мать не обнимала меня так нежно.

Приготовления к отъезду закончились только к концу дня. Когда все было готово, мистер Уэндер отвел меня в сторону.

— Дэви, — сказал он, сказал как мужчина мужчине, — я знаю, ты хорошо относишься к Софи. Ты героически дрался за нее, но есть еще одна вещь, которая может ей помочь. Сделаешь?

— Да, — ответил я, — что нужно сделать, мистер Уэндер?

— Только одно. Когда мы уедем, не иди домой сразу. Останься до утра. Сможешь? У нас тогда будет больше времени, чтобы добраться до безопасного места. Сделаешь это?

— Да, — ответил я твердо, и мы пожали друг другу руки.

Этот разговор придал мне силы, я почувствовал ответственность за Софи, как в тот день, когда она вывихнула ногу. После разговора мы вернулись в дом, и Софи протянула мне руку, в которой было что-то зажато.

— Это тебе, Дэвид, — сказала она, вкладывая мне что-то в руку. Это был локон каштановых волос, перевязанный желтой ленточкой. Я стоял и не мог оторвать от него глаз. Софи бросилась мне на шею и поцеловала неумело, но решительно. Потом отец поднял ее и посадил сверху на вьюк первой лошади. Миссис Уэндер нагнулась и тоже поцеловала меня.

— Прощай, дорогой Дэвид. — Она нежно коснулась пальцами моей раскрасневшейся щеки. — Мы никогда тебя не забудем, — сказала она, на глазах у нее блестели слезы.

Они тронулись в путь. Джон Уэндер вел лошадей и держал под руку жену, через плечо у него висело ружье. На краю леса они остановились и обернулись, чтобы помахать мне. Я ответил им тем же, и они поехали дальше. Последнее, что я увидел перед тем, как их поглотила тень деревьев, была поднятая в прощальном приветствии рука Софи.

Солнце уже поднялось высоко, и все люди давно вышли в поле, когда я добрался домой. Во дворе никого не было, но у столба рядом с дверью стоял привязанный пони инспектора, из чего я заключил, что отец тоже дома. Я надеялся, что выждал достаточно времени. Ночь я провел плохо. Сначала я был настроен очень храбро, но с наступлением темноты моя решимость ослабела. Я никогда не ночевал вне стен собственного дома. Там все было привычно, а в опустевшем жилище Уэндеров отовсюду раздавались странные звуки. Я сумел найти свечи и зажег их, потом запалил огонь в очаге и подложил в него побольше дров. Стало чуть веселее, но не намного. И в доме, и вокруг него продолжали раздаваться какие-то шумы. Довольно долго я сидел на табурете, прислонившись спиной к стене, чтобы никто не подобрался ко мне незаметно. Несколько раз мужество едва не покидало меня. Я безумно хотел убежать. Конечно, приятнее было бы думать, что меня удерживало мое обещание и мысли о безопасности Софи, но я хорошо помню, какая непроглядная темнота стояла за окном, там, где черная ночь рождала непонятные звуки и движения.

В ночи таились предчувствия ужасов, но в действительности ничего не случалось: звуки крадущихся шагов не обрывались ничьим появлением, постукивание и шарканье ничему не предшествовали. Они были необъяснимы, но, к счастью, явно ни к чему потустороннему не имели отношения, так что в конце концов, несмотря ни на что, глаза мои начали слипаться, и скоро меня стало качать на табурете. Собравшись с духом, я осмелился слезть с него и осторожно перебраться на постель напротив. Я забрался к самой стенке, прижался к ней спиной и почувствовал облегчение. Какое-то время я лежал, разглядывая свечи и неясные тени от них в углах комнаты, и размышлял, что буду делать, когда они погаснут, как вдруг в окно засветило солнце.

В доме Уэндеров я нашел немного хлеба и поел, но к тому времени, как я добрался до дома, снова проголодался. Сначала я намеревался незаметно пробраться в свою комнату. У меня была слабая надежда, что мое отсутствие прошло незамеченным и мне удастся притвориться, что я всего-навсего проспал. Но удача мне изменила. Мэри увидела меня из окна и громко позвала:

— Немедленно иди сюда. Тебя все ждут. Где ты был? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — Отец бушует. Лучше пойди к нему, чтобы не было хуже.

Отец сидел с инспектором в нашей парадной комнате, которой мы обычно не пользовались. Я, по-видимому, пришел в критический момент. Инспектор выглядел как всегда, зато отец был грозен.

— Иди сюда! — рявкнул он, как только я показался в дверях.

Я неохотно приблизился.

— Где ты был? Тебя не было всю ночь! Где ты был? — требовательно вопрошал отец.

Я молчал. Он выпаливал вопрос за вопросом и, так как я не отвечал ни на один, свирепел на глазах.

— Отвечай! Запирательство не поможет. Кто эта девчонка, это Богохульство, с которым ты был вчера? — кричал отец.

Я продолжал молчать. Глаза его сверкали от ярости. Таким я его еще никогда не видел и от страха был чуть жив. Тогда вмешался инспектор. Тихим голосом он произнес:

— Дэвид, ты же знаешь, что сокрытие Богохульства очень и очень серьезная вещь. Людей за это сажают в тюрьму. Долг каждого заявить мне о любом Нарушении, даже если нет полной уверенности в нем, чтобы я мог разобраться. В данном случае нет даже сомнений, разве что молодой Эрвин ошибся. Он говорит, что у этой девочки шесть пальцев на ноге. Это правда?

— Нет, — ответил я.

— Он лжет, — сказал отец.

— Я вижу, — спокойно и рассудительно продолжал инспектор. — Что ж, если это неправда, то не имеет никакого значения, если мы узнаем, кто она. Ведь так?

Я ничего не ответил. Так казалось вернее. Мы смотрели друг на друга.

— Ты с этим согласен? Если это ложь, то... — Он намеревался убеждать меня дальше, но отец оборвал его:

— Я сам справлюсь. Мальчишка лжет, — и, обращаясь ко мне, добавил: — Иди в свою комнату.

Я заколебался. Слишком хорошо я знал, что за этим последует, но, кроме того, я знал, что, раз отец в таком настроении, я получу свое независимо от того, скажу им правду или нет. Сжав зубы, я повернулся к выходу. Отец шел следом, по пути он взял со стола хлыст.

— Это мой хлыст, — вежливо сказал инспектор.

Отец как будто не слышал его. Инспектор встал.

— Я сказал, это мой хлыст, — повторил он суровым голосом.

Отец остановился и резко бросил хлыст обратно на стол. Зло посмотрев на инспектора, он повернулся и пошел за мной.

Я не знаю, где была в это время моя мать. Может быть, она боялась отца, но утешить и помазать мне спину пришла Мэри. Она плакала, помогая мне лечь на постель, потом покормила меня с ложечки бульоном. При ней я старался держаться, но когда она ушла, заплакал навзрыд — не от боли в исполосованной спине, а от презрения к себе, унижения и горечи. В отчаянии я сжимал в руке желтую ленточку и локон каштановых волос:

— Я ничего не мог поделать, Софи! Я ничего не мог поделать!

6

Вечером, когда я немного успокоился, то понял, что со мной пытается говорить Розалинда. Другие тоже озабоченно интересовались, в чем дело. Я рассказал им о Софи. Теперь это не было секретом. Я почувствовал, что они неприятно поражены, и пытался объяснить им, что Отклонение, по крайней мере маленькое Отклонение, не делает человека чудовищем, как нам говорили. Оно никак не сказывается на человеке, во всяком случае, на Софи оно не отразилось.

Они восприняли это с сомнением. Все, чему нас учили, восставало в них против этого, хотя они понимали, что я верю в то, о чем говорю. Когда общаешься при помощи мыслей, не можешь лгать. Не очень успешно усваивали они новую идею о том, что Отклонение не обязательно противно и безобразно, поэтому осо-

бенно утешить меня мои собеседники не могли, и я не огорчился, когда один за другим они умолкли. Я понял, что они заснули. Сам я очень устал, но сон не шел. Я лежал и представлял себе, как Софи и ее родители пробираются на юг под сомнительную защиту Зарослей, и отчаянно надеялся, что они уже достаточно далеко и мое предательство им не повредит. А когда наконец я заснул, то сны стали быстро сменяться один за другим. Мелькали люди, лица, какие-то сцены. Снова мы стояли посреди двора, и отец расправлялся с Нарушением, которым была Софи, и я проснулся от собственного крика, когда пытался его остановить. Мне было страшно засыпать снова, но я все же заснул и на этот раз увидел другой сон. Мне опять пригрезился большой город у моря, с улицами, домами и летающими штуками в небе. Уже много лет он снился мне, но все выглядело так же, как раньше, и почему-то меня это успокоило.

Мать заглянула ко мне утром, но держалась холодно и смотрела с укоризной. Заботы обо мне взяла на себя Мэри. Она велела мне в этот день не вставать с постели, а лежать не двигаясь на животе, чтобы спина быстрее заживала. Я кротко подчинился всем ее указаниям, потому что так меньше болело, и лежал, обдумывая план бегства. Бежать я собирался, как только заживет спина и я смогу встать. Я пришел к выводу, что мне нужна лошадь, и посвятил большую часть утра решению вопроса, как ее украсть и ускакать в Заросли.

Днем заглянул инспектор, прихвативший с собой пакет пирожных с кремом. Какое-то время я даже подумывал о том, чтобы как-нибудь невзначай узнать у него поподробнее о Зарослях: в конце концов, инспектор по Отклонениям должен знать о них больше других. Но потом раздумал, решив, что это слишком рискованно.

Инспектор пришел по делу. Очень доброжелательно и сочувственно он жевал сладости и дружеским тоном задавал вопросы:

— Сколько времени ты знаком с ребенком Уэндеров? Как, кстати, ее зовут?

Я ответил ему, теперь это не могло причинить ей вреда.

— Давно ты узнал, что Софи — Отклонение?

Я счел, что правда уже не ухудшит положения, и признался:

— Давно.

— А как давно?

— Что-то около полугода.

Он поднял брови и посерьезнел:

— Это очень плохо, понимаешь? Ведь это то, что мы называем сокрытием преступления. Ты должен был знать, что это нехорошо, как же ты так?

Я опустил глаза и заерзал было под его пристальным взглядом, но потом перестал, потому что от этого начало дергать спину.

— Все было совсем не похоже на то, как об этом говорили в церкви, — попытался я объяснить, — и потом, пальчики были совсем крошечные...

Инспектор взял еще пирожное и подтолкнул пакет мне:

— «...и на каждой ноге должно быть по пять пальцев», — процитировал он. — Помнишь?

— Да, — грустно согласился я.

— Дело в том, что все части Определения важны одинаково. Если этот ребенок не подходит под Определение, значит, это не человек и у нее нет души. То есть это не образ Божий, а подделка. В подделке же всегда что-нибудь не так. Только Бог создает совершенство. И хотя Отклонения могут очень сильно походить на нас, они не настоящие люди. Они нечто совершенно другое.

Я обдумал его слова и сказал:

— Но Софи не другая. Она ничем, кроме пальцев, не отличается.

— Когда ты станешь постарше, тебе будет легче разобраться. Но и сейчас ты уже знаешь Определение и должен был понять, что Софи отклоняется от Нормы. Почему ты не рассказал о ней своему отцу или мне?

Я рассказал ему свой сон, в котором отец расправлялся с Софи так же, как с одним из Нарушений на ферме. Инспектор задумчиво посмотрел на меня и кивнул:

— Понимаю, но с Богохульствами поступают иначе, чем с Нарушениями.

— Что с ними делают?

Он уклонился от ответа и продолжил свою мысль:

— Знаешь, мой долг включить твое имя в рапорт об этом случае. Поскольку твой отец уже принял меры, я могу не делать этого, но все равно дело это очень серьезное. Дьявол засылает к нам Отклонения, чтобы мы ослабели и отвлеклись от Чистоты. Иногда ему удается создать подделку почти совершенную, так что мы должны быть все время начеку, чтобы разглядеть его

ошибку, пусть самую маленькую. А когда мы ее обнаружим, то должны немедленно о ней заявить. Запомни это на будущее, ладно?

Я не поднимал глаз: инспектор инспектором, он, конечно, лицо важное, но я все равно не мог поверить, что Софи послана Дьяволом. И мне не верилось, что крошечные лишние пальчики на ногах что-нибудь в этом меняют.

— Софи мой друг, — сказал я, — мой лучший друг.

Инспектор посмотрел на меня долгим взглядом, потом покачал головой и вздохнул:

— Верность — это великая добродетель, но есть такое понятие, как ложно понятая верность. Придет день, когда ты поймешь всю важность верности более высокой. Чистота расы... — Он прервал речь, потому что дверь открылась. Вошел отец.

— Их поймали, всех троих, — сказал он инспектору и с отвращением посмотрел на меня.

Инспектор сразу поднялся, и они вместе вышли. Я смотрел на закрытую дверь. От ужасного сознания собственной вины меня трясло. Слезы катились по щекам, я захлебывался ими, пытался остановиться и не мог. Я забыл об истерзанной спине: боль, которую причинили отцовские новости, была сильнее. Грудь стеснило так, что я задыхался.

Дверь снова отворилась. Я стоял лицом к стене, кто-то пересек комнату. На мое плечо легла рука, и раздался голос инспектора:

— Это не из-за тебя, старина. Ты здесь ни при чем. Их захватил патруль в двадцати милях от нас. Совершенно случайно.

Дня через два я сказал дяде Акселю, что собираюсь бежать. Он прервал работу и стал задумчиво разглядывать свою пилу.

— Я бы этого не делал, — сказал он. — Обычно из этого ничего хорошего не выходит. А кроме того, — добавил он, помолчав, — куда ты убежишь?

— Об этом я хотел посоветоваться с вами.

Он покачал головой:

— В любом округе захотят увидеть твое свидетельство о Нормальности и тогда сразу узнают, кто ты и откуда.

— Только не в Зарослях, — предположил я.

Он ошеломленно уставился на меня.

— Да ты что? В Заросли собрался? У них же там ничего нет, даже еды не хватает. Они ж все почти живут впроголодь, поэто-

му и устраивают набеги. Тебе придется все силы тратить на то, чтобы выжить.

— Но ведь должны быть другие края, — сказал я.

— Разве только ты отыщешь корабль, который возьмет тебя, да и то... — Он снова покачал головой. — Мой жизненный опыт говорит, что, если убегаешь от чего-то только потому, что оно тебе не нравится, тебе не понравится и то, к чему прибежишь. Другое дело бежать к чему-то определенному. А к чему побежишь ты? Поверь мне, здесь гораздо лучше, чем в большинстве других мест. Так что, Дэви, я против. Через несколько лет, когда ты возмужаешь, станешь самостоятельным, тогда может быть. Но до тех пор, по-моему, лучше никуда не бегать. Гораздо хуже будет, если тебя поймают и вернут назад.

Пожалуй, он был прав. Я уже начал понимать значение слова «унижение» и не хотел испытать это снова. Из того, что сказал дядя Аксель, выяснилось, что вопрос «куда идти» будет нелегким и впоследствии. Самым разумным было бы узнать все, что возможно, об окружающем мире за пределами Лабрадора. И я попросил его рассказать мне, как там все выглядит.

— Безбожно, — ответил он, — совершенно безбожно.

Такой ничего не говорящий ответ я часто слышал от отца. Поэтому я был очень разочарован, получив его от дяди Акселя, и сказал ему об этом. Он усмехнулся:

— Точно, Дэви, ты прав. Что ж, если не разболтаешь, я, пожалуй, расскажу тебе кое-что.

— Это что, секрет? — недоуменно спросил я.

— Не совсем, — ответил он, — но дело в том, что когда у людей уже сложилось привычное представление о мире, а проповедники твердят им, что лишь оно правильное, то, попытавшись изменить их взгляды, дождешься не благодарности, а неприятностей. Моряки в Риго давно это поняли и разговаривают о том, что видели, в основном с другими моряками. А если остальные хотят верить, что вокруг одни только Дурные Земли, пусть верят. От этого в окружающем мире ничего не изменится, а им так жить спокойнее.

— У меня в книге сказано, что вокруг Лабрадора Дурные Земли или плохие Заросли, — заметил я.

— Есть книги, в которых говорится другое, но их не достанешь даже в Риго, не говоря уж о нашем захолустье. И учти, верить всему, что рассказывают моряки, нельзя. Иногда не поймешь, говорят ли они об одних и тех же местах, даже если они

уверяют в этом, или о разных землях. Но когда сам что-то повидал, начинаешь понимать, что мир гораздо удивительнее, чем кажется отсюда, из Вэкнака. Ну что, сумеешь держать язык за зубами?

Я заверил, что сумею.

— Тогда слушай... — начал он. — Чтобы добраться до остального мира, — объяснил дядя Аксель, — надо плыть от Риго вниз по реке до моря. Говорят, что плыть прямо на восток бесполезно, потому что там море не то длится бесконечно, не то неожиданно кончается, и тебя может перебросить через его край, в точности неизвестно.

А если плыть на север вдоль берега и придерживаться его, пока он не повернет на запад, а потом на юг, то доберешься до другой стороны Лабрадора. Если же плыть прямо на север, то попадешь в холодные края, где много островов. На них нет особой живности, кроме птиц и морских животных. На северо-востоке, говорят, есть большая земля, где растения не очень нарушают норму, а животные и люди на вид как будто без отклонений, но женщины там высокие и сильные. Они всем управляют и делают всю работу. Мужчин своих до двадцати четырех лет они держат в клетках, а потом съедают их. Моряков, потерпевших кораблекрушение, тоже съедают. Но поскольку никто никогда не видел ни одного человека, побывавшего там и сумевшего оттуда бежать, то непонятно, как об этом узнали. Хотя, с другой стороны, не нашлось никого, кто вернулся бы оттуда и сказал, что это неправда. Я знаю только дорогу на юг. Там я побывал три раза. Чтобы попасть на юг, надо, выйдя из реки, держаться правого берега. Примерно через 200 миль подойдешь к проливу Ньюфа. В том месте, где пролив расширяется, надо пристать к берегу Ньюфа в Ларке, чтобы, если позволят жители, набрать свежей воды и провизии. Потом плыть на юго-восток, а потом на юг, пока с правого борта не увидишь берег материка. Если тогда пойдешь к нему, то увидишь Дурные Земли или по крайней мере очень Дурные Заросли. Растительность там буйная, но если подплыть ближе к берегу, то видно, что почти вся она состоит из Отклонений.

Есть там и животные, но большинство из них выглядят так, что даже не поймешь, от чего они отклонились.

Спустя еще один-два дня плавания увидишь, что к берегу часто подходят Дурные Земли. А потом обогнешь большой залив, и там Дурные Земли пойдут сплошняком, без всяких про-

светов. Когда моряки впервые попали в эти края, то очень испугались. Они поняли, что оставили Чистоту за спиной и плывут все дальше и дальше от Бога, туда, где он им не сможет помочь. Всем известно, что если вступишь на Дурные Земли — умрешь, но никто не думал, что придется увидеть их своими собственными глазами так близко. А больше всего моряков и тех, кому они, вернувшись, рассказали об этом, смутило то, что все эти существа, противные Божьим законам, прекрасно там живут и здравствуют, как будто так и надо.

Да, поначалу это зрелище просто оскорбляло глаз. Там росли гигантские злаки с колосьями, поднимающимися выше, чем какие-нибудь наши деревца; на скалах располагаются гигантские мхи, их корни струятся по ветру, как длинные пряди волос; кое-где там встречаются колонии грибов, которые с первого взгляда можно принять за большие белые валуны. Еще там видели кактусы, толстые, как бочки, размером с небольшой дом и с колючками в десять футов длиной.

Есть там растения, живущие на вершинах скал, но их длинные зеленые плети спускаются на сотни футов вниз в море, так что не разберешь, наземное ли растение спустилось к воде или морское каким-то образом вскарабкалось на такую высоту. Там сотни разных странных существ. Нормальные почти не встречаются. Это какие-то джунгли Отклонений, они простираются на многие, многие мили. Животных там мало, а если изредка мелькают какие-то, то подобрать им название невозможно. Но там много птиц, большей частью морских. А раз или два люди видели, как в небе летело что-то большое. Из-за расстояния нельзя было толком разглядеть, что это такое, но двигалось оно не так, как птицы.

Это зловещие, заколдованные края, и те, кто повидал их, в какой-то момент вдруг понимают, что нечто подобное могло быть и здесь, у нас, если бы не инспекторы и законы о Чистоте.

Все это достаточно безобразно, но есть вещи и похуже. Еще дальше на юг начинают появляться прогалины, где можно увидеть лишь самую простую и очень скудную растительность. А вскоре открываются целые куски берега, где на 20, 30, 40 миль в глубину ничего не растет. Вообще ничего.

Все побережье голо. Просто черная шершавая земля. И в глубине материка все обозримое пространство тоже представляет собой огромную угольную пустыню. Если виднеются скалы, их линии жестки и зазубренны и ничем не смягчены. В

море там нет ни рыбы, ни водорослей, ни даже ила. Когда один корабль как-то заплыл туда, то все рачки и ракушки, наросшие на днище, опали, и киль его совершенно очистился. Там не увидишь птиц. Там неподвижно все, кроме волн, разбивающихся о черный берег. Это жуткие места. Шкипер не поведет туда свой корабль, и моряки рады подчиниться этому запрету. А между тем, по-видимому, так было не всегда. Как-то раз корабль одного лихого капитана заплыл в те края и пристал к берегу. Команда увидела на берегу какие-то огромные каменные руины. И моряки согласились, что для природного нагромождения камни расположены слишком правильно и что, по-видимому, это остатки города Прежних Людей. Но это все, что стало о них известно. Многие из команды этого корабля заболели и умерли, а остальные так никогда и не оправились от путешествия, поэтому больше никто не рисковал приближаться к тем местам.

Дурные Земли тянутся на сотни миль вдоль берега, лишь с небольшими участками мертвых черных земель. Протяженность их так велика, что первые смельчаки, которые туда поплыли, вынуждены были повернуть назад, решив, что им никогда не достигнуть мест, где можно взять воду и провиант. А вернувшись, они рассказывали, что, по их мнению, так оно и тянется до края земли.

Единственными, кто был доволен привезенными известиями, оказались церковники и проповедники, потому что подтверждалось то, чему они учили, и на какое-то время у людей пропал интерес к поискам новых земель.

Однако позже любознательность возобладала, и снова поплыли на юг корабли, только оснащены они были гораздо лучше. На одном из них наблюдателем оказался некто Мартер. В своем дневнике, впоследствии им опубликованном, он записал что-то вроде этого:

> Черное Побережье, по-видимому, представляет собой крайнюю разновидность Дурных Земель. Поскольку приближение к ним чрезвычайно опасно, о них неизвестно ничего достоверного, кроме того, что они бесплодны, а некоторые их участки слабо светятся по ночам.
>
> Однако результаты исследований, которые можно было провести на расстоянии, не подтверждают точки зрения правого крыла Церковной партии о том, что эта безжизненность является следствием неконтролируемых отклонений. Нет никаких дан-

ных, указывающих на то, что эта форма болезни земной поверхности способна распространяться на другие загрязненные участки суши. Напротив, более достоверным представляется противоположное мнение. А именно, так же, как подчиняются нам со временем Дикие Земли, так же, как постепенно Дурные Земли уступают свое место их обитателям Зарослей, так же, по-видимому, сокращаются внутри Дурных Земель Черные.

Из-за невозможности проведения наблюдений на близком расстоянии сведения эти недостаточно подробны, но даже в таком ограниченном виде показывают, что живые формы, правда, в самом примитивном виде, проникают в это жуткое запустение и завоевывают его.

Именно эта и подобные ей части дневника Мартера навлекли на него гнев ортодоксов, потому что подводили к мысли о том, что отклонения никакие не проклятия и постепенно исправляются сами собой. За такие еретические высказывания Мартера привлекли к суду, развернулась целая кампания по запрещению дальнейших исследований тех земель.

Кутерьма была в самом разгаре, когда в Риго вернулся корабль «Дерзание», давно считавшийся пропавшим. Его сильно покорежило, в команде не хватало людей, паруса латаны-перелатаны, вместо бизани временная мачта — общий вид ужасающий; но зато вернувшиеся с триумфом объявили, что первыми достигли земель за Черным Побережьем. Корабль привез оттуда разные диковинные товары, в том числе золотые, серебряные и медные украшения, а также груз пряностей. Доказательства их слов были налицо, но с пряностями возникли неприятности, ведь не существовало никакой возможности выяснить, чистой ли они породы или это мутанты. Самые набожные прихожане отказались даже прикасаться к ним из страха, что они могут оказаться Отклонениями. А остальные предпочли поверить, что именно об этих пряностях упоминается в Библии. Как бы то ни было, стоили они дорого, и теперь стало выгодно посылать за ними корабли на юг.

Края там дикие. У тамошних жителей нет никакого понятия о том, что такое грех, поэтому Отклонения они не пресекают. А там, где понятие греха существует, под этим словом подразумевают совсем не то, что мы. В большинстве своем они не стыдятся Мутантов. Их не тревожит, когда рождаются неправильные дети, лишь бы они были жизнеспособны и могли бы при-

учиться заботиться о себе. Во многих краях живут Отклонения, считающие себя нормальными. Есть, например, такое племя, где и мужчины, и женщины совершенно лишены волос, которые они полагают меткой Дьявола; а в другом племени у всех белые волосы и розовые глаза. В одном месте тебя не признают за истинного человека, если на руках и на ногах у тебя нет перепонок, а в другом женщине, у которой только две груди, не разрешают иметь детей.

Есть там остров, где живут одни толстяки, а есть — где обитают только худые люди. Рассказывают даже, что на некоторых островах мужчины совсем сошли бы за истинных людей, если бы какое-то отклонение не сделало их целиком черными. Хотя, пожалуй, в это легче поверить, чем в то, что существует целая раса Отклонений, которые выродились в существ величиной в два фута, обзавелись мехом и хвостом и стали жить на деревьях.

В общем, все там гораздо причудливее, чем можно себе представить. Кто хоть раз повидал те края, поверит, что на свете все возможно. А вообще в тех краях очень опасно. Рыбы и морские животные там больших размеров и свирепее, чем у нас. Когда там сходишь на берег, то никогда не знаешь, как воспримут тебя местные Отклонения. Кое-где они настроены дружелюбно, а в других местах осыпают чужеземцев отравленными стрелами. На одном из островов в незваных гостей сначала кидают бомбы, сделанные из перца, завернутого в листья, а когда он попадает им в глаза, добивают их копьями. Там никогда не знаешь, чего ждать.

Иногда тебя встречают по-дружески, пытаются с тобой разговаривать, а ты ни слова не можешь понять. Однако бывает и так, что прислушиваешься подольше и начинаешь узнавать слова, похожие на наши, только звучащие не по-нашему. И еще обнаруживается кое-что — странное и смущающее. У всех племен существуют сходные с нашей легенды о Прежних Людях, как они умели летать, как строили города, плавающие по морю, как могли разговаривать друг с другом через сотни миль и тому подобное. А больше всего тревожит то, что практически все они (и семипалые, и четырехрукие, и волосатые, и шестигрудые, и другие, не знаю еще какие), все они считают, что именно они — копия Прежних Людей, а все непохожие на них — Отклонения. Поначалу это кажется глупостью, но повстречаешься с одними, с другими, такими же уверенными в своей истинности, как мы, и начинаешь задумываться. Принимаешь-

ся спрашивать себя: ну а какие, собственно, есть настоящие доказательства того, что МЫ соответствуем Истинному Образу? И обнаруживаешь, что в Библии не говорится ничего противоречащего утверждению, что Прежние Люди похожи на нас, но, с другой стороны, в ней вообще нет определения Человека. Все определения идут из «Покаяний» Николсона, а он сам говорит о том, что жил через несколько поколений после Бедствия. В итоге начинаешь сомневаться, а ЗНАЛ ли он на самом деле, что соответствует Истинному Образу, или только думал, что знает...

Дядя Аксель много рассказывал о южных краях, гораздо больше, чем я смог запомнить. Все было очень интересно, но я-то хотел узнать другое и в конце концов я спросил его прямо:

— Дядя Аксель, а города там есть?

— Города? — повторил он. — Пожалуй, кое-где там можно встретить что-то вроде города, размером примерно с Кентак, но построенного иначе.

— Да нет! Я имею в виду большие города. — И я описал ему город из моего сна, не упоминая, что это сон.

Он недоуменно посмотрел на меня:

— Нет, я никогда ни о чем похожем не слыхал.

— А может быть, он далеко? Дальше, чем вы добирались, — предположил я.

Он покачал головой:

— Дальше не доберешься. Море переполнено водорослями. Их просто масса, а стебли у них длинные и крепкие, как проволока. Корабль не может пройти сквозь них, а если случайно туда попадешь, еле выберешься из них.

— Значит, ты совершенно уверен, что никакого города там нет?

— Совершенно, — ответил он, — если бы был, за это время слухи о нем обязательно бы дошли до нас.

Я был разочарован. Получалось, что бежать на юг, даже если бы нашелся корабль, на который согласились бы меня взять, это все равно что бежать в Заросли. Раньше у меня теплилась надежда, но после этого разговора пришлось вернуться к мысли, что мне действительно снится какой-то город Прежних Людей.

Дядя Аксель продолжал говорить о тех сомнениях в истинности Истинного Образа, которое пробудили в нем воспомина-

ния о его путешествиях. Он довольно долго распространялся на эту тему, а потом вдруг спросил меня:

— Дэви, ты понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю?

Я не очень был в этом уверен. Кроме того, мне не хотелось допускать даже мысли о каких-то неувязках в привычной, уютной правоверности, которой меня учили с детства. Я вспомнил фразу, которую часто слышал, и спросил:

— Ты потерял веру?

Дядя Аксель фыркнул и скривился:

— Это из проповедей!

Помолчав немного, он продолжал:

— Я говорю тебе о том, что, даже если много людей утверждают что-то, это еще НЕ ДОКАЗЫВАЕТ, что они правы. Я говорю тебе, что никто, понимаешь, НИКТО не знает на самом деле, что такое Истинный Образ. Они всего лишь ДУМАЮТ, что знают, как мы думаем, что мы знаем лучше. Но у нас нет никаких доказательств, что сами Прежние Люди соответствовали Истинному Образу.

Он повернулся ко мне и долго, настойчиво глядел мне в глаза:

— Так каким же образом я или кто бы то ни было может быть уверен, что те «отличия», которые есть у тебя и Розалинды, не делают вас ближе, чем другие, к Истинному Образу? Допустим, что Прежние Люди имели Истинный Образ — очень хорошо! Но ведь о них говорят, что они могли общаться друг с другом на большом расстоянии. МЫ теперь этого делать не можем, а вы с Розалиндой можете. Подумай об этом хорошенько, Дэви. Может быть, вы двое БЛИЖЕ к Истинному Образу, чем мы.

Немного поколебавшись, я решился:

— Это не только я и Розалинда, дядя Аксель. Есть еще и другие.

Он опешил и, уставившись на меня, спросил:

— Другие? Кто они? Сколько их?

Я покачал головой:

— Кто они, не знаю, то есть не знаю их имен. У меня нет их мысленных образов, и мы на это не обращаем внимания. Мы просто узнаем, кто думает, так же как узнают по голосу, кто говорит. Я и про Розалинду узнал только случайно.

Дядя Аксель продолжал смотреть на меня с беспокойством.

— Сколько вас? — повторил он.

— Восемь, — ответил я. — Было девять, но один около месяца назад замолчал. Об этом я и хотел спросить вас, дядя Аксель. Как вы думаете — может, кто-нибудь узнал?.. Он просто перестал быть. Если кто-то обнаружил... Если кто-то узнал о нем... — Я не закончил фразу, давая ему возможность сделать вывод самому.

Помедлив, он покачал головой:

— Не думаю. Мы бы тогда наверняка об этом услышали. Может, он уехал? Далеко отсюда он жил?

— По-моему, близко, точно не знаю. Но я уверен, что он бы сказал, если б собирался уехать.

— Но он сказал бы вам и в том случае, если бы считал, что его обнаружили, — продолжил дядя Аксель. — Больше похоже на то, что с ним произошел какой-то несчастный случай. Это могло случиться неожиданно. Ты хочешь, чтобы я постарался это выяснить?

— Да, пожалуй. А то некоторые из нас стали бояться, — объяснил я.

— Ладно, — кивнул он. — Я посмотрю, что можно сделать, это был мальчик, живший, видимо, неподалеку. Примерно месяц назад. Что-нибудь еще о нем известно?

Я рассказал, что знал, то есть очень немногое. Знать, что дядя Аксель попытается выяснить, в чем дело, было большим облегчением. Теперь, спустя месяц после того, как это произошло и ни с кем из нас ничего плохого не случилось, мы немного успокоились, но все-таки тревога не проходила.

Прежде чем мы расстались, дядя снова повторил свой совет: всегда помнить, что никто не знает точно, каков собой Истинный Образ. Позднее я догадался, зачем он так говорил. Я понял, что ему было, в общем, безразлично, какой образ истинный, а какой нет. Не знаю, была ли мудрой его попытка предотвратить испуг и чувство собственной неполноценности, ожидавшие нас, по его мнению, когда мы лучше осознаем свое отличие от окружающих. Не знаю. Может быть, правильнее было бы на какое-то время забыть об этом... но, с другой стороны, наверное, его совет как-то смягчил горечь пробуждения...

Во всяком случае, тогда я решил отложить свой побег из дома. Трудности, связанные с ним, казались непреодолимыми.

7

Появление на свет моей сестры Петры явилось для меня настоящим сюрпризом, а для окружающих — обычным делом. Предшествующие неделю-две в доме чувствовалось какое-то непонятное оживление, о котором, правда, вслух не упоминали и как бы не признавали, что оно есть. Я же понял, что от меня что-то скрывают, только когда однажды ночью раздался вопль младенца. Пронзительный и несомненный, прозвучал он внутри дома, где еще вчера никакого младенца не было. Однако утром о ночном крике никто даже не упомянул. Никто и помыслить не мог о том, чтобы открыто сказать о таком деле, пока вызванный инспектор не выдаст свидетельство о том, что это человеческое дитя, соответствующее Истинному Образу. Если же, к несчастью, окажется, что младенец в чем-то отклоняется от Истинного Образа и тем самым не подлежит официальному признанию, то все и дальше не будут знать о его существовании и весь этот достойный сожаления инцидент будет считаться несостоявшимся.

Как только рассвело, отец послал верхового за инспектором, и в ожидании его прибытия все в доме пытались скрыть свое беспокойство, притворяясь, что начинается самый обычный день.

По мере того как время шло, притворяться становилось все труднее. Верховой вернулся без инспектора, хотя человек с положением и влиянием моего отца мог бы рассчитывать на его немедленный приезд. Инспектор очень вежливо просил передать, что приложит все старания к тому, чтобы побывать у нас в течение дня.

Даже добропорядочному человеку не рекомендуется ссориться с местным инспектором и во всеуслышание обзывать его нехорошими словами. У инспектора всегда найдется способ поквитаться.

Отец очень разозлился. Злость его усиливалась тем, что обычай не позволял ему назвать причину вслух. Кроме того, он прекрасно понимал, что инспектор злит его намеренно. Все утро отец слонялся по двору и по дому. Время от времени, придираясь к какой-нибудь мелочи, он взрывался, вымещая на комнибудь свое дурное настроение, так что все вокруг ходили на цыпочках и работали изо всех сил, лишь бы не привлечь его внимание. Никто не осмеливался объявить о рождении ребенка, пока он не был официально осмотрен и одобрен. Чем даль-

ше откладывалось формальное объявление, тем больше сплетен распускали злые языки о причинах задержки. Поэтому человек с положением обычно мог рассчитывать на выдачу свидетельства в самый кратчайший срок. А пока, раз даже слово «ребенок» не дозволялось упомянуть ни прямо, ни косвенно, мы должны были делать вид, что мать лежит в постели из-за простуды или какого-нибудь другого недомогания.

Сестра Мэри время от времени исчезала в комнате матери и, появляясь оттуда, старалась скрыть свое волнение, громко отдавая многочисленные распоряжения по хозяйству. Я тоже чувствовал себя обязанным держаться поблизости, чтобы не пропустить момент объявления *новостей*. Отец бродил туда-сюда как неприкаянный.

Всеобщее напряжение усугублялось тем, что, как всем было известно, в двух последних подобных случаях свидетельства не выдали. Отец, несомненно, ясно представлял себе (и, безусловно, инспектор знал об этом), что многие за его спиной рассуждают о том, как он поступит, если свидетельства не будет и на сей раз. Закон разрешал в этом случае отцу отослать мать из своего дома навсегда. Пока же, так как бегать за инспектором было невежливо и недостойно, оставалось только терпеливо ждать.

Лишь в середине дня во двор вступил пони инспектора. Отец взял себя в руки и вышел навстречу. Он так старался быть церемонно вежливым, что чуть не задохнулся от усилия, но и тогда инспектор спешить не стал. Неторопливо он слез с седла и, беседуя о погоде, прошествовал в дом. Отец с побагровевшим лицом передал его с рук на руки Мэри, которая и повела его в комнату матери. Наступил самый страшный момент ожидания.

Мэри потом рассказывала, что инспектор томительно долго, хмыкая и экая, подробнейшим образом рассматривал ребенка. Наконец с непроницаемым лицом он вышел из комнаты. В нежилой парадной гостиной он сел за стол и довольно долго чистил и заострял кончик пера. В конце концов он достал из бумажника форму и четким почерком написал, что официально свидетельствует о том, что ребенок является истинным человеческим существом женского пола, не имеющим никаких заметных отклонений. Затем он задумчиво, как бы не вполне удовлетворенно, перечитал написанное. Рука его помедлила в воздухе над листом, прежде чем он поставил дату и подпись. Потом он присыпал написанное песком, тщательно стряхнул лист и передал разъяренному отцу, все еще сохраняя на лице

выражение некоторой неуверенности. Отец прекрасно понимал, что никаких сомнений у инспектора, конечно, не было, иначе он потребовал бы второго мнения.

Рождение Петры можно было наконец обнародовать. Мне торжественно сообщили, что у меня появилась новая сестра, и повели посмотреть на нее. Она лежала в колыбели у постели матери, розовая и такая сморщенная, что я не мог понять, почему инспектор так уж уверен на ее счет. Тем не менее никаких заметных неправильностей у нее не было, и свое свидетельство она получила. Никто не мог бы упрекнуть в этом инспектора: она казалась вполне нормальной, обычный новорожденный младенец, не лучше и не хуже других...

Пока мы по очереди смотрели на нее, кто-то начал звонить в колокол на конюшне, как полагалось в таких случаях. Все на ферме прекратили работу, и вскоре мы собрались на кухне для благодарственной молитвы.

Через два или три дня после рождения Петры я случайно познакомился с такой главой нашей семейной истории, которую предпочел бы не знать вовсе.

Я тихонько сидел в комнате, примыкающей к спальне родителей, где моя мать еще лежала в постели. Было это и случайно, и не случайно. Здесь находилось мое новейшее укрытие, где я прятался после полуденной трапезы, пока все не расходились по делам, и тогда я мог улизнуть, не получив никаких поручений. До сих пор никто не догадывался, где меня искать, а мне надо было переждать всего каких-нибудь полчаса. Обычно эта комната оказывалась очень удобной для моей цели, но сейчас в ней надо было двигаться осторожно, на цыпочках, потому что глинобитная перегородка между комнатами вся пошла трещинами, и мать могла меня услышать.

В тот день только я решил, что прошло достаточно времени для того, чтобы все успели заняться своими делами, как к дому подъехала двуколка. Я мельком увидел в окно, что правит ею тетя Хэрриет. Я видел ее всего восемь или девять раз в жизни, потому что она жила в 15 милях от нас, ближе к Кентаку. Она мне очень нравилась. Была она на три года моложе моей матери и на первый взгляд очень на нее похожа, но ее черты лица смотрелись как-то мягче, и поэтому общее впечатление оказывалось совершенно другим. Когда я смотрел на нее, мне казалось, что я вижу свою мать, но такую, какая она могла бы быть...

Какой мне хотелось бы ее видеть. С тетей Хэрриет было легче разговаривать, она не обладала этой убийственной манерой слушать словно лишь для того, чтобы сделать тебе замечание.

Осторожно, в одних чулках, я пробрался к окну и наблюдал, как она привязала лошадь и, взяв из повозки какой-то белый сверток, внесла его в дом. Она, по-видимому, никого не встретила, потому что спустя несколько мгновений ее шаги прозвучали рядом с моей дверью, и задвижка соседней комнаты щелкнула.

— Хэрриет, ты? — В голосе матери звучало не только удивление, но и неодобрение. — Так скоро? Ты что, везла маленького ребенка в такую даль?

— Я знаю, — сказала тетя Хэрриет виноватым голосом, — но у меня не было выхода, Эмили. У меня не было выхода. До меня дошел слух, что твой ребенок родился раньше срока, поэтому я... О, вот она! Какая прелесть, Эмили. Какой чудесный ребенок!

Наступило молчание. Потом она добавила:

— Моя тоже прелесть. Правда, она очаровательна?

Они стали обмениваться взаимными поздравлениями, совсем мне неинтересными. Я считал, что все младенцы похожи друг на друга как две капли воды. Мать сказала:

— Дорогая моя, я очень рада за тебя. А как, должно быть, счастлив Генри!

— Разумеется, он счастлив, — ответила тетя Хэрриет, но произнесла она это как-то не так. Даже я это понял. Она торопливо продолжала: — Моя девочка родилась неделю назад. Я не знала, что делать. А потом я услышала, что твой ребенок родился раньше срока и тоже девочка. Это было так, словно Бог ответил на мою молитву.

Она замолчала, а потом добавила — как бы между прочим, однако у нее это вышло неубедительно:

— Ты получила на нее свидетельство?

— Конечно, — резко, почти оскорбленно ответила мать. Я знал, какое выражение лица бывает у нее при таком тоне. Когда она снова заговорила, голос ее прозвучал неприятно и требовательно: — Хэрриет! Не хочешь ли ты сказать, что у тебя нет свидетельства?

Тетя ничего не ответила, но мне показалось, что я услышал сдавленное рыдание.

Мать холодно и настойчиво повторила:

— Хэрриет, дай мне рассмотреть этого ребенка как следует.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме приглушенного рыдания тети Хэрриет.

Потом она сказала прерывистым голосом:

— Это такая мелочь, ты же видишь. Ничего особенного.

— Ничего особенного?! — отрезала мать. — Ты имела наглость привезти в мой дом свое чудовище и говоришь мне, что это ничего особенного?!

— Чудовище! — Тетя Хэрриет застонала, как будто ее ударили по лицу. — О-о-о...

Немного погодя мать сказала:

— Неудивительно, что ты не осмелилась позвать инспектора.

Тетя Хэрриет продолжала плакать. Мать подождала, пока ее рыдания затихли, и спросила:

— Я хочу знать, Хэрриет, почему ты сюда явилась? Почему привезла ее сюда?

Тетя Хэрриет высморкалась. Когда она заговорила, голос ее звучал тускло и невыразительно.

— Когда она родилась... когда я ее увидела, я хотела умереть. Я знала, что ее никогда не одобрят, хотя это такая мелочь. Я не покончила с собой только потому, что подумала, может, мне как-то удастся ее спасти. Я люблю ее. Она прелестный ребенок... за исключением этого. Ведь это так, правда?

Мать ничего не сказала. Тетя Хэрриет продолжала:

— Сама не знаю на что, но я надеялась. Я знала, что смогу сберечь ее некоторое время, пока они ее не заберут. Хотя бы месяц, который дают на уведомление. Я решила, что она будет со мной хотя бы это время.

— А Генри? Что он сказал?

— Он... он сказал, что мы должны уведомить сразу, но я не позволила ему. Я не могла, Эмили. Я НЕ МОГЛА. Боже мой, в третий раз! Я сохранила ее и молилась, молилась и надеялась. А потом, когда я услышала, что твой ребенок родился раньше срока, я подумала, что, может быть, Бог ответил на мои молитвы.

— Ну уж прости, Хэрриет, — холодно сказала мать, — я сомневаюсь, что одно связано с другим. Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я подумала, — продолжала тетя Хэрриет, упавшим голосом, выдавливая из себя слово за словом. — Я подумала, что если бы я оставила своего ребенка у тебя, а твоего взяла с собой... Одолжила...

Мать потрясенно ахнула, она не находила слов.

— Только на день или два, только чтобы получить свидетельство, — упрямо продолжала тетя Хэрриет. — Эмили, ты моя сестра. Моя сестра. Ты единственный человек в мире, который может помочь мне сохранить моего ребенка.

Она снова заплакала. Сначала наступило долгое молчание, потом голос матери произнес:

— За всю свою жизнь я не слышала ничего более возмутительного. Прийти сюда и ПРЕДЛОЖИТЬ МНЕ участвовать в аморальном и преступном заговоре... По-моему, ты сошла с ума, Хэрриет. Подумать, что я одолжу... — Она оборвала фразу, услышав в коридоре тяжелые шаги отца.

— Джозеф, — сказала она, как только он вошел, — прогони ее прочь. Прикажи ей оставить наш дом... и забрать с собой ЭТО.

— Но, дорогая моя, — недоуменно сказал отец, — это же Хэрриет.

Мать подробно объяснила происходящее. Тети Хэрриет не было слышно. Когда мать закончила, отец недоверчиво спросил:

— Это правда? Почему ты сюда приехала?

Медленно, устало тетя Хэрриет проговорила:

— Это третий раз. Они снова заберут моего ребенка, как взяли тех двух. Я не смогу этого вынести. Больше не смогу. Генри, наверное, выгонит меня. Он найдет другую жену, которая родит ему правильных детей. У меня ничего не остается в жизни, ничего. Я пришла сюда, надеясь и не надеясь на помощь и участие. Эмили — единственный человек, который мог бы мне помочь. Теперь я вижу, какая была глупая, что вообще надеялась...

Никто ей не ответил.

— Хорошо. Я понимаю. Я сейчас уйду, — сказала она мертвым голосом. Но отец не был бы самим собой, если бы не высказал ей до конца свое мнение:

— Я не могу понять, как осмелилась ты прийти сюда, в богобоязненный дом, с таким предложением. Хуже всего то, что ты не выказала ни крупицы стыда и раскаяния.

Тетя Хэрриет ответила более твердым голосом:

— Почему я должна их выказывать? Я не сделала ничего постыдного. Я не опозорена, я всего лишь побеждена.

— Тебе не стыдно? — повторил отец. — Не стыдно произвести на свет надругательство над твоим Творцом? Не стыдно пытаться вовлечь собственную сестру в преступный сговор? — Он набрал побольше воздуха, и голос его загремел, как с амвона: — Враги Господни окружают нас. Они хотят поразить Его через наше посредство. Неустанно стремятся они исказить Истинный Образ; через сосуды слабые пытаются они осквернить нашу расу. Ты согрешила, женщина! Обрати к себе глаза свои и сердце свое, и ты убедишься, что ты согрешила. Грех твой ослабил нашу защиту, и враг Господень поразил нас через тебя. Ты носишь крест на платье своем, чтобы он охранял тебя, но не носила ты его всегда в сердце своем. Не бдела ты неустанно над чистотой. И вот произошло Отклонение, а отклонение, любое отклонение от Истинного Образа, есть богохульство! Ты произвела на свет скверну.

— Один несчастный младенец!

— Младенец, который, если бы тебе удалось то, что ты задумала, вырос бы и имел потомство и тем распространял скверну свою, пока все вокруг не стали бы мерзкими Мутантами. Именно так происходило с тех пор там, где слабы были вера и воля. Но здесь, с нами, этого *никогда* не случится. Наши праотцы были отпрысками от верного корня, и они передали свою веру нам. Так неужели тебе будет дозволено предать нас всех? Чтобы все добытое предками нашими пропало втуне? Позор и срам тебе, женщина! Теперь иди! Иди домой в унижении, а не гордыне. Уведомь о своем ребенке согласно закону. А потом принеси покаяние, чтобы очиститься. И молись! Тебе о многом надо молиться. Ты богохульствовала, не только произведя на свет лживый образ, но в своей гордыне ты противопоставила себя закону и согрешила в намерении. Я милосерден. Я не обвиню тебя в этом перед законом. Ты должна будешь сама очистить свою душу, стать на колени и молиться. Моли Бога простить тебе этот твой грех в намерении, равно как и другие твои грехи.

Послышались два легких шага. Ребенок закряхтел, когда тетя Хэрриет взяла его на руки. Она подошла к двери, откинула задвижку и остановилась на пороге.

— Я буду молиться, — сказала она. — Да, я буду молиться. — Она замолчала и потом продолжала более твердым и жестким голосом: — Я буду молить Бога ниспослать в этот ужасный мир милосердие и жалость к слабым, любовь к несчастным и неудачли-

вым. Я спрошу его, действительно ли это его воля, чтобы страдало дитя и была проклята душа его из-за маленького порока на теле... А еще буду молить его, чтобы сердца самодовольных ханжей были разбиты...

Дверь закрылась, и я услышал, как она медленно прошла мимо по коридору. Осторожно вернувшись к окну, я увидел, как она покинула дом и бережно положила сверток в повозку. Несколько мгновений она стояла, глядя на него, затем отвязала лошадь, влезла на сиденье и взяла сверток на колени, придерживая его одной рукой и прикрывая плащом.

Она обернулась и так запечатлелась в моей памяти навсегда. Ребенок, лежащий на изгибе руки, как в колыбели, полураспахнутый плащ, верх коричневого обшитого шнуром креста на ее тускло-желтом платье и невидящие глаза на окаменевшем, обращенном к дому лице...

Потом она тряхнула вожжами и уехала. За моей спиной в соседней комнате отец продолжал свою речь:

— Это ересь! На попытку подмены еще можно смотреть сквозь пальцы: у женщин в такой момент иногда бывают странные идеи. Я был готов не обратить на это внимания, конечно, при условии, что о ребенке уведомят. Но ересь — это совершенно другое дело. Она не только бесстыдная, но и опасная женщина. Я никогда бы не поверил, что твоя сестра способна на такую безнравственность. Как могла она подумать, что ты будешь ей потворствовать, когда известно, что ты сама дважды должна была приносить покаяния. Проповедовать в моем доме ересь! Этого спускать нельзя.

— Может быть, она не понимала, что говорит, — раздался неуверенный голос матери.

— Пора бы ей это понять. Наш долг проследить, чтобы она поняла.

Мать начала было отвечать, но голос ее дрогнул, и она заплакала. Никогда раньше я не слышал ее плача и не видел ее слез. Отец продолжал объяснять необходимость Чистоты не только в мыслях, но в душе и в поведении, и особенно важность всего этого для женщин. Он все еще говорил, когда я тихонько на цыпочках удалился. Мне, конечно, было очень любопытно знать, что за «мелочь» оказалась неправильной у ребенка — может быть, это просто был лишний палец на ноге, как у Софи. Но этого я так и не узнал.

Когда на другой день мне сообщили о том, что тело тети Хэрриет нашли в реке, ни о каком ребенке речи не шло...

8

Отец включил имя тети Хэрриет в наши молитвы того дня, когда пришло это известие, но позже никто никогда о ней не упоминал. Как будто ее стерло из памяти у всех, кроме меня. А мне она запомнилась настолько ярко, что приобрел зрительный образ даже тот момент, когда я только слышал ее: женщина с поднятой головой и выражением безнадежности на лице и еще звучный голос: «Я не опозорена, я всего лишь побеждена». И, конечно, тот последний миг, когда я видел ее из окна, а она глядела на наш дом.

Никто не рассказывал мне, как она умерла, но я сам догадался, что это вовсе не случайность. Я многого не понял из того, что подслушал, но все-таки это было самым тревожным событием из всех, с какими мне доводилось сталкиваться до тех пор. Оно испугало меня. Я почувствовал неуверенность в собственной безопасности, причем почему-то гораздо большую, чем после истории с Софи. Несколько ночей подряд мне снилась река, в воде тетя Хэрриет, она прижимает к груди белый сверток, а волосы ее струятся по воде и колышутся вокруг бледного лица с широко открытыми невидящими глазами. Я был очень напуган...

Все это произошло только из-за того, что ребенок немного отличался от других детей. У него оказалось что-то лишнее или не хватало чего-то, так что он не соответствовал в точности Определению. Была какая-то «мелочь», которая делала его не совсем правильным, не совсем таким, как другие...

«Мутант», — сказал мой отец. Мутант. Я вспомнил выжженные на досках надписи, речь странствующего проповедника... Какое презрение звучало в его голосе, когда он гремел с кафедры: «Да будет проклят Мутант!»

Да будет проклят Мутант... Мутант — враг не только всего человечества, но и всех Божьих тварей и растений. В нем семя Дьявола, неустанно стремящегося к размножению, дабы разрушить божественный порядок и превратить нашу землю, оплот воли Божьей в мире, в край без закона, как на юге, где, как говорил дядя Аксель, растения, животные и почти все человеческие существа производят на свет искажения. Где правильная природа уступила место неузнаваемым существам, где пышно разрастаются чудовищные растения и где дух Зла издевается над Господом Богом, воплощая в жизнь непристойные фантазии.

Всего лишь маленькое отличие, «мелочь», была первым шагом к этому... Я очень усердно молился в те ночи.

— Боже, — просил я, — пожалуйста, позволь мне быть таким, как все люди. Я не хочу быть другим. Сделай так, чтобы утром я проснулся таким, как все. Прошу тебя, Боже, сделай это. Ну пожалуйста!

Но утром, когда я начинал проверять себя, я быстро соединялся с Розалиндой или с кем-нибудь другим из наших и понимал, что молитва ничего не дала. Я снова должен был встать с постели таким же, как лег в нее накануне, а потом идти в большую кухню и садиться завтракать за стол лицом к надписи, которая перестала быть просто частью обстановки комнаты и, казалось, таращилась на меня словами: «ПРОКЛЯТ МУТАНТ ПЕРЕД БОГОМ И ЛЮДЬМИ!»

И страх мой не проходил...

На шестой день, после того как пять ночей молитв ни к чему не привели, дядя Аксель поймал меня на выходе из-за стола и сказал, чтобы я помог ему чистить плуг. Мы поработали часа два, а потом он объявил передышку, и мы вышли из кузницы посидеть на солнышке, привалившись к стене. Он дал мне кусок овсяной лепешки, и некоторое время мы молча жевали. Потом он сказал:

— А теперь выкладывай.

— Что выкладывать? — тупо спросил я.

— Что с тобой случилось такое, что ты последние дни выглядишь больным. Что тебя тревожит? Кто-нибудь узнал о вас?

— Нет, — ответил я, и лицо его просветлело.

Тогда я рассказал ему о тете Хэрриет и ее ребенке. Договаривал я сквозь слезы: такое было облегчение поделиться с кем-нибудь этой историей.

— Это все ее лицо, когда она отъезжала, — объяснил я. — Я никогда ни у кого не видел такого лица. Мне оно все время чудится в воде.

Кончив говорить, я поднял глаза. Лицо дяди Акселя было угрюмым, уголки рта опустились, он был мрачен, как никогда.

— Так вот оно в чем дело. — Он покивал.

— Все из-за того, что ребенок был не такой, — повторил я. — И Софи тоже была не такая... Я раньше не понимал как следует... Дядя Аксель, я боюсь... Что сделают со мной, когда узнают, что я другой?..

Он положил руки мне на плечо.

— Об этом никто никогда не узнает, — снова повторил он мне. — Никто, кроме меня, а я — не страшно.

Но теперь эти слова не утешали, как раньше.

— Но ведь один замолчал, — напомнил я. — Может быть, его обнаружили?..

Он покачал головой:

— На этот счет, Дэви, можешь быть спокоен. Я выяснил, что примерно в то время, как ты говоришь, погиб один мальчик. Его звали Уолтер Брент, девяти лет от роду. Там валили лес, а он рядом дурачился, и его, беднягу, зашибло деревом.

— Где это было? — спросил я.

— Миль девять или десять от нас, на ферме у Чиппинга.

Я постарался вспомнить направление. Да, ферма Чиппинга подходила, и случай был как раз такой, какой соответствовал внезапному необъяснимому молчанию. Без всяких плохих чувств к неизвестному Уолтеру я надеялся, что все объяснялось именно этим. Дядя Аксель заговорил снова:

— Нет никакого резона, чтобы кому бы то ни было вас обнаружить. По вам ничего не заметно. Они узнают только в том случае, если вы сами им это позволите. Учись следить за собой, Дэви, и они ничего никогда не узнают.

— Что они сделали с Софи? — в который раз спросил я, но он опять уклонился от ответа и продолжал:

— Помни, что я тебе рассказывал. Они считают себя соответствующими Истинному Образу, но знать этого наверняка не могут. Даже если Прежние Люди были точно такие же, как они и я, что из того? Да, я знаю, что о Прежних Людях рассказывают сказки, какими они были замечательными, и каким замечательным был их мир, и как однажды мы снова получим обратно все, что имели они. Но во всех этих рассказах много чепухи, а если и есть в них доля правды, то что хорошего стараться идти по их стопам? Куда делись они и их замечательный мир?

— Бог наслал на них Бедствие, — процитировал я.

— Конечно, конечно. Ты нахватался слов у проповедников, это уж точно. Сказать так легко. Трудно понять, что это, собственно, означает, особенно если ты повидал свет. Бедствие — это не просто бури, ураганы, потопы, пожары и тому подобное, а все это вместе взятое, да еще похуже. Оно создало Черные Берега, и руины, светящиеся по ночам, и Дурные Земли. Наверное, в Содоме и Гоморре было что-то в этом роде, только Бедствие принесло все это в бóльших размерах. Чего я не понимаю, так это то странное, что оно сотворило с уцелевшими.

— Кроме Лабрадора, — предположил я.

— Не кроме Лабрадора, а просто на Лабрадоре и Ньюфе поменьше, чем в других местах, — поправил он. — Что же такое произошло? Почему так случилось? Я почти могу понять, что Бог, когда рассердится, может уничтожить все живое и весь мир в придачу, но я не могу понять, откуда эта неустойчивость, эта каша отклонений. Это бессмысленно!

Я не понимал, что его смущает. В конце концов, Бог ведь всемогущ, а значит, может сделать все, что захочет. Я попытался объяснить дяде Акселю, но он покачал головой.

— Мы приучены, Дэви, верить, что Бог разумен. Мы погибли бы, если бы это было не так. Но то, что произошло там, — он повел рукой в сторону горизонта, — то, что там произошло, НЕ разумно, совсем не разумно. Это было что-то очень мощное, но что-то, что лежит вне мудрости Божьей. Так что же это было? Что это могло быть?

— Но Бедствие... — начал я.

Дядя Аксель нетерпеливо дернулся.

— Это просто слово. Потускневшее зеркало, которое уже ничего не отражает. Проповедникам полезно было бы самим это понять. Разобраться во всем этом они бы не разобрались, но хотя бы стали задумываться. Они могли бы спросить себя: «Что мы делаем? Что мы проповедуем? Какими на самом деле были Прежние Люди? Что они сделали такого, что навлекли на себя и на весь мир такое страшное несчастье?» И через некоторое время они бы, может быть, сказали: «Правы ли мы? Бедствие сделало мир совершенно другим. Можем ли мы надеяться снова построить такой мир, какой утратили Прежние Люди? Стоит ли пытаться делать это? Чего мы достигнем, если снова построим его точно таким же? Того, что он снова завершится повторным Бедствием?» Потому что совершенно ясно, парень, что как ни замечательны были Прежние Люди, они все-таки делали ошибки. Но никто не знает и, по всей видимости, не узнает, в чем они были мудры, а в чем ошибались.

Большая часть того, что он говорил, прошла мимо меня, но общий смысл я как будто уловил. Я сказал:

— Но, дядя, если мы не будем стараться походить на Прежних Людей и пытаться восстановить те вещи, которые были утрачены, что же мы будем делать?

— Мы могли бы попытаться быть самими собой и строить этот мир — мир, который есть, а не тот, который был и ушел.

— Я не совсем понимаю, — сказал я. — Вы имеете в виду, что не надо морочить себе голову Истинным Образом, Истинной Породой? Не обращать внимания на Отклонения?

— Не совсем так. — Он искоса поглядел на меня. — Ты слышал ересь от своей тети, что же, вот теперь еще немного ереси от твоего дяди. Как ты считаешь, что делает человека человеком?

Я начал было читать Определение. Он оборвал меня через пять слов.

— Не то! — сказал он. — Восковая кукла может обладать всеми этими признаками и все равно быть восковой куклой. Разве не так?

— Пожалуй, так...

— Значит, то, что делает человека человеком, находится у него внутри.

— Душа? — предположил я.

— Нет, — сказал он. — Души — это всего лишь жетоны для церквей, чтобы их собирали. Все по одной цене, как гвозди. Нет. То, что делает человека человеком, — это разум. Это не вещь, это качество. Разумы не все одинаковы. Есть получше, есть похуже, и чем они лучше, тем больше они значат. Видишь, к чему мы пришли?

— Нет, — сознался я.

— Дело вот в чем, Дэви. Я полагаю, церковники более или менее правы насчет большинства отклонений. Только не по тем причинам, о которых они говорят. Они правы, потому что большинство отклонений никчемно. Допустим, они позволят какому-то отклонению жить, как нам. Что будет в этом хорошего? Сделают ли дюжина рук и ног, или пара голов, или выдвигающиеся глаза, сделают ли они его более человеком? Дадут ли ему больше человеческих качеств? Не дадут. Человек получил свою физическую форму — они называют ее Истинным Образом — раньше, чем он вообще узнал, что он человек. Только то, что потом произошло у него внутри, очеловечило его. Он обнаружил, что обладает тем, чего не имеет больше никто, — разумом. Это поставило его на другой уровень. Как большинство животных, человек физически был достаточно приспособлен к жизни, но у него появилось новое качество — разум. Разум находился еще только в зачатке, и человек стал развивать его. Это было единственное, что он мог развивать с пользой. Это единственный путь, открытый человеку, — отыскивать и развивать новые свойства своего разу-

ма. — Дядя Аксель задумчиво умолк. — На моем втором корабле был доктор, который рассуждал так же. Чем дальше я думаю об этом, тем больше я склоняюсь к тому, что в этом есть смысл. Так вот я и думаю, вышло как-то так, что ты, Розалинда и другие получили новое свойство разума. Молить Бога о том, чтобы он отнял его, неправильно. Это все равно что просить его сделать тебя слепым или глухим. Я знаю, против чего ты бунтуешь, Дэви, но увиливать — это не выход из положения. Простого выхода здесь нет. Ты должен приспособиться, посмотреть правде в глаза и решить, раз с тобой дело обстоит именно так, какое наилучшее применение ты можешь найти этому качеству и при этом не подвергнуть себя опасности.

Конечно, в тот раз я не мог хорошо проследить за ходом его мыслей. Но что-то осталось в памяти, а остальное я восстановил потом из более поздних разговоров. С годами я стал понимать больше, особенно когда Майкла отправили в школу.

В тот вечер я рассказал остальным об Уолтере. Мы жалели его, но каким облегчением было для всех узнать, что с ним просто произошел несчастный случай. И еще одна забавная деталь, которую я обнаружил: он приходился мне каким-то дальним родственником, фамилия моей бабушки тоже была Брент.

После этой истории мы сочли необходимым узнать имена друг друга, чтобы не мучиться неизвестностью, если подобное повторится. Теперь нас было восемь. Под этим я подразумеваю, что было восемь человек, способных разговаривать мыслями-образами. Существовали еще другие, иногда они посылали слабые образы, но такие невнятные и примитивные, что их не приходилось брать в расчет. Они напоминали людей, которые не совсем слепы, но могут лишь отличать день от ночи. Исходившие от них мысли-образы, улавливаемые нами, были непроизвольны и слишком расплывчаты и неопределенны, чтобы в них разобраться.

Остальные шестеро были: Майкл, который жил милях в трех к северу, Сэлли и Кэтрин с двух соседствующих ферм еще мили на две подальше, то есть сразу за границей примыкающего к нам района, Марк милях в десяти на северо-запад и Анна и Рэчель, две сестры, жившие на большой ферме всего в полутора милях к западу от нас. Самой старшей была Анна, ей давно уже исполнилось тринадцать лет; Уолтер Брент был младше всех на полгода.

Это заочное знакомство явилось второй стадией нашего обретения уверенности в себе. Каким-то образом оно дало нам

утешение, ощущение взаимной поддержки. Со временем я заметил, что надписи и предостережения о Мутантах уже не лезут со стен прямо на меня. Они как будто поблекли и слились с общим фоном. Воспоминания о тете Хэрриет и Софи не то чтобы стерлись, но по крайней мере не вспыхивали в моей голове так пугающе и так часто. К тому же вскоре у меня появилось много новых поводов для размышлений, и это помогло мне больше всего.

Я уже говорил, что обучение наше сводилось в основном к письму, элементарному счету и чтению нескольких простых книг, а так же Библии и «Покаяний», которые совсем не были ни простыми, ни легкими для понимания. Плохое подспорье в жизни. Родителей Майкла оно удовлетворить никак не могло, и они отправили его в школу в Кентак. Там он стал изучать предметы, которые нашим старушкам и не снились. Естественно, он захотел, чтобы мы все тоже об этом узнали. Сначала нам мешало непривычно большое расстояние, и мы воспринимали Майкла неясно. Вскоре, однако, после нескольких недель тренировки мы стали улавливать его мысли гораздо четче и лучше, так что он смог передавать нам почти все, чему его учили. Некоторые вещи, которые он не совсем понимал сам, становились даже яснее, когда мы обдумывали их все вместе, и, таким образом, мы тоже немножко ему помогали. Нас очень радовало то, что он почти всегда был первым в классе. Какое громадное удовлетворение приносило нам узнавание нового! Это помогало разобраться в целом ряде запутанных проблем. Я начал лучше понимать многое из того, о чем говорил дядя Аксель, но вместе с тем это впервые заставило нас почувствовать неотвратимость тех осложнений, от коих нам не суждено было никогда избавиться. Очень скоро нам стало трудно скрывать наши знания, которые, по мнению взрослых, нам иметь не полагалось. Нужно было иметь большую выдержку, чтобы промолчать при виде простейших ошибок, совершаемых другими, или терпеливо выслушивать глупые рассуждения, основанные на неправильных представлениях, или делать что-либо привычным способом, зная лучший...

Бывали, конечно, и очень неприятные, скользкие моменты: небрежное замечание, которое вызывало у кого-то удивление, нотка нетерпения по отношению к тем, кого следовало уважать, неожиданное предложение... но этих оплошностей мы делали мало, потому что ощущение опасности у всех нас было очень острым. Мы как-то ухитрялись (осторожностью, быст-

рой оговоркой, удачей) избежать прямых подозрений и почти целых шесть лет вести двойную жизнь таким образом, что опасность не усиливалась.

Так продолжалось до того дня, когда мы неожиданно обнаружили, что теперь нас не восемь, а девять.

9

Самое забавное, что девятой оказалась моя сестра Петра. Она выглядела такой нормальной... Нам никогда в голову не приходило ничего подобного. Никому из нас. Она была такой веселой крошкой, с младенчества такой хорошенькой, с прелестными золотыми кудряшками. До сих пор она стоит у меня перед глазами, малышка в ярком платьице. Она носится туда-сюда, крепко прижимая к себе жуткую косоглазую куклу, безумно ею любимую. И сама она была похожа на игрушку. Как все дети, она получила свою долю синяков и ушибов, вдоволь было слез, смеха, торжественной серьезности и трогательной доверчивости. Я очень любил ее. Все, даже отец, как будто сговорились ее избаловать, но, к счастью, безуспешно. Никогда, даже случайно, не забредала мне в голову мысль о каком-то ее отличии от окружающих, пока внезапно...

Была жатва. Мы вшестером работали, на двенадцатиакровом поле двигаясь друг за другом лесенкой. Я как раз решил передохнуть, отдал свой серп другому работнику и стал помогать складывать снопы, как вдруг меня ударило... Совершенно внезапно. Я никогда не испытывал ничего подобного. Только что я умиротворенно, неторопливо связывал и поднимал на скирду снопы, а в следующее мгновение меня как будто треснули по голове — изнутри. Наверное, я зашатался. А потом стало больно, какой-то требовательный зов зацепил, как крючком, мой мозг и настойчиво тянул. Не было никакого сомнения, особенно в эти первые ошеломляющие минуты, идти или не идти. Я повиновался, не рассуждая. Уронив сноп, который держал в руке, я бросился не разбирая дороги через все поле. Мимо мелькали изумленные лица, я продолжал бежать, не ведая почему, зная только, что это неотложно. Поперек поля, по тропинке, через забор, вниз по Восточному пастбищу, к реке...

Скатываясь по косогору, я видел на той стороне реки поле Энгуса Мортона. Его пересекала тропинка, ведущая к пешеходному мостику, а по тропинке мчалась, как ветер, Розалинда. Я продолжал бежать: вниз на берег, через мостик, вдоль реки, к глубоким прудам. Без малейшего колебания я пробежал ко второму пруду и с разбегу бросился в него. Вынырнул я совсем рядом с Петрой. Она упала в воду на самом глубоком месте около крутого берега и держалась за маленький кустик. Он уже совсем согнулся, и его корни должны были вот-вот вырваться из земли. В два гребка я подплыл к ней и ухватил под мышки. Насилие над моим мозгом стало слабеть, слабеть и совсем исчезло. Я подплыл с ней к более пологому берегу, где было легче выйти из воды. Когда я почувствовал дно и смог встать на ноги, то увидел выглядывающее из кустов потрясенное лицо Розалинды.

— Как это было? — спросила она дрожащим голосом, приложив руку ко лбу. — Кто смог сделать такое?

Я ответил.

— Петра? — повторила она недоверчиво.

Я вынес сестренку на берег и положил на траву. Она была в совершенном изнеможении, почти без сознания, но ничего более страшного с ней вроде бы не произошло.

Розалинда подошла и опустилась на траву около нее с другой стороны. Мы посмотрели на фигурку в мокром платье, на потемневшие спутавшиеся кудряшки, потом друг на друга.

— Я не знал, — сказал я. — Я понятия не имел, что она такая же, как мы.

Розалинда приложила руку к лицу, пальцы к вискам. Медленно покачав головой, она посмотрела на меня тревожными глазами и сказала:

— Не такая же. Вроде нас, но не такая же. Никто из нас не может так приказывать. Она сильнее нас.

В это время стали подбегать другие люди: те, кто последовал за мной с нашего поля и с той стороны реки, те, кто не мог понять, что заставило Розалинду вырваться из дома так, будто он загорелся. Я поднял на руки Петру, чтобы нести ее домой. Один из жнецов озадаченно посмотрел на меня:

— Но как ты узнал? Я ничего не слышал.

Розалинда повернулась к нему с недоверчиво удивленным видом:

— Да что вы? Не слышать, как она орала? Я думаю, кто не оглох, слышал ее на полпути к Кентаку.

Человек недоуменно покачал головой, но тот факт, что мы оба, каждый в отдельности, услышали крик, оказался достаточным, чтобы сбить с толку.

Я ничего не сказал. Я был занят, отбиваясь от взволнованных вопросов наших, умоляя их подождать, пока я и Розалинда останемся одни и сможем уделить им внимание, не вызывая подозрений.

Этой ночью, впервые за много лет, я снова увидел когда-то привычный сон. Только на этот раз, когда заблестел нож в высоко занесенной руке моего отца, Отклонение, бившееся от страха в его левой руке, было не теленком и не Софи, а Петрой. Я проснулся в холодном поту от ужаса. На следующий день я попытался послать Петре мысли-образы. Мне казалось, что самое важное для нее — это узнать как можно раньше, что она не должна себя выдать. Я очень старался, но не мог войти с ней в контакт. Остальные тоже по очереди пытались, но никакого ответа не получили. Я раздумывал, не предупредить ли ее просто словами, но Розалинда была против этого.

— Очевидно, страх вызвал у нее такую реакцию. Если она сейчас не знает об этом, то, наверное, вообще не подозревает, как это произошло. Может получиться, что ты только усилишь опасность ненужными разговорами с ней об этом. Вспомни, ей ведь только шесть лет. Я считаю опасным и несправедливым взваливать на нее груз знания раньше, чем это станет необходимым.

Все согласились с мнением Розалинды. Мы все знали, как трудно следить за каждым своим словом, даже если иметь к этому многолетнюю привычку.

Мы решили отложить объяснение с Петрой до того момента, когда это сделается необходимым или когда она станет достаточно большой, чтобы понять наши предостережения. А до той поры мы будем время от времени пробовать, можем ли мы установить с ней контакт, и если нет, то оставим все как есть.

Мы не видели тогда никаких причин для изменения существующего положения вещей, да, пожалуй, и никакого другого выхода: если нас обнаружат, нам придет конец.

В последние несколько лет мы вместе узнавали об окружающих нас людях, о том, как они ко всему относятся. То, что пять-шесть лет назад казалось лишь опасной игрой, стало выглядеть мрачно, когда мы научились больше понимать. Существо дела не изменилось. По-прежнему мы считали, что нам необходимо скры-

вать свою истинную суть, если хотим уцелеть, то есть мы должны ходить, говорить, жить неотличимо от других людей. Мы обладали даром, чувством, которое, как горько жаловался Майкл, должно было бы быть благословением, а стало почти проклятием. Самый тупой, но нормальный человек оказывался счастливее нас, потому что ощущал свою принадлежность обществу. А у нас это чувство сопричастности отсутствовало, мы лишились всего твердого, положительного и были приговорены к существованию через отрицание: не открывать себя, не говорить, когда могли бы, не пользоваться тем, что знали, не обнаруживаться. Мы были обречены на жизнь в постоянном обмане, сокрытии и лжи. Перспектива этих постоянных ухищрений, которые будут сопровождать нас всю дальнейшую жизнь, злила Майкла больше остальных. В воображении он видел дальше нас, он ясно представлял себе все будущие ограничения, напрасные ожидания, но, как и все мы, никакого решения предложить не мог. Что касается меня, то мне вполне хватало ясного понимания того, что отказ от некоторых вещей — это способ выжить. Я только-только начинал сознавать пустоту в нашей жизни, вызванную отсутствием хоть какого-нибудь благого просвета. Единственное, что я приобретал, взрослея, это все обострявшееся сознание опасности. Особенно сильно я почувствовал это летним днем за год до того, как мы узнали о Петре.

Сезон был плохой. Мы потеряли три поля, и Энгус Мортон столько же. А всего в округе было сожжено 35 посевных участков. Весенний приплод домашних животных, особенно скота, дал самый высокий процент Отклонений за последние двадцать лет. Так было не только у нас, но и у всех в округе. По ночам из леса появлялось больше, чем раньше, диких кошек. Каждую неделю кого-то вызывали в суд за попытку сокрытия Отклонений в посевах или за необъявленный забой Отклонений скота и употребление их в пищу. В довершение всего было не менее трех общих для всего округа тревог из-за больших набегов Людей Зарослей. Получилось так, что как раз после третьего из них я наткнулся на старого Джекоба. Он перебрасывал на дворе навоз и тихо ругался себе под нос.

— Что случилось? — спросил я, останавливаясь около него. Он воткнул вилы в навоз и оперся на них. Сколько я себя помню, он всегда был «стариком, перекидывающим навоз». Я себе даже не представлял, что он мог заниматься чем-нибудь другим. Он повернул ко мне свое морщинистое лицо, почти скры-

тое седыми волосами и баками, из-за которых он всегда казался мне похожим на Илью-пророка.

— Бобы, — сказал он. — Мои проклятые бобы оказались неправильными. Сначала картошка, потом помидоры, потом салат, а теперь бобы. Не бывало еще такого года. С другими овощами случалось всякое, но кто и когда слышал об Отклонениях у бобов?

— Вы уверены? — спросил я.

— Уверен ли? Конечно, уверен. Думаешь, я в моем возрасте не знаю, как должны выглядеть бобы?

Его глаза сверкали на меня из-под кустистой седины.

— Действительно, плохой год, — согласился я.

— Плохой? Это разорение. Недели работ пошли прахом. Свиньи, овцы и коровы сожрали уйму хорошей еды только для того, чтобы наплодить мерзости. Люди уезжают, приезжают, так что человеку надо возиться с их делами, а не заниматься своей работой. На моем собственном клочке сада Отклонений как в аду. Плохо! Ты прав. И ручаюсь — будет хуже. — Он затряс головой. — Да, да, будет хуже, — повторил он с мрачным удовлетворением.

— Почему? — осведомился я.

— Это наказание Божье, — объяснил он. — И они заслужили его. Ни морали, ни принципов. Погляди на молодого Теда Норбета: слегка оштрафован за то, что спрятал выводок и успел съесть восемь из десяти прежде, чем его схватили за руку. Если б это мог узнать его отец, он бы поднялся из гроба. Да если бы он сделал что-нибудь подобное, хотя учти, он бы никогда до такого не дошел, но если бы сделал, знаешь, что бы он заработал?

Я отрицательно покачал головой.

— Он бы подвергся публичному посрамлению в воскресенье, неделе покаяния и штрафу в одну десятую всего имущества. — Старик говорил с вызовом. — Поэтому тогда и не находилось людей, которые творили такое. А теперь? Да что им небольшой штраф? — Он с отвращением сплюнул в навозную кучу. — Всюду одно и то же. Неряшество, распущенность, переливание из пустого в порожнее. Теперь это повсюду. Но Бог не даст над собой смеяться. Они снова навлекут на нас Бедствие. Этот сезон — только начало. Я рад, что я старик и не увижу конца. Но он грядет, помяни мое слово.

Эти правительственные ограничения, придуманные кучкой сопливых, трусливых, слабоумных болтунов из Риго! В них вся

беда. Куча жалких политиканов и попов, которые должны бы, кажется, знать побольше остальных. Люди, которые никогда не жили в нестабильной местности и ничего в этом не понимают. Они, наверное, и Мутанта-то ни разу в жизни не видели, а сидят там у себя и год за годом урезают законы Божьи, считая, что все знают лучше нас. Неудивительно, что случаются такие сезоны, которые посылаются нам в предостережение. Но разве они поймут предостережение? Прислушаются к нему? — Он снова сплюнул. — Интересно, как, по их мнению, юго-запад сделался безопасным и пригодным для Божьих людей? Как, по их мнению, были уничтожены Мутанты и установлены стандарты Чистоты? Не штрафиками, которые можно платить хоть каждую неделю и не замечать. А уважением к закону и таким наказанием для тех, кто его нарушил, чтобы они чувствовали, что наказаны.

Когда мой отец был молодым, женщину, родившую ребенка, не соответствующего Образу, бичевали. А если она родила троих не по Образу, то у нее самой отбирали свидетельство, изгоняли или продавали. Вот они и заботились о своей чистоте и не забывали о молитвах. Отец мой считал, что именно потому и хлопот тогда было меньше с Мутантами, а когда они появлялись, их сжигали, как и другие отклонения.

— Сжигали! — воскликнул я.

Он посмотрел на меня и резко спросил:

— Разве не так очищаются от Отклонений?

— Да, — согласился я, — но это касается посевов, скота, а...

— А эти другие еще хуже, — отрезал он. — Это насмешка Дьявола над Истинным Образом. Конечно, их надо сжигать, как это делалось раньше. А что произошло? Эти слюнтяи из Риго, которые никогда не имели с ними дела, объявили: «Хотя они не люди, они смотрятся почти как люди, поэтому уничтожение выглядит как убийство или казнь, а это беспокоит некоторых». И поэтому, раз у каких-то слабаков не хватает решительности и веры, установлены новые законы о человекоподобных Отклонениях: от них нельзя очищаться, им надо позволить жить и умереть естественной смертью. Их надо пугнуть и оттеснить в Заросли или, если это дети, их надо там бросить и предоставить случаю. Это они считают более милосердным.

Хорошо хоть у Правительства хватает здравого смысла понимать, что они не должны иметь потомства, и принимать меры против этого. А что получается? Увеличивается количество на-

бегов, вторжения охватывают все большие территории, а мы теряем время и деньги, сдерживая их. Все теряется из-за слюнтяйского подхода к главной проблеме. Какой толк в том, чтобы сказать «Да будет проклят Мутант» и при этом обращаться с ним, как со сводным братом?

— Но ведь Мутант не виноват в том, что... — начал я.

— Не виноват, — ехидно засмеялся старик, — тигр тоже не виноват, что он тигр. Но ты убиваешь его. Ты не можешь позволить ему разгуливать на свободе у себя под боком. В «Покаяниях» говорится: «Огнем держи в чистоте породу Господню», но теперь, видите ли, Правительству это не подходит.

Подайте мне доброе старое время, когда человеку позволялось выполнять свой долг и содержать свое жилище в чистоте. А сейчас мы прямиком идем за новой порцией Бедствия. — Он продолжал бормотать, похожий на древнего злобного предсказателя несчастий. — Взять хотя бы все эти сокрытия. Они снова попытаются так делать, потому что не наказаны как следует. Женщины, родившие Богохульства, отправляются в церковь и говорят, что сожалеют и постараются больше этого не повторить; Энгус Мортон со своими конями-гигантами, «официально одобренным» издевательством над Законами о Чистоте... А проклятый инспектор думает только о том, чтобы удержаться на своем месте и не задеть кого-нибудь в Риго. Чего же людям удивляться, что наступают такие проклятые сезоны... — Он продолжал брюзжать и с отвращением плеваться, злобный старый фанатик...

Позже я спросил дядю Акселя, неужели есть люди, которые думают так же, как Джекоб. Он почесал подбородок и задумался:

— Многие из стариков. Они до сих пор считают себя лично ответственными за все. Как было до введения должности инспектора. Некоторые нестарые еще люди тоже так думают, но большинство из них хотят оставить все как есть. Они не так жестко придерживаются формы, как их отцы, и считают, что не важно, каким образом вести дела, лишь бы Мутанты не давали потомства и все шло своим путем. Но если несколько сезонов подряд будут нестабильными, как в этом году, не знаю, останутся ли они такими же спокойными.

— Почему в некоторые годы внезапно увеличивается процент Отклонений? — спросил я.

Он покачал головой:

— Не знаю. Говорят, это как-то связано с погодой. Начнется плохая погода, задуют ветры с юго-запада, и поднимается

процент Отклонений, но не в тот же сезон, а на следующий. Говорят, что-то приносится ветром с Дурных Земель. Никто не знает что именно, но это похоже на правду. Старики считают, что это предостережение, напоминание о Бедствии, посылаемое нам, чтобы мы не сворачивали с правильного пути, и разглагольствуют об этом без передыху. Следующий год тоже будет плохим. Люди начнут больше прислушиваться к ним и будут пристальней высматривать козлов отпущения.

Напоследок он окинул меня долгим и задумчивым взглядом. Я понял намек и передал его остальным. Действительно, следующий сезон был почти таким же бедственным, как и предыдущий, и в самом деле у людей появилось стремление искать виноватых. Общественное мнение стало более нетерпимым к случаям сокрытия Отклонений, а это, в свою очередь, еще больше усиливало беспокойство, которое мы ощущали из-за того, что в нашу жизнь вошла Петра. После случая на реке мы, наверное, с неделю с особым вниманием прислушивались ко всем разговорам, опасаясь недобрых намеков на произошедшее, но никто ни о чем таком не говорил. Очевидно, все поверили, что я и Розалинда, с противоположных сторон, услышали крики Петры о помощи, естественно, очень слабые из-за большого расстояния. Мы вздохнули с облегчением, но ненадолго. Прошел всего лишь месяц, и у нас появился новый повод для тревоги: Анна объявила, что собирается замуж...

10

О своих намерениях Анна сообщила нам с каким-то вызовом. Сначала мы даже не приняли ее слова всерьез. Нам не верилось, не хотелось верить, что это не шутка. Во-первых, женихом был Алан Эрвин, тот самый Алан, с которым я когда-то дрался на берегу ручья, который донес на Софи. Родители Анны владели богатой, доходной фермой, лишь немногим уступавшей Вэкнаку, а Алан родился в семье кузнеца и сам собирался стать кузнецом. Ему это очень подходило: парень он был высокий и здоровый, но, кроме этого, ничем другим не отличался. Несомненно, родителям хотелось для Анны жениха получше, поэтому мы не думали, что из этой затеи что-нибудь выйдет.

Мы ошиблись. Каким-то образом ей удалось примирить с этой мыслью родителей, и состоялась официальная помолвка. Тогда мы встревожились не на шутку. Мы были вынуждены продумать возможные последствия, и то, что нам представилось, несмотря на всю нашу неискушенность, внушало тревогу. Майкл первым начал обсуждать с Анной наши опасения:

— Анна, этого делать нельзя. Ты этим сама себя погубишь. Это все равно что привязать себя к калеке. Подумай, Анна. Подумай хорошенько, что из этого выйдет.

Она сердито набросилась на него:

— Я не дура. Конечно, я все обдумала. Я думала больше, чем вам кажется. Я женщина, я имею право выйти замуж и иметь детей. Но вас только трое, а женщин пять. Не хочешь ли ты сказать, что две из нас вообще не должны выходить замуж? Не иметь своей жизни, своего дома? Если не так, то две из нас должны выйти замуж за нормальных. Я люблю Алана и намерена выйти за него. Вы должны быть мне благодарны: это ведь упростит жизнь остальным.

— Ты не права, — пытался спорить Майкл, — мы наверняка не единственные на свете. Где-нибудь за пределами наших возможностей связи должны быть еще такие же. Если мы немного подождем...

— Почему я должна ждать? Так может длиться всю жизнь. У меня есть Алан, а вы хотите, чтобы я потеряла годы, ожидая кого-то, кто, может быть, никогда не придет и кого, может быть, когда он появится, я возненавижу. Вы хотите, чтоб я отказалась от Алана и рисковала потерять все. А я не собираюсь делать этого. Я не просила судьбу, чтобы я стала такой, как мы, но я имею право получить от жизни то же, что и все. Да, это будет нелегко, но почему ты считаешь, что мне легче будет жить одной год за годом? Нам всем будет непросто, но никому не станет лучше, если две из нас навсегда откажутся от любви и семейной привязанности. Три из нас могут выйти замуж за вас троих. Что будет с двумя оставшимися? С теми двумя, которые останутся ни при чем? Они окажутся ни там, ни тут! Ты считаешь, что они должны лишиться всего? Это ты, Майкл, не все обдумал, и все вы. Я-то знаю, что собираюсь делать, а вы все не знаете, потому что никто из вас не влюблен, кроме Дэвида и Розалинды, и поэтому ни перед кем из вас такой вопрос не стоит.

В какой-то мере так оно и было. Но если мы и не обдумывали всего заранее, то хорошо помнили о проблемах насущных, а глав-

ной из них была необходимость постоянно притворяться, вести в своей собственной семье какое-то убийственное полусуществование. Больше всего мы мечтали о том, что когда-нибудь скинем с себя это бремя. Хотя мы не очень представляли себе, как этого достичь, одно мы понимали ясно: брак с «нормальным» в самое короткое время сделается невыносимым. Конечно, теперь дома нам всем приходилось несладко, но быть обреченным и дальше жить в тесной близости с человеком, не понимающим мысли-образы, казалось просто невозможным. Прежде всего любому из нас ближе все остальные из нашей компании, а не «нормальный человек», собственный муж или жена. С этими последними находилось бы меньше общего, это был бы фальшивый брак, в котором двое разделены пропастью более широкой, чем, скажем, языковая преграда, разделены чем-то, навсегда скрытым от одного из них. Это стало бы несчастьем: постоянное недоверие, неуверенность и, наконец, необходимость до конца жизни быть настороже, бояться промашки, а мы хорошо знали, что случайные оплошности просто неизбежны.

В сравнении с теми, кого знаешь по мыслям-образам, другие люди кажутся тупыми, какими-то недоумками. Я думаю, «нормальным» людям, не способным разделить с нами образы-мысли, просто невозможно понять, до какой степени мы были частью друг друга. Как им представить себе, что значит «думать вместе», когда два разума могут сделать то, что не может один? Нам не надо барахтаться в поисках нужных слов, нам очень трудно притвориться или подменить мысль, даже если хочется, и в то же время для нас практически невозможно «не так понять» друг друга. Что хорошего может выйти из союза одного из нас с полунемым «нормальным», который в лучшем случае способен лишь счастливо угадать твои мысли и чувства? Ничего, кроме тягучей безрадостной неудовлетворенности и роковой ошибки — чуть раньше или чуть позже — или, того хуже, постепенного накопления незначительных оплошностей, медленно рождающих подозрение...

Все это Анна знала не хуже нас, но решила сделать вид, что проблемы не существует. Чтобы показать свой полный разрыв с нами, она прежде всего перестала откликаться на вызовы. Однако было непонятно, отключила ли она свой ум или слушает, но не участвует в разговоре. Мы полагали, что первое более в ее характере, но поскольку полной уверенности у нас не было, мы никак не могли решить, какую позицию нам следует занять

в этом вопросе и надо ли вообще ее занимать. Наверное, нам все равно не удалось бы что-либо изменить. Я лично ничего придумать не мог. Розалинда тоже.

К тому времени Розалинда превратилась в высокую стройную девушку. Она стала так красива, что на нее все обращали внимание. Ее осанка, движения были удивительно чарующими, так что нескольких парней, попавших под ее обаяние, буквально притягивало к ней. Розалинда вела себя с ними вежливо, и только, а так как в характере ее хватало уверенности и решительности, чтобы не быть нежно беспомощной, то, по-видимому, это их отпугнуло, и вскоре все они переключились на других девушек. Она настолько упорно не желала вступать с ними ни в какие близкие отношения, что, наверное, именно поэтому более всех нас была возмущена намерениями Анны.

Для безопасности мы с Розалиндой старались встречаться редко и тайно. По-моему, никто, кроме наших, и не подозревал, что между нами что-то есть. Свидания украдкой не приносили радости, и мы горестно гадали, когда же наступит день, когда нам не надо будет скрываться. Непонятным образом история с Анной сделала нас еще несчастней. Брак с «нормальным», даже самым добрым и хорошим человеком для нас был просто немыслим.

Единственным посторонним человеком, с которым я мог посоветоваться, был дядя Аксель. Как и все окружающие, он знал о предстоящей свадьбе, но для него оказалось новостью, что Анна одна из нас, и встретил он эту весть очень мрачно. Подумав, он покачал головой:

— Нет, Дэви! Ничего из этого не выйдет. Ты прав. Я уже лет пять или шесть знал, что хорошего не будет, но надеялся, что, может, как-то обойдется. Я так понимаю, что вы зашли в тупик, иначе бы ты ко мне не обратился.

Я кивнул.

— Она нас не слушает. А теперь и того хуже: она перестала отвечать нам. Говорит, что все кончено, что она никогда не хотела отличаться от нормальных, а сейчас тем более постарается быть как все. Насколько сможет. В первый раз мы поссорились по-настоящему. В конце концов она объявила, что ненавидит всех нас и ей невыносима одна только мысль о таких, как мы. Во всяком случае, она попыталась убедить нас, что думает именно так, а на самом деле она просто очень хочет заполучить Алана и решила не допустить, чтобы ей помешали.

Я... я раньше не подозревал, что можно так хотеть кого-то. Она беспощадно слепа и глуха ко всем доводам, и ей все равно, к чему это приведет. Не знаю, что нам делать.

— А ты не думаешь, что ей удастся заставить себя жить, как нормальный человек? Совсем исключить другую сторону? Очень это трудно? — спросил дядя Аксель.

— Конечно, мы думали об этом, — ответил я. — Она может отказаться отвечать на вопросы. Она делает это сейчас, как человек, решивший не разговаривать. Но надолго ли... Это все равно что дать обет молчания до конца жизни... Я имею в виду, что она не может просто *забыть* и стать «нормальной». Мы считаем, что это просто невозможно. Майкл сказал ей, что это все равно как если бы женщина, выходящая за однорукого, притворялась, что у нее тоже одна рука. Из этого толку не будет. И потом это просто нельзя выдержать.

Дядя Аксель помолчал, как бы мысленно взвешивая сказанное, и спросил:

— Вы уверены, что она настолько сходит с ума по Алану? Я хочу сказать, ее никак нельзя уговорить? Разубедить?

— Она сама на себя не похожа. Она вообще больше не думает, как раньше. Перед тем как она перестала отвечать, ее мысли-образы были совсем странными.

Дядя Аксель снова покачал головой:

— Женщинам нравится считать, что у них любовь, когда они просто хотят замуж. Они думают, что это их как-то оправдывает, помогает сохранить уважение к себе. В этом нет ничего плохого. Большинству из них в дальнейшем понадобятся все иллюзии, какие только возможны, чтобы как-то продержаться. Но если женщина вправду любит, то это нечто совсем иное. Она живет в мире, где все обычные представления недействительны. Она как в шорах видит только свою цель, и во всем остальном полагаться на нее нельзя. Ради своей любви она пожертвует всем, собой в том числе. Для нее все ее поступки совершенно логичны, а со стороны она кажется не вполне нормальной. Для общества это просто опасно. А когда к этому примешивается чувство вины да еще желание как-то ее искупить, это, безусловно, угрожает тем, кто... — Он оборвал себя и глубоко задумался, потом добавил: — Все это СЛИШКОМ опасно. Раскаяние... самоотрицание... желание принести себя в жертву... стремление к очищению... все это захлестывает ее. Ощущение тяжкого груза, жажда помощи, желание разделить это бремя с кем-то... Я боюсь, Дэви, что раньше или позже...

Я был с ним согласен и только в отчаянии повторял:

— Но что мы можем поделать?

Он посмотрел на меня тяжелым испытующим взглядом:

— Как далеко можете вы зайти в самозащите? Один из вас вступил на путь, который угрожает жизни всех восьмерых. Возможно, она этого не осознает, но от этого дело не становится менее серьезным. Даже если она не собирается предавать вас, она все-таки намеренно рискует вами ради достижения своих целей. Ведь достаточно ей заговорить во сне, и все... Имеет ли она моральное право создавать постоянную угрозу жизни семи человек только потому, что хочет жить с этим мужчиной?

Я заколебался:

— Ну, если так рассуждать...

— Да, я рассуждаю именно так. Имеет она на это право?

— Мы приложили все силы, чтобы отговорить ее, — произнес я, понимая, что уклоняюсь от ответа.

— И потерпели крах. Что же теперь? Вы что, собираетесь сидеть сложа руки и ждать минуты, когда она проговорится и выдаст вас?

Все, что я мог на это сказать: «Не знаю!»

— Послушай, — продолжал дядя Аксель. — Я был когда-то знаком с человеком, который побывал в кораблекрушении. Корабль сгорел, а он и еще несколько человек спаслись на шлюпке. Они запасли немного еды, но воды почти не было. Один из них напился морской воды и сошел с ума. Он пытался потопить шлюпку, чтобы все утонули вместе. Он угрожал им всем, и они в конце концов были вынуждены бросить его за борт, после чего им как раз хватило еды и воды, чтобы достичь берега. Если бы они этого не сделали, он все равно бы погиб, и они вместе с ним.

Я решительно затряс головой:

— Нет. Мы не можем так поступить.

Он продолжал, пристально глядя на меня:

— Наш мир не очень уютное местечко. Для всех. А особенно для тех, кто чем-то отличается от других. Что ж, может, вы не тот вид, который способен выжить в борьбе за существование.

— Дело не в том, — объяснил я ему. — Если бы речь шла об Алане, если бы это помогло, выбросить его за борт, мы бы не колебались. Но ведь вы говорите об Анне, а этого мы не можем. Не потому, что она женщина, а потому, что она одна из нас. Мы не можем этого сделать. Мы слишком близки друг другу.

Она и остальные ближе мне, чем родные мои сестры. Это трудно объяснить. — Я замолк, пытаясь найти слова, которые передали бы ему, что значим мы друг для друга. Но все, что я смог сказать, было невыразительное: — Это будет не только убийство, дядя Аксель. Будет гораздо хуже: как будто мы отрезаем часть от себя... Мы не можем сделать этого.

— Но тогда меч будет висеть у вас над головой.

— Знаю, — грустно промолвил я. — Но то, что вы советуете, для нас неосуществимо. Самим вонзить меч в себя будет хуже.

Я не смог даже обсудить его предложение с остальными, так как боялся, что Анна поймает наши мысли. Но и без этого я знал, что дядя Аксель предложил единственно разумное решение, и знал, что, раз мы не можем последовать его совету, ничего не поделаешь. Анна не передавала нам никаких мыслей. Мы не могли уловить даже тени ее присутствия и не знали, как удостовериться, хватало ли ей силы воли не слушать нас.

От Рэчель, ее сестры, мы узнали, что она откликается только на слова, произносимые вслух, и изо всех сил старается доказать себе свою «нормальность» во всех отношениях. Однако мы все равно остерегались обмениваться мыслями с прежней свободой.

В последующие недели Анна держалась так же, и мы почти поверили, что ей удалось сгладить различия и стать Нормой. День ее свадьбы прошел спокойно. Потом они с Аланом переехали в собственный дом, который выделил им отец Анны на краю своей земли. Поговаривали, конечно, что она вышла замуж за неровню, человека ниже себя, но вообще особого внимания этот брак не привлек.

Несколько месяцев после этого мы о ней почти ничего не слышали. Сестру свою в гости она не приглашала, как будто хотела обрезать последнюю нить, связывающую ее с нами. Мы могли только надеяться, что ей все удалось, что она счастлива и что боялись мы зря.

А мы с Розалиндой после этой истории начали всерьез задумываться о собственных трудностях. Сколько мы себя помнили, мы знали, что поженимся. Казалось, это предписано нам свыше. Законы природы и наши желания совпадали настолько отчетливо, что складывалось впечатление, будто мы всегда знали о том, что созданы друг для друга. Мы жили этой надеждой, даже когда еще не сознавали ее сами. Я считал любое другое будущее немысли-

мым: ведь когда двое вырастают в таком тесном взаимопонимании, как мы, когда их связывает, притягивает друг к другу сознание окружающей враждебности, они начинают чувствовать свою обоюдную необходимость раньше, чем понимают, что это любовь. А когда они наконец осознают, что любят друг друга, то внезапно обнаруживают, что есть сферы, в которых они ничем не отличаются от нормы... И перед ними стоят те же препятствия, что и перед нормальными людьми...

Вражда между нашими семьями, впервые проявившаяся открыто в связи с конями-гигантами, к нынешнему времени превратилась в давнюю, многолетнюю, всем известную историю. Мой отец и дядя Энгус, отец Розалинды, вели настоящую партизанскую войну. Чтобы счет был равным, они зорко следили за хозяйством друг друга, выискивая нарушения и Отклонения. Все вокруг знали, что они платили тем, кто извещал их о каких-то неправильностях на соседской территории.

Твердо решив добиться большей чистоты, чем Энгус, отец шел на значительные личные жертвы. Например, он очень любил помидоры, но прекратил их выращивать из-за того, что семейство пасленовых очень склонно к мутациям. Теперь и помидоры, и картошку мы покупали. Точно так же он отказался от посевов целого ряда других культур, слишком ненадежных, хотя это было и неудобно и обходилось дорого. В результате на обеих фермах установился очень высокий уровень чистоты и стабильности, но добрососедских отношений это не наладило. Мы с отчетливой ясностью понимали, что и та, и другая стороны будут категорически против нашего союза.

С годами положение становилось все сложнее: уже мать Розалинды пыталась найти ей жениха, и я видел, как и моя мать присматривается к девушкам, пока, правда, безуспешно.

До сих пор никто из них не догадывался, что между нами что-то есть. Отношения между Стормами и Мортонами были неприязненными, а единственным местом, где встречались оба семейства, оказывалась церковь. Виделись мы с Розалиндой редко, не забывая при этом об осторожности.

Мы находились в тупике, и казалось, никогда не выберемся из этой ловушки, если только каким-то образом не обострим ситуацию. Существовал только один путь, и мы воспользовались бы им, если бы точно знали, что гнев Энгуса Мортона приведет к свадьбе под дулом ружья. Но уверенности, что все кончится так благополучно, у нас не было. Он настолько не

выносил всех Стормов, что вероятнее всего использовал бы ружье для других целей. Кроме того, мы не сомневались, что даже если бы честь Розалинды была таким образом восстановлена, обе семьи все равно после этого отказались бы от нас. Много раз обсуждали мы наше положение, искали какое-нибудь мирное решение, но и через шесть месяцев после замужества Анны нечего не надумали.

Что до остальных, то через полгода их беспокойство притупилось. Нельзя сказать, что мы совсем успокоились: с тех пор как мы осознали, кто мы такие, тревога не покидала нас ни на миг. Но мы привыкли жить в постоянной опасности, и когда миновал пик кризиса в случае с Анной, то смирились и с этой возросшей угрозой.

И вдруг в один из воскресных вечеров, в сумерках, Алана нашли мертвым. Он лежал в поле на тропинке, ведущей к его дому, и в горле у него торчала стрела.

Мы узнали эту новость от Рэчель и с тревогой слушали, как она пытается установить контакт с сестрой. Она концентрировала мысль изо всех сил, на какие только была способна, но все зря. Ум Анны был закрыт для нас так же крепко, как все последние восемь месяцев. Даже в таком горе она ничем не делилась с нами.

— Я пойду к ней, — объявила Рэчель. — Ее нельзя оставлять одну.

Мы ждали больше часа, потом Рэчель связалась с нами, очень взволнованная.

— Она не захотела меня видеть. Не пустила в дом. Соседку пустила, а меня нет. Она кричала, чтобы я убиралась вон.

— Должно быть, она думает, что это сделал кто-то из нас, — предположил Майкл. — Кто-нибудь из вас имеет к этому отношение? Или знает что-нибудь об этом?

Один за другим все категорически отрицали какое бы то ни было участие.

— Мы должны разубедить ее. Нельзя, чтобы она считала нас виновными, — решил Майкл. — Давайте попробуем вызвать ее.

Мы попытались связаться с ней, но никакого ответа не последовало.

— Плохо, — сказал Майкл. — Рэчель, ты должна как-нибудь передать ей записку. Напиши очень осторожно. Так, чтобы она

поняла, что мы не имеем никакого отношения к смерти Алана, но чтобы никто другой не мог догадаться, о чем идет речь.

— Ладно. Я попробую, — неуверенно согласилась Рэчель.

Только через час мы услышали:

— Не вышло. Я передала записку через ту женщину, которая была у нее. Она вернулась и сказала, что Анна разорвала ее не читая. Сейчас у нее мать, пытается уговорить ее пожить у нас дома.

Ответ Майкла последовал не сразу и прозвучал неутешительно:

— Нам лучше приготовиться. Мы все должны быть готовы к бегству, если понадобится, но старайтесь не привлечь внимания. Рэчель, попробуй выяснить все что можно и сразу же дай нам знать, если что-то произойдет.

Я не знал, что лучше предпринять. Петра была уже в постели, и незаметно разбудить ее я не мог. Да и не было у меня уверенности, что это необходимо: даже Анна не могла заподозрить ее в убийстве Алана. Ее только условно можно было считать одной из нас, поэтому я не стал ничего делать, только продумал в общих чертах план бегства, надеясь, что меня предупредят заранее и что я успею спасти нас обоих.

Все в доме давно улеглись спать, когда Рэчель снова связалась с нами.

— Мы с мамой идем домой. Анна всех выгнала. Она осталась там одна. Мама хотела побыть с ней, но Анна буквально вне себя. Она заставила всех уйти. Настаивать мы боялись, чтоб ей не стало хуже. Она объявила матери, что знает, кто виноват в смерти Алана, но не скажет.

— Ты думаешь, она имеет в виду нас? В конце концов, вполне возможно, что у Алана был какой-то смертельный враг, о котором нам ничего не известно, — предположил Майкл.

Однако Рэчель, скептически настроенная, ответила ему:

— Если бы это было так, она пустила бы меня в дом. Она бы не кричала мне «убирайся вон». Я пойду к ней рано утром. Может быть, она передумает.

Пока мы могли довольствоваться только этим. По крайней мере в запасе у нас имелось несколько часов отдыха.

Позже Рэчель рассказала нам о том, что произошло на следующее утро. Она встала с рассветом и направилась через поля к дому Анны. Подойдя ближе, она подметила: ей не хотелось бы вновь, как накануне, услышать истерический отказ впус-

тить. Но стоять и смотреть на дом было бессмысленно, и, собравшись с духом, она подняла молоток и ударила. Стук эхом откликнулся в доме. Она подождала, но ответа не последовало. Она постучала более решительно, и снова никто не ответил.

Рэчель встревожилась. Она забарабанила в дверь изо всех сил, а затем прислушалась. Потом, с самым дурным предчувствием, отошла от двери и направилась к соседке, которая была с Анной накануне. Поленом они вдвоем вышибли окно и залезли внутрь. Анну они нашли наверху в спальне. Тело ее на веревке свисало с балки.

Вдвоем они сняли ее и положили на кровать. Соседка накрыла тело простыней. Помощь опоздала на несколько часов.

Рэчель казалось, что все это сон. Она двигалась как в тумане. Соседка взяла ее за руку и повела к двери. У выхода соседка заметила на столе сложенный лист бумаги и подняла его.

— Это, наверное, тебе или родителям, — сказала она, вкладывая бумагу в руку Рэчель.

Рэчель тупо прочитала надпись.

— Но это не... — начала она машинально и тут же оборвала фразу, сделав вид, будто рассматривает записку внимательнее, так как поняла, что ее спутница не умеет читать. — Да, вижу, я им отдам, — и, сказав это, спрятала за корсаж записку, адресованную не ей и не родителям, а инспектору. Муж соседки отвез ее домой. Осторожно сообщила она о случившемся родителям. Только потом, оставшись одна в комнате, той самой, которую до замужества Анны делила с ней, она прочла письмо.

Анна выдавала нас всех, включая Рэчель и Петру. Она обвиняла нас в организации убийства Алана и кого-то одного из нас, не называя кого именно, в осуществлении этого преступления.

Рэчель дважды прочла письмо и затем тщательно сожгла.

Через день-два напряжение, владевшее нами, спало. Самоубийство Анны было трагедией, но никто не видел в нем ничего загадочного. Молодая женщина, беременная первым ребенком, потеряла рассудок, потрясенная убийством мужа. Исход горестный, но понятный.

Необъясненной оставалась смерть Алана. Для нас она была такой же тайной, как для всех. Расследование выявило нескольких человек, питавших к нему неприязнь, но ни у кого из них не находилось серьезных причин для убийства. Кроме того, все подозреваемые были на людях в тот момент, когда убили Алана.

Старый Уильям Тэй признал стрелу своего изготовления, но в нашей округе многие приобретали этот товар у него. Это была не какая-то особенная стрела, какие используют в состязаниях, а обычная охотничья, такая же, как дюжины других, валявшихся в каждом доме.

Конечно, пересудов и сплетен ходило очень много. Кто-то распустил слух, что Анна не так уж строго хранила верность мужу, что последние несколько недель она как будто боялась его. К большому огорчению ее родителей за этим последовала молва о том, что она сама его застрелила, а потом покончила с собой не то из раскаяния, не то из страха, что все обнаружится. Однако поскольку никакого серьезного основания для такого утверждения не было, спустя какое-то время этот слух тоже затих. А через несколько недель сплетники нашли новые темы для разговоров. Тайну сочли неразрешимой, высказывалась даже мысль, что это вообще могло произойти случайно, но виновник побоялся признаться...

Мы со вниманием относились к этим разговорам в опасении услышать какой-нибудь намек или предположение, которые навели на наш след, но ничего подобного не происходило, и когда общий интерес к этому делу пропал, мы почувствовали, что можем вздохнуть свободно.

Однако хотя тревога, в который мы жили почти целый год, уменьшилась, внутренняя напряженность осталась, вызывая в нас какое-то обостренное ощущение нашей обособленности ото всех, сознание того, что каждый из нас держит в своих руках жизнь и безопасность остальных.

Мы очень горевали по Анне, но печаль наша умерялась мыслью о том, что в действительности мы потеряли ее раньше. Только Майкл не разделял нашей успокоенности. Он сказал:

— Один из нас оказался недостаточно стойким...

11

Весенняя инспекция оказалась в этом году благоприятной. Только два поля во всей округе попали в список как подлежащие очищению, причем ни одно из них не принадлежало отцу или дяде Энгусу. Два предыдущих сезона были настолько плохи, что те, кто в первый год еще колебался, как быть со скотом,

склонным давать неправильное потомство, на второй год решительно уничтожили его. В результате с живностью тоже все было в порядке. Процент нормальности установился на достаточно высоком уровне, так что будущее обнадеживало. Люди приободрились, стали приветливее, доброжелательнее к соседям. К концу мая многие бились об заклад, что в нынешнем году количество Отклонений будет необычайно низким. Даже старый Джекоб нехотя признал, что неудовольствие небес временно откладывается.

— Господь милосерден, — недовольно сказал он. — Бог дает им последний шанс, будем надеяться, что они исправятся, не то худо будет всем на будущий год. Впрочем, и нынешний год еще не кончился.

Но никаких Отклонений не последовало. Процент нормальности у поздних овощей был так же высок, как у ранних посевов. Погода установилась и обещала добрую жатву. А инспектор теперь так много времени тихо проводил в своей конторе, что прямо-таки стал общим любимцем.

Для нас, как и для всех, казалось, наступило мирное трудовое лето. Все было прекрасно, если бы не Петра.

Однажды в начале июня, обуреваемая жаждой приключений, она совершила сразу два поступка, нарушив строгий запрет. Во-первых, она в одиночку выехала на своем пони за пределы наших земель, а во-вторых, так как ей было неинтересно ехать по открытой местности, она отправилась обследовать лес.

Как я уже говорил, леса вокруг Вэкнака считались, в общем, безопасными, но полагаться на это было нельзя. Дикие кошки обычно предпочитают убегать и нападают, только попав в отчаянное положение. Однако крупные звери пробираются к нам из Диких Земель по перелескам, так что отправляться в лес без какого-либо оружия признавалось неразумным.

Призыв Петры раздался так же неожиданно, как и раньше. Хотя на этот раз в ее зове не было того прошлого панического принуждения, он оказался достаточно силен и полон такого испуга и отчаяния, что причинял сильную боль. Кроме того, ребенок совершенно не владел мыслями. Она просто излучала чувства, которые заслоняли все вокруг какой-то большой расплывчатой тучей.

Я попытался связаться с нашими и сказать им, что постараюсь сам выяснить, в чем дело, но смог войти в контакт только с Розалиндой. Подобное замешательство описать трудно: как

будто пытаешься добиться, чтобы тебя услышали за громким шумом, и одновременно стараешься разглядеть что-то в тумане. Хуже всего было то, что Петра не давала никакого изображения, никакого намека на причину ее страха. Попытка выразить одно чувство определениями, относящимися к другому, всегда искажает суть. Но все-таки можно описать этот зов как беззвучный вопль протеста. Просто чувство, без мысли и формы. Сомневаюсь, знала ли она сама, что делает. Это было что-то вроде инстинкта... Я мог лишь понять, что звучит сигнал тревоги и раздается он откуда-то неподалеку... Я выбежал из кузницы, где работал в тот момент. Забрав ружье, которое на всякий случай всегда висело заряженным за входной дверью нашего дома, я в две минуты оседлал лошадь и выехал за ворота. У этого зова была еще одна характерная черта — он давал четкое направление. Поэтому, едва выбравшись на луговую дорогу, я ударил коня пятками и галопом поскакал к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на минуту прекратила свой оглушительно-беззвучный вопль, последствия были бы совсем иными. Вернее, их могло бы вовсе не быть. Но она не умолкала. Она продолжала звать изо всех сил, и единственное, что я мог сделать, чтобы убрать этот заслон, это поскорее добраться до его источника.

Не все у меня шло гладко. В одном месте я слетел с лошади и довольно долго потом ловил ее. В лесу стало ехать легче, так как тропа была наезжена. Ее постоянно расчищали, потому что она позволяла избежать порядочного крюка. Я проскакал по ней довольно далеко, пока не понял, что пропустил свою цель. Подлесок мешал бы придерживаться прямого пути, поэтому я повернул назад и стал искать другую тропу, которая вела бы в нужную сторону. В самом направлении я не сомневался: Петра не давала передышки ни на минуту. Наконец я нашел подходящую тропинку, узкую и раздражающе извилистую, ветки над ней нависали так низко, что когда лошадь продиралась вперед, я был вынужден почти лечь ей на спину. Но зато теперь я ехал куда надо. Кусты поредели, и я смог выбирать дорогу между деревьями. Так я одолел примерно четверть мили и выбрался на открытую поляну.

Петру я сначала не увидел. Мое внимание привлек ее пони. Он лежал на дальнем краю поляны с вырванным горлом. Самая ненормальная тварь, какую я когда-либо видел, терзала его, срывая мясо с крупа с такой самозабвенной целеустремленностью, что не услышала моего приближения. Шкура у нее была

рыжевато-коричневого цвета, вся испещренная желтыми и темно-коричневыми пятнами. Клочья меха, который покрывал ее громадные, похожие на подушки с длинными кривыми когтями лапы, слиплись от крови. Шерсть на хвосте распушилась, отчего он стал похож на громадное перо. На круглой морде горели желтые, как будто стеклянные глаза. Широко расставленные уши свисали вдоль морды, а нос был вздернут. Два громадных резца нависали над нижней челюстью. Этими клыками и когтями она рвала пони.

Я начал снимать с плеча ружье. Движение насторожило зверя. Он повернул голову и весь подобрался, не двигаясь с места. На меня уставились его дико сверкающие глаза. Вокруг пасти влажно блестела кровь. Хвост поднялся и медленно закачался из стороны в сторону. Я взвел курок и начал поднимать ружье, но в этот момент в горло зверя вонзилась стрела. Он подпрыгнул, согнулся в воздухе и упал на все четыре лапы, сверля меня бешеным взглядом желтых глаз. Моя лошадь, испугавшись, попятилась, и ружье выстрелило в воздух. Но прежде чем эта тварь успела прыгнуть снова, ее настигли еще две стрелы. Одна вонзилась ей в спину, другая в голову. На мгновение зверь застыл в неподвижности, но тут же упал и перевернулся.

Справа на поляну выехала Розалинда. Она еще не успела опустить лук. С другой стороны появился Майкл, на тетиве его лука лежала наготове стрела. Глаза его были настороженно устремлены на зверя. Мы находились где-то рядом с Петрой, но она продолжала оглушать нас.

— Где она? — спросила словами Розалинда.

Мы огляделись и тогда только заметили на дереве на высоте двенадцати футов маленькую фигурку. Петра сидела в развилке ветвей, обхватив ствол обеими руками. Розалинда подъехала вплотную к дереву и сказала ей, что опасность миновала и можно спокойно спуститься. Однако Петра продолжала прижиматься к дереву, казалось, она не может ни шевельнуться, ни разжать рук. Я спрыгнул с лошади, залез на дерево и спустил ее вниз к Розалинде, которая посадила ее перед собой на лошадь и попыталась успокоить. Но Петра не сводила глаз со своего мертвого пони, и горе ее, пожалуй, только усиливалось.

— Надо это прекратить, — сказал я Розалинде. — Она сюда всех соберет.

Майкл, удостоверившись, что зверь действительно мертв, присоединился к нам и озабоченно посмотрел на Петру:

— Она понятия не имеет, что делает. Это неосознанно, она как будто внутренне кричит от страха. Лучше ей было бы кричать вслух. Давайте для начала уведем ее куда-нибудь, где не видно пони.

Мы отошли за кусты. Майкл мягко заговорил с Петрой, пытаясь утешить ее, но она, казалось, не понимала ни слова. Ее внутреннее отчаяние не ослабевало.

— А давайте попробуем все вместе внушить ей спокойствие... сочувствие... — предложил я. — Начали?

Мы пробовали целых пятнадцать секунд. Ее крик боли на мгновение прервался, но тут же снова захлестнул нас.

— Все без толку, — сказала Розалинда, прекращая попытку.

Беспомощно смотрели мы все втроем на Петру. Настрой ее мыслей несколько изменился: острый страх прошел, но смятение и отчаяние оставались и были очень сильны. Она расплакалась. Розалинда обняла ее и прижала к себе.

— Пусть выплачется. Это должно снять напряжение, — сказал Майкл.

Пока мы ждали, что Петра успокоится, произошло то, чего я боялся. Из-за деревьев выехала Рэчель, минуту спустя с другой стороны показался парень на лошади. Я никогда до тех пор его не видел, но знал, что это должен быть Марк.

Никогда раньше мы не встречались все вместе, понимая, как это будет опасно. Я не сомневался, что Сэлли и Кэтрин тоже спешат сюда. Только их теперь не хватало, чтобы довершить картину общей встречи, которая по нашему решению никогда не должна была состояться.

Торопливо объяснили мы на словах, что произошло, и настоятельно попросили их поскорее разъехаться, чтобы никто не увидел нас вместе. Майкл тоже уедет, а Розалинда и я останемся с Петрой и постараемся ее успокоить.

Все трое, не споря, согласились и через минуту, простившись с нами, тронулись в разные стороны. Мы продолжали свои попытки успокоить и утешить Петру, но без особого успеха.

Минут через десять, с трудом продираясь на лошадях через кусты, подъехали Сэлли и Кэтрин. Обе держали в руках натянутые луки. Наша надежда, что им встретится кто-нибудь из отбывших и они повернут назад, не оправдалась, очевидно, они выбрали разные дороги и разминулись.

Подъехав поближе, девушки недоверчиво разглядывали Петру. Мы снова объяснили им все и посоветовали скорее уезжать.

Они уже поворачивали своих лошадей, когда из-за деревьев на поляну вырвалась гнедая кобыла, на которой сидел крупный мужчина.

Он натянул поводья, остановился и, с подозрением поглядев на нас, требовательно спросил:

— Что здесь происходит?

Я его не знал, и вид его мне не понравился. Поэтому я спросил у него то, что обычно спрашивают у незнакомцев. В ответ он нетерпеливо вытащил свой опознавательный жетон со штампом нынешнего года. Так стало ясно, что среди нас нет никого вне закона.

— Так в чем дело? — повторил он.

Очень хотелось сказать ему, чтоб не совался куда не просят, но в наших обстоятельствах следовало держаться повежливее, и я примирительно объяснил ему, что на пони моей сестры напал дикий зверь, а мы все откликнулись на ее призывы о помощи. Однако незнакомец не был склонен принимать мои слова на веру. Внимательно осмотрев меня, он повернулся и стал разглядывать Сэлли и Кэтрин.

— Может, и так. Ну а вы-то что мчались сюда во весь опор? — обратился он к ним.

— Разумеется, мы не могли медлить, услышав детские крики о помощи, — объяснила Сэлли.

— Я ехал за вами по пятам, но ничего не слышал, — сказал он.

Сэлли и Кэтрин переглянулись, и Сэлли пожала плечами.

— Мы слышали, — коротко сказала она.

Настал момент вмешаться мне:

— Мне казалось, что ее крики разносятся на мили кругом. И несчастный пони дико кричал...

Я повел его за кусты и показал растерзанного пони и мертвого зверя. Он удивился, как будто не ожидал увидеть столь явное доказательство наших слов, но на этом не успокоился и потребовал, чтобы Розалинда и Петра предъявили свои жетоны.

— А в чем, собственно, дело? — спросил я его в свой черед.

— А вы что, не знаете, что у Зарослей есть шпионы? — сказал он.

— Нет, не знаю, — ответил я. — А если и так, разве мы похожи на жителей Зарослей?

Он не стал отвечать на мой вопрос.

— Так вот, у них есть шпионы. А у нас приказ их выслеживать. В Зарослях что-то затевается, поэтому чем дальше вы стане-

те держаться от леса, тем целее будете. Не то вас это коснется раньше других.

Он все еще был недоволен. Еще раз внимательно поглядев на пони, он снова повернулся к Сэлли:

— По-моему, этот пони уже с полчаса не может издавать никаких звуков. Как же вы двое исхитрились выехать прямиком на это место?

Глаза Сэлли расширились.

— Так ведь крики были отсюда, и когда мы подъехали ближе, то уже ясно слышали вопли девочки, — просто сказала она.

— Вы были очень добры, что откликнулись, — подхватил я, — вы бы спасли ей жизнь, если бы мы не оказались ближе. Хорошо, что все так кончилось. К счастью, девочка не пострадала, но она ужасно напугана. Нам лучше поскорее доставить ее домой. Большое спасибо за то, что хотели помочь.

Они приняли мою речь как должное, поздравили нас со спасением Петры, выразили надежду, что она скоро оправится от такого потрясения, и поехали прочь. Мужчина медлил. Казалось, он неудовлетворен объяснениями и несколько озадачен, но ему не за что было ухватиться. Он еще раз испытующе оглядел нас троих, как будто хотел что-то добавить, но передумал. В конце концов он снова повторил совет держаться подальше от леса и тоже уехал. Мы смотрели, как он скрылся за деревьями.

— Кто он такой? — спросила Розалинда с тревогой.

Я мог только сказать ей, что на жетоне стояло имя Джером Скиннер. Мне он был незнаком, да и наши имена, по всей вероятности, ничего ему не говорили. Я спросил бы у Сэлли, но Петра все еще продолжала нас глушить. У меня возникло странное ощущение отрезанности от остальных, как будто мне завязали глаза и уши. Я еще раз подивился той силе воли, которую проявила Анна, на целые месяцы отдалив себя от нас.

По-прежнему обнимая одной рукой Петру, Розалинда шагом тронулась в обратный путь. Я снял седло и уздечку с мертвого пони, вытащил стрелы из зверя и последовал за ними.

Петру, как только я внес ее в дом, сразу уложили в постель, но всю вторую половину дня и часть вечера она продолжала излучать беспокойство. Сила его время от времени изменялась, но утихло оно только к девяти вечера, начав вдруг быстро уменьшаться и наконец исчезнув совсем.

— Слава Богу, она заснула, — поймал я чью-то мысль.

— Кто такой Скиннер? — одновременно с тревогой спросили мы с Розалиндой.

Ответила Сэлли:

— Он появился в наших краях сравнительно недавно. Мой отец знаком с ним. У него ферма рядом с тем лесом, в котором вы были. Нам просто не повезло, что он нас заметил. Конечно, он удивился, что мы галопом скачем в лес.

— Почему он такой подозрительный? — спросила Розалинда. — Он знает что-нибудь о мыслях-образах? Я считала, что никто не знает.

— Он не может ни понимать, ни передавать их. Я проверяла его очень старательно, — сказала Сэлли.

Четкие мысли Майкла вошли в разговор, он осведомился, в чем дело. Мы объяснили.

— У некоторых из них имеется представление о возможности чего-то такого. Очень приблизительное. Что-то вроде передачи чувств, мысленных впечатлений. Они называют это телепатией, те, кто верит в это. Но большинство очень сильно сомневается, что нечто подобное возможно.

— Они считают это Отклонением? — поинтересовался я.

— Трудно сказать. Я не уверен, что вопрос когда-нибудь ставился так прямо. Но теоретически, если утверждается, что Бог может читать в умах людей, то Истинный Образ тоже должен это уметь. Можно только гадать, является ли это способностью, которую люди временно утратили из-за Бедствия... Но я бы не хотел таким доводом отстаивать свою жизнь перед трибуналом.

— У этого человека был такой вид, будто он почуял неладное, — объяснила ему Розалинда. — Никто больше не пытался разузнавать о нас?

На это все ответили: «Нет!»

— Хорошо, — заключила она. — Но мы должны следить, чтобы такое больше не повторилось. Дэвиду нужно будет объяснить все Петре словами и постараться научить ее хоть немного себя контролировать. Если снова с ней случится что-либо подобное, вы все не должны обращать внимания или, во всяком случае, не идти на ее призыв. Предоставьте это мне и Дэвиду. А если это будет внушение-приказ, как в первый раз, то первый, кто до нее доберется, должен попытаться как-то ее оглушить, чтобы она потеряла сознание. И когда ее зов прекратится, вы должны вернуться по местам и постараться придать своим действиям побольше естественности. Мы должны быть уверены, что такой всеобщий сбор больше не повторится. Сегодня все могло кончиться гораздо хуже. Все это понимают? Все согласны?

Согласие было единодушным. После этого остальные замолчали, предоставив мне с Розалиндой выбор подхода к Петре.

На другое утро я проснулся рано, и первое, что почувствовал, было снова огорчение Петры. Правда, теперь оно носило другой характер: страх пропал совсем, уступив место сожалению о погибшем пони. Да и по силе его нельзя было сравнить со вчерашним.

Я попытался войти с ней в контакт, и хотя она ничего не поняла, я уловил ее заминку, а потом некоторое замешательство. Встав с постели, я направился к ней в комнату. Она очень обрадовалась обществу, мы начали болтать, и печальный настрой ее мыслей заметно смягчился. Уходя, я пообещал взять ее после обеда с собой на рыбалку.

Очень трудно объяснить словами, как сделать мысли-образы понятными. Каждый из нас доходил до этого сам. Вначале это было неуклюжее нащупывание, которое становилось все более искусным по мере того, как мы находили друг друга и практиковались. С Петрой все обстояло иначе. В шесть лет она обладала силой передачи совершенно другого калибра, чем мы, буквально всеподавляющей, но неосознанной и потому совершенно неуправляемой. Я попытался, как мог, растолковать ей, что это такое. Трудность заключалась в том, чтобы подобрать для объяснения достаточно простые слова, понятные в ее неполные восемь лет. Целый час подобных стараний ни к чему не привел. Мы сидели на берегу реки, глядя на поплавки, я почти ничего не добился, а Петра заскучала и перестала даже пытаться понять меня. Видимо, надо было искать другой подход.

— Давай поиграем, — предложил я. — Зажмурь глаза. Крепко-крепко. Представь себе, что ты смотришь в глубокий-преглубокий колодец. Там ничего нет, только темнота. Представила?

— Да, — сказала она, плотно сомкнув веки.

— Прекрасно. Теперь ни о чем не думай, только о том, как там темно и как далеко до дна. Думай только об этом и смотри в темноту. Поняла?

— Да, — повторила она.

— Теперь смотри, — сказал я.

Я показал ей мысленно кролика, заставил его подергать носом. Она фыркнула. Что ж, по крайней мере это доказывало, что она может принимать передаваемое. Уже хорошо. Я стер кролика и придумал щенка, потом цыпленка, потом лошадь с повозкой. Через две минуты она открыла глаза и ошеломленно огляделась:

— Где они?

— Их нигде нет. Это просто мысли, понарошку, — объяснил я. — Игра такая. А теперь я закрою глаза. Давай вместе посмотрим в колодец и ни о чем не будем думать, кроме того, как там темно. Теперь твоя очередь нарисовать картинку на дне колодца, чтоб я мог ее увидеть.

Я играл старательно и настроил свой мозг на абсолютный прием. Самый чувствительный. Как я ошибся! Вспышка, ослепительный свет, общее впечатление, что в меня ударила молния. Меня закачало в мысленном тумане. Никакого представления о том, что она показывала, не осталось. Горько протестуя, включились остальные. Я объяснил, что происходит.

— Ладно, только, ради Бога, будь поосторожней, не давай ей снова повторить такое. Я чуть не всадил в ногу топор, — пожаловался Майкл.

— Я ошпарила руку кипятком из чайника, — вторила ему Кэтрин.

— Успокой ее, — посоветовала Розалинда.

— Она не волнуется. Она совершенно спокойна. Просто у нее такая манера.

— Возможно, но оставлять ее такой нельзя, — ответил Майкл. — Она должна как-то ее смягчить.

— Знаю. Стараюсь. Может быть, вы можете предложить какие-то другие способы? — обиделся я.

— Ладно, ладно. В следующий раз предупреждай нас перед тем, как она будет пробовать, — ответила Розалинда.

Я взял себя в руки и снова повернулся к Петре.

— Ты делаешь слишком резко, — сказал я. — На этот раз подумай не так ярко. Нарисуй совсем маленькую мысленную картинку, очень отдаленную, в мягких нежных красках. Делай медленно и осторожно, как будто плетешь ее из паутины.

Петра кивнула и снова закрыла глаза.

— Начинается, — предупредил я остальных и замер в ожидании, жалея, что от этого не спрячешься.

На этот раз обошлось чем-то вроде небольшого взрыва. Очень ослепляло, но мне удалось схватить форму.

— Рыба, — сказал я. — Рыба с обвисшим хвостом.

Петра радостно захихикала.

— Вне всякого сомнения, это рыба, — включился Майкл. — Вы делаете успехи. Теперь бы надо поубавить раз во сто силу передачи, а то она выжжет нам мозги.

— Теперь ты покажи мне, — потребовала Петра. И урок продолжался.

На следующее утро мы устроили второе занятие. Изматывало это ужасно, но дело двигалось. Петра начала схватывать суть формирования мыслей-образов — по-детски, конечно, но их уже можно было узнать, несмотря на все искажения. Самые большие неприятности доставляла сила ее передачи. Когда Петра возбуждалась, нас словно било по голове. Остальные жаловались, что, когда мы занимаемся, они не могут ничего делать. Не обращать на это внимания было все равно что не замечать удары молотком внутри своего черепа. В конце урока я сказал Петре:

— А теперь я попрошу Розалинду послать тебе мысль-картинку. Закрой глаза, как раньше.

— Где Розалинда? — спросила она, оглядываясь вокруг.

— Ее здесь нет, но для мыслей-картинок это не важно. Ну, смотри в темноту и ни о чем не думай.

— А вы все, — добавил я мысленно для остальных, — не вмешивайтесь, освободите поле для Розалинды, не прерывайте ее. Ну, Розалинда, давай, четко и ясно.

Мы затихли, ожидая приема.

Розалинда сделала пруд, заросший камышом. Поместила туда несколько уток. Дружелюбных и забавных, разного цвета. Они станцевали что-то вроде балета, все, кроме одной, неуклюжей, но очень старательной, которая все время немножко запаздывала и все делала чуточку не так. Петре ужасно понравилось. Она светилась от удовольствия, а потом вдруг выдала свой восторг мысленно. И снова оглушила нас, как будто стерев все вокруг. Это было очень тяжело для всех, но ее успехи радовали. На четвертом уроке она выучилась освобождать сознание, не закрывая глаз, что было несомненным шагом вперед. К концу недели мы продвинулись значительно. Ее мысли-образы были еще грубоваты и неустойчивы, но это должно было сгладиться при тренировке. Хорошо принимала она пока лишь простые образы и почти не умела ловить наши передачи друг другу.

— Очень трудно видеть всех сразу и так быстро, — говорила она. — Я уже могу различить, кто передает: ты, Розалинда, Майкл или Сэлли, но из-за того, что передается быстро, все смешивается. Правда, другие смешиваются еще больше.

— Какие другие? Кэтрин и Марк? — спросил я.

— Да нет. Их я могу отличить. Совсем-совсем другие. Те, которые далеко, — нетерпеливо ответила она.

Я взял себя в руки.

— По-моему, я их не знаю. Кто они?

— Не знаю, — сказала она. — Разве ты их не слышишь? Они там, но очень далеко. — Она показала на юго-запад.

Я подумал немного и спросил:

— Они и сейчас присутствуют?

— Да, но чуточку, — ответила она.

Я изо всех сил старался уловить что-нибудь, но безуспешно.

— Может, ты попытаешься повторить мне, что ты от них услышала? — предложил я.

Она попробовала. Что-то необычное и на ином, чем у нас, уровне. Было здесь какое-то другое качество, не очень внятное и как бы смазанное. Я решил, что, по-видимому, это из-за того, что Петра стремилась передать нечто ей самой непонятное. Я позвал Розалинду, но и она лучшего не добилась. Для Петры напряжение было слишком велико, поэтому после нескольких минут стараний мы решили отложить это на потом.

Хотя Петра время от времени срывалась на то, что, пользуясь звуковыми аналогиями, можно назвать оглушительным ревом, мы чувствовали гордость собственников, наблюдая за ее успехами. Нас охватило возбуждение, как будто мы открыли будущего знаменитого певца, только это было нечто гораздо более значительное...

— Это, — говорил Майкл, — должно стать очень и очень интересным, если, конечно, она не покалечит нас всех, прежде чем научится управлять собой.

Дней десять спустя после гибели пони, за ужином, дядя Аксель попросил меня помочь ему насадить колесо, пока еще не стемнело. Внешне в этой просьбе не было ничего особенного, но что-то в его взгляде заставило меня согласиться без колебаний. Я последовал за ним, и мы отправились за ригу, где нас никто не мог ни увидеть, ни подслушать. Он взял в рот соломинку и серьезно посмотрел на меня:

— Ну, Дэви, ты был неосторожен?

Есть много возможностей проявить неосторожность, но только об одной из них он мог спрашивать меня с таким видом.

— Не думаю, — ответил я.

— Тогда, может, кто из остальных? — предположил он.

И снова я с ним не согласился.

— Хм, — фыркнул он, — тогда можешь ответить, почему Джо Дарли расспрашивает о тебе? Есть какие-нибудь предположения?

Я понятия не имел и так ему и сказал. Он покачал головой.

— Парень, мне это не нравится.

— Только обо мне или о других тоже? — спросил я.

— О тебе и о Розалинде Мортон.

— А-а, — протянул я с беспокойством. — Но ведь это всегонавсего Джо Дарли... Может, он что-то услышал о нас и хочет раздуть скандал?

— Может быть, — сдержанно согласился дядя Аксель. — А с другой стороны, инспектор всегда использует Джо, когда ему надо что-нибудь разузнать потихоньку. Мне это не нравится.

Мне тоже стало не по себе. Но коль скоро Джо не обратился к нам, я не думал, что он сможет добыть против нас какие-нибудь улики. Ведь нам, сказал я дяде Акселю, нельзя предъявить ничего, никакого обвинения, которое подводило бы нас под какой-нибудь определенный пункт Правил об Отклонениях.

Дядя Аксель покачал головой:

— Эти правила только включают, но не исключают. Нельзя узаконить тысячи возможных случаев, а только наиболее частые. Так что могут появляться новые, которые рассматриваются отдельно. Это как раз входит в работу инспектора: наблюдать и в случае необходимости проводить расследование.

— Мы обсуждали, может ли такое произойти, — сказал я. — Но ведь если начнут выяснять, они же не будут знать, о чем спрашивать. Все, что нам надо будет делать, это притвориться удивленными, как все нормальные люди. Что может узнать Джо или кто-то другой? У них могут быть только подозрения, но никаких улик.

Однако дядя Аксель не мог успокоиться.

— А Рэчель? — предположил он. — Ее так потрясло самоубийство сестры. Ты не думаешь, что она...

— Нет, — уверенно ответил я. — Даже если не брать в расчет, что она не может обвинить нас, не уличая себя, мы бы знали, если бы она что-то скрывала.

— Ну ладно, а маленькая Петра? — спросил он.

Я уставился на него:

— Откуда вы знаете о Петре? Я никогда вам о ней не рассказывал.

Он удовлетворенно кивнул:

— Значит, она тоже. Я так и понял.

— Как вы узнали об этом? — Я не мог успокоиться, сразу начав соображать, кому еще могла прийти в голову такая мысль. — Она сама вам сказала?

— Да нет, как бы тебе сказать, я просто наткнулся на это. — Он помолчал и добавил. — Косвенным путем это пришло от Анны. Я предупреждал тебя, что ее брак с этим парнем до добра не доведет. Есть такой тип женщин, которым недостаточно сделаться рабыней мужчины, чтобы он о них ноги вытирал. Им надо полностью отдавать себя в его власть. Анна была такой.

— Уж не хотите ли вы сказать... Вы считаете, что Анна рассказала Алану о себе? — запротестовал я.

— Рассказала, — кивнул он. — Она сделала больше. Она рассказала ему обо всех вас.

Я смотрел на него с недоверием:

— Почему вы так уверены, дядя Аксель?

— Уверен, Дэви. Возможно, она не хотела этого. Возможно, она рассказала ему только о себе, будучи женщиной, которая не умеет хранить тайны в постели. Возможно, ему пришлось выбить из нее имена остальных. Но факт тот, что он их знал. Это точно.

— А если и знал, вы-то как узнали, что ему известно? — спросил я с возрастающей тревогой.

Он заговорил медленно, как бы вспоминая:

— Когда-то давно в Риго был в гавани кабачок. Его содержал некто Гроус и получал немалый доход. У него под началом работали три девушки и двое парней. Они исполняли все, что он говорил, буквально все. Если бы он захотел рассказать о них все, что знал, то один из молодчиков точно бы болтался на виселице за участие в корабельном мятеже, а две девицы — за убийство. Не знаю, что натворили остальные, но их он тоже держал в тисках. Это был шантаж в чистом виде. Если им давали чаевые, он забирал их целиком. Он следил, чтобы девушки были любезны с моряками, посещавшими кабачок, а то, что они извлекали из гостей, тоже брал себе. Я часто наблюдал, как он обращался с ними, видел выражение его лица, когда он смотрел на них. С каким злорадством. Потому что он знал, что они в его власти и им это известно. Стоило ему нахмуриться, и они начинали плясать вокруг него.

Дядя Аксель помолчал, задумавшись.

— Я никогда не думал, что снова увижу подобное выражение на лице человека. И где? В Вэкнакской церкви! Из всех мест! Мне стало нехорошо, когда я это увидел. Именно такое выражение. На лице у него, когда он рассматривал сначала Розалинду, потом Рэчель, потом тебя и, наконец, маленькую Петру. Больше его никто не интересовал. Только вы четверо.

— Вы могли ошибиться... Какое-то выражение лица... — начал я.

— Не какое-то! То самое выражение. Я узнал его. Меня как будто снова перенесло в Риго, в кабачок. Ну а кроме того, если я не прав, то как я узнал про Петру?

— Что вы сделали?

— Я пошел домой и хорошенько подумал о Гроусе, какую удобную обеспеченную жизнь он вел, и еще кое о чем. А потом я натянул на мой лук новую тетиву.

— Так это вы?.. — воскликнул я.

— Больше ничего не оставалось, Дэви. Конечно, я знал, что Анна будет винить кого-то из вас. Но ведь она не могла выдать вас, не выдавая себя и свою родную сестру. Безусловно, риск существовал, но я должен был на него пойти.

— Риск был. Все чуть не пропало. — И я рассказал ему о письме, которое Анна оставила инспектору.

Он покачал головой:

— Я считал, что так далеко она не зайдет, бедняжка. Но все равно. Сделать это было необходимо. И сделать быстро. Алан дураком не был. Он бы постарался обезопасить себя. Прежде чем начать заниматься вами, он бы оставил у кого-нибудь письмо, которое надо было бы вскрыть в случае его смерти, и проследил бы, чтоб вы все знали об этом. Вы все оказались бы в ужасном положении. Чем больше это до меня доходило, тем яснее я понимал, насколько это было бы ужасно для вас.

— Вы многим рисковали ради нас, дядя Аксель, — вымолвил я.

Он пожал плечами:

— Для меня риск был невелик, для вас — огромен.

Помолчав, мы вернулись к разговору о нынешнем нашем положении.

— Все эти расспросы не могут быть связаны с Аланом. Ведь с тех пор прошло много месяцев, — рассуждал я.

— Более того, это не те сведения, которыми Алан стал бы делиться с кем бы то ни было, если собирался на этом поживиться, — согласился дядя Аксель. — И еще одно: многого они знать не могут, иначе уже объявили бы расследование. Чтобы сделать это, они должны быть абсолютно уверены. Инспектор не захочет попасть впросак с твоим отцом, да и с Энгусом Мортоном, если на то пошло. Но все равно непонятно, что натолкнуло их на вас.

Я снова вернулся к мысли об истории с Петрой и ее пони. Дядя Аксель, конечно, знал о его гибели, но и только. Иначе пришлось бы рассказать ему о Петре, а у нас был молчаливый уговор, что чем меньше ему известно о нас, тем меньше придется ему скрывать в случае несчастья. Однако теперь, когда выяснилось, что он знает о Петре, я рассказал ему о происшедшем более подробно. Мы оба сомневались, что причина в этом, но за неимением другой ниточки он взял на заметку имя незнакомца.

— Джером Скиннер, — повторил он с сомнением. — Ладно, попробую разузнать о нем.

Этой ночью мы долго совещались, но ни к чему не пришли. Майкл высказался так:

— Раз вы с Розалиндой совершенно уверены, что в вашей округе ничего подозрительного не происходило, то, по-видимому, единственный, кто мог все начать, это человек из леса. — Он использовал мысль-образ, чтобы не возиться с передачей по буквам «Джером Скиннер». — Если все исходит от него, то он должен был представить свои подозрения инспектору своего округа, а тот передать сообщение по форме инспектору вашего округа. Это означает, что уже несколько человек занимаются этим делом и расспросы будут еще о Сэлли и Кэтрин. Погано то, что сейчас все настроены крайне подозрительно из-за слухов о готовящемся большом вторжении из Зарослей. Я попытаюсь завтра что-нибудь разузнать и тогда сообщу вам.

— А что нам делать? — вставила Розалинда.

— В настоящий момент ничего, — посоветовал Майкл. — Если мы правильно рассудили, откуда все пошло, то вы составляете как бы две группы: одна — Сэлли и Кэтрин, вторая — ты, Дэвид и Петра. А остальные трое вне подозрений. Не делайте ничего необычного, а то они схватят вас по подозрению. Если дело дошло до расследования, мы, как и решили, должны прикинуться простачками. Самое слабое место — Петра. Она слишком мала, чтобы в этом разбираться. Если они начнут с нее, то могут и подловить ее, и обмануть, а это может кончиться для всех нас стерилизацией и Зарослями... Она становится ключом ко всему делу, поэтому ни в коем случае не должна попасть к ним в руки. Возможно, как раз ее не подозревают, но она была там, на поляне, и, конечно, с ней будут разбираться тоже. Если к ней проявят хоть какой-то интерес, лучше плюнуть на все, забрать ее и бежать. Если они начнут ею заниматься, то тем или иным способом вытянут из нее все.

Может быть, вся эта история рассосется, но в случае, если нет, ответственность на Дэвиде. Тебе, Дэвид, придется позаботиться, чтобы ее не взяли на допрос. Любой ценой. Если для этого придется кого-то убить, ты должен будешь убить. Они, не задумываясь, убьют нас, если у них будет предлог. Помни, если они вообще займутся этим делом, то будут стремиться уничтожить нас, быстрым способом или медленным.

Если же дело дойдет до крайности и ты не сможешь спасти Петру, гуманней будет убить ее, чем дать стерилизовать и вышвырнуть в Заросли. Это будет милосерднее. Ты понял? Все согласны?

Согласны были все. Когда я подумал о маленькой Петре, искромсанной и брошенной нагишом в Зарослях, чтобы погибнуть или выжить, если случайно повезет, я тоже согласился.

— Что ж, — продолжал Майкл. — Для большей безопасности было бы неплохо вам четверым и Петре подготовиться к побегу по первому слову.

Он продолжал втолковывать нам все это более подробно.

Трудно сказать, был ли у нас какой-нибудь другой выход из этой ситуации. Открытый побег кого-либо из нас сразу навлек бы беду на остальных. Наше несчастье состояло в том, что мы узнали о расследовании на два или три дня позже, чем следовало...

12

Предостережения Майкла, весь наш разговор ясно показывали, что нас вот-вот обнаружат, что угроза этого реальна и неминуема. Вечером, разговаривая с дядей Акселем, я этого еще не понимал. Теперь до меня наконец дошло, что приближается день, когда мы столкнемся с настоящей опасностью, а не просто тревогой, которая нахлынет и сойдет на нет, не причинив нам вреда. Я знал, что Майкл весь последний год испытывал нарастающее беспокойство, как будто чувствовал, что наше время истекает. Впервые я ощутил то же самое. Дошло до того, что перед тем, как лечь спать, я сделал некоторые приготовления: положил поблизости лук и две дюжины стрел и нашел мешок, в который сложил несколько буханок хлеба и сыр. А еще я решил наутро подобрать запас одежды, обуви и других полезных вещей и спрятать все это вне дома в каком-нибудь сухом удоб-

ном месте. Надо будет еще взять одежду для Петры, пару одеял, что-нибудь под питьевую воду, не забыть также трут и кремни... Так перебирая в уме, что еще хорошо бы взять с собой, я не заметил, как заснул...

Прошло, наверное, часа три, не больше, когда меня разбудило щелканье задвижки. Было новолуние, но в свете звезд я увидел в дверях маленькую белую фигурку в ночной рубашке.

— Дэвид, — сказала она, — Розалинда...

Но ей уже не надо было ничего говорить: Розалинда требовательно ворвалась в мои мысли:

— Дэвид, нам надо срочно уходить. Как можно быстрее. Они схватили Сэлли и Кэтрин.

Майкл не дал ей докончить:

— Торопитесь оба, пока еще есть время. Они решили захватить вас врасплох. Если бы они хоть немного знали о нас, они бы постарались приурочить все аресты к одному времени, чтобы нельзя было вас предупредить. К Сэлли и к Кэтрин они пришли почти одновременно, всего десять минут назад. Скорей в дорогу.

— Я встречу вас за мельницей. Торопитесь, — добавила Розалинда.

Я объяснил Петре словами:

— Одевайся как можно быстрее. Набрось на себя накидку. Только тихо-тихо.

Вероятно, она не поняла мысли-образы во всех подробностях, но уловила главное: крайнюю неотложность всего этого, поэтому она просто кивнула и ускользнула в темноту коридора. Я оделся, свернул в трубку одеяла с постели, нашарил в темноте лук со стрелами и мешок с едой и пошел к двери. Петра была уже почти одета. Я на ощупь похватал из ее шкафа какую-то одежду и затолкал в одеяла.

— Туфли пока не надевай, — прошептал я, — неси в руках и иди на цыпочках, как кошка.

Во дворе я положил на землю сверток и мешок, и мы надели обувь. Петра начала было говорить, но я приложил палец к губам и передал ей мысль-образ Шебы, черной кобылы. Петра кивнула, и мы на цыпочках прокрались через двор. Я открывал дверь конюшни, когда отдаленный звук заставил меня замереть и прислушаться.

— Лошади, — прошептала Петра.

Да, это были лошади: стук копыт и слабое звяканье удил.

Не оставалось времени искать седло и уздечку для Шебы. Мы вывели ее на недоуздке и влезли на нее, встав на бревно. Из-за вещей, которые я взял с собой, Петра не помещалась впереди меня на лошади, поэтому ей пришлось забраться ко мне за спину и обхватить меня руками.

Тихо мы выскользнули со двора через дальний его конец и направились по дороге вниз к берегу реки, а стук копыт приближался к дому с другой стороны.

— Ты уже ушла? — спросил я Розалинду и дал ей знать, как обстоят наши дела.

— Я ушла десять минут назад. У меня все было приготовлено, — укоризненно ответила она, — мы изо всех сил старались добраться до тебя. Счастье, что Петра случайно проснулась.

Петра поймала свой образ и возбужденно ворвалась в разговор, спрашивая, что происходит. Это было как фонтан искр.

— Мягче, дорогая. Гораздо мягче, — запротестовала Розалинда. — Скоро мы тебе все расскажем.

Она помедлила секунду, чтобы прийти в себя после этой ослепляющей вспышки.

— Сэлли? Кэтрин? — позвала она.

Они ответили сразу.

— Нас ведут к инспектору. Мы ни в чем не виноваты и ничего не можем понять. Так, наверное, лучше?

Майкл и Розалинда согласились, что так держаться вернее.

— Мы думаем, — продолжала Сэлли, — что должны отключиться от вас. Нам будет легче вести себя как Норма, если мы действительно не будем знать, что происходит. Так что пусть никто из вас не старается с нами связаться.

— Ладно, но мы будет открыты для вас, — согласилась Розалинда. Она перенесла мысли ко мне: — Торопись, Дэвид. Наверху, на вашей ферме, зажглись огни.

— Ничего страшного. Мы уже почти рядом с тобой, — ответил я. — Им понадобится какое-то время, чтобы в темноте разобраться, какой дорогой мы ушли.

— Они догадаются по теплу конюшни, что вы не могли уехать далеко, — сказала Розалинда.

Я оглянулся. Наверху в доме горело окно, и я увидел фонарь, раскачивающийся в чьей-то руке. До нас слабо донесся зовущий мужской голос. Мы уже достигли берега реки и могли, не боясь, пустить лошадь в галоп. Так мы двигались около по-

лумили до брода через реку, а потом еще примерно четверть мили, пока не добрались до мельницы. Мимо нее мы поехали шагом, чтобы никого не разбудить. За оградой мы услышали собаку на цепи, но она не залаяла. Наконец где-то впереди, очень близко, я почувствовал Розалинду. Ее облегчение.

Мы снова перешли в галоп, и через несколько мгновений сбоку под деревьями я заметил какое-то движение и повернул лошадь туда. Розалинда ожидала нас, и не одна, а с отцовскими конями-гигантами. Громадные животные возвышались над нами, на обоих вместо седел были прикреплены перекидные корзины. Розалинда стояла в одной из них, положив поперек натянутый лук. Я подъехал прямо под корзину, а она, перегнувшись, старалась разглядеть, что у меня с собой.

— Подай мне одеяла, — сказала она, протягивая руки. — Что в мешке?

Я ответил.

— Ты хочешь сказать, что больше ничего с собой не взял? — неодобрительно сказала она.

— Понимаешь, пришлось торопиться, — ответил я.

Она пристроила одеяла, как подушку, на седельную перемычку между корзинами. Я поднял Петру, чтобы Розалинда смогла до нее дотянуться, и с нашей помощью она кое-как взобралась на одеяла.

— Нам лучше держаться вместе, — сказала Розалинда. — Я оставила для тебя место в другой корзине. Из нее ты сможешь стрелять левой рукой.

Она спустила вниз с левого плеча коня-гиганта что-то вроде маленькой веревочной лестницы. Я соскользнул со спины Шебы, развернул ее в сторону дома и шлепнул по боку, чтобы прогнать, а затем неловко вскарабкался в корзину. Как только я влез, Розалинда втянула лесенку наверх и закрепила. Она тряхнула поводьями, и не успел я как следует устроиться в корзине, как мы уже поскакали, ведя второго коня на поводу.

Некоторое время мы ехали рысью по дороге, а затем по ручью. Там, где ручей стал разветвляться, мы повернули вдоль меньшей из проток и поскакали прямиком через болотистую местность, вскоре добравшись до другого ручья. Примерно с полмили мы ехали вдоль него, а затем свернули на другой участок топкой сырой земли, которая становилась все суше и тверже, пока наконец копыта не застучали по камням. И вот уже кони стали медленно пробираться между скал. Я понял, что

Розалинда тщательно продумала, как запутать наши следы. Наверное, я неосознанно передал ей эту мысль, потому что она довольно холодно ответила:

— Очень жаль, что ты мало думал и много спал.

— Я начал думать, — запротестовал я. — Я собирался сегодня все собрать и устроить. Было вроде не к спеху.

— Поэтому, когда я пыталась посоветоваться с тобой, ты уже спал без задних ног. Мы с мамой целых два часа упаковывали эти корзины и готовили седла, чтобы мгновенно собраться в нужный момент, а ты в это время спокойно спал.

— С мамой? — поразился я. — Она знает?

— Она как бы полузнает. Последнее время она стала догадываться... Я не знаю, насколько она поняла... Мы никогда не говорили об этом. Мне кажется, она считала, что, пока не называет вещи своими именами, все нормально. Когда я сегодня вечером сказала ей, что, по-видимому, мне придется уехать, она заплакала, но, пожалуй, не удивилась. Она не пыталась ни спорить со мной, ни отговаривать. У меня было такое чувство, будто в глубине души она давно решила, что когда-нибудь ей придется мне помочь, и когда такое время настало — помогла.

Я должен был хорошенько обдумать слова Розалинды. Я не мог себе представить, чтобы моя мать сделала что-нибудь подобное ради Петры. Правда, она плакала, когда прогнали Хэрриет, а вот тетя Хэрриет готова была нарушить законы Чистоты. И мать Софи тоже. Это заставляло задуматься о том, сколько же, наверное, есть матерей, которые закрывают глаза на все, что не противоречит впрямую Определению Истинного Образа, а может быть, и на то, что совсем не соответствует ему, если удастся обмануть инспектора... И я размышлял, огорчится или обрадуется в глубине души моя мать тому, что я увез Петру...

Мы продолжали ехать путаной дорогой, которую придумала Розалинда, чтобы сбить погоню с нашего следа. Мы проехали еще много каменистых участков и много ручьев, прежде чем наконец направили коней по крутому берегу вверх и дальше в лес. Вскоре мы наткнулись на проселочную дорогу, которая шла на юго-запад. Побоявшись оставить на ней следы коней-гигантов, мы двигались не по дороге, а рядом с ней. Небо начало светлеть. Тогда мы свернули в глубь леса и ехали, пока не нашли поляну с высокой травой... Там мы стреножили коней и пустили их пастись, а сами поели хлеба с сыром, после чего Розалинда сказала:

— Раз ты хорошо выспался, будешь караулить первым.

Они с Петрой удобно устроились на одеялах и заснули.

Я сидел, держа на коленях натянутый лук, а полдюжины стрел лежали наготове на земле у меня под рукой. Было тихо. Слышались только голоса птиц, иногда шорох каких-то зверушек и мерное жевание коней-гигантов. Солнце поднялось и светило сквозь тонкие верхние ветки, начав пригревать. Время от времени я вставал и тихонько обходил поляну вокруг, положив стрелу на тетиву. Я ничего не обнаружил во время этих обходов, но они помогали мне бодрствовать. Часа через два меня позвал Майкл.

— Где вы сейчас находитесь? — спросил он.

Я объяснил, как мог.

— А куда направляетесь? — хотел он знать.

— На юго-запад, — ответил я. — Мы собираемся ночью двигаться, а днем отдыхать.

Он одобрил это, но заметил:

— Беда в том, что со всей этой общей тревогой по поводу Зарослей вокруг должно быть много патрулей. Я не уверен, что Розалинда была права, взяв коней-гигантов. Если их заметят, слух разнесется, как лесной пожар. Достаточно будет даже одного следа копыта.

— Конечно, обычные кони не уступят им в скорости на коротком расстоянии, — согласился я. — Но они не идут ни в какое сравнение по выносливости.

— Да, пожалуй, это вам пригодится. Но, откровенно говоря, Дэвид, лучше всего вам сейчас было бы не терять головы. Неприятностей куча. Они разузнали о вас больше, чем мы могли предположить, хотя пока не напали на след Марка, меня и Рэчель. Но они очень встревожены и собираются послать за вами в погоню отряды добровольцев. Я хочу сразу выразить желание войти в один из них, а там подкину сведения, что вы замечены на юго-востоке. Когда этот слух не подтвердится, Марк распустит другой, что вы направились на северо-запад. Если кто-либо заметит вас, помешайте ему сообщить об этом. Любой ценой. Только не стреляйте из ружья. Отдан приказ стрелять только в случае необходимости или подавая сигнал! Все ружейные выстрелы будут проверяться.

— Это не важно. У нас ружья нет, — ответил я.

— Тем лучше. Значит, у вас не будет соблазна пустить его в ход. Но они думают, что ружье у вас есть.

Я твердо решил не брать ружья, частью из-за того, что от выстрела много шума, но главным образом потому, что его долго перезаряжать, тяжело нести и оно бесполезно, когда кончается порох. Стрелы не могут поражать так далеко, но они бесшумны, и пока перезаряжают ружье, их можно выпустить больше дюжины.

Появился Марк:

— Я все слышал. Я подготовлю слух насчет северо-запада к нужному моменту.

— Хорошо. Но не распускай его, пока я не скажу. Розалинда, наверное, сейчас спит? Скажи ей, когда проснется, чтобы она связалась со мной.

Я обещал передать, и все затихли. Еще два часа я продолжал караулить, а потом разбудил Розалинду. Петра не шевельнулась. Я лег рядом с ней и через минуту заснул.

Наверное, я спал некрепко, а может быть, это совпало случайно, только, проснувшись, я сразу уловил отчаянную мысль Розалинды.

— Я убила его, Майкл. Он совсем мертвый...

Тут она погрузилась в панические беспорядочные мысли-образы.

Майкл вступил твердо, успокаивающе:

— Не пугайся, Розалинда. Ты должна была поступить именно так. Это война между нашим видом и их. Не мы ее начали, но мы так же имеем право на существование, как и они. Ты не должна бояться, Розалинда, милая: ты не могла поступить иначе.

— Что случилось? — спросил я, поднимаясь.

Они не ответили мне, а может быть, слишком были заняты, чтобы меня услышать.

Я оглядел поляну. Петра еще спала. Рядом со мной безмятежно щипали траву кони-гиганты. Майкл заговорил снова:

— Спрячь его, Розалинда. Попытайся найти ложбинку и нагреби на него сверху листья.

Пауза. Потом снова Розалинда, преодолевая панику, соглашающаяся, но глубоко расстроенная.

Я поднялся, подобрал лук и пошел через поляну туда, где находилась она. Когда я добрался до деревьев, мне пришло в голову, что Петра остается без защиты, и я остановился.

Через некоторое время из-за кустов показалась Розалинда. Она шла медленно, на ходу очищая горстью листьев стрелу.

— Что случилось? — повторил я.

Но она, казалось, снова потеряла контроль над мыслями-образами, они были размыты, искажены ее переживаниями. Когда она подошла поближе, то заговорила словами:

— Это был мужчина. Он напал на след коней-гигантов. Я увидела, как он идет по следам. Майкл сказал... Я не хотела этого, Дэвид, но что мне было делать?..

Глаза ее блестели от слез. Я обнял ее и дал выплакаться на своем плече. Больше я ничем не мог ее утешить, только уверял, как и Майкл, что это было необходимо.

Спустя некоторое время мы медленно пошли назад. Она села около мирно спящей Петры. И тут мне стукнуло в голову:

— А его лошадь, Розалинда? Она убежала?

Она покачала головой:

— Не знаю. Наверное, у него должна была быть лошадь, но когда я его увидела, он просто шел по следу.

Я подумал, что будет лучше пойти назад по нашим следам и выяснить, не оставил ли он где-нибудь стреноженную лошадь. Но, пройдя с полмили, я не нашел ни лошади, ни каких-либо других свежих следов копыт, кроме оставленных конями-гигантами.

Когда я вернулся, Петра уже проснулась и болтала с Розалиндой. День разгорался. Нас не вызывали ни Майкл, ни другие. Несмотря на происшедшее, нам казалось разумным оставаться на месте, а не пускаться в путь днем и рисковать, что нас увидят. Поэтому мы ждали. И вдруг после полудня что-то пришло к нам. Не мысль — образ. Она не имела настоящей формы. Это было чистое отчаяние, как крик боли. Петра ахнула и, вскрикнув, прижалась к Розалинде. Передача оказалась настолько резкой, что ранила. Розалинда и я уставились друг на друга. У меня тряслись руки. Вместе с тем толчок был настолько нечетким, что мы не могли понять, от кого из наших он исходит.

А потом пришли боль, и стыд, и перекрывающее их безутешное отчаяние, а вперемешку с ними проблески образов, которые, мы точно знали, принадлежат Кэтрин. Розалинда взяла меня крепко за руку. Мы терпели. Потом острота боли притупилась, давление ослабело, и появилась Сэлли, сбивчиво, волнами любви и сострадания к Кэтрин, а потом с болью к нам:

— Они сломили Кэтрин. Они ее сломили... Кэтрин, милая... Вы не должны винить ее, никто. Пожалуйста, пожалуйста, не вините ее. Они ее пытают. Это могло быть с любым из нас. Она

сейчас без сознания. Она не слышит нас. Кэтрин, милая... — И ее мысли растворились в бесформенном отчаянии.

И Майкл был с нами, сначала с дрожью, а потом ожесточенно пускаясь в самые суровые образы, которые я когда-либо принимал:

— Это поистине война. Когда-нибудь я убью их за то, что они сделали с Кэтрин.

А потом ничего не происходило час или больше. Мы не очень убедительно пытались успокоить и ободрить Петру. Она не поняла толком, что прошло между нами, но уловила напряжение, и этого ей хватило, чтобы испугаться.

А потом снова была Сэлли, глухо, горестно, через силу заставляя себя войти в контакт:

— Кэтрин призналась во всем. Я подтвердила. Они все равно в конце концов заставили бы меня. Я... — она помедлила, заколебалась, — я не могла бы это вынести. Только не раскаленные утюги. Да и ни к чему, раз она уже все рассказала им. Я не могла... Простите меня, все... Простите нас обеих... — Снова обрыв.

Майкл появился нервно, тревожно:

— Сэлли, милая, ну конечно, мы вас ни в чем не виним. Ни тебя, ни ее. Мы понимаем. Но мы должны знать, что вы им рассказали. Что им известно?

— О мыслях-образах. О Дэвиде и Розалинде. Они были почти уверены насчет них, но хотели подтверждения.

— О Петре тоже?

— Да... о-о-о! — последовал бесформенный всплеск раскаяния. — У нас не было выхода... Бедная малышка Петра... Но они знали. Правда! Только это могло объяснить, почему Дэвид и Розалинда взяли ее с собой. Этого нельзя было скрыть.

— О ком-нибудь еще?

— Нет. Мы сказали, что больше никого нет. По-моему, они нам поверили. Они продолжают задавать вопросы. Пытаются понять. Хотят знать, как мы делаем мысли-образы и на какое расстояние можем их передавать. Я вру им, что не более чем на 5 миль и что на таком расстоянии их еле можно разобрать. Кэтрин почти без сознания. Она не может передавать вам. Они продолжают допрашивать нас обеих, снова и снова. Если бы вы видели, что они с ней сделали... Кэтрин, милая... Ее ноги, Майкл, ее бедные ноги...

Образы Сэлли затуманились отчаянием и затем растаяли.

Больше никто не появился. Мы все были слишком глубоко потрясены. Со словами все иначе, их надо отобрать, потом понять, что ими хотели выразить, а мысли-образы ты просто чувствуешь в себе...

Солнце спускалось, и мы стали собираться, когда снова возник Майкл.

— Послушайте, — сказал он. — Они отнеслись к этой истории очень серьезно и очень напуганы нами. Обычно, когда Отклонение уходит из округа, его не преследуют. Без удостоверения личности или тщательного осмотра местным инспектором нигде не устроишься, так что, кроме Зарослей, деться некуда. А тут они взволнованы тем, что по нам ничего не видно. Мы жили среди них почти 20 лет, а они ничего не подозревали. Мы всюду сойдем за Норму. Поэтому в ход пущено обращение с описанием вас троих, где вы официально объявлены Отклонениями. Это означает, что вы нелюди и потому на вас не распространяются права и защита человеческого общества. Каждый, кто каким-либо образом поможет вам, совершит преступление, а тот, кто скроет ваше местопребывание, подлежит наказанию.

Этим вы объявлены вне закона. Любой может стрелять в вас без предупреждения, не боясь ничего. Объявлено небольшое вознаграждение тому, кто сообщит о вашей смерти и представит этому доказательства, но вознаграждение будет гораздо больше, если вас возьмут живьем.

Наступило молчание, мы пытались осмыслить сказанное.

— Я этого не понимаю, — сказала Розалинда. — А если мы пообещаем, что уедем отсюда совсем и никогда не вернемся?..

— Они боятся нас. Они хотят вас схватить и разузнать о нас побольше. Вот почему обещано такое большое вознаграждение. Теперь это не только вопрос о соответствии Истинному Образу, хотя они и пытаются именно так представить дело. Они увидели в нас реальную угрозу своему существованию. Вообразите, что нас гораздо больше, чем сейчас. Тех, кто может думать сообща, планировать, связываться друг с другом без всех этих ухищрений, слов и посланий. Да мы можем переиграть их в любую минуту. Им эта идея совсем не по нраву, и поэтому нас хотят уничтожить с корнем, пока нас не стало больше. Для них это вопрос выживания. И знаете, в этом они, может быть, и правы.

— Они собираются убить Сэлли и Кэтрин?

Этот вопрос неосторожно сорвался у Розалинды. Мы подождали ответа от кого-нибудь из девушек. Ответа не было. Мы не понимали, что это означает: они могли просто закрыть для нас свой ум, или спать в изнеможении, или, может быть, они уже мертвы... Майкл так не считал.

— Сейчас, когда они держат их крепко в руках, это маловероятно. Скорее это вызовет озлобление. Одно дело объявить нечеловеком новорожденного на основании его физических недостатков, другое дело — здесь. Тут дело гораздо более деликатное. Не так-то легко людям, которые знали их всю жизнь, принять такой приговор. Если их убить как нелюдей, это заставит многих отнестись к властям с сомнением и недоверием. Так всегда бывает, когда закону дают обратную силу.

— А нас можно убивать спокойно? — с горечью заметила Розалинда.

— Вы еще не пойманы и находитесь среди людей, которые вас не знают. А для чужих вы просто беглые нелюди.

Возразить на это было нечего. Майкл спросил:

— В какую сторону вы отправитесь ночью?

— Снова на юго-запад, — ответил я. — Мы думали задержаться и устроиться где-нибудь в Дикой местности, но теперь, раз любой охотник имеет право нас пристрелить, думаю, придется ехать дальше, в Заросли.

— Это лучше всего. Если вы сможете там спрятаться, хотя бы на какое-то время, мы попробуем, если удастся, создать видимость вашей смерти. Завтра я отправляюсь с поисковым отрядом, который пойдет на юго-восток. Я буду держать вас в курсе событий. А вы смотрите, если напоретесь на кого-то, стреляйте первыми.

На этом мы прекратили беседу. Розалинда закончила сборы. Мы разместили в корзинах поудобнее, чем прошлой ночью, наше имущество и залезли наверх. Я снова в левую корзину, а Петра и Розалинда, на этот раз вместе, в правую.

Розалинда, перегнувшись назад, шлепнула коня по громадному боку, и он тяжеловесно тронулся в путь.

Пока длились сборы, Петра вела себя необычайно тихо, теперь же она разразилась слезами и вся излучала горе. Она не хочет, раздавалось сквозь всхлипывания, попасть в Заросли, ее волновала встреча со Старухой Мэгги, с Волосатым Джеком и его семьей и другими жуткими персонажами детских сказок, которые нас там поджидали.

Было бы легче успокоить ее, если бы в нас самих не копошились остатки детских страхов и если бы у нас имелось сколько-нибудь ясное представление о том, что там творится на самом деле. А поскольку мы, как и большинство нормальных людей, знали слишком мало, то убедить Петру мы не могли и должны были снова страдать от последствий ее огорчения. Безусловно, всплески ее эмоций не били нас так сильно, как в прошлые разы. Мы уже по опыту знали, как от них защититься, но все-таки это очень изматывало. Прошло почти полчаса, пока Розалинда смогла как-то приглушить эти всеподавляющие страсти, и тогда обеспокоенно ворвались наши.

— В чем дело на этот раз? — раздраженно спросил Майкл.

Мы объяснили. Майкл смягчился и обратился к Петре. Медленно, в ясных мыслях-образах он стал рассказывать ей о том, что Заросли — это не какое-то заколдованное место. Большинство жителей там просто несчастные невезучие люди. Их забрали из дома, многих еще детьми, а старшим пришлось бежать туда просто потому, что они не совсем похожи на других людей. В Зарослях они должны жить потому, что больше их нигде не оставляют в покое. Некоторые из них действительно выглядят очень странно и смешно, но они в этом не виноваты. Если бы у нас случайно по ошибке был лишний палец на руке или, скажем, третье ухо, то нас бы тоже отослали в Заросли, хотя внутри мы оставались бы точно такими людьми, как сейчас. На самом деле не так уж важно, как человек выглядит снаружи, к этому легко привыкнуть, а...

Но в этом месте Петра прервала его:

— Кто тут еще другой? — поинтересовалась она.

— Какой другой? Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Ну, тот, кто передает мысли-образы, которые смешиваются с твоими, — объявила она.

Наступила пауза. Я сразу открылся полностью, но не смог поймать никаких мыслей-образов.

— Я не улавливаю, — последовало от Майкла, Марка, Рэчель. — Наверное, это...

Петра подала быстрый сильный сигнал, на словах это было бы что-то вроде нетерпеливого «заткнитесь!».

Мы притихли в ожидании.

Я заглянул в другую корзину. Розалинда, полуобняв Петру, внимательно смотрела на нее. Глаза Петры были закрыты, как будто она вся обратилась в слух. Наконец она слегка расслабилась.

— Что это такое? — спросила ее Розалинда.

Петра открыла глаза. Ответ последовал не слишком четкий, она была озадачена.

— Кто-то задает вопросы. По-моему, женщина, которая очень, очень, очень далеко. Она говорит, что уже раньше ловила мои мысли, когда я боялась. Она хочет знать, кто я и где я нахожусь. Сказать ей?

Мгновение мы колебались. Потом Майкл возбужденно спросил, согласны ли мы. Мы ответили утвердительно.

— Давай, Петра, расскажи ей, — сказал он за всех.

— Но я должна буду делать это очень громко. Она ведь так далеко, — предупредила Петра.

Хорошо, что она нам это сказала. Если бы она начала сразу, когда наше сознание было открыто, она бы нас просто выжгла. Я закрыл ум и постарался сосредоточить все внимание на мысли о том, куда нам ехать. Это немного помогло, но, конечно, не являлось настоящей защитой.

Петра передавала очень простые образы, как и должно быть в ее возрасте, но они вонзались в меня с невероятной мощью и яркостью. Я был ошеломлен и оглушен.

В какой-то промежуток Майкл издал что-то вроде «фью-у» и тут же получил, как и раньше, «заткнись» от Петры. Потом перерыв, потом снова ослепляющая передача. Когда все стихло, Майкл осведомился:

— Где она?

— Там, далеко, — ответила Петра.

— Спасибо...

— Она показывает на юго-запад, — разъяснил я.

— Дорогая, ты спросила у нее название местности? — поинтересовалась Розалинда.

— Да, но оно ничего не означает, только то, что оно из двух частей и в нем много воды, — туманно ответила Петра словами. — А она не понимает, где я.

— Скажи, чтобы она передала образы букв, — предложила Розалинда.

— Но я не умею читать, — со слезами возразила Петра.

— Да, дорогая, это очень неудобно, — согласилась Розалинда, — но по крайней мере мы можем их передать. Я буду передавать тебе образы букв по одному, а ты будешь пересылать их ей. Попробуем?

Петра с сомнением согласилась.

— Хорошо, — сказала Розалинда. — Берегитесь все. Мы начинаем.

Она изобразила «Л», и Петра передала ее с сокрушительной силой. Розалинда продолжила: «А» — и так далее, пока не сложила слово полностью.

— Она поняла, — сообщила нам Петра, — но она не знает, где находится Лабрадор. Она говорит, что постарается разузнать. Она хочет передать нам свои буквы. Но я сказала ей, что это ни к чему.

— Ну как же ни к чему, дорогая. Ты получишь их от нее и покажешь нам; только мягче, чтобы мы могли их прочесть.

И вот мы получили первую букву. Это была «Z». Нас постигло разочарование.

— Может, она читает ее перевернуто и это «S»? — предположил Майкл.

— Нет, это не «S», а «Z», — со слезами настаивала Петра.

— Не обращай на них внимания. Продолжай! — сказала Розалинда.

Постепенно выстроилось все слово.

— Что ж, остальные вполне нормальные буквы, — одобрил Майкл. — Силандия — по-видимому.

— Не Силандия, а Зеландия, — упрямо повторила Петра.

— Но, дорогая моя, Зеландия — это бессмыслица, а Силандия означает — земля в море.

— К вашему сведению, — добавил я с сомнением. — По рассказам дяди Акселя, море гораздо больше, чем можно себе представить.

В этот момент нас всех опять заглушило, это возмущенная Петра возобновила разговор с неизвестной женщиной. Закончив, она торжествующе объявила:

— Это «Z». Она говорит, что эта буква отличается от «S». Она похожа на жужжание пчел.

— Хорошо, хорошо, — успокоил ее Майкл. — Спроси ее, где это так много моря.

Ответ Петры не заставил себя ждать:

— Да. Земля эта состоит из двух частей, и вокруг море. Там, где находится эта женщина, можно увидеть солнце, которое освещает все на многие мили кругом. Все такое голубое...

— Это в середине-то ночи? — удивился Майкл. — Она сошла с ума.

— Там, где она живет, сейчас день. Она мне показала, — ответила Петра, — это место, где много, много, домов, не та-

ких, как в Вэкнаке, а гораздо бóльших. А по дорогам там бегают смешные повозки без лошадей. А в воздухе какие-то штуки, у которых наверху что-то мелькает.

Я вздрогнул, как от удара: в этом описании я узнал видение моих детских полузабытых снов. Ворвавшись в разговор, я повторил их яснее, чем показала Петра, — белые блестящие штуки, похожие на рыб.

— Да, такие, — согласилась Петра.

— Что-то тут не так, — вставил Майкл. — Дэвид, ты-то откуда знаешь?

Я оборвал его и предложил:

— Пусть Петра узнает все, что сможет. А разбираться будем потом.

И снова мы постарались как могли защититься от этого, казалось, одностороннего разговора, который Петра вела таким возбужденным криком.

Мы медленно продвигались через лес. Из-за того, что мы старались не оставлять следов, движение наше было очень затруднено. Луки мы держали наготове, чтобы применить их в любой момент. При этом ветки постоянно вынуждали нас низко пригибаться и следить, чтобы они не выбили луки из наших рук. Риск встретить людей был невелик, но мы легко могли наткнуться на отощавшего зверя. К счастью, слышались только шорохи убегавших животных. Возможно, их отпугивали размеры коней-гигантов. А значит, несмотря на свои характерные следы, эти лошади давали нам хоть какое-то преимущество.

В этих местах летние ночи коротки. Мы двигались вперед, пока не начало светать, и тогда снова нашли поляну для отдыха.

Расседлывать коней мы не рискнули: тяжелые вьючные седла и корзины можно было поднять, только перекинув веревку через сук дерева, а значит, быстро уехать мы бы не смогли. Как и накануне, мы только стреножили коней.

За едой я поговорил с Петрой о том, что показала ей незнакомка. Чем больше Петра рассказывала, тем больше я волновался. Почти все совпадало с теми снами, которые я видел маленьким. Таким нежданным облегчением было узнать, что такое место действительно есть на свете, что мне снилась не жизнь Прежних Людей, а что-то существующее где-то в мире сейчас. Но Петра устала, так что, как мне ни хотелось узнать побольше, пришлось прекратить расспросы и дать ей с Розалиндой улечься спать.

Сразу после восхода солнца со мной взволнованно связался Майкл:

— Дэвид, они напали на ваш след. Из-за того человека, которого убила Розалинда: его отыскала его собака, а потом они обнаружили следы коней-гигантов. Наш отряд поворачивает назад на юго-запад, чтобы присоединиться к охоте на вас. Вам надо немедленно двигаться в путь. Где вы сейчас?

Я мог только сказать ему, что по нашим расчетам мы должны находиться в нескольких милях от Диких Земель.

— Тогда в дорогу, — сказал он, — чем дальше вы уйдете, тем больше потребуется времени, чтобы обходной отряд перерезал вам путь.

Совет казался разумным. Я разбудил Розалинду и объяснил ей ситуацию. Через десять минут мы с полусонной Петрой снова двинулись в путь. Скорость сейчас была важнее сохранения тайны, поэтому мы выехали на первую же дорогу, ведущую на юг, и пустили коней тяжелой рысью.

Дорога шла не прямо, а следовала изгибам местности, но общее направление нам подходило. Примерно десять миль мы проехали без всяких неприятностей, а потом дорога повернула, и мы увидели, что нам навстречу скачет всадник, что он уже в 50 ярдах от нас.

13

У этого человека не было никаких сомнений кто мы, потому что, едва завидев нас, он бросил поводья и стал сдирать с плеч лук. Прежде чем он успел натянуть тетиву, мы спустили свои. Но мы еще не приноровились к движению коней-гигантов и поэтому промахнулись. Он метил лучше: его стрела пролетела между нами, ободрав голову нашего коня. Вторым выстрелом я промахнулся, но Розалинда попала его лошади прямо в грудь. Конь попятился, чуть не скинув седока, повернулся и помчался прочь от нас. Я послал стрелу вдогонку, и она попала коню в зад. Он прыгнул в сторону, сбросил человека в кусты и помчался во весь опор по дороге впереди нас.

Мы миновали упавшего, не останавливаясь. Он съежился в стороне, когда громадные копыта простучали в каких-нибудь двух футах от его головы. На следующем повороте мы огляну-

лись и увидели, что он сел и осматривает свои ушибы. Самое неприятное было то, что теперь впереди нас мчался, разнося тревогу, раненый конь без седока.

Через две мили полоса леса внезапно оборвалась, и мы увидели, что находимся на краю узкой возделанной долины. До видневшихся вдали деревьев надо было пересечь примерно полторы мили открытой местности. Большую часть ее занимало пастбище, на котором за изгородью паслись овцы и другой скот. Слева совсем рядом с нами простиралось засеянное поле. Молодые всходы на нем были похожи на овес, но настолько отклоняющийся от нормы, что у нас дома его давно бы сожгли.

Вид его очень нас ободрил, потому что это означало, что мы почти достигли Диких Земель, где невозможно было сохранять чистоту породы.

Дорога плавно спускалась вниз к ферме, вернее, к кучке хижин и сараев. На открытом пространстве между ними, служившем двором, мы увидели четырех женщин и двоих мужчин, собравшихся вокруг коня. Они внимательно его рассматривали, и нам было ясно, что это за конь. Очевидно, он только что прискакал, и они гадали о судьбе седока.

Мы решили ехать прямо, чтобы не дать им времени схватиться за оружие и снарядить погоню. Они были так поглощены осмотром коня, что мы успели покрыть половину расстояния до дальнего леса, прежде чем они нас заметили.

Кто-то из них поднял глаза, потом и другие повернулись и уставились на нас.

Они явно никогда в жизни не видели коней-гигантов, и зрелище этих чудовищ, галопом приближающихся к ним, и громовой стук копыт заставили их окаменеть от изумления. Нарушил эту молчаливую неподвижность конь посредине: он попятился, заржал и рванулся прочь, сметая людей со своего пути. Стрелять не понадобилось. Вся группа рассыпалась под защиту хижин, и мы без помехи промчались через двор.

Дорога сворачивала влево, но Розалинда направила коня-гиганта прямо, к полосе леса. Жерди валились, как прутья, когда мы, не убавляя скорости, проскакали через поля, оставив за собой след из сломанных изгородей.

На краю леса я оглянулся. Люди на ферме вышли из укрытий и, размахивая руками, глазели нам вслед.

Через три-четыре мили мы снова выехали на открытую местность, но она не была похожа ни на что виденное нами ранее.

Всю ее заполонили кусты, заросли, спутанные растения. Трава росла в основном грубая, широколистая; в некоторых местах она поднималась ввысь гигантскими чудовищными клоками острых пластин, достигавших длины в восемь — десять футов.

Около двух часов мы пробирались между ними, придерживаясь общего направления на юго-запад. Потом заехали в рощицу из странных, но нормального размера деревьев. Это было хорошее укрытие: в ней нашлось несколько полянок, на которых росла трава более или менее обычного вида, вроде бы подходящая для корма коням. Мы решили остановиться здесь ненадолго и поспать.

Пока я стреноживал коней, Розалинда расстелила одеяла, и уже вскоре мы жадно поглощали еду. Вокруг было мирно и тихо, как вдруг Петра включилась в свои ослепляющие переговоры, да так внезапно, что я прикусил язык.

Розалинда зажмурилась и приложила руку ко лбу.

— Ради всего святого, детка! — воскликнула она.

— Извините, я забыла, — небрежно проговорила Петра.

С минуту она сидела, склонив голову немного набок, а потом сказала:

— Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас. Она говорит, может быть, вы все же попытаетесь услышать ее, а она будет думать как только сможет громко.

— Хорошо, — согласились мы, — но ты будь потише, а то ты нас ослепляешь.

Я старался изо всех сил, напрягаясь до предела своей чувствительности, но ничего не уловил — или, вернее, почти ничего: лишь легкое теплое дуновение.

Мы снова расслабились.

— Бесполезно, — сказал я. — Петра, ты должна сказать ей, что мы не можем услышать ее. Берегитесь все.

Мы постарались как могли заглушить последовавшую передачу, а потом Петра прибила яркость мысли ниже ослепляющего уровня и начала показывать, что ей передали. Присланные ей мысли-образы по необходимости были очень простые, чтобы Петра могла их повторить, даже не понимая смысла. В результате для нас они выглядели как детский лепет, да еще многократно повторенный, чтобы мы наверняка их поняли. Вряд ли можно объяснить словами, как именно шла эта передача, но, в конце концов, важен был общий смысл, а он дошел до нас достаточно ясно.

Главным в сообщении являлось то — и это подчеркивалось особенно настоятельно, — что важны не столько мы, сколько Петра. Ее надо защитить во что бы то ни стало. Она обладала силой передачи мыслей, неслыханной для человека, не имеющего специальной подготовки. Петра — это самородок необычайного значения. К нам уже идут на помощь, а пока мы должны стараться выгадать время и, главное, оберегать Петру. Ее безопасность, а не нашу мы должны были обеспечивать любой ценой.

Вообще передавалось еще много всякой всячины, но менее ясно, как-то смазанно. Но это главное мы уловили очень четко.

— Вам понятно? — спросил я остальных, когда передача закончилась.

Всем было понятно. Майкл откликнулся:

— От этого голова кругом идет. Несомненно, Петра обладает замечательной силой передачи, несравнимой с нашей. Но странно, эта женщина так выражалась, будто ее особенно удивило, что такое явление обнаружилось среди дикарей. Вы обратили внимание, ее можно было понять так, будто мы дикари.

— Не сомневайся, она имела в виду именно это, — подтвердила Розалинда.

— Это какое-то недоразумение, — вмешался я. — Наверное, Петра каким-то образом создала у нее впечатление, что мы Люди Зарослей. А что касается... — Тут меня просто затопил возмущенный протест Петры.

Я постарался как мог не обращать на нее внимания и продолжал:

— А что касается помощи, здесь тоже какое-то недоразумение. Она находится где-то на юго-западе от нас, а всем известно, что в том направлении лежат на много миль Дурные Земли. Даже если они где-то кончаются, она находится на другом их краю. Чем, спрашивается, она может нам помочь?

Розалинда отказалась это обсуждать.

— Давайте подождем, и все объяснится, — предложила она, — а сейчас я хочу только спать.

Я хотел того же, и так как Петра уже отоспалась в корзине, мы велели ей внимательно следить за обстановкой и тут же разбудить нас, если она услышит или увидит что-либо подозрительное. Мы с Розалиндой заснули, едва преклонив головы.

Проснулся я от того, что Петра трясла меня за плечо. Солнце почти село.

— Майкл зовет, — объяснила она.

Я освободил сознание для него.

— Они снова напали на ваш след. Какая-то маленькая ферма на самом краю Дикой Земли. Вы проскакали через нее. Припоминаешь?

Я вспомнил, и он продолжал:

— Туда сейчас движется один из отрядов. Как только рассветет, они пойдут по вашему следу. Лучше поскорей отправляйтесь в путь. Я не знаю, ждут ли вас впереди. Вполне возможно, что кто-то с запада попытается отрезать вас. Во всяком случае, ручаюсь, что этой ночью они еще будут разбиты на маленькие группки. Они не рискнут расставить посты цепью по одному, так как известно, что здесь рыщут Люди Зарослей. Если повезет, вы сможете проскочить между ними.

— Ладно, — устало согласился я и задал вопрос, который давно волновал меня: — Что с Сэлли и Кэтрин?

— Не знаю. Они не отвечают. Да и расстояние уже стало очень велико. Кому-нибудь известно, как там?

Включилась Рэчель, из-за отдаленности от нас она была едва уловима:

— Кэтрин потеряла сознание. С тех пор ничего не понятно. Мы с Марком боимся. — Она стихла и явно не хотела продолжать.

— Говори, — подтолкнул ее Майкл.

— Ну, мы думаем... Кэтрин так долго без сознания... как будто она... умерла.

— А Сэлли?

Мы почувствовали еще большее нежелание говорить.

— Мы считаем... мы боимся, что с ее разумом не все в порядке... От нее пришло только несколько бормотаний. Очень слабых и совсем бессмысленных. Поэтому мы боимся... — Она расстроенно притихла.

Молчание. Потом Майкл начал передавать твердо и жестко:

— Ты понял, Дэвид, что это означает? Они испугались нас. Готовы замучить нас до смерти, если мы попадем к ним в руки, лишь бы узнать о нас побольше. Ты не должен ни в коем случае допустить, чтобы они схватили Розалинду или Петру. Лучше убить их самому, чем позволить издеваться над ними. Понимаешь?

Я поглядел на Розалинду, спящую рядом со мной, на ее волосы, в которых играли алые отблески заходящего солнца, и подумал о муках Кэтрин, которые мы чувствовали. От мысли, что ей и Петре придется испытать подобное, я содрогнулся.

— Да, — ответил я ему и остальным. — Да, я все понял.

Некоторое время я ощущал их поддержку, ободрение, а потом возникла пустота.

Петра, скорее удивленная, чем напуганная, посмотрела на меня и с серьезным видом спросила словами:

— Почему он сказал, что ты должен убить Розалинду и меня?

Я собрался с мыслями и ответил ей, стараясь, чтобы мои слова прозвучали как что-то обыденное и само собой разумеющееся:

— Это только если они нас поймают.

Поразмышляв, она спросила раздумчиво:

— Почему?

Я попытался объяснить:

— Видишь ли, мы не похожи на них, потому что они не могут передавать друг другу мысли-образы. А обычные люди, когда другие люди не похожи на них, боятся...

— Почему они должны нас бояться? Мы же не делаем им ничего плохого? — прервала она меня.

— Я не знаю точно почему, — ответил я. — Но они боятся. Об этом не рассуждают, а просто чувствуют. И чем они сами невежественней, тем сильнее они хотят, чтобы все были на них похожи. А как только они пугаются, то становятся страшно жестоки и мучают тех, кто в чем-то отличается от них...

— Почему? — снова спросила Петра.

— Делают так, и все. Если они нас поймают, то замучают совсем.

— Я не понимаю почему? — настаивала Петра.

— Так уж повелось на свете. Все это очень сложно и довольно страшно. Вырастешь — поймешь. А сейчас главное, что мы не хотим, чтобы тебя с Розалиндой мучили. Ты помнишь, как ошпарила ногу кипятком? Так вот, будет гораздо больнее. Умереть намного лучше. Ты как бы заснешь, и они не смогут тебя добудиться, чтобы мучить.

Я посмотрел на Розалинду. Ее грудь тихо вздымалась во сне, случайная прядь волос упала на щеку: я бережно отвел ее и тихо поцеловал. Розалинда не проснулась.

Вдруг Петра начала:

— Дэвид, когда ты убьешь меня и Розалинду...

Я обнял ее.

— Тише, дорогая. Этого не случится, мы не дадим поймать себя. Давай разбудим ее, но не станем рассказывать ей об этом. Она огорчится. Пусть это будет наш секрет, ладно?

— Ладно, — согласилась Петра и слегка потянула Розалинду за волосы.

Мы решили сначала поесть, а потом уже двигаться в путь, когда станет совсем темно и дорогу будут освещать звезды.

За едой Петра была необычайно молчалива. Я решил сперва, что она все еще думает о нашем недавнем разговоре, но, как оказалось, ошибся: спустя некоторое время она прервала свои размышления, оживленно сообщив нам:

— Эта Зеландия забавное место. Там все могут передавать мысли-картинки. Или почти все. И никто никого за это не хочет мучить.

— А, я вижу, пока мы спали, ты успела поговорить, — заметила Розалинда. — Должна сказать, что для нас так гораздо удобнее.

Петра не стала обращать внимания на ее слова и продолжала:

— Только не все там умеют передавать хорошо. Большинство из них похожи на тебя и Дэвида (это было сказано снисходительно) — но она может передавать намного лучше других. У нее двое детей, и она думает, что они тоже смогут хорошо передавать. Только они еще очень маленькие. Но она считает, что вряд ли они будут передавать так хорошо, как я. Она говорит, что я могу создавать самые сильные мысли-картины, лучше всех, — заключила она самодовольно.

— Меня это ничуть не удивляет, — ответила ей Розалинда. — Чему тебе надо выучиться, так это делать *хорошие* мысли-картины, а не просто крикливые, — добавила она отрезвляюще.

Но Петру эти слова не смутили:

— Она говорит, что, если я буду работать над этим, я стану передавать еще лучше. А когда я вырасту, у меня обязательно должны быть дети, которые тоже смогут делать сильные мысли-картины.

— Должны быть дети?! Вот как! — сказала Розалинда. — А зачем? По-моему, до сих пор от этих мыслей-картин были одни лишь неприятности.

— Только не в Зеландии, — покачала головой Петра. — Она говорит, что там все хотят их делать, и люди, которые не очень умеют это, изо всех сил тренируются, чтоб научиться делать их лучше.

Мы задумались над ее словами. Я вспомнил рассказы дяди Акселя о далеких краях за Черным Побережьем, где Отклонения считают себя Истинным Образом, а всех остальных Мутантами.

Она говорит, дополнила Петра, что люди, которые могут общаться только при помощи слов, многое теряют. Она сказала, что мы должны их жалеть, потому что, как бы они ни пытались, им никогда по-настоящему не узнать друг друга. Они навсегда останутся сами по себе, и никогда им не думать сообща.

— В настоящий момент не могу сказать, что очень им сочувствую, — заметил я.

— А она говорит, что их надо жалеть, потому что по сравнению с теми, кто умеет передавать мысли-картинки, они обречены вести нудную, скучную жизнь, — назидательно сообщила Петра.

Мы не перебивали ее болтовню. Не все, что она говорила, имело для нас смысл, возможно, она не все правильно поняла, но одно было совершенно ясно: эти зеландцы, кто бы они ни были, очень высоко себя ценили. Начинало казаться, что Розалинда не ошиблась, когда предположила, что слово «дикари» в их понимании относится к обычным жителям Лабрадора.

Звезды ярко сияли, когда мы снова пустились в путь, попрежнему пробираясь между зарослями и чащобами на юго-запад. Помня о предупреждении Майкла, мы двигались по возможности тихо, внимательно стараясь уловить малейшие признаки погони. Однако на несколько миль вокруг ничего не было слышно, кроме мерного приглушенного топота копыт коней-гигантов, поскрипывания сбруи и корзин да иногда шума убегающих с нашей дороги зверьков.

Примерно через три часа мы начали различать впереди неясную полосу, более темную, чем ночь. Вскоре она выросла над нами, превратившись в черную стену леса.

Во мраке нельзя было разобрать, насколько густым он был, и потому казалось наиболее правильным просто подъехать к нему поближе и уже тогда, если лес окажется непроходимым, двигаться вдоль его края, пока не найдется какой-нибудь просвет между деревьями.

Так мы и решили, но, когда до леса оставалось не более ста ярдов, сзади вдруг безо всякого предупреждения раздался выстрел, и пуля просвистела мимо нас.

Оба коня испугались и присели. Я чуть не вылетел из корзины. Попятившиеся было исполины рванули вперед, и связывавшая их веревка с треском лопнула. Второй конь помчался прямо к лесу, но затем свернул налево. Наш бросился за ним. Мы ничего не могли поделать, кроме как сжаться в корзине

под градом комьев грязи и камней, летевших из-под копыт переднего коня, и положиться на судьбу.

Где-то сзади снова раздался выстрел, но он только добавил нам скорости...

Какое-то время мы скакали тяжелым, сотрясающим землю галопом. Вдруг впереди немного слева что-то вспыхнуло. При звуке выстрела наш конь на скаку отпрыгнул вбок, свернул направо и помчался в лес. Мы до предела съежились в корзинах, пока он продирался сквозь деревья.

Нам просто повезло, что мы въехали в лес там, где стволы больших деревьев отстояли довольно далеко друг от друга. Но, несмотря на это, становилось жутко, когда ветки деревьев били и дергали корзины во время этой сумасшедшей скачки.

Конь-гигант рассекал лес — уклонялся от больших деревьев, продирался через мелкие, сокрушая их своим весом, так что ветки и сучья только трещали и обламывались.

Разумеется, вскоре конь замедлил бег, но его паническое стремление убраться подальше от выстрелов не уменьшалось. Я должен был держаться руками, ногами, всем телом, чтобы меня не разбило в корзине в лепешку, не осмеливаясь поднять голову даже для беглого взгляда, чтобы какой-нибудь сук не сшиб ее напрочь. Не знаю, преследовали нас или нет, скорее всего — нет. Во-первых, среди деревьев было еще темнее, чем на открытом пространстве, и кроме того, конь обычного размера, вероятнее всего, распорол бы себе брюхо при попытке проскакать по нашему следу через торчащие, как колья, обломанные стволы, которые оставлял за собой наш конь.

Постепенно исполин успокаивался, скорость и ярость его порыва пошли на убыль, и наконец он начал выбирать дорогу, а не переть напролом. Вскоре слева от нас деревья поредели. Розалинда, высунувшись из корзины, подхватила поводья и направила коня в ту сторону. Мы выехали на узкое открытое пространство и снова увидели звезды над головой. В их слабом свете нельзя было разглядеть, просека это или естественная прогалина. Мы остановились на минуту в нерешительности, раздумывая, стоит ли рисковать, но потом сочли, что преимущества легкой дороги для нас более важны и выгодны, чем для преследователей, и повернули вдоль прогалины на юг. Треск ветвей сбоку от нас заставил меня и Розалинду резко обернуться и взять луки на изготовку, но оказалось, что это всего-навсего второй конь-гигант. С радостным ржанием он рысью выско-

чил из леса и пристроился за нами, как будто его все еще удерживала веревка.

Местность стала более пересеченной. Дорога наша извивалась мимо скал, спускалась в овраги и оставляла позади ручьи. Иногда она шла по относительно открытым участкам, иногда ветви деревьев смыкались над нашими головами. Теперь мы поневоле продвигались медленно. По нашим расчетам, мы уже находились в Зарослях.

Трудно было сказать, рискнет ли погоня последовать за нами сюда. Мы попытались узнать об этом у Майкла, но он не ответил, по-видимому, спал. Не могли мы также определиться с тем, не пора ли нам избавиться от привлекающих внимание коней-гигантов: прогнать, например, их в одну сторону, а самим пешком отправиться в другую. Не имея сведений, трудно было на что-либо решиться. Глупым казалось избавляться от коней, не обладая уверенностью, что погоня не последует за нами в Заросли. Если они пойдут на это, то, продвигаясь днем, легко нагонят нас, потому что при свете можно ехать гораздо быстрее, чем сейчас, в темноте. И вообще мы очень устали, и нас совсем не прельщала перспектива ходьбы. Еще раз попытались мы связаться с Майклом, но безуспешно. А через мгновение у нас не осталось даже возможности выбора.

Мы въехали на участок, где ветви деревьев смыкались, образуя темный тоннель, по которому кони пробирались медленно и осторожно. Внезапно прямо на меня что-то свалилось, вминая в корзину. Не было никакого предупреждающего звука, никакой возможности поднять лук. Я почувствовал на себе тяжесть, от которой у меня сперло дыхание, потом перед глазами посыпались искры, и наступила тьма.

14

Я медленно приходил в себя, долго пребывая в каком-то полузабытьи.

Меня звала Розалинда, настоящая Розалинда, внутренняя, которая очень редко показывалась на свет.

Другая Розалинда, практичная, умелая, была не она, а всего лишь ее продуманный образ. Я помнил, как она начала его создавать еще в ту пору, когда была трепетным, пугливым, но

очень решительным ребенком. Пожалуй, раньше всех нас она осознала, что находится во враждебном мире, и обдуманно вооружила себя против него. Панцирь нарастал медленно, пластина за пластиной. Я наблюдал, как она подыскивала себе оружие, училась пользоваться им, как тщательно создавала она себе личину и как носила ее с таким постоянством, что временами даже сама начинала в нее верить.

Я любил девушку, которую могли видеть все. Любил ее высокую тонкую фигуру, наклон шеи, ее маленькие острые груди и длинные стройные ноги, и то, как она двигалась, и уверенность ее рук, и губы ее, когда она улыбалась. Я любил ее бронзово-золотые волосы, тяжелым шелком ложившиеся в руку, атласную кожу ее плеч, бархат щек, и теплоту ее тела, и запах ее дыхания.

Любить все это было легко, слишком легко. Это мог любить каждый. Однако именно все это нуждалось в защите, в панцире ее независимости и невозмутимости, в этом выражении практичной и решительной самостоятельности, в безразличной и отрешенной манере поведения.

Все эти качества никак не могли вызвать к себе нежность, а временами они просто отталкивали, но тот, кто видел, как и почему они появились, не мог не восхищаться ими хотя бы как воплощением торжества искусства над природой.

Но сейчас меня звала внутренняя Розалинда, звала нежно и горестно, оружие ее было отложено, сердце открыто.

Слова не говорили.

Существуют слова, которые в устах поэта могут рассказать о мерцающей дымке любви, но во всем остальном они так неуклюжи, так невыразительны!

Моя любовь полилась к ней, ее — ко мне. Моя успокаивала и гладила, ее — ласкала. Расстояние, различия между нами исчезли. Мы соприкасались, соединялись, сливались в одно целое. Не было больше ЕЕ и МЕНЯ существовали только — МЫ ВМЕСТЕ. Мы совершили краткий побег из одиночной камеры, и этот нераздельный мир принадлежал нам обоим...

Никто на свете не знал потаенную Розалинду. Даже Майкл и все наши могли уловить только случайные проблески ее души. Они не знали, какой ценой была создана внешняя Розалинда. Никто из них не видел мою милую, нежную Розалинду, жаждущую убежища, любви и доброты, саму напуганную своей выстроенный защитной оболочкой, но страшащуюся остаться один на один со всем миром без нее.

Время — ничто. Возможно, мы слились воедино только на мгновение. Важно, что это было, а не сколько длилось.

Но вот мы разделились, и я очнулся для окружающего мира и увидел бледно-серое небо, ощутил ужасное физическое неудобство и услышал тревожные расспросы Майкла о том, что со мной случилось. С большим трудом я попытался собраться с мыслями.

— Не знаю. Что-то ударило меня, но сейчас я вроде бы в порядке. Только голова болит, и мне очень неудобно.

Лишь во время ответа я сообразил, почему мне так неуютно: я по-прежнему находился в корзине, но был запихнут в нее, как какая-нибудь вещь, а сама корзина, как и раньше, раскачивалась в такт движению лошади. Майкл мало что смог почерпнуть из моего сообщения и обратился к Розалинде.

— Они прыгнули на нас сверху, с деревьев. Их было четверо или пятеро. Один приземлился прямо на голову Дэвида, — объяснила Розалинда.

— Кто они? — спросил Майкл.

— Люди Зарослей, — ответила она.

Я вздохнул с облегчением. Я-то подумал, что преследователи обошли нас сбоку. Я собрался спросить, как обстоят дела с погоней, как вдруг Майкл поинтересовался:

— Это в вас стреляли прошлой ночью?

Я рассказал про выстрелы, но добавил, что, может быть, стрельба была не только здесь.

Но Майкл разочарованно объяснил:

— Нет, стрельба была только в одном отряде. Я надеялся, что они ошиблись, что след ложный. Нас всех собирают вместе. Они считают, что рискованно забираться в Заросли мелкими группами. Мы должны объединиться и выступить в поход примерно через четыре часа. Они рассчитывают, что нас будет около сотни. Решено, что если мы столкнемся с Людьми Зарослей, то зададим им хорошую взбучку, чтобы потом с ними не возиться. Вам лучше избавиться от коней-гигантов, их следы вам не замаскировать.

— Твой совет немного опоздал, — сказала Розалинда. — Я со связанными руками в корзине на первом коне, а Дэвид в корзине на втором.

— А где Петра? — с тревогой спросил Майкл.

— С ней все в порядке. Она на моем коне в другой корзине, братается со своим стражем.

— Как все-таки дело было? — настойчиво переспросил Майкл.

— Ну, сначала они спрыгнули на нас, а потом еще другие вышли из-за деревьев и схватили коней под уздцы. Они спустили вниз Дэвида и заставили сойти вниз нас с Петрой. Потом они немного поспорили и решили, что от нас надо избавиться. Погрузили нас снова в корзины, на каждого коня посадили по своему человеку и отправили нас той же дорогой, какой мы и следовали.

— То есть глубже в Заросли?

— Да.

— Это направление сейчас, пожалуй, самое лучшее, — заметил Майкл. — А вообще какое у них настроение? Угрожающее?

— Да нет. Они только тщательно следят, чтобы мы не сбежали. Они, кажется, представляют себе, кто мы, но не уверены, как с нами поступить. Поэтому и спорили. А вообще-то их, по-моему, больше всего интересуют кони-гиганты. Человек, который сидит на нашем коне, совершенно безобиден. Но разговаривает он с Петрой как-то странно, чересчур серьезно. Мне кажется, что он немного придурковатый.

— Можешь ты разузнать, что они собираются с вами делать?

— Я спрашивала, но, по-моему, он и сам не знает. Ему только было приказано доставить нас куда-то.

— Ну что ж. — На этот раз Майкл тоже был растерян. — Поживем — увидим. Больше вроде ничего не сделаешь. Но, наверное, лучше сказать ему, что мы вас преследуем.

И на этом Майкл пока оставил нас.

Я начал дергаться и извиваться. Наконец с некоторым трудом я сумел подняться на ноги в качающейся корзине. Человек, сидевший в другой, поглядел на меня вполне дружелюбно.

— Эй, там, — сказал он коню-гиганту и, придержав поводья, скинул с плеча кожаную флягу и перекинул на ремне ко мне. Я открыл ее, с благодарностью отпил немного и перекинул обратно ему. Мы тронулись дальше.

Теперь я мог осмотреться как следует. Вокруг была уже не густая чаща, а просто довольно лесистая местность. Даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться в правоте слов моего отца, когда он говорил, что в этих краях Норма является посмешищем. Я не мог назвать с уверенностью ни одного дерева.

Знакомый ствол поддерживал неправильную крону, узнаваемого вида ветви были покрыты листьями искаженной формы, и кора деревьев тоже оставляла желать лучшего. Какое-то время слева от нас все заслонила стена фантастически переплетенных между собой кустов куманики, ощетинившихся колючками величиной с лопату. В другом месте целая полоса земли выглядела как высохшее русло реки, заполненное большими валунами, но эти валуны оказались круглыми грибами, тесно сросшимися друг с другом. Там были деревья со стволами настолько мягкими, что они не могли стоять прямо и потому пригибались к земле и стелились по ней. Тут и там встречались крохотные рощицы миниатюрных деревьев, съежившихся, узловатых и очень старых на вид.

Я снова исподтишка глянул на человека в другой корзине. Казалось, в нем нет ничего явно неправильного, разве только был он очень грязным, как, впрочем, и его изодранная одежда и мятая шапка. Он поймал мой взгляд и спросил:

— Никогда раньше не бывал в Зарослях, парень?

— Нет, — ответил я. — Все они так выглядят?

Он ухмыльнулся и покрутил головой.

— Здесь ничего не выглядит так же. Поэтому Заросли и называются Зарослями. Здесь пока почти ничего не растет согласно своей породе.

— Пока? — переспросил я.

— Конечно. Со временем все устоится. Дикие Земли тоже когда-то были Зарослями, а сейчас они намного стабильнее, точно так же и те места, откуда вы пришли, когда-то были Дикими Землями, а теперь устоялись еще больше. Я так понимаю, что Бог испытывает наше терпение, раскладывает свой пасьянс, но что-то очень уж заигрался.

— Бог? — усомнился я. — Нас всегда учили, что в Зарослях правит Дьявол.

Он качнул головой:

— Это они там так говорят. Нет, парень, это в ваших краях бродит старый Дьявол и выглядывает своих. Все они там высокомерные. Как же, Истинный Образ и все такое... Хотят быть похожими на Прежних Людей. Бедствие ничему их не научило... Прежние Люди тоже считали, что они превыше всех. У них были идеалы, они точно знали, как все в мире должно быть устроено. Все, к чему они стремились, это закрепить все как им удобнее и поддерживать в таком виде. Ну а поскольку их идеи

были идеальнее, чем у Господа Бога, то все жили бы прекрасно. Но, — покачал он головой, — не сработало это, парень. Не могло сработать. Они не были последним словом Господа Бога, как им казалось. У Бога нет последнего слова. Если бы было, то он бы умер. А он жив. Он так же меняется и растет, как все живое. Поэтому, когда они изо всех сил старались закрепить все и пригладить, чтобы из века в век ничего не менялось, Бог наслал Бедствие, чтобы взорвать все это и напомнить им, что жизнь не стоит на месте. Он увидел, что так, как все заведено, дело не пойдет, и перетасовал колоду, надеясь, что новый расклад будет удачнее.

Он помолчал, обдумывая свои слова, и продолжил:

— Может, он плохо перетасовал. В некоторых местах ход событий не изменился, а все как будто слиплось вместе. Например, в тех краях, откуда вы родом. Там они продолжают жить по старым правилам, по-прежнему считая, что они-то и есть последнее Божье слово, и по-прежнему стараются как проклятые остаться такими же и закрепить именно то положение вещей, которое и вызывало Бедствие в прошлый раз. Богу однажды надоест, что они никак не поймут своей глупости, и он покажет им еще пару фокусов.

— Да-а, — протянул я неопределенно, но в душе мне стало спокойно. Как это странно, думал я, что столько людей имеют совершенно определенные, хотя и взаимоисключающие сведения относительно Божьих намерений.

Мой собеседник, казалось, был не вполне удовлетворен своими объяснениями. Он махнул рукой в сторону, где простиралась местность, полная Отклонений, и я внезапно увидел его собственную неправильность: на правой руке у него не хватало трех пальцев.

— Придет день, — провозгласил он, — и что-то из всего этого станет устойчивым. Оно будет новым, к новым растениям приспособятся новые животные. Бедствие было гигантской встряской, чтобы мы начали все сначала.

— Но там, где выращивают устойчивые породы, Отклонения уничтожают, — заметил я.

— Пытаются уничтожить. Думают, что уничтожают, — согласился он. — С ослиным упрямством они хотят сохранить нормы Прежних Людей. Но сохраняют ли? Могут ли сохранить? Откуда они знают, что их посевы, овощи и фрукты точно такие же, как были? Разве не возникают все время из-за этого

распри? И разве не выходит в конце концов, что оставляют на развод породу с лучшей урожайностью? Разве не скрещивают скот, чтобы добиться лучшей его выносливости, удойности или чтобы мяса больше давал? Конечно, явные Отклонения уничтожаются, но уверен ли ты, что Прежние Люди признали бы любую из нынешних пород? Я ни в каком разе не уверен. Видишь ли, этого не остановить. Ты можешь мешать или уничтожать, можешь замедлить все это, повернуть куда тебе надо, но все равно, так или иначе, все продолжает меняться. Посмотри только на этих коней.

— Они официально одобрены правительством, — объяснил я.

— Разумеется. Я именно об этом и говорю, — ответил он.

— Но если в любом случае изменения продолжаются, я не понимаю, зачем надо было насылать Бедствие, — возражал я.

— Для растений и животных это продолжается. Но не для человека. Не для того типа людей, к которому относятся Прежние Люди и твои соотечественники. Они стараются, чтоб для них не продолжалось. Они пресекают в корне любое изменение, перекрыли все входы и выходы и закрепляют чистоту типа, потому что имеют нахальство считать себя совершенством. По их расчетам они, и только они, соответствуют Истинному Образу. Прекрасно, тогда отсюда следует, что если их облик истинный, то они сами подобны Богу. И будучи как Бог, они считают себя вправе приказывать: «до сих пор и не дальше». Это и есть их величайший грех: они пытаются убить жизнь в Жизни.

В последних фразах я уловил какую-то интонацию, не сочетающуюся со всем предыдущим. Мне показалось, что я снова столкнулся с какой-то разновидностью религии. Я решил переменить тему разговора на более приземленную и спросил, почему нас взяли в плен.

Точно он не знал, но успокоил меня, что так поступают во всех случаях, когда какой-нибудь чужак забредет на территорию Зарослей.

Я все это обдумал и связался с Майклом:

— Как ты считаешь, что нам рассказать им? Мне кажется, что нас будут допрашивать. Когда они увидят, что мы физически нормальны, мы должны будем как-то объяснить, почему мы удираем.

— Лучше всего сказать как есть, только все преуменьшить. Действуйте как Сэлли и Кэтрин. Расскажите им ровно столько, сколько надо для обоснования побега, — предложил он.

— Хорошо, — согласился я. — Петра, ты поняла? Ты скажешь им, что можешь передавать мысли-картинки Розалинде и мне. Ни слова о Майкле и зеландцах.

— Зеландцы идут на помощь. Сейчас они уже не так далеко, как раньше, — уверенно сказала она.

Майкл отнесся к ее словам скептически:

— Очень любезно, что они согласились помочь, но пока не упоминай о них.

Петра согласилась. Мы обсудили, стоит ли говорить нашим стражам о предполагаемом преследовании, и решили, что вреда от этого не будет.

Человек в другой корзине не удивился этим новостям.

— Ладно. Это нас устраивает, — сказал он, но в объяснения пускаться не стал, и мы продолжали неспешно двигаться вперед.

Петра снова начала разговаривать со своей далекой подругой, и мы теперь тоже не сомневались, что расстояние уменьшилось.

Ей больше не надо было прибегать для разговора к невыносимой для нас силе передачи, и впервые я смог, очень сильно напрягшись, уловить обрывки ответного послания. Розалинда тоже поймала его и, насколько могла ярко, отправила зеландке вопрос. Незнакомка усилила свою передачу, и мы ясно уловили ее, очень довольную, что у нее получилось установить контакт. Она хотела знать больше, чем сумела рассказать Петра.

Розалинда описала как могла наше нынешнее положение и сообщила, что мы не подвергаемся непосредственной опасности. Тогда незнакомка посоветовала:

— Будьте осторожны. Соглашайтесь с ними во всем и старайтесь выиграть время. Подчеркните опасность, которая грозит вам от ваших сородичей. Трудно советовать, не зная этого племени. Некоторые мутантные племена ненавидят нормальную внешность. Поэтому не повредит, если вы преувеличите, насколько внутренне вы отличаетесь от своих сородичей. Главное — малышка. Ее надо уберечь любой ценой. До сих пор мы никогда не встречались с такой силой передачи, которой обладало бы столь юное существо. Как ее зовут?

Розалинда передала по буквам и спросила:

— А кто вы такие? Что это за Зеландия?

— Мы новые люди. Ваш тип людей. Народ, который может думать вместе. Мы народ, который собирается построить новый мир, отличный от мира Прежних Людей и дикарей.

— Может быть, такой тип людей, который Бог и хотел создать? — спросил я, почуяв знакомую тему.

— Об этом я ничего не знаю. Да и кто знает? Но мы уверены, что сможем создать лучший мир, чем у Прежних Людей. Они были всего-навсего хитроумные получеловеки, немногим лучше дикарей. Каждый из них был отрезан от другого, их связывали только неуклюжие слова. И часто различия в языке или убеждениях отдаляли их друг от друга еще больше. Некоторые из них мыслили сами по себе, но они были обречены на одиночество. Иногда они могли разделять чувства друг друга, но думать сообща им было не дано. Пока они жили в примитивных условиях, они еще могли существовать, как могут животные. Но чем больше усложняли они мир вокруг себя, тем меньше могли с ним управляться. У них не было способов создания истинного единения. Они научились действовать сообща маленькими группами, но большие группировки они собирали только для разрушения. Они жадно домогались всего, а затем отказывались брать на себя ответственность за собственные действия. Они создавали множество проблем, а потом прятались от них за частоколом тщетных надежд. У них не было ни настоящего общения, ни истинного взаимопонимания. В лучшем случае они могли быть одухотворенными животными, не более. Они не могли добиться успеха. Если бы они не спровоцировали Бедствие, которое уничтожило их почти целиком, они бы размножались с беззаботностью животных до тех пор, пока не довели бы себя до полной нищеты и отчаяния, а затем до голода и варварства. Так или иначе, но они были обречены, потому что не отвечали законам развития жизни.

Мне снова пришло в голову, что эти зеландцы чересчур высоко ставят себя. При моем воспитании мне было очень трудно примириться с таким неуважением к Прежним Людям. Пока я осваивался с этим, Розалинда спросила:

— А вы? Откуда вы произошли?

— Нашим предкам повезло: они жили на острове, вернее, на двух островах, довольно уединенных. Они тоже не избежали Бедствия и его последствий, хотя досталось им меньше, чем большинству других. Они оказались отрезаны от всего мира и впали почти в полное варварство. Но потом как-то так случилось, что у них стали рождаться люди, которые могли «думать вместе». Со временем те, кто мог делать это лучше, начали разыскивать других, тех, кто мог лишь чуточку, и учить их разви-

вать эту способность. Естественно, что люди, которые умели делать это, вступали в брак с такими же, как они, так что число их увеличивалось. Еще позднее они стали находить передающих мысли-образы в других странах. И тогда они начали понимать, как им повезло, потому что даже там, где не особенно обращали внимание на физические отклонения, людей, способных думать вместе, преследовали.

Долгое время никак не удавалось помочь этим людям нашего типа, хотя некоторые из них пытались доплыть до Зеландии на лодках, и кое-кто добирался. Однако позднее, когда у нас появились машины, мы оказались в состоянии спасать кое-кого. Теперь мы стараемся помочь всегда, когда устанавливаем контакт, но никогда еще нам не приходилось контактировать на таком расстоянии. Мне до сих пор приходится очень напрягаться, чтобы вы меня услышали. Потом будет легче, а сейчас мне нужно оставить вас. Берегите малышку. Она уникальна, что чрезвычайно важно. Защищайте ее любой ценой.

Ее мысли-образы стали постепенно размываться и исчезли без следа. Тогда включилась Петра. Не знаю, что она поняла из всего рассказа, но последнюю часть уловила четко.

— Это обо мне, — удовлетворенно сообщила она с совершенно ненужной силой.

Нас тряхнуло. Когда мы пришли в себя, Розалинда обратилась к ней усмиряюще:

— Осторожней, несносный ребенок. Мы еще не встретились с Волосатым Джеком.

— Майкл, — добавила она, — ты смог уловить нашу беседу?

— Да, — несколько сдержанно ответил Майкл. — По-моему, это звучало снисходительно, как будто она объясняла урок детям. Да и шло это все черт знает с какого расстояния. Я не представляю, как они смогут добраться так быстро, чтобы успеть помочь. Мы через несколько минут выступаем за вами.

Кони-гиганты тяжело, но уверенно продвигались вперед. Окрестности по-прежнему раздражали или даже устрашали нас, людей, выросших в уважении к правильности форм. Безусловно, некоторые растения были не менее фантастичны, чем те южные, о которых рассказывал дядя Аксель. С другой стороны, правильного или хотя бы отдаленно знакомого не наблюдалось совсем. Все росло настолько искаженным, что уже казалось не важным, является ли данное дерево мутантным или только отклонением от нормального типа. Каким облегчением было, од-

нако, выехать на открытую местность, подальше от этих странных деревьев, хотя и тут росли кусты совершенно неузнаваемые и ни на что не похожие, да и трава тоже выглядела очень и очень необычной.

Остановились мы всего один раз, на полчаса, поесть и попить, и снова отправились в путь. Двумя часами позже, оставив позади несколько перелесков, мы достигли небольшой речки. Наш берег спускался к воде круто и обрывисто, а на другой стороне вытянулась цепочка низких красноватых скал.

Направившись вниз по течению, мы двигались вдоль обрыва. Через четверть мили в месте, очень приметном из-за росшего там дерева, ненормального до чрезвычайности (оно было похоже на огромную деревянную грушу, а все ветки собрались у него на макушке в один большой пучок), в берег врезался небольшой ручей. Лошади могли здесь спуститься к реке, и мы пересекли ее вброд наискосок, направляясь к разрыву в цепи скал на другой стороне. Когда мы туда подъехали, то оказалось, что это всего лишь небольшая расщелина, узкая настолько, что в некоторых местах корзины скребли по обеим ее бокам и мы едва могли через нее протиснуться. Столь малая ширина сохранялась на протяжении почти ста ярдов, и лишь затем проход увеличился и дорога стала спускаться на равнину.

Там, где боковые скалы уменьшились настолько, что стали похожи скорее на обрывистые берега, мы увидели семь или восемь человек с луками в руках. Они остолбенело разглядывали коней-гигантов и, казалось, готовы были в страхе разбежаться. Мы остановились прямо перед ними. Мой сопровождающий резко мотнул мне головой из своей корзины:

— Слезай, парень!

С головного коня-гиганта уже спускались на землю Петра и Розалинда. Как только я коснулся земли, погонщик хлестнул коней, и они затопали дальше. Петра пугливо схватила меня за руку, но внимание всех этих неряшливых, оборванных лучников было целиком поглощено конями-гигантами.

Никого чересчур устрашающего в этой группе мы не увидели. У одного из них на руке, держащей лук, было шесть пальцев; у другого голова выглядела как коричневое полированное яйцо без единого волоска, в том числе и на лице; у третьего бросались в глаза громадные руки и ноги, но что касается остальных, то их неправильности, очевидно, скрывались лохмотьями.

И Розалинда, и я были рады, что нам не пришлось столкнуться лицом к лицу с какими-то очень уж большими уродствами, как мы боялись. Петра тоже приободрилась, не обнаружив среди них ни одного, похожего на Волосатого Джека. Наконец настал момент, когда, проводив взглядами коней, пока те не скрылись из виду за деревьями, они обратили внимание на нас. Двое пригласили нас следовать за собой, другие остались на месте. Хорошо утоптанная тропа вела вниз через лес.

Пройдя по ней несколько сотен ярдов, мы попали на широкую просеку. Справа снова стояли стеной красноватые скалы высотой не более сорока футов. По-видимому, это была обратная сторона гряды, идущей вдоль реки. Всю ее поверхность усеяли многочисленные отверстия. К тем, что располагались выше всех, вели лестницы, грубо изготовленные из сучьев.

У подножия скал во множестве ютились примитивные хижины и шалаши. Кое-где между ними дымились очаги и медленно бродили оборванные мужчины и женщины, выглядевшие очень неряшливо. Женщин было больше.

Мы пробирались между этими хибарками и кучами отбросов, пока не подошли к самому большому шалашу. Похоже, он был сделан из старого навеса, которым закрывают скирды, прихваченного, вероятно, во время одного из набегов. Здесь его натянули на нечто вроде большой плетенки из прутьев. Внутри почти у входа сидел на табурете мужчина. Когда мы подошли поближе, он поднял голову и посмотрел на нас. При виде его лица меня как будто тряхнуло, так он был похож на отца. Я сразу вспомнил его. Именно его, человека-паука, я видел в Вэкнаке семь-восемь лет назад, когда его взяли в плен.

Двое наших сопровождающих, подтолкнув, поставили нас перед ним. Он внимательно оглядел всех троих. Его глаза заскользили вверх и вниз по стройной фигуре Розалинды с таким выражением, что мне стало не по себе и Розалинде тоже. Затем он еще раз хорошенько окинул меня взглядом и покивал, как будто чем-то очень довольный.

— Помнишь меня? — спросил он.

— Да, — ответил я.

Он перевел взгляд с моего лица на беспорядочное нагромождение хижин и клетушек, потом снова на меня:

— Не очень напоминает Вэкнак.

— Не очень, — согласился я.

Он надолго замолчал, раздумывая, а потом спросил:

— Знаешь, кто я такой?

— По-моему, да. Мне, кажется, рассказывали о вас, — ответил я.

Он вопросительно поднял брови.

— У моего отца был старший брат. До трех или четырех лет он считался нормальным. Но потом его свидетельство о рождении пересмотрели, а самого куда-то забрали.

Он медленно кивнул:

— Не совсем так. Мать очень любила его. Да и нянька была к нему сильно привязана. Поэтому когда пришли его забирать, то на месте его уже не оказалось. Он исчез. Конечно, всю эту историю замяли, сделав вид, что этого никогда и не случалось.

Он снова помолчал и добавил:

— Старший сын. Наследник. Вэкнак должен был стать моим. И стал бы, если бы не это.

Он вытянул перед собой свою длинную руку и какое-то время разглядывал ее. Потом уронил ее вниз и снова посмотрел на меня.

— Ты знаешь, какой длины должна быть человеческая рука?

— Нет, — ответил я.

— И я не знаю. Но кто-то в Риго знает. Какой-то специалист по Истинному Образу. Поэтому никакого Вэкнака, и я должен жить как дикарь среди дикарей. А ты старший сын?

— Я единственный сын, — ответил я. — Был еще младший, но...

— Не дали свидетельства?

Я кивнул.

— Так что ты тоже потерял Вэкнак!

Эта сторона дела меня никогда не волновала. Наверное, я никогда всерьез не рассчитывал унаследовать Вэкнак. Я всегда жил с ощущением опасности, в ожидании, почти уверенности, что когда-нибудь меня обнаружат. Я так свыкся с этим чувством, что не испытывал обиды, которая ожесточила человека-паука. Сейчас же, когда все разрешилось, я был рад, что благополучно убрался оттуда, и сказал ему об этом. Ему это не понравилось. Он сосредоточенно посмотрел на меня и предположил:

— Кишка тонка подраться за свои права?

— Если Вэкнак по праву ваш, то он никак не может быть по праву моим, — указал я. — Но вообще-то я имею в виду, что мне до смерти надоело все время прятаться.

— Но мы здесь живем, прячась, — заметил он.

— Возможно, — ответил я. — Но вы можете быть самими собой. Вы не должны все время притворяться. Вам не надо ежеминутно следить за каждым своим шагом и два раза подумать, прежде чем открыть рот.

Он медленно кивнул:

— Мы слышали о вас. У нас свои пути получения сведений. Одно мне непонятно, почему они с такой яростью гонятся за вами?

— Мы думаем, — объяснил я, — что беспокоим их больше, чем обычные Отклонения, потому что у них нет никакого способа нас распознавать. Я так себе представляю, что они подозревают, будто нас еще много таких необнаруженных. Они хотят захватить нас и заставить все рассказать.

— Да, вам не стоит попадаться им в руки, — сказал он.

Я почувствовал, как вступил в контакт Майкл и что Розалинда начала ему отвечать, но я не мог вести два разговора сразу и предоставил Майкла ей.

— Значит, они лезут за вами прямо в Заросли? Сколько их? — спросил он.

— Точно не знаю, — сказал я, обдумывая, как ответить, чтобы не прогадать.

— Из того, что я о вас слышал, ясно, что у вас есть средства выяснить все, — заметил он.

Я стал соображать, что может он знать о нас и известно ли ему о Майкле, но это казалось весьма маловероятным.

Он слегка прищурился и продолжал:

— Лучше не играй с нами в дурачка, парень. Гонятся ведь они за вами. Это вы навлекаете на нас неприятности. Зачем же нам о вас беспокоиться? Нам проще подкинуть им одного из вас.

Петра схватила его мысль на лету и жутко испугалась:

— Их больше ста человек.

Он задумчиво посмотрел на нее и заметил, кивнув:

— Значит, у вас есть свой человек среди них. Я так и думал, что должен быть. Но посылать сто человек в погоню за вами троими — это чересчур. Слишком много. Кажется, я понимаю... — Он снова повернулся ко мне. — Последнее время ходило много слухов о том, что в Зарослях готовится набег. Так что ли?

— Да, — вынужден был согласиться я.

Он ухмыльнулся:

— Что же, это нам на руку. Впервые они решили взять инициативу в свои руки и напасть на нас, ну и, конечно, заодно

схватить вас. Естественно, они пойдут по вашему следу. Как далеко они уже забрались?

Я спросил у Майкла и узнал, что основной отряд находится в нескольких милях позади от той группы, которая стреляла в нас и вспугнула коней-гигантов. Сложность была в том, как в точности объяснить их местоположение человеку передо мной. Он понимал это и, казалось, не очень тревожился по этому поводу:

— Твой отец с ними? — спросил он.

Это был тот самый вопрос, который я старательно избегал задавать Майклу. И сейчас я тоже не стал спрашивать. Я просто помолчал мгновение и ответил: «Нет».

Краем глаза я увидел, как Петра открыла рот, чтобы сказать что-то, и почувствовал, как пресекла ее попытку Розалинда.

— Жаль-жаль, — сказал человек-паук. — Я так давно надеялся, что однажды придет день и мы встретимся с твоим отцом на равных. Из того, что я о нем слышал, мне казалось, что он должен бы быть здесь. Но, может, он не такой уж рьяный поборник Истинного Образа, как об этом рассказывают.

Он продолжал внимательно присматриваться ко мне. Я чувствовал поддержку Розалинды. Она сознавала, почему я не спросил Майкла об отце, и это ее понимание было как пожатие руки.

Но вдруг, совершенно внезапно, человек-паук утратил ко мне интерес и повернулся рассмотреть как следует Розалинду. Она ответила ему таким же буравящим взглядом. Она стояла выпрямившись, с уверенным видом, холодно глядя ему прямо в глаза. Это продолжалось несколько долгих секунд, как вдруг, к моему удивлению, она смутилась. Глаза ее опустились. Она вся вспыхнула. Он слегка улыбнулся. Но он ошибся. Это не была покорность более сильному характеру, победителю. Она испытывала отвращение, ужас, который сломал ее изнутри. Я поймал в ее представлении его образ, чудовищно преувеличенный. Страхи, которые она так хорошо скрывала, прорвались, она была в панике, не как женщина, уступившая силе мужчины, а как ребенок, увидевший чудовище. Петра тоже поймала невольно переданный ею образ, и он так испугал ее, что она вскрикнула.

Я бросился всем телом на этого человека, табурет под ним перевернулся, и он распростерся на земле. Двое, сторожившие меня, кинулись за мной, но я успел разок хорошенько ударить его, прежде чем им удалось меня оттащить.

Человек-паук сел и потер челюсть. Он ухмыльнулся мне, но без всякого веселья.

— Делает тебе честь, — признал он. — Но не более того.

Он поднялся на своих тонких, колеблющихся ногах.

— Не разглядел еще здешних женщин, парень? Разгляди хорошенько. Может, тогда ты кое-что поймешь. Кроме того, эта может иметь детей. А мне уже давно хочется завести детей, даже если они пойдут в меня.

Он снова коротко ухмыльнулся, а затем нахмурился:

— Лучше смирись с этим, парень. Будь благоразумен. Второго раза я не потерплю.

Он перевел взгляд с меня на людей, которые меня держали:

— Вышвырните его прочь. И если он не поймет, что значит держаться подальше, пристрелите.

Они рывком повернули меня и повели в сторону от шалаша, к просеке. Один из них пинком направил меня на тропу, ведущую в лес.

— Шагай, не задерживайся, — сказал он.

Я поднялся и обернулся, но он наставил на меня натянутый лук и кивнул в сторону тропы. Я подчинился и пошел по ней, всего несколько ярдов, пока меня не заслонили деревья, и тогда под их прикрытием я повернул назад.

Они только этого и ждали. Правда, они не пристрелили меня, а только избили в кровь и, раскачав, бросили в кусты. Я помню, как летел по воздуху, но удара о землю я уже не почувствовал, потеряв сознание.

15

Меня куда-то тащат. Чьи-то руки держат меня под мышки. Веточки со свистом хлещут меня по лицу.

— Ш-ш, — шепчет чей-то голос за моей головой.

— Подождите минутку. Я сейчас приду в себя, — шепчу я в ответ.

Тащить перестали. Какое-то время я собирался с силами, потом перевернулся на живот.

Женщина, молодая женщина, присев на корточки, смотрела на меня. Темные волосы свисали вдоль ее загорелого лица, темные блестящие глаза глядели на меня с серьезностью. Лиф

ее платья был какого-то непонятного красно-бурого цвета, весь в пятнах и заплатах. На самом платье отсутствовали рукава и, что меня особенно поразило, я не увидел на нем креста. До сих пор я не встречал женщины, у которой на платье не был бы нашит охранительный крест. Это выглядело странно, почти непристойно. Несколько мгновений мы глядели друг на друга.

— Ты не узнаешь меня, Дэвид, — грустно сказала она.

До тех пор я не узнавал. Но то, как она произнесла «Дэвид», сразу все мне объяснило.

— Софи, — воскликнул я. — Софи!..

Она улыбнулась:

— Дэвид, милый. Тебе очень больно?

Я попробовал пошевелить руками и ногами. Они еще не очень слушались и кое-где болели, как, впрочем, и голова, и все тело. Я почувствовал, что на левой щеке запеклась кровь, но сломано как будто ничего не было. Я попробовал подняться, но она протянула руку и положила мне на плечо.

— Нет, нет, погоди. Подождем, пока стемнеет. — Она продолжала рассматривать меня. — Я видела, как вас привели. Тебя, девочку и другую девушку. Дэвид, кто она?

Это сразу рывком привело меня в чувство. Я стал отчаянно вызывать Розалинду и Петру, но не мог установить контакт. Майкл уловил мою панику и принялся успокаивать меня. Он говорил с явным облегчением:

— Слава Богу, ты жив. Мы страшно беспокоились о тебе. Не волнуйся. С ними все в порядке, они обе очень устали и заснули от изнеможения.

— Что с Розалиндой?

— С ней все в порядке, я же говорю тебе. А что произошло с тобой?

Я рассказал. Весь разговор занял лишь несколько секунд, но этого хватило Софи, чтобы заинтересованно уставиться на меня.

— Кто эта девушка? — повторила она.

Я объяснил, что Розалинда моя двоюродная сестра. Она наблюдала за мной, пока я говорил, а потом медленно кивнула и спросила:

— Он хочет ее? Правда?

— Так он сказал, — угрюмо ответил я.

— Она может родить ему детей? — пытала меня Софи.

— Чего ты от меня добиваешься? — требовательно спросил я.

— Значит, ты любишь ее? — продолжала она.

Опять всего лишь слово. Научившись испытывать слиянность друг с другом, когда нет ни одной мысли только твоей и каждый впустил другого в себя настолько, что уже никогда ему не быть только собой одним, когда оба начали смотреть единым взором, любить единым сердцем, радоваться единой радостью, когда в эти мгновения полного отождествления обоих разделены лишь тела, стремящиеся друг к другу...

Если с тобою так, где подобрать для этого слова?

Ими всегда так мало можно сказать...

— Мы любим друг друга, — ответил я.

Софи кивнула. Она подняла несколько веточек и, опустив глаза, принялась ломать их загрубевшими пальцами. Потом произнесла:

— Он уехал туда, где дерутся. Она сейчас в безопасности.

— Она сейчас спит, — сказал я. — Они сейчас обе спят.

Она недоуменно посмотрела мне в глаза:

— Откуда ты знаешь?

Коротко, по возможности не очень сложно, я объяснил ей. Она слушала, продолжая ломать веточки, потом кивнула:

— Я помню. Мама говорила, что в тебе есть что-то необычное, что ты иногда понимал ее еще до того, как она объясняла тебе что-нибудь. Это то самое и есть?

— Думаю, что да. По-моему, твоя мама немного обладала этим свойством, сама того не зная, — сказал я.

— Как, наверное, замечательно иметь такие способности, — сказала она задумчиво, — как будто у тебя есть еще внутренние глаза.

— Что-то вроде этого, — признал я, — это трудно объяснить. Но не всегда это замечательно. Иногда это просто ранит.

— Быть Отклонением в любом случае больно. Это всегда так, — ответила Софи.

Она по-прежнему сидела на корточках, опустив невидящий взгляд на лежащие на коленях руки.

— Если она родит ему детей, он больше не захочет меня, — сказала она наконец.

Было еще достаточно светло, чтобы я заметил поблескивание на ее щеках.

— Софи, дорогая моя! — воскликнул я. — Ты любишь его, этого человека-паука?

— Не называй его так, пожалуйста. Мы же ничего не можем поделать с тем, что мы такие. Его зовут Гордон. Он добр со

мной. И он привязан ко мне. Надо самому иметь так мало, как я, чтобы понять, что это для меня значит. Ты никогда не знал одиночества. Ты не можешь понять, какая пустота подстерегает здесь кругом. Я бы с радостью родила ему детей, но не могу. Я... ну почему они делают это с нами? Почему они не убили меня? Это было бы милосерднее, чем оставить так жить.

Я вспомнил, как стоял и провожал их взглядом. Ее отца, держащего под руку ее мать, и маленькую фигурку, машущую мне с вьючной лошади, — втроем они исчезали за деревьями. Вспомнил свое отчаяние, влажный след поцелуя на моей щеке и крепко зажатый в руке локон, перевязанный желтой ленточкой. Я поглядел на нее теперешнюю, и сердце мое заныло.

— Софи, милая, — сказал я. — Этого не случится, понимаешь? Не случится. Розалинда не допустит этого. Я *знаю* наверняка.

Она снова открыла глаза и сквозь слезы посмотрела на меня:

— Ты не можешь знать такое наверняка о другом человеке. Ты лишь пытаешься себя...

— Нет, Софи. Я действительно знаю. Ты и я можем знать друг о друге лишь немногое. Но у нас с Розалиндой иначе. Это часть того, что называется «думать вместе».

Она с сомнением посмотрела на меня.

— Неужели это правда? Я не понимаю.

— Ты и не можешь понять. Но это правда. Я чувствую, что она чувствует к человеку-пау... к этому человеку.

Она посмотрела на меня с некоторым беспокойством.

— А можешь ты узнать, о чем думаю я? — поинтересовалась она взволнованно.

— Не больше, чем ты можешь прочесть мои мысли, — успокоил я ее. — Это ведь не шпионство. Это происходит так, как если бы ты высказала, что думаешь, когда захотела поделиться бы своими мыслями, а если не желаешь, чтобы о них кто-нибудь знал, просто молчишь.

Объяснить ей было труднее, чем дяде Акселю, но я очень старался, подбирал слова и вдруг заметил, что уже стемнело и что я разговариваю с фигурой, которую едва могу различить. Я оборвал себя.

— Уже достаточно темно?

— Да. Уже не опасно, только надо быть осторожными. Ты можешь идти? Нам недалеко.

Я поднялся, чувствуя боль от ушибов, скованность во всем теле, но и только. Она, казалось, видела во мраке лучше меня и

взяла меня за руку, чтобы показывать дорогу. Мы старались не выходить из-за деревьев, и я, заметив мерцание огней слева от себя, понял, что мы обходим селение стороной. Сделав почти полный круг, мы добрались до низкой скалы, которая преграждала путь на северо-запад. Примерно пятьдесят ярдов мы пробирались в тени у ее подножия, но вот Софи остановилась и положила мою руку на одну из тех грубых лестниц, которые я видел днем.

— Следуй за мной, — шепнула она и внезапно очень быстро вскарабкалась наверх.

Я осторожно последовал за ней до самого верха лестницы, который упирался в край скалы. Софи протянула руку и помогла мне забраться внутрь.

— Садись, — предложила она.

Светлый проем, через который я залез, исчез. Она двигалась в темноте, что-то разыскивая. Вдруг посыпались искры: она высекала их огнивом из кремня. Раздув их, она зажгла две свечи. Короткие и толстые, они горели коптящим пламенем, отвратительно пахли, но все же позволяли разглядеть окружающую обстановку. Место, куда она привела меня, оказалось пещерой, вырубленной в песчанике на пятнадцать футов в глубину и на девять в ширину. Вход был задернут завесой из шкур. В одном из дальних углов наверху было отверстие, через которое все время капала вода, примерно капля в секунду. Она собиралась в деревянную бадью, а избыток переливался через край, ручейком бежал через всю пещеру и исчезал за входной завесой.

В другом дальнем углу лежала куча веток, накрытых сверху несколькими шкурами и драным одеялом. У стены стояли несколько чашек и мисок. Закопченная ямка очага почти у самого входа сейчас пустовала, и можно было разглядеть хитроумную дыру, пробитую наружу для тяги. Из углублений в стенах торчали ручки нескольких ножей и других инструментов. Около постели лежали копье, лук и кожаный колчан с дюжиной стрел. Больше, пожалуй, ничего не было.

Я вспомнил кухню в домике Уэндеров. Чистую, светлую комнату; такую уютную и дружелюбную из-за того, что на стенах ее не висели назидательные надписи. Пламя свечей в пещере колебалось, клубы жирного дыма поднимались к потолку и мерзко воняли.

Софи окунула чашку в бадью, пошарив в нише, достала относительно чистую тряпку и подошла ко мне. Она смыла кровь с моего лица и волос и посмотрела, откуда она текла.

— Только неглубокая царапина, — успокаивающе произнесла она.

Я вымыл в чашке руки, потом Софи, вылив воду в ручеек, ополоснула и убрала ее.

— Ты голоден? — спросила она.

— Очень, — ответил я.

После нашей краткой остановки по пути к селению я ничего не ел весь день.

— Побудь здесь. Я быстро, — сказала она и скользнула под кожаный занавес.

Я сидел, глядя на тени, танцующие на каменных стенах, и слушал звук падающих капель. Очень может быть, что в Зарослях это считается роскошью. «Если бы у тебя было так мало всего, как у меня», вспомнил я слова Софи, хотя она имела в виду совсем не вещи. Чтобы не затосковать окончательно, я связался с Майклом:

— Где вы? Что происходит?

— Мы стали лагерем на ночь, — рассказал он. — В темноте двигаться слишком опасно.

Он попытался показать мне это место, каким он сам видел его перед закатом, но оно было похоже на десятки встречавшихся нам по дороге.

— Мы продвигались весь день очень медленно. Так утомительно. Эти жители Зарослей хорошо знают свои леса. Мы ждали где-нибудь большой засады, но все ограничивалось выстрелом там, вылазкой здесь. Троих мы потеряли убитыми и семеро ранены, но только двое из них серьезно.

— Вы собираетесь двигаться дальше вглубь?

— Да. Здесь царит такое настроение: раз уж мы в кои-то веки собрали большую силу, надо дать Зарослям хороший урок, чтобы они надолго притихли. Кроме того, все очень хотят поймать вас. У нас разнесся слух, что не менее двух дюжин таких, как мы, разбросано по Вэкнаку и его окрестностям и вас надо поймать, чтобы вы всех выдали. — Он на мгновение запнулся и огорченно продолжил: — Но боюсь, Дэвид, очень боюсь, что на деле наш человек там только один.

— Один?

— Рэчель удалось войти со мной в контакт на пределе ее возможностей, очень слабо. Она говорит, что с Марком что-то случилось.

— Его поймали?

— Нет. По ее мнению, нет. Он бы передал ей, если бы что-нибудь подобное произошло. Он просто замолк. От него ничего не поступает уже больше суток.

— Может быть, несчастный случай? Вспомни того мальчика, Уолтера Брента, которого убило деревом. Он тоже просто замолк.

— Может быть, и так. Рэчель просто не знает. Она испугана, что остается сейчас совсем одна. Она передавала на пределе своих сил, да и я тоже. Еще две-три мили, и мы не сможем связаться.

— Как странно, что я не слышал хотя бы только тебя, — удивился я.

Проснулась Петра.

Я тут же ответил. Петра мгновенно переключилась с грусти на восторг. Это было очень лестно, но слишком болезненно. Очевидно, она разбудила Розалинду, потому что я уловил отблеск ее мыслей в этом хаосе, а затем возмущенные вопросы Майкла: «В чем, черт возьми, дело?» Зеландская подруга Петры тоже запротестовала.

Наконец Петра взяла себя в руки, и буря стихла. Все смогли расслабиться.

— С ней ничего не случилось? Из-за чего весь этот гром и молния? — поинтересовался Майкл.

Ответила Петра, явно прилагая немалые усилия, чтобы сдерживать себя:

— Мы думали, что Дэвид мертв, что они убили его.

Теперь я начал улавливать мысли Розалинды, они прояснились, прорастая сквозь шумный хаос и приобретая четкие формы. Я был пристыжен, побежден, счастлив и несчастен в одно и то же время.

Я не мог внятно отвечать ей, как ни пытался.

Положил конец этому Майкл, заметив:

— Это не для третьих лиц. Когда разделитесь друг с другом, нам надо кое-что обсудить.

Спустя некоторое время он продолжил:

— Как обстоят дела теперь?

Мы стали разбираться. Розалинда и Петра по-прежнему находились в том шалаше, где я их видел в последний раз. Человек-паук куда-то ушел, но оставил присматривать за ними крупного парня с розовыми глазами и белыми волосами.

Я рассказал о своем положении.

— Неплохо, — сказал Майкл. — Ты говоришь, что человек-паук, по-видимому, обладает здесь какой-то властью и сейчас отправился туда, где дерутся. Не знаешь, он собирается драться сам или будет только командовать своими? Потому что, если верно последнее, он может вернуться в любой момент.

— Понятия не имею, — ответил я.

Внезапно в разговор включилась Розалинда, она была в состоянии, близком к истерике, такой я ее никогда не знал.

— Я его боюсь. Он совсем другой породы. Не такой, как мы. Совсем не такой. Это будет надругательство, как с животным. Я не смогу никогда... Если он попытается взять меня, я себя убью...

Майкл ответил ей, будто вылил ведро холодной воды:

— Ты не сделаешь подобной глупости. Если понадобится, ты убьешь человека-паука.

Решив это окончательно и бесповоротно, он перешел к другим вопросам и обратился на пределе своей силы с вопросом к подруге Петры:

— Вы все еще надеетесь добраться до нас?

Ответ пришел издалека, но уже без малейшего усилия и совершенно ясно. Это было спокойное и уверенное «Да».

— Когда? — спросил Майкл.

Возникла пауза, как будто там советовались, и потом она твердо сказала:

— Самое большее через шестнадцать часов.

Скептицизм Майкла заметно убавился. Впервые он разрешил себе надеяться на возможность помощи.

— Тогда, — стал он размышлять, — вопрос в том, как на это время обеспечить вашу безопасность, всех троих.

— Подождите минутку. Не разговаривайте пока, — попросил я и посмотрел на возвратившуюся Софи. Коптящие свечи давали ровно столько света, чтобы можно было разглядеть, как внимательно и немного тревожно всматривается она в мое лицо.

— Ты «разговариваешь» с этой девушкой? — спросила она.

— И со своей сестрой. Они уже проснулись, — ответил я, — они в шалаше, их охраняет альбинос. Как-то странно.

— Что странно? — поинтересовалась она.

— Ну, скорее к ним надо было приставить женщину...

— Тут ведь Заросли, — горько напомнила она.

— А, конечно... я... понимаю... — смешался я, — пусть так. Дело, видишь ли, в том... Как по-твоему, можно их как-нибудь вызволить оттуда до его возвращения? Мне кажется, что лучше

сделать это сейчас. Потому что, когда он вернется... — Я пожал плечами, глядя ей в глаза.

Она отвернулась на какое-то время, разглядывая пламя свечей, потом кивнула.

— Да, пожалуй, так будет лучше для всех нас... для всех, кроме него, — добавила она грустно. — Да, по-моему, это сделать можно.

— Прямо сейчас?

Она снова кивнула. Я подобрал копье, лежавшее около постели, и прикинул на руке его вес. Оно было легковато, но хорошо уравновешено. Софи глянула на него и покачала головой:

— Нет, Дэвид, ты должен остаться здесь.

— Но... — начал я.

— Нет. Если тебя увидят там поблизости, поднимется тревога. А если я войду в его палатку, это внимания не привлечет, даже если меня заметят.

Это было разумно. Я неохотно положил копье.

— Но сможешь ли ты?

— Да, — решительно сказала она.

Поднявшись, она подошла к одной из ниш в стене и достала оттуда нож. Его широкое лезвие ярко сверкало. Похоже было, что его позаимствовали на кухне какой-нибудь фермы во время набега. Она заткнула его за пояс юбки, так что наружу торчала только темная рукоять.

После этого она обернулась и долгим взглядом посмотрела на меня.

— Дэвид, — начала было она.

— Что? — спросил я.

Но она уже передумала и продолжила совершенно другим тоном:

— Сможешь ты предупредить их, чтоб не шумели? Что бы ни случилось, ни звука. Скажи им, чтобы пошли за мной, и пусть подготовят по куску темной материи, в них надо будет укутаться. Ты сможешь объяснить им все это четко и ясно?

— Да, — ответил я. — Но мне хотелось бы, чтобы ты позволила мне пойти...

Она резко оборвала меня, тряхнув головой:

— Нет, Дэвид. Это лишь усилит риск. Ты не знаешь обстановки.

Пальцами потушив свечи, она отцепила входную занавеску. На какое-то мгновение ее силуэт обрисовался на фоне бледной темноты неба, и она исчезла.

Я передал ее указания Розалинде, а затем мы вдвоем принялись настойчиво втолковывать Петре необходимость полного молчания. Больше делать было нечего, только ждать и слушать мерный звон капель в темноте.

Долго сидеть так я не смог и, подойдя ко входу, высунул голову наружу. Среди хижин кое-где горели огни очагов и двигались люди, потому что светящиеся точки время от времени как будто мигали, когда их затмевали мелькавшие перед ними фигуры.

До меня доносился тихий рокот голосов, слабый шум каких-то движений, отдаленные хрипловатые крики ночных птиц, потом послышался еще более далекий крик какого-то животного. И все.

Мы ждали. Бесформенный мгновенный всплеск возбуждения выдала вдруг Петра. На него никто не прореагировал.

Затем пришло «все в порядке» от Розалинды, но с каким-то дополнительным значением, с оттенком потрясения. Мне подумалось, что выяснять причину сейчас не стоит, чтобы не отвлекать их.

Я прислушался. Тревоги не было, в обыденном гуле поселения ничего не изменилось. Спустя очень долгое время я услышал внизу, прямо под собой, скрипение песка под чьими-то шагами, тихое царапанье по скале перекладин лестницы. Кто-то поднимался вверх. Чтоб не стоять на пути, я отодвинулся в глубь пещеры. Розалинда немного неуверенно спросила мысленно:

— Все в порядке? Дэвид, ты здесь?

— Да. Идите сюда, — ответил я.

Одиночная фигура слабо вырисовывалась на фоне отверстия. Потом другая, маленькая... За ней третья. Проем исчез, зажглись свечи. Розалинда и Петра, словно завороженные ужасом, смотрели, как Софи, зачерпнув миску воды из бадьи, стала смывать кровь со своих рук и чистить нож.

16

Обе девушки настороженно и заинтересованно изучали друг друга. Глаза Софи скользили по Розалинде, по ее рыжеватому шерстяному платью с нашитым коричневым крестом, на мгновение задержались на ее кожаных башмаках. Она посмотрела вниз на свои мягкие мокасины, потом на короткую драную юбку.

При этом осмотре она обнаружила на своем лифе несколько пятен, которых не было там еще полчаса назад. Без всякого смущения она стянула его с себя и начала стирать в холодной воде. А Розалинде сказала:

— Тебе надо избавиться от этого креста. И ей тоже, — добавила она, глядя на Петру. — Он выделяет вас. Мы, женщины Зарослей, не считаем, что он сослужил нам хорошую службу. Да и мужчин он раздражает. На.

Софи достала из ниши ножичек с узким лезвием и протянула ей.

Розалинда неуверенно взяла его, поглядела сначала на него, потом вниз, на крест, который всю ее жизнь был у нее на каждом платье. Софи наблюдала за ней.

— Я раньше носила такой же. Мне он тоже не помог.

Все еще сомневаясь, Розалинда посмотрела на меня. Я кивнул ей.

— В этих краях не любят напоминания об Истинном Образе. Кроме того, это, вероятно, опасно. — Я глянул на Софи.

— Да, — сказала она. — Здесь это не только самоутверждение, это вызов всем.

Розалинда принялась не очень охотно отпарывать крест.

Я спросил Софи:

— Что теперь делать? Может, до рассвета нам лучше попытаться убежать как можно дальше?

Софи, продолжая стирать лиф, покачала головой:

— Нет. Его могут найти в любую минуту. Когда найдут, объявят розыск. Подумают, что это ты его убил и что вы втроем убежали в лес. Им никогда не придет в голову искать вас здесь. С чего бы вдруг? Но вокруг они перевернут все.

— Ты считаешь, мы должны остаться здесь? — спросил я.

Он кивнула:

— На два, а может, на три дня. Когда они прекратят поиски, я выведу вас.

Розалинда, не прекращая отпарывать крест, задумчиво подняла на нее глаза и спросила:

— Почему вы делаете все это для нас?

Я быстро рассказал ей о Софи и человеке-пауке, гораздо быстрее, чем можно изложить словами. Но Розалинду такое поспешное объяснение не вполне удовлетворило. Они с Софи продолжали внимательно разглядывать друг друга в мерцающем пламени свечей.

С плеском Софи уронила лиф в воду и медленно выпрямилась. Она наклонилась к Розалинде, ее темные кудри рассыпались по голой груди, глаза сузились.

— Будь ты проклята, — яростно произнесла она. — Оставь меня в покое. Будь ты проклята.

Розалинда напряглась, готовая к любому отпору. Я тоже приготовился, чтобы в случае необходимости быстро вскочить и броситься между ними. На несколько долгих секунд все замерли, как на картине. Софи, почти дикарка, полуголая, в оборванной юбке, принявшая воинственную позу; Розалинда в своем коричневом платье, с наполовину отпоротым крестом, свисающим на грудь, с блестящими в свете пламени бронзовыми волосами, ее точеное лицо с настороженным взглядом, чуть откинутая назад голова. Но вот кризис миновал, напряжение спало. Злоба в глазах Софи погасла, но она не шевелилась. Ее рот искривился, и она задрожала. Горько, хрипло зазвучали ее слова:

— Будь ты проклята. Смейся, смейся надо мной. Будь проклято твое прелестное личико. Смейся надо мной. Да, я действительно хочу его! Я! — Она засмеялась, сдавленно, дико. — Что толку? Боже мой, что толку? Если бы он и не захотел тебя? Какой ему от меня прок? От такой меня?

Она поднесла стиснутые руки к самому лицу, ее всю трясло. Потом повернулась и бросилась ничком на подстилку поверх веток.

В молчании глядели мы в этот темный угол. Один мокасин сполз с ноги. Была видна коричневая, огрубевшая подошва ее ступни и четкий ряд шести пальцев.

Я повернулся к Розалинде. Ее потрясенный взгляд смущенно встретился с моим. Инстинктивно она хотела встать, но я покачал головой, и она нерешительно опустилась обратно.

В тишине пещеры раздавались только безутешные отчаянные рыдания и мерный стук падающих сверху капель.

Петра внимательно оглядывала сначала нас, потом фигуру на шкурах, затем снова посмотрела на нас. Никто из нас не двигался, и она, по-видимому, решила, что надо действовать самой. Она пересекла пещеру и заботливо опустилась на колени возле постели. Нерешительно она коснулась рукой темных волос.

— Не надо так, — сказала Петра. — Ну пожалуйста, не надо.

Рыдания прервались ошеломленным всхлипом. И после паузы загорелая рука обняла Петру за плечи. Плач стал не та-

ким безутешным... он уже не надрывал сердце, а лишь заставлял его горестно и больно сжиматься.

Просыпался я с неохотой, от лежания на жестком каменном полу пещеры тело мое занемело. Почти сразу включился Майкл:

— Вы что, собираетесь спать весь день?

Я глянул вверх и сквозь щель над кожаной занавеской увидел дневной свет.

— А который час? — спросил я.

— По-моему, около восьми. Уже три часа, как рассвело, и мы уже успели побывать в сражении.

— Что произошло? — осведомился я.

— Мы обнаружили засаду и послали отряд, чтобы обойти ее сбоку, а он столкнулся с их резервным войском, которое должно было поддержать засаду, когда разгорится бой. Они, видимо, решили, что это наши основные силы, и разбежались, но в суматохе у нас ранило двоих или троих.

— Так вы сейчас продолжаете двигаться вперед?

— Да. Я думаю, что где-нибудь они с нами сразятся, но пока они растаяли без следа. Нет вообще никакого сопротивления.

Это было совершенно не то, что нужно. Я объяснил ему наше положение, сказал, что мы никак не сможем днем выйти из пещеры незамеченными. В то же время, если мы останемся на месте, а поселение захватят, то его, несомненно, обыщут и нас обязательно найдут.

— А как обстоят дела с твоими зеландскими друзьями, Петра? — спросил Майкл. — Как по-твоему, можно рассчитывать на них реально?

Ответила сама подруга Петры, правда, несколько холодно:

— Вы можете рассчитывать на нас.

— Время вашего прибытия не изменилось? Вас ничто не задержало? — спросил Майкл.

— Все как я говорила ранее, — успокоила она нас. — Примерно через восемь с половиной часов.

Потом несколько высокомерный оттенок ее мыслей исчез, и они окрасились явственным ужасом.

— Это поистине жуткие места. Мы видали раньше Дурные Земли, но никто из нас и вообразить не мог ничего столь пугающего. На многие мили тянутся пространства, где вся земля сплавлена в черное стекло. Ничего больше, только черное стек-

ло, как замерзший океан чернил... потом идут пояса Дурных Земель, потом снова дикая пустыня черного стекла. Она тянется и тянется... Что они здесь натворили? Что тут такое можно было сделать, чтобы сотворить этот ужас? Неудивительно, что мы здесь раньше не бывали. Здесь как будто переступаешь порог жизни и попадаешь в ад... Здесь совершенная безнадежность, на веки вечные лишенная какой-либо жизни. Но почему? Почему? Почему? Мы знаем, что Прежние Люди были детьми, обладавшими силой богов. Но похоже, что это были сумасшедшие дети, просто безумцы... Здесь до сих пор горы — пепел, а равнины — черное стекло, хотя прошли столетия. Здесь так мрачно и жутко. Чудовищное безумие. Страшно подумать, что целая раса сошла с ума... Если бы мы не знали, что за этими ужасами находитесь вы, мы бы повернули назад без оглядки...

Ее прервала Петра, внезапно затмив все своим отчаянием. Мы не знали, что она проснулась. Не могу сказать, что она поняла во всем этом, но она явно уловила мысль о повороте назад. Я постарался как мог успокоить ее, и вскоре зеландка смогла прорваться и присоединиться к моим утешениям. Страх уменьшился, и Петра взяла себя в руки.

Возник Майкл. Он спрашивал:

— Дэвид, что с Рэчель?

Я вспомнил его тревогу прошлой ночью.

— Петра, милая, — попросил я, — мы слишком далеко, и никто из нас не может связаться с Рэчель. Можешь ты задать ей несколько вопросов?

Петра кивнула.

— Мы хотим знать, слышала ли она что-нибудь о Марке после своего разговора с Майклом.

Петра спросила и затем покачала головой.

— Нет. Она ничего не слышала. По-моему, она очень несчастна. И еще она хочет знать, все ли в порядке с Майклом.

— Скажи ей, что с ним ничего не случилось, с нами тоже. Передай ей, что мы ее любим, очень сожалеем, что она одна, и скажи, что она должна быть храброй и осторожной. Она не должна никому показывать, что беспокоится.

— Она понимает. Говорит, что постарается, — доложила Петра.

На минуту она задумалась, а потом сказала мне словами:

— Рэчель боится. Она плачет внутри. Она хочет Майкла.

— Она сказала тебе об этом? — спросил я.

Петра покачала головой:

— Нет. Это что-то вроде задней мысли, но я ее увидела.

— Тогда об этом лучше не говорить, — решил я. — Это не наше дело. Потаенные мысли не для других людей, так что надо притвориться, что их не замечаешь.

— Ладно, — невозмутимо согласилась Петра.

Я считал, что навел порядок, но когда обдумал все как следует, то понял, что история с чтением «задних мыслей» мне совсем не нравится. От этого становилось как-то не по себе, особенно оглядываясь на прошлое...

Немного позднее проснулась Софи. Она снова выглядела спокойной и уверенной, похоже было, что ночная буря рассеялась без следа. Отослав нас в дальний конец пещеры, она отцепила занавеску, чтобы стало светло, и разожгла в ямке огонь. Большая часть дыма от него уходила наружу, но в пещере все равно вскоре стало очень дымно, и единственным утешением было то, что в этом чаду нас никто с улицы разглядеть не смог бы. Софи бросила в железный горшок несколько ложек чего-то из двух или трех мешочков, добавила воды и поставила на огонь.

— Присматривай за ним, — велела она Розалинде и спустилась вниз по лестнице.

Спустя двадцать минут она появилась снова. Бросила через порог пару кругов сухого хлеба и залезла вслед за ними сама. Подойдя к горшку, она помешала в нем и понюхала пар.

— Шума нет? — спросил я.

— Не из-за этого, — ответила она. — Альбиноса нашли. Считают, что это сделал ты. Провели поиск, правда, небольшой, сегодня рано утром. Как следует не искали, потому что мужчин мало. Сейчас им без вас есть о чем поволноваться. Начали возвращаться по двое, по трое те, кто ушел драться. Ты не знаешь, что произошло?

Я рассказал ей о неудачной засаде и о том, как разбежались Люди Зарослей.

— Докуда дошли ваши? — захотела она узнать.

Я поинтересовался у Майкла.

— Мы только что впервые вышли из леса на открытую местность, — ответил он.

Я сообщил новости Софи. Она кивнула:

— До берега реки часа три или чуть меньше.

Она разлила свое варево по мискам. На вкус оно оказалось лучше, чем на вид. Хлеб был менее пригоден в пищу. С помощью острого камня Софи разломала его на куски.

Его надо было размачивать в воде, чтобы он стал съедобным. Петра ворчала, что это не та настоящая еда, какую давали у нас дома. Это ей о чем-то напомнило, и вдруг без всякого предупреждения она спросила:

— Майкл, а мой папа с вами?

Он был застигнут врасплох, и я поймал его «да» прежде, чем он успел его подавить.

Я посмотрел на Петру в надежде, что она не поймет все значение этого факта. К счастью, так и случилось. Розалинда опустила свою миску и молча уставилась в нее.

Как мало подготавливает нас до времени неподтвержденное подозрение к открытому удару внезапного узнавания правды. Я вспоминал голос отца, нравоучительный, безжалостный. Я так ясно представлял, каким было в тот момент его лицо, как будто видел воочию.

— «Ребенок... ребенок... который вырастет и будет рожать и, рожая, распространять скверну до тех пор, пока все вокруг не станут Мутантами и Богохульствами. Именно так случалось там, где были слабы воля и вера, но здесь этого не произойдет никогда».

И снова слышал голос тети Хэрриет:

— «Я буду молить Бога, чтобы он ниспослал милосердие в этот отвратительный мир...»

Бедная тетя Хэрриет, с ее молитвами, такими же бесплодными, как и ее надежды...

Что же это за мир, где человек способен отправиться на *такую* охоту?

И что же это за человек?

Розалинда положила руку мне на колено. Софи подняла голову. Когда она увидела мое лицо, ее настроение изменилось.

— Что случилось? — спросила она.

Розалинда объяснила ей, и глаза Софи расширились от ужаса. Она посмотрела на меня, открыла рот, чтобы заговорить, но опустила глаза, оставив свои мысли невысказанными. Я тоже поглядел на Петру, потом на Софи, на ее лохмотья, на пещеру, в которой мы находились...

— Чистота... — процедил я. — Воля Господня. Чти отца своего... Я что, должен его прощать? Или попытаться убить его?

Ответ поразил меня. Я не осознавал, что послал эту мысль в пространство.

— Пусть живет, — последовал суровый и четкий ответ зеландки. — Ваша задача выжить. Ни его порода, ни его способ мышле-

ния долго не продержатся. Они — венец создания. Они — исчерпанное стремление. Им больше некуда двигаться. Но жизнь — это движение, этим она отличается от камня. Ее суть — перемена. Кем возомнили себя недавние хозяева мироздания, если рассчитывали остаться неизменными? Если живое отрицает изменение, оно ставит себя под угрозу. Если оно не приспосабливается, оно гибнет. Идея о завершенном человеке — это крайняя форма тщеславия: законченный образ — это святотатственный миф.

Прежние люди спровоцировали Бедствие и были сокрушены им вдребезги. Ваш отец и ему подобные — частицы разбившегося мира. Сами того не зная, они уходят в прошлое. Они все еще уверены, что существует законченный образ, который надо оберегать: скоро они обретут устойчивость, о которой мечтают, единственное, что может быть им доступно, — это постоянство окаменелости.

Ее мысли стали терять свою жесткость и резкость, они начали смягчаться, становиться добрее. Но казалось, ее настроение могло выражаться только в высокопарном стиле торжественной речи, потому что она продолжала:

— На груди матери дитя находит утешение, но рано или поздно ребенок должен быть отлучен от груди. Достижение независимости, обрезание связующих нитей — процесс мучительный в любом случае, но он необходим, хотя каждая из сторон может противиться ему и винить в нем другую. Но нити уже обрезаны. Тщетно и бессмысленно пытаться сохранить в целости то, что было. Безразлично, являются ли суровая нетерпимость и жестокая прямолинейность защитой против страха и разочарования или это всего лишь одежды, в которые рядится садизм, суть в том, что они враждебны самой жизни. Разность между уже отжившим свой век и только нарождающимся можно сгладить лишь самопожертвованием, причем со стороны того, кто должен уйти, так как ваше самопожертвование бессмысленно и вредно. Поэтому остается только разрубить родственные узы. У нас все впереди, мы боремся за новый мир, а им остается только цепляться за проигранное.

Она закончила. Меня ее речь несколько ошарашила, да и Розалинда выглядела так, как будто еще продолжала старательно вслушиваться. У Петры был скучающий вид.

Софи с любопытством поглядывала на нас:

— Со стороны на вас смотреть просто жутко. Можно мне узнать, в чем дело?

— Видишь ли, — начал я и замолчал, не зная, как лучше выразиться.

— По-моему, она сказала, что нам нечего беспокоиться о нашем отце, потому что он все равно ничего не поймет, — заметила Петра.

Пожалуй, лучше и нельзя было подытожить сказанное.

— Что за она?.. — удивилась Софи.

Я вспомнил, что мы ей ничего не рассказали о людях из Зеландии, и несколько туманно ответил:

— Да так, одна подруга Петры.

Софи сидела рядом со входом, а мы в глубине пещеры, чтобы нас нельзя было увидеть снаружи. Немного погодя она высунулась и посмотрела вниз.

— Вернулось много мужчин. Пожалуй, даже большинство. Часть их собралась вокруг шалаша Гордона, и остальные тоже туда направляются. Наверное, он тоже вернулся.

Она продолжала есть и следить за сценой внизу. Наконец она поставила миску на землю около себя и сказала:

— Пойду постараюсь все разузнать.

Она выскользнула из пещеры и скрылась внизу. Ее не было около часа. Один или два раза я рискнул выглянуть наружу и увидел, что человек-паук сидит перед своим шалашом. Казалось, он делит своих людей на отряды и отдает им распоряжения, чертя при этом что-то на земле.

— Что происходит? — спросил я у Софи, когда она вернулась. — Что они собираются делать?

Она заколебалась, не решаясь делиться новостями.

— Ради всего святого, — поторопил я ее, — мы ведь хотим, чтоб победили ваши люди. Ты же знаешь. Но нам хочется, чтоб Майкл по возможности не пострадал.

— Они собираются устроить засаду на нашей стороне реки, — объяснила она.

Я посоветовал Майклу, чтобы он постарался подойти к реке в числе последних, а если это не удастся, то при переходе вброд сделать вид, что его сносит, и выйти на берег ниже по течению. Он ответил, что будет иметь в виду мой совет, но попытается придумать какой-нибудь более приятный способ задержки.

Какое-то время спустя снизу чей-то голос позвал Софи.

— Прячьтесь подальше. Это он, — прошептала она и спустилась по лестнице.

После этого в течение часа ничего не происходило, а потом появилась зеландка:

— Пожалуйста, ответьте мне. Нам надо четче сориентироваться, чтобы отыскать вас. Считайте.

Петра начала энергично выполнять просьбу, как будто вознаграждая себя за то, что долго не принимала активного участия в событиях.

— Достаточно, — сказала ей зеландка. — Подожди немножко. — И чуть погодя добавила: — Гораздо лучше, чем мы думали. Мы прибудем на час раньше, чем рассчитывали.

Прошло еще полчаса. Я еще несколько раз осторожно выглядывал из пещеры. Лагерь, казалось, совсем опустел. Между хижин не было видно никого, кроме нескольких старух.

— Показалась река, — доложил Майкл.

Прошло пятнадцать — двадцать минут. Снова заговорил Майкл:

— Дураки они. Все испортили. Мы заметили двоих на вершине утеса. Правда, это ничего, в сущности, не меняет. Эта расщелина — очевидное место для засады. Сейчас у нас военный совет.

По всей видимости, совет был коротким: менее чем через десять минут Майкл снова вышел на связь:

— План таков: мы отходим в укрытие прямо напротив расщелины. Там мы оставляем с полдюжины людей с тем, чтобы они то появлялись, то исчезали из виду, создавая впечатление большого отряда, и разжигали костры, показывая, что мы задерживаемся здесь. Остальные делятся на два отряда, чтобы идти в обход с двух сторон, перейдя реку выше и ниже по течению. Снова объединиться мы должны сразу за расщелиной. Лучше предупреди их, если сможешь.

Поселение располагалось не очень далеко от скалистого берега реки. Похоже было, что в клещи попадем и мы. Народу в лагере сейчас было мало, причем, насколько я мог разглядеть, только женщины. Так что, вероятно, нам удалось бы без особого риска пересечь открытое пространство и скрыться среди деревьев... Но мы могли при этом оказаться как раз на пути одного из отрядов, идущих на соединение. Я снова выглянул наружу и огляделся, прикидывая наши возможности. И сразу же увидел небольшую группу женщин, вооруженных луками. Они втыкали в землю стрелы, чтобы в нужный момент их было удобней брать. Я тут же отбросил мысль о побеге: пробираться к лесу на глазах у них...

«Предупреди их», — сказал Майкл. Идея, конечно, хорошая. Но как это сделать? Даже если бы я рискнул оставить

Розалинду и Петру, у меня не было почти никаких шансов передать эти сведения кому бы то ни было. С одной стороны, продолжал оставаться в силе приказ человека-паука пристрелить меня на месте. Кроме того, я даже издали никак не походил на жителя Зарослей, а в данных обстоятельствах это само по себе являлось достаточной причиной для того, чтобы стрелять в меня без предупреждения.

Я безумно хотел, чтобы вернулась Софи. Так продолжалось больше часа.

— Мы перешли реку ниже вас по течению. Никакого сопротивления нет, — сообщил Майкл.

Ожидание продолжалось.

Внезапно где-то в лесу слева от нас раздался выстрел. За ним еще три или четыре, потом тишина и еще два выстрела.

Спустя несколько минут из леса буквально вырвалась толпа людей в лохмотьях, среди них было довольно много женщин. Оставив место засады, они спешили на звук выстрелов. Какое это было жалкое, плачевное зрелище. Только немногие из них представляли собой явные Отклонения, остальные же выглядели просто несчастными опустившимися нормальными людьми. Ружей они почти не имели, я мог разглядеть только три или четыре штуки. Остальные держали в руках луки, и, кроме того, часть их была вооружена короткими копьями, которые они носили за спиной. Среди них выделялся своим огромным ростом человек-паук, рядом с ним я увидел Софи, тоже с луком в руках. Было видно, что, если раньше они действовали в какой-то мере слаженно, сейчас они превратились просто в толпу.

— Что происходит? — спросил я у Майкла. — Это ваш отряд стреляет?

— Нет. Другой. Они стараются отвлечь на себя жителей Зарослей, чтобы мы могли с противоположной стороны зайти к ним в тыл.

— Им это удается, — заметил я.

Снова оттуда же, откуда и раньше, донеслись звуки выстрелов. Поднялся шум и крик. Несколько стрел упали с левой стороны на поляну. Из-за деревьев выбежала небольшая группа людей.

Вдруг до меня дошел ясный четкий вопрос:

— Вы еще целы?

Мы, все трое, лежали на полу пещеры у самого входа. Так мы могли наблюдать за происходящим, а заметить нас было

практически невозможно. Да и кто обратил бы на нас внимание? Ход событий стал ясен даже Петре, о чем она и поставила нас в известность мгновенной вспышкой возбуждения.

— Спокойнее, дитя, спокойнее. Мы приближаемся, — укорила ее зеландка.

На левую сторону просеки снова посыпались стрелы, и опять из леса появились оборванные фигуры. Они быстро отступали. Увертываясь на бегу, они укрывались за шалашами и хижинами. Им вслед продолжали сыпаться из леса стрелы. Жители Зарослей пригибались позади своих жалких укрытий, время от времени выскакивая из-за них, чтоб сделать несколько быстрых выстрелов по едва различимым за деревьями фигурам.

Неожиданно с другого конца просеки тоже полетели стрелы. Мужчины и женщины в лохмотьях оказались между двух огней, и началась паника. Большинство из них побежали к пещерам, чтобы укрыться в них.

Я приготовился оттолкнуть лестницу, в случае если кто-нибудь из них попытался бы залезть в нашу.

Из-за деревьев справа выехала группа всадников, примерно с полдюжины человек. Я обратил внимание на человека-паука. Он стоял у своего шалаша с луком в руках и следил за ними. Рядом с ним Софи, она дергала его за рукав, уговаривая бежать к пещерам.

Не сводя глаз с появляющихся из леса всадников, он отмахнулся от нее своей длинной рукой и снова положил ее на тетиву полунатянутого лука. Его глаза искали кого-то среди противника. Внезапно он весь напрягся. В мгновение ока его лук взлетел вверх, туго натянутый. Он спустил тетиву. Стрела ударила отца в левую сторону груди. Он дернулся и упал навзничь на круп Шебы. Потом соскользнул по ее боку на землю, его правая нога осталась в стремени.

Человек-паук бросил свой лук на землю и повернулся. Одним махом своих длинных рук он сгреб Софи в охапку и побежал. Но его журавлиные ноги не успели сделать и трех широких шагов, как в него одновременно вонзились две стрелы — в спину и в бок. Он упал.

Софи, забарахтавшись под ним, поднялась на ноги и побежала уже одна. Стрела пронзила ей предплечье, но она продолжала бежать, даже не пытаясь вытащить ее. Вторая стрела вошла ей в затылок. Не докончив шага, Софи упала, и тело ее вытянулось в пыли...

Петра не увидела всего этого. Она ошеломленно озиралась кругом:

— Что это такое? Что за странный шум?

Мы услышали зеландку, уверенную и спокойную:

— Не пугайтесь. Мы на подходе. Все в порядке. Оставайтесь на месте.

Я услышал гудение. Какой-то странный барабанящий звук, все более разрастающийся. Нельзя было понять, откуда он идет, казалось, он шел ниоткуда и заполнял собой все.

На просеку из леса выходило все больше и больше людей, большинство верхом. Многих я узнавал, это были люди, с которыми я прожил бок о бок всю свою жизнь. Теперь они объединились в охоте на нас.

Очень много жителей Зарослей забились в пещеры и довольно метко отстреливались из своих укрытий.

Вдруг один из всадников закричал, указывая верх.

Я тоже поднял взгляд. Небо больше не было ясным. Над нами нависло что-то, похожее на сгусток тумана, пронизываемый быстрыми радужными вспышками. Над ним, как сквозь дымку, я различил висящее в небе удивительное рыбообразное устройство из снов моего детства. Туман мешал разглядеть подробности, но то, что можно было увидеть, в точности повторяло то, что я помнил: белое блестящее тело и что-то быстро вращающееся, почти невидимое над ним. Оно падало прямо на нас, становясь по мере приближения все больше и громче.

Когда я снова опустил взгляд, то увидел, как мимо отверстия пещеры проплывают в воздухе какие-то поблескивающие нити, похожие на паутину. Их становилось все больше и больше, они плавно вращались и посверкивали, рождая световые блики своими извивами.

Стрельба прекратилась. Повсюду нападающие опустили луки и ружья и глядели вверх. Сначала они просто удивленно таращились, а потом те, что были слева, с испуганными криками бросились бежать. Кони в страхе становились на дыбы, жалобно ржали и наконец помчались прочь в разные стороны. Через несколько секунд всюду царил хаос. Разбегающиеся люди сталкивались друг с другом, напуганные кони топтали легкие постройки, путались в натянутых веревках и сбрасывали седоков наземь.

Я звал Майкла:

— Сюда! Ко мне. Иди скорей сюда.

— Иду, — ответил он.

Наконец я заметил его, он поднимался после падения своего коня, который отчаянно лягался. Майкл поднял голову, посмотрел в сторону нашей пещеры, увидел нас и помахал рукой. Затем обернулся и поглядел на машину в небе. Она продолжала медленно опускаться. До нее было футов двести. Странный туман под ней клубился гигантским смерчем.

— Иду, — повторил Майкл.

Он повернул в нашу сторону и шагнул. Потом остановился и взял что-то двумя пальцами с рукава. Его рука застыла на месте.

— Странно, — сказал он. — Вроде паутина, но липкая. Я не могу оторвать руку... — Его мысли испуганно заметались. — Оно держит. Я не могу двинуться.

Включилась зеландка. Невозмутимо она посоветовала:

— Не дергайтесь. Вы только зря потратите силы. Если можете, ложитесь на землю. Лежите спокойно. Не двигайтесь. Только ждите. Будьте неподвижны, не вставайте с земли, чтобы нить не могла обернуться *вокруг* вас.

Я видел, как Майкл подчинился этим указаниям, хотя мысли его скакали от волнения.

Оглядев местность, я увидел, что повсюду люди хватались за себя, за свою одежду, пытались стряхнуть что-то, но едва их руки касались нитей, как тут же прилипали. Они боролись, дергались, как мухи в патоке, а в это время на них опускались новые нити. Многие после нескольких секунд такой борьбы пытались бежать к деревьям, чтобы укрыться. Но они успевали сделать лишь несколько шагов: ноги их прилипали друг к другу. И они как подкошенные валились на землю, где их ловили нити, уже лежащие внизу. Они продолжали дергаться и метаться, но все больше нитей падало на них сверху, и силы в конце концов покидали их. С лошадьми происходило то же самое. Я видел, как одна из них попятилась в кусты. Когда потом она двинулась обратно, то вырвала куст с корнем из земли. Куст качнулся и коснулся другой задней ноги. Обе они склеились друг с дружкой. Лошадь упала и лежа какое-то время брыкалась, но очень недолго.

Одна из нитей проплыла мимо моей руки и коснулась тыльной стороны кисти. Велев Розалинде и Петре отойти подальше в глубь пещеры, я глядел на нить и не решался притронуться к ней другой рукой. Медленно повернув ладонь, я попытался соскрести

это вещество о камень, но был недостаточно осторожен. Движение привело к тому, что эта нить и другие медленно стали оборачиваться вокруг. Рука моя оказалась приклеенной к скале.

— Вот они, — возбужденно сообщила Петра словами и мыслями одновременно. Взглянув вверх, я увидел сверкающее белое рыбообразное тело, приземляющееся посередине просеки. Опускаясь, оно закрутило плавающие в воздухе нити в облако и затем оттолкнуло их потоком воздуха от себя. Я заметил, как затрепетали перед входом в пещеру несколько нитей и, струясь в воздушных потоках, медленно поплыли внутрь. Невольно я зажмурился. Легко и нежно коснулась паутина моего лица. Когда я попытался открыть глаза, оказалось, что сделать этого я не могу.

17

Требуется большая сила воли, чтобы лежать абсолютно неподвижно, ощущая, как падает на тебя все больше и больше липких нитей, пушисто и щекотно касаясь лица и рук. И дальше, когда начинаешь чувствовать, как те, что упали раньше, постепенно сдавливают и стягивают твою кожу словно тонкие веревки.

Я поймал мысль Майкла, недоуменно и с некоторой тревогой спрашивающего, не ловушка ли это, не лучше ли было ему бежать. Прежде чем я успел ответить, вмешалась зеландка. Она снова успокоила нас, повторяя, что надо лежать спокойно и набраться терпения. Розалинда постаралась втолковать это Петре.

— Вас тоже захватило? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Ветер, поднятый машиной, внес их прямо в пещеру. Петра, милая, ты слышала, что она сказала. Постарайся лежать неподвижно.

Дрожание воздуха и шум, заглушавший все вокруг, стали затихать по мере того, как машина останавливалась. Наконец все прекратилось. Наступившая тишина ошеломляла. Раздалось несколько приглушенных звуков, сдавленных криков, и только. Причина была ясна. Мой рот тоже оказался в плену нитей. Я не мог открыть его, чтобы закричать или позвать, как бы сильно ни желал этого.

Ожидание казалось бесконечным.

Кожа моя натягивалась под нитями, и мои ощущения становились все более болезненными.

— Майкл, — позвала зеландка. — Считай, чтобы я могла найти тебя.

Майкл начал считать в цифрах-образах. Они возникали с равномерной четкостью, как вдруг, на счете двенадцать, единица и двойка дрогнули и расплылись в чувстве облегчения и благодарности.

Наступившее после этого молчание оборвалось его фразой:

— Они там, в пещере, вон в той.

Лестница заскрипела, верхним концом скребя по краю скалы, потом раздался легкий шипящий звук. Я почувствовал влажность на лице и руках, кожа начала терять свою скованность, и я снова попытался открыть глаза. Неохотно, медленно они разомкнулись. Веки липко сопротивлялись, не желая подниматься.

Прямо передо мной на верхних перекладинах лестницы, перегнувшись во внутрь пещеры, стояла фигура, полностью облаченная в белый сверкающий костюм.

В воздухе еще лениво плавали нити, но, падая на голову и плечи фигуры в белом, они не прилипали к ней. Они соскальзывали с нее и плавно спускались, лишь слегка меняя свое направление. Я не мог разглядеть, кто в костюме. Видны были лишь глаза, следившие за мной через прозрачные окошечки. Поднятая рука в белой перчатке держала металлическую бутылочку, из которой с шипением что-то вылетело, разбрызгиваясь.

— Перевернись, — пришла ко мне мысль женщины.

Я повернулся, и разбрызгиватель прошелся взад и вперед по моей одежде. Потом женщина поднялась на две оставшиеся перекладины лестницы и, перешагнув через меня, направилась в глубь пещеры к Розалинде и Петре, по дороге обрызгивая все вокруг. Перед входом показались голова и плечи Майкла. Он тоже был весь покрыт брызгами и остатками нитей, которые поблескивали перед тем, как окончательно раствориться.

Я сел и глянул мимо него на то, что происходило снаружи.

Белая машина расположилась посреди просеки. Устройство у нее на макушке перестало вращаться, и теперь можно было видеть, что оно представляет собой что-то вроде сложенной из отдельных секций спирали, сделанной из полупрозрачного материала и имеющей коническую форму. В боку рыбьего тела машины я разглядел сделанные словно из тонкого льда окошки и дверь, которая сейчас была распахнута.

Сама просека выглядела так, будто на ней хорошенько поработало множество пауков. Все вокруг заполонили висящие в воздухе нити. Они побелели и уже не выглядели прозрачными, но требовалось несколько мгновений тягостного ощущения какой-то неправильности, чтобы понять, в чем дело: они не колыхались на ветру, как паутина. И они, и все вокруг было абсолютно неподвижно. Все окаменело. Тут и там между хижинами лежало нечто, в очертаниях чего угадывались люди и лошади. Они также не двигались.

Внезапно раздался резкий громкий щелчок.

Я поискал глазами и увидел, как молодое деревце сломалось примерно в футе от земли и упало. Вслед за этим боковым зрением я уловил и другое движение: медленно валился наземь куст. Я проследил за тем, как корни его выворотились из почвы. Задрожал другой куст. Одна из хижин вдруг рассыпалась сама по себе, за ней вторая. Это было волнующее и жуткое зрелище.

В глубине пещеры облегченно вздохнула Розалинда.

Я поднялся и пошел к ней. Майкл двинулся следом. Петра сообщила несколько приглушенно, как бы про себя:

— Это было *очень* противно.

С легким укором, но с любопытством Петра смотрела на фигуру в белом костюме. Женщина сделала несколько последних широких движений рукой с разбрызгивателем, стянула перчатки и откинула капюшон. Она разглядывала нас, а мы буквально уставились на нее. У нее были большие зеленовато-коричневые глаза, опушенные длинными темно-золотыми ресницами, и прямой, тонко очерченный, словно резцом скульптора, нос. Рот, пожалуй, несколько широковат. Подбородок округлый, но твердый. Волосы чуть темнее, чем у Розалинды, но на удивление короткие для женщины: они едва достигали нижней части лица.

Но более всего приковала наши взгляды необыкновенная белизна ее кожи. Она была не бледной, а какой-то светлой, как только что снятые сливки, а на щеках словно легли розовые лепестки. На гладком лице не видно почти ни одной морщинки, оно казалось таким свежим и совершенным, как будто никогда не знало ни холода, ни ветра. Трудно было поверить, что живой человек может выглядеть таким безупречным, неподвластным даже самой природе.

Тем более что она, несомненно, была не девочкой на пороге жизни, а женщиной лет, наверное, тридцати. Точнее опреде-

лить я бы затруднился. Держалась она свободно, с таким достоинством, по сравнению с которым манеры Розалинды могли показаться вызывающей самоуверенностью.

Оглядев нас, она устремила все внимание на Петру и улыбнулась ей, блеснув совершенными белоснежными зубами.

Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение и, что чрезвычайно меня удивило, некоторый ужас. Эта смесь оказалась слишком сложной, тонкой для восприятия Петры, но та поняла достаточно, чтобы ответить женщине взглядом, полным невольной, удивленной серьезности, как если бы она без всяких объяснений осознала, что настал один из важнейших моментов в ее жизни.

Потом, через мгновение, ее напряженность спала, она заулыбалась и хихикнула. Очевидно, между ними шел какой-то обмен мыслями, но такого свойства или на таком уровне, что я вообще не мог ничего уловить. Я поймал взгляд Розалинды, но она только покачала головой и продолжила наблюдать за ними.

Зеландка наклонилась и взяла Петру на руки. Они внимательно посмотрели друг другу в глаза. Петра подняла руку и осторожно коснулась щеки женщины, как бы стремясь удостовериться, что все это происходит на самом деле. Зеландка рассмеялась и поцеловала ее, затем спустила на землю. Медленно, как будто все еще не веря самой себе, она покивала.

— Оно того стоило, — произнесла она словами, выговаривая их так странно, что сначала я даже не очень хорошо разобрал, что она сказала. — Да! Безусловно, оно того стоило!

Она перешла на мысли-образы, и мне сразу стало легче понимать ее.

— Не так-то просто было добиться разрешения лететь сюда. Расстояние колоссальное: раза в два больше того, на которое мы когда-либо летали. И послать корабль стоит очень дорого. Мне с трудом поверили, что это окупится. Но оно окупится... — Она снова с восхищенным удивлением поглядела на Петру. — В таком возрасте без специальной тренировки она может посылать мысли почти на полсвета!

Она еще раз качнула головой, словно до сих пор не могла до конца поверить в это, а потом обратилась ко мне:

— Ей еще предстоит многому учиться, но мы дадим ей лучших учителей, и когда-нибудь настанет день, когда она сама станет учить их.

Она присела на сделанную из веток и шкур постель Софи. Откинутый белый капюшон обрамлял прекрасное лицо точно нимб. Внимательно по очереди рассмотрев каждого из нас, она удовлетворенно кивнула:

— Помогая друг другу, вы продвинулись довольно далеко, но скоро вы поймете, что мы можем научить вас большему. — Она взяла за руку Петру. — Итак, раз собирать вещей вам не надо, у вас их нет, нас здесь ничего больше не держит. В путь!

— В Вэкнак? — спросил Майкл.

Поскольку прозвучало это как утверждение, а не как вопрос, она, начав было подниматься, замерла и озадаченно посмотрела на него.

— Там осталась Рэчель, — объяснил он.

Зеландка задумалась:

— Я не уверена... Подождите минутку, — и пустилась в переговоры с кем-то на борту корабля с такой быстротой и на таком уровне, что я почти ничего не мог разобрать. Наконец она огорченно покачала головой: — Этого я и боялась. К великому сожалению, мы не сможем захватить ее.

— Но ведь это не займет много времени. Расстояние не настолько велико... для вашей машины, — настаивал Майкл.

Она снова покачала головой и повторила:

— Мне очень жаль. Конечно, мы бы слетали за ней, если бы это было возможно, но это техническая проблема. Видите ли, путешествие наше продлилось дольше, чем мы рассчитывали. На пути попадались такие страшные участки, которые мы не решались пересечь даже на большой высоте, нам пришлось облетать их кругом. Кроме того, события здесь развивались так, что от нас потребовалась гораздо большая скорость, чем мы предполагали. — Она замолкла, явно размышляя о том, не слишком ли сложно ее объяснение для таких дикарей, как мы, и продолжила: — Машина использует топливо. Чем больше топлива она несет в себе, тем дальше и тем быстрее она может лететь, а сейчас топлива у нас осталось только-только долететь назад, и то если мы будем очень экономны. Если мы полетим в Вэкнак, совершим еще одну посадку и взлет и попытаемся увезти четверых вдобавок к Петре, мы израсходуем топливо до того, как прилетим домой. А это означает, что мы просто упадем в море и утонем. Без риска мы едва-едва можем захватить с собой вас троих; четверых плюс дополнительную посадку нам не осилить.

Наступило молчание: мы оценивали положение. Разъяснив нам все это, она замерла в неподвижности, сидя на постели и обхватив колени руками, и терпеливо, с сочувствием ждала, чтобы мы смирились с такой ситуацией.

В наступившей тишине особенно жутко было ощущать царившее вокруг нас безмолвие. Не раздавалось ни единого звука, не чувствовалось никакого движения. Даже листья на деревьях не могли шелохнуться. Внезапный ужас осознания происшедшего вылился в тревожный вопрос Розалинды:

— Они не... они все... мертвы? Я не поняла, я думала...

— Да, — коротко ответила зеландка. — Они все мертвы. Пластиковые нити, высыхая, сжимаются. Человек, который старается их сбросить, запутывается в них и быстро теряет сознание. Этот способ милосерднее ваших стрел и копий.

Розалинда содрогнулась. Я, наверное, тоже. Все это как-то обескураживало, было в этом что-то совершенно непохожее на роковой исход единоборства человека с человеком, на смерть, добытую в обычном сражении. И отношение самой зеландки озадачивало нас, потому что в нем не сквозила ни холодная жестокость, ни малейшая жалость: только некоторое неудовольствие, как при исполнении обязанности не очень приятной, но неизбежной и ничем не примечательной. Она уловила наше смущение и неодобрительно покачала головой.

— Убивать любое существо неприятно, — согласилась она, — но притворяться, что можно прожить без этого, — значит обманывать самих себя. На столе у нас должно быть мясо, некоторым овощам нельзя давать цвести, каким-то семенам лучше не давать прорасти, определенные виды микробов должны быть принесены в жертву нашим жизненным потребностям. В этой необходимости нет ничего возмутительного или постыдного, это просто часть круговорота гигантского колеса предусмотрительной природы. Точно так же, как мы поддерживаем таким образом свою жизнь, мы должны оберегать свой вид против других видов, которые стремятся нас уничтожить. В противном случае мы погубим то, что досталось нам в дар.

Несчастные жители Зарослей по независящим от них причинам оказались приговорены к нищете и отчаянию — у них не было будущего. А что касается тех, кто вынес этот приговор... Их путь тоже известен. Знаете ли вы, что на земле уже были владыки жизни? Слышали вы когда-нибудь о гигантских ящерах? Когда кончилось их время, они погибли.

Когда-нибудь придет и наш час, и мы должны будем уступить место новому. Весьма вероятно, что мы тоже будем бороться с неизбежным так же, как боролись эти осколки мира Прежних Людей. Мы будем изо всех сил стремиться вогнать обратно в землю то, что прорастает из нее, потому что измена своему виду всегда выглядит преступлением. Мы заставим это новое доказать свою жизнеспособность, а когда оно сделает это, уйдем. Точно так же, как сейчас уходят эти. Из верности их виду они не могут быть снисходительны к развитию нашего, а мы, из верности самим себе, не должны быть снисходительны к тем, кто нам мешает и угрожает. Если этот процесс ужасает вас, это означает, что вы не смогли бы выстоять в борьбе с ними и, зная, кто вы, не сумели бы понять смысла этой разницы в породе. Ваше сознание находится в плену родственных уз и затуманено воспитанием: вы до сих пор считаете их почти такими же, как вы. Поэтому вы так потрясены. Поэтому вы ставите себя по отношению к ним в невыгодное положение, ведь они-то в себе уверены. Они всегда настороже, всегда готовы всем скопом защищать свое общество, свой вид. Они ясно представляют себе, что для того, чтобы выжить, им надо беречь себя не только от вырождения, но и от более серьезной угрозы: от породы, превосходящей их.

Мы действительно превосходим их, а ведь мы еще только в начале пути. Мы способны думать сообща и понимать друг друга так, как им и не снилось, мы учимся использовать наш объединенный разум для решения возникающих задач. Кто знает, где предел нашему продвижению вперед. Мы не заперты в самих себе, как в камерах-одиночках, когда общаться можно лишь с помощью маловыразительных слов. Мы понимаем друг друга настолько, что нам не нужны законы, в которых человек уподобляется стандартному кирпичу. Никогда мы не вообразим себе такую глупость, будто мы можем стать равными и одинаковыми, как штампованные монеты. Мы не пытаемся механически установить для всех единые рамки поведения, мы не подчиняемся догмам и не учим Бога, как он должен был устроить мир. Главное для живущего — жизнь, главное в жизни — перемена, перемена — это движение, мы находимся внутри этого движения.

Неподвижность враждебна перемене, враждебна жизни и поэтому она наш непримиримый враг. Если вы все еще потрясены или чувствуете сомнения, подумайте о тех вещах, которые делали эти люди, научившие вас считать их вашими собратья-

ми. Я мало что знаю о вашей жизни, но схема одинакова повсюду, где старое, отжившее пытается сохранить себя. И еще подумайте о том, что они собирались сделать с вами и почему.

Как и раньше, ее высокопарная манера выражаться подавляла меня, но общий ход ее мыслей был ясен.

И все же я не находил в себе достаточно сил, чтобы отрешиться от прошлого и рассматривать себя как другой вид, да и не был я уверен, что я настолько другой. В моем понимании мы являлись всего-навсего какой-то несчастной разновидностью основной породы, хотя, оглядываясь назад, я хорошо видел причины, по которым нам пришлось бежать...

Я посмотрел на Петру. Видно было, что ей эти речи порядком наскучили, поэтому она просто сидела и любовалась прекрасным лицом зеландки. Затмевая настоящее, передо мной проходили картины прошлого: лицо тети Хэрриет в реке, ее волосы, колышущиеся в воде; тело несчастной Анны в петле; Сэлли, заламывающая руки в страхе за Кэтрин и за себя; Софи, опустившаяся дикарка, медленно падающая в пыль со стрелой в затылке...

Любая из этих картин могла стать будущим Петры... Я подошел к ней ближе и обнял ее.

В то время как зеландка разглагольствовала, Майкл выглядывал наружу, с завистливым вниманием рассматривая машину, которая ждала нас на просеке. Он продолжал глазеть на нее еще минуту или две после того, как зеландка замолчала, потом вздохнул и отвернулся.

Несколько мгновений он стоял, уткнувшись взглядом в землю, потом поднял голову:

— Петра, можешь ты связаться с Рэчель ради меня?

Петра послала вопрос в своей обычной манере и сказала:

— Она здесь. Хочет знать, что происходит.

— Прежде всего скажи ей, что какие бы слухи до нее ни дошли, мы все живы и здоровы.

— Сказала, — через минуту ответила Петра. — Она поняла.

— А теперь передай ей следующее, — тщательно подбирая слова, продолжал Майкл. — Она должна и впредь не терять присутствия духа и быть очень осторожной. Скоро, через три-четыре дня, я приду и заберу ее с собой. Сумеешь объяснить?

Петра передала все в точности и очень энергично и умолкла в ожидании ответа. Затем она принялась хмуриться и с некоторым пренебрежением сказала:

— Ну и ну. Она совсем расклеилась: плачет, мысли путаные. Эта девушка большая плакса, как я погляжу. Не понимаю, чего она сейчас ревет. Задние мысли у нее совсем не грустные. Она как будто плачет от счастья. Ну не глупо ли?

Все мы, не говоря ни слова, смотрели на Майкла.

— Да, а что, — сказал он оборонительно, — вы двое объявлены вне закона, значит, не можете отправиться за ней.

— Но, Майкл... — начала было Розалинда.

— Она ведь там *совсем одна*, — сказал Майкл. — Ты бы бросила Дэвида одного или он тебя?

На это нечего было возразить.

— Ты сказал, что заберешь ее оттуда, — продолжала Розалинда.

— Я это и имею в виду. Мы *могли* бы какое-то время оставаться в Вэкнаке и со дня на день ожидать, что нас или наших детей раскроют... Это не дело... Или можем отправиться в Заросли. — Он с отвращением оглядел пещеру и просеку. — В этом тоже нет ничего хорошего. Рэчель, как и все мы, заслуживает лучшей доли. Значит, если машина забрать ее не может, это должен сделать кто-то другой.

Зеландка, подавшись всем телом вперед, наблюдала за ним. В ее глазах проглядывали сочувствие и восхищение, но она мягко покачала головой и напомнила ему:

— Путь очень далек, между нашими краями лежат страшные непроходимые земли.

— Я знаю, — ответил он. — Но мир круглый, значит, должна быть другая дорога к вам.

— Она будет очень тяжелой и наверняка опасной, — продолжала она.

— Не более опасной, чем жизнь в Вэкнаке. И потом, как сможем мы там оставаться, зная, что на свете есть целая страна таких людей, как мы, что нам есть куда стремиться. Знать! В этом вся разница. Знать, что мы не бесцельные уроды, безнадежные Отклонения, пытающиеся без особого успеха спасти свою шкуру. Это разница между просто попыткой выжить и жизнью ради достижения цели.

Зеландка с минуту молчала и, подняв голову, смотрела ему в глаза:

— Майкл, когда ты доберешься до нас, можешь не сомневаться, что займешь среди нас достойное место.

* * *

Дверь с глухим шумом закрылась. Машина задрожала, на просеке поднялся пыльный вихрь. Мы видели через окошки, как Майкл пытается удержаться на ногах, как трепещет на ветру его одежда. Даже уродливые деревья по краям просеки заколыхались в своих саванах из нитей. Пол под нами покачнулся, слегка нырнул, и земля начала резко уходить вниз, а мы подниматься все выше и выше в вечернее небо. Вскоре полет стал более ровным, и мы повернули на юго-запад. Петра была очень возбуждена вопреки своему несколько утомленному виду.

— Страшно здорово, — объявила она. — Я вижу на много миль кругом. Майкл, ты сверху такой маленький и смешной.

Одинокая фигурка на просеке помахала рукой.

— В эту минуту, милая Петра, — донеслась до нас мысль Майкла, — я и вправду чувствую себя маленьким и смешным. Но это пройдет. Мы последуем за вами.

Все было так, как в моем сне. Солнце, более яркое, чем в Вэкнаке, щедро разливало сверкающий свет на широкий голубой залив, где волны с белоснежными гребешками неспешно накатывались на берег. Лодочки с разноцветными парусами или совсем без них плыли в порт, казалось, до отказа заполненный кораблями.

Теснящийся у берега и вразброс карабкающийся на холмы, перед нами лежал город, утопающий в зелени садов и парков. Я мог даже разглядеть маленькие повозки, скользящие по широким, обсаженным деревьями улицам. Немного дальше, в стороне от побережья, около зеленого квадрата сверкала ярким светом какая-то башня, а рядом с ней опускалась на землю рыбообразная машина.

Все было так знакомо, что я затрепетал. На мгновение я представил себе, что сейчас проснусь и окажусь в своей постели в Вэкнаке. Чтобы успокоиться, я взял за руку Розалинду.

— Неужели это на самом деле? Ты тоже видишь все это? — спросил я у нее.

— Какая красота, Дэвид. Я представить себе не могла, что на свете бывает так красиво... И, кроме того, есть еще кое-что, о чем ты никогда не рассказывал.

— Что? — спросил я.

— Послушай! Разве ты не чувствуешь? Открой свой ум пошире... Петра, милая, перестань болтать, хоть на несколько минут...

Я сделал, как она велела. Я услышал нашего водителя машины, его разговор с кем-то, но, кроме него, за ним, как фон всего этого я ощущал что-то совершенно новое и еще незнакомое мне... Если сравнивать со звуками, это было похоже на жужжание целого улья пчел, а если со светом — то на приглушенное свечение, идущее отовсюду.

— Что это? — озадаченно спросил я.

— Не догадываешься, Дэвид? Это же люди. Множество таких людей, как мы.

Я понял, что она права, и начал прислушиваться... Но Петра уже устала сдерживать свое возбуждение, и мне срочно пришлось защищаться от ее выплеска эмоций.

Мы уже летели над землей, и под нами разворачивался во всей своей красе город, как бы приветствуя нас.

— Я начинаю верить, что это не сон, — сказал я Розалинде. — Прошлые разы тебя со мной не было.

Она повернулась ко мне. Внутренняя Розалинда светилась в ее глазах, ее лицо улыбалось мне. Панцирь, укрывавший ее, исчез. Она разрешала мне заглянуть в свою душу. Словно распускался цветок...

— На этот раз, Дэвид... — начала она.

И в этот миг ее заглушило. Нас закачало, мы схватились за головы. Даже пол рвануло из-под наших ног. Со всех сторон раздались жалобные протесты.

— Ой, прошу прощения, — извинилась Петра перед экипажем корабля и перед городом в целом. — Но все это ужасно здорово!..

— На этот раз, дорогая, мы тебя простим, — ответила ей Розалинда. — Поистине это так!

Кукушки Мидвича

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Въезд в Мидвич закрыт

Одним из счастливейших событий в жизни моей жены надо считать то, что она вышла замуж за человека, родившегося 26 сентября. Иначе мы, без сомнения, именно в Мидвиче провели бы ту самую ночь с 26 на 27 сентября, от последствий которой, к моей неизбывной радости, жена оказалась избавленной.

Поскольку это был мой день рождения, а также отчасти из-за того, что накануне я подписал контракт с американским издательством, еще утром 26-го мы отправились в Лондон, чтобы отпраздновать там в скромной обстановке оба указанных события. Все прошло очень мило: несколько приятных визитов, омар и шабли в «Кореннике», последняя постановка Устинова, ужин и возвращение в отель; Джанет отправилась в ванную, где нежилась с особым наслаждением, которое она почему-то испытывает при пользовании чужими «удобствами».

Утром мы, не торопясь, отправились в Мидвич.

Короткая остановка в Трайне — самом близком к нам торговом центре; там мы запаслись кое-какой бакалеей, а затем по главному шоссе — до деревни Стауч, правый поворот на дорогу второго класса и...

Как бы не так! Дорога наполовину оказалась блокированной барьером, на котором болталась табличка с надписью: «Проезд закрыт», а в оставленном проходе с поднятой рукой стоял полисмен.

Я остановил машину. Полисмен подошел к нам, и я узнал его — он был из Трайна.

— Простите, сэр, но проезд закрыт.

— Вы хотите сказать, что придется делать объезд через Оппли?

— Боюсь, что там тоже закрыто, сэр.

— Как же...

Позади прозвучал громкий сигнал.

— Будьте добры, сэр, подайте машину чуть влево.

— В Мидвиче что — революция?

— Маневры, — ответил полисмен. — Проезд закрыт.

— Не могут же выйти из строя сразу обе дороги? Вы нас знаете, мы ведь живем в Мидвиче, констебль.

— Знаю, сэр. Только сейчас туда не проехать. На вашем месте, сэр, я бы вернулся в Трайн и обождал там, пока все наладится. А тут стоять тоже нельзя — мешаете движению.

Джанет открыла дверь с другой стороны машины и вытащила свою продовольственную сумку.

— Я пойду пешком, а ты догонишь меня, когда можно будет проехать.

Констебль помялся. Потом почти шепотом сказал:

— Раз уж вы там живете, мэм, я скажу, но вроде как бы конфиденциально... Не стоит и пробовать, мэм. В Мидвич никто попасть не может, точно.

Тут-то мы уставились на него.

— Почему же? — удивилась Джанет.

— А вот это как раз и пытаются выяснить, мэм. А пока, если вы вернетесь в Трайн и остановитесь в «Орле», я прослежу, чтобы вас известили, как только дорога откроется.

Мы с Джанет переглянулись.

— Ладно, — сказала она констеблю. — Все это очень странно, но если вы уверены, что проехать никак нельзя...

— Совершенно уверен, мэм. Да и приказ у меня есть. Мы вас известим сразу же.

Ну, если человек упрется, то спорить с ним бесполезно. Этот полисмен выполнял свой долг и к тому же был вежлив.

— Хорошо, — согласился я. — Скажу в «Орле», чтобы мне передали на случай, если отлучусь.

Я дал задний ход и ехал так, пока не выбрался на главное шоссе, но, учитывая слова полисмена, что вторая дорога тоже перекрыта, повернул обратно к Лондону. Как только мы проехали Стауч, я свернул с шоссе на одну из проселочных дорог.

— Все это, — сказал я, — очень странно пахнет. Давай-ка дернем пешком прямо через поля и посмотрим, что там такое.

— Да, полисмен вел себя крайне подозрительно. Попытаемся, — согласилась Джанет, выбираясь из машины.

* * *

Особую загадочность истории придавало то, что Мидвич имел репутацию места, где никогда и ничего не происходит. Мы прожили там уже почти год и считали эту славу главной чертой Мидвича. В самом деле, если бы у въезда в деревушку на столбах был вывешен знак в виде красного треугольника с надписью: «Мидвич. Не будить», он прекрасно подошел бы к местному колориту. И почему именно Мидвичу было оказано предпочтение перед тысячами других схожих с ним населенных пунктов, видимо, так навсегда и останется тайной.

Постарайтесь проникнуться обыденностью этого местечка.

Мидвич лежит примерно в восьми милях к северо-западу от Трайна. Главное шоссе от Трайна идет на запад и прорезает деревни Стауч и Оппли, причем в местах пересечений от него отходят две дороги на Мидвич. Сама деревушка образует как бы вершину треугольника, а Стауч и Оппли — два других его угла. Есть еще одна дорога, вернее, проселок, который, причудливо извиваясь на протяжении пяти миль, ведет в Хикхэм, расположенный всего в трех милях к северу от Мидвича.

В центре Мидвича находится треугольный сквер, его украшают пять прекрасных вязов и пруд, окруженный выкрашенной в белую краску оградой. Памятник погибшим воинам помещается в одном углу сквера, в том, что напротив церкви, а по краям сквера возвышается сама церковь, дом викария, гостиница, кузница, почта, магазинчик миссис Велт и несколько коттеджей. Деревушка состоит из шестидесяти домов, здания муниципалитета, Кайл-Мэнора и Грейнджа*.

Церковь подвергалась многочисленным перестройкам, но купель и западная дверь восходят чуть не ко временам норманнов. Дом викария — образец георгианского стиля, Грейндж — викторианского, фундамент Кайл-Мэнора заложен во времена Тюдоров, но верх особняка сильно изменен последующими перестройками. Что касается коттеджей, то спектр их стилей очень пестр и включает все, что возникло между правлениями обеих Елизавет. Самые молодые по возрасту строения — два коттеджа, принадлежащих муниципальному совету, и два производственных крыла, сооруженных в Грейндже, когда некое министерство купило поместье для организации там научно-исследовательской лаборатории.

* Поместье, ферма с пристройками.

Истоки возникновения Мидвича скрыты во мраке истории. Его местоположение трудно было счесть стратегически важным с точки зрения рынка даже в эпоху вьючного транспорта. Впечатление такое, что поселок возник здесь сам собой, без всяких на то причин. Уже в Книге Судного дня* он числится в ранге «селения», в том же качестве пребывает и до сих пор, поскольку железные дороги его обошли так же, как раньше дилижансные пути и судоходные каналы.

Насколько известно, залежей полезных ископаемых под Мидвичем нет; никакой чиновничий глаз еще не уловил тут возможности построить аэродром, полигон для испытания бомб или военное училище. Только министерство вторглось сюда, но переоборудование Грейнджа фактически ничего не изменило в течении сельской жизни. Мидвич живет (вернее сказать, жил) и дремлет на своих плодоносных землях в сельском покое вот уже более тысячи лет, и до 26 сентября не было никаких оснований ожидать, что он не проведет в том же состоянии другую тысячу.

Не следует, однако, полагать, что из сказанного выше вытекает отсутствие у Мидвича собственной истории вообще. Она, конечно, существует. В 1931 году тут вспыхнула эпидемия ящура. В 1916 году сбившийся с курса цеппелин сбросил на Мидвич бомбу, которая упала на вспаханное поле, но, к счастью, не взорвалась. Да и раньше названию деревушки случалось попадать в заголовки газет или листовок, например, когда Черный Нэд — второразрядный дорожный грабитель — был застрелен на ступеньках «Косы и камня» Красоткой Полли Паркер.

Известно также сенсационное закрытие расположенного неподалеку аббатства Святого Франциска Ассизского и разгон его братии по причинам, ставшим поводом для многочисленных слухов и разговоров, последовавших после 1493 года.

Другие события включают в себя превращение церкви в конюшню солдатами Кромвеля, а также визит Уильяма Вордсворта**, коего развалины аббатства подвигли к написанию одного из его самых скучных и нравоучительных сонетов.

Но если все сказанное выше исключить, то время текло над Мидвичем спокойно и равномерно. Да и местные жители, кроме немногих юнцов и девиц, охваченных возрастной неврасте-

---

* Кадастровая книга — земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085—1086 годах.

** Английский поэт (1770—1850).

нией, не испытывали желания жить иначе. В самом деле, исключая викария и его жену, чету Зиллейби в Кайл-Мэноре, доктора, фельдшерицу, нас с Джанет и, разумеется, научный персонал Грейнджа, многие поколения аборигенов жили как бы в сонном царстве, ставшем нормой их жизни.

Днем 26 сентября, казалось, ни одна тучка не предвещала будущих бедствий. Возможно, миссис Брант, жена кузнеца, и почуяла что-то зловещее, узрев на своем поле девять сорок, как она впоследствии уверяла, а мисс Огл, почтмейстерша, может быть, и встревожилась зрелищем привидевшегося ей накануне во сне гигантского летучего вампира. Но даже если все это и имело место, то, к сожалению, дурные предчувствия у миссис Брант и страшные сны у мисс Огл случались слишком часто, чтобы сыграть роль надежного предвестника. Никаких других свидетельств, что в понедельник вечером Мидвичу предстояло нечто необычайное, не существовало. Совершенно нормальным он показался и нам с Джанет, когда мы уезжали в Лондон. И тем не менее во вторник, 27-го...

Мы заперли машину, перелезли через калитку и пошли по стерне, стараясь держаться поближе к живой изгороди. Когда изгородь кончилась, перед нами открылось еще одно сжатое поле. Мы пересекли его наискосок и уперлись в следующую изгородь, причем столь высокую, что пришлось довольно долго идти вдоль нее, отыскивая, где перелезть. Наконец мы поднялись на холм, откуда был виден Мидвич. Точнее, сам Мидвич заслоняли деревья, но мы увидели несколько столбов серого дыма, лениво поднимающихся в воздух, а также церковный шпиль, торчащий над вязами. На соседнем поле виднелись четыре-пять коров, которые, как мне показалось, крепко спали, лежа на земле.

Я не сельский житель, я всего лишь заезжий обыватель, но помню, как в подсознании мелькнуло ощущение какой-то ошибки в этой мирной картине. Коровы, лежащие на брюхе и лениво пережевывающие жвачку, — дело обычное, а вот коровы, крепко спящие на боку, — уж извините! Но в тот момент мысль эта еще полностью не сформировалась, возникло только ощущение, что тут что-то не так.

Мы пошли дальше. Перелезли через изгородь того поля, где лежали коровы, и пересекли его. Вдруг кто-то окликнул нас — слева, издалека. Я оглянулся и увидел человека в хаки. Он кричал что-то неразборчивое, но по тому, как он размахивал своей

палкой, было очевидно, что от нас требуют, чтобы мы убирались прочь. Я остановился.

— Пошли, Ричард! Он же далеко! — нетерпеливо крикнула Джанет, вырываясь вперед.

Я все еще колебался, продолжая рассматривать незнакомца, который потрясал палкой энергичней, чем прежде, а орал еще громче, хотя и ничуть не разборчивее. Потом решил последовать примеру Джанет. К этому времени она опередила меня ярдов на двадцать, но не успел я сделать и нескольких шагов, как Джанет вдруг закачалась и беззвучно рухнула на землю.

Я замер как вкопанный. Рефлекторно. Если бы она упала с вывихнутой коленкой или просто споткнулась, я бы побежал, кинулся к ней. Но все произошло так внезапно, так жутко, что на мгновение мной овладела идиотская мысль, будто Джанет застрелили. Ступор прошел так же быстро, как и возник. Я рванулся с места. Каким-то краем сознания я улавливал, что человек с палкой все еще кричит, но это не остановило меня. Я бежал к Джанет.

И не добежал.

Я вырубился так моментально, что даже не увидел, как вздыбилась земля, чтобы с силой ударить меня по лицу.

ГЛАВА 2

В Мидвиче все спокойно

Как я уже говорил, 26 сентября в Мидвиче царило полное спокойствие. Позже я предпринял собственное расследование и узнал практически обо всех — где они были и что делали в тот вечер.

В «Косе и камне», например, обслуживали завсегдатаев, число которых, вообще говоря, было величиной постоянной. Кое-кто из молодежи отправился в Трайн в киношку; кстати, в большинстве своем это были те же люди, что ездили туда и в прошлый понедельник. Мисс Огл на почте вязала возле коммутатора, полагая, что бытовые разговоры горожан куда интереснее, чем то, что передается по радио. Мистер Таппер, работавший садовником до того, как выиграл фантастический приз в футбольном тотализаторе, был крайне раздражен неполадками

в своем призовом телевизоре, у которого барахлил красный спектр, и поносил его такими словами, что миссис Таппер отправилась спать. В окнах нескольких комнат лабораторного крыла Грейнджа все еще горел свет, в чем не было ничего необычного: как правило, два-три сотрудника продолжали свои таинственные исследования далеко за полночь.

Все было как обычно, но любой самый непримечательный день может стать для кого-то совершенно исключительным. Как я уже говорил, из-за моего дня рождения окна в нашем коттедже были закрыты и темны. А в Кайл-Мэноре случилось так, что именно тогда мисс Феррилин Зиллейби доказала младшему лейтенанту Алану Хьюэсу, что помолвка фактически требует участия не двух персон, а большего числа людей и что было бы правильнее известить об этом событии и ее отца. Алан, после некоторых колебаний и возражений, позволил доставить себя к дверям кабинета Гордона Зиллейби, дабы ознакомить последнего со сложившейся ситуацией.

Он обнаружил седовласого, элегантного хозяина Кайл-Мэнора в глубоком мягком кресле, с закрытыми глазами, откинувшимся на удобную спинку, так что с первого взгляда могло показаться, что он спит, усыпленный дивной музыкой, заполнявшей комнату.

Молча, не открывая глаз, Зиллейби разрушил это впечатление, легким движением руки указав на другое кресло, а затем приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Алан на цыпочках подошел к креслу и сел. Последовала интерлюдия, во время которой все заготовленные ранее фразы, уже державшиеся на самом кончике языка Алана, внезапно исчезли где-то в глотке, и в течение следующих минут десяти Алану пришлось посвятить себя исключительно созерцанию кабинета.

Стены от пола до потолка занимали книги, только дверь, через которую он вошел, нарушала стройность книжных рядов. Книги, книги, книги, расставленные в невысоких шкафах, заполняли комнату по всему периметру, прерываясь лишь широкими французскими окнами, камином, где поблескивал приятный, но не очень нужный в эту погоду огонь, и отличным проигрывателем.

Один из застекленных шкафов был полностью отведен под «Труды» Зиллейби — в разных изданиях и на всевозможных языках, причем на нижних полках предусмотрительно было оставлено место для будущих поступлений.

Над этим шкафом висел набросок красной сангиной, изображавший красивого молодого человека, в котором легко узнавался Гордон Зиллейби, только моложе лет на сорок. На другом шкафу отличный бронзовый бюст отражал то впечатление, которое двадцатью пятью годами позже Зиллейби произвел на Эпштейна. Несколько подписанных фотографий различных знаменитостей висели на стенах. Каминная полка и стена возле камина отводились домашним реликвиям. Рядом с портретами отца и матери Гордона, его брата и двух сестер располагался очень похожий портрет Феррилин и портрет ее матери (миссис Зиллейби Первой).

Портрет Анжелы — нынешней миссис Зиллейби — украшал центр кабинета — огромный, обитый кожей стол, на котором писались знаменитые «Труды».

Вспомнив о «Трудах», Алан подумал, что его визит, похоже, не совсем уместен — налицо было явное рождение нового «Труда». Этим, видимо, и объяснялся очевидный отрыв мистера Зиллейби от реальной жизни.

«Он всегда становится таким, когда его мысль начинает бурлить, — объясняла ему Феррилин. — Что-то в него вселяется. Он уходит в дальние прогулки, забывает, где находится, звонит, чтобы за ним приехали и забрали домой. В такие минуты с ним бывает очень трудно, но все налаживается, когда он садится за стол писать книгу. Однако до этого за ним приходится строго следить, а то он начисто забывает о еде. Вот так вот».

Комната с комфортабельными креслами, мягким освещением и толстым ковром показалась Алану практическим воплощением взглядов ее хозяина на важность сбалансированного существования. Он вспомнил, что в «Пока мы живы» — единственной работе Зиллейби, которую он прочел — тот рассматривает и аскетизм, и чрезмерное эпикурейство в духе проявлений низкого уровня общественной адаптации. Это была интересная, подумал Алан, но мрачноватая книга; автор, по его мнению, придавал слишком большое значение тому факту, что нынешнее поколение куда динамичнее и куда менее отягощено иллюзиями, чем все предшествующие...

Наконец, поднявшись крещендо, музыка оборвалась. Зиллейби выключил проигрыватель, щелкнув переключателем на подлокотнике кресла, открыл глаза и взглянул на Алана.

— Надеюсь, вы не скучали? У меня такое чувство, что уж если играют Баха, то прерывать грешно. Кроме того, — добавил

он, бросив взгляд на проигрыватель, — у нас еще не выработался инстинкт обращения с такими новшествами. Делается ли, например, искусство музыканта менее достойным уважения, когда сам музыкант отсутствует? В чем заключается деликатность? В том, что я уступаю вам, вы — мне, а мы вместе — гению, даже если это гений, так сказать, не из первого разряда. Кто знает? Вряд ли мы поймем это на нашем веку.

Мне кажется, нам плохо удается интеграция технических новаций в общественную жизнь. Мир, который запечатлен в пособиях по этикету, распался на куски еще в конце прошлого столетия, а нового кодекса, определяющего отношение к новоизобретенным сущностям, еще не появилось. Нет даже правил, нарушение которых могло бы рассматриваться как еще один удар по свободе. Жаль, не правда ли?

— Э-э-э... Да, конечно, — согласился Алан. — Я, э-э...

— Хотя, заметьте, — продолжал Зиллейби, — считается demode* признавать существование подобной проблемы. Истинное детище нашего столетия не заинтересовано в достижении внутренней согласованности с этими новациями. Оно лишь жадно усваивает их по мере появления. И только когда сталкивается с чем-то очень большим, оно проникается сознанием существования социальных последствий, но и тогда, вместо того чтобы искать консенсус, только бросается на поиск несуществующего простого выхода из сложной ситуации: в виде ограничения, запрещения и тому подобного, как в случае с водородной бомбой.

— Э-э-э... Да, думаю, вы правы... Но я хотел...

Зиллейби уловил в голосе собеседника явное безразличие к его словам.

— Когда человек молод, — продолжал он задумчиво, — необычный, неформальный, стихийный образ жизни представляется ему весьма романтичным. Но не таковы, согласитесь, основы, на которых стоит этот очень сложный мир. К счастью, мы — люди Запада — все еще сохраняем определенный этический каркас, хотя и у нас появились признаки того, что этот скелет уже не может с прежней надежностью выдерживать груз новых знаний. Вы согласны со мной?

Алан тяжело вздохнул. Воспоминания о своих прежних барахтаниях в сетях логических построении Зиллейби заставили его избрать самый прямой путь.

* устарелым (*фр.*).

— Видите ли, сэр, я хотел бы поговорить с вами о совершенно другом деле, — сказал он.

Когда Зиллейби встречался с препятствиями, прерывавшими плавное течение его речи, он старался воспринимать их с должной снисходительностью. Поэтому он на время отложил анализ этического каркаса и ответил:

— Конечно, конечно, мой мальчик. Разумеется! О чем же?

— Это... это касается Феррилин...

— Феррилин? Ах да! Боюсь, что она уехала в Лондон на пару дней, чтобы навестить мать. Должна вернуться завтра.

— Э-э-э... но она только сегодня вернулась, мистер Зиллейби!

— Вот как! — воскликнул Зиллейби. Потом, подумав, добавил: — Конечно! Она же ужинала с нами! И вы — тоже! — сказал он с торжеством в голосе.

— Да, — ответил Алан и, продолжая настойчиво преследовать представившийся ему шанс, бросился в изложение своих проблем, с отчаянием ощущая, что от заготовленных фраз не осталось камня на камне.

Зиллейби терпеливо слушал, пока Алан продирался к концу своего повествования, завершив его словами:

— И я надеюсь, сэр, что у вас не будет возражений против нашего официального обручения...

Тут глаза Зиллейби округлились.

— Дорогой мой, вы, по-видимому, несколько преувеличиваете мою роль. Феррилин вполне разумная девочка, и у меня нет ни малейшего сомнения, что к настоящему времени и Феррилин, и ее мать знают о вас все, что нужно и, надо думать, уже приняли глубоко обоснованное решение.

— Но я еще не встречался с миссис Холдер, — возразил Алан.

— Ну, если бы вы были знакомы, то ориентировались бы в ситуации куда лучше. Джейн — великий организатор, — ответил Зиллейби, благосклонно поглядывая на портрет на каминной полке. Затем он встал. — Что ж, свою роль вы сыграли вполне достойно. Значит, и мне следует вести себя так, как полагает нужным Феррилин. Не будете ли вы добры собрать здесь всю компанию, пока я распоряжусь насчет бутылки?

Через несколько минут, когда вокруг него собрались жена, дочь и будущий зять, Зиллейби поднял бокал.

— Выпьем же, — объявил он, — за соединение любящих душ. Правда, институт брака в том виде, в котором он поддер-

живается церковью и государством, представляет собой удручающе механистический подход к проблеме партнерства и практически мало чем отличается от взглядов Ноя. Человеческий дух, однако, могуч, и любви нередко удается выжить в окружении грубых социальных институтов и установок. Поэтому будем надеяться...

— Папочка, — прервала его Феррилин, — сейчас уже больше десяти, а Алан должен добраться до своего лагеря вовремя, а то его засунут «на губу» или еще куда-нибудь. Все, что тебе следует сказать, это: «Долгой жизни и долгого счастья вам обоим!»

— О! — воскликнул мистер Зиллейби. — А ты уверена, что этого достаточно? Мне кажется, это слишком лаконично. — Однако, если ты полагаешь, что подобное обращение более соответствует данным обстоятельствам, я так и скажу, дорогая. С большим удовольствием скажу.

Что он и сделал.

Алан поставил пустой бокал.

— Боюсь, слова Феррилин близки к истине, сэр. Мне действительно пора.

Зиллейби, соболезнуя, покачал головой:

— У вас сейчас тяжелое время. Как долго оно еще продлится?

Алан ответил, что надеется освободиться от службы месяца через три.

Зиллейби снова кивнул.

— Надеюсь, полученный опыт пойдет вам на пользу. Иногда мне жаль, что сам я им не обзавелся. Для первой войны был слишком молод, во вторую был откомандирован в министерство информации, хотя предпочел бы что-нибудь более интересное. Ну что ж, спокойной ночи, дружок. Это... — Тут он прервал речь, пораженный внезапной мыслью. — Боже мой!.. Мы так привыкли называть вас просто Аланом, что я, оказывается, даже не знаю вашей фамилии. Может, наведем порядок в этом деле?

Алан назвался, и они снова подали друг другу руки.

Выйдя с Феррилин в холл, Алан посмотрел на часы.

— Слушай, мне надо поторапливаться. Увидимся завтра, любимая. В шесть. Спокойной ночи, родная.

В дверях они горячо и торопливо поцеловались, и Алан сбежал по ступенькам к своей красной машине, стоявшей у подъезда. Зажигание сработало четко, мотор взревел. Алан дал газу и, выбросив фонтаны гравия из-под задних колес, умчался.

Феррилин долго смотрела на удаляющиеся красные огни машины. Постояла, прислушиваясь, пока рев мотора не превратился в едва слышный гул, затем закрыла парадную дверь. Входя в кабинет, она заметила, что часы в холле показывают 22 часа 15 минут.

Итак, в 22.15 в Мидвиче ничего неординарного еще не случилось.

С отъездом Алана мирная тишина снова распростерлась над селением, только и мечтавшим поскорее завершить свой трудовой день и приготовиться к наступлению такого же мирного и лишенного потрясений дня завтрашнего.

Окна многих коттеджей еще отбрасывали в полумрак теплого вечера желтые полосы света, отражавшегося в каплях недавно прошедшего дождя. Внезапные взрывы голосов, раздававшиеся время от времени, были не местного происхождения. Они исходили из телевизоров и прочей звучащей аппаратуры. Эти звуки как бы создавали фон, при котором большая часть жителей Мидвича готовилась отойти ко сну. Многие — самые старые и самые юные — уже спали, а хозяйки торопились наполнить кипятком свои постельные грелки.

Из «Косы и камня» выпроваживали последних клиентов, которые оттягивали свой уход, выпрашивая «посошок на дорожку». К 22.15 все, кроме Гарри Кранкхарта и Альфреда Уатта, продолжавших спор о минеральных удобрениях, уже добрались до своих жилищ.

Истекающему дню предстояло завершиться еще одним событием — приездом автобуса, который должен был доставить в Мидвич его самых светских представителей, ездивших в Трайн. После этого у Мидвича откладывать свой сон уже не было оснований.

В доме викария мисс Полли Растон в 22.15 размышляла о том, что если бы она улеглась в постель полчаса назад, то сейчас наслаждалась бы книгой, бесполезно покоившейся у нее на коленях, а не играла бы роль свидетельницы соперничества между дядей и теткой. Ибо в одном углу комнаты дядя Губерт — преподобный Губерт Либоди — пытался участвовать в передававшейся по третьей программе дискуссии о дософокловой концепции эдипова комплекса, в то время как в другом углу тетя Дора беседовала по телефону. Дядя Губерт, справедливо считая, что наука не должна быть утоплена в чепухе, уже дважды увеличивал громкость, причем звуковые возможности телевизора были далеко не исчер-

паны. Винить его в том, что он и не догадывался о важности живой телефонной беседы (она казалась ему лишь пустой женской болтовней), было никак нельзя. Об этом догадаться не смог бы никто.

Звонили из Северного Кенсингтона (Лондон), где миссис Клюи вдруг ощутила нужду в своей старинной подруге миссис Либоди. К 22.15 им наконец удалось добраться до сути дела.

— А теперь, Дора, скажи — только помни, что мне нужен совершенно откровенный ответ, — как ты думаешь, в случае Кэтти, что лучше — белый шелк или белая парча?

Миссис Либоди «тянула резину». Ясно, что в таком контексте слово «откровенный» никак нельзя счесть случайностью, и, зная миссис Клюи, можно было по меньшей мере сожалеть, что она не сделала хотя бы легчайшего намека. Вероятно, атлас, думала миссис Либоди, но ей не хотелось ставить на карту столь долгую дружбу. Она попыталась нащупать верный ответ.

— Конечно, для столь юной новобрачной... Хотя Кэтти вряд ли можно считать очень юной, и поэтому...

— Разумеется, не очень юной, — согласилась миссис Клюи и замолчала.

Миссис Либоди мысленно предала анафеме как настойчивость своей подруги, так и третью программу супруга, мешавшую ей трезво мыслить и отыскивать верное решение.

— Что ж, — сказала она наконец. — И тот и другой материал очаровательны, разумеется, но для Кэтти я бы...

И в это мгновение ее голос в трубке прервался. Далеко отсюда, в Северном Кенсингтоне, миссис Клюи с нетерпением дожидалась ответа и посматривала на часы. Не дождавшись, она нажала на рычаг, а потом набрала ноль.

— Я хочу принести жалобу, — заявила миссис Клюи. — Меня только что прервали в разгар очень важного разговора.

Станция ответила, что попытается соединить ее снова. Через несколько минут миссис Клюи проинформировали о тщетности этих усилий.

— Безобразно работаете! — распалилась достойная дама. — Я подам на вас письменную жалобу! Отказываюсь оплачивать хотя бы минуту сверх фактического времени разговора. С какой это стати я стану платить за такую работу! Нас прервали точно в десять семнадцать.

Работник станции ответил с подобающим тактом и записал для отчета время окончания разговора: 22.17 мин. 26 сент.

ГЛАВА 3

Мидвич уснул

С 22.17 информация из Мидвича поступает эпизодически.

Все телефоны отключились. Автобус, следовавший через Мидвич, до Стауча не добрался; грузовик, отправленный на розыски автобуса, тоже исчез. В Трайн поступило сообщение от ВВС о каком-то неопознанном летающем объекте, не принадлежащем ВВС, который был засечен радарами вблизи Мидвича, возможно, в момент посадки. Позвонил некто, живущий в Оппли: в Мидвиче пожар, но противопожарных мер, видимо, не принято. Пожарная машина из Трайна выехала, однако дальнейших сведений о ней не поступило. Полиция Трайна выслала патрульный автомобиль с целью установить, что же случилось с пожарными, но и полицейская машина канула в неизвестность. Из Оппли пришло известие о втором пожаре; видя, что его не тушат, позвонили по телефону констеблю Бобби в Стауче, который на велосипеде отправился в Мидвич. О нем тоже больше известий не было.

Рассвет 27 сентября больше всего напоминал кучу грязного тряпья, мокнувшего в корыте неба, с просачивающимся через него капля за каплей серым светом. Тем не менее и в Стауче, и в Оппли петухи уже пропели, а другие пташки приветствовали рассвет более мелодичными трелями. В Мидвиче, однако, петухи молчали.

К тому же в Оппли и Стауче, как и всюду, во всех домах уже тянулись из постелей руки, чтобы заглушить звон будильников, тогда как в Мидвиче будильники звенели, пока завод не иссяк.

В других поселках заспанные мужчины уже выходили из домов, приветствуя товарищей по несчастью сонным пожеланием доброго утра. В Мидвиче никто и никого не приветствовал.

Мидвич пребывал в трансе.

В то время как остальной мир уже принялся наполнять окружающее пространство шумом своей деятельности, Мидвич продолжал спать. Спали мужчины, спали женщины, спали лошади и коровы, спали овцы, спали куры, ласточки, кроты и мыши. Мидвич потонул в глубокой тишине, нарушаемой лишь

шепотом листьев, боем церковных часов да плеском воды в речке Оппли, срывающейся с мельничной плотины.

Рассвет еще не окреп и только-только начинал разгораться, когда пикап оливкового цвета с плохо различимой в сумерках надписью «Почта и телефон» выехал из Трайна с целью восстановить связь между Мидвичем и остальным миром.

В Стауче он ненадолго остановился у будки-автомата, чтобы проверить, не подал ли Мидвич признаков жизни. Мидвич их не подал и продолжал находиться в глубокой летаргии, в коей пребывал с 22.17 прошлого вечера. Пикап снова двинулся вперед, дребезжа в неуверенном свете разгоравшегося утра.

— Бог ты мой! — сказал линейный мастер своему компаньону-шоферу. — Бог ты мой! Этой, значит, мисс Огл нынче уж не отвертеться от неприятностей с ее величеством королевой из-за ейных грехов.

— Непонятно мне это, — возразил шофер. — Если хочешь знать, то старушонка вечно подслушивает разговоры — и днем и ночью, было бы только кому разговаривать. Так оно и идет одно к одному, — несколько загадочно закончил он.

Выехав из Стауча, пикап круто свернул вправо и примерно полмили или около того трясся по окружному проселку. Затем свернул еще раз и столкнулся с ситуацией, потребовавшей от водителя напряжения всех умственных сил.

Первой обнаружилась почти опрокинувшаяся набок пожарная машина, колеса которой с одного борта глубоко погрузились в кювет; далее виднелся черный лимузин, наполовину въехавший на откос с другой стороны дороги. За ним лежал велосипед и неподвижное тело человека рядом.

Шофер резко вывернул руль, намереваясь описать нечто вроде латинской «S», чтобы избежать столкновения с одной из машин, но закончить этот маневр не смог — пикап вынесло на узенькую бровку, проволокло несколько ярдов, и машина боком застряла в зеленой изгороди.

Час спустя первый утренний автобус на большой скорости, так как пассажиры (ребятишки, учившиеся в школе Трайна) на него садились только в Мидвиче, с грохотом выехал на тот же поворот и аккуратно застрял в промежутке между пожарной машиной и пикапом, полностью заблокировав дорогу.

На другой мидвичской дороге, той, что соединяла его с Оппли, аналогичное скопление машин придавало ей некоторое

сходство со свалкой изношенных механизмов, вдруг возникшей тут за ночь. На этой стороне первым, кому удалось избежать столкновения, был почтовый грузовичок.

Один из сидевших в нем мужчин вышел и зашагал вперед, чтобы выяснить причину катастрофы. Он уже подходил к задней двери неподвижного автобуса, когда, без всякого предупреждения, будто сломался и рухнул на землю. У водителя отвисла челюсть, и он ошеломленно уставился в пространство. Тут его взгляд упал на лица пассажиров автобуса, сидевших совершенно неподвижно. Водитель дал задний ход, развернулся и помчался в Оппли, чтобы оттуда позвонить по первому попавшемуся телефону.

Почти одновременно то же самое произошло с водителем хлебного фургона на дороге из Стауча, так что примерно через двадцать минут на обоих подходах к Мидвичу были предприняты сходные акции.

Первыми примчались машины «скорой помощи», чем-то смахивающие на механизированных сэров Галахадов*. Задние двери их распахнулись. Оттуда, на ходу застегивая пуговицы халатов и предусмотрительно гася огоньки сигарет, вышли форменно одетые мужчины. Они оглядели завалы профессиональным, уверенным взглядом, вытащили носилки и собрались идти вперед...

На дороге из Оппли первая пара санитаров достигла лежащего ничком почтальона, но, когда санитар, шедший впереди, поравнялся с телом, он вдруг закачался, согнулся и рухнул на ноги уже имевшейся жертвы. Санитар, что шел сзади, выпучил глаза. Из возгласов, раздавшихся за его спиной, он уловил только слово «газ», молниеносно, словно обжегся, бросил ручки носилок и быстро отступил назад.

Был устроен военный совет. Наконец водитель «скорой помощи», покачав головой, вынес вердикт.

— Не наша это работа, ребята, — заявил он с видом профсоюзного деятеля, вносящего важное предложение. — Я так считаю, нужны пожарные.

— А по мне — так уж лучше солдаты, — откликнулся санитар. — Тут противогазы требуются, а не просто маски от дыма, вот что.

---

* Сэр Галахад — один из рыцарей легендарного короля Артура.

ГЛАВА 4

Операция «Мидвич»

Примерно в то время, когда мы с Джанет подъезжали к Трайну, лейтенант Алан Хьюэс стоял рядом со старшим пожарным Норрисом на дороге из Оппли. Они заинтересованно следили, как один из пожарных пытался достать длинным багром поверженного санитара. Наконец крюк за что-то уцепился и потащил за собой тело. Оно проехало по асфальту ярда полтора, после чего внезапно село и выругалось.

Алану показалось, что он никогда не слышал ничего более прекрасного, чем эта брань. Та острая тревога, с которой он прибыл на место происшествия, несколько улеглась еще тогда, когда выяснилось, что жертвы этого невероятного события потихоньку, но достаточно отчетливо дышат. Теперь же стало ясно, что по крайней мере одна из предполагаемых жертв не обнаруживает никаких явных негативных последствий почти полуторачасового пребывания в бесчувственном состоянии.

— Отлично, — сказал Алан. — Если с ним все в порядке, то весьма вероятно, что и со всеми остальными — тоже, хотя это и не приближает нас к ответу на вопрос: что же все-таки произошло?

Следующим, кого выволокли из зоны, был почтальон. Он пробыл без сознания дольше, чем санитар, но его пробуждение было столь же внезапным и окончательным.

— Граница, видимо, очень четкая и стоит на месте, — добавил Алан. — А кто-нибудь слышал о неподвижном газе, да еще при ветреной погоде? Сущая нелепица!

— Испарением капель, разбрызганных по земле, тоже ничего не объяснишь, — отозвался старший пожарный. — Будто их по голове кто-то трахнул. Я о такой воздушно-капельной инфекции и не слыхивал, ей-богу.

Алан утвердительно кивнул.

— Да, — согласился он, — летучее вещество давно уж унесло бы ветром. Тем более его должны были бы распылить еще прошлым вечером, чтобы оно могло воздействовать на пассажиров автобуса. Ведь автобус прибывает в Мидвич в 22.25, а я сам проехал этот отрезок шоссе несколькими минутами раньше. Тогда тут все было в порядке. Автобус я встретил, въезжая в Оппли.

— Интересно, как далеко вглубь простирается зона поражения? — задумчиво произнес пожарный. — Наверняка она довольно широка, иначе были бы и машины, ехавшие навстречу.

Они с любопытством взглянули на отрезок дороги, ведущей в Мидвич. За машинами дорога была чиста, девственно пустынна, сверкающий асфальт тянулся вплоть до первого поворота. Все было как на обычной дороге, уже почти высохшей после сильного ливня. Теперь, когда утренний туман разошелся, стала видна колокольня мидвичской церкви, возвышающаяся над зелеными изгородями. Если позабыть первый план картины, то ничем таинственным впереди и не пахло.

Пожарные с помощью солдат из взвода Алана продолжали вытаскивать тех, кто лежал поближе. Перенесенное, по-видимому, никаких следов на жертвах не оставило. Каждый, кого вытягивали за незримую черту, немедленно садился и уверенно заявлял, что в услугах «скорой помощи» не нуждается.

Теперь предстояло выволочь трактор, преградивший путь к автобусу с пассажирами. Алан оставил сержанта и старшего пожарного распоряжаться работами, а сам перелез через изгородь. Тропинка за ней взбиралась на небольшой холмик, позволявший получше рассмотреть окрестности Мидвича. Алан увидел несколько крыш, в том числе крыши Кайл-Мэнора и Грейнджа, верхушку развалин аббатства, а также две струйки дыма. Мирная картина. Еще несколько шагов — и он достиг точки, откуда увидел валявшихся на земле четырех овец. Зрелище встревожило Алана, но не потому, что он опасался за овец, а потому, что это указывало на гораздо большую ширину зоны поражения, чем он рассчитывал. Алан задумчиво смотрел на овец и на ландшафт за ними и тут, чуть дальше, заметил двух коров, лежащих на боку. Минуту или две он пристально следил за ними — не шевельнутся ли, а затем повернулся и, погруженный в раздумье, пошел по дороге.

— Сержант Деккер! — позвал он.

Подошел сержант и отдал честь.

— Сержант, — сказал Алан, — я хочу, чтобы вы достали мне канарейку. В клетке, конечно.

Сержант мигнул.

— Э-э-э... канарейку, сэр? — с трудом выговорил он.

— Ну, я думаю, майна* тоже подойдет. Что-нибудь в этом духе найдется в Оппли, надо полагать. Возьмите джип. Владельцу скажите, что в случае чего он получит компенсацию.

* разновидность скворца, хорошо обучающегося человеческой речи.

— Я, э-э-э...

— Поторапливайтесь, сержант. Мне она нужна немедленно.

— Слушаюсь, сэр. Э-э... канарейку? — добавил сержант, дабы убедиться, что не ослышался.

— Именно, — кивнул Алан.

Я чувствовал, что меня волокут по земле, лицом вниз. Это было странно. Только что я бежал к Джанет, а затем, без передышки...

Движение прекратилось. Я сел и обнаружил, что окружен толпой народа. Какой-то пожарный отцеплял от моей одежды крюк весьма зловещего вида. На меня глядел санитар «скорой», и в глазах его светилось что-то нехорошее. Еще тут были: молоденький солдатик с ведром известки, другой — с картой в руках да еще юный капрал, вооруженный длинным шестом, на конце которого висела птичья клетка. И ничем не обремененный офицер. Дополняла эту сюрреалистическую картину Джанет, лежавшая на том же месте, где упала.

Я вскочил на ноги в ту самую минуту, когда пожарный, освободив свой багор, выдвинул его вперед и зацепил крюком пояс ее плаща. Он потащил, пояс, конечно, лопнул; пожарный снова протянул багор и попытался просто перекатить Джанет к нам. Попытка удалась, и бедняжка села, очень растрепанная и сердитая.

— Как вы себя чувствуете, мистер Гейфорд? — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся и узнал в молодом офицере Алана Хьюэса, с которым мы раза два встречались у Зиллейби.

— Нормально, — ответил я. — А что тут происходит?

Он ничего не ответил и помог Джанет подняться на ноги. Потом повернулся к капралу.

— Мне придется вернуться на дорогу. Продолжайте работать.

— Есть, сэр! — отозвался капрал.

Он наклонил горизонтально шест с висящей на конце клеткой и выдвинул его вперед. Птичка упала с жердочки на песчаное дно клетки. Капрал потянул клетку к себе — птичка раздраженно пискнула и тут же снова вспрыгнула на жердочку. Солдат, державший ведро, сделал шаг вперед и кистью провел полосу по траве, другой солдат что-то отметил на карте. Вся группа перешла на десяток ярдов дальше, и процедура повторилась.

На этот раз с требованием объяснить, что тут происходит, выступила Джанет. Алан рассказал все, что знал, и добавил:

— Совершенно очевидно, что, пока это продолжается, в Мидвич не попадешь. Самое лучшее для вас — вернуться в Трайн и ждать, пока все образуется.

Мы еще раз взглянули на капрала с его командой — как раз застав момент, когда птичка падала с жердочки, затем перевели взгляд на лежавший за мирными полями Мидвич. Приобретенный опыт говорил, что никакой разумной альтернативы предложению Алана нет.

Джанет кивнула. Мы поблагодарили молодого Хьюэса и, расставшись с ним, двинулись к машине.

В «Орле» Джанет настояла на том, чтобы на всякий случай снять номер, и тут же отправилась туда. Меня же манил бар. Для полудня он был слишком полон, причем явно преобладали приезжие. Большинство разговаривало как-то аффектированно, разбившись на пары или на маленькие группы, хотя некоторые пили в одиночестве, и весьма целеустремленно. Я с трудом пробился к стойке, а когда попытался пройти обратно, держа в руке свой стакан, кто-то буркнул сзади:

— Какого черта ты тут делаешь, Ричард?

Голос был знаком, да и лицо, когда я оглянулся, тоже. Однако мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто это, — пришлось не только рассеять пелену нескольких прошедших лет, но еще и заменить мысленно твидовый костюм военной формой. Когда я все это проделал, то так и подскочил от радости.

— Бернард, дорогой! — воскликнул я. — Вот уж поистине чудеса! Давай-ка выберемся из этой толкучки! — Я схватил его за руку и потащил в обеденный зал.

Этот человек возвратил меня в годы юности. Он вернул мне пляжи, Арденны, Рейхсвальд, Рейн. Приятная встреча. Я отправил официанта за новыми порциями выпивки. Потребовалось не менее получаса, чтобы наш энтузиазм поутих.

— Ты мне так и не ответил на вопрос, — напомнил он мне, внимательно приглядываясь. — Я ведь и понятия не имел, что ты связан с этими.

— С кем? — не понял я.

Он слегка кивнул головой в сторону бара.

— С прессой, — объяснил он.

— Ах, с этими! А я-то как раз гадал, кто они такие...

Одна бровь у Бернарда поползла вверх.

— Хорошо, если ты не с ними, тогда что ты тут делаешь?

— Да живу я здесь! — ответил я.

В этот момент в зал вошла Джанет, и я представил ей своего друга.

— Джанет, дорогая, это Бернард Уэсткотт. Был капитаном, когда мы вместе служили, потом я слышал, что он стал майором, а теперь?

— Полковник, — признался Бернард и вежливо поклонился.

— Очень приятно, — мило улыбнулась Джанет. — Я много слышала о вас, честное слово.

Она пригласила его позавтракать с нами, но он отказался, ответив, что у него дела и что он уже опаздывает. Сожаления Бернарда прозвучали вполне искренне, так что Джанет немедленно предложила:

— Тогда, может быть, вместе поужинаем? Или дома, если попадем туда, или тут, если все еще будем на положении ссыльных...

— Дома? — удивился Уэсткотт.

— В Мидвиче, — объяснила она. — Это милях в восьми отсюда.

Голос Бернарда чуточку изменился.

— Вы живете в Мидвиче? — спросил он, переводя взор с Джанет на меня. — И как давно?

— Да уж около года, — ответил я. — Нам бы давно полагалось вернуться, но...

Тут пришлось объяснять ему, каким образом мы оказались в «Орле». Когда я закончил рассказ, Уэсткотт немного поразмышлял, затем, похоже, принял решение и обратился к Джанет:

— Миссис Гейфорд, может быть, вы разрешите мне утащить вашего мужа с собой на некоторое время? Я прибыл сюда именно по делам Мидвича. Думаю, он может быть нам полезен, если захочет, конечно.

— Чтобы понять, что случилось, вы имеете в виду? — спросила Джанет.

— Ну, скажем, в связи с этим. Так каково твое мнение?

— Если смогу быть полезным — конечно. Хотя и не вижу... А кто такие «вы»?

— Объясню по дороге, — ответил Бернард. — Честно говоря, мне полагалось быть там уже час назад. Я бы не умыкнул вашего супруга таким манером, если б это не было столь важно, миссис Гейфорд. Вы тут без него не пропадете?

Джанет заверила его, что не пропадет.

— Еще одно, — добавил он, перед тем как уйти. — Не позволяйте никому из этой банды в баре приставать к вам. От-

шейте их, если полезут. Они тут обнаглели вконец, особенно когда узнали, что издателям запрещено касаться мидвичской истории. Поэтому — ни слова с ними. А вам я все расскажу потом.

— Идет. Умру от любопытства, но не сдамся. Можете на меня положиться, — согласилась Джанет, и мы ушли.

Командный пункт находился на дороге из Оппли, рядом с границей пораженной территории. У полицейской заставы Бернард показал свой пропуск. Дежурный констебль отдал честь, и мы беспрепятственно проследовали дальше. Молоденький офицер с тремя звездочками, комфортабельно расположившийся в палатке, очень обрадовался нашему прибытию, решив, что раз полковник Лэтчер инспектирует войска, то его обязанность — ввести нас в курс дела.

Судя по всему, птички в клетках уже завершили свою работу и были возвращены любящим, хотя и не слишком патриотически настроенным хозяевам.

— Наверняка нам достанется от Общества защиты животных, да и в суд на нас могут подать, если пичуги схватят простуду или что-то еще, — сказал капитан. — Но результат есть. — И он показал крупномасштабную карту, на которой ясно виднелась правильная окружность диаметром около двух миль, с церковью чуть южнее и восточнее ее центра.

— Вот так, — хмыкнул капитан. — Насколько нам известно, это не пояс, а круг. С наблюдательного пункта на колокольне в Оппли нигде никакого движения не видно, к тому же прямо на дороге возле кабачка лежит пара мужских тел, которые тоже не двигаются. А вот что это такое, мы так и не выяснили. Установлено, что преграда неподвижна, невидима, не имеет запаха, не регистрируется радарами или эхолотами, производит мгновенное действие на млекопитающих, птиц, рептилий и насекомых, причем это воздействие не оставляет побочных эффектов, во всяком случае, прямых, хотя, разумеется, люди в автобусе и другие, которым пришлось пробыть без сознания долгое время, чувствуют себя неважно из-за переохлаждения. Вот пока и все. Откровенно говоря, что бы это могло значить, мы, увы, не знаем!

Бернард задал ему несколько вопросов, которые почти ничего не прояснили, а потом мы направились на поиски полковника Лэтчера. Тот обнаружился очень скоро в обществе пожилого мужчины — начальника полиции графства Уиншир. Оба,

в сопровождении менее важных чинов, стояли на небольшом холмике, озирая окрестности. Вид сей группы напоминал гравюру XVIII века, изображающую генералов, наблюдающих за битвой, исход которой не слишком ясен. Только битва тут была невидимая.

Бернард представился и представил меня. Полковник внимательно оглядел Бернарда.

— А, — сказал он, — значит, это вы заявили мне по телефону, что все должно быть шито-крыто?

Прежде чем Бернард успел ответить, вмешался начальник полиции.

— Шито-крыто! Как бы не так! Часть территории графства — круг диаметром в пару миль — полностью изолирована этой штукой, а вы хотите, чтобы все держалось в секрете!

— Таков приказ, — ответил Бернард. — Служба безопасности...

— Да какого черта они думают...

Обмен мнениями прервал полковник Лэтчер, переведя разговор на деловые рельсы.

— Мы сделали все, что могли, объявив о начале тактических учений. Не очень надежное прикрытие, но на первое время сойдет. Что-то ведь надо сказать. Беда в том, что, возможно, это наше собственное устройство сработало не так, как положено. Теперь ведь все кругом засекречено, толком никто ничего не знает. Понятия не имеем, что творится у соседа, да и у нас самих — тоже. А все из-за этих ученых, которые в лабораториях занимаются какими-то своими делишками. Ну как можно справиться с тем, о чем сам не ведаешь? Скоро военной службой будут заправлять одни технари да колдуны.

— Все агентства новостей уже тут как тут, — ворчал начальник полиции. — Кой-кого из них мы выпроводили, но вы-то знаете, что это за народ! Уж как-нибудь, будьте уверены, они сюда просочатся, начнут повсюду совать носы, и придется их гнать в шею. А разве им заткнешь глотку!

— Это как раз вас беспокоить не должно, — ответил ему Бернард. — Министерство внутренних дел уже высказалось по этому вопросу. Конечно, они недовольны, но я думаю, смирятся. Все зависит от того, насколько страсть к сенсациям сильнее боязни неприятностей.

— Гм-м, — отозвался полковник, глядя на простиравшийся перед ним мирный пейзаж. — Я полагаю, что это будет зависеть

от того, покажется прессе наша таинственная Спящая Красавица занудой или же дамой с изюминкой.

В течение ближайших двух-трех часов появилось множество новых лиц, представлявших, видимо, интересы различных ведомств — военных и гражданских. Возле дороги в Оппли воздвигли еще одну большую палатку, где в 16.30 состоялось совещание. Открыл его полковник Лэтчер обзором ситуации. Времени это заняло немного. Как раз когда он заканчивал, прибыл командир эскадрильи. Он вошел с перекошенным от злости лицом и шмякнул на стол прямо под нос полковнику большой фотоснимок.

— Получайте, господа, — произнес он угрюмо. — Его цена — жизнь двух отличных парней и самолет. Нам еще повезло, что она не оказалась выше. Надеюсь, снимок стоит того.

Мы окружили стол и стали сопоставлять фото с картой.

— А это что такóе? — спросил майор из разведки, ткнув пальцем в снимок.

Объект, на который он показывал, представлял собой светлый овал, имевший, если судить по отбрасываемой им тени, форму перевернутой ложки. Начальник полиции наклонился, чтобы рассмотреть получше.

— Понятия не имею, — признался он. — Похоже на какое-то странное здание, только я лично был у руин аббатства всего лишь на прошлой неделе, и там ничего похожего не наблюдалось. Кроме того, аббатство — собственность Британской исторической ассоциации, а та ничего не строит — только реставрирует.

Кто-то, непрерывно переводя взгляд с карты на снимок и обратно, сказал:

— Чем бы ни был этот объект, он находится точно в центре пораженной зоны, и, если его там не было несколько дней назад, значит, он там приземлился недавно.

— Если это только не скирда, покрытая брезентом, — вмешался другой.

Начальник полиции прокряхтел:

— Поглядите на масштаб, дружище, и на фото. По величине эта штуковина больше дюжины скирд, вместе взятых.

— Тогда что же это за чертовщина? — вопросил майор.

Мы с помощью лупы по очереди изучали фотоснимок.

— А нельзя ли сделать снимок с меньшей высоты? — задал вопрос тот же майор.

— Именно так мы и потеряли самолет, — резко ответил ему командир эскадрильи.

— Как далеко эта... эта пораженная область простирается в высоту?

Командир эскадрильи пожал плечами.

— Чтобы понять, надо пролететь над Мидвичем. Вот это, — он постучал пальцем по фотоснимку, — снято с высоты десять тысяч футов. На этой высоте экипаж никакого влияния зоны не ощущал.

Полковник Лэтчер кашлянул.

— Двое моих офицеров выдвинули предположение, что область поражения имеет форму полусферы, — заметил он.

— Вполне возможно, — согласился командир эскадрильи, — а возможно, ромбоида или додекаэдра.

— Я так понимаю, — мягко продолжал полковник, — что они наблюдали за полетом птиц, пересекающих зону, и исходили из того, на какой высоте эти птицы теряли сознание. Они говорят, будто на границе круга зона поражения поднимается не вертикально, как стена, то есть это не цилиндр. Она закругляется к центру. Следовательно, это что-то вроде свода или конуса. По их мнению, скорее всего полусфера, но наблюдения проводились на слишком небольшом сегменте, чтобы утверждать наверняка.

— Что ж, это первая реальная помощь, которую мы получили за последнее время, — признал командир эскадрильи. И задумчиво добавил: — Если они правы насчет полусферы, то высота над центром круга должна составить около пяти тысяч футов. А нет ли у них какой-нибудь идеи, как это выяснить, не подвергая опасности летчиков?

— Фактически, — сказал несколько неуверенно полковник Лэтчер, — у одного из них есть. Он предположил, что, возможно, вертолет со спущенной на тросе длиной в несколько сот футов птичьей клеткой с канарейкой мог бы... Ну, я понимаю, что звучит это...

— Нет, — возразил капитан, — это мысль! Вероятно, тот самый парень, благодаря которому установлены границы круга?

— Тот самый, — кивнул полковник Лэтчер.

— Ишь ты, какой спец по орнитологической войне, — прокомментировал командир эскадрильи. — Нам, вероятно, удастся придумать что-нибудь получше канарейки, но за идею спасибо. Однако сегодня уже поздно. Завтра утром сделаем снимок с меньшей высоты и в косых солнечных лучах.

Тут выступил майор разведки.

— А может, бомбы? — сказал он, просыпаясь. — Скажем, осколочные?

— Бомбы? — переспросил командир эскадрильи, заламывая бровь.

— Стоило бы продумать на всякий случай. Кто знает, чего можно ожидать от этих гостей? Может, все же стоит подготовиться? На случай, если они попробуют удрать? Трахнуть их хорошенько, но так, чтобы осталось, что исследовать.

— Не слишком ли решительно? — поморщился начальник полиции. — Я так понимаю, объект лучше заполучить целым.

— Верно, — согласился майор, — но пока мы позволяем им делать то, ради чего они сюда заявились, а от нас они отгородились этой стеной.

— Не понимаю, зачем им понадобился Мидвич, — вмешался другой офицер. — Думаю, это вынужденная посадка, и «завеса» используется для того, чтобы предотвратить наше вмешательство, пока не закончатся ремонтные работы.

— Но ведь там Грейндж, — сказал кто-то с намеком в голосе.

— В любом случае, чем скорее мы получим полномочия вывести эту штуку из строя, тем лучше, — продолжал майор. — Нечего ей здесь болтаться! Главное, не дать им улизнуть. Слишком уж аппетитная штучка. Не говоря уже о самом объекте, эта защита может оказаться для нас весьма полезна. Я предлагаю принять меры для захвата объекта, если возможно — целым, а нет — так в любом виде.

Завязалась дискуссия, результаты которой были весьма скромны, поскольку все участники имели полномочия лишь наблюдать и доложить по начальству. Единственное решение, которое мне запомнилось, касалось пуска осветительных ракет на парашютах с часовым интервалом для наблюдения за Мидвичем ночью да еще подготовки вертолета к завтрашнему утру с целью получения информации. Других решений не последовало.

Я никак не мог взять в толк, зачем я тут болтаюсь, равно как и к чему здесь Бернард, который не внес в работу совещания ни малейшего вклада. По дороге обратно я спросил:

— Слушай, а ты-то что здесь делаешь?

— Ну, у меня тут интерес профессиональный.

— Грейндж? — осведомился я.

— Да, Грейндж входит в мою компетенцию, и, естественно, нас занимает все, что происходит вокруг лаборатории. А это происшествие нельзя назвать ординарным, не так ли?

«Нас», как я понял, еще когда он представлялся перед совещанием, означало либо военную разведку вообще, либо какой-то ее отдел.

— Я думал, — сказал я, — что подобными делами занимается Специальная служба*.

— Ну, тут многое зависит от обстоятельств, — туманно ответил он и перевел разговор на другое.

В «Орле» Бернарду удалось получить номер, и мы поужинали втроем. Я надеялся, что после ужина он выполнит свое обещание «пояснить все попозже», однако, хотя мы переговорили о многом, включая Мидвич, Бернард явно избегал даже упоминания о своих профессиональных интересах. Тем не менее вечер получился приятный, и, когда ужин кончился, у меня осталось чувство недоумения, как можно столь легкомысленно позволять некоторым людям исчезать из твоей жизни.

В течение вечера я дважды звонил в полицию Трайна, чтобы узнать, не произошло ли изменений в мидвичской ситуации, но оба раза получил ответ, что все по-прежнему. После второго звонка мы решили больше не ждать и, выпив на посошок, разошлись по своим комнатам.

— Приятный человек, — подвела итог вечеру Джанет, закрывая дверь. — Я опасалась, не получится ли встреча ветеранов, как всегда, унылой для жен, но твой приятель не дал этому произойти. А зачем он брал тебя с собой днем?

— Это меня и интересует, — признался я. — Видимо, у него были какие-то свои соображения, но, когда дело дошло до них, он стал особенно сдержан.

— Как странно, — сказала Джанет так, будто эта мысль только сейчас пришла ей в голову, — неужели ему нечего было сказать нам об этом деле?

— Ни ему, ни остальным, — заверил я ее. — Собственно говоря, они узнали только то, что мы и сами могли бы им сказать: когда «завеса» ударяет по тебе, ты ничего не ощущаешь, зато потом никаких последствий не остается.

— Только это и утешает. Будем надеяться, что и в деревне никому не придется хуже, чем нам.

Утром, когда мы еще спали, офицер метеослужбы дал прогноз, что туман в Мидвиче развеется очень рано, и два летчика

* Отдел Департамента уголовного розыска, осуществляющий функции политической полиции.

сели в вертолет. Им вручили проволочную клетку с двумя прыткими, но крайне недовольными хорьками. Машина с ревом взмыла в воздух.

— Они считают, что на шести тысячах футов безопасно. Поэтому начнем с семи... так, на всякий случай. И если все о'кей, будем постепенно снижаться.

Наблюдатель уже кончил возиться со своим оборудованием и развлекался, дразня хорьков, пока пилот не скомандовал:

— Готов. Можешь спускать клетку. Сделаем попытку пересечения на семи тысячах.

Клетку просунули в дверь. Наблюдатель вытравил около трехсот футов троса. Машина развернулась, и пилот уведомил Землю, что к первому полету над Мидвичем готов. Наблюдатель лег на пол и стал наблюдать за хорьками в бинокль.

С теми все обстояло благополучно, они носились по клетке и прыгали друг через друга. Наблюдатель отвел бинокль от глаз и повернулся к пилоту:

— Эй, шкипер!

— Да?

— Эта штуковина, которую нам надо было снять возле аббатства...

— Ну?! Что с ней?

— Она либо мираж, либо куда-то смылась.

ГЛАВА 5

Мидвич воскресает

Почти в то же время, когда на вертолете сделали свое открытие, пикет на дороге из Стауча в Мидвич осуществил приблизительное тестирование зоны. Командовавший здесь сержант швырнул кусок сахара через белую линию на земле и внимательно наблюдал, как псина, к ошейнику которой был пристегнут длинный поводок, кинулась за ним, схватила сахар и с хрустом сожрала.

Сержант с минуту глядел на пса, потом подошел к линии поближе. Здесь он в нерешительности задержался, а потом шагнул вперед и уже более уверенно сделал еще несколько шагов. Стайка грачей с громкими криками пролетела над его головой.

Он проследил взглядом, как они исчезали в направлении Мидвича.

— Эй, связист! — крикнул сержант. — Доложи на командный пункт в Оппли. Пораженная зона сократилась, а может, и вовсе исчезла. Подтвердим, когда проведем дополнительную проверку.

За несколько минут до этого Гордон Зиллейби с трудом пошевелился и издал что-то похожее на стон. Он понимал, что лежит на полу, а комната, которая только что была ярко освещена и хорошо протоплена (может быть, даже излишне хорошо), погружена во тьму и холод. В темноте слышалось какое-то шевеление. Потом раздался дрожащий голос Феррилин:

— Что случилось?.. Папа?.. Анжела?.. Где вы все?..

Зиллейби попытался привести в движение закоченевшую челюсть. Говорить было больно.

— Я здесь... прямо умираю от холода... Анжела, родная...

— И я здесь, Гордон, — раздался другой дрожащий голос где-то совсем рядом.

Он протянул руку и нащупал что-то, однако пальцы, онемевшие от холода, так и не смогли определить, что это такое. В другом конце комнаты кто-то шуршал.

— Господи, да я же совсем окоченела! О-о-ох! Боже! — жаловалась Феррилин. — О-о-ой! Даже ноги не мои! Эй! Это что еще за стук?!

— Это, кажется, мои з-з-зубы, — с усилием выговорил Зиллейби.

Еще шум, кто-то споткнулся. Потом звякнули портьерные кольца на окне и комнату осветил серый рассвет.

Взор Зиллейби обратился к камину. В глазах его читалось изумление. Всего минуту назад он сунул туда целое полено, а теперь там не было ничего, кроме стылого пепла. Анжела, сидевшая на ковре рядом с ним, и Феррилин у окна тоже уставились на камин.

— Какого... — начала было Феррилин.

— Может, шампанское виновато? — предположил Зиллейби.

— Ну, ты уж скажешь, папочка!

Хотя протестовал каждый сустав, Зиллейби попытался встать. Было больно, и на время он отказался от дальнейших попыток. Феррилин на негнущихся ногах наконец добралась до камина. Прикоснулась к нему ладонью и постояла, дрожа.

— Давно остыл, — сказала она.

Теперь Феррилин потащилась к стулу с лежащей на нем «Таймс», но замерзшие пальцы никак не могли ухватить бумагу. Она с негодованием посмотрела на газету и все же умудрилась зажать ее между ладоней и сунуть в камин. Потом, действуя обеими руками, сумела взять из ведра несколько лучинок и бросить их поверх газеты. Попытка зажечь спичку довела ее почти до слез.

— Пальцы не слушаются, — хныкала Феррилин в полном расстройстве.

Пытаясь зажечь хоть одну спичку, она просыпала их на поддон. Наконец, когда она стала тереть об разбросанные спички весь коробок, какая-то спичка вспыхнула. От нее загорелась и другая. Феррилин подтолкнула их к торчащей из камина газете. Та тут же занялась и пламя расцвело как восхитительный цветок.

Анжела встала и, волоча ноги, добралась до камина. Зиллейби проделал тот же путь на четвереньках. Затрещали лучинки. Все склонились над огнем, ловя руками живительный жар. Окоченевшие пальцы стало слегка покалывать.

Зиллейби возрождался к жизни.

— Странно, — процедил он сквозь зубы, которые все еще срывались на стук. — Странно, что мне потребовалось дожить до такого возраста, чтобы понять причину незыблемости религии огнепоклонников.

На дорогах в Оппли и Стауч громко ревели моторы — их прогревали. Двумя потоками в Мидвич вливались машины «скорой», пожарные машины, джипы и военные грузовики. Гражданские транспортные средства останавливались, из них выскакивали пассажиры. Военные машины следовали к Хикхэмлейн, направляясь к аббатству. Исключением из обеих категорий был маленький красный автомобильчик, который свернул и, подпрыгивая, помчался по подъездной дорожке Кайл-Мэнора, где и замер у крыльца, подняв в воздух фонтаны гравия.

Алан Хьюэс ворвался в кабинет Зиллейби, выхватил Феррилин из группы сгрудившихся у огня людей и прижал к себе.

— Дорогая! — воскликнул он, все еще задыхаясь. — Дорогая! Ты жива?

— Дорогой! — отозвалась Феррилин, как будто это был ответ на вопрос.

После нескольких минут тишины Гордон Зиллейби заметил:

— С нами тоже все в порядке, хотя, надо сказать, мы поражены. И еще окоченели. Вам не кажется...

Алан обернулся и впервые осознал, что тут вся семья.

— Что... — начал он и замолчал, так как в это мгновение зажглось электричество. — Чудесно! — обрадовался он. — Сейчас попьем чего-нибудь горяченького! — И исчез, увлекая за собой Феррилин.

— Попьем горяченького! — пробормотал Зиллейби. — Сколько музыки в одной этой простенькой фразе!

Когда мы спустились к завтраку в восьми милях от Мидвича, нас ожидали новости, что полковник Уэсткотт отбыл два часа назад и что Мидвич проснулся, как то и положено делать утром.

ГЛАВА 6

Мидвич приходит в себя

На дороге из Стауча все еще стоял полицейский пост, но как жителей Мидвича нас пропустили без задержки, и мы, миновав местность, которая выглядела вполне обыденно, без всяких приключений добрались наконец до своего коттеджа.

Мы уже гадали насчет того, в каком виде застанем дом, но оказалось, что тревожиться не было нужды. Коттедж стоял целехонький и выглядел точно таким же, каким мы его оставили. Мы вошли и принялись хозяйничать, как делали бы это накануне, не находя никаких изъянов, ну разве что молоко в холодильнике скисло, так как электричество отключалось.

Уже через полчаса вчерашние тревоги стали казаться приснившейся нелепицей, а когда мы вышли пройтись и переговорили с соседями, то обнаружили, что у тех, кто провел эти ночи в Мидвиче, ощущение нереальности происшедшего было еще более глубоким.

И ничего удивительного — как нам указал мистер Зиллейби, представления мидвичцев о происшедшем сводились к тому, что они почему-то вечером не легли в постель, а утром проснулись от холода. Все остальное — досужие вымыслы. Трудно поверить, что из-за провала в памяти они пропустили целый

день; с другой стороны, не мог же весь мир ошибаться! Однако, что касается самих мидвичцев, они в этом не видели ничего интересного, поскольку обязательная предпосылка интереса — наличие интересующегося сознания.

Поэтому Мидвич решил просто не учитывать случившегося и как бы забыл об отнятом у него дне, который стал теперь рассматриваться как день, пролетевший с непривычной быстротой.

Впоследствии такая позиция оказалась исключительно удобной, поскольку происшествие — даже если оно и не находилось под прицелом закона о секретности — на данном отрезке времени вряд ли могло стать газетной сенсацией. В общем, аромат-то от него исходил сенсационный, но начинки явно недоставало. Конечно, имели место одиннадцать смертельных исходов, а из этого кое-что можно было бы состряпать, но даже в них не хватало пикантных деталей; что же касается рассказов потерпевших, то они отличались прискорбным однообразием, ибо рассказывать, по сути дела, было нечего, кроме как о пробуждении в полузамерзшем виде.

Поэтому мы получили возможность подсчитать свои потери, зализать раны и вообще без всякого вмешательства со стороны приспособиться к последствиям того, что позже получило название Потерянного дня.

Вот наша убыль: мистер Уильям Транк, батрак, его жена и ребенок, сгоревшие вместе со своим домом; пожилая чета Стигфилдов, также погибшая в результате пожара; еще один батрак, Герберт Флэгг, найден умершим от переохлаждения в странной и подозрительной близости от коттеджа миссис Гарриман, чей муж в это время работал в пекарне; Гарри Кранкхарт — один из двух мужчин, замеченных наблюдателем с колокольни в Оппли у входа в «Косу и камень» — также погиб от холода, остальные четверо — старики, у которых ни сульфамиды, ни пенициллин не смогли предотвратить развития пневмонии.

Мистер Либоди на следующее воскресенье в переполненной церкви отслужил молебен во здравие всех остальных, и это, плюс последние по счету похороны, утвердило за всем, что произошло, ауру чего-то в действительности не имевшего места.

Правда, неделю или около того в Мидвиче околачивались военные, часто приезжали и уезжали служебные машины, но военные интересовались не самой деревней, а потому особого беспокойства не причиняли. Их внимание было сфокусировано на местности вблизи аббатства, где поставили пост, охранявший глубо-

кую выемку в земле, выглядевшую так, будто недавно тут покоилось нечто очень тяжелое. Инженеры производили замеры, делали кроки, фотографировали. Техники разных специальностей ползали по выемке взад и вперед, таская миноискатели, счетчики Гейгера и другую сложную аппаратуру. Затем, совершенно неожиданно, военные потеряли к яме интерес и уехали.

Расследования в Грейндже продолжались немного дольше, и среди тех, кто их вел, был и Бернард Уэсткотт. Он несколько раз заглядывал к нам, но о том, что происходит, молчал, а мы никаких вопросов не задавали. Мы знали не больше других мидвичцев. «Интересы безопасности» наложили лапу на всю информацию.

Вплоть до того дня, когда работы были свернуты, а Бернард объявил о своем намерении утром отбыть в Лондон, он так и не обмолвился о Потерянном дне и его последствиях. И вдруг вечером, после минутной паузы в разговоре, он произнес:

— У меня есть предложение для вас обоих. Если, конечно, вы согласитесь меня выслушать до конца.

— Послушаем — поглядим, — ответил я.

— В общем, речь идет вот о чем: мы считаем нужным какое-то время присматривать за деревушкой, чтобы знать, что тут происходит. Можно было бы внедрить сюда своего человека, однако против этого есть возражения. Во-первых, ему бы пришлось начинать с нуля, во-вторых, для того чтобы чужаку войти в курс жизни деревни, требуется время; в-третьих, сомнительно, чтобы на данном этапе нам удалось доказать начальству необходимость посылки сюда опытного работника на полную ставку, а если он тут будет находиться не все время, то опять же сомнительно, сможет ли он собрать нужные данные. Если же, с другой стороны, нам удалось бы найти кого-то надежного и уже знакомого с местной жизнью и людьми, чтобы он сообщал нам о всех событиях, это было бы лучше во всех отношениях.

Я с минуту думал.

— Во всяком случае, на слух — звучит не очень, — ответил я. — Хотя многое зависит от важности прогнозируемых событий.

Джанет отозвалась с холодком в голосе:

— Звучит это так, будто нам предлагают следить за своими друзьями и соседями. Думаю, профессиональный шпион вам подойдет больше.

— Здесь, — поддержал я ее, — наш дом.

Бернард кивнул, будто ничего другого и не ждал.

— Вы считаете себя частью этой общины? — спросил он.

— Мы стараемся быть ею, и, кажется, нам это удается.

— Это хорошо, — он снова кивнул, — то есть хорошо в том случае, если вы чувствуете, что у вас есть перед общиной определенные обязательства. Последнее совершенно необходимо. С такой работой может справиться лишь тот, кто хочет деревне добра и готов активно добиваться этой цели.

— Не вижу связи. Деревня прожила вполне благополучно много столетий без подобного надзора. Я хочу сказать, что ей вполне хватало стараний самих жителей.

— Да, — признал Бернард, — верно. Но лишь до нынешнего дня. Теперь Мидвич нуждается в защите со стороны, и он ее получит. Мне кажется, шансы сделать эту защиту оптимальной полностью зависят от того, получим ли мы необходимую информацию.

— Какая еще защита? И от кого?

— Пока главным образом от любопытствующих, — ответил Бернард. — Ты же, надо думать, не считаешь случайностью, что мидвичский Потерянный день не был размазан на газетных страницах в тот же самый час, когда он потерялся? Или что набег журналистов всех мастей, которые бы принялись совать носы во все дыры Мидвича сразу после снятия «стены», не состоялся сам по себе?

— Нет, конечно, — ответил я. — Разумеется, я понимаю, что тут действовала Служба безопасности. Да ты и сам мне об этом говорил, так что я нисколько не удивился. Я ведь не знаю, чем занимаются в Грейндже, хотя полагаю, что это секрет.

— Но ведь не один Грейндж уснул, — уточнил Бернард, — заснуло все, что было в радиусе мили вокруг.

— Включая Грейндж! Лаборатория-то, вероятно, была главной целью! Наверное, штуковина, которая устроила все это, не могла действовать на меньшее расстояние или эти люди — кто бы они там ни были — считали необходимым подстраховаться и заблокировать площадь побольше.

— Так считают в деревне? — спросил Бернард.

— Большинство — да, но есть варианты.

— Вот такие вещи меня и интересуют. Они все относят на счет Грейнджа, не так ли?

— Конечно. А какая же еще может быть причина? Не Мидвич же?

— Ну а если я скажу вам, что у меня есть основания считать, что Грейндж не имеет к делу ни малейшего отношения? И что наши очень тщательные расследования полностью это подтверждают?

— Тогда вся эта история оказывается полнейшей чепухой! — запротестовал я.

— Конечно, нет, если не считать несчастный случай видом чепухи.

— Несчастный случай? Ты говоришь о вынужденной посадке?

— Этого я не знаю. — Бернард пожал плечами. — Возможно, случайность заключается в том, что Грейндж оказался там, где произошла посадка. Но я говорю о другом: почти все жители деревни подверглись странному и неизвестному воздействию. А теперь и вы, и все прочие считаете, что все кончилось и кануло в вечность без следа. Почему?

Мы с Джанет с удивлением уставились на Бернарда.

— Ну, — сказала она, — эта штука ведь возникла и исчезла, так почему бы и нет?

— Что ж, по-вашему, она просто прилетела, отдохнула и улетела, не оставив никаких последствий?

— Не знаю. Никакого видимого воздействия, кроме, разумеется, смертельных исходов, а сами погибшие, к счастью, тоже ничего не ощутили, — ответила Джанет.

— Никакого видимого воздействия, — повторил Бернард. — В нашем обиходе это подразумевает многое. Вы можете, например, получить большую дозу рентгеновского облучения, или жесткого гамма-облучения, или еще какого-нибудь без всякого видимого внешнего эффекта. Не стоит особенно волноваться, но, похоже, это именно такой случай. Если бы упомянутые виды излучений были применены, мы бы это обязательно обнаружили. Однако есть нечто неизвестное нам, способное вызвать то, что я для простоты назову искусственным сном. Пока он кажется странным феноменом, необъяснимым и не вызывающим особого беспокойства. Неужели вы полагаете, что поверхностное мнение, будто столь важное событие просто произошло себе и не стоит ломать над ним голову, оправданно? Не правильнее ли понаблюдать за тем, что происходит, дабы убедиться, так это на самом деле или нет?

Джанет чуть смягчилась:

— Вы хотите, чтобы мы или кто-то другой именно этим и занялись для вас? Чтоб искали и отмечали какие-то последствия облучения?

— Мне нужны надежные источники информации о Мидвиче в целом. Я хочу знать во всех деталях о том, как тут идут дела. Для того чтобы, если возникнет необходимость предпринять какие-то шаги, я знал все обстоятельства и мог бы в нужный момент действовать с открытыми глазами.

— Это звучит так, будто речь идет о помощи в случае несчастья, — сказала Джанет.

— В некотором роде так и есть. Мне нужны регулярные отчеты о состоянии здоровья Мидвича, его разума и морали, чтобы я мог по-отцовски приглядывать за ним. Здесь нет ничего похожего на шпионаж. Мне нужны сведения, чтобы действовать в интересах Мидвича, когда это окажется необходимым.

С минуту Джанет смотрела ему прямо в глаза.

— Но все-таки вы чего-то боитесь, Бернард?

— Разве я стал бы делать вам такое предложение, если бы знал чего? — парировал он. — Я просто принимаю меры предосторожности. Мы не знаем, что это за штука и как она тикает. Мы не можем установить здесь карантин, не имея доказательств его необходимости. Но мы должны искать такие доказательства. Вы должны, во всяком случае. Итак, что скажете?

— Не знаю, — признался я. — Дай нам подумать денек-другой, и я тебе сообщу.

— Ладно, — согласился Бернард. И мы заговорили о другом.

В течение нескольких последующих дней мы с Джанет не раз возвращались к этой проблеме. В позиции Джанет произошли заметные изменения.

— Что-то он не договаривает, я просто уверена, — говорила она. — Но что именно?

Я не знал.

— Но ведь это совсем не то, что следить за каким-то определенным лицом?

Я соглашался.

— Ведь, по существу, это та же работа, которую делают чиновники социальной службы министерства здравоохранения, не так ли?

Довольно близко, думал я.

— Если мы не согласимся, он начнет искать кого-то другого. В нашей деревне я лично не знаю никого подходящего. А если он внедрит сюда чужака, это будет и плохо, и неэффективно, не правда ли?

Я тоже считал, что так оно и будет. Поэтому, памятуя о стратегическом положении мисс Огл в почтовом отделении, я вместо

телефонного звонка написал Бернарду, сообщив, что мы считаем дорогу к сотрудничеству открытой, если нас удовлетворят результаты обсуждения некоторых деталей. В ответе Бернарда предлагалось встретиться во время нашего очередного визита в Лондон. Письмо никак не свидетельствовало о спешке, оно просто выражало желание, чтобы мы держали ухо востро.

Так мы и сделали. Но материала для ушей и глаз было маловато. Через полмесяца после Потерянного дня на глади мидвичского покоя остались лишь крошечные морщинки.

Ничтожное меньшинство, считавшее, что «интересы безопасности» украли у них общенациональную славу и фотографии в газетах, успокоилось. Остальные же только радовались, что вмешательство в их образ жизни извне оказалось не слишком заметным. Чаще всего общественное мнение связывало вторжение с наличием Грейнджа и его обитателей. Они полагали, что Потерянный день так или иначе увязан с лабораторией, что, если бы не ее таинственная деятельность, с Мидвичем такого вообще не произошло бы. Другие же расценивали влияние Грейнджа как нечто благословенное.

Мистер Артур Гримм, директор лаборатории, арендовал один из коттеджей, принадлежавших Зиллейби, и последний, встретив как-то директора, выразил мнение большинства, что деревня очень многим обязана ученым.

— Если бы не ваше присутствие и вытекающее из этого отношение Службы безопасности, — сказал Зиллейби, — мы, безусловно, претерпели бы больше неудобств от прессы, чем от самого Потерянного дня. В нашу личную жизнь вмешались бы, а наша деликатность подверглась бы давлению со стороны трех современных фурий — жуткого союза печатного слова, слова, записанного на пленку, и киношников. Итак, несмотря на испытанные вами неудобства, которые я полагаю весьма значительными, вы можете принять нашу благодарность за то, что стиль жизни Мидвича не только уцелел, но и почти не пострадал.

Мисс Полли Растон — почти единственная «чужестранка», ставшая участницей этих событий, завершив свой отдых у дяди с теткой, вернулась домой в Лондон. Алан Хьюэс, к своему неудовольствию, узнал, что он не только получил неожиданный перевод в Северную Шотландию, но и будет уволен со службы несколькими неделями позже, чем рассчитывал. Поэтому большую часть времени он был занят перепиской со своей полковой канце-

лярией, а остальные дни, по-видимому, посвящал обмену письмами с мисс Зиллейби. Миссис Гарриман — супруга пекаря — изобрела целую серию неубедительных версий касательно факта пребывания тела Герберта Флэгга в ее палисаднике, после чего перешла в атаку и взвалила на мужа тяжкий груз как имевших место, так и воображаемых грехов. Почти все шло как обычно.

Таким образом, спустя три недели происшедшее стало достоянием истории. Даже новые могильные памятники на кладбище над телами усопших в результате известного события казались возникшими там в силу естественного хода вещей. Новоявленная вдова миссис Кранкхарт чувствовала себя превосходно и не давала повода считать, что новое положение тяготит или угнетает ее.

Сейчас я столкнулся с определенным техническим затруднением, поскольку, как я уже говорил, это не рассказ обо мне, а история Мидвича. Если бы я излагал информацию в том порядке, как она до меня доходила, пришлось бы скакать взад и вперед по ходу событий, в результате чего получилась бы недоступная для понимания каша из отдельных отрывочных эпизодов, где следствия предшествуют причинам. Поэтому мне придется переаранжировать свой рассказ, невзирая на время получения тех или иных сведений, и изложить все в хронологическом порядке. Если такой подход натолкнет кого-то на мысль о сверхъестественной проницательности рассказчика, читатель должен помнить, что все изложенное есть продукт умозаключений, сделанных задним числом.

Так, например, вовсе не сразу, а путем позднейшего анализа событий было установлено, что вскоре после возвращения деревушки к якобы нормальной жизни на фоне общего спокойствия возникли некие водовороты локального направления. Какие-то очаги тревоги, пока еще изолированные и никем не признанные. Это произошло где-то в ноябре, может быть, в начале декабря, хотя возможно, что в некоторых семьях и раньше. Появление этих очагов приблизительно совпадает со временем, когда мисс Феррилин Зиллейби в своей почти ежедневной переписке с Аланом Хьюэсом отметила, что ее казавшиеся необоснованными подозрения внезапно подтвердились.

В письме, не отличавшемся логичностью, она объясняла или, вернее сказать, намекала, что не в силах понять, как это может быть, и, согласно тому, что ей известно, этого просто не могло

произойти, потому что, как ни странно, но, по всей видимости, она каким-то таинственным способом забеременела, хотя слово «по-видимому» тут неуместно, так как сомнений никаких нет. Поэтому не может ли Алан получить отпуск на уик-энд — ей кажется, что о таком развитии событий следует поговорить.

ГЛАВА 7
Начало событий

Фактически, как показало дальнейшее расследование, Алан был не первым, кто выслушал исповедь Феррилин. Ее беспокойство и удивление возникли, разумеется, не в момент написания письма, и за два-три дня до того она решила, что настало время обсудить это дело в семье: во-первых, Феррилин нуждалась в совете и объяснении, которого она не смогла найти ни в одной из прочитанных ею книг, а во-вторых, это показалось ей более достойным, чем молчать до тех пор, пока кто-нибудь не заподозрит правду.

Анжела, решила она, лучше всех подойдет для того, чтобы поделиться... Мамочка, конечно, тоже, но с ней можно и попозже, когда все наладится, — события выглядели как раз такими, вокруг которых мамочка могла развить бешеную деятельность.

Решение было, однако, легче принять, чем выполнить. Утром в среду план Феррилин окончательно оформился: днем, выбрав спокойный часок, она тихонько отведет Анжелу в сторону и объяснит ей ситуацию...

К сожалению, в среду, по-видимому, члены семьи были так заняты, что спокойного часа не нашлось. Утро четверга по каким-то причинам тоже оказалось неудобным, а днем у Анжелы было собрание в Женском обществе, из-за которого она вечером выглядела чересчур усталой. В пятницу днем выпал было подходящий момент, но и он оказался не очень удобным для разговора, так как папочка водил по саду гостя, приехавшего к завтраку, и нужно было подготовиться к приему.

Вот так, одно за другим, и утром в субботу Феррилин встала с постели, так и не поделившись ни с кем своим секретом. «Обязательно надо поговорить с Анжелой сегодня, даже если

время покажется и не совсем подходящим. А то так может продолжаться неделями», — сказала она себе твердо, завершая свой утренний туалет.

Гордон Зиллейби уже заканчивал завтрак, когда в столовую вошла дочь. Он рассеянно принял ее утренний поцелуй и тут же удалился по своему обычному маршруту — быстрый обход сада, потом — кабинет, где шла работа над очередным «Трудом».

Феррилин съела корнфлекс, выпила кофе и принялась за яичницу с беконом. С трудом проглотив несколько маленьких кусочков, она отодвинула тарелку так резко, что вывела Анжелу из состояния глубокой задумчивости.

— В чем дело? — спросила Анжела со своего конца стола. — Яйца несвежие?

— О, с яйцами полный порядок, — ответила Феррилин. — Но сегодня они у меня как-то не идут.

Анжелу эти соображения, по-видимому, не заинтересовали, хотя Феррилин надеялась, что она спросит почему. Внутренний голос подсказывал Феррилин: «Давай сейчас! В конце концов, не все ли равно когда?» Она набрала в легкие побольше воздуха и, стараясь смягчить новость, произнесла:

— Знаешь, Анжела, меня сегодня утром стошнило.

— Вот как? — отозвалась мачеха и замолкла, потянувшись к масленке. Продолжая готовить бутерброд с мармеладом, она добавила: — Меня тоже. Ужасно, правда?

Теперь, раз дорога была проложена, Феррилин решила идти по ней до конца. Она продолжала, сжигая за собой мосты:

— Мне кажется, это не простая тошнота. У меня такая тошнота, которая бывает у женщин, когда они беременны, понимаешь ли.

Анжела бросила на нее долгий взгляд, осмотрела ее с задумчивым интересом и медленно кивнула.

— Понимаю, — сказала она, очень тщательно намазывая масло на хлеб и накладывая сверху мармелад. Затем снова глянула на Феррилин. — У меня то же самое.

У Феррилин приоткрылся рот, а глаза полезли на лоб. К собственному удивлению и стыду, она почувствовала себя шокированной. Но... собственно, почему бы и нет... Анжела только на шестнадцать лет старше ее самой... так что все естественно... Только... ну, как-то очень уж внезапно... в конце концов, папочка по первому браку уже трижды дед, и казалось бы...

Анжела такая милочка и так нравится Феррилин... она ей как старшая сестра. Надо как-то привыкать к ситуации.

Феррилин все еще глядела на Анжелу, будучи не в состоянии придумать, о чем говорить дальше, так как события развивались в совершенно неожиданном направлении.

Анжела же Феррилин не видела. Она смотрела поверх ее головы куда-то за окно, разглядывая нечто гораздо более далекое, чем голые качающиеся ветви каштана. Ее темные глаза блестели, можно сказать, сияли. Сияние все усиливалось и вдруг превратилось в две капли, засверкавшие на ресницах. Капли набухли, перелились через край и побежали по щекам.

Феррилин оцепенела. Еще ни разу ей не приходилось видеть Анжелу плачущей. Не тот она человек, чтобы...

Анжела наклонилась и спрятала лицо в ладонях.

Феррилин вскочила, будто с нее сняли заклятие, подбежала к мачехе, обняла ее и почувствовала, что та вся дрожит. Она прижала Анжелу к груди, гладила ее волосы и говорила тихие успокаивающие слова.

Во время последовавшей паузы Феррилин никак не могла освободиться от ощущения, что произошло нечто вроде сбоя в распределении ролей. Не то чтобы они полностью поменялись местами, ибо у нее не было ни малейшего намерения рыдать на груди Анжелы, но все происходило как будто во сне.

Вскоре, однако, Анжела перестала вздрагивать. Дыхание ее стало спокойным, и наконец она принялась за поиски носового платка.

— Фу!.. Извини, я такая дура, но, понимаешь, я очень счастлива!

— О! — отозвалась Феррилин в полной растерянности.

Анжела высморкалась и вытерла глаза.

— Пойми, — сказала она, — я даже не смела в это поверить. А вот сказала другому человеку — и все приобрело черты реальности. Мне ведь всегда хотелось иметь ребенка, но ничего не получалось ни сначала, ни потом, и я стала думать... ну, в общем, решила, что надо об этом забыть навсегда и постараться примириться с мыслью... А теперь, когда это случилось, я... — И она снова заплакала — тихо и умиротворенно.

Через несколько минут она собралась с силами, в последний раз прижала к глазам скомканный платок и решительно убрала его.

— Ну, с этим покончено. Вот уж не думала, что мне понадобится хорошенько выплакаться, а ведь помогло, и еще как! —

Она взглянула на Феррилин. — Какая же я все-таки эгоистка, ты уж извини меня, дорогая.

— Ох, это не важно. Я так рада за тебя, — сказала Феррилин, как ей казалось, от полноты души, ибо, в конце концов, кто-то должен сохранять спокойствие. После небольшой паузы она продолжала: — Что касается меня, то плакать меня не тянет, но я немного испугана...

Это слово пробудило внимание Анжелы и отвлекло ее от мыслей о себе. От Феррилин она никак не ожидала подобной реакции. Анжела внимательно посмотрела на падчерицу, будто вся сложность положения только теперь дошла до нее.

— Испугана, дорогая? — повторила она. — Ну, я думаю, что для этого никаких оснований нет. Разумеется, то, что произошло, не совсем соответствует прежним правилам, но не станем же мы разыгрывать из себя пуритан. Первым делом надо убедиться, что ты не ошиблась.

— Я не ошиблась, — мрачно ответила Феррилин. — Хотя ничего не понимаю. С тобой все иначе — ты замужем, и все такое...

Анжела пропустила это мимо ушей. Она продолжала:

— А затем надо известить Алана...

— Да, я тоже так думаю, — ответила Феррилин без большого энтузиазма.

— Разумеется. И не нужно ничего бояться. Алан тебя не бросит. Он же обожает тебя!

— Ты в этом уверена, Анжела? — В голосе Феррилин звучало сомнение.

— Ну конечно же, дорогая. Стоит только взглянуть на него. Конечно, все это несколько нетрадиционно, но я не удивлюсь, если он придет в восторг. Да. Так и будет, безусловно... Ох! Феррилин, что с тобой?! — Она замолкла, увидев выражение лица Феррилин.

— Ты... ты не понимаешь, Анжела! Ребенок не от Алана!

Выражение симпатии исчезло с лица мачехи, оно стало ледяным. Медленно Анжела стала подниматься со стула.

— Нет! — вскрикнула в отчаянии Феррилин. — Ты не поняла! Это не так! Вообще никого не было! Вот почему я так боюсь!..

В течение двух последовавших недель три молодые обитательницы Мидвича попросили мистера Либоди о конфиденциальной встрече. В свое время он крестил этих девушек и хоро-

шо знал их родителей. Это были хорошие, сметливые и вовсе не невежественные девушки. И каждая из них сказала ему: «Никого не было, викарий. Вот почему я боюсь...»

Когда Гарриман — пекарь — случайно узнал, что его жена побывала у доктора, он вспомнил, что тело Герберта Флэгга было найдено в палисадничке его дома, и избил свою жену, хотя та и отрицала со слезами, что Герберт Флэгг входил в ее дом и что она имела предосудительные отношения с ним или с какими-то другими мужчинами.

Молодой Том Дорри вернулся домой в отпуск со своего корабля после восемнадцатимесячного отсутствия. Когда он узнал о состоянии своей жены, то собрал вещи и переехал в коттедж матери. Но та велела ему возвратиться к жене и поддержать ее, так как она до смерти испугана. А когда это не подействовало, мать объявила ему, что она сама — почтенная вдова уже много лет — не то что испугана, но даже ради спасения собственной жизни не может объяснить, как это с ней самой произошло. Ничего не понимающий Том побежал к жене и нашел ее в кухне на полу, а возле нее пустую бутылочку аспирина. Том опрометью кинулся за доктором.

Еще одна далеко не юная женщина внезапно купила велосипед и с безумной скоростью носилась теперь на дальние дистанции, проявляя в этом невероятное упорство.

Две молодые женщины потеряли сознание в горячих ваннах.

Трое по странной случайности споткнулись и упали с лестницы.

У нескольких появились непонятные желудочные расстройства.

Даже мисс Огл из почтового отделения была замечена поедающей странное блюдо — паштет из копченой сельди, положенный на хлеб слоем в полтора дюйма, плюс полфунта маринованных корнишонов.

Кульминация наступила, когда растущая тревога заставила доктора Уиллерса вступить в переговоры с мистером Либоди. Переговоры состоялись в доме викария. Подтверждением своевременности этих действий было то, что их разговор прервал гонец, срочно посланный за доктором.

Но обошлось лучше, чем могло бы. К счастью, надпись «яд» на бутылочке с жидкостью против комаров, сделанная в соответствии с законом, в буквальном смысле не означала того, что искала для себя Рози Платч. Это обстоятельство нисколько не

уменьшало серьезности намерений последней. Когда доктор Уиллерс закончил свою работу, он весь дрожал от бессильного гнева. Ведь бедной Рози Платч было всего семнадцать лет.

ГЛАВА 8

Совещание

Спокойствие духа, которое с таким удовольствием восстанавливал Гордон Зиллейби на второй день после свадьбы Алана и Феррилин, было нарушено приходом доктора Уиллерса. Доктор, все еще потрясенный почти состоявшейся трагедией Рози Платч, был очень взволнован, и это обстоятельство долго мешало Зиллейби понять цель его визита.

Постепенно, однако, кое-что прояснилось, и он понял, что доктор и викарий решили просить его о помощи и, что еще важнее, о помощи его жены в каком-то неясном деле и что несчастье с Рози Платч заставило доктора Уиллерса приступить к осуществлению своей миссии раньше, чем предполагалось.

— До сих пор нам везло, — говорил Уиллерс, — но это уже вторая попытка самоубийства за неделю. В любой момент могут произойти другие и, возможно, более успешные. Нам нужно внести ясность и ослабить нынешнюю напряженность. Оттягивать дальше нельзя.

— Что касается меня, то я не против ясности. В чем, собственно, дело? — спросил Зиллейби.

Уиллерс посмотрел на него с удивлением, потом долго тер лоб.

— Извините, — сказал он. — Я за эти дни совсем замотался. Забыл, что вы можете и не знать. Речь идет о необъяснимых беременностях.

— Необъяснимых? — поднял брови Зиллейби.

Уиллерс постарался как можно проще изложить, почему они необъяснимы.

— Вся история настолько загадочна, что и мне, и викарию пришлось обратиться к гипотезе, будто они связаны с другим загадочным явлением, которое тут произошло, — с Потерянным днем.

Несколько секунд Зиллейби внимательно изучал лицо доктора. В чем нельзя было сомневаться, так это в неподдельности беспокойства последнего.

— По-моему, весьма странная гипотеза, — произнес он осторожно.

— А ситуация еще более странная, — ответил Уиллерс. — Однако с этим можно подождать. А вот кто не может ждать, так это множество женщин, находящихся на грани истерии. Некоторые из них — мои пациентки, другие станут ими в ближайшее время, и если нам не удастся немедленно устранить состояние напряженности... — Он не закончил фразу и покачал головой.

— Множество женщин? — повторил Зиллейби. — Звучит немного туманно. Сколько?

— Точно сказать не могу, — признался Уиллерс.

— А примерно? Надо же знать, с чем мы имеем дело.

— Ну, от шестидесяти пяти до семидесяти.

— Что?! — Зиллейби ошеломленно уставился на врача.

— Я же сказал, что это чертовски сложная проблема.

— Но если вы не уверены, то откуда цифра шестьдесят пять?

— Потому что — готов согласиться, моя оценка очень приблизительна — она основана на числе проживающих в деревне женщин детородного возраста.

Позже вечером, когда Анжела Зиллейби, усталая и угнетенная, ушла спать, Уиллерс сказал:

— Очень сожалею, Зиллейби, что доставил вам столько неприятностей, но она все равно скоро узнала бы об этом. Надеюсь, другие примут подобное известие хоть вполовину столь мужественно, как приняла его ваша жена.

Зиллейби скромно потупился.

— Она молодчина, не правда ли? Интересно, как такой удар перенесли бы мы с вами?

— Чертовски тяжело, — согласился Уиллерс. — Пока большинство замужних женщин сохраняют спокойствие, но теперь, чтобы избавить незамужних от нервного потрясения, нам придется огорчить состоящих в браке. Впрочем, насколько я понимаю, другого выхода у нас нет.

— Еще одно, что меня беспокоило весь вечер: как много мы должны им открыть? — продолжил Зиллейби. — Следует ли нам оставить кое-что в тайне и предоставить им самим делать выводы или лучше поступить иначе?

— Да, черт побери, но ведь это и в самом деле тайна, даже для нас с вами, не так ли? — указал доктор.

— Согласен, причина беременности и в самом деле покрыта мраком неизвестности, — признал Зиллейби. — Однако я полагаю, что не может быть ничего таинственного в том, что именно произошло. Вы наверняка уже сделали какие-то выводы, но умышленно уходите от ответа.

— Начните вы, — предложил Уиллерс. — Ваши рассуждения могут привести к другим выводам, во всяком случае, я надеюсь на это.

Зиллейби покачал головой.

— Выводы... — начал он и вдруг замолчал, глядя на фотографию дочери. — Господи! — воскликнул он. — Феррилин тоже... — Он медленно повернулся к доктору. — Полагаю, что вы ответите просто «не знаю».

Уиллерс медлил с ответом.

— Я не уверен, — сказал он наконец.

Зиллейби отбросил назад снежно-белую шевелюру и снова опустился в кресло. Почти минуту он молча изучал узор ковра. Потом очнулся и с нарочитым спокойствием начал:

— Есть три, нет — четыре возможности, которые, так сказать, очевидны и которые приходят на ум в качестве наиболее вероятных. Я думаю, вы тоже упомянули бы их, если бы имели хоть сколько-нибудь доказательные объяснения. Замечу, что против этих версий тоже могут быть выдвинуты возражения, но к этому я вернусь потом.

— Согласен, — откликнулся доктор.

Зиллейби кивнул.

— Как известно, у некоторых, особенно у низших, форм можно вызвать партеногенез*, не правда ли?

— Да. Но, насколько я понимаю, это не касается высших форм и, уж во всяком случае, не млекопитающих.

— Совершенно верно. Тогда есть еще искусственное осеменение.

— Есть, — кивнул доктор.

— Вам это представляется маловероятным?

— Точно так.

— Мне тоже. И тогда, — мрачно продолжил Зиллейби, — остается лишь возможность имплантации, которая способна вызвать то, что кто-то, кажется, Хаксли, назвал ксеногенезом,

* внеполовое размножение.

то есть появлением формы, совершенно лишенной сходства с приемными родителями. Впрочем, их вряд ли можно назвать родителями в точном смысле этого слова.

Доктор Уиллерс нахмурился.

— Надеюсь, им такое в голову не придет, — сказал он.

Зиллейби покачал головой.

— Лучше вам оставить эту надежду, дружище. Может, сразу оно и не придет в голову, но такая вещь неизбежно станет ясной для всякого интеллигентного человека. Потому что, видите ли, мы согласились, что партеногенез как объяснение не годится, ибо ведь не существует ни единого задокументированного случая, не так ли?

Доктор утвердительно наклонил голову.

— Им вскоре станет ясно, как ясно мне сейчас, да и вам тоже, что и изнасилование, и искусственное осеменение также следует исключить, хотя бы из соображений математической статистики. И это, на мой взгляд, относилось бы и к партеногенезу, если бы он был возможен. По закону больших чисел просто нельзя представить, чтобы в достаточно большой группе женщин, взятых на выбор, больше 25% находились бы одновременно в одной и той же стадии беременности.

— Ну... — начал доктор с сомнением.

— В таком случае, если ваша оценка верна или почти верна, нынешняя ситуация статистически просто невероятна. Следовательно, хотим мы того или не хотим, мы снова оказываемся отброшенными к четвертой и последней возможности — имплантация уже осемененной яйцеклетки должна была произойти именно в наш Потерянный день.

Уиллерс выглядел несчастным, но еще сопротивлялся.

— Я бы поставил под вопрос слово «последняя». Ведь могут быть и другие возможности, которые нам просто не пришли в голову.

Зиллейби ответил слегка раздраженно:

— А вы можете предложить какую-нибудь форму зачатия, которая преодолела бы наш статистический барьер? Нет? Отлично. Отсюда следует, что мы имеем дело не с зачатием, а инкубацией.

Доктор вздохнул.

— Хорошо. Согласен, — сказал он. — Что касается меня, то мне не так уж интересен вопрос, как это было сделано. Я беспокоюсь в первую очередь о здоровье моих пациенток.

— Да, вам не позавидуешь, — кивнул Зиллейби. — Если все женщины находятся в одной и той же стадии беременности, то и роды, исключая несчастные случаи, должны состояться примерно в одно и то же время: где-то в конце июня или в первой неделе июля, если дело пойдет нормально.

— Сейчас, — произнес доктор твердо, — моя главная задача — успокоить их тревогу, а не увеличивать ее. И поэтому нам следует постараться задержать распространение идеи насчет имплантации так долго, как это только будет возможно. Эта штука — динамит! Ради них прошу вас аргументированно опровергать любое суждение в этом духе, если вам доведется такое услышать.

— Да, — промолвил Зиллейби, обдумав слова доктора. — Да, я согласен с вами. Тут, как мне кажется, мы столкнулись с делом, которое требует введения цензуры. — Он нахмурился. — Очень трудно представить себе, как это воспримут сами женщины. Будь я призван даже при благоприятных условиях воспроизвести на свет жизнь, такая перспектива меня страшно напугала бы, а если б меня к тому же предупредили, что в результате появится какая-то чуждая форма жизни, то я скорее всего сошел бы с ума. Большинство женщин, конечно, выдержат, в психическом отношении они крепче нас, а потому аргументированное отрицание такой возможности будет, пожалуй, наилучшим решением.

Он помолчал, обдумывая, что предстояло сделать.

— А теперь нам следует наметить линию поведения моей жены. Тут ведь многое надо предусмотреть. Один из самых сложных вопросов — вопрос о гласности, вернее, об ее ограничении.

— Боже мой! Конечно же! — воскликнул Уиллерс. — Если только пресса пронюхает...

— Верно. Упаси нас Господь от этого. Начнут печатать ежедневные сводки, которые будут громоздиться друг на друга в течение оставшихся шести месяцев. И уж они-то не пропустят версии о ксеногенезе! Пожалуй, еще затеют тотализатор по прогнозированию результатов родов. Хорошо, что военной разведке удалось удержать газеты от сообщений о Потерянном дне, придется обратиться к ним еще раз и попросить помощи. А теперь подумаем, что делать Анжеле.

ГЛАВА 9

Совершенно секретно

Агитация за единодушную явку на Специальное и чрезвычайное собрание, жизненно важное для каждой женщины Мидвича, велась интенсивно. Нас самих посетил Гордон Зиллейби и внушил нам весьма драматическое чувство тревоги с помощью обильного словоизвержения, суть которого так и осталась туманной.

Когда люди убедились, что речь идет вовсе не о лекциях по гражданской обороне или о каких-то других, столь же опостылевших мероприятиях, возникло крайнее любопытство к тому, что могло объединить доктора, викария, их жен, окружную медсестру и чету Зиллейби — команду, посещающую каждую семью в Мидвиче и персонально приглашающую на собрание всех женщин деревеньки. Сама уклончивость визитеров, их заверения, что никому платить не придется, сбора пожертвований не будет, а, наоборот, все получат бесплатный чай, привели к тому, что любопытство победило природную подозрительность и пустых мест в зале почти не оказалось.

Оба главных инициатора сидели на сцене за столом, по обеим сторонам от Анжелы Зиллейби, казавшейся бледной и изможденной. Доктор нервно курил, глубоко затягиваясь. Викарий казался погруженным в думы, из которых он время от времени всплывал на поверхность и что-то говорил миссис Зиллейби, рассеянно внимавшей его словам. Они прождали лишних десять минут, чтобы подошли опоздавшие, после чего доктор попросил закрыть двери и начал собрание кратким, лишенным всякой конкретики выступлением о важности данного мероприятия.

Викарий поддержал его. Закончил он так:

— Я убедительно прошу каждую из вас внимательно прислушаться к тому, что вам расскажет миссис Зиллейби. Мы глубоко признательны ей за согласие изложить перед вами эту проблему. И хочу, чтоб вы знали: мы с доктором Уиллерсом наперед одобряем все, что она скажет. Уверяю вас: только потому, что мы не сомневаемся в лучшем и более глубоком взаимопонимании, которое установится в случае, если одна женщина изложит дело другим, мы рискнули возложить на нее это тяжелое бремя.

Теперь мистер Уиллерс и я покинем зал собрания, но останемся неподалеку. Когда миссис Зиллейби закончит, мы, если таково будет ваше желание, вернемся и постараемся ответить на вопросы. А теперь прошу вас внимательно выслушать миссис Зиллейби.

Жестом викарий предложил доктору идти первым, и оба вышли через дверь в боковой части сцены. Дверь закрылась за ними, но не совсем плотно.

Анжела Зиллейби отпила глоток из стоявшего перед ней стакана с водой. Бросила взгляд на свои руки, лежащие на листочках с записями. Потом подняла глаза, ожидая, чтобы разговоры стихли, обвела долгим взглядом собрание, как будто хотела запомнить каждое лицо.

— Во-первых, — произнесла она, — я должна вас предупредить. То, что я скажу, мне будет трудно выговорить, вам будет трудно в это поверить, а некоторым, возможно, станет даже больно, когда они поймут, в чем дело. — Она замолчала, опустила глаза, потом вновь посмотрела в зал.

— Я жду ребенка. Я очень, очень рада этому и счастлива. Для женщины естественно желать ребенка и быть счастливой, ожидая его появления. Неестественно и недостойно бояться материнства. К сожалению, сейчас в Мидвиче есть много женщин, которые чувствуют себя иначе. Некоторые из них ощущают себя несчастными, опозоренными и испуганными. Именно ради них мы и организовали это собрание. Надо помочь тем, кто несчастен, надо уверить их в том, что их мысли и чувства ошибочны.

Она снова обвела взором собрание. Тут и там слышалось затрудненное дыхание.

— Произошло нечто странное, очень странное. И случилось это не с одной или двумя из нас, а почти со всеми нами, почти со всеми женщинами Мидвича, способными к деторождению.

Присутствующие сидели молча и неподвижно, глаза всех были устремлены на Анжелу, которая продолжала развертывать перед ними всю поразительность ситуации. Она еще не кончила, когда донесся какой-то шум в правой стороне зала. Взглянув туда, миссис Зиллейби увидела в центре очага беспокойства мисс Латтерли и ее неразлучную подругу мисс Лэмб.

Анжела остановилась на полуслове и подождала. Она слышала негодующий голос мисс Латтерли, хотя и не разбирала слов.

— Мисс Латтерли, — произнесла Анжела отчетливо, — правильно ли я поняла, что предмет нашего собрания лично вас не касается?

Мисс Латтерли встала и голосом, дрожащим от негодования, заявила:

— Разумеется, вы правы, миссис Зиллейби. За всю свою жизнь...

— Тогда, поскольку эта тема имеет огромное значение для многих присутствующих, надеюсь, вы удержитесь от дальнейшего вмешательства... А может быть, даже предпочтете покинуть нас?

Мисс Латтерли не собиралась отступать и без страха глядела в лицо Анжелы.

— Это... — начала она и вдруг изменила свое намерение. — Прекрасно, миссис Зиллейби, свой протест против клеветы, которую вы возвели на нашу общину, я заявлю позже.

Она с достоинством повернулась и смолкла, видимо, ожидая, чтобы мисс Лэмб встала и присоединилась к ее исходу из зала. Но мисс Лэмб даже не шелохнулась. Мисс Латтерли нетерпеливо взглянула на нее и нахмурилась. Мисс Лэмб продолжала сидеть. Мисс Латтерли открыла рот, чтобы что-то сказать, однако нечто в выражении лица подруги остановило ее. Мисс Лэмб избегала ее взгляда. Она смотрела прямо перед собой, в то время как волна краски медленно заливала ее лицо, пока оно не запылало огнем.

Странный тихий звук сорвался с уст мисс Латтерли. Она протянула руку и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Не в силах выговорить ни слова, она смотрела на свою неразлучную спутницу. За несколько секунд мисс Латтерли похудела и сделалась на много лет старше. С усилием она овладела собой, гордо подняла голову и огляделась кругом ничего не видящими глазами. Затем, стараясь держаться прямо, но слегка пошатываясь, добралась до прохода и в полном одиночестве пошла к выходу.

Анжела ждала. Она ожидала ропота осуждения, но его не последовало. Собрание выглядело ошеломленным. Потом все лица с надеждой обратились к ней. При гробовом молчании она начала с того места, на котором ее прервали, стараясь деловым тоном снизить эмоциональное напряжение аудитории, в которое мисс Латтерли внесла свою лепту. Жестким усилием воли Анжела заставила себя довести речь до конца и, обессилев, умолкла.

Ожидавшийся шум голосов возник немедленно. Анжела сделала глоток из стакана и покатала между влажными ладонями скомканный носовой платок, одновременно продолжая следить за аудиторией.

Она видела мисс Лэмб, нагнувшуюся вперед и прижимавшую платок к глазам, в то время как добрая миссис Брант, сидевшая рядом, пыталась ее успокоить. Мисс Лэмб была далеко не единственной, кто нашел облегчение в слезах. Над опущенными головами в зале разносился становившийся все громче гул голосов, изумленных, гневных и жалобных. Некоторые женщины были близки к истерическому припадку. По счастью, взрыва эмоций, которого опасалась Анжела, удалось избежать. В какой-то степени, думала она, обращение к разуму смягчило действие шока.

С чувством облегчения и с растущей верой в собственные силы она несколько минут наблюдала за собравшимися женщинами. Когда же решила, что первая часть выступления достаточно прочно запечатлелась в их сознании, Анжела постучала по столу.

Ропот голосов стих, еще звучали всхлипывания, но выжидающие лица уже повернулись к ней. Миссис Зиллейби набрала в грудь побольше воздуха и снова заговорила.

— Никто, никто, кроме ребенка или человека с детским умом, не может ждать от жизни справедливости. Она не такова, и для одних она будет тяжелее, чем для других. Тем не менее, справедлива она или несправедлива, хотим мы этого или не хотим, но все мы — замужние и незамужние — находимся в одной лодке. Нет никаких оснований для того, чтобы одни из нас смотрели на других свысока. Все мы оказались в нелегкой ситуации, и если какая-нибудь замужняя женщина соблазнится счесть себя достойней незамужней соседки, ей следует подумать, каким способом, если потребуется, она докажет, что ребенок — от ее мужа.

Это произошло со всеми, и это должно объединить нас ради нашего же блага. Никто из нас не несет бремя греха, а потому между нами не должно быть и различий, за исключением... — Тут Анжела сделала паузу. — За исключением того, что те женщины, что лишены поддержки любящих мужей, которые помогут им выстоять, требуют к себе максимума симпатии и заботы.

Она продолжала развивать эту мысль до тех пор, пока не решила, что цель достигнута. Тогда обратилась к другому аспекту проблемы.

— Вот в чем, — сказала Анжела с нажимом, — наша проблема. И нет у нас сейчас дела более важного и интимного. Я уверена, и, думаю, вы согласитесь со мной, что так оно и должно остаться. С этим мы должны разобраться сами, без посторонней помощи.

Вы знаете, как жадно накидываются дешевые газетенки на все, что имеет отношение к деторождению, особенно в случаях, когда в нем есть что-то необычное. Они силятся нарисовать пошлое зрелище, будто люди, связанные с этим, — ярмарочные уроды. Жизнь семьи перестает быть частным делом.

Мы все знаем, например, о некоторых случаях, подхваченных прессой, к которой затем присоединились и медики, подкрепленные авторитетом государственных учреждений, а в результате — родители практически лишились своих детей сразу же после их рождения. Я ни за что не хочу потерять своего ребенка таким образом и думаю и надеюсь, что вы придерживаетесь того же мнения. Поэтому, если мы не желаем, во-первых, иметь множество неприятностей — а я предупреждаю вас, что если все происходящее станет широко известно, то нас станут обсуждать в каждом клубе и каждом кабаке с добавлением грязных инсинуаций — и, во-вторых, если мы не хотим «выставиться» и в итоге наверняка лишиться своих детей, которых под тем или иным предлогом заберут доктора и ученые, то мы — каждая из нас — должны решиться не только не говорить, но даже не намекать за пределами Мидвича на теперешнее положение. В наших силах сделать так, чтобы это стало внутренним делом Мидвича, чтобы им занимались не какие-нибудь газетные писаки или министерства, а только сами жители Мидвича.

Если люди из Трайна или откуда-нибудь еще начнут любопытствовать, если тут появятся чужаки, задающие нескромные вопросы, мы ради наших собственных детей и ради самих себя не станем им ничего отвечать. Но просто молчать и уклоняться, будто мы что-то скрываем, мало. Необходимо показать им, что в Мидвиче вообще ничего странного не происходит. Если мы объединимся и убедим наших мужей, что они тоже должны действовать в наших интересах, то никакого нездорового вынюхивания не будет и нас оставят в покое, как это и должно быть в цивилизованном обществе. Это не их дело, это наше дело. Нет никого на всем свете, кто имел бы большее право или долг защитить наших детей от эксплуатации, чем мы — те, кто станет их матерями.

Анжела внимательно следила за залом, почти за каждым лицом и его выражением в отдельности. Затем она добавила:

— А теперь я приглашу к нам викария и доктора Уиллерса. Если разрешите, я отлучусь на несколько минут, а потом снова вернусь. Я знаю, у вас есть множество вопросов, которые ждут ответа.

И Анжела ускользнула в маленькую комнату за сценой.

— Великолепно, миссис Зиллейби. Просто великолепно! — сказал мистер Либоди.

Доктор Уиллерс взял ее руку и пожал.

— Мне кажется, вы свое дело сделали, дорогая, — произнес он, уже выходя с викарием на сцену.

Зиллейби подвел жену к креслу. Она села, прикрыла глаза и откинулась на спинку. Лицо было бледное, выглядела она опустошенной.

— Лучше бы пойти домой, — сказал он ей.

Анжела покачала головой:

— Нет. Через несколько минут все пройдет. Мне надо вернуться.

— Они справятся сами. Ты свою роль сыграла, и сыграла прекрасно.

— Понимаешь, я ведь знаю, как они себя чувствуют. Это исключительно важно, Гордон. Мы должны дать им полную возможность спрашивать и говорить сколько угодно. Им нужно к тому времени, как они начнут расходиться по домам, преодолеть полученный удар. Что им необходимо, так это чувство взаимной поддержки. Я это знаю, мне нужно то же самое.

Она положила руку на лоб, потом откинула волосы назад.

— Знаешь, Гордон, это ведь неправда — то, что я только что говорила.

— Что именно, родная? Ты ведь говорила о многом.

— Да о том, что я рада и счастлива. Два дня назад это было чистой правдой, а сейчас я боюсь. Боюсь, Гордон.

Его рука, обнимавшая плечи жены, напряглась. Вздохнув, Анжела склонила голову и прижалась к его плечу.

— Дорогая, дорогая, — говорил он тихо, поглаживая ее волосы. — Все обойдется. Мы будем заботиться о тебе.

— Не знать!.. — воскликнула она. — Вернее, знать, что нечто развивается в тебе, и гадать — что и как. Это ведь так унизительно, Гордон! Чувствуешь себя каким-то животным.

Он поцеловал ее в щеку и продолжал гладить волосы.

— Не надо волноваться. Я готов биться об заклад, что, когда он или она появится на свет, ты только взглянешь и тут же скажешь: «Господи, нос совсем как у Зиллейби!» А если нет, что ж, мы встретим это вдвоем, плечом к плечу. Ты не одинока, родная, ты никогда не должна думать, что ты одинока. Здесь я, здесь Уиллерс. Мы все тут, чтобы помочь тебе, всегда, круглые сутки.

Анжела повернула голову и поцеловала его.

— Гордон, милый, — сказала она, собралась с силами и встала. — Надо идти!

Зиллейби долго смотрел ей вслед. Потом пододвинул кресло к неплотно закрытой двери, зажег сигарету и устроился получше, чтобы в потоке вопросов уловить истинное настроение деревни.

ГЛАВА 10

Мидвич договаривается

На долю января выпала задача смягчить последствия удара, перестроить эмоции в нужном направлении и, таким образом, выработать единое отношение к создавшейся ситуации. Описанное выше собрание можно было рассматривать как успех. Оно очистило атмосферу и разрядило напряженность, его участники, психологическая обработка которых продолжалась и позже, пока не было наконец достигнуто согласие в мыслях, восприняли идею солидарности и взаимной помощи.

Можно было ожидать, что немногочисленные заядлые индивидуалисты займут обособленную позицию, однако и они, подобно большинству, не были заинтересованы в том, чтобы кто-то начал копаться в их частной жизни и вытаскивать ее на всеобщее обозрение; как следствие, улицы деревушки окажутся забиты машинами, а толпы идиотов-туристов будут пялиться в окна. Более того, тем двум-трем, что продолжали тосковать о сенсационной славе, вскоре стало ясно, что мидвичцы не преминут ответить на их действия всеобщим бойкотом. И если мистер Уилфред Уильямс даже и подумывал о тех барышах, которые могли бы сорвать «Коса и камень», он оказался вполне

достойным членом общины, ибо был очень чувствителен к соображениям о явных преимуществах устойчивой прибыли своего кабачка.

Как только потрясение, вызванное внезапностью удара, сменилось ощущением, что штурвал находится в надежных руках, а маятник настроения незамужней молодежи качнулся от ощущения страха к почти нескрываемой браваде и возникло предчувствие перемен, похожее на то, что предшествует началу ежегодного фестиваля или открытию выставки цветов, самочинно организованный комитет смог успокоиться, решив, что ему как минимум удалось ввести события в нужное русло.

Первоначальный состав комитета, сложившегося из супружеских пар Уиллерсов, Либоди, Зиллейби, а также окружной медсестры Даниельсон, был пополнен нами и мистером Гриммом, кооптированным, чтобы представлять интересы нескольких перевозбужденных женщин — сотрудниц Грейнджа, которые волей-неволей обнаружили себя тесно повязанными проблемами Мидвича.

Хотя мнение большинства на заседании комитета, состоявшемся спустя пять дней после собрания, можно было выразить словами: «Пока все идет как по маслу», члены его понимали, что дальнейшее никак нельзя пустить на самотек. Атмосфера, которую так успешно удалось создать, могла — это чувствовали все собравшиеся — смениться обычными предрассудками и предубеждениями. Было ясно, что достигнутое надлежит хотя бы какое-то время подпитывать и укреплять.

— Что нам необходимо, — подвела итог Анжела, — так это создать нечто вроде братства, противостоящего всеобщему несчастью, причем то, что это действительно несчастье, нам придется тщательно скрывать.

Это мнение было одобрено всеми, за исключением миссис Либоди, явно пребывавшей в глубоком сомнении.

— Но, — сказала она неуверенно, — мне кажется, мы должны стараться быть честными, не правда ли?

Мы смотрели на нее, не понимая, что последует за таким началом.

Она продолжала:

— Ведь это же действительно наказание, верно? Такое не могло случиться с нами без причины! Причина обязательно должна быть. И разве наша обязанность не в том, чтобы понять, в чем она состоит?

Анжела внимательно посмотрела на миссис Либоди, недоуменно наморщив лоб.

— Кажется, я не вполне вас понимаю.

— Хорошо, — объяснила супруга викария, — когда события — такие странные события — внезапно обрушиваются на жителей какой-то общины, то для этого всегда находится причина. Я имею в виду казни египетские, Содом и Гоморру и прочее.

Наступило молчание. Зиллейби первым ощутил необходимость разрядить обстановку.

— Что касается меня, — заявил он, — то я всегда считал казни египетские примером совершенно ничем не оправданного религиозного эгоцентризма. Вроде того, что сейчас именуется «политикой с позиции силы». Что же до Содома... — Тут он замолк на полуслове, так как поймал взгляд жены.

— Э-э-э... — начал было викарий, поскольку все, казалось, ждали от него чего-то. — Э-э-э...

Анжела поспешила ему на помощь.

— Мне кажется, из-за этого не стоит волноваться, миссис Либоди. Если бесплодие, безусловно, может считаться типичным проклятием, то я не припомню случая, чтобы наказание выражалось в форме повышенного плодородия. В конце концов, такая кара была бы просто неразумной, не правда ли?

— Все зависит от того, каков плод, — мрачно ответила миссис Либоди.

Опять воцарилось неловкое молчание. Взгляды всех присутствующих, исключая викария, были обращены на миссис Либоди. Глаза доктора Уиллерса встретились с глазами сестры Даниельсон, затем снова вернулись к Доре Либоди, которая, по-видимому, не ощущала особого неудобства, став центром всеобщего внимания. Она смотрела на нас, как будто моля о прощении.

— Мне очень жаль, но боюсь, что причина всего тут происходящего — я, — сказала она.

— Миссис Либоди... — начал быстро доктор.

Она подняла руку, как бы останавливая его.

— Вы очень добры ко мне, и я знаю, что вы желаете мне только блага. Но пришло время покаяния. Вы видите: я — грешница. Если бы я двенадцать лет назад родила собственного ребенка, ничего подобного не произошло бы! А теперь я искупаю грех, нося в чреве ребенка, зачатого не от мужа. Все это так очевидно! Мне жаль, что я навлекла несчастье на вас

всех. Однако такова кара, и вы должны понять это. Как казни египетские...

Викарий, весь красный и сконфуженный, прервал ее.

— Я надеюсь, вы извините нас...

Раздался стук отодвигаемых стульев. Сестра Даниельсон подошла к миссис Либоди и заговорила с ней. Доктор Уиллерс сначала смотрел на них, потом, заметив, что рядом с ним стоит викарий и хочет о чем-то спросить, успокаивающе положил руку на плечо мистера Либоди.

— Для нее это слишком сильный удар. Еще бы! Я давно уже опасаюсь чего-нибудь в таком роде. Попрошу сестру Даниельсон проводить ее домой и дать успокоительного. Надеюсь, после крепкого сна все пройдет.

Через несколько минут мы разошлись все — задумчивые и подавленные.

Политика, предложенная Анжелой Зиллейби, приносила свои плоды. Конец января ознаменовался разработкой такой обширной программы общественной деятельности и соседской взаимопомощи, что, по нашему разумению, лишь самые оголтелые индивидуалисты могли бы остаться в стороне от наших начинаний, где им бы грозила опасность в скором времени вымереть от скуки.

В конце февраля я известил Бернарда, что дела в целом идут гладко, во всяком случае, куда лучше, чем мы могли надеяться в начале. Имели место, конечно, кой-какие провалы в кривой, которой можно было бы изобразить настроение местных жителей, без сомнения, такие провалы неизбежны и в будущем, но в целом обстановка быстро улучшалась. Я сообщил ему о наших делах в дополнение к моему последнему сообщению, но ничем не сумел пополнить информацию о взглядах и настроениях, царивших в Грейндже, о которой он меня запрашивал. То ли научные работники считали, что это дело подпадает под действие их подписки о неразглашении, то ли им казалось, что лучше притвориться, будто они считают именно так, но только попытка извлечь из них сведения для Бернарда оказалась пустым номером.

Поскольку мистер Гримм продолжал оставаться единственным связующим звеном между Грейнджем и деревней, мне представлялось, что для получения более полной информации я должен или получить полномочия открыть Гримму официаль-

ную подоплеку своего любопытства, или Бернарду придется обратиться к нему лично. Бернард предпочел второй вариант, и встреча с мистером Гриммом была назначена на время очередного визита последнего в Лондон.

Мистер Гримм зашел к нам по возвращении оттуда, видимо, считая себя теперь вправе поделиться с нами частью своих неприятностей, которые преимущественно касались его взаимоотношений с отделом кадров.

— Они там просто помешались на дисциплине и пунктуальности, — жаловался он. — Ума не приложу, что я буду делать, когда шесть моих сотрудниц заявят претензии насчет денежной помощи, освобождения от работы по состоянию здоровья и превратят черт знает во что такие аккуратненькие графики отпусков. А все это скажется на выполнении плана работ! Я сказал полковнику Уэсткотту, что, если его департамент желает сохранить ситуацию в тайне, это можно сделать лишь официально, причем на очень высоком уровне. Иначе в самом близком времени нам придется давать объяснения. Но я никак не могу понять, почему данный частный аспект проблемы представляет такой интерес для военной разведки. А вы как думаете?

— Какая жалость, — ответила ему Джанет. — Когда мы услышали, что у вас назначена встреча с Бернардом, мы обрадовались, решив, что, может быть, вам удастся просветить в этом отношении нас самих.

Жизнь Мидвича, казалось, катилась по привычной колее, но через несколько дней один из подземных ключей выбился на поверхность и причинил нам немало беспокойства.

После того заседания комитета, который завершился столь преждевременно по вине миссис Либоди, последняя перестала, что, в общем, понятно, играть сколько-нибудь активную роль в деле налаживания гармонии в жизни Мидвича. Когда Дора появилась после нескольких дней отдыха, нам показалось, что она пришла в норму и решила относиться ко всей ситуации так, как относятся к тому, о чем в приличном обществе просто не говорят.

Однако в первых числах марта настоятель церкви Святой Мэри в Трайне и его жена доставили в Мидвич миссис Либоди в своем автомобиле. Они нашли ее, как с некоторым смущением сообщил мистеру Либоди настоятель, проповедующей на трайнском рынке, стоя на перевернутом ящике.

— Э-э... проповедующей? — Боязнь за жену сочеталась у нашего викария с беспокойством другого рода. — Я... э-э... Не можете ли вы сказать о чем?

— Ах, о... о... Боюсь, о чем-то совершенно фантастическом... — уклончиво ответил настоятель.

— Но ведь я должен знать. Доктор меня наверняка спросит!

— Ну, э-э... Это был как бы призыв к покаянию. В духе евангелического учения о фатуме... Люди Трайна должны смириться и молить о прощении в страхе перед гневом Господним, возмездием и адским пламенем... Боюсь, это несколько не совпадает со взглядами нашей церкви... Излишне мрачно, знаете ли. И, по-видимому, жители Трайна должны особенно избегать какого-либо общения с людьми из Мидвича, которые уже несут на себе бремя Божия наказания. Если жители Трайна не внемлют, не исправятся, то возмездие падет и на них...

— О, — сказал мистер Либоди, стараясь сохранять спокойствие, — а она не говорила, какую форму приняли наши страдания?

— Кара, — ответил настоятель церкви Святой Мэри, — приняла специфическую форму нашествия... э-э... детей. Это, разумеется, вызвало взрыв грубых насмешек. В высшей степени прискорбное событие. Конечно, когда жена обратила мое внимание на... э-э... состояние миссис Либоди, происшествие стало более понятным, хотя и не менее огорчительным. Я... О, вот и доктор Уиллерс! — Настоятель явно почувствовал облегчение.

Примерно через неделю, где-то около полудня, миссис Либоди поднялась на нижнюю ступеньку Мемориала павшим воинам и приготовилась произнести речь. Для этого случая она оделась в рубище, сняла туфли и намазала лоб золой. К счастью, в это время на улице было мало народу, и миссис Брант удалось уговорить ее уйти домой, так ничего и не сказав. В течение часа слухи об этом разнеслись по всей деревне, но само слово миссис Либоди — каково бы оно там ни было — осталось непроизнесенным.

Вслед за этим пошли разговоры, что доктор Уиллерс порекомендовал миссис Либоди провести некоторое время в больнице, что было встречено в Мидвиче скорее с сожалением, чем с удовлетворением.

В середине марта, впервые после свадьбы, в гости к Зиллейби приехали Феррилин и Алан. Поскольку Феррилин до време-

ни увольнения Алана из армии жила в крошечном шотландском городишке среди совершенно чужих людей, Анжела не хотела тревожить ее письмами, рассказывающими о положении в Мидвиче во всех подробностях. Но теперь вся информация стала достоянием Феррилин.

Выражение тревоги на лице Алана, когда перед ним развернулась во всей красе картина этого сложного дела, заметно выросло. Феррилин выслушала все молча, лишь время от времени бросая быстрые взгляды на Алана. Она же первой нарушила наступившее молчание.

— Знаете, у меня все время было ощущение, что тут что-то не так. Я имею в виду, не должно же... — Здесь она замолчала, как будто пораженная пришедшей ей в голову мыслью. — Боже ты мой, какой ужас! А я чуть ли не силой завладела Аланом! Он же вправе предъявить мне обвинение в понуждении, противозаконном заявлении и прочих прелестях! Чем плохое основание для развода?! Бог мой! Ты не хочешь развестись со мной, милый?

В уголках глаз наблюдавшего за ней Зиллейби собрались мелкие морщинки.

Алан положил ладонь на руку Феррилин.

— Думаю, нам не следует торопиться с этим, не так ли? — ответил он.

— Любимый! — шепнула Феррилин, сжимая руку мужа.

Обменявшись с Аланом долгим взглядом, она, случайно повернув голову, уловила выражение лица Гордона. Бросив в его сторону намеренно равнодушный взгляд, Феррилин задала Анжеле какой-то незначительный вопрос, касавшийся поведения мидвичцев. Через полчаса обе дамы вышли, оставив мужчин в одиночестве. Алан заговорил сразу же, как только закрылась дверь.

— Позволю себе заметить, сэр, что удар слишком силен, верно?

— Боюсь, что вы правы, — согласился Зиллейби. — Могу предложить только одно утешение — последствия удара со временем станут ощущаться слабее. Самое болезненное — открытый вызов нашим предрассудкам (я имею в виду мужские предрассудки) — уже позади. Для женщин, к сожалению, это лишь первый барьер из тех, что им придется преодолеть.

Алан покачал головой.

— Боюсь, что для Феррилин это страшный удар... Так же как и для Анжелы, — спохватился он. — Все это свалилось на

них неожиданно. А такие вещи требуют, так сказать, постепенного привыкания...

— Дорогой мой, — сказал Зиллейби, — как муж Феррилин вы вправе думать о ней что угодно, но вот чего вы не должны делать, хотя бы ради вашего собственного спокойствия, так это недооценивать ее. Я сомневаюсь, чтобы от ее внимания ускользнула хоть какая-нибудь мелочь. О том, что она сама уже давно все сообразила, достаточно ясно говорит последняя, наигранно легкомысленная реплика Феррилин, ибо она знала, что, если покажется вам испуганной, вы тут же начнете о ней беспокоиться.

— Вы так думаете? — недоверчиво спросил Алан.

— Уверен, — ответил Зиллейби. — И она совершенно права. От беспомощного, взволнованного мужчины толку никакого. Самое лучшее, что может сделать муж, это скрыть свою тревогу и непоколебимо стать рядом с женой, олицетворяя мощь и разум и тихонько выполняя кой-какие мелкие организационные функции. В данном случае я дарю вам плоды собственного достаточно богатого опыта.

Он может также выполнять роль представителя современной науки и здравого смысла, но при этом должен действовать исключительно тактично. Вы же не имеете никакого представления о мудреных пословицах, важных приметах, старушечьих наговорах, цыганских предсказаниях и бог знает о чем еще, что завоевало такую популярность в нашей деревушке за последние дни? Мы стали просто кладом для любителей фольклора. Знаете ли вы, что теперь у нас по пятницам считается опасным проходить мимо церковных врат? Что ношение зеленого платья почти приравнивается к самоубийству? Что есть тминное печенье очень опасно? Известно ли вам, что если нож, иголка или спица упадут на пол острым концом, то родится мальчик? Нет? Я так и предполагал. Но это не имеет значения. Я собрал целый ворох такой человеческой мудрости, надеясь, что она поможет мне утихомирить моих издателей.

Алан с запоздалой учтивостью осведомился о том, как движется очередной «Труд».

Зиллейби печально вздохнул.

— Предполагалось, что я сдам окончательный вариант «Сумерек Великобритании» к концу следующего месяца. Но пока написаны только три главы этой остросовременной в будущем работы. И если бы я мог вспомнить, о чем там идет речь, то

наверняка нашел бы, что они безнадежно устарели. Трудно сосредоточиться, когда над головой у тебя как дамоклов меч висит creche*.

— Вот что меня удивляет — как вам удалось удержать все это в тайне? Мне казалось, что на это не было никаких шансов, — заявил Алан.

— И я так считал, — признался Зиллейби. — И не перестаю удивляться до сих пор. Я думаю, что это своего рода вариация на тему сказки о голом короле, а может быть, своеобразная инверсия гитлеровской большой лжи: правда слишком велика, чтобы поверить в нее. Но заметьте, Оппли и Стауч распускают о нас весьма нелестные слухи, хотя и не имеют ни малейшего представления о реальных масштабах того, что тут происходит. Мне говорили, что в обоих поселках в ходу гипотеза, будто мы все тут предаемся каким-то древним разнузданным обрядам. Во всяком случае, тамошние обитательницы буквально подбирают юбки, когда мы проходим мимо. Должен сказать, что мидвичцы ведут себя перед лицом подобных провокаций с большим достоинством.

— Иначе говоря, вы хотите сказать, что всего лишь в миледругой отсюда никто не подозревает о том, что случилось у нас? — недоверчиво спросил Алан.

— Пожалуй, они просто не хотят этому верить. Слыхали они наверняка немало, но предпочли думать, что это сказка, которая прикрывает нечто гораздо более простое, хотя и более безнравственное. Уиллерс был прав, сказав, что нечто вроде рефлекса самозащиты обороняет среднего мужчину или женщину от представлений, вызывающих тревогу, — разумеется, в том случае, если эти представления не попали в печать. Одно слово в газете — и все кончено: восемьдесят — девяносто процентов немедленно кинутся в противоположную крайность и поверят чему угодно. Грязные мысли жителей других поселков нам даже на руку. Ведь газетчикам просто не за что будет ухватиться, если они не получат информации прямо из Мидвича.

Внутренняя напряженность — вот что было самым тяжелым в течение первых двух недель, последовавших за собранием. С несколькими мужьями возникли затруднения, но когда нам удалось выбить из их голов мысль, что все это лишь хитроумная уловка, чтобы скрыть супружескую измену, и когда они поняли, что нет никого, кто бы мог поиздеваться над ними,

* колыбель (*фр.*).

они стали гораздо разумнее и перестали обращать внимание на мелкие условности.

Примирение мисс Лэмб и мисс Латтерли произошло через несколько дней, когда мисс Латтерли оправилась от шока, и теперь мисс Лэмб окружена заботой, которая очень смахивает на тиранство.

Нашим главным бунтовщиком долгое время была Тилли... О, вы же наверняка видели Тилли Форшем — бриджи, водолазка, куртка для верховой езды и постоянно сопровождающая ее свита из трех золотистых ретриверов*. Она долго негодовала, заявляя, что ладно бы она еще любила детей, но раз она всегда предпочитала щенят, то все это в высшей степени несправедливо. Однако и Тилли хоть и без удовольствия, но сдалась...

Зиллейби еще долго забавлял гостя анекдотами, связанными с мидвичским бедствием, закончив их рассказом о мисс Огл, которую еле-еле успели уберечь от огласки, перехватив в момент, когда она собиралась внести первый взнос, причем на собственное имя, за самую роскошную детскую коляску, которую только можно было найти в Трайне.

После недолгой паузы Алан спросил:

— Вы, кажется, говорили, что с десятью женщинами, которые тоже могли бы стать жертвами, ничего не случилось?

— Да, из них пять находились в автобусе, ехавшем из Оппли, и поэтому оказались под наблюдением с самого Потерянного дня. Это, во всяком случае, позволило опровергнуть гипотезу об «оплодотворяющем газе», каковую кое-кто уже был готов принять на веру в качестве еще одного научного кошмара нашего времени, — ответил ему Зиллейби.

ГЛАВА 11

Браво, Мидвич!

«Я очень сожалею, — писал мне Бернард Уэстотт в начале мая, — что обстоятельства не позволяют передать Мидвичу вполне заслуженные им официальные поздравления по поводу успеха действий вашей программы. Все проведено столь скрытно и с такой бережностью в отношении заинтересованных лиц,

* порода охотничьих собак.

что, признаюсь, мы просто поражены. Теперь же, когда до «дня икс» осталось лишь семь недель, мы надеемся, что вообще все обойдется без огласки, хотя многие из нас были уверены, что рано или поздно придется прибегнуть к официальным шагам.

Наибольшие затруднения нам причинила мисс Фрезер, входящая в штат мистера Гримма. Но здесь не повинны ни Мидвич, ни сама вышеуказанная леди.

Ее отец — отставной морской офицер, характер которого в высшей степени отвратителен — собрался подстроить нам изрядную пакость, требуя парламентского запроса насчет чересчур свободных нравов и непристойных оргий в государственных учреждениях. Явно хотел сделать из своей дочки подарок для Флит-стрит*. К счастью, нам удалось организовать ему встречу с кое-какими влиятельными лицами, и они наставили его на путь истинный.

А каковы ваши впечатления? Выстоит ли Мидвич до конца?»

Дать четкий ответ на этот вопрос нам было трудновато. Если никакой неожиданности не произойдет, то шансы «за» достаточно высоки; с другой стороны, постоянно присутствовала опасность появления чего-то неизвестного, подкарауливающего нас за каждым углом, — любой, самый крохотный детонатор мог привести к колоссальному взрыву.

Пока же, невзирая на подъемы и спады, мы продвигались вперед. Самый неприятный случай, который грозил началом паники, был ликвидирован доктором Уиллерсом, быстро организовавшим рентгеноскопический осмотр, с помощью которого было установлено, что все идет нормально.

Общее настроение в мае можно описать как бодрое, хотя то тут, то там проглядывало с трудом сдерживаемое ожидание конца затянувшейся кампании. Доктор Уиллерс, ранее горячий приверженец того, чтобы детей принимали в клинике Трайна, пересмотрел свое мнение. Во-первых, в том случае, если с детьми оказалось бы что-то неладно, все попытки удержать события в тайне были бы обречены на провал. Во-вторых, в Трайне не нашлось бы коек, чтобы справиться с одновременной госпитализацией практически всего женского населения Мидвича, а это одно уже дало бы пищу для прессы. Поэтому он совершенно загнал себя, стараясь создать наилучшие условия на месте. Сестра Даниельсон также трудилась без устали, и вся деревуш-

* Улица в Лондоне, где расположены редакции крупных газет.

ка благодарила Бога за то, что в Потерянный день сестра случайно оказалась в отъезде.

Уиллерс, как стало известно, договорился насчет временного помощника на первую неделю июня, а также организовал целую команду акушерок на более поздний срок. Маленькая комнатушка в мэрии, выделенная для комитета, превратилась в склад, куда уже прибыло несколько контейнеров с лекарствами, присланных фармацевтическими фирмами.

Мистер Либоди тоже до смерти устал. Его очень жалели из-за состояния супруги и относились к нему с большим уважением, чем когда бы то ни было. Миссис Зиллейби твердо придерживалась курса на укрепление духа солидарности и с помощью Джанет продолжала развивать идею, что Мидвич встретит свое неизвестное будущее мужественно и единым фронтом. Полагаю, именно благодаря их деятельности мы до сих пор почти не имели случаев психологических срывов, если не считать миссис Либоди и еще нескольких происшествий.

Сам Зиллейби имел менее четко очерченный круг обязанностей. Главной он считал обязанность, по его выражению, руководителя бригады по борьбе с распространением суеверий, причем в этой области он обнаружил особый талант пробуждать здравый смысл, не вызывая раздражения собеседников. Кое-кто подозревал, что мистер Зиллейби оказывал и материальную поддержку тем, кто страдал от бедности или от жизненных неурядиц.

Неприятности мистера Гримма в его взаимоотношениях с отделом кадров не кончились. Он обращался со все более настойчивыми требованиями к Бернарду Уэсткотту и уже дошел до того, что заявил, будто единственный способ избежать скандала в министерстве внутренних дел заключается в передаче его исследовательской лаборатории в ведение министерства обороны. Бернард, по-видимому, пытался этому способствовать, но одновременно просил, чтобы секретность соблюдалась на протяжении всего периода переговоров, как бы долго последние ни продолжались.

— С точки зрения Мидвича, — говорил, пожимая плечами, мистер Гримм, — все это к лучшему. Но вот какого черта вмешивается военная разведка, я совершенно не понимаю.

К середине мая наметились кое-какие изменения.

До сих пор подъем духа Мидвича, в общем, шел в ногу с весенним расцветом природы. Было бы преувеличением сказать, что

согласие теперь полностью нарушилось, хотя некоторые струны стали звучать явно приглушеннее. Ощущалось некое отчуждение, в выражении лица Мидвича появилась скрытая печаль.

— Скоро, — заметил Уиллерс Гордону Зиллейби, — скоро нам придется поднапрячься.

— Некоторые изречения, как известно, звучат лучше вне контекста, но вашу мысль я понял. Что сильно портит дело, так это дурацкие нашептывания выживших из ума старух. Тут и без них тяжело, а уж с ними — прямая дорога в сумасшедший дом. Как бы заткнуть им рты?

— Что там старухи! Неприятностей и без них по горло.

Зиллейби подумал и, нахмурившись, добавил:

— Тем не менее проблему надо решать. Думаю, мы кое-чего добились в этом отношении, раз затруднения возникли только теперь.

— Конечно, мы даже и предполагать не могли, что все пойдет так гладко. И этим мы обязаны в первую очередь миссис Зиллейби.

Зиллейби промолчал, но наконец, видимо, решился:

— Я очень беспокоюсь за нее, Уиллерс. И хотел бы, чтобы вы с ней поговорили.

— Поговорить? О чем?

— Она напугана гораздо больше, чем мы думаем. Я обнаружил это несколько дней назад, причем вспышка произошла без всякой внешней причины. Я как-то случайно поднял глаза и увидел, что она не отрываясь, с ненавистью смотрит на меня. Но ведь она относится ко мне совсем иначе... А потом, как будто я сказал ей что-то обидное, ее прорвало: «Мужчине, конечно, просто, ему не приходится выносить все это, и он обо всем осведомлен заранее. Разве он может понять? Даже если намерения у него самые наилучшие, он все равно остается в стороне! По-настоящему он никогда не узнает, каково нам приходится, даже когда все нормально. А что же говорить о том, что выпало на нашу долю сейчас? О том, каково лежать по ночам без сна и чувствовать всю глубину унижения от того, что тебя просто используют! Будто ты вовсе не человек, а какой-то механизм вроде инкубатора... А потом час за часом и ночь за ночью гадать, что именно тебя заставляют вынашивать. Конечно же, ты не способен понять, каково это, — где уж тебе! Как это непереносимо, как разъедает душу! Нет, я больше не выдержу! Знаю, что не выдержу. Дальше так жить нельзя!»

Зиллейби помолчал и встряхнул головой.

— И ведь ничего нельзя сделать. Я даже не пытался остановить ее. Решил, будет лучше дать ей выговориться. Мне только хочется, чтобы вы с ней поговорили и попробовали ее разубедить. Она знает, что все анализы и рентгеноскопия говорят о нормальном развитии плода, тем не менее вбила себе в голову, что вы обязаны так говорить из соображений профессиональной этики. Хотя тут я с ней не могу не согласиться.

— Клянусь Богом, я говорил правду! — ответил доктор. — Скажу по чести, не знаю, что бы я сказал, если б это было не так, но знаю, что вряд ли нам тогда удалось бы пройти наш путь без больших потерь. Уверяю вас, никто, включая и моих пациентов, не радуется этому больше меня. Не волнуйтесь! Я с чистой совестью могу успокоить вашу жену, во всяком случае, в этом вопросе. Она не первая, кто сходит с ума из-за этих мыслей, и, уж конечно, не последняя. Однако только мы справимся с этой проблемой, как женщины тут же найдут себе новый повод для беспокойства.

— Да уж, нелегкое времечко нам предстоит, что и говорить.

Уже через неделю стало ясно, что прогноз Уиллерса имеет шансы оказаться бледной тенью действительности. Ощущение предгрозового состояния не только не пропадало, а почти зримо усиливалось со дня на день. К концу следующей недели единый фронт Мидвича пошатнулся. Взаимопомощь явно сдавала позиции, и мистеру Либоди пришлось принять на свои плечи груз растущей тревоги общины. Он трудился, не жалея сил, организовывал специальные дневные службы, а в остальное время ходил из дома в дом, ободряя своих прихожан как мог.

Зиллейби обнаружил, что спрос на его услуги резко упал. Рационализм явно пришел в немилость. Зиллейби был странно молчалив и, верно, охотно превратился бы в невидимку, если бы представилась такая возможность.

— Вы заметили, — спросил он, зайдя вечером в коттедж мистера Гримма, — вы заметили, как злобно они смотрят на мужчин? Как будто мы дали взятку Господу Богу, чтобы при рождении обрести свой пол. Иногда это начинает раздражать. У вас в Грейндже то же самое?

— Началось было, — признался мистер Гримм, — но мы пару дней назад отправили всех женщин в отпуск. Кто захотел уехать домой — уехал. Остальные разместились на квартирах, рекомендованных доктором. В результате работа идет лучше, чем раньше. А то дела было совсем пошли наперекосяк.

— Мягко сказано, — отозвался Зиллейби. — Мне лично никогда не приходилось работать на заводе взрывчатых веществ, но теперь я отлично представляю себе, каково там. Чувствуешь, что в любой момент может произойти нечто ужасное и непоправимое. А сделать ничего нельзя. Остается лишь сидеть да молиться, чтобы ничего не случилось. Откровенно говоря, не знаю, как мы протянем месяц или сколько там еще осталось. — Он пожал плечами и покачал головой.

Но именно в тот самый момент, когда Зиллейби печально покачивал головой, ситуация неожиданно улучшилась. Дело в том, что с мисс Лэмб, которая приобрела привычку медленно прогуливаться по вечерам под зорким присмотром мисс Латтерли, в этот вечер произошел несчастный случай. Одна из молочных бутылок, аккуратно поставленных у задней двери коттеджа, каким-то образом опрокинулась, и, выходя из дома, мисс Лэмб наступила на нее. Бутылка покатилась, мисс Лэмб упала.

Мисс Латтерли втащила ее в дом и бросилась к телефону.

Миссис Уиллерс еще не легла спать, когда часов пять спустя после вызова доктор вернулся домой. Она услышала, как подъехал автомобиль, и, открыв дверь, увидела мужа, стоящего на пороге, растрепанного и жмурящегося от света. За все время супружеской жизни миссис Уиллерс видела его в таком виде не больше двух раз и теперь в тревоге схватила за руку.

— Чарли! Чарли, дорогой, что случилось? Неужели?..

— Я пьян, Милли. Извини. Не обращай внимания.

— Ох, Чарли! А ребенок?

— Реакция, родная. Пр'сто реакция. Ребенок в полном п'рядке. В полном п'рядке. Абс'лютно. П'рядок!

— Благодарю тебя, Господи! — воскликнула миссис Уиллерс, вкладывая в эти слова больше, чем когда-либо вкладывала в молитву.

— У него золотые глаза, — отозвался ее супруг. — Странно... Но что можно возразить против золотых глаз? Верно?

— Ничего, мой родной, конечно, ничего.

— Все в п'рядке, кроме золотых глаз. А без них — все в п'рядке.

Миссис Уиллерс помогла мужу снять пальто и довела до гостиной. Он рухнул в кресло и долго сидел согнувшись и тупо глядя перед собой.

— Г-г-глупо, правда? — сказал доктор. — Сколько потрачено нервов! А теперь полный порядок. Я... я... я... — И внезапно он зарыдал, спрятав лицо в ладони.

Миссис Уиллерс присела на ручку кресла и обняла мужа за плечи.

— Ну-ну, мой родной. Теперь все хорошо. Самое страшное позади. — Она наклонилась и поцеловала его.

— Мог ведь оказаться и черным, и желтым, и зеленым, и похожим на обезьяну! Рентген-то этого не показывает, — сказал он. — Мидвичские дамы просто обязаны заказать для церкви витраж в честь мисс Лэмб.

— Верно, верно, дорогой. Ты только не волнуйся. Сам же сказал, что ребенок отличный.

Доктор Уиллерс несколько раз кивнул в подтверждение.

— Это правильно! Отличный! — повторял он после каждого кивка. — Исключая золотые глаза. Но ведь золотые глаза — это ничего? Согласна? Овечки... овечки, моя дорогая, могут теперь пощипывать травку без опаски... Без опаски... Без опаски... Господи, до чего же я устал, Милли...

А месяц спустя Гордон Зиллейби задумчиво прохаживался по приемной комнате лучшего родильного дома в Трайне. Усилием воли он заставил себя остановиться и сесть в кресло. Очень глупо так вести себя в столь почтенном возрасте! Для молодого человека подобное поведение еще приемлемо, но несколько последних недель весомо довели до его сведения тот факт, что он уже далеко не юн. Сейчас Зиллейби чувствовал себя раза в два старше, чем год назад. И тем не менее, когда через десять минут сестра, шурша накрахмаленным халатом, вплыла в комнату, она увидела, что он снова ходит по паркетному полу, меряя комнату из конца в конец.

— Мальчик, мистер Зиллейби, — сказала она. — И мне особо поручено передать вам, что у него и в самом деле наследственный нос семейства Зиллейби.

ГЛАВА 12

Урожай в закромах

Во второй половине чудесного дня последней недели июля Гордон Зиллейби, выйдя с почты, наткнулся на небольшую семейную процессию, появившуюся из церковных дверей. Центром процессии была девушка, которая несла на руках новорожденного, завернутого в белую шерстяную шаль. Девушка выглядела слишком юной, чтобы быть матерью, — вряд ли она успела окончить школу. Зиллейби благосклонно улыбнулся этой группе и с поклоном принял ответные улыбки, но, когда процессия миновала его, он долго провожал ее глазами, наблюдая, как один ребенок несет другого. Глаза Зиллейби подернула грусть. Когда он поравнялся с калиткой в церковной ограде, на дорожку вышел преподобный Губерт Либоди.

— Привет, викарий! Все еще вербуете рекрутов, как погляжу? — усмехнулся Гордон.

Мистер Либоди поздоровался, и они пошли рядом.

— Теперь полегчало, — промолвил мистер Либоди. — Еще двое-трое и все.

— Значит, успех стопроцентный?

— Выходит, так. Должен сознаться, что я не ожидал такого результата, но они, кажется, если и не считают, что дело полностью уладилось, то уверены, что, во всяком случае, находятся на пути к этому. И я очень рад. — Викарий на мгновение замолк, потом продолжил: — Вот, например, эта девица — Мэри Хисти. Она выбрала для сына имя Теодор. Выбор, как я считаю, принадлежит только ей. И мне он нравится.

Зиллейби, обдумав сказанное, кивнул:

— Мне тоже, викарий. Мне он очень нравится. И знаете, заслуга в этом главным образом ваша.

Мистер Либоди явно был польщен, но не согласился.

— Нет-нет. То, что такой ребенок, как Мэри, захотела назвать свое дитя Божьим Даром вместо того, чтобы стыдиться его, — заслуга всей деревни.

— Но деревня-то нуждалась в том, чтобы ей показали, как она должна себя вести по законам человечности.

— А это уж результат общей работы под начальством такого славного капитана, как миссис Зиллейби.

Некоторое время они шли молча, потом Зиллейби сказал:

— Однако факт остается фактом: как бы к этому ни относилась девушка, она все равно ограблена. Сразу и неожиданно ее перенесли из детства в материнство. Мне это кажется очень грустным. Ей не дали ни единого шанса, так сказать, расправить собственные крылья. Ее лишили радости ощутить всю поэтичность перехода из одного состояния в другое.

— С этим, пожалуй, можно согласиться, хотя у меня и есть кое-какие сомнения. Во-первых, поэты как настоящие, так и неосуществившиеся встречаются редко, а во-вторых, в стране гораздо больше людей, чем того хотелось бы нашему обществу, обладающих темпераментом, который влечет за собой немедленный переход от кукол к детям.

Зиллейби сокрушенно покачал головой:

— Пожалуй, вы правы. Всю свою жизнь я разоблачаю тевтонский взгляд на женщину, и всю жизнь девяносто процентов женщин доказывают мне, что они против него ничуть не возражают.

— А кроме того, — указал мистер Либоди, — найдется немало и таких, о ком никак не скажешь, что их ограбили.

— Верно. Я только что видел мисс Огл. Может быть, она все еще пребывает в изумлении, но определенно в ней уже преобладает чувство восхищения. Можно подумать, что все произошедшее — какой-то волшебный фокус, который она сама придумала и только не знает, как это у нее получилось так здорово. — Он помолчал, потом продолжил: — Жена сказала, что миссис Либоди через несколько дней возвращается домой. Мы рады за нее.

— Доктора вполне удовлетворены ее состоянием. Она совершенно поправилась.

— А как ребенок? Хорошо?

— Да, — ответил мистер Либоди с некоторым колебанием в голосе. — Дора его прямо-таки обожает.

Он остановился у калитки, ведущей в сад, откуда был виден большой коттедж, расположенный в некотором удалении от дороги.

— Ах да! — кивнул Зиллейби. — Ну, и как же чувствует себя мисс Форшем?

— В настоящее время она очень занята. У нее новый помет ретриверов. Она продолжает уверять, что щенки куда интереснее, чем дети, но, кажется, эта убежденность дает трещину.

— Точно такие же признаки наблюдаются даже у самых ожесточенных, — согласился Зиллейби. — Что до меня, то есть с точки зрения мужчины, то сегодняшнее состояние деревни представляется мне отдыхом после битвы.

— Немудрено. Это была настоящая битва, — согласился мистер Либоди, — но ведь битвы, в конце концов, лишь часть большой кампании. Нам предстоит еще многое.

Зиллейби выжидательно смотрел на него.

Мистер Либоди продолжал:

— Кто эти дети? Есть нечто странное в том, как они смотрят на нас своими удивительными глазами. Они... Они, знаете ли, пришельцы, чужаки. — Он помолчал. — Я понимаю, у меня не тот тип мышления, который вам импонирует, тем не менее я постоянно возвращаюсь к мысли, что все это есть ниспосланное нам испытание.

— Кем и кому? — задал вопрос Зиллейби.

Мистер Либоди покачал головой:

— Этого, возможно, мы никогда не узнаем, хотя испытание, конечно, для всего Мидвича. Мы ведь могли отринуть навязанную нам ситуацию, а мы ее приняли и вышли из нее с честью.

— Что ж, — грустно улыбнулся Зиллейби, — будем надеяться, что мы не совершили ошибки.

Мистер Либоди, казалось, удивился.

— Так, а как же иначе?..

— Не знаю. Разве можно что-либо знать наперед, если имеешь дело с чужаками?

На том они и расстались. Мистер Либоди отправился по своим делам, а Зиллейби — в глубокой задумчивости — продолжал прогулку.

Из задумчивости он вышел, лишь когда оказался на площади. Его внимание привлекла миссис Бринкман, которую он увидел еще издалека. Только что она толкала перед собой новенькую, сверкающую лаком коляску и вдруг внезапно остановилась, с беспомощной растерянностью глядя на ребенка. Вынула его из коляски и отошла к Мемориалу. Там уселась на ступеньку, расстегнула блузку и дала ребенку грудь.

Зиллейби продолжал идти вперед. Приблизившись к миссис Бринкман, он вежливо приподнял свою изрядно поношенную шляпу. На лице миссис Бринкман появилось выражение

негодования. Она покраснела, но не шевельнулась. Затем, как если бы Зиллейби сказал ей что-то, она заговорила, будто оправдываясь:

— Это же естественно, не правда ли?

— Моя дорогая леди, это классика! Один из величайших символов жизни, — заверил ее Зиллейби.

— Тогда поскорее убирайтесь отсюда! — выкрикнула миссис Бринкман и заплакала.

Зиллейби колебался.

— Не могу ли я быть чем-либо...

— Можете! Убирайтесь! — повторила она. — И уж не думаете ли вы, что я по своей воле устроила для вас это представление? — Голос ее прерывался от слез.

Зиллейби по-прежнему никак не мог решиться уйти.

— Она голодна, — сказала миссис Бринкман. — Вы бы поняли, каково это, если бы ваш ребенок был ребенком Потерянного дня. А теперь, умоляю вас, уходите.

Для продолжения разговора время было явно неподходящее. Зиллейби еще раз приподнял шляпу и исполнил наконец просьбу миссис Бринкман. Он шел, в удивлении морща лоб, чувствуя, что какая-то информация явно прошла стороной — что-то от него скрыли.

Когда Зиллейби одолел половину подъездной дорожки к Кайл-Мэнору, внезапный гудок автомобиля заставил его отступить на обочину, чтобы пропустить машину. Та, однако, не промчалась мимо, а остановилась. Повернувшись, Зиллейби увидел не пикап торговца, как ожидал, а маленький черный автомобиль, за рулем которого сидела Феррилин.

— Дорогая! — воскликнул Зиллейби. — Очень рад тебя видеть! А я и не знал, что ты собиралась к нам. И почему мне никогда ничего не говорят...

Но Феррилин не ответила на его улыбку. Лицо ее было бледным и усталым.

— Никто и не знал, что я приезжаю. Включая и меня. Я совсем не собиралась ехать. — Она поглядела на ребенка, лежавшего в складной кроватке на сиденье рядом с ней. — Он заставил меня приехать, — тяжело вздохнула Феррилин.

ГЛАВА 13

Одно к одному

Первой на следующий день в Мидвич из Норвича вернулась со своим ребенком доктор Маргарет Хэксби. К этому времени мисс Хэксби уже не числилась в штате Грейнджа, она уволилась оттуда два месяца назад, но тем не менее явилась именно в Грейндж и потребовала, чтобы ее приютили. Двумя часами позже приехала мисс Диана Даусон — откуда-то из окрестностей Глостера, тоже с ребенком и с требованием приюта и заботы. С ней было легче, чем с мисс Хэксби, так как она все еще состояла в штате лаборатории, хотя до конца ее отпуска оставалось несколько недель. Третьей прибыла мисс Полли Растон из Лондона, тоже с ребенком, тоже в полном расстройстве чувств, и обрела пристанище у своего дяди — преподобного Губерта Либоди.

Через день примчались еще две бывшие сотрудницы Грейнджа, с детьми, разумеется. Они, хотя уже и расстались с этой службой, без обиняков дали понять, что считают Грейндж обязанным обеспечить им жилье в Мидвиче. В полдень того же дня прибыла с ребенком молодая мисс Дорри, проживавшая в Давенпорте, где служил ее муж. Она заняла собственный пустующий коттедж.

А на следующий день из Дарема, захватив ребенка, приехала последняя из числа пострадавших в Потерянный день сотрудница Грейнджа. Официально она находилась в отпуске и потребовала немедленно предоставить ей помещение. Самой последней вернулась мисс Латтерли с ребенком мисс Лэмб, срочно покинувшая Истберн, куда она в свое время вывезла мисс Лэмб на поправку.

Отношение к этому потоку мам с детишками было сложным. Мистер Либоди тепло встретил племянницу, хотя ее приезд и повлек за собой некоторые изменения в образе жизни викария. Доктор Уиллерс был ошарашен и огорчен, равно как и миссис Уиллерс — та боялась, что такой поворот событий заставит доктора отложить столь нужный ему отпуск, об организации которого она уже начала хлопотать. Гордон Зиллейби хранил вид человека, с завидным спокойствием изучающего интересный феномен. Без сомнения, лицом, на которое такое развитие событий оказало наибольшее воздействие, был мистер

Гримм. На его физиономии поселилось выражение постоянной тревоги.

На Бернарда посыпались отчеты, требовавшие принятия срочных мер. Джанет и я считали, что первый и, вероятно, самый трудный период уже позади, что дети появились на свет, не вызвав всеобщего любопытства к обстоятельствам их рождения, однако если Бернард по-прежнему заинтересован в сохранении тайны, то нынешнее развитие событий требует немедленного вмешательства. Необходимо разработать планы организации ухода за детьми, их воспитания и так далее, причем все это должно быть поставлено на прочную официальную основу.

Мистер Гримм сообщил, что отклонения от нормы у его сотрудниц достигли такого размаха, что без вмешательства в это дело высших сфер может завариться ужаснейшая каша.

Доктор Уиллерс посчитал необходимым изложить свои соображения в трех докладных записках. Первая была переполнена медицинской терминологией и носила сугубо официальный характер. Вторая выражала его мнение, изложенное человеческим языком, и предназначалась для лиц без медицинского образования. Среди главных положений этой записки было следующее:

«Родились живыми — 100%, в результате чего на свет появились тридцать один мальчик и тридцать девочек данного типа. Хотя наблюдения по необходимости имеют поверхностный характер, можно отметить следующие общие для всех детей черты.

Самое поразительное — глаза. По своему строению они, по-видимому, не отличаются от наших. Однако радужная, как мне кажется, имеет совершенно уникальную окраску — она яркого, можно сказать, светящегося золотого цвета, причем этот цвет у всех детей имеет совершенно одинаковый тон.

Волосы отменно мягкие и тонкие, по цвету приближаются к светло-русым. Под микроскопом, в сечении, волос плоский с одной стороны и выпуклый с другой — форма, близкая к латинской букве «D». Образчики, взятые у восьми детей, идентичны. В специальной литературе мне не удалось обнаружить упоминания о таких волосах. Ногти на руках и ногах чуть более узкие, чем обычно, но ничего похожего на когтистость не наблюдается. Насколько я могу судить, они более уплощены, чем у нормальных детей. Форма затылка, возможно, несколько необычна, но об этом пока рано судить с уверенностью.

В предыдущем отчете высказывалось мнение, что происхождение детей может быть связано с ксеногенезом. Удиви-

тельное сходство детей между собой доказывает, что они не являются гибридами каких-либо известных человеческих типов, да и все обстоятельства, сопровождавшие беременность, подтверждают эту гипотезу. Дополнительные доказательства могут быть получены при определении группы крови.

Мне не удалось найти никаких сведений о возможности ксеногенеза у людей, но мне неизвестны и причины, которые сделали бы такое явление невозможным. Эта гипотеза зародилась, естественно, и у многих пострадавших женщин. Наиболее образованные из них полностью приняли версию, что они являются приемными, а не настоящими матерями. Менее образованные видят в этом нечто унизительное, а потому всячески гонят от себя мысли подобного рода.

Примечание: все дети кажутся вполне здоровыми, хотя у них отсутствует та «пухловатость», которую было бы естественно ожидать в их возрасте. Отношение размеров головы к размерам тела у них такое, какое обычно бывает у более взрослых детей. Странный серебристый отсвет кожи вызывает тревогу некоторых матерей, но обнаружен у всех детей и, вероятно, свойственен данному типу».

Прочтя этот доклад в полном виде, Джанет отнеслась к нему весьма критически.

— Послушайте, — заявила она, — а где же тут насчет возвращения в Мидвич матерей с детьми? И вообще, где анализ известных нам случаев вынужденных действий родителей? Нельзя проходить мимо них!

— Все это просто форма истерии, дающая начало коллективным галлюцинациям, возможно, скоротечным, — ответил Уиллерс.

— Тем не менее все матери, как образованные, так и необразованные, единодушны в том, что дети могут понуждать и понуждают взрослых к различным поступкам. Те, которые уехали из Мидвича, вовсе не собирались сюда возвращаться. Они вернулись потому, что их заставили вернуться. Я разговаривала со всеми прибывшими, и все они показали, что у них внезапно возникло чувство тревоги, ощущение какой-то пустоты, которая, как это почему-то им было ясно, исчезнет только в том случае, если они вернутся. Их попытки описать свои ощущения дают разные результаты, поскольку и сила воздействия, видимо, была тоже различной. Одни чувствовали удушье, другие что-то похожее на голод или жажду, третьи вроде бы слышали не-

приятный, непрекращающийся ни на минуту шум. Феррилин утверждает, что она страдала труднопереносимым ознобом. Но при всех различиях матери понимали: их ощущения как-то связаны с детьми и единственный путь облегчить страдания — это приехать в Мидвич.

Мисс Лэмб испытывала то же самое, однако она была прикована к постели и вернуться в Мидвич не могла. И что ж? Давление переключилось на мисс Латтерли, которая не имела покоя, пока не взяла на себя роль заместительницы мисс Лэмб и не вернулась с ребенком в Мидвич. Как только мисс Латтерли прибыла сюда и передала дитя миссис Брант, наваждение прошло, и она смогла отправиться к мисс Лэмб в Истберн.

— Если, — внушительно сказал доктор Уиллерс, — если мы станем принимать россказни старух и даже молодух за истину, если мы вспомним, что большинство домашних обязанностей смертельно однообразны и не дают пищи уму, так что любое семя, попавшее туда, может произвести на свет целые джунгли, тогда вряд ли нам стоит удивляться, что все искажено, лишено логики, как в ночном кошмаре, что вещи предстают скорее как символы, чем как сущности.

С чем мы столкнулись? С определенным числом женщин, ставших жертвами неслыханного и до сих пор необъясненного феномена, и с определенным числом детей, не вполне схожих с обычными детьми, появившихся в результате этого феномена. Согласно хорошо известной логике, женщина хочет, чтобы ее ребенок был совершенно нормален и в то же время лучше остальных детей. И когда какая-то из этих женщин оказывается изолированной вместе со своим ребенком от товарищей по несчастью, то в ней неизбежно растет опасение, что ее золотоглазое чадо не вполне нормально по сравнению с ребятишками, которых она видит кругом. Ее подсознание возбуждено, и возбуждение достигает той точки, когда приходится либо признать данный факт, либо как-то его сублимировать. Самый простой способ — перенести Необычайное в такую обстановку, где оно перестает казаться Необычайным, если, конечно, таковая обстановка существует. В нашем случае такое место есть — это Мидвич. Поэтому они хватают своих детишек и возвращаются сюда, где все совершенно прелестно улаживается, во всяком случае, на какое-то время.

— Мне кажется, что именно такое прелестное успокоительное мы и получаем в данную минуту, — откликнулась Джанет. — А что вы скажете насчет миссис Велт?

Случай, на который намекала Джанет, произошел, когда однажды утром миссис Брант, зайдя в лавочку миссис Велт, застала странную картину: хозяйка втыкала в себя булавку и горько плакала от боли. Миссис Брант это показалось странным, и она почти насильно отвела миссис Велт к доктору Уиллерсу. Тот дал миссис Велт успокоительное, и, когда ей стало лучше, она объяснила, что, меняя ребенку пеленки, нечаянно уколола его булавкой. И тогда, согласно ее словам, ребенок взглянул на нее в упор своими золотыми глазами и заставил втыкать булавку в собственное тело.

— Ну уж! — возразил Уиллерс. — Если у вас есть в запасе лучшее описание истерического раскаяния вроде власяниц и тому подобного, я был бы рад его услышать.

— А Гарриман? — настаивала Джанет.

Гарриман однажды ввалился в хирургический кабинет Уиллерса в жутком виде: нос сломан, выбиты несколько зубов, подбиты оба глаза. На него напали, объяснил он, трое неизвестных мужчин. Правда, кроме него, никто этих мужчин не видел. Зато двое мальчишек, случайно заглянувших в окно, болтали, что будто бы видели Гарримана в бешенстве бьющим кулаком по собственному лицу. А на следующий день кто-то заметил на щечке гарримановского ребенка свежий кровоподтек.

Доктор Уиллерс пожал плечами.

— Если бы Гарриман объявил, что на него напало стадо розовых слонов, я бы и тут не удивился, — хмыкнул он.

— Ладно, если вы не собираетесь вносить это в свою докладную записку, я отмечу свое особое мнение, — ответила Джанет.

Что она и сделала. Ее записка кончалась так: «По моему мнению, равно как и по мнению других лиц, исключая доктора Уиллерса, это не проявление истерии, а объективные факты. Эту ситуацию необходимо учитывать, а не отбрасывать как несущественную. Ее нужно исследовать и искать ей объяснения. Среди слабонервных людей уже наблюдается тенденция приписывать ее сверхъестественным силам и наделять детей магическими свойствами. Такая чушь пользы не принесет и может повлечь за собой то, что Зиллейби называет «синдром сумасшедшего дома». Следует провести непредвзятое исследование».

Организация исследований, хотя и более обширного характера, была темой и третьей докладной записки Уиллерса, носившей характер явного протеста.

«Во-первых, я не понимаю, почему в это дело вмешивается военная разведка. Во-вторых, если такое вмешательство необходимо, то почему она присвоила право быть единственной заинтересованной стороной?

Подобные действия ошибочны в своей основе. Кто-то же обязан организовать детальное изучение этих детей! Я, конечно, записываю свои наблюдения, но это всего лишь наблюдения рядового практикующего врача. Здесь нужна большая группа экспертов. Я молчал до рождения детей, так как думал (и думаю сейчас), что так будет лучше для всех замешанных в этом деле и в первую очередь для матерей. Однако ныне нужда в молчании отпала.

Мы уже свыклись с фактами вмешательства военных в самые различные области науки, хотя в большинстве случаев оно ни к чему хорошему не ведет, однако нынешняя ситуация — случай, выходящий из ряда вон.

Просто позор, что такие события будут и дальше скрыты от общественности, а их изучение останется практически заброшенным.

Если это не пример обструкционизма, то тогда это скандал чистой воды! Что-то должно быть предпринято, хотя бы и в рамках закона о сохранении государственной тайны, если уж это так необходимо! Пока же потрясающая возможность сравнительного изучения близнецов просто отбрасывается.

Вспомните, сколько труда вложено в изучение простых «четверней» и «пятерней» близнецов, и взгляните на тот материал, которым мы располагаем в данном случае. Шестьдесят один близнец — все похожи так, что большинство матерей не может их различить (матери это отрицают, и тем не менее это так). Подумайте об исследованиях, которые можно провести в области сравнительного изучения воздействия окружающей среды, закаливания, общения, диеты и прочего. То, что происходит сейчас, можно уподобить сожжению еще ненаписанных книг. Необходимо что-то делать, пока шанс не утерян».

Обвинения вызвали немедленное появление Бернарда и длительную и весьма желчную дискуссию. Последняя закончилась тем, что доктор Уиллерс частично удовлетворился обещанием Бернарда побудить министерство здравоохранения к быстрым и решительным действиям.

После того как все разошлись, Бернард сказал:

— Теперь, когда официальная заинтересованность Мидвичем стала более явной, может оказаться полезным (и даже по-

зволит избежать в будущем многих осложнений) привлечение на нашу сторону симпатий Зиллейби. Как вы думаете, нельзя ли организовать встречу с ним?

Я тотчас позвонил Зиллейби, тот сразу же согласился, и после обеда я проводил Бернарда в Кайл-Мэнор и оставил их наедине. Когда через два часа Бернард вернулся в наш коттедж, он был очень задумчив.

— Ну, — спросила Джанет, — что же вы думаете о нашей мидвичской достопримечательности?

Бернард покачал головой и посмотрел на меня.

— Просто поражаюсь Зиллейби, — сказал он. — Ваши докладные, Ричард, великолепны, но я сомневаюсь, что его персона получила в них правильное освещение. О, конечно, ему свойственно излишнее многословие, которое может показаться иногда, как я представляю, пустопорожним, однако вы слишком много места отвели описанию манеры и слишком мало — сути.

— Сожалею, что навел вас на ложный след, — согласился я. — Беда Зиллейби в том, что суть его речей трудно ухватить, а иногда она совершенно ускользает. Очень малая часть того, что он говорит, годится для включения в докладную записку. Он зачастую упоминает о чем-то en passant*, и к тому времени, когда вы начинаете обдумывать сказанное, вы уже не знаете, упомянул он это с серьезным намерением или просто проигрывал возможные гипотезы. Уж если на то пошло, то вы не уверены и в том, он ли вам на что-то намекнул или вы сами это вообразили. Вот ведь в чем тут проблема.

Бернард понимающе кивнул.

— Да, против этого трудно возразить. У меня сложилось такое же впечатление. В конце разговора Зиллейби чуть ли не десять минут потратил на то, чтобы сообщить, будто он недавно пришел к мысли, что с биологической точки зрения цивилизация есть форма социального упадка. От этого он перешел к рассуждениям, что разрыв между homo sapiens и другими видами не так уж велик. Затем высказал предположение, что для нашего развития было бы лучше, если бы нам пришлось в свое время бороться за первенство с другими разумными или по крайней мере с полуразумными видами. Я уверен, что все это говорилось с каким-то подтекстом, но будь я проклят, если знаю — с каким!

Ясно одно — при всей своей рассеянности, Зиллейби почти ничего не упускает из поля зрения... Кстати, он, так же как и

* мимоходом (*фр.*).

доктор, твердо стоит на позициях необходимости экспертного наблюдения, особенно в отношении способности детей понуждать взрослых к действиям. При этом исходит из совершенно иных предпосылок. Он не считает эти проявления следствием истерии и очень интересуется тем, что же это такое. Между прочим, вы, видимо, пропустили один факт: вам известно, что дочь Зиллейби вчера попыталась увезти своего ребенка на автомобиле?

— Нет, — ответил я. — А что значит «попыталась»?

— Только то, что, проехав шесть миль, ей пришлось вернуться обратно, отказавшись от этой затеи. Ребенку ее намерение явно не понравилось. Феррилин выразилась так: «Очень плохо, если ребенок постоянно держится за материнский передник, но еще хуже, если мать оказывается привязанной к слюнявчику своего дитяти». Зиллейби считает, что ему придется принять меры.

ГЛАВА 14

Проблемы осложняются

Прошло не меньше трех недель, прежде чем Алану Хьюэсу удалось вырваться на уик-энд, так что намерение Зиллейби «принять меры» пришлось отложить на этот срок.

К тому времени нежелание Детей (упоминая их, местные жители стали как бы применять прописное Д, чтобы отличить их от собственных детишек) покидать ближайшие окрестности деревушки стало общеизвестным фактом. С этим обстоятельством были связаны довольно большие неудобства, так как матери, если ей надо было поехать в Трайн или куда-нибудь еще, приходилось искать человека для ухода за ребенком. Впрочем, теперь на подобные неудобства внимания не обращали, рассматривая их как причуду или просто как еще одно затруднение в ряду других, возникающих после рождения ребенка.

Зиллейби, однако, отнесся к делу серьезнее, хотя все же дотерпел до вечера воскресенья, чтобы изложить свое мнение зятю. Уверенный в необходимости откровенного разговора, он отвел Алана к шезлонгам, расставленным под кедром на лужайке, где никто не мог им помешать. Как только они уселись, Зиллейби приступил к делу с непривычной для него прямотой.

— Вот что я хочу тебе сказать, мой мальчик: я был бы счастлив, если бы ты забрал Феррилин с собой. И чем скорее, тем лучше.

Алан посмотрел на тестя с удивлением, а затем нахмурился.

— Для меня нет ничего более желанного, чем жизнь вместе с Феррилин.

— Конечно, конечно, дружок! В этом никто не сомневается. Сейчас меня занимает нечто гораздо более серьезное, чем удобства вашей личной жизни. Я думаю не о том, чего хочется кому-то из вас, а о том, что должно быть сделано, причем не столько ради тебя, Алан, сколько ради Феррилин.

— Она и сама хочет уехать. Она же пыталась сделать это однажды, — напомнил ему Алан.

— Знаю. Но она попыталась взять с собой ребенка, а тот заставил ее вернуться точно так же, как раньше заставил приехать сюда, и точно так же, как, по-видимому, снова принудит возвратиться, если Феррилин повторит свою попытку. Если бы тебе удалось уговорить ее, мы смогли бы обеспечить здесь прекрасный уход за ребенком. Есть признаки того, что, если ребенка разлучить с матерью, он не будет пытаться, а фактически не сможет возбудить в ней эмоции более сильные, чем обычное чувство привязанности.

— Однако, если верить Уиллерсу...

— Уиллерс всего лишь пытается отпугнуть одолевающий его страх. Он отказывается видеть то, чего видеть не желает. Думаю, не имеет смысла опровергать ту казуистику, которой он надеется успокоить себя, поскольку она не выдерживает никакой критики.

— Вы предполагаете, что истерия, на которую ссылается доктор Уиллерс, не есть реальная причина возвращения Феррилин и других матерей?

— А что такое истерия? Функциональное нарушение нервной системы. Естественно, нервная система большинства этих женщин находилась под сильнейшим стрессом, но беда Уиллерса в том, что он остановился как раз там, откуда должен был начать. Вместо того чтобы взглянуть проблеме прямо в лицо и честно спросить у себя, почему реакция матерей принимает столь причудливые формы, Уиллерс прячется за дымовой завесой околичностей вроде «долгого периода подавляемой тревоги». Я его не обвиняю. Он за это время многое перенес и так переутомился, что нуждается в отдыхе. Однако отсюда не следует, что

мы вправе позволить ему извращать факты, чем именно он и занимается сейчас. Например, хотя он все видел собственными глазами, ему тем не менее не хочется признать факт, что все проявления «истерии» происходят лишь в непосредственной близости от Детей.

— А это так? — в удивлении воскликнул Алан.

— Без исключения. Ощущение «давления» возникает только вблизи Детей. Изолируйте ребенка от матери, освободите мать от контакта с любым из Детей, и «давление» тут же снижается, постепенно сходя на нет. У одних женщин на это уходит больше времени, у других меньше, но исключений не бывает.

— Тогда я не понимаю... Я хочу сказать, каков же механизм действия?

— Понятия не имею. Можно предположить, что здесь действует что-то сходное с гипнозом. Каков бы ни был этот механизм, я совершенно уверен, что он приводится в действие сознательно и направляется самим ребенком. Возьми, например, случай с мисс Лэмб. Когда оказалось, что она физически не в состоянии подняться с постели, давление было немедленно перенесено на мисс Латтерли, которая до этого его совершенно не ощущала, и в результате ребенок получил то, чего добивался: вернулся в Мидвич, подобно всем остальным. А раз уж они сюда попали, то никому не удастся увезти их дальше чем на шесть миль от деревни.

Уиллерс утверждает, что истерия начинается у одной женщины, а другие бессознательно подхватывают ее и демонстрируют одинаковые симптомы. Однако если ребенка оставляют с соседкой, то мать может спокойно ехать в Трайн или куда ей надо, не испытывая никаких неприятных ощущений. Это, согласно Уиллерсу, происходит просто-напросто потому, что ее подсознание не ожидает ничего такого, что могло бы повредить ребенку в ее отсутствие. Вот и все.

Я говорю вот о чем: Феррилин не может взять с собой Дитя, но если она решит уехать, оставив его здесь, то ничто ее не задержит. Твоя обязанность — помочь ей принять такое решение.

Алан задумался.

— А не выйдет что-то вроде ультиматума — выбор между мной и ребенком? Вам не кажется, что такое средство слишком жестоко?

— Мой дорогой мальчик, ребенок-то уже предъявил свой ультиматум. То, что сделаешь ты, лишь прояснит ситуацию.

Единственный возможный компромисс для тебя означает полную сдачу на милость ребенка, а в результате — неизбежность собственного переезда к нам.

— Это совершенно исключается.

— Тем лучше. Феррилин, как мне кажется, вот уже несколько недель избегает думать об этой проблеме, но рано или поздно ей придется посмотреть правде в глаза. Твой долг состоит в том, чтобы помочь ей разглядеть стоящую перед ней преграду, а потом оказать содействие в ее преодолении.

Алан медленно выговорил:

— Не слишком ли много мы от нее требуем?

— А не слишком ли много требуют от мужа, если вдобавок он не отец ребенка?

— Гм-м, — отозвался Алан.

Зиллейби продолжал:

— Кроме того, по-настоящему этот ребенок и не ее, иначе бы я не стал говорить с тобой так, как говорю. Феррилин и все прочие — жертвы мошенничества: их обманом вовлекли в совершенно немыслимое положение. Был применен тщательно продуманный жульнический прием, превративший их в то, что в ветеринарной науке именуется «матерями-хозяйками» — родство лишь чуть более интимное, чем у обыкновенных приемных матерей, но, в общем, того же порядка. Этот ребенок не имеет ничего общего ни с тобой, ни с Феррилин, за исключением того, что с помощью какого-то пока не объяснимого приема Феррилин была поставлена в ситуацию, заставившую ее вынашивать и вскармливать чужого ребенка. Он не только не родственен вам с Феррилин, но не принадлежит ни к какой известной человеческой расе. Даже Уиллерс вынужден признать это.

Но если данный человеческий тип неизвестен, то сам феномен хорошо знаком — наши предки, не имевшие святой веры Уиллерса в научные каноны, изобрели для него особый термин. Они называли такие существа «подменышами», «оборотнями». И наши здешние дела не показались бы им в отличие от нас странными, поскольку предки страдали лишь религиозным догматизмом, который куда менее догматичен, чем научный.

Идея подмены вовсе не нова, наоборот, она очень стара и имеет весьма широкое распространение, ибо вряд ли могла зародиться без повода и сохраняться так долго без подкормки время от времени новыми фактами. Правда, случаи, когда воплощение этой идеи принимало бы такие масштабы, как у нас,

неизвестны. Но количество в данном случае нисколько не влияет на качество явления, оно лишь подтверждает его. Все эти золотоглазые Дети в количестве шестидесяти одного есть чужаки и оборотни. Точнее, просто кукушата.

Дальше. Самое важное в феномене кукушки не то, каким образом яйцо попадает в гнездо, и не то, почему выбрано именно это гнездо. Настоящая проблема возникает лишь после того, как кукушонок вылупится из яйца. Она состоит в том, как кукушонок поведет себя дальше. И каковы бы ни были его действия, они продиктованы инстинктом борьбы за существование, инстинктом, проявления которого всегда беспощадны.

Алан задумался.

— Вы и в самом деле уверены в правильности этой аналогии? — спросил он, чувствуя нарастающее беспокойство.

— Совершенно уверен, — заверил его Зиллейби.

Некоторое время оба сидели молча, Зиллейби — откинувшись на спинку шезлонга с заложенными за голову руками, Алан — глядя невидящими глазами в голубую даль.

— Хорошо, — наконец произнес Алан. — Большинство из нас, наверное, полагало, что после рождения детей все пойдет гладко. Признаюсь, сейчас картина выглядит иначе. Но что вы ожидаете в будущем?

— Я не предвижу ничего определенного, однако, по моим представлениям, приятного ждать не приходится, — ответил Зиллейби. — Кукушка выживает потому, что она безжалостна и у нее — лишь одна цель. Вот почему я надеюсь, что ты заберешь отсюда Феррилин и будешь держать ее подальше от нас.

В лучшем случае из нынешней ситуации не получится ничего хорошего. Ты должен помочь ей забыть этого оборотня, чтобы Феррилин смогла зажить нормальной жизнью. Сначала, без сомнения, ей будет трудно, но все равно не так, как если бы это было ее родное дитя.

Алан с силой разгладил ладонью морщины на лбу.

— Это очень тяжело, — сказал он. — Несмотря на известные обстоятельства, Феррилин питает к нему материнские чувства. Одновременно и чувство физической близости, и чувство ответственности, что ли...

— О, конечно! Именно так и работает этот механизм. Потому-то несчастная пичужка и доводит себя до смерти, пытаясь прокормить прожорливого кукушонка. Это и есть тот жульнический трюк, о котором я тебе говорил, — наглая эксплуатация

естественного чувства. Существование такого естественного чувства необходимо для сохранения вида, но и в цивилизованном обществе мы ведь не можем давать волю всем нашим естественным побуждениям, не так ли? В данном случае Феррилин должна воспротивиться шантажу.

— Если бы, — медленно заговорил Алан, — если бы дитя Анжелы оказалось одним из них, что бы вы сделали?

— То же самое, что я советую сделать тебе ради Феррилин. Забрал бы ее отсюда. Я разорвал бы связи с Мидвичем и продал бы свой дом, хотя мы оба горячо его любим. Может быть, мне еще и придется это сделать, хотя Анжела, к счастью, не связана со здешними обстоятельствами. Многое будет зависеть от развития событий. Подождем — увидим. В деталях, конечно, будущее трудно предугадать, но я не собираюсь полагаться на логические построения. Чем скорее Феррилин уедет отсюда, тем уверенней я буду чувствовать себя. Разговаривать с ней об этом я не считаю возможным. Во-первых, это такое дело, которое вам нужно решить самим, во-вторых, есть риск, что я, проясняя еще не вполне отчетливо видимую опасность, совершу ошибку и, например, подам ее как вызов, который следует принять. Ты же предложишь ей альтернативу. Однако, если тебе трудно и ты нуждаешься в чем-то, что нужно бросить на чашу весов, мы с Анжелой готовы поддержать тебя во всем.

Алан задумчиво кивнул.

— Надеюсь, в этом не будет необходимости. Мне кажется, помощь не потребуется. Нам обоим ясно, что долго так продолжаться не может. Теперь, когда вы меня подтолкнули, мы примем решение.

Они сидели, погруженные в глубокую задумчивость. Алан испытывал чувство освобождения благодаря тому, что его обрывочные предчувствия и подозрения были сведены в форму, требующую немедленного действия. Сильное впечатление на него произвело и то обстоятельство, что он не мог припомнить до сего дня ни одного разговора с тестем, где бы Зиллейби не смаковал одну соблазнительную гипотезу за другой, а так неуклонно придерживался бы главной темы. Такая богатая почва для множества интереснейших вопросов! Алан был уже готов задать кой-какие из них, но его остановило появление Анжелы, шедшей к ним через лужайку.

Она села в кресло рядом с мужем и попросила сигарету. Зиллейби протянул ей одну и зажег спичку. Он внимательно наблюдал, как Анжела пускает клубы дыма.

— Какие-нибудь неприятности?

— Трудно сказать. Я только что говорила по телефону с Маргарет Хэксби. Она улизнула.

Зиллейби выгнул бровь.

— Ты хочешь сказать, что она уехала?

— Да. Позвонила мне из Лондона.

— О! — воскликнул Зиллейби и погрузился в молчание.

Алан спросил, кто такая Маргарет Хэксби.

— Ох, извините. Вы же с ней наверняка не знакомы. Это одна из молодых сотрудниц Гримма. Вернее, была ею. Из числа самых способных, как говорят. Доктор философии Маргарет Хэксби, из Лондона.

— Одна из... э-э... пострадавших? — поинтересовался Алан.

— Да. И к тому же одна из самых разгневанных этим обстоятельством, — ответила Анжела. — В общем, она решила сбежать, оставив Дитя в буквальном смысле на коленях у Мидвича.

— Но откуда же ты узнала об этом, дорогая? — спросил Зиллейби.

— Ох, она просто решила, что я наиболее подходящий объект для официального уведомления. Заявила, что звонила мистеру Гримму, но его сегодня нет. Хотела договориться насчет ребенка.

— А где ребенок сейчас?

— Там, где она квартировала. В коттедже старшей миссис Дорри.

— А Маргарет, значит, просто сбежала?

— Именно. Миссис Дорри еще ничего не знает. Придется идти и разговаривать с ней.

— Все это может повлечь большие неприятности, — сказал Зиллейби. — Предвижу панику, которая охватит женщин, приютивших этих сотрудниц. Хозяйки вышвырнут их сегодня же вечером. Как бы оттянуть разглашение?.. Надо дать время Гримму добраться до дому и что-то предпринять. В конечном счете, деревня за его девиц не отвечает, во всяком случае, непосредственно... А может, она вернется?

Анжела отрицательно покачала головой.

— Нет, эта, я думаю, никогда не вернется. Она приняла решение не под влиянием минуты, она все отлично спланировала. Ее аргументация такова: она никого не просила о переводе в Мидвич, ее сюда просто назначили. Если бы ее назначили в район, где распространена желтая лихорадка, то администрация несла бы ответственность за возможные последствия. Что

ж, раз ее назначили сюда и она не по своей вине подцепила тут это, то пусть администрация и расхлебывает кашу.

— Гм-м, — произнес Зиллейби, — у меня ощущение, что такая параллель вряд ли будет принята официальными кругами без возражений. Однако...

— Хэксби, во всяком случае, считает именно так. Она наотрез отказывается от ребенка. Говорит, что несет за него не большую ответственность, чем за обычного подкидыша, а потому нет причин, чтобы она мирилась с его присутствием, как нет оснований требовать этого от нее, нарушая порядок ее жизни и работы.

— И при этом она собирается бросить Дитя на попечение прихода, если, конечно, не предполагает платить за него?

— Естественно, я спросила ее об этом. Она ответила, что деревня и Грейндж пусть хоть передерутся из-за ребенка, она, во всяком случае, за собой прав на него не признает. Она отказывается дать за него даже медный грош, так как с юридической точки зрения такая плата может быть расценена как признание ответственности. Тем не менее миссис Дорри или другое достойное лицо, которое захочет взять ребенка к себе, будет получать в среднем два фунта в неделю, высылаемых анонимно и нерегулярно.

— Ты права, дорогая. Хэксби все глубоко продумала, и нам придется с этим считаться. Но может ли это остаться безнаказанным? Мне представляется, что юридическая ответственность за Детей должна быть за кем-то закреплена. Другое дело, как? Может быть, следует обратиться к Службе социального обеспечения, и та через суд получит постановление о выплате алиментов?

— Не знаю. Но Хэксби, по-видимому, уже подумала о чем-то вроде этого. Если будут предприняты подобные шаги, она станет судиться. Утверждает, будто медицинское обследование покажет, что ребенок не ее, а отсюда вытекает следующее: раз она поставлена в ситуацию in loco parentis* без ее согласия и ведома, то никакая ответственность за Дитя на нее не может быть возложена. Если же она проиграет дело, то у нее еще останется возможность начать процесс против министерства за непринятие мер защиты, что нанесло ущерб ее личности. А может быть, за попустительство насилию или даже за сводничество. Она еще не решила, что предпочтет.

---

* приемного родителя (*лат.*).

— Еще бы, — сказал Зиллейби. — Стоило бы посмотреть, какой она получит приговор по такому иску.

— Ну, по-видимому, Хэксби считает, что так далеко дело не зайдет, — призналась Анжела.

— Что ж, тут она, полагаю, права, — согласился Зиллейби. — У нас самих есть некоторый опыт в подобных делах, и мы знаем, что администрация, стремясь удержать все в тайне, иногда бывает весьма решительна и дальновидна. Даже простые свидетельские показания в суде явились бы манной небесной для тысяч журналистов во всем мире. Надо думать, одно известие о таком суде сделало бы доктора Хэксби очень богатой женщиной. Бедный мистер Гримм, бедный полковник Уэсткотт! Боюсь, у них будут крупные неприятности! Интересно, достаточным ли влиянием они располагают в своих сферах?

Зиллейби погрузился на некоторое время в размышления, а потом заговорил опять:

— Дорогая, я только что разговаривал с Аланом насчет того, чтобы увезти отсюда Феррилин. Последние события делают это еще более необходимым. Если о них станет известно, то найдутся и другие, которые последуют примеру Маргарет Хэксби, не так ли?

— Да. На некоторых это может повлиять, — согласилась Анжела.

— В таком случае, особенно если предположить, что число последовательниц может быть значительным, не кажется ли тебе, что возможны контрдействия для прекращения подобного дезертирства?

— Но ведь ты сам говоришь, что они не захотят разглашать...

— Я имею в виду не власти, родная; нет, я думаю, что может произойти, если Дети так же настроены против того, чтобы их бросали, как были настроены против отъезда отсюда.

— Неужели ты допускаешь?..

— Не знаю. Я просто пытаюсь поставить себя на место кукушонка. В его положении я бы возмутился против любой попытки ослабить внимание к собственному комфорту и благополучию. Впрочем, для этого даже не надо быть кукушонком. Я, как ты понимаешь, только высказываю предположения, но мне кажется, следовало бы принять меры, чтобы Феррилин не оказалась в ловушке, если нечто подобное произойдет.

— Произойдет или нет, все равно ей лучше уехать, — согласилась Анжела. — Вы могли бы начать с предложения уехать на

две-три недели, а там посмотрим, как станут развиваться события, — обратилась она к Алану.

— Отлично! — ответил Алан. — Пожалуй, это дает мне неплохую отправную точку. Где Феррилин сейчас?

— Я оставила ее на веранде.

Супруги смотрели, как Алан пересекает лужайку и исчезает за углом дома. Гордон Зиллейби вопросительно поднял бровь.

— Думаю, это будет нетрудно, — сказала Анжела. — Естественно, ей тоскливо без мужа. Препятствует же отъезду сознание долга. Этот конфликт мучает Феррилин. Она очень устала.

— А как ты думаешь, насколько глубока ее привязанность к ребенку?

— Трудно сказать. В таких случаях женщина испытывает сильное давление социальных обычаев и традиций. Инстинкт самозащиты вынуждает приспосабливаться к общепринятым нормам. Что же касается личной порядочности, то для того, чтобы она заговорила, требуется какое-то время, если, конечно, ей вообще дадут право голоса.

— Но ведь ты же не Феррилин имеешь в виду? — Зиллейби, казалось, немного обиделся.

— О, она в полном порядке, я уверена. Однако до нужной кондиции еще не дошла. Взглянуть правде в глаза — дело нелегкое. Она претерпела много тягот и страданий, вынашивая Дитя, ровно столько же, как если бы оно было ее кровным, и теперь, после всего перенесенного, ей надо свыкнуться с мыслью, что дитя это чужое, а она — всего-навсего приемная мать. Это мучительно тяжело, и нужно время, чтобы привыкнуть к такой мысли. — Анжела помолчала, задумчиво глядя на лужайку. — Я каждый вечер читаю благодарственную молитву. Не знаю, куда она возносится, но мне просто хочется, чтобы где-то знали, как глубоко я благодарна.

Зиллейби взял жену за руку. После нескольких минут молчания он произнес:

— Интересно, существует ли более глупая и безграмотная катахреза*, чем выражение «Мать-Природа»? Ведь именно потому, что Природа сурова, безжалостна и жестока — гораздо больше, чем это можно себе представить, — возникла необходимость создать цивилизацию. Про диких животных говорят, что они жестоки, но самое свирепое животное кажется почти домашним в сравнении с жестокостью человека, скажем, потерпевшего кораблe-

* сочетание двух противоречивых друг другу понятий.

крушение. Жизнь насекомых — бесконечный процесс воспроизводства невообразимого ужаса. Нет более лживой концепции, нежели восхваление чувства покоя, навеваемого на нас Матерью-Природой. Ведь каждый вид стремится выжить и добивается этой цели всеми доступными ему средствами, как бы жестоки они ни были, разве что инстинкт самосохранения почему-либо слабеет в борьбе с другими инстинктами.

Анжела воспользовалась паузой, чтобы с некоторым нетерпением в голосе перебить мужа.

— Надеюсь, что ты ведешь разговор к чему-то определенному, Гордон?

— Да, — согласился Зиллейби. — Я опять возвращаюсь к кукушкам. Кукушки — беспощадные борцы за существование. Они сражаются столь безжалостно, что, если гнездо «заражено» ими, с ним нужно поступать однозначно. Я гуманист. Думаю, что меня можно назвать и человеком добрым по натуре.

— Без сомнения, Гордон!

— К этому следует добавить еще, что я — человек цивилизованный. По всем вышеуказанным причинам я не могу заставить себя одобрить то, что должно быть сделано. И так же, даже с учетом правильности этого поступка, не сможет одобрить это и большинство людей. Поэтому, подобно бедной самочке-зарянке, мы будем кормить и выращивать чудовище, предавая таким образом свой собственный биологический вид. Странно, не правда ли? Утопить помет котят, ничуть не опасных для нас, мы можем, а этих кукушат будем вскармливать со всей добросовестностью, на какую только способны.

Несколько секунд Анжела сидела словно окаменевшая. Потом повернула голову к мужу и окинула его долгим внимательным взглядом.

— Ты имеешь в виду... Ты хочешь сказать, что нам следовало бы...

— Да, родная.

— Гордон, это же на тебя совсем не похоже!

— Об этом я уже говорил. Но и с такой ситуацией мне еще не приходилось сталкиваться. Я вдруг понял, что выражение «живи и давай жить другим» отражает ту беззаботность, которую могут позволить себе лишь люди, живущие в полной безопасности. Оказывается, когда я ощущаю — с той остротой, которую не ожидал ощутить никогда, — что моему положению «венца творения» угрожают, мне это совсем не по душе.

— Но, Гордон, милый, я уверена, что ты преувеличиваешь. В конце концов, всего лишь несколько не совсем обычных детей...

— Которые могут по своей воле вызывать неврозы у взрослых женщин — да не забудь еще и Гарримана, — чтобы те выполняли их желания!

— Но эта способность может исчезнуть, когда они повзрослеют. Мы же нередко слышим о странных проникновениях в чужую психику, о внезапно возникающих симпатиях...

— В отдельных случаях — возможно. Но не в шестидесяти одном. Нет, тут и не пахнет нежной симпатией, тут нет и намека на будущее безоблачное счастье. Это самые расчетливые, самые эгоистичные и самые практичные дети, каких кто-либо когда-либо встречал. И в то же время самые очаровательные с виду, что неудивительно, ведь они могут получить все, что им нужно. Сейчас они в том возрасте, когда их потребности очень ограничены, зато потом... Ладно, увидим.

— Доктор Уиллерс говорит... — начала Анжела, но Зиллейби нетерпеливо прервал ее.

— Уиллерс безукоризненно выполнял свою роль на первом этапе, так безукоризненно, что позволил себе распуститься и теперь прячет голову в песок, как страус. Его вера в гипотезу истерии приобрела патологический характер. Надеюсь, отдых пойдет ему на пользу.

— Но, Гордон, он по крайней мере хоть пытается что-то объяснить.

— Дорогая моя, я — человек терпеливый, однако не следует испытывать мое терпение так долго. Уиллерс никогда не пытался что-либо объяснить. Он смирился с определенными фактами, когда их уже нельзя было отрицать, но все остальное просто отбросил прочь, а это уж с наукой ничего общего не имеет.

— Должно же быть объяснение?

— Безусловно.

— У тебя на этот счет есть какие-нибудь мысли?

— Боюсь, что не особенно утешительные.

— Какие же?

Зиллейби покачал головой.

— Я еще не готов, — сказал он. — Но поскольку ты относишься к женщинам, умеющим держать язык за зубами, я задам тебе вопрос. Если бы ты решила бросить вызов верхушке общества, отличающегося высокой стабильностью и отлично вооруженного, что бы ты сделала? Пошла бы на столкновение с

ним, так сказать, на его условиях, затеяв, вероятно, очень дорогую и, безусловно, разрушительную войну? Или, если время не играет большой роли, ты предпочла бы воспользоваться какой-то другой, более тонкой тактикой? И не попробовала ли бы ты в таком случае внедрить своего рода пятую колонну, чтобы атаковать это общество изнутри?

ГЛАВА 15

Назревают новые проблемы

В течение нескольких следующих месяцев в Мидвиче произошло немало перемен.

Доктор Уиллерс временно передал свою практику заместителю — молодому человеку, который помогал ему в дни кризиса, а сам в сопровождении миссис Уиллерс, в состоянии нервного истощения и полностью разочарованный действиями администрации, отбыл в длительный отпуск, который, как поговаривали, мог обернуться кругосветным путешествием.

В ноябре вспыхнула эпидемия гриппа, унесшая трех взрослых жителей деревушки и трех Детей. Одним из них был сын Феррилин. За ней послали, она немедленно примчалась, но было поздно — сына в живых не застала. Двумя другими умершими были девочки.

Задолго до того произошла сенсационная эвакуация Грейнджа. Это был великолепный образчик функционирования закрытой организации. Научные работники узнали о предстоящем отъезде в понедельник, фургоны прибыли в среду, а к уик-энду главное здание и новые дорогие лаборатории смотрели на деревню окнами без занавесей, были совершенно пусты и оставляли у селян впечатление, что они стали свидетелями волшебной пантомимы, ибо мистер Гримм и его штат тоже исчезли без следа, оставив после себя лишь четверых золотоглазых детишек, которым еще предстояло найти себе приемных родителей.

Неделей позже какая-то костлявая супружеская пара по фамилии Фримены въехала в коттедж, освобожденный мистером Гриммом. Фримен представился врачом, интересующимся социальной психологией, а жена его, как оказалось, была доктором медицины. Нам осторожно дали понять, что в задачу четы

входит изучение развития Детей по заданию какой-то таинственной государственной организации. Этим они, видимо, и занимались, причем в весьма своеобразной манере: высматривали и подглядывали, шляясь по деревне и нередко напрашиваясь в коттеджи. Частенько их видели в сквере, всегда одинаково бодрых и бдящих. Фримены отличались какой-то агрессивной сдержанностью, граничившей с конспиративностью. Их тактика уже спустя неделю вызвала к ним всеобщее недоброжелательство и заслужила им кличку «проныры». Другой присущей Фрименам чертой было безграничное упорство: они держались очень настороженно и, несмотря на полное отсутствие какого-либо поощрения со стороны мидвичцев, все же добились определенного статуса, основанного на признании невозможности от них отделаться.

Я проверил их у Бернарда. Он сказал, что с его департаментом они не связаны, но действительно имеют официальное задание. Мы решили, что если Фримены есть единственный результат требования Уиллерса глубоко исследовать феномен Детей, то отрадно сознавать, что Уиллерсу удалось покинуть Мидвич до их приезда.

Зиллейби предложил Фрименам, как и некоторым другим лицам, кооперировать усилия, но успеха не добился. Какой бы департамент ни абонировал Фрименов, он имел в их лице неоспоримых чемпионов по таинственности; нам же казалось, что, как бы высоко ни ценилась сдержанность в высших сферах, хоть некоторая общительность принесла бы агентам куда более ценную информацию при затрате гораздо меньших усилий. И все же, насколько мы понимали, они могли передавать куда-то весьма ценные наблюдения. Так что нам оставалось только предоставить им и впредь вынюхивать в избранной ими манере.

Как бы ни были интересны для науки Дети в первый год своей жизни, они почти не давали пищи для новых опасений. Исключая стойкое сопротивление любым попыткам увезти их из Мидвича, новые свидетельства их способности к внушению были редки и слабы. По словам Зиллейби, Детишки были удивительно разумны и самостоятельны, но только до тех пор, пока за ними хорошо ухаживали и выполняли все их желания.

На этой стадии в них не замечалось почти ничего, что могло подкрепить зловещие предсказания старух или выраженные более пространно и красиво, но почти такие же мрачные прогнозы самого Зиллейби. Убаюканные мирным течением време-

ни, Джанет и я, равно как и многие другие, стали думать, не ошиблись ли мы и не угасают ли необыкновенные свойства Детей, чтобы исчезнуть совсем, когда те повзрослеют.

И вот тогда-то, в начале лета следующего года, Зиллейби сделал открытие, по-видимому, ускользнувшее от внимания Фрименов, несмотря на их неустанное вынюхивание.

В один прекрасный солнечный день Зиллейби появился в нашем коттедже и стал безжалостно тащить нас на улицу. Я протестовал против нарушения моего рабочего распорядка, однако от Зиллейби не так-то легко отделаться.

— Знаю, дружище, знаю. У меня у самого перед глазами маячит лицо моего издателя, орошенное потоками слез. Но то, что я хочу вам показать, очень важно. Мне нужны надежные свидетели.

— Свидетели чего? — спросила Джанет без всякого энтузиазма.

Зиллейби только головой помотал:

— Никаких предварительных объяснений не будет. Я просто хочу, чтобы вы присутствовали при опыте, а выводы сделаете сами. Вот здесь, — он стал рыться в карманах, — наша аппаратура.

На стол легли маленькая, украшенная изящной инкрустацией деревянная шкатулочка размером в половину спичечного коробка, а также простенькая головоломка, составленная из двух толстых проволок, изогнутых так, чтобы они образовали, казалось, нерасторжимое целое, хотя, поставленные в определенное положение, легко разъединялись. Зиллейби взял деревянную шкатулочку и потряс ее. Внутри что-то забренчало.

— Там внутри леденец. Все это — бесполезный продукт изобретательного гения японцев. Никаких внешних следов, что шкатулочка открывается, нет, но если сдвинуть этот кусочек инкрустации, она легко откроется и в награду вы получите леденец. Зачем нужна такая игрушка, поистине могут знать только японцы. Однако для нас, я полагаю, она может оказаться весьма полезной. Ну, кого из Детей мужского пола мы навестим первым?

— Ни один из Детишек не достиг еще и года, — холодно указала Джанет.

— Во всех отношениях, исключая, так сказать, календарный возраст, Дети, как вам известно, соответствуют хорошо развитым двухлеткам, — возразил Зиллейби. — Да к тому же то, что я хочу сделать, не является в полном смысле тестом на

интеллект. Хотя, возможно... — Зиллейби не закончил фразу. — Должен сказать, что я не вполне уверен в точном значении теста. Впрочем, это не важно. Назовите ребенка.

— Ладно. Пусть будет ребенок миссис Брант. — И мы отправились к ней.

Миссис Брант провела нас в маленький садик, где ребенок играл на газоне в манежике. Выглядел он, как и говорил Зиллейби, крупным двухлеткой, причем очень сообразительным. Зиллейби протянул ему деревянную коробочку. Ребенок взял ее, осмотрел, обнаружил, что в ней что-то стучит, и в восторге принялся трясти. Мы с интересом наблюдали, как он пытался ее открыть. Зиллейби дал ему поиграть немного и отобрал все еще не открытую коробочку, в обмен протянув леденец.

— Не понимаю, что нам это дает, — сказала Джанет, когда мы вышли.

— Терпение, дорогая, — с упреком откликнулся Зиллейби. — Кого мы навестим теперь? Только тоже мальчика.

Джанет предложила дом викария.

— Не годится. Там наверняка будет и девочка Полли Растон.

— Ну и что? Уж очень вы сегодня таинственны, — сказала Джанет.

— Просто хочу, чтобы мои эксперты ни в чем не сомневались, — отозвался Зиллейби. — Выбирайте другого.

Мы остановились на старшей миссис Дорри. Там Зиллейби повторил всю процедуру, но ребенок, поиграв немного коробочкой, протянул ее Зиллейби обратно и выжидающе посмотрел на него. Зиллейби, однако, коробочку не взял, а показал, как она открывается, после чего позволил ребенку открыть ее самому и взять леденец. Затем положил в коробочку новый леденец и опять протянул ребенку.

— Попробуй-ка еще раз, — предложил он, и мы увидели, как ребенок легко открыл ее, получив в награду вторую конфету.

— Теперь, — сказал Зиллейби, — пойдем обратно к экземпляру номер один — к ребенку Брантов.

В садике миссис Брант он снова предложил сидящему в манежике ребенку шкатулочку — точно так же, как сделал это в первый раз. Ребенок охотно ее взял. Ни минуты не колеблясь, он нашел нужный кусочек инкрустации, сдвинул его и достал леденец, как будто проделывал это уже десятки раз.

Зиллейби поглядел на наши удивленные лица и чуть заметно подмигнул. Потом мы вышли на улицу, где он «перезарядил» игрушку.

— Хорошо, назовите еще какого-нибудь мальчика.

Мы навестили еще трех в разных концах деревни. Ни один из них не выразил удивления при виде коробочки, все они открывали ее так, будто давно были знакомы с ней, и без промедления уверенно извлекали содержимое.

— Любопытно, не правда ли? — заметил Зиллейби. — Теперь проверим девочек.

Мы повторили ту же процедуру, за исключением того, что секрет коробочки был показан не второй, а третьей девочке, после чего все пошло так же, как в первой серии опытов.

— Поразительно, да? — ухмылялся Зиллейби. — Не хотите ли теперь воспользоваться проволочной головоломкой?

— Может быть, потом, — ответила Джанет. — Я сейчас попила бы чайку. — И мы с Зиллейби вернулись в наш коттедж.

— Идея с коробочкой очень хороша, — скромно похвалил себя Зиллейби, поглощая сандвич с огурцом. — Простенькая, неопровержимая и работает как часы.

— Означает ли это, что вы испытывали на них и другие идеи? — спросила Джанет.

— О, очень многие. Одни из них были чрезмерно сложны, другие не очень убедительны. Кроме того, сначала я исходил из не вполне правильных предпосылок.

— А сейчас вы уверены в их правильности? Дело в том, что я в своих выводах сомневаюсь, — сказала Джанет.

Он взглянул на нее:

— Думаю, что и у вас, да и у Ричарда тоже, они есть, и не надо бояться выразить их вслух.

Зиллейби взял другой сандвич и бросил на меня вопросительный взгляд.

— Полагаю, — ответил я ему, — вам угодно, чтобы я сказал: эксперимент, мол, доказывает, будто то, что известно одному мальчику, становится известным всем остальным мальчикам, но остается тайной для девочек. И наоборот. Ну ладно. Эксперимент демонстрирует, по-видимому, именно это, если тут нет какого-нибудь подвоха.

— Дорогой друг!..

— Ладно, ладно, но согласитесь — то, что, по-видимому, он доказывает, слишком значительно, чтобы проглотить одним глотком.

— Понимаю. Разумеется, я-то приближался к этому выводу постепенно, — кивнул Зиллейби.

— Но вы ожидали от нас именно этого вывода?

— Конечно, дружище. Это же яснее ясного. — Он вытащил из кармана проволочную головоломку и бросил ее на стол. — Возьмите ее и попытайтесь сами повторить тот же опыт, а еще лучше разработайте собственный тест и проведите его. Вы обнаружите, что выводы, во всяком случае, предварительные, будут так же неопровержимы.

— Проглотить всегда легче, чем переварить, — сказал я. — Будем рассматривать это как гипотезу.

— Подожди, — вмешалась Джанет. — Мистер Зиллейби, неужели вы утверждаете, будто все, что я скажу одному мальчику, станет тут же известно всем остальным?

— Естественно, однако лишь в том случае, если это будет нечто достаточно простое и понятное для данного возраста.

Джанет отнеслась к сказанному в высшей степени скептически.

— Всегда одно и то же, — вздохнул Зиллейби. — Линчуйте Дарвина — и этим вы опровергнете теорию эволюции. Но повторяю, можете воспользоваться собственными тестами. — Он повернулся в мою сторону. — Вы что-то говорили о гипотезе?

— Да, — отозвался я. — Вот вы сказали, что эти выводы носят предварительный характер, а что же дальше?

— Ну, один из этих выводов может иметь последствия, способные опрокинуть всю нашу социальную систему.

— А вдруг это просто более высокая форма взаимопонимания, которое иногда наблюдается у близнецов? — спросила Джанет.

Зиллейби отрицательно покачал головой.

— Вряд ли. Разве что развитие зашло столь далеко, что это чувство приобрело совершенно иное качество. Кроме того, здесь мы имеем не одну-единственную группу en rapport*; перед нами две отдельные группы, явно не контактирующие друг с другом. Если это так, а мы видели, что это так, немедленно возникает вопрос: в какой степени каждый из Детей является личностью? Физически каждый из них индивидуален, ясно, но как обстоит дело в других отношениях? Если он имеет общее сознание с другими членами группы вместо того, чтобы общаться с ними при помощи гораздо менее совершенных средств, как это делаем мы, то можно ли считать, что он наделен собственным разумом, то есть индивидуальностью в том виде, в котором мы ее

* взаимосвязанный, находящийся в гармонии (*фр.*).

понимаем? Представляется вполне очевидным, что если А, Б и В имеют общее сознание, то все, что говорит А, одновременно с ним думают Б и В. И точно так же действия, предпринятые Б в определенных условиях, есть те самые действия, которые произвели бы в тех же условиях А и В, лишь с теми вариациями, которые могут возникнуть из-за физических различий между ними. Последние же могут оказаться и весьма значительными, ибо, как известно, поведение во многом зависит от работы желез и других факторов физиологического порядка.

Другими словами, когда я обращаюсь с вопросом к одному из Детей, ответ я могу получить от любого из них. Если я попрошу его что-то сделать, то все мальчики выполнят работу одинаково, хотя, возможно, несколько лучший результат будет у того, у которого физическая координация выше. Однако при таком близком сходстве, как у Детей, физические различия должны быть незначительны. Я клоню вот к чему: мне будет отвечать не личность и мою просьбу выполнит не личность, а лишь какая-то часть целого. И в этом факте заключена возможность постановки многих вопросов и определения многих последствий для будущего.

Джанет нахмурилась:

— И все же я не вполне...

— Тогда попробуем подойти с другой стороны, — ответил Зиллейби. — Нам кажется, что перед нами пятьдесят восемь крошечных личностей. Но внешность обманчива, и мы обнаруживаем, что на самом деле перед нами лишь две личности, два существа — мальчик и девочка, причем мальчик состоит из тридцати комплектующих деталей, имеющих физическую структуру и внешность мальчиков, а девочка имеет двадцать восемь таких частей.

Наступила пауза.

— Мне это трудно понять, — сказала Джанет, тщательно выбирая самое мягкое определение из всех возможных.

— Еще бы! — согласился Зиллейби. — Мне тоже далось нелегко!

— Послушайте, — произнес я после новой паузы. — Вы это всерьез? Не пытаетесь ли вы внести в разговор своего рода драматизирующую образность?

— Нет, я говорю о фактах, причем сначала я предоставил вам все доказательства.

Я покачал головой:

— Вы показали лишь то, что они могут сноситься друг с другом, пользуясь средствами, которые нам неизвестны. Переход от этого к вашей теории отсутствия индивидуальности, по-моему, логически плохо обоснован.

— Если учитывать только одно доказательство, то, возможно, вы и правы. Однако следует помнить, что вы видели лишь один тест, я же провел их множество и не обнаружил никаких противоречий теории, которую я назвал теорией коллективной индивидуальности. Более того, она вовсе не такая странная per se*, как это кажется на первый взгляд. Просто хорошо известная уловка эволюции, дабы обойти возникшее препятствие на пути развития. Существует немало форм, которые с первого взгляда кажутся индивидуальными, а на деле оказываются колониями. Некоторые же формы вообще не могут существовать, если не создадут колоний, действующих как единое целое.

Разумеется, наиболее яркие примеры можно найти только среди низших организмов. Но почему, собственно, таким способностям не возникнуть и у высших видов? Очень близки к подобному феномену некоторые насекомые. Законы физики мешают увеличению размеров последних, и они компенсируют это, взаимодействуя в группах. Мы и сами сознательно, а не инстинктивно объединяемся в группы в тех же целях. Так почему бы природе не разработать более эффективный метод, чем тот, с помощью которого мы неуклюже пытаемся преодолеть нашу индивидуальную слабость? Возможно, это еще один случай, когда природа копирует искусство.

В конце концов, мы же и сами столкнулись с преградой для нашего дальнейшего развития, причем столкнулись уже довольно давно. И если мы не хотим, чтобы началась настоящая стагнация, нужны какие-то обходные пути. Одним из них могло бы быть, как считают некоторые специалисты, увеличение продолжительности жизни человека лет этак до трехсот. Без сомнения, продление жизни индивидуума весьма привлекательно с точки зрения такого детерминированного существа, как человек. Однако могут быть и другие пути, возможно, не совпадающие с той линией эволюции, которая свойственна низшим животным, но вероятность которых тем не менее нельзя исключить полностью. Разумеется, предположить с полной уверенностью, что такой путь будет успешно реализован, невозможно...

* по сути (*лат.*).

По выражению лица Джанет я понял, что она уже отключилась. Когда Джанет приходит к выводу, что собеседник несет чепуху, она мгновенно, дабы не тратить бесполезных усилий разобраться в болтовне, опускает непроницаемый мысленный занавес. Я же, поглядывая время от времени в окно, все еще пытался понять суть высказываний Зиллейби.

— Мне кажется, — сказал я наконец, — я чувствую себя хамелеоном, помещенным в среду, цвет которой он никак не может сымитировать. Если я правильно понял, вы хотите сказать, что в каждой из этих групп сознание каким-то образом словно замкнуто. Значит ли это, что мозговая деятельность «мальчика» усилена в тридцать раз, а «девочки» — в двадцать восемь?

— Думаю, нет, — вполне серьезно ответил Зиллейби. — Конечно, их способности, благодарение Богу, не усилены в тридцать раз — подобную штуку просто невозможно вообразить. Вероятно, какое-то развитие интеллекта происходит, хотя на данной стадии исследования установить темп роста не представляется возможным. Не уверен, можно ли это будет сделать в дальнейшем. Если подобный рост существует, он грозит нам чудовищными переменами. Но что мне кажется более важным для непосредственного будущего, так это уже продемонстрированная нам способность повышать напряжение воли, потенциальные последствия которой представляются мне в высшей степени серьезными. Пока нам не известен механизм, при помощи которого Дети навязывают людям свою волю, но, думаю, изучив его, мы обнаружили бы, что когда определенное волевое усилие сконцентрировано в одном «сосуде», то происходит осуществление знаменитого гегелевского закона — по достижении какого-то порога количество дает новое качество. В данном случае — порабощение чужой воли. Я предвижу, что тут откроется обширное поле для опытов и размышлений.

— Все это представляется мне невероятно сложным, разумеется, в том случае, если вы правы.

— В деталях, в механике — да, — согласился Зиллейби, — но в принципе, я полагаю, сложность не так велика, как кажется на первый взгляд. В конце концов, согласитесь, главное качественное отличие человека — наличие сознания.

— Разумеется, — кивнул я.

— Что ж, дух, сознание — они ведь живые, они не могут быть статичны, это нечто либо постепенно развивающееся по восходящей, либо постепенно исчезающее. Эволюция духа предполагает

неизбежное появление духа еще большего. Предположим, что этот еще больший дух, это суперсознание, попытается появиться на жизненной сцене. Такая конструкция, как организм обычного человека, не годится для его воплощения. Супермена же, чтобы вместить такое сознание, пока не существует. Разве не может быть, что из-за отсутствия единого «помещения» его место займет группа людей? Ну представьте, будто энциклопедия переросла границы одного тома. Если это возможно, то вполне вероятны и два суперсознания, обитающих в двух разнополых группах.

Зиллейби помолчал, наблюдая в открытое окно, как шмель перелетает с одного цветка лаванды на другой. Потом задумчиво добавил:

— Я много думал об этих группах. Мне даже показалось, что было бы полезно найти какие-то названия для этих суперсознаний. Естественно, выбор имен обширен, но из всего множества только два прочно и хорошо легли в мою память. Я все время думаю об Адаме и Еве.

Через два или три дня после этого разговора я получил письмо с извещением, что работа в Канаде, о которой я давно мечтал, ждет меня, если я приеду туда без промедления. Я отбыл, оставив Джанет в Англии заканчивать дела, после чего она должна была приехать ко мне.

Прибыв в Канаду, она привезла из Мидвича очень мало новостей, если не считать внезапно вспыхнувшую войну между Фрименами и Зиллейби.

Похоже, Зиллейби познакомил Бернарда со своими наблюдениями. К Фрименам обратились с запросом, и они инстинктивно заняли по отношению к его гипотезе отрицательную позицию. Потом Фримены, видимо, провели несколько собственных тестов, и все заметили, что настроение этой парочки стало портиться день ото дня.

— Предполагаю, однако, что до мысли об Адаме и Еве они все же не додумались, — добавила Джанет. — Бедный старичок Зиллейби! За что вечно буду благодарить Провидение, так это за нашу в высшей степени своевременную поездку в Лондон. Ты только вообрази, ведь я могла стать мамашей одной тридцатой части Адама или одной двадцать восьмой — Евы! Так возблагодарим же Господа Бога за то, что мы выбрались из этой катавасии. Хватит с меня Мидвича! Надеюсь, я никогда больше не услышу о нем ни единого слова!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 16

Нам уже девять

На протяжении последних нескольких лет те визиты на родину, которые нам удалось нанести, были коротки, проходили в спешке и заключались преимущественно в беготне от одного родственника к другому, причем в перерывах приходилось еще выкраивать время для деловых встреч. В Мидвиче я не бывал, да и, по правде говоря, почти не вспоминал о нем. Но на восьмой год после нашего отъезда из Англии мне удалось выбраться на родину на целых шесть недель, и однажды на Пиккадилли я столкнулся нос к носу с Бернардом Уэсткоттом.

Мы зашли в его клуб, чтобы отметить встречу. Во время разговора я спросил его о Мидвиче. Признаюсь, я ожидал услышать, что все дело кончилось полным провалом, ибо в тех редких случаях, когда я вспоминал деревушку, она и ее обитатели казались мне столь же нереальными, как рассказ, представляющийся в детстве чистой правдой, а потом обнаруживший свою полную надуманность. Я был готов услышать, что за Детьми больше не тянется шлейф чего-то необычайного, что, как это нередко бывает с вундеркиндами, ожидания не принесли плодов и что, несмотря на многообещающее начало и обнадеживающие признаки, они превратились в ватагу обычных деревенских ребятишек, от которых отличаются разве что внешностью.

Бернард помолчал с минуту, а потом сказал:

— Случилось так, что я завтра как раз должен побывать там. Хочешь, съездим вместе, навестишь старых друзей, ну и так далее?

Джанет гостила в Шотландии у старинной подруги, бросив меня на произвол судьбы, а никаких особых планов у меня не было.

— Значит, ты все же приглядываешь за деревушкой? Пожалуй, я бы съездил и перекинулся парой слов с ними со всеми. Как там Зиллейби? Жив, здоров?

— Еще как! Он принадлежит к категории «законсервированных», способных жить вечно, ничуть не меняясь.

— Последний раз, когда я его видел, если, конечно, не считать прощания перед отъездом, он находился в плену сумасброднейшей гипотезы коллективной индивидуальности, — вспомнил я. — Старый фокусник! Ему удается заставить самые экзотические концепции звучать вполне убедительно. Если мне не изменяет память, что-то такое насчет Адама и Евы.

— Вряд ли он изменился, — ответил мне Бернард, но дальнейшего разговора на эту тему не поддержал. — Боюсь, мне предстоит довольно мрачная поездка — коронерское следствие. Впрочем, тебе это не помешает.

— Кто-нибудь из Детей? — спросил я.

— Нет, — покачал он головой. — Транспортное происшествие с одним из местных парней по фамилии Паули.

— Паули? — повторил я. — Ах да, помню. У них ферма за деревней, по направлению к Оппли.

— Именно так. Очень печальная история.

Мне показалось бестактным выспрашивать у него, какое отношение он имеет к следствию, поэтому я не возразил, когда он перевел разговор на мою канадскую жизнь.

Утром следующего прелестного летнего дня мы, позавтракав, отправились в Мидвич. В машине Бернард почувствовал себя свободнее, чем в клубе, и говорил откровеннее.

— В Мидвиче ты увидишь кой-какие изменения, — предупредил он меня. — В вашем бывшем коттедже теперь живет супружеская пара по фамилии Уэлтоны. Он — резчик, она занимается керамикой. Не помню, кто живет сейчас в коттедже Гримма, после Фрименов там сменились несколько жильцов. А вот что тебя удивит, так это Грейндж. У входа висит новая вывеска: «Грейндж — особая школа министерства образования».

— Вот как! Неужели для Детей? — спросил я.

— Вот именно, — подтвердил он. — «Экзотическая концепция» Зиллейби выглядит сейчас куда менее странной, чем казалась когда-то. Фактически она обернулась своего рода сенсацией, к стыду Фрименов, и выставила их в истинном свете, так что им пришлось уехать и спрятаться в какой-то дыре.

— Ты имеешь в виду эту бредятину об Адаме и Еве? — спросил я, не веря своим ушам.

— Не вполне. Я имею в виду две ментальные группы. Наличие этих двух внутренне связанных групп тогда полностью подтвердилось. Они существуют и по сей день. Примерно в два года один из мальчишек научился читать несложные слова...

— В два года! — вскричал я.

— ...а на следующий день оказалось, что все мальчики умеют делать то же. С тех пор прогресс удивителен. Прошло несколько недель, научили читать одну из девочек, и тут выяснилось, что читают все. Потом один малыш узнал, как надо ездить на велосипеде, и тут же все мальчики великолепно, с первой же попытки, освоили это дело. Миссис Бринкман обучила свою девочку плавать, все прочие девчонки немедленно обнаружили такое же умение, а мальчишки не могли до тех пор, пока не обучился один из них, тогда заплавали все. С той минуты, как Зиллейби указал на эту способность, сомнений ни у кого не осталось. Явление это было и будет, а непрекращающиеся споры на всех уровнях происходят скорее из-за утверждения Зиллейби, будто каждая группа представляет собой целостную личность. Такое мало кто может переварить. Что-то вроде передачи мыслей — пожалуйста; высокая степень взаимопонимания — извольте; некоторое число особей с какой-то пока неизвестной формой связи — сколько угодно! Только ни в коем случае не цельность, состоящая из физически отдельных частей. Идея почти ни у кого не находит поддержки.

Я не выказывал удивления, и он продолжал:

— Как бы там ни было, дебаты носят преимущественно академический характер. Бесспорно, что у Детей действительно существует тесный внутригрупповой контакт. Поэтому отдавать их в обычную школу было бессмысленно — через несколько дней после их появления в Оппли или Стауче повсюду разнеслись бы слухи. Пришлось впутать в дело министерство образования и министерство здравоохранения, в результате чего Грейндж снова открылся, но уже в виде симбиоза школы и Центра социальной защиты и изучения Детей.

Дело пошло лучше, чем можно было ожидать. Даже при вас уже было ясно, что Дети скоро доставят немало хлопот. У них совсем иное чувство общности, их поведение по природным особенностям отличается от нашего. Узы между собой для них намного важнее чувств, которые они испытывали к своим семьям. В некоторых семьях детей и не любили вовсе — они не

вписались в семейные отношения, не стали членами семьи, ибо были совсем другими.

В компании с обыкновенными ребятишками из тех же семей они тоже смотрелись плохо. Напряженность явно нарастала. Кто-то из Грейнджа выдвинул идею устроить пансионат для Детей. Не потребовалось ни нажима, ни уговоров — туда могли переселяться те, кто хотел, и очень скоро там оказалось около десятка Детей. Постепенно к ним переехали остальные. Похоже, они сами осознавали, что с жителями деревни у них мало общего, и, естественно, тяготели к своим.

— Очень неординарная ситуация. А что думают по этому поводу мидвичцы?

— Поначалу кое-кто возражал, причем скорее из моральных соображений, чем по делу. Большая часть вздохнула с облегчением, что с них сняли ответственность, которая их в общем-то страшила, хотя они в этом и не признавались. Некоторые же искренне любили своих Детей и сейчас еще любят, а потому огорчились. Но большинство выносили их с трудом. Никто, конечно, и не пытался отговаривать их от переезда в Грейндж — это было безнадежно. Там, где матери любили своих Детей, Дети сохранили с ними хорошие отношения и появляются в прежних семьях, когда захотят. Но в основном Дети окончательно разорвали все былые контакты.

— Ничего более удивительного в жизни своей не слыхал, — сказал я.

Бернард улыбнулся.

— Ну, если ты поднатужишься, то вспомнишь, что начало истории тоже было не из обыкновенных, — напомнил он.

— А чем с ними занимаются в Грейндже? — спросил я.

— Во-первых, это, как написано на вывеске, прежде всего школа. Там большой штат учителей, воспитателей, специалистов по социальной психологии и так далее. Кроме того, к ним приезжают очень известные ученые и читают небольшие курсы по разным предметам. Классы сначала были организованы по типу обычных школ, но потом кто-то сообразил, что в этом нет никакой надобности. Теперь на каждый урок ходит один мальчик и одна девочка, а остальные через них узнают все то, о чем говорится на уроке. Таким образом оказалось возможным одновременно вести не один урок, а несколько. Можно обучать одновременно, скажем, шесть пар шести разным предметам, а остальные будут спокойно отсортировывать и поглощать поступающие знания, так что все получается как надо.

— Господи! Они, должно быть, впитывают в себя знания, как промокашка, при таких темпах обучения!

— Вот именно. Кое у кого из учителей прямо мурашки по спинам бегут.

— И все же вам как-то удается держать это в тайне?

— На уровне масс — да. У нас еще до сих пор сохраняется в силе соглашение с прессой, да и сама история, с точки зрения газетчиков, уже не имеет привкуса той сенсационности, которая была в свое время. Что до ближайшего окружения Мидвича, то тут потребовалась некоторая подпольная подготовка. Репутация Мидвича никогда не блистала — мягко говоря, жители соседних селений называли мидвичцев олухами. Ну, пришлось приложить усилия, чтобы репутация стала еще чернее. Сейчас в ближайших деревушках, во всяком случае, так заверяет Зиллейби, на Мидвич смотрят как на нечто вроде сумасшедшего дома, только без решеток. Мидвичцы, как всем известно, пострадали от Потерянного дня, особенно Дети, о которых говорят, что они «днем почти как мешком ударенные», а потому так умственно деградировали, что наше гуманное правительство сочло необходимым организовать для них спецшколу. Да-да, нам удалось создать ей имидж школы для умственно отсталых. К Детям относятся так же, как в обычных семьях относятся к родственнику-психопату. Время от времени на поверхность всплывает какой-нибудь слушок, но на него смотрят как на нечто постыдное, а не как на событие, которое стоило бы предать широкой огласке. Даже протесты со стороны обозленных мидвичцев всерьез никем не принимаются, ибо поскольку все жители деревушки испытали в свое время одно и то же, то все они считаются «днем ударенными».

— Тот самый Потерянный день, — сказал я, — без сомнения, говорит об очень высокой технической оснащенности тех, кто все это устроил, и предполагает огромную работу по подготовке и обеспечению операции. Чего я никогда не понимал, да и теперь не понимаю, так это почему ты требовал и явно требуешь до сих пор столь жесткого соблюдения секретности. Поведение Службы безопасности в Потерянный день понятно — ведь «нечто» совершило здесь вынужденную посадку. Такое дело действительно входит в круг обязанностей Службы. Но сейчас? Столько ухищрений, и все только для того, чтобы понадежнее упрятать Детей! Ведь такая школа небось обходится побольше пары фунтов в год?

— А ты не думаешь, что государство, имеющее хорошо развитую систему социального обеспечения, может просто-напросто проявить бескорыстный интерес к тому, как эта система функционирует?

— Брось трепаться, Бернард, — остановил я его.

Но он не бросил. Он еще многое рассказал мне о Детях и о положении в Мидвиче, однако от ответа все же уклонился.

Из Трайна мы выехали сразу после ленча и добрались до Мидвича к двум часам дня. Как мне показалось, деревушка ничуть не изменилась, как будто прошла только неделя, а не восемь лет. На площади у муниципалитета, где должно было состояться следствие, уже собрался народ.

— Похоже, — сказал Бернард, останавливая машину, — тебе придется перенести свои визиты на более поздний час. Тут собрался весь Мидвич.

— Думаешь, это надолго? — спросил я.

— Полагаю, чистая формальность. Возможно, все кончится через полчаса.

— Ты будешь свидетелем? — спросил я, удивляясь про себя, зачем ему надо было тащиться из Лондона, если все это пустая формальность.

— Нет. Так, понаблюдаю... — ответил он.

Я решил, что насчет отсрочки визитов он прав, и проследовал за ним.

Зал наполнялся; как много было знакомых лиц! Без сомнения, все жители деревушки, разве что кроме неспособных двигаться, пришли на следствие. Этого я понять никак не мог. Все они, конечно, знали жертву — молодого Джима Паули, но вряд ли этого было достаточно, чтобы собраться здесь всем, и уж совсем мало для объяснения той напряженности, которая пронизывала воздух. После нескольких минут я уже не верил, что все пройдет так гладко и формально, как предрекал Бернард. Я просто кожей ощущал, что взрыв неизбежен, и только оставалось неясным, кто подожжет запал.

И... ровным счетом ничего не произошло. Следствие действительно велось формально и закончилось быстро, через полчаса.

Я заметил, что Зиллейби немедля вышел из зала. Он поджидал нас у входа и поздоровался со мной так, будто мы расстались всего два дня назад.

— А вы-то как тут оказались? Я считал, что вы в Индии.

— В Канаде, — ответил я. — А тут случайно. — И объяснил, что это Бернард захватил меня с собой.

Зиллейби повернулся к Бернарду.

— Удовлетворены? — спросил он.

Бернард еле заметно пожал плечами.

— А как же иначе?

В эту минуту, лавируя между расходящимися зрителями, мимо прошли юноша и девушка. Я успел бросить беглый взгляд на их лица и теперь с удивлением смотрел им вслед.

— Но не может же быть, чтобы?..

— Да, это они, — ответил Зиллейби. — Разве вы не обратили внимание на их глаза?

— Но ведь это невероятно! Им же только девять лет!

— Календарных, — согласился Зиллейби.

Я продолжал смотреть им в спину.

— Это... этого не может быть!

— Невероятное, позволю себе вам напомнить, более склонно случаться в Мидвиче, чем в других местах, — заметил Зиллейби. — Мы его тут как семечки лузгаем. Раз — и готово! На невозможное времени требуется чуть побольше, но мы научились справляться и с этим. Разве полковник вас не предупредил?

— Отчасти, — признал я. — Но эти двое! Они выглядят лет на шестнадцать-семнадцать!

— Физиологически, я уверен, так оно и есть.

Я продолжал глядеть им вслед, не веря своим глазам.

— Если вы не торопитесь, зайдем к нам, выпьем чаю, — предложил Зиллейби.

Бернард, поглядев на меня, предложил воспользоваться его машиной.

— Хорошо, — согласился Зиллейби, — только ведите осторожно, помните, что слышали сегодня в зале.

— Как водитель, я не склонен к авантюрам, — отозвался Бернард.

— Молодой Паули был такой же и к тому же отлично чувствовал машину.

Проехав немного, я увидел Кайл-Мэнор, купающийся в послеполуденном солнечном сиянии, и сказал:

— Когда я был здесь впервые, он выглядел точно так же. Помню, мне еще подумалось, что, если подойти поближе, можно услышать, как дом мурлычет от удовольствия.

Зиллейби согласно кивнул.

— А когда я его увидел в первый раз, он показался мне чудесным местом, просто идеальным для того, чтобы окончить свои дни в покое, хотя теперь, как выяснилось, покой как раз под большим вопросом.

Я пропустил это замечание мимо ушей. Мы поехали вдоль фасада дома и припарковались за углом, у конюшни. Зиллейби подвел нас к веранде и показал на камышовые кресла с подушками.

— Анжела вышла куда-то, но к чаю обещала вернуться.

Он откинулся на спинку кресла, долго и молча всматривался во что-то за лужайкой. Девять лет, истекших со времени Потерянного дня, были милостивы к нему. Прекрасные серебряные волосы, светящиеся в лучах августовского солнца, были еще густыми. Морщинок вокруг глаз стало чуть больше, лицо, пожалуй, немного высохло, но сам он был все так же строен и подтянут.

Вдруг он повернулся к Бернарду.

— Итак, вы удовлетворены? Вы думаете, на этом все кончится?

— Надеюсь. Поделать-то ничего нельзя. Самое разумное — вынести тот вердикт, который вынесли они, — ответил Бернард.

— Гм-м, — хмыкнул Зиллейби и повернулся ко мне. — А что вы — независимый наблюдатель — думаете о нашей маленькой шараде, разыгранной сегодня днем?

— Что? Ах, вы имеете в виду следствие! Мне показалось, что в атмосфере царило нечто такое... Но само расследование шло, с моей точки зрения, вполне нормально. Парень вел машину неосторожно. Задел пешехода. Затем, что было очень глупо, струхнул и попытался сбежать. Слишком сильно газанул, огибая угол церковной ограды, и в результате врезался в стену. А вам кажется, что заключение «смерть в результате несчастного случая» не соответствует истине? Пусть будет «убийство по неосторожности», что то же самое.

— Несчастный случай действительно имел место, — ответил Зиллейби, — и это вовсе не одно и то же, поскольку произошел он за несколько секунд до настоящего умышленного преступления. Разрешите мне рассказать вам, что произошло, так как полковнику я дал лишь краткую картину происшествия.

Зиллейби возвращался по дороге из Оппли со своей обычной послеобеденной прогулки. Когда он приблизился к пово-

роту на Хикхэм-лейн, оттуда вышли четверо Детей, которые повернули к Мидвичу, идя друг за другом цепочкой прямо перед Зиллейби.

Это были три мальчика и девочка. Мальчики были так похожи, что он не смог бы их различить, даже если бы очень постарался. Зиллейби давно считал подобные попытки зряшной тратой времени. Большинство селян, за исключением нескольких женщин, которые, видно, искренне считали себя непогрешимыми, разделяли с ним это мнение, и Дети, кажется, уже привыкли.

Как всегда, Зиллейби поразился тому, как быстро растут Дети и как повзрослели они за такое короткое время. Одно это ставило их вне общества как представителей совершенно другого вида. И дело тут было не в раннем созревании — ведь темп развития превышал нормальный почти вдвое. Может быть, физически они были чуть субтильнее обычных детей, хотя облегченность костяка и худоба отнюдь не являлись следствием болезни или чересчур быстрого роста.

И опять же, как всегда, Зиллейби захотелось узнать их поближе и получше. Надо сказать, что отсутствие прогресса в этом отношении зависело не от отсутствия стараний с его стороны. Наоборот, он прилагал все усилия, был терпелив и настойчив еще в те времена, когда Дети были совсем малышами. Они принимали его лучше, чем других, а он, со своей стороны, понимал их так же хорошо, если не лучше, чем учителя из Грейнджа. Если судить по поведению, они были с ним дружелюбны, а так они относились далеко не к каждому, охотно с ним разговаривали, слушали, смеялись его шуткам, учились у него. Но все это было лишь на поверхности, и Зиллейби знал, что так будет всегда. Где-то сразу за поверхностью лежал жесткий барьер. Все, что он видел, все, что слышал, было лишь результатом их адаптации к новым условиям среды; их истинная сущность, истинное естество скрывались по ту сторону барьера. Ощущение пропасти, разделяющей его и Детей, было до странности органичным и неперсонифицированным. В нем отсутствовали векторы чувств и симпатий. Реальная жизнь Детей протекала в каком-то недоступном людям мире, отделенном от окружающего внешнего потока событий так же, как отделена от европейцев жизнь амазонских племен с их совершенно иными ценностями и этикой. Детям было интересно, они охотно учились, но чувствовалось, что они просто накапливают знания. Они напоминали

фигляра, осваивающего ремесло, которое не окажет никакого влияния ни на его характер, ни на его дальнейшую судьбу. А может ли, думал Зиллейби, кто-нибудь вообще стать для них близким? Ведь люди, работающие в Грейндже, отнюдь не заурядны; однако, насколько было известно, даже самые лучшие из них застывали перед тем же барьером.

Глядя на шагавших впереди Детей, которые о чем-то болтали между собой, Зиллейби неожиданно поймал себя на мысли о Феррилин. Она не вернулась домой, хотя он неоднократно звал ее. Вид Детей чересчур волновал Феррилин. Зиллейби старался утешаться мыслями о том, что она счастлива там, у себя, со своими двумя сыновьями.

Ему казалась странной мысль, что, если бы мальчик Феррилин, родившийся после Потерянного дня, выжил, Зиллейби сейчас все равно не смог бы отличить его среди тех ребят, что вышагивали впереди, точно так же, как он не может узнать, «кто есть кто» в данную минуту. Эта мысль как-то унижала его, поскольку ставила в один ряд с такими, как мисс Огл, только та преодолевала трудность тем, что уверяла себя, будто любой встречный мальчик и есть ее сын, причем, как ни странно, никто из мальчишек эту иллюзию не разрушал.

В эту минуту четверо шедших впереди Детей завернули за угол и исчезли из поля зрения Зиллейби. Он сам как раз успел дойти до того же угла, когда его обогнала машина, и поэтому ясно видел все, что случилось дальше.

Маленький открытый двухместный автомобиль шел на небольшой скорости, но все произошло сразу же за поворотом, где Дети, не видевшие, что сзади идет машина, остановились. Они стояли поперек дороги, видимо, споря, каким путем идти дальше.

Водитель сделал все, что мог. Он круто свернул вправо, пытаясь избежать столкновения, и это ему почти удалось. Еще бы два дюйма — и он проехал, никого не задев. Но этих дюймов ему не хватило. Левым крылом машина ударила стоявшего с краю мальчика в бедро и швырнула через дорогу прямо на палисадник коттеджа.

Вся картина запечатлелась в мозгу Зиллейби наподобие фотографии: мальчик, лежащий у забора, трое других Детей, замерших там, где они стояли, шофер, пытающийся вывернуть руль и все еще жмущий на тормоз.

Остановилась машина или нет, Зиллейби так и не уяснил. Если да, то лишь на одно мгновение, а затем мотор тут же взре-

вел. Автомобиль рванулся вперед, водитель переключил скорость, нажал на педаль газа и помчался по прямой. Машина все еще набирала скорость, когда врезалась в стену церковной ограды — водитель не сделал даже попытки свернуть налево, где был новый поворот. Она разбилась вдребезги, водитель взлетел в воздух и тяжело шлепнулся о стену.

Закричали люди. Кто был поблизости, побежал к обломкам. Зиллейби не мог даже шевельнуться. Он стоял, как будто его оглушили; видел, как взметнулось желтое пламя, как повалили вверх клубы черного дыма. Затем усилием воли он заставил себя перевести взгляд на Детей. Они тоже глядели на обломки, и на их лицах отчетливо проступало выражение сильного напряжения. Зиллейби успел заметить это выражение, хотя оно тут же исчезло, и все трое повернулись к мальчику, лежавшему у забора и тихо стонавшему.

Внезапно Зиллейби обнаружил, что его бьет озноб. Пошатываясь, он прошел несколько ярдов и наконец добрался до скамьи, стоявшей на краю сквера. Он сел на нее и откинулся на спинку — бледный и тяжело дышащий.

Все остальное, относящееся к этому инциденту, я узнал позже уже не от Зиллейби, а от миссис Уильямс из «Косы и камня».

— Я услышала рев мчащейся машины и громкий удар, выглянула из окна и увидела бегущих людей, — говорила она. — Потом заметила мистера Зиллейби, идущего к скамейке в сквере какой-то заплетающейся походкой. Он сел и откинулся на спинку, но голова его тут же упала на грудь, как будто он потерял сознание. Я тут же подбежала к нему через дорогу, а когда подошла ближе, то оказалось, что он или действительно без сознания, или очень близок к тому. С трудом, почти шепотом, он пробормотал что-то насчет «пилюль». Я нашла их в его нагрудном кармане, он велел дать ему две, но выглядел так плохо, что я дала четыре. Никто не обращал на нас внимания. Все бежали туда, где произошло несчастье. Ну, от таблеток мистеру Зиллейби стало получше, и минут через пять я помогла ему войти в дом и уложила на диван в баре. Он сказал, что теперь все хорошо, что ему нужен лишь маленький отдых, и тогда я пошла узнать, что там с машиной.

Когда я вернулась, лицо у него было уже не такое серое, но он еще лежал и выглядел очень слабым.

— Чрезвычайно сожалею, что причинил вам столько хлопот, миссис Уильямс, — сказал он.

— Давайте я приведу вам доктора, мистер Зиллейби, — предложила я, однако он покачал головой.

— Нет, не надо. Еще несколько минут — и все пройдет.

— А все-таки будет лучше, если вы повидаете его. Вы меня крепко напугали.

— Очень сожалею, — сказал мистер Зиллейби и после паузы добавил: — Миссис Уильямс, я уверен, что вы умеете хранить тайны.

— Думаю, не хуже других, — ответила я.

— Хорошо. Тогда я был бы очень признателен, если бы вы никому не говорили о моем... моем дурном поведении.

— Ну, не знаю, — ответила я. — По моему разумению, так вы должны обратиться к врачу.

Он снова покачал головой.

— Я уже обращался ко многим врачам, миссис Уильямс, дорогим и известным, но ведь никто не может, знаете ли, снова помолодеть. Я просто старею, мой мотор быстро изнашивается, вот и все.

— О, мистер Зиллейби... — начала я.

— Не огорчайтесь, миссис Уильямс, во многих отношениях я еще вполне здоров, так что в ближайшее время мне ничто не угрожает. Пока же, я думаю, не имеет смысла тревожить тех людей, которых любишь, больше, чем это необходимо. Верно? Уверен, вы согласитесь со мной, что причинять им беспокойство — ненужная жестокость.

— Что ж, сэр, если вы считаете...

— Да, я так считаю. Я и без того у вас в долгу, миссис Уильямс, но не смогу считать это услугой, если не буду твердо уверен в вашем молчании. Можно мне надеяться?

— Конечно. Как вам будет угодно, мистер Зиллейби.

— Благодарю вас, миссис Уильямс. Благодарю от всей души, — сказал он.

Потом я спросила его:

— Вы видели, как это случилось, сэр? Такое зрелище вполне могло вызвать шок!

— Да, — ответил мистер Зиллейби. — Я все видел, только не знаю, кто был в машине.

— Джим Паули, — сказала я. — Тот, что с фермы.

Он кивнул:

— Знаю его. Славный парень.

— Да, сэр. Очень хороший мальчик, не то что эти «дикие». Просто представить себе не могу, чтобы он гонял на машине, как сумасшедший. Уж никак это на него не похоже.

Тогда наступила пауза. И мистер Зиллейби сказал каким-то странным голосом:

— Перед этим он сшиб одного из Детей — мальчика. Тот, надеюсь, пострадал не очень сильно, хотя и перелетел через шоссе.

— Одного из Детей! — вскричала я. И тут же поняла, что он хочет сказать. — О нет, сэр! Не могли же они... — И остановилась, увидев, как он смотрит на меня.

— Есть еще свидетели. Вот если бы... тогда, может быть, и шок был бы слабее... Вероятно, я не воспринял бы это так остро, если бы на каком-то предшествующем этапе моей долгой-долгой жизни мне довелось стать свидетелем умышленного убийства.

Рассказ, которым поделился с нами Зиллейби, завершался описанием того, как он с трудом сел на скамью. Когда он кончил, я посмотрел на Бернарда. Не обнаружив в его лице даже намека на ответ, я произнес:

— Вы намекаете, что Дети... заставили его налететь на стену?

— Я не намекаю, — ответил Зиллейби, печально покачивая головой. — Я это утверждаю. Они сделали это точно так же, как когда-то заставили своих матерей вернуться в Мидвич.

— Но свидетели... те, что давали показания?..

— Все они прекрасно знали, что произошло в действительности, но от них требовалось другое — рассказать, что они видели.

— Но если они, как вы утверждаете, знали...

— И что? Что бы сказали вы? Если бы знали то, что известно им? И были бы вызваны давать показания? В подобных делах вердикт должен быть приемлем для властей, что означает, что он должен быть приемлем для нашей общеизвестной фикции — здравого смысла. Предположим, что каким-то образом удалось бы вынести вердикт, будто юношу заставили покончить с собой Дети усилием воли. Вы думаете, кто-нибудь поверил бы в это? Разумеется, нет. Тогда пришлось бы проводить новое расследование специально для того, чтобы получить «разумный» вердикт, который и был бы тем самым, что получен сегодня. Так зачем же свидетелям рисковать, что их сочтут ненадежными или суеверными из-за таких пустяков?

Если вам нужны показания, так сказать, истинные, то взгляните на вашу собственную реакцию. Вам известно, что я обладаю кое-какой репутацией, как автор многих книг. Вы знаете меня лично, но разве это стоит чего-нибудь в свете привычного мышления «человека здравого смысла»? Когда я говорю вам о том, что произошло в действительности, ваша первая реакция — найти способ превратить то, что я видел на самом деле, в нечто такое, чего на самом деле не было.

Знаете, мой друг, надо же все-таки думать хоть иногда. Вы как-никак жили тут, когда Дети заставили своих матерей вернуться в Мидвич!

— Ну, это весьма далеко от того, о чем вы нам только что рассказали, — возразил я.

— В самом деле? А не возьмете ли вы на себя труд осветить нам принципиальные различия между тем, когда вас принуждают сделать нечто неприятное для вас лично или фатальное для другого? Бросьте, бросьте, дружище! Просто за время долгого отсутствия вы потеряли способность вступать в контакт с Невероятным. Рационализм вас оглушил, а у нас тут неортодоксальное чуть ли не каждый день можно найти на пороге собственного дома.

Я воспользовался возможностью на время уйти от темы сегодняшнего расследования:

— До такой степени, что Уиллерсу пришлось отказаться от достославной гипотезы истерии? — спросил я.

— Он отказался от нее незадолго до своей смерти, — ответил Зиллейби.

Я был просто ошарашен. Я еще по пути в Мидвич собирался расспросить Бернарда о докторе, но наш разговор почему-то ушел в сторону.

— А я и не знал, что он умер! Ему же только недавно перевалило за пятьдесят! Как это случилось?

— Он принял слишком большую дозу снотворного.

— Вы хотите сказать... Уиллерс же не был таким, чтобы...

— Согласен, — кивнул Зиллейби. — Официальный вердикт: «расстройство нервной системы». Сформулировано, конечно, с лучшими намерениями, но мало что объясняет, ибо нетрудно представить себе столь уравновешенную нервную систему, которой небольшое расстройство даже пошло бы на пользу. А правда-то заключается в том, что никто не знал, зачем доктор Уиллерс это сделал. И меньше всех бедная миссис Уиллерс. —

Зиллейби помолчал, потом добавил: — Уже после того, как я понял, каков будет вердикт по делу Паули, я перестал задумываться насчет вердикта по делу Уиллерса.

— Неужели вы действительно полагаете... — воскликнул я.

— Не уверен. Но вы же сами сказали, что Уиллерс был человеком другого склада. Теперь мы неожиданно для себя уяснили, что живем среди несравненно больших опасностей, чем считали прежде. Это вызвало у многих настоящий шок.

Пришлось, знаете ли, понять, что, хотя в данном случае именно Паули выехал в эту ужасную минуту из-за угла, с тем же успехом это могла быть Анжела или кто-то другой. Стало беспощадно ясно, что она, я, каждый из нас может в любую минуту сделать нечто, наносящее ущерб или способное рассердить кого-то из Детей... Ведь несчастный юноша ни в чем не виноват. Он сделал все возможное, чтобы избежать наезда, но это было ему не по силам. И то ли от вспышки гнева, то ли из жажды мести они убили его.

Приходит время принимать решения. Что касается лично меня, то все происходящее — самое интересное из того, с чем мне пришлось столкнуться в жизни. И я ужасно хочу увидеть, что же будет дальше. Но Анжела еще молода, а Майкл пока нуждается в ней. Его мы уже отправили. Все время ищу предлог, чтобы уговорить Анжелу тоже уехать отсюда. Не хотелось бы делать этого без крайней необходимости, но теперь я далеко не убежден, что нужный момент уже не наступил.

Несколько последних лет прожиты нами как на склоне действующего вулкана. Разум говорит, что в глубине вулкана накапливаются могучие силы и что рано или поздно извержение все же произойдет. Однако проходит время, ничего глобального не случается, только редкие сотрясения почвы, и ты начинаешь уговаривать себя, что на самом деле неизбежное извержение, может быть, и не состоится. И ты снова в растерянности. Я спрашиваю себя: что есть случай с Паули — подземный гул или сигнал, предвещающий начало извержения? И ответа не нахожу.

Уже много лет назад я остро ощутил появление опасности и даже начал разрабатывать планы, которые позднее показались ненужными. Теперь мне грубо и внезапно напомнили о существовании угрозы. Но пришла ли уже та активная стадия вулканического процесса, которая оправдала бы разрушение моего домашнего очага, или она еще впереди — я сказать не берусь.

Зиллейби был заметно и искренне встревожен, да и в поведении Бернарда я не видел признаков скепсиса. Я почувствовал себя неловко и произнес:

— Действительно, по-видимому, все эти мидвичские дела изрядно поблекли в моей памяти и требуется определенная адаптация. Прекрасный пример работы подсознания: оно стремится обойти неприятности, утверждая, что сложности будут уменьшаться по мере роста Детей.

— Мы все приучали себя думать так, — ответил Зиллейби. — Даже придумывали доказательства, что это уже происходит, но на самом деле ничего подобного не случилось.

— И вы до сих пор не продвинулись в понимании того, как это делается? Я имею в виду «давление».

— Нет. Мне кажется, это все равно что искать средство, с помощью которого одна личность подчиняет себе другие. Нам всем известны ораторы, быстро завладевающие вниманием любой аудитории. Возможно, Дети значительно усилили это качество путем внутренней кооперации и могут пользоваться им направленно. Однако это ни на йоту не проясняет механизм воздействия.

Анжела Зиллейби, почти не изменившаяся с того времени, когда я видел ее в последний раз, через несколько минут вышла на веранду из внутренних комнат. Ее мысли, совершенно очевидно, были заняты чем-то очень важным, ибо она сделала заметное усилие, чтобы переключить внимание на нас, и после короткого обмена обычными учтивыми фразами снова погрузилась в свои думы. Напряженность отчасти смягчилась, когда принесли поднос с чайными принадлежностями. Зиллейби старался изо всех сил, чтобы температура общества не упала до нуля.

— Ричард и полковник тоже присутствовали на следствии, — сказал он. — Вердикт вынесли такой, как и ожидалось. Полагаю, ты уже слышала об этом?

Анжела кивнула:

— Да, я была на ферме у миссис Паули. Бедняжка просто не в себе. Она боготворила своего Джима. С большим трудом удалось удержать ее дома. Она рвалась на следствие, чтобы обвинить Детей. Публично обвинить их в убийстве! Мистеру Паули и мне еле удалось отговорить ее и доказать, что этим она только навлечет на себя и на свою семью новые неприятности, а толку не добьется. Я оставалась с ней все время, пока шло следствие.

— Там присутствовал другой их сын — Дэвид, — заметил Зиллейби. — Похоже, он не раз готов был сорваться, но отец каждый раз останавливал его.

— Теперь я начинаю думать, что, может быть, было бы лучше, если кто-нибудь высказал наконец чистую правду, — продолжала Анжела. — Должна же она когда-нибудь выйти наружу — не сейчас, так очень скоро! Речь нынче идет уже не о собаке или о быке!

— Собака или бык? Я об этом не слышал, — вмешался я.

— Собака укусила одного из них за руку, а через минуту или две попала под трактор. Бык погнался за группой Детей, а потом резко свернул в сторону, проломил две изгороди и утонул в мельничном пруду, — объяснил Зиллейби с непривычной для него лаконичностью.

— Но в данном случае мы имеем дело с настоящим убийством, — вмешалась Анжела. — О, я не хочу сказать, что они хотели его убить! Очень вероятно, они испугались и разозлились, а их обычай таков: если кто-то из них пострадал, ответный удар наносится быстро и не раздумывая. Тем не менее это было убийство, о чем известно всей деревне. А теперь известно и то, что Детям за это ничего не будет. Нет, мы просто не можем оставить дело в таком виде! Ведь Дети не проявляют даже признаков раскаяния! Никаких! Вот что меня пугает больше всего. Они просто убили, и все тут! А теперь, после сегодняшнего следствия, они знают, что, во всяком случае применительно к ним, убийство не влечет наказания. Так что же будет с тем, кто когда-нибудь всерьез встанет на их пути?

Зиллейби задумчиво поднес чашку к губам.

— Ты знаешь, дорогая, хотя у нас и есть основания для беспокойства, но в наши права не входит ответственность за принятие решений. Если когда-нибудь у нас и было такое право, то власти уже давно присвоили его себе. Вот перед нами полковник, который представляет какую-то часть этой власти — бог его знает по какой причине... Да и люди из Грейнджа — не могут же они не знать того, что известно всей деревне. Все пошлют свои докладные и рапорты, так что, несмотря на вердикт, власти получат представление об истинном положении дел. Хотя что они смогут сделать, действуя в рамках закона и под давлением здравого смысла, ей-богу, не могу себе представить. И все же мы должны ждать действий с их стороны. А главное, я со всей серьезностью прошу тебя не делать ничего такого, что могло бы вовлечь тебя в конфликт с Детьми.

— Не буду, дорогой, — кивнула Анжела. — Я испытываю перед ними панический ужас.

— Если голубка боится ястреба, это вовсе не означает, что она трусиха, — отозвался Зиллейби и перевел разговор на другую тему.

Я намеревался посетить семейство Либоди и еще одного-двух знакомых, но, когда мы собрались уходить от Зиллейби, оказалось, что, если мы не хотим попасть в Лондон за полночь, придется отложить эти визиты до следующего приезда. Не знаю, что испытывал Бернард, распрощавшись с супругами — он вообще мало разговаривал с тех пор, как мы приехали в деревню, и едва ли хоть чем-то выдал свои истинные чувства, — я же лично ощущал только облегчение от того, что возвращаюсь в нормальный мир. Мидвичская система ценностей казалась весьма далекой от реальности. Если несколько часов назад мне было трудно адаптироваться к существованию Детей и я удивленно таращился, когда мне о них говорили, то для Зиллейби все это стало давно привычным. Для них элемент невероятного просто не существовал. Они сжились с Детьми. К тому же за последних, к добру ли, к худу ли, они в известной степени несли ответственность. Теперешние заботы имели для мидвичцев общественный характер, заставлявший их опасаться крушения привычного modus vivendi*. Ощущение тревоги, которое я вынес из напряженной атмосферы зала собрания, все еще не покинуло меня.

Думаю, что и Бернард не избежал того же чувства. Во всяком случае, у меня сложилось впечатление, что машину через деревню и особенно мимо того места, где произошел несчастный случай с Паули, он вел гораздо осторожнее, чем обычно. Наращивать понемногу скорость он стал лишь после того, как мы миновали поворот на Оппли, где и увидели четыре приближающиеся фигуры.

Даже с такого расстояния было видно, что это Дети. Импульсивно я воскликнул:

— Остановись, Бернард! Мне хочется рассмотреть их получше.

Он снова сбавил ход, и мы остановились прямо у поворота на Хикхэм-лейн.

Дети шли нам навстречу. В их одежде чувствовался легкий намек на форму — мальчики были в голубых хлопчатобумаж-

* образ жизни (*лат.*).

ных рубашках и в серых фланелевых брюках, девочки — в коротких плиссированных серых юбках и светло-желтых блузках. До сих пор я видел только тех двух, возле муниципалитета, да и то плохо — так, общий абрис лиц, а уж потом и вообще одни спины. Когда эти четверо подошли, я отметил, что сходство между ними было даже большим, нежели я предполагал. Их лица покрывал густой загар. Странный отсвет кожи, очень заметный в детском возрасте, теперь скрылся под загаром, но что-то все же осталось, это сразу же бросилось в глаза. Волосы у всех были темно-золотого цвета, носы — прямые и узкие, рты довольно маленькие. Но пожалуй, именно положение глаз больше, чем что-либо другое, вызывало ощущение «чужеродности». Это была какая-то абстрактная чужеродность, не вызывавшая в памяти определенную расу или регион. Я не видел ничего, что помогло бы отличить одного мальчика от другого, и сомневаюсь, что, если бы не различия в прическах, смог бы отличить мальчиков от девочек.

Теперь я уже видел и глаза. Я совсем позабыл, какими удивительными они были у маленьких Детишек. Помнилось только, что желтые. Сейчас же они выглядели будто расплавленное золото. Очень странные. Если же отвлечься от этой странности, то удивительно красивые. Точно живые драгоценные камни.

Я продолжал рассматривать Детей, пока они не поравнялись с нами. Не обратив на нас ни малейшего внимания, во всяком случае, не больше, чем на любую другую машину, они свернули на Хикхэм-лейн.

Находясь от них на столь близком расстоянии, я вдруг почувствовал какую-то ничем не объяснимую тревогу, но зато мне стало ясно, почему столько семей без всяких уговоров отпустили Детей жить в Грейндж.

Мы проводили взглядом удаляющиеся фигуры, и Бернард потянулся к стартеру.

Внезапный выстрел прогремел где-то рядом, заставив нас вздрогнуть. Я повернул голову и увидел, как один из мальчиков падает навзничь на дорогу. Остальные трое словно остолбенели...

Бернард открыл дверцу и стал вылезать из машины. Один из мальчиков оглянулся на нас. Его золотые глаза сверкали, взор был тверд. Мне показалось, будто через меня пропустили ток, несущий смятение и слабость... Потом мальчик отвернулся, его взгляд скользнул в сторону.

Из-за зеленой изгороди напротив долетел звук второго выстрела, более глухой, чем первый, а потом откуда-то чуть подальше раздался пронзительный вопль.

Бернард выскочил из машины, а я переместился на сиденье, чтобы последовать за ним. Одна из девочек опустилась на колени рядом с упавшим мальчуганом, и, когда она дотронулась до него, он застонал и судорожно дернулся. Лицо мальчика, стоявшего рядом, исказилось от боли. Он тоже застонал, как будто сам умирал. Обе девочки рыдали.

Затем откуда-то с другого конца тропинки, из-за деревьев, скрывавших Грейндж, раздался стон, словно повторенный стоустым эхом жалующихся и рыдающих голосов.

Бернард остановился. Я чувствовал, как по спине у меня бегут мурашки и начинают шевелиться волосы на голове.

Снова раздался тот же звук — стон множества голосов, исполненных боли и поднимающихся до пронзительного рыдания. Затем топот многих ног, бегущих по тропинке.

Ни я, ни Бернард даже не шелохнулись. Меня удерживал на месте пронизывающий ужас.

Мы стояли и смотрели, как полдюжины мальчиков, пугающе похожих друг на друга, подбежали к лежащему и подняли его. Только когда они понесли его, я услышал какой-то плач, доносившийся из-за живой изгороди, окаймлявшей тропинку справа. Я поднялся по откосу и заглянул через изгородь. В нескольких ярдах от меня стояла на коленях девушка в летнем платье. Ее ладони были прижаты к лицу, а тело сотрясалось от рыданий.

Бернард вскарабкался следом за мной, и мы, кое-как протиснувшись между кустами, вышли в поле. Теперь я увидел тело мужчины, навзничь лежащего на коленях девушки. Из-под тела торчал приклад охотничьего ружья.

Мы подошли еще ближе; девушка, услышав наши шаги, обернулась. Рыдания смолкли, лицо исказилось ужасом. Но когда она увидела нас, ужас постепенно исчез, а безнадежные рыдания возобновились.

Бернард наклонился к девушке и поднял ее на ноги. Я бросил взгляд на мужчину. Это было страшное зрелище. Я нагнулся и подтянул его пиджак вверх, стараясь скрыть то, что осталось от головы. Бернард уводил девушку, почти неся на руках.

На дороге послышались голоса. Когда мы подошли к изгороди, двое каких-то мужчин заглянули через нее и увидели нас.

— Это вы тут палили? — спросил один из них.

Мы смогли только отрицательно покачать головами.

— Там остался труп, — сказал Бернард.

Девушку бил озноб. Временами она стонала.

— Кто? — спросил тот же мужчина.

Девушка истерически выкрикнула:

— Это Дэвид! Они убили его! Они убили Джима, а теперь и Дэвида! — И задохнулась в новом приступе рыданий.

Один из мужчин вскарабкался на откос.

— Ох, да никак это ты, Элси? — воскликнул он.

— Я пыталась остановить его, Джо... Пыталась остановить его, но он ничего не хотел слышать, — говорила она, перемешивая слова с рыданиями. — Я знала, что они убьют его, а он и слышать ничего не хотел.

Дальнейших слов было не разобрать, девушка уткнулась в грудь Бернарду. Ее трясло как в лихорадке.

— Надо отвести бедняжку домой, — сказал я. — Вы знаете, где она живет?

— Конечно, — ответил мужчина, решительно поднимая девушку на руки, как будто она была ребенком.

Он спустился с откоса и понес ее — плачущую и дрожащую — к нашей машине. Бернард повернулся к другому мужчине:

— Не останетесь ли вы тут посторожить, пока не явится полиция?

— Ладно... Это молодой Дэвид Паули? — спросил мужчина, тоже поднимаясь на откос.

— Она назвала его Дэвидом. По-видимому, тот самый юноша, — подтвердил Бернард.

— Он самый и есть... Проклятые ублюдки! — Мужчина прорвался сквозь кусты изгороди. — Лучше вызывайте полицейских из Трайна. У них там есть машина. — Он поглядел на труп. — Проклятые подонки!.. Убийцы малолетние!

Меня высадили у Кайл-Мэнора, и я воспользовался телефоном Зиллейби, чтобы вызвать полицию. Когда я положил трубку, то увидел, что Гордон стоит рядом со стаканом в руке.

— Похоже, вам это не повредит, — сказал он.

— Еще бы! — согласился я. — Все так неожиданно... Такое кровавое месиво!

— А как это произошло? — задал он вопрос.

Я дал ему полный отчет о событиях, разумеется, со своей довольно ограниченной точки зрения. Минут через двадцать вернулся Бернард, который смог рассказать побольше.

— Братья Паули, вероятно, очень любили друг друга, — начал он. Зиллейби кивнул в знак подтверждения. — Ну так вот. Видимо, для младшего, Дэвида, вердикт по делу брата стал последней каплей, и он решил, что, если никто не стремится к тому, чтобы правосудие восторжествовало, он возьмет отмщение в свои руки. Эта Элси — его девушка. Она зашла за ним на ферму как раз, когда он собрался уходить. Увидев, что Дэвид несет ружье, Элси сразу поняла, куда дует ветер, и попробовала остановить парня. Но он не хотел ничего слушать и, чтобы отделаться от нее, запер девушку в сарае, а сам ушел.

Элси потребовалось немало времени, чтобы выбраться, но она, решив, что он отправился в Грейндж, пошла туда прямо через поля. Подходя к тому самому полю, где потом разыгралась трагедия, она уже думала, что ошиблась. Вероятно, Дэвид лежал, прячась. Увидела она его, когда он уже встал из укрытия и прицеливался. Прогремел выстрел. Пока она к нему бежала, он повернул ружье дулом к себе и нажал на спусковой крючок.

Зиллейби некоторое время пребывал в глубоком раздумье, потом пробудился.

— С точки зрения полиции — дело чистое. Дэвид, уверенный, что в смерти его брата виновны Дети, убивает из мести одного из них, а затем, чтобы избежать наказания, стреляется сам. Понятно — человек с нарушенной психикой... Что же еще может увидеть тут «здравомыслящий»?

— Совсем недавно я был настроен весьма скептически, — признался я, — но только не теперь. Как этот мальчишка смотрел на нас! Уверен, какое-то мгновение он думал, что виновен кто-то из нас двоих, пока не пришел к выводу, что это невозможно. Словами свое ощущение я передать не могу. Но те секунды, пока оно длилось, мне запомнились как бесконечное давление леденящего ужаса. Ты тоже чувствовал что-то в этом роде? — спросил я, обращаясь к Бернарду.

Он кивнул:

— Какую-то странную слабость, будто растекаешься в нечто желеобразное. И тоскливый холод...

— Это было словно... — Я замолчал, вдруг припомнив кое-что. — Господи! Все эти дела так задурили мне голову, что я забыл сказать полиции о раненом мальчике. Нам надо вызвать «скорую» в Грейндж!

Зиллейби отрицательно покачал головой.

— У них там есть в штате собственный врач, — сказал он нам. Почти минуту он о чем-то размышлял в установившейся

тишине, потом вздохнул и опять покачал головой. — Не нравятся мне эти дела, полковник, совсем не нравятся. Как вы думаете, я не ошибусь, сказав, что именно так начинается кровная месть?

ГЛАВА 17

Мидвич протестует

Начало ужина в Кайл-Мэноре задержали, чтобы Бернард и я могли дать показания полиции, и к тому времени, когда мы с этим покончили, я здорово проголодался. Я был очень признателен обоим Зиллейби за их предложение устроить нас с Бернардом на ночь у себя. Стрельба заставила Бернарда отказаться от намерения вернуться в Лондон. Он решил остаться поблизости, если уж не в самом Мидвиче, то никак не дальше Трайна, так что, если не остаться с ним, у меня была альтернатива — пуститься в длинный путь по железной дороге. Кроме того, я чувствовал, что мой скепсис по отношению к Зиллейби днем почти граничил с грубостью, и я с удовольствием воспользовался бы шансом загладить свою вину.

Я попивал бренди, чувствуя себя немного не в своей тарелке. «Ты не можешь, — говорил я себе, — оспорить ни существования Детей, ни наличия у них необыкновенных качеств. И поскольку такие качества реальны, должно быть какое-то реалистичное их объяснение. Ни одна из твоих общепризнанных концепций таких объяснений не дает. Поэтому если когда-нибудь объяснения будут найдены, то какими бы неприемлемыми они тебе лично ни казались, они будут основываться на принципах и концепциях, которых ты сейчас не приемлешь. Помни это и прячь поглубже свои инстинктивные предубеждения, когда они снова вылезут на поверхность».

За ужином, однако, мне не пришлось так уж свирепо грызть себя. Оба Зиллейби, понимая, что мы прошли через испытания, которых вполне достаточно для одного дня, изо всех сил старались направлять разговор на темы, далекие от Мидвича. У Бернарда был отсутствующий вид, но я высоко оценил такт хозяев и закончил ужин, слушая рассуждения Зиллейби о причинах синусоидального характера развития моды, а также о необ-

ходимости перерывов в политике социальной жесткости, дабы сдерживать разрушительную энергию новых поколений. Эти разговоры привели меня к концу ужина в совершенно уравновешенное состояние духа.

Однако не успели мы перебраться в гостиную, как острые проблемы Мидвича тут же вторглись в уют вечера, возникнув в образе зашедшего к Зиллейби мистера Либоди. Преподобный Губерт выглядел очень встревоженным и показался мне более постаревшим, чем это можно было объяснить прошедшими восемью годами.

Анжела Зиллейби велела принести еще один прибор и налила ему чашку кофе. Попытки Либоди поддержать обычный застольный разговор, пока он пил кофе, были героичны, но не долги: пустую чашку он отставил с таким видом, что стало ясно — больше он уже не в состоянии сдерживаться.

— Что-то следует предпринять!

Зиллейби задумчиво посмотрел на викария.

— Мой дорогой викарий, — напомнил он мягко, — каждый из нас говорит это уже много лет.

— Я имею в виду немедленные и решительные действия. Мы сделали что могли, чтобы найти для Детей место в обществе и сохранить вид какого-то равновесия. Учитывая обстоятельства, думаю, нам удалось это не так уж плохо — и все же сделанное было всего лишь паллиативом, импровизацией, эмпирикой. Дальше так продолжаться не может. Необходим кодекс правил, который будет определять поведение Детей, и меры, при помощи которых они могут быть привлечены к ответственности перед законом точно так же, как привлекают к ней нас самих. Если закон оказывается не в состоянии обеспечить соблюдение правосудия, его начинают презирать, и люди понимают: ничто не может гарантировать им спокойствие и защиту. Остается месть. Даже если мы выйдем из нынешнего кризиса без серьезных потерь, следующий кризис неизбежен и наступит очень скоро. Властям не следует прибегать к таким правовым формам, которые завершаются вынесением заведомо ложных вердиктов. Сегодня днем было принято решение, которое иначе как фарсом не назовешь. Никто в деревне не сомневается, что расследование смерти Дэвида Паули обернется таким же фарсом. Поэтому нам необходимо немедленно предпринять такие шаги, которые поставят Детей в рамки закона до того, как начнутся еще более крупные беспорядки.

— Мы ведь предвидели, как вы помните, трудности такого рода, — напомнил ему Зиллейби, — и по этому поводу послали меморандум присутствующему здесь полковнику. Должен признаться, что мы не ожидали столь мрачных событий, но указали на желательность мер и средств, кои обеспечили бы подчинение Детей обычным общественным и правовым нормам. И что же? Вы, полковник, передали меморандум в более высокие сферы, и в должном порядке мы получили ответ, признающий правомерность нашего беспокойства и заверяющий нас, что заинтересованный департамент полностью доверяет специалистам по социальной психологии, присланным обучать Детей и направлять их действия. Иными словами, власти сами не видят средств, с помощью которых можно обеспечить контроль за действиями Детей, и просто надеются, что при соответствующем обучении и тренировке критическая ситуация не возникнет.

Тут, должен сознаться, я сочувствую департаменту, так как сам не вижу, как можно заставить Детей подчиняться тем или иным правилам, если они не желают этого делать.

Мистер Либоди захрустел суставами пальцев. Выглядел он жалким и бессильным.

— Но что-то же надо делать! — вновь и вновь повторял он. — Произошли ужасные события, доведшие напряженность до точки кипения, теперь нам угрожает взрыв, в любую минуту! Вот и сейчас почти все мужчины деревни собрались в «Косе и камне». Никто их туда специально не созывал. Они пришли в трактир по собственному почину, а женщины в это время бегают из дома в дом, собираются группами, шепчутся. Мужчины-то всегда ждали только предлога, вроде сегодняшнего.

— Предлога? — вмешался я. — Признаться, не вполне понимаю...

— Кукушата, — объяснил Зиллейби. — Неужели вам неясно, что мужчины с самого начала невзлюбили Детей? Личина доброжелательства, которую они носили, — это ведь только ради женщин. Если учитывать, что где-то в подсознании у мужчин накрепко застряла идея насилия, совершенного над их женами, то такая личина даже делает им честь, хотя, возможно, подобные чувства еще подкреплялись и личным опытом в духе Гарримана, что заставило их страшиться Детей, как огня.

Женщины — во всяком случае, большинство — чувствуют себя иначе. Теперь они уже не сомневаются, что с биологической точки зрения Дети вовсе не их дети, но все женщины претер-

пели тяготы и муки, вынашивая их, так что даже если они с отвращением относятся к факту имплантации (а с некоторыми дело обстоит именно так), то все равно между женщинами и Детьми существуют некие узы, которые не могут быть так просто разорваны и позабыты. Есть и другие женщины — возьмите, например, мисс Огл. Даже если бы у Детей были рога, хвосты и раздвоенные копыта, мисс Огл, мисс Лэмб и еще кое-кто все равно боготворили бы их. От мужчин же в наилучшем случае можно ожидать лишь снисходительного терпения.

— Все это очень сложно, — сказал мистер Либоди. — Тут ведь по живому режутся установившиеся семейные связи. Вряд ли найдется хоть один мужчина, которому сам факт существования Детей не был бы противен. Мы все время старались сглаживать острые углы, и, пожалуй, только этого нам удалось добиться. А в глубине все время что-то тлело.

— И вы думаете, что случай с этим Паули сыграет роль сквозняка, раздувающего огонь?

— Очень может быть. А если не этот случай, то какой-нибудь другой, — глухо сказал мистер Либоди. — Надо что-то предпринять, пока еще не поздно.

— Ничего не поделаешь, старина, — отозвался Зиллейби. — Я говорил вам это и раньше, теперь пришло время убедиться в моей правоте. Вы творили чудеса, стараясь добиться худого мира, который лучше доброй ссоры, однако ничего прочного ни вы, ни мы сделать не смогли и не сможем, ибо инициатива находится не в наших руках — она в руках Детей. Думаю, я понимаю их не хуже любого другого. Я учил их и изо всех сил старался понять их психологию еще с тех времен, когда они были ползунками, но практически почти ничего не достиг; тот же результат у преподавателей в Грейндже, хотя они всячески скрывают это из самолюбия. Мы даже не можем предвосхитить реакцию Детей, ибо не понимаем — разве что в самом общем виде, — чего они хотят и о чем думают. Между прочим, а что с тем парнишкой, в которого стреляли? Ведь его состояние может сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии событий.

— Дети не разрешили его увезти. Машину «скорой» отослали обратно. За ним ухаживает доктор Андерби. Предстоит извлечь довольно много картечин, но доктор думает, что все обойдется, — ответил викарий.

— Надеюсь, мнение доктора подтвердится. Если же нет — боюсь, на нас обрушится кровавая вендетта, — промолвил Зиллейби.

— У меня такое впечатление, что это уже случилось, — мрачно заявил мистер Либоди.

— Еще нет, — стоял на своем Зиллейби. — Для вендетты требуются две стороны, пока же агрессия исходит только от деревни.

— Уж не собираетесь ли вы отрицать тот факт, что Дети убили двух мальчиков Паули?

— Не собираюсь. Но это не агрессия. У меня ведь есть кое-какой опыт общения с Детьми. В первом случае, когда был ранен один из них, их действия были автоматической реакцией — ударом на удар. Во втором — самозащита. Не забывайте, что у Дэвида была двустволка, то есть один патрон в запасе. В обоих случаях реакция Детей была слишком жесткой, я согласен, но по сути своей это было ответное, а не преднамеренное убийство. Оба раза Детей спровоцировали, а вовсе не они выступили в роли агрессора. Если говорить по правде, то именно Дэвид Паули пытался совершить преднамеренное убийство.

— Если кто-то собьет вас машиной и вы в отместку его убьете, — воскликнул викарий, — это, я полагаю, и будет предумышленным убийством, которое, как мне кажется, можно рассматривать и как провокацию. Ведь Дэвид Паули был спровоцирован. Он ждал от закона правосудия; когда закон обманул его надежды, он взял отмщение в свои руки. Разве это предумышленное убийство? А может, попытка добиться справедливости?

— Нет, — твердо стоял на своем Зиллейби, — тут была вендетта, а не правосудие. Дэвид пытался убить одного из Детей, выбрав его наугад, за дело, совершенное коллективом. Что все эти инциденты показывают четко, мой дорогой викарий, так это то, что законы, разработанные одним видом существ для удобства этого вида, по своей природе исходят из возможностей, присущих данному виду, и, значит, против видов с другими характеристиками они применяться не могут.

Викарий уныло покачал головой.

— Не знаю, Зиллейби, просто не знаю... Я в полной растерянности. Не уверен даже в том, можно ли вообще кого-либо обвинять в убийстве Детей.

Зиллейби вопросительно поднял брови.

— «И решил Господь, — цитировал мистер Либоди, — сотворить человека по образу и подобию своему». Хорошо. Но кто же тогда эти Дети? Кто они такие? «Образ» не означает

лишь внешнее сходство, иначе любая статуя могла бы считаться человеком. Под этим словом подразумевается внутренний образ — дух, душа. Но вы доказали мне, и ваши доказательства были убедительны, что Дети не имеют индивидуальной души, они обладают одной женской душой и одной мужской, причем каждая из них гораздо сильнее, чем мы можем себе представить, и каждая обитает в отдельных членах этих двух групп. Так что же они в таком случае?

Они не могут быть тем, кого мы именуем человеком, — их внутренний облик совершенно иной. С genus homo* они сходны лишь внешне, но не по своей внутренней природе. И поскольку они принадлежат к другому роду, а убийство, по определению, есть уничтожение кого-то, принадлежащего к тому же роду, что и убийца, то может ли уничтожение одного из «них» одним из «нас» считаться убийством? По-видимому, нет.

Отсюда можно пойти и дальше. Поскольку Дети не подпадают под запрет убийства, то каково должно быть наше отношение к ним? Сейчас мы дали им привилегии подлинного homo sapiens**. Правы ли мы, поступая таким образом? Раз они относятся к совершенно другому роду, разве мы не имеем законного права, а может быть, даже и долга бороться с ними, чтобы защитить наш собственный род? В конце концов, если бы мы обнаружили, что нам угрожают опасные дикие животные, наш долг был бы очевиден. Не знаю... Я уже сказал вам, что я в полном смятении...

— Вы действительно растерялись, дорогой друг, — согласился Зиллейби. — Всего лишь несколько минут назад вы с жаром доказывали мне, что Дети убили обоих мальчиков Паули. Если рассматривать эти слова в свете ваших последних рассуждений, получается, что, когда они уничтожают нас, это предумышленное убийство, а когда их уничтожаем мы, это нечто совершенно иное. Любой юрист — гражданский или церковный, безразлично — нашел бы такое утверждение этически несостоятельным.

Не могу полностью согласиться и с вашей аргументацией в отношении «сходства». Если ваш Бог — есть Бог земной, тогда вы полностью правы, ибо, невзирая на существующую оппозицию этому взгляду, вряд ли сейчас можно отрицать, что Дети были каким-то путем внедрены к нам извне. Ведь ясно, что

* род человеческий (*лат.*).

** человек разумный (*лат.*).

ниоткуда с Земли они появиться не могли. Но если, как я понимаю, ваш Бог является Богом Вселенной, Богом всех солнц и всех планет, тогда должен ли он иметь универсальный облик? Не будет ли невероятным тщеславием с нашей стороны полагать, что он способен проявить себя только в форме, присущей лишь нашей весьма захудалой планете? Наши с вами подходы к данной проблеме могут, конечно, различаться, но...

Зиллейби замолчал, прерванный на середине фразы громкими голосами в холле, и вопросительно посмотрел на жену. Прежде чем он или она успели встать, дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла миссис Брант. С взволнованным восклицанием: «Извините!», обращенным к Зиллейби, она бросилась к мистеру Либоди и схватила его за рукав.

— О сэр! Нельзя терять ни минуты, — говорила она, задыхаясь.

— Дорогая миссис Брант... — начал было он.

— Вам надо идти, сэр, — перебила она его. — Они все пошли в Грейндж! Они хотят его сжечь! Вам надо их остановить!

Мистер Либоди смотрел на нее в недоумении, а она все еще цеплялась за его рукав.

— Они уже пошли! — кричала в отчаянии миссис Брант. — Вы должны остановить их, викарий! Должны! Они хотят сжечь Детей! Торопитесь! Пожалуйста, поторопитесь!

Мистер Либоди встал. Он повернулся к Анжеле Зиллейби.

— Извините. Думаю, мне следует... — начал он, но его извинения были прерваны миссис Брант, которая продолжала тянуть его к дверям.

— Кто-нибудь известил полицию? — спросил Зиллейби.

— Да... Нет... Не знаю... Полиция все равно не успеет... Ох, викарий, да не копайтесь же вы! — вопила миссис Брант, силой вытягивая его за порог.

Мы — четверо — обменялись взглядами. Анжела быстро пересекла комнату и закрыла дверь.

— Пойду-ка и я помогу ему, — сказал Бернард.

— Что ж, мы тоже можем пригодиться, — кивнул Зиллейби, обернувшись, а я сделал движение, чтобы присоединиться к ним.

Анжела с решительным видом загородила дверь.

— Нет! — сказала она твердо. — Если ты хочешь быть полезным — вызови полицию.

— Это можешь сделать ты, дорогая, а мы пойдем...

— Гордон! — заговорила она сурово, будто делая выговор ребенку. — Остановись и подумай. Полковник Уэсткотт, вы можете принести больше вреда, чем пользы. Здесь ведь хорошо известен ваш интерес к Детям.

Мы стояли перед ней, удивленные и обескураженные.

— Чего ты боишься, Анжела? — спросил Зиллейби.

— Не знаю. Откуда мне знать? Разве того, что полковника просто линчуют.

— Но происходящее может иметь большое значение, — протестовал Зиллейби. — Нам известно, как Дети способны воздействовать на отдельных людей, и мне хотелось бы увидеть, какие действия они предпримут в отношении толпы. Если допустить, что наши представления о них верны, им достаточно только пожелать — и толпа повернется вспять, кинется прочь. Было бы очень интересно понаблюдать...

— Чепуха, — отрезала спокойно Анжела с твердостью, заставившей Зиллейби дрогнуть. — Ты прекрасно знаешь, что их методы не таковы. Если бы дело обстояло так, как ты говоришь, они просто заставили бы старшего Паули остановить машину, а Дэвида — выпустить заряд из второго ствола в воздух. Но они этого не сделали. Они никогда не довольствуются предотвращением поступка. Они всегда контратакуют.

Зиллейби поморгал.

— А ты ведь права, Анжела, — сказал он с удивлением. — Мне это не приходило в голову. Их ответ всегда гораздо сильнее, чем того требуют обстоятельства.

— И как бы они там ни обращались с толпой, я не хочу, чтобы среди этой толпы был ты. Да и вы тоже, полковник, — добавила Анжела, повернув лицо к Бернарду. — Вы нам еще пригодитесь — чтобы вытащить нас из того болота, в котором мы оказались по вашей вине. Я очень рада, что вы здесь. Во всяком случае, на месте происшествия будет кто-то, к кому прислушаются наверху.

— Я могу по крайней мере понаблюдать... с расстояния, — предложил я несколько неуверенно.

— Если у вас есть хоть капля ума, то постарайтесь держаться от греха подальше, — резко ответила Анжела и снова повернулась к мужу. — Гордон, ты теряешь время. Звони в Трайн, узнай, известил ли кто-нибудь полицию, и попроси обязательно вызвать машины «скорой».

— «Скорой помощи»? А не слишком ли это... преждевременно? — запротестовал Зиллейби.

— Ты высказал предположение, что Дети будут действовать, исходя из своей сущности, но, видимо, не додумал до конца. Я додумала, — ответила Анжела, — и говорю: вызови машины «скорой», а не хочешь — я сделаю это сама.

Зиллейби с видом ребенка, выполняющего неприятное задание, поднял телефонную трубку и шепнул мне:

— Мы даже не знаем... я имею в виду, что все это пока только домыслы миссис Брант...

— Насколько я помню, миссис Брант — надежнейший столп общества, — ответил я.

— Верно, — согласился он. — Пожалуй, рискнем.

Закончив разговор, Зиллейби задумчиво положил трубку и некоторое время внимательно разглядывал аппарат. Потом решился сделать еще одну попытку.

— Анжела, родная, ты не думаешь, что если с безопасного расстояния... В конце концов, я один из тех, кому Дети доверяют, они мои друзья и...

— Гордон, не пытайся обмануть меня с помощью такой нелепицы. Просто ты не в меру любопытен. И ты великолепно знаешь, что у Детей никаких друзей нет!

ГЛАВА 18

Интервью с ребенком

Начальник полиции графства Уиншир заглянул в Кайл-Мэнор на следующее утро как раз вовремя, чтобы выпить стаканчик мадеры с бисквитом.

— Сожалею, что пришлось потревожить вас, Зиллейби. Жуткое дело, просто жуткое. И ничего не поймешь! В деревне никто толком ничего не объясняет. Подумал, может, вы сможете рассказать повразумительней, чтобы было, так сказать, яснее.

Анжела наклонилась над столом.

— Каковы реальные цифры, сэр Джон? У нас пока нет официальных данных.

— Боюсь, они весьма неутешительны, — начальник полиции покачал головой. — Одна женщина и трое мужчин убиты. Тринадцать человек в больнице, трое из них в очень тяжелом состоянии. Несколько мужчин в госпиталь не попали, но вы-

глядят так, будто их следовало бы туда отправить. По всем описаниям настоящий бунт — драка шла без разбора. Но почему? Ни от кого здравого ответа на этот вопрос получить не могу. — Он снова повернулся к Зиллейби. — Поскольку это вы вызвали полицию и заявили, что у вас тут возможны беспорядки, нам хотелось бы узнать мотивы ваших действий.

— Хорошо, — осторожно начал Зиллейби. — Ситуация сложилась несколько необычная...

Анжела прервала его, вмешавшись в разговор.

— Это была миссис Брант — жена кузнеца, — сказала она и стала живописать уход викария. — Я уверена, что мистер Либоди сможет рассказать вам больше, чем мы. Видите ли, он там был, а мы нет.

— Точно, он там был, даже умудрился как-то добраться до дому. Только сейчас он лежит в больнице в Трайне, — ответил начальник полиции.

— Ох, бедный мистер Либоди! Он тяжело ранен?

— Боюсь, на этот вопрос не смогу ответить. Врач из больницы сказал, что какое-то время его нельзя беспокоить. Однако продолжим. — Сэр Джон снова повернулся к Зиллейби. — Вы сказали, что толпа отправилась к Грейнджу с намерением поджечь школу. Каков источник этой информации?

Зиллейби посмотрел на него с удивлением:

— Миссис Брант, разумеется. Моя жена только что сказала вам...

— И это все? Вы что же, сами не пошли и не проверили?

— Э-э-э... нет, — признался Зиллейби.

— Вы хотите сказать, что ничем не подтвержденные слова женщины в полуистерическом состоянии послужили для вас достаточной причиной, чтобы поднять на ноги чуть ли не всю полицию графства и потребовать присылки машин «скорой»?

— На этом настояла я, — вмешалась Анжела голосом, который был весьма далек от теплоты. — И я была совершенно права. Разве «скорая» не понадобилась?

— Неужели только из-за слов этой женщины...

— Я знаю миссис Брант много лет. Она очень благоразумный человек.

Тут вмешался Бернард:

— Если бы миссис Зиллейби не отговорила нас отправиться туда, я уверен, что сейчас мы лежали бы в больнице или в помещении еще хуже.

Начальник полиции графства оглядел его.

— Знаете, у меня была очень тяжелая ночь, — произнес он наконец. — Возможно, я чего-то недопонимаю. Вы, мне кажется, хотите сказать, что эта миссис Брант пришла сюда и заявила, будто селяне — простые английские мужчины и женщины — намереваются идти к школьному зданию, набитому ребятишками, к тому же их собственными ребятишками, и...

— Не совсем так, сэр Джон. Мужчины намеревались идти, возможно, и кое-кто из женщин, но, полагаю, большинство женщин были против, — возразила Анжела.

— Ладно, пусть. Значит, эти мужчины — обыкновенные деревенские честные парни — собирались поджечь школу, полную ребят!.. И вы в этом не усомнились. Вы тут же приняли это совершенно невероятное известие за истину. Вы не попытались проверить его, не пошли посмотреть своими глазами, что там происходит. Вы только позвонили в полицию — и все это на том основании, что миссис Брант очень благоразумная женщина?

— Да, — ледяным голосом подтвердила Анжела.

— Сэр Джон, — почти так же холодно сказал Зиллейби, — я понимаю, что вы пробыли почти всю ночь на ногах, я с уважением отношусь к занимаемой вами должности, но думаю, что если вы хотите продолжать разговор, то это возможно только в совсем ином тоне.

Начальник полиции покраснел. Он опустил глаза и стал с силой массировать лоб кулаком. Сначала сэр Джон извинился перед Анжелой, потом перед Зиллейби и наконец произнес чуть ли не со слезами в голосе:

— Но я ничего не понимаю! Уже несколько часов как я задаю вопросы, и ровно ничегошеньки не могу выяснить. Нет никаких доказательств того, что эти люди пытались поджечь Грейндж, — они до него даже не дошли. Они просто передрались между собой, эти мужчины и женщины, но произошло это неподалеку от Грейнджа — уже на его территории. Почему?

Во всяком случае, не потому, что женщины пытались остановить мужчин или что часть мужчин хотела остановить своих товарищей. Нет, по-видимому, они все прямо из кабачка отправились в Грейндж, никто никого не пробовал останавливать, за исключением священника, которого они не захотели выслушать, и нескольких женщин, поддержавших священника. Однако из-за чего заварилась каша? Видимо, из-за чего-то связанного с детьми из этой школы, но разве дети могут послужить поводом

для такого бунта? Во всем этом никакого смысла нет, вот и все. — Он опять покачал головой и задумался. — Я помню, мой предшественник — Баджер — говорил, будто с Мидвичем связано нечто дьявольски странное... Клянусь, он был прав! Но что именно?

— Мне представляется, самое лучшее, что можно сделать, это переадресовать вас к полковнику Уэсткотту, — предложил Зиллейби, указывая на Бернарда. И с некоторой долей ехидства добавил: — Его департамент по причинам, о которых я так и не смог получить представления за все предыдущие девять лет, продолжает питать интерес к Мидвичу, так что полковник, надо думать, знает о нас гораздо больше, чем мы сами.

Сэр Джон перенес внимание на Бернарда.

— А из какого же департамента вы будете, сэр? — вопросил он.

Когда он услышал ответ, глаза у него полезли на лоб.

— Я не ослышался? Военная разведка?

— Да, сэр, — ответил Бернард.

Начальник полиции затряс головой:

— Сдаюсь! — Он посмотрел на Зиллейби с выражением верблюда, ожидающего появления тех самых последних соломинок, что должны переломить ему спину. — Еще и военная разведка к тому же!

Примерно в то самое время, когда начальник полиции прибыл в Кайл-Мэнор, один из Детей — мальчик — неторопливо шел по тропинке, что вела к подъездной дороге из Грейнджа в Мидвич. Двое полицейских, болтавших у ворот, прервали свой разговор. Один из них пошел навстречу мальчугану.

— И куда ж ты навострился, сынок? — спросил он довольно дружелюбно.

Мальчик посмотрел на полицейского без всякого выражения, хотя взгляд его странных золотых глаз выдавал напряжение.

— В деревню.

— Лучше не ходи, — посоветовал полицейский. — Там к вам не слишком-то расположены, особенно после вчерашнего, это уж точно!

Мальчик не только ничего не ответил, но даже шага не замедлил. Он спокойно шел вперед.

Полицейский вернулся обратно к воротам. Напарник взглянул на него с удивлением.

— Ничего себе! — сказал он. — Про тебя не скажешь, что ты перегружаешь себя работой, а? Мне-то казалось, будто мы

обязаны не позволять им шастать туда-сюда, чтоб чего не случилось.

Первый полицейский с выражением удивления на лице смотрел вслед уходящему по тропинке мальчику и недоуменно качал головой.

— Странно это, — с трудом выговорил он. — Чего-то я не пойму. Если будет еще один, займись им ты, Берт.

Минуты через две появилась одна из девочек. Она тоже шла уверенной, немного ленивой походкой.

— Ладно, — сказал второй полисмен, — сейчас она получит от папочки хороший совет, вот увидишь.

И он направился к девочке.

Сделав примерно шага четыре, он круто повернулся и пошел к воротам. Оба полицейских стояли рядом, глядя, как девушка проходит мимо и идет к дороге.

— Что за чертовщина! — воскликнул второй полисмен, не веря собственным глазам.

— Не понятно, верно? — сказал первый. — Идешь, чтобы сделать что-то, а вместо этого делаешь нечто противоположное. Знаешь, мне это совсем не по душе! Эй! — крикнул он вслед девочке. — Эй! Мисс!

Девочка даже не обернулась. Полисмен бросился за ней, пробежал несколько ярдов, затем резко затормозил. Девушка исчезла за поворотом. Страж закона пришел в себя, повернулся и зашагал обратно. Он тяжело дышал и был сильно встревожен.

— Не нравятся мне эти дела, — сказал он чуть слышно. — Тут что-то нечисто, уж поверь мне...

Автобус из Оппли на пути в Трайн через Стауч останавливался в Мидвиче как раз напротив лавочки миссис Велт. Десять—двенадцать женщин, дождавшись, пока выйдут приехавшие, двинулись к открытой двери, соблюдая подобие очереди. Мисс Латтерли, возглавлявшая ее, взялась рукой за поручень и попыталась было занести ногу на подножку. Из этого ничего не вышло, обе ноги будто приросли к асфальту.

— Поторопитесь, пожалуйста, — сказал кондуктор.

Мисс Латтерли сделала еще попытку, опять не увенчавшуюся успехом. Потом беспомощно посмотрела на кондуктора.

— Тогда встаньте в сторонку и дайте войти другим, мэм. Через минутку я вам помогу, — посоветовал он ей.

Недоумевая, мисс Латтерли послушалась совета.

Миссис Дорри шагнула вперед, чтобы занять ее место, и схватилась за поручень. И тоже не смогла продвинуться дальше. Кондуктор протянул ей руку, чтобы помочь, однако нога женщины категорически отказалась подняться до уровня ступеньки. Миссис Дорри отошла к мисс Латтерли, и обе стали свидетельницами третьей попытки войти в автобус, столь же безуспешной.

— Это еще что? Думаете небось, что это забавно? — спросил кондуктор. Потом, увидев выражение лиц трех женщин, добавил: — Извините меня, дамы, не хотел вас обидеть. Да что это с вами?

Именно мисс Латтерли, отвлекшись от зрелища бесплодной четвертой попытки, первой заметила одного из Детей. Тот лениво уселся на тумбу напротив «Косы и камня» — лицо его было обращено в сторону женщин, одна нога беспечно покачивалась в воздухе. Мисс Латтерли отделилась от группы женщин и подошла к нему. Идя, она внимательно вглядывалась в лицо мальчика.

— Ты ведь не Джозеф, правда?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Мне нужно в Трайн, повидать маму Джозефа — мисс Форшем. Она сейчас лежит в больнице.

Мальчик не отрывал глаз от ее лица. Сделал легкое отрицательное движение головой. На глазах мисс Латтерли выступили слезы.

— Неужели вам мало того горя, которое вы причинили? Вы же просто какие-то чудовища! Ведь все, чего мы хотим, — это поехать и навестить наших друзей, раненных по вашей вине!

Мальчик ничего не ответил.

Мисс Латтерли сделала еще один быстрый шаг в его сторону, потом с трудом сдержала себя.

— Неужели ты не понимаешь? Неужели у тебя нет самых элементарных человеческих чувств? — спросила она дрожащим голосом.

Позади кондуктор то ли удивленно, то ли шутливо сказал:

— Поехали, что ли, дамы? Решайтесь же наконец! Наша старушка не кусается, знаете ли. А ждать тут целый день нам расчета нет.

Кучка женщин стояла в нерешительности, у некоторых был явно испуганный вид. Миссис Дорри сделала еще одну попытку войти в автобус, но опять без толку. Две женщины поверну-

лись к мальчику и со злобой посмотрели на него. Он ответил им ничего не выражающим взглядом и ни одним движением не выдал своих истинных чувств.

Мисс Латтерли нерешительно повернулась и пошла прочь. Кондуктор рассердился.

— Что ж, если никто не хочет садиться, мы отправляемся. Расписание, знаете ли, штука серьезная.

Никто из сбившихся в кучу женщин даже не шевельнулся. Кондуктор дал резкий звонок, автобус тронулся.

Кондуктор проводил взглядом исчезающих вдали женщин и недоуменно покачал головой. Пробираясь вперед, чтобы обменяться впечатлениями с шофером, он пробормотал местную поговорку: «В Оппли — молодцы, в Стауче — хитрецы, в Мидвиче — глупцы».

Полли Растон, драгоценная правая рука своего дяди по делам прихода, с тех самых пор, как она преодолела, хотя и не до конца ликвидировала, разрыв между двумя семьями, везла на автомобиле миссис Либоди в Трайн навестить викария. Его ранения, полученные во время сражения, как сообщил по телефону врач, были болезненны, но не опасны — всего лишь перелом лучевой кости левой руки, трещина в правой ключице и многочисленные кровоподтеки. Викарий нуждался в покое и отдыхе. Он был бы рад, если бы его навестили, так как хотел дать указания в связи с отсрочкой возвращения домой.

Отъехав ярдов на двести от Мидвича, Полли резко затормозила и начала разворачивать машину обратно.

— Ты что, забыла что-нибудь дома? — спросила миссис Либоди в полном изумлении.

— Ничего я не забыла, просто ехать не могу, вот и все, — ответила Полли.

— Не можешь? — повторила миссис Либоди.

— Не могу, — подтвердила Полли.

— Ну уж, знаешь! — сказала миссис Либоди. — Я полагала бы, что в такое время ты...

— Тетя Дора, я сказала «не могу», а не «не хочу».

— Просто не понимаю, что ты там болтаешь!

— Ладно, — ответила Полли. Она проехала несколько ярдов и снова стала разворачивать машину к Трайну. — Теперь поменяемся местами. Сами поведете!

Неохотно миссис Либоди заняла место за рулем. Она не любила водить машину, но тут пришлось подчиниться. Они

поехали, однако точно на том же месте, где Полли нажала на тормоз в первый раз, на него теперь нажала миссис Либоди. Позади раздался сигнал, и пикап с рекламой торговца из Трайна на борту, чуть не задев их машину, проехал мимо. Они смотрели, как он исчезал за поворотом.

Миссис Либоди попробовала дотянуться ногой до акселератора, но нога никак не могла нащупать педаль — каждый раз ступня не дотягивалась до нее. Она еще раз попробовала добиться своего — нога, как и раньше, не ступала на педаль.

Полли огляделась и увидела девочку, почти незаметную среди кустов изгороди, внимательно наблюдавшую за обеими женщинами. Полли долго вглядывалась в нее, пытаясь отгадать, кто это.

— Джуди, — позвала Полли, с внезапным предчувствием чего-то дурного, — это твои шалости?

Кивок девочки был еле заметен.

— Перестань сейчас же, — рассердилась Полли. — Нам нужно в Трайн, навестить дядю Губерта. Он ранен. Лежит в больнице.

— Проезда нет, — ответила Джуди, хотя в голосе ее и прозвучала нотка сожаления.

— Но, Джуди! Ему надо согласовать со мной множество дел на то время, пока он будет находиться в больнице!

Вместо ответа девочка просто покачала головой. Полли почувствовала прилив гнева. Она было набрала в грудь побольше воздуха, но тут, занервничав, вмешалась миссис Либоди.

— Не надо сердить ее, Полли. Неужели вчерашний день не послужил тебе уроком?!

Ее совет даром не пропал. Полли больше не сказала ни слова. Она сидела, глядя на девочку, наполовину укрытую кустами, едва сдерживая слезы бессильной ярости.

Миссис Либоди удалось перевести машину на задний ход. Она нерешительно вытянула ногу и обнаружила, что легко дотягивается до акселератора. Несколько ярдов они проехали задним ходом, потом опять поменялись местами.

Полли в полном молчании довезла их до дома викария.

А в Кайл-Мэноре мы все еще не могли найти общего языка с начальником полиции графства.

— Но, — протестовал он, поглядывая из-под нависших бровей, — имеющаяся у нас информация подтверждает ваше заявление, что селяне шли в Грейндж, чтобы его сжечь.

— Именно за этим они и шли, — согласился Зиллейби.

— Вы также говорили, а полковник Уэсткотт подтвердил, что настоящими виновниками были дети из Грейнджа, что именно они спровоцировали нападение?

— Совершенно верно, — кивнул Бернард, — только боюсь, что с этим уже ничего не поделать.

— Вы имеете в виду, нет доказательств? Искать доказательства — это уж наше дело.

— Я имею в виду не отсутствие доказательств, я говорю о неподсудности Детей.

— Послушайте, — произнес начальник полиции с отлично натренированным терпением. — Четыре человека убиты, повторяю — убиты, тринадцать в больнице. Многие сильно пострадали. Это не такие события, по поводу которых можно сказать: «Ах, как жаль!» и оставить все, как есть. Нам придется вытащить это дело на суд публики, придется решать, кто несет ответственность, и предъявлять обвинения. Поймите вы!

— Это весьма необычные Дети, — начал было Бернард.

— Слыхал! Слыхал! В наших краях, знаете ли, таких внебрачных полным-полно. Старина Баджер что-то такое мне говорил, когда я вступал в должность... Ну, и у многих не все шарики-винтики на месте — отсюда и специальная школа, и все такое прочее...

Бернард подавил вздох.

— Сэр Джон, причина не в том, что они умственно отсталые. Специальная школа открыта только потому, что они иные. Морально Дети ответственны за вчерашнее происшествие, но это совсем не то, что можно подвести под ответственность перед законом. Здесь отсутствует почва для предъявления обвинений.

— Малолетним можно предъявлять обвинения, а также тем, кто несет за них ответственность. Уж не собираетесь ли вы мне доказать, что шайка девятилетних ребятишек способна — хотя будь я проклят, если понимаю как — спровоцировать бунт, в котором убивают взрослых, а потом улизнуть от ответственности и наказания? Фантастика!

— Но я уже несколько раз говорил, что эти Дети — иные. Их календарный возраст не имеет значения, за исключением того, что они все же остаются детьми, то есть могут быть в своих действиях куда более жестокими, чем в своих намерениях. Закон на них не распространяется, а мой департамент настоятельно требует, чтобы все дело держалось в строжайшем секрете.

— Чудовищно! — возопил начальник полиции. — Об этих закрытых школах мне уже приходилось слышать! Детей нельзя... как это называется... подавлять, что ли? Самовыражение, совместное обучение и тому подобная ересь! Чушь проклятая! Но в случае, если какой-нибудь департамент воображает, будто только по той причине, что школа такого типа случайно находится в ведении государства, ее ученики оказываются в особом положении по отношению к закону и могут считаться ему неподвластными, то этому департаменту скоро придется пересмотреть кой-какие свои понятия!

Зиллейби и Бернард обменялись безнадежными взглядами. Тем не менее Бернард решил повторить попытку.

— Эти Дети, сэр Джон, обладают огромной силой воли — небывалой, настолько могучей, что может быть навязана другим людям. До сих пор закону не приходилось встречаться с подобной формой принуждения, а следовательно, не обладая таким знанием, он ее не признает. Поэтому, раз с точки зрения закона подобная форма принуждения не существует, Дети не могут быть обвинены в применении имеющейся у них силы. Следовательно, в глазах закона преступление, приписываемое общественным мнением проявлению этой силы, или вообще не имеет места, или должно быть приписано либо другим лицам, либо другим средствам. И согласно букве закона никакой связи между Детьми и имевшим место преступлением быть не может.

— За исключением того, что они эти преступления все же совершили, вы же сами признали это, — ответил сэр Джон.

— С точки зрения закона Дети ничего подобного не совершали. Больше того, если бы вам удалось найти формулировку, чтобы предъявить им обвинение, у вас ничего бы не вышло. Они обратили бы свою силу против ваших офицеров. Вы не сможете их даже арестовать, а уж тем более удержать под арестом.

— Давайте оставим подобные тонкости всяким там адвокатишкам, это их хлеб. Все, что нам нужно, это добыть улики, на базе которых я получу основание выписать ордер на арест, — заверил его начальник полиции.

Зиллейби с совершенно невинным видом возвел глаза к потолку и стал задумчиво изучать нечто, видимо, находящееся в самом углу комнаты. Бернард имел тот отстраненный вид, какой бывает у человека, пытающегося медленно считать до десяти. Я закашлялся.

— Этот директор Грейнджа — как его там... Торранс? — продолжал начальник полиции. — В общем, тамошний дирек-

тор, он должен нести персональную ответственность за своих учеников, уж если больше никого нет! Видал я этого парня прошлой ночью — скользкий тип... Они все там скользкие, это уж точно. — Мы все старались не смотреть на начальника. — Нам он решительно ничем не помог.

— Доктор Торранс — очень известный психиатр, директорство в Грейндже — лишь временное его занятие, — объяснил Бернард. — Полагаю, что у него были обоснованные сомнения в том, какого курса следует придерживаться, пока он не получит соответствующих указаний.

— Психиатр? — с подозрением переспросил сэр Джон. — А вы вроде сказали, что эта школа не для умственно отсталых.

— Так оно и есть, — повторил терпеливо Бернард.

— Не могу взять в толк, чего он там сомневался? Какие могут быть сомнения, если речь идет о правде? Во время полицейского расследования всегда нужно говорить правду. Если вы поступите иначе, у вас будут неприятности, во всяком случае, их следует ожидать.

— Все это не так просто, как кажется, — отозвался Бернард. — Доктор Торранс, вероятно, полагал, что он не вправе раскрывать некоторые аспекты своей работы. Я считаю, что, если вы разрешите мне сопровождать вас на встречу с ним, он будет больше расположен к беседе и сумеет гораздо лучше разъяснить ситуацию, чем это сделаю я.

Закончив свою речь, Бернард встал; правый глаз у него дергался. Начальник полиции распрощался с нами сухо. Мы остались вдвоем.

Зиллейби рухнул в кресло и тяжело вздохнул. С отсутствующим выражением лица он потянулся за портсигаром.

— Я не имею чести быть знакомым с доктором Торрансом, — сказал я, — но тем не менее глубоко ему сочувствую.

— В этом нет нужды, — отозвался Зиллейби. — Уклончивость полковника Уэсткотта раздражает, однако она, как бы сказать, пассивна, что ли. Что же до Торранса, то его стремление уйти от ответа всегда носит агрессивный характер. Если сейчас ему придется прояснять ситуацию для сэра Джона, то это будет вполне справедливым возмездием.

Что занимает меня в данную минуту, так это поведение вашего друга — полковника Уэсткотта. Вроде бы барьер секретности теперь куда ниже, чем был. Если полковник зашел так далеко, что попробовал сделать ситуацию ясной даже для сэра

Джона, думаю, он смог бы и нам открыть побольше. Интересно, почему он этого не делает? Ведь возникли те самые обстоятельства, которые он так долго старался предотвратить. Мидвичский кот оказался слишком большим для своего мешка. Почему же полковник не проявляет никаких признаков волнения? — Зиллейби снова погрузился в раздумье, тихонько постукивая тонкими пальцами по подлокотнику кресла.

Тут в комнату вошла Анжела. Видно, Зиллейби ощутил ее присутствие даже в той дали, куда увлекли его мысли, так как ему потребовалось лишь небольшое усилие, чтобы вернуться в реальное время и пространство и заметить выражение лица своей жены.

— В чем дело, родная? — спросил он и добавил, вспомнив: — Я полагал, что ты уехала в Трайн, в госпиталь, отвезти гостинцы нашим больным.

— Отправилась, — ответила Анжела. — И тут же вернулась. По-видимому, нам запрещено покидать деревню.

Зиллейби резко выпрямился в кресле.

— Абсурд! Не может же этот старый дурень арестовать все население! Как мировой судья... — начал он возмущенно.

— Это не сэр Джон. Это Дети. Они пикетируют все дороги и никому не разрешают уехать.

— Вот как! — воскликнул Зиллейби. — В высшей степени интересно. Любопытно было бы узнать...

— Черта с два любопытно! — ответила ему жена. — Это в высшей степени неприятно и в той же степени нагло. Кроме того, это страшно, — добавила она, — потому что совершенно непонятно, что за всем этим кроется.

Зиллейби спросил, каким путем Дети добиваются своего, и Анжела объяснила, закончив так:

— Это касается только нас — я имею в виду жителей деревни. Посторонним разрешается уезжать и приезжать, когда им заблагорассудится.

— Но к насилию они не прибегают? — спросил Зиллейби с беспокойством.

— Нет. Просто приходится останавливаться. Кое-кто пробовал было обращаться к полиции, но, конечно, без толку. Дети их не останавливают, не беспокоят, так что полицейские просто не понимают, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Вообще-то результат есть: тот, кто лишь краем уха слышал, будто все мидвичцы — недоумки, теперь в этом полностью убежден.

— Наверняка у них есть причина — у Детей, я имею в виду, — сказал Зиллейби.

Анжела взглянула на него с неприязнью.

— Вполне возможно, и, вероятно, это может представлять большой научный интерес, однако в настоящую минуту меня занимает вовсе не это. Я хочу знать, каким образом блокада может быть прекращена.

— Дорогая, — стараясь успокоить ее, сказал Зиллейби, — твои чувства вполне понятны, но мы уже давно знаем, что, если Детям вздумается вмешаться в нашу жизнь, мы ничем им помешать не сможем. В данном случае, по причинам, о которых я не имею представления, они решили вмешаться.

— Гордон, ведь речь идет об этих несчастных, что лежат в Трайне и которых хотят навестить родственники!

— Дорогая, я не вижу ничего, что бы ты могла сделать, разве что поискать кого-нибудь из Детей и попытаться, исходя из гуманных позиций, объяснить ему свою точку зрения. Они, возможно, рассмотрят твою просьбу, но результат будет зависеть от причин, толкнувших их на такую меру, не так ли?

Анжела смотрела на своего мужа без всякого удовольствия. Она уже готова была что-то ответить, затем передумала и вышла из комнаты с весьма мрачным видом.

Когда дверь закрылась, Зиллейби покачал головой:

— Высокомерие мужчины всегда имеет оттенок фанфаронства, женское же — куда тоньше. Мы — мужчины — порой, вспоминая о некогда могучих динозаврах, задумываемся над тем, когда, где и как закончится наше собственное бытие. Но не такова женщина. Бессмертие — вот фундамент ее веры. Войны и катастрофы могут приходить и уходить, народы — возвышаться и гибнуть, империи — рушиться в муках и потоках крови, но все это затрагивает лишь поверхность бытия. Только она — Женщина — вечна и значима, и она пребудет во веки веков. В динозавров она просто не верит. Она не верит даже в то, что мир мог существовать и до ее появления на Земле. Мужчины способны строить и разрушать, развлекаясь со своими игрушками. Да и кто они такие — просто резвунчики, шныряющие под ногами, приставалы, эфемерные домашние приспособления, тогда как Женщина в своей неразрывной мистической связи с самим Великим древом жизни знает, что нет ей замены... Так хочется иногда знать, была ли самка динозавра в те давние времена одарена такой же незыблемой уверенностью?

Он замолчал, но было видно, что это только преамбула.

— А какое отношение сказанное имеет к настоящему? — подыграл я.

— Такое, что если мужчина считает мысль о своем вероятном видовом вытеснении, скажем, отвратительной, то женщина полагает ее просто неосуществимой. А поскольку в этом случае о ней и думать не стоит, то соответствующая гипотеза есть не что иное, как полное неприличие.

Мне еще раз пришлось подыграть ему:

— Если вы пытаетесь заявить, что вам видно нечто, остающееся невидимым для миссис Зиллейби, я...

— Дорогой друг, если не ослепляться чувством незаменимости, то надо признать, что мы, подобно другим властителям мироздания, нам предшествовавшим, в один прекрасный миг будем кем-то заменены. Существуют два пути, которыми это может осуществиться: либо благодаря нам самим, то есть путем самоистребления, либо вторжением каких-то новых видов, для борьбы с которыми мы недостаточно хорошо экипированы. Так вот, сейчас мы оказались лицом к лицу с умом и волей, превосходящими наши. И что мы можем им противопоставить?

— Это, — ответил я, — звучит пораженчески. Если, как я предполагаю, все сказанное выше говорилось всерьез, то не слишком ли грандиозные выводы вы делаете из столь скромных предпосылок?

— Очень похоже на то, что говорила моя жена, когда эти «предпосылки» были куда меньше и моложе, — отозвался Зиллейби. — Она даже зашла так далеко, что с презрением отвергла мысль, будто такие удивительные события вообще могут происходить здесь — в самой прозаичной английской деревушке. Тщетно пытался я убедить ее, что события не стали бы менее удивительными, случись они в другом месте. По мнению Анжелы, подобное явление было бы менее поразительным, произойди оно в неких экзотических далях, например, в деревушке острова Бали или в мексиканском пуэбло. Она считала, что такая история может случиться только с другими людьми. К сожалению, происшествие имело место именно здесь и развивалось оно согласно законам весьма огорчительной логики.

— Меня беспокоит не то, где оно произошло, — настаивал я. — Меня тревожат ваши предположения. И больше всего то, что вы считаете непреложным фактом, будто Дети могут творить все, что захотят, и нет способа их остановить.

— Было бы глупо стоять на такой дидактической позиции. Остановить их можно, хотя сделать это довольно трудно. Физически мы куда слабее многих животных, но одержали над ними верх потому, что обладали разумом более высоким, чем они. Единственное, что может нас победить, — еще более мощный разум. Нам это никогда не казалось серьезной угрозой: с одной стороны, вероятность появления такого разума представлялась ничтожно малой, а с другой — еще более невероятной была мысль, что мы позволим ему развиться до такой степени, что он станет угрожать нашему существованию.

И тем не менее вот он, еще один маленький трюк из шкатулки Пандоры, этого бездонного эволюционного процесса, — Коллективный Разум: две мозаики, одна из тридцати, другая из двадцати восьми кусочков. Что можем мы, с нашим индивидуализированным мозгом, мы, сносящиеся друг с другом при помощи самых примитивных средств, противопоставить тридцати умам, работающим как единый Разум?

Я запротестовал: даже если это так, Дети вряд ли сумели бы аккумулировать столько знаний за какие-то жалкие девять лет, чтобы противостоять огромной сумме человеческого знания.

Зиллейби отрицательно покачал головой.

— У правительства были свои замыслы, благодаря чему Детей обеспечили лучшими преподавателями, так что сумма их знаний должна быть весьма значительной; я сужу по собственному опыту, ибо, как вы, вероятно, слышали, иногда читаю им лекции. Накопление знаний важно, хотя и не является само по себе главной причиной грозящей нам опасности. Помните, Френсис Бэкон писал: «Nam et ipsa scientia potestas est», то есть знание — сила? Следует пожалеть, что столь знаменитый ученый нес иногда сущую чепуху. Энциклопедия набита знаниями, но не умеет ими пользоваться; у каждого из нас есть знакомые, обладающие прекрасной памятью на факты, но не умеющие хоть как-то применить эти факты на практике; компьютер может выдавать знания кипами и во многих экземплярах, но все эти знания никак не будут использованы, пока к ним не прикоснется понимание. Знание — всего лишь вид топлива, а нужен еще мотор понимания, чтобы превратить его в силу.

Больше всего меня тревожит мысль о мощи, производимой пониманием, работающим на небольших количествах топлива-знания с кпд, в тридцать раз превышающим кпд нашего мозга. Какова может быть производительность мозга у выросших Детей, я даже вообразить не могу.

Я нахмурился. Как обычно, я несколько недоверчиво относился к выкладкам Зиллейби.

— Значит, вы совершенно уверены, что мы не в силах помешать кучке из пятидесяти восьми Детей предпринять действия, какие они сочтут нужными? — настаивал я.

— Именно так. — Он сопроводил сказанное утвердительным кивком. — А как вы предложите нам поступить? Вам же известно, что случилось с толпой мидвичцев прошлой ночью: они намеревались атаковать Детей, а вместо этого их заставили сражаться друг с другом. Пошлете полицию — они сделают то же самое. Пошлете против них войска — и солдат принудят стрелять друг в друга.

— Возможно, — сдался я. — Но могут найтись и другие пути, чтобы сладить с ними. Из сказанного вами следует, что никто не знает Детей достаточно хорошо. Они, видимо, полностью и очень рано разорвали эмоциональные связи со своими приемными матерями, если, разумеется, у них когда-нибудь были те эмоции, которые мы хотели в них видеть. Большинство из них избрали прогрессирующую сегрегацию, как только она им была предложена. В результате Мидвич знает о Детях ничтожно мало. Лишь короткое время здешний народ воспринимал их как личности. Детей было невозможно различать между собой, отсюда появились привычка рассматривать их как нечто единое и представление о них как о не вполне реальных фигурах о двух измерениях.

Зиллейби отнесся к такой точке зрения с интересом.

— Вы совершенно правы, дорогой друг! Ощущается нехватка нормальных контактов, нехватка симпатии. Однако это отнюдь не результат ошибок, совершенных нами. Я, как мог, старался сблизиться с ними и все же остался для них чужим. Несмотря на все мои попытки, я все еще вижу их, как вы точно выразились, фигурами о двух измерениях. И я твердо убежден, что у людей из Грейнджа успехи ничуть не больше моих.

— Тогда остается вопрос, — сказал я, — как нам получить больше информации о Детях.

Мы размышляли над этим вопросом некоторое время, пока наконец Зиллейби не вернулся из глубины своих дум обратно на Землю:

— Не приходилось ли вам, друг мой, задумываться о том, каков сейчас ваш собственный статус в Мидвиче? Если бы вы решили попробовать покинуть Мидвич сегодня, то мы смогли бы выяснить: рассматривают вас Дети как мидвичца или нет?

Это мне в голову не приходило. Я нашел его предложение интересным и тут же захотел выяснить.

Бернард, как оказалось, уехал на машине начальника полиции, поэтому я решил воспользоваться его автомобилем для своего эксперимента.

Ответ я получил сразу же, как только выехал на дорогу, ведущую в Оппли. Очень странное ощущение. Руки и ноги объединились в усилии остановить машину без всякого участия моей воли. Одна из девочек сидела на обочине, покусывая стебелек и глядя на меня без всякого интереса. Я попытался завести мотор еще раз. Рука отказалась повиноваться. Заставить ногу опустить тормозную педаль я тоже не смог. Я взглянул на девочку и сказал ей, что живу не в Мидвиче и хочу уехать домой. Она просто качнула головой. Я снова попытался привести мотор в действие и обнаружил, что могу ехать только задним ходом.

— Гм-м, — сказал Зиллейби, когда я вернулся, — итак, вы почетный гражданин Мидвича, верно? В общем-то я так и предполагал. Напомните мне сказать Анжеле, чтобы она предупредила кухарку, ладно?

В то время, когда мы в Кайл-Мэноре беседовали с Зиллейби, в Грейндже шло другое совещание, хотя и сходное по теме, но совсем иное по форме.

Доктор Торранс, чувствуя себя свободнее в присутствии полковника Уэсткотта, счел возможным отвечать на вопросы начальника полиции гораздо более подробно, нежели в прошлый раз. Однако разговор вскоре зашел в тупик, так как взаимопонимание между сторонами никак не возникало, а напряженность заметно росла, что заставило доктора Торранса сказать с явным разочарованием:

— Боюсь, мне не удалось разъяснить вам как следует данную ситуацию, сэр Джон.

Начальник полиции даже засопел от раздражения.

— Каждый считает своим долгом говорить мне это, и я не собираюсь заниматься опровержением. Явно тут никто ничего разъяснять и не желает. Не приводя ни малейших доказательств, которые я мог бы принять, все упорно стараются внушить мне мысль, что эти распроклятые детишки в какой-то степени виноваты в событиях прошлой ночи. Это делаете даже вы, хотя, как мне дали понять, именно вы отвечаете за детей. Согласен, я не понимаю ситуации, где каким-то молокососам позволили до

такой степени отбиться от рук, что они нарушили спокойствие всей округи, доведя людей до бунта. Не вижу, почему от меня можно ждать понимания всего этого. Как начальник полиции графства я хочу допросить одного из главарей этой шайки и выяснить, что он может мне рассказать о случившемся безобразии.

— Сэр Джон, я уже объяснял вам, что здесь нет никаких главарей...

— Знаю, знаю. Вас я уже наслушался. Дескать, тут все равны и тому подобное... Все это, может, и хорошо в теории, но вам известно не хуже меня, что в каждой группе есть парни, которые чем-то выделяются. Вот они-то как раз и есть те, кого следует хватать в первую очередь. Управьтесь с ними — и вы управитесь с остальными!

Он замолчал, ожидая ответа.

Доктор Торранс безнадежно посмотрел на полковника Уэсткотта. Бернард пожал плечами и чуть заметно кивнул. Несчастное лицо доктора Торранса стало еще несчастнее. Он заговорил с явным принуждением:

— Хорошо, сэр Джон, поскольку вы как бы отдаете мне приказ, у меня не остается выбора, но я должен попросить вас тщательно выбирать выражения. Дети у нас очень... э-э-э... чувствительные.

Выбор последнего слова был не слишком удачен. В лексике доктора оно имело вполне техническое значение, и не более того; в понимании же начальника полиции это было слово из разряда тех, которым пользуются психованные мамаши, говоря о своих испорченных до мозга костей детках, и, следовательно, никак не могло способствовать укреплению симпатии начальника к Детям. Он издал возглас возмущения, а доктор Торранс встал и вышел из кабинета. Бернард открыл было рот, чтобы поддержать предупреждение доктора, затем решил, что это может лишь усилить раздражение начальника полиции и скорее повлечет за собой новые беды, чем принесет пользу. «Проклятый здравый смысл, — думал про себя Бернард, — бесценный дар, если его высадить на нужную почву, но в других условиях он может превратиться в заразу вроде полевого вьюнка».

Они сидели в полном молчании, пока наконец не вернулся доктор Торранс в сопровождении мальчика.

— Это Эрик, — сказал начальник школы, представляя мальчугана. Потом добавил: — Сэр Джон Тенби хочет задать тебе

несколько вопросов. Видишь ли, в круг его обязанностей как начальника полиции графства входит составление доклада о происшествиях вчерашней ночи.

Мальчик кивнул и перевел взор на сэра Джона. Доктор Торранс занял свое место за письменным столом, наблюдая за обоими настороженно и с беспокойством.

Взгляд мальчика был тверд, внимателен и не выдавал его истинных чувств. Сэр Джон ответил ему не менее твердым взглядом. «Мальчик выглядит крепким, — думал он. — Немного, может быть, худощав, но не тощий, а вернее было бы сказать, тонкокостный — вот оно, правильное слово. Черты лица мало что говорят, лицо красивое, но без той внутренней слабости, которая нередко сопровождает красоту у мужчин. С другой стороны, и силы воли в лице не видно. Рот, пожалуй, несколько маловат, хотя и на бутончик не похож. В общем, такое лицо не содержит богатого материала для выводов о характере. Глаза, однако, еще более удивительны, чем говорили». Ему сообщили о странной золотистой окраске радужной, но никто не преуспел в описании их поразительного блеска и свойственного им удивительного эффекта — какого-то свечения изнутри. На мгновение эти глаза вообще выбили его из колеи, но сэр Джон тут же взял себя в руки, напомнив себе, что фактически имеет дело с недочеловеком: мальчику девять лет, а выглядит он на шестнадцать, да к тому же вскормлен на всяких дурацких теориях самовыражения, неподавления и прочего в том же духе.

Он решил обращаться с мальчиком так, будто ему действительно шестнадцать, избрав тон беседы умудренного мужчины с еще неопытным юнцом, который практиками этого дела почему-то считается показателем «мужского» разговора.

— Серьезное происшествие случилось тут прошлой ночью, — начал сэр Джон. — Наша задача — выяснить детали случившегося и узнать, что же произошло в действительности, кто виноват в этом и тому подобное. Люди говорили мне, что виноват в этом ты и другие ребята. Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Нет, — ответил не задумываясь мальчик.

Начальник полиции кивнул — в любом случае, вряд ли можно ожидать немедленного признания.

— А что в действительности произошло?

— Жители деревни пришли сюда, чтобы сжечь Грейндж дотла, — ответил мальчик.

— Ты в этом уверен?

— Они сами говорили об этом, и вряд ли другая причина могла привести их сюда в столь позднее время, — парировал мальчик.

— Ладно, не будем пока вникать во все эти «почему» да «по какой причине». Давай начнем вот с чего: ты говоришь, что часть из них пришла с намерением сжечь школу. Тогда можно предположить, что другая часть явилась, чтобы остановить это дело, а в результате между ними началась драка?

— Да, — согласился мальчик, но уже менее решительно.

— Тогда, надо думать, ты и твои друзья ничего общего с дракой не имели? Просто оказались зрителями?

— Нет, — ответил мальчуган, — нам пришлось защищаться. Это было необходимо, иначе они сожгли бы здание.

— Ты хочешь сказать, что вы начали кричать, чтобы одни остановили других или что-то в этом духе?

— Нет, — терпеливо сказал мальчик. — Мы заставили их драться между собой. Мы могли бы просто прогнать их прочь, но, если бы мы так поступили, они позже вернулись бы опять. Теперь этого уже не случится, они поняли, что лучше нас оставить в покое.

Начальник полиции помолчал, он явно был в замешательстве.

— «Заставили» их драться между собой... Как вы это сделали?

— Очень трудно объяснить. Думаю, вы не поймете, — сказал мальчик, как бы вынося окончательное решение.

Сэр Джон покраснел.

— И все же мне хотелось бы узнать, — произнес он, сохраняя имидж великодушного человека, прощающего незаслуженно нанесенный ему моральный ущерб.

— Бессмысленное занятие, — сказал ему мальчик. Он говорил спокойно, без презрения — просто сообщал непреложный факт.

Лицо начальника стало багровым. Доктор Торранс поспешил вмешаться:

— Это в высшей степени малопонятное явление, сэр Джон, причем такое, в котором мы все тут пытаемся разобраться уже много лет, но с очень скромным результатом. Может быть, ближе всего к истине будет сказать, что Дети «пожелали», чтобы люди в толпе набросились друг на друга.

Сэр Джон поглядел на доктора Торранса, потом на мальчика. Что-то пробормотал, но постарался взять себя в руки. Тяже-

ло дыша, он обратился к мальчугану, теперь в его голосе явственно слышался гнев.

— Как бы это ни было сделано — этим мы займемся позже, — ты признаешь, что вы несете ответственность за то, что произошло?

— Мы ответственны лишь за то, что защищались, — ответил мальчик.

— Ценой четырех жизней и тринадцати покалеченных, в то время как вы могли, как ты говорил, просто отогнать их?

— Они хотели нас убить, — холодно ответил ребенок.

Начальник полиции долго глядел на него.

— Я не понимаю, как именно вы сделали это, но пока принимаю на веру ваше собственное признание. А также твои слова, что в этом не было необходимости.

— Тогда они снова явились бы сюда. И все равно пришлось бы прибегнуть к тому же средству, — сказал мальчик.

— Это только твое предположение. Все твое отношение к этому делу просто чудовищно! Неужели ты не чувствуешь жалость к пострадавшим людям?

— Нет, — ответил мальчик. — А с какой стати? Вчера один из них пытался застрелить одного из нас. Нам приходится защищаться.

— Но не с помощью вендетты же! Для вашей защиты существует закон, и для каждого...

— Закон не защитил Уилфрида от выстрела. Он не защитил бы и нас прошлой ночью. Закон наказывает преступника после того, как тот совершил преступление. Нам это не подходит — мы хотим остаться в живых.

— И тем не менее вы решаетесь — ты сам сказал — брать на себя смелость распоряжаться чужими жизнями?

— Стоит ли нам все время возвращаться к одному и тому же? — спросил ребенок. — Я ответил на ваши вопросы, поскольку считал, что будет лучше, если вы правильно оцените ситуацию. Раз вам не удалось уяснить ее суть, я попробую выразиться яснее.

Ситуация такова: если со стороны кого бы то ни было будет сделана попытка вмешаться в нашу жизнь или нанести нам ущерб, мы станем защищаться. Мы показали, на что способны, и надеемся, что это послужит предупреждением для других и предотвратит дальнейшие неприятности.

Сэр Джон безмолвно смотрел на мальчика, костяшки его сжатых в кулак пальцев побелели, а лицо пошло пятнами. Он при-

поднялся со стула, будто хотел броситься на мальчишку, потом, раздумав, рухнул в свое кресло. Прошло несколько секунд, пока начальник полиции почувствовал себя снова в состоянии разговаривать. Наконец задыхающимся голосом он обратился к мальчику, который на протяжении всех этих секунд критически рассматривал его с каким-то холодным любопытством.

— Ах ты, дрянь такая! Ах ты, мерзкий паршивец! Да как ты смеешь со мной так разговаривать! Ты что, не понимаешь, что я представляю тут полицию страны! Если нет, так самое времечко понять, и, клянусь Богом, я тебе это разъясню! Ты как разговариваешь со взрослыми, ты, мелочь пузатая?! Ишь, он, видите ли, не желает, чтобы им наносили ущерб! Они, видите ли, будут защищать себя! Вот оно как! Да ты подумал, где находишься? Тебе, парень, еще предстоит научиться...

Внезапно сэр Джон умолк и безмолвно уставился на мальчика.

Доктор Торранс приподнялся, наклонился над столом к мальчику и протестующе произнес «Эрик...», однако не сделал ни единого движения, чтобы вмешаться.

Бернард Уэсткотт даже не шелохнулся на своем стуле и лишь впитывал в себя происходящее.

Губы начальника полиции затряслись, нижняя челюсть отвисла, глаза, вылезшие из орбит, выкатились еще больше. Волосы на голове слегка зашевелились. На лбу и висках выступил пот, струйки его текли по лицу. Неразборчивые икающие звуки вырывались из широко открытого рта. По щекам текли потоки слез. Он дрожал крупной дрожью, хотя не мог сделать ни малейшего движения. Потом, когда истекли долгие-долгие секунды, он смог шевельнуться. Поднял трясущиеся руки и неуклюже прижал их к лицу. Из-под ладоней неслись странные тонкие крики. Затем сэр Джон соскользнул с кресла на колени и рухнул на пол. Там, все еще продолжая дрожать, он распростерся, стараясь вжаться в пол, издавая при этом пронзительные вопли и царапая скрюченными пальцами ковер, в который, казалось, хотел зарыться. Потом его вырвало.

Мальчик отвел взгляд от сэра Джона. Доктору Торрансу он сказал, будто отвечая на заданный вопрос:

— Он не пострадал. Он хотел запугать меня, поэтому мы показали ему, каково это — быть испуганным. Теперь он кое-что понял. Когда вновь наладится работа его желез, он придет в себя.

Затем мальчик повернулся и вышел из комнаты, предоставив обоим мужчинам в молчании смотреть друг на друга.

Бернард вытащил носовой платок и вытер пот, крупными каплями выступивший у него на лбу. Доктор Торранс сидел не двигаясь, лицо у него было мертвенно-серого цвета. Оба одновременно глянули на начальника полиции. Сэр Джон лежал рыхлой грудой, видимо, без сознания и долгими жадными вздохами всасывал в себя воздух. Время от времени его сотрясала жуткая дрожь.

— Бог мой! — воскликнул Бернард, снова переведя взгляд на Торранса. — И вы провели тут три года!

— Никогда не было ничего похожего на это, — отозвался доктор. — Кое-какие возможности мы подозревали, но Дети никогда не проявляли к нам вражды. Возблагодарим Бога за это!

— Да, для вас могло обернуться и похуже, — ответил Бернард и снова посмотрел на сэра Джона. — Нашего приятеля следовало бы удалить отсюда раньше, чем он придет в себя. Нам тоже лучше в это время ему не показываться на глаза — в таких ситуациях человек вряд ли захочет встретиться со свидетелями. Пошлите за его коллегами, пусть заберут. Скажите, что с ним случился приступ.

Через пять минут они уже сидели на ступеньках крыльца, наблюдая, как отбывает машина начальника полиции, который все еще был без сознания.

— Придет в себя, когда наладится деятельность желез!.. — пробормотал Бернард. — Пожалуй, они лучше разбираются в области физиологии, нежели в психологии. Этот человек сломлен, сломлен до конца своих дней!

ГЛАВА 19

В тупике

После пары стаканчиков неразбавленного виски с лица Бернарда начало сходить то выражение потрясения, с которым он вернулся из Грейнджа в Кайл-Мэнор. Рассказав нам о жутком интервью начальника полиции, он закончил так:

— Знаете, одно из редких возрастных качеств Детей, которое меня поразило, это их неспособность правильно оценивать

собственную силу. За исключением, пожалуй, объявленной ими блокады Мидвича, все, что они делали до сих пор, сделано с каким-то колоссальным перерасходом энергии. То, что может быть теоретически вполне оправдано, они на практике превращают в нечто совершенно непростительное. Они хотели припугнуть сэра Джона, чтобы тот оставил их в покое, но зашли куда дальше и ввергли беднягу в состояние панического ужаса, доведя его до безумия. Их действия привели к такой деградации личности, которая была омерзительна для окружающих и ничем не оправдывается. Это непростительно.

Зиллейби спросил своим тихим мелодичным голосом:

— А может быть, мы смотрим под неправильным углом зрения? Вот, полковник, вы говорите «непростительно», что подразумевает, будто они хотят быть прощенными. А почему? Разве нас интересует, прощают ли нас шакалы или волки за то, что мы их убиваем? Нет, не интересует. Нам нужно только одно — обезвредить их, и все.

Фактически наше господство на планете стало столь полным, что волков нам приходится убивать очень редко, а большинство из нас вообще забыли, что значит противостоять в одиночку какому-либо другому виду. Но когда возникает нужда, мы, ни минуты не колеблясь, безоговорочно поддерживаем тех, кто борется с опасностью, от кого бы она ни исходила — от волков, насекомых, бактерий или фильтрующихся вирусов. Мы не даем врагу пощады, а следовательно, не ждем от него и прощения.

Особенность нашего противостояния с Детьми заключается, видимо, в том, что мы с самого начала оказались не в состоянии понять, какую угрозу они несут нашему виду, тогда как у них не было никакого сомнения, что мы для них смертельно опасны. А они намерены выжить любой ценой. Нам следовало хотя бы вспомнить, к чему способна привести подобная целенаправленность. Ее результаты мы каждодневно можем наблюдать в наших собственных садах, где идет постоянная и свирепая война без соблюдения правил и законов, война без малейшего намека на жалость или милосердие.

Зиллейби говорил безо всякой аффектации, и было ясно, что сказанное — результат глубокого анализа. Правда, как это бывало с Зиллейби и раньше, разрыв между его теоретическими построениями и реалиями жизни казался слишком велик, и слушатели не могли проникнуться уверенностью в безусловной правоте оратора.

Наконец Бернард произнес:

— Дети, безусловно, резко изменили свою тактику. Раньше они время от времени пользовались внушением или давлением, но, если исключить несколько самых ранних инцидентов, почти не прибегали к насилию. И вдруг — взрыв! Можете ли вы сказать мне, когда, по вашему мнению, произошел перелом, или же этот процесс нарастал постепенно?

— Могу, и совершенно определенно, — отозвался Зиллейби. — Ни малейшего намека на что-либо подобное не возникало до случая с Джимом Паули и его машиной.

— А это случилось... подождите-ка... в последнюю среду, то есть третьего июля. Интересно... — начал Бернард, но не закончил, так как гонг позвал нас к ленчу.

— Мой опыт в области инопланетных вторжений, — говорил Зиллейби, приступая к заправке знаменитого фирменного салата, — до сих пор обогащался из посторонних источников, а потому может быть назван гипотетически-безличностным или, еще лучше, безличностно-гипотетическим. — Он задумался, как бы пробуя сказанное на вкус, и продолжил: — Во всяком случае, этот опыт достаточно обширен, и все же, как ни странно, я не могу припомнить ни одного случая, который мог бы оказаться хоть чем-то полезным для нас. Все без исключения примеры хоть и малоприятны, но скорее примитивны, чем коварны.

Возьмите марсиан Уэллса. В качестве изобретателей луча смерти они еще кое-как смотрятся, однако в остальном их поведение совершенно обыденно: они просто-напросто ведут примитивную кампанию, используя оружие, на порядок превосходящее оружие противника. Впрочем, там мы могли хоть отвечать ударом на удар, тогда как здесь...

— Только не клади кайенский перец, дорогой, — сказала Анжела.

— Чего не класть?

— Кайенский перец. От него икота бывает.

— Верно, верно, а где сахар?

— Слева от тебя, дорогой.

— Ах да... Так о чем это я?

— Об уэллсовских марсианах, — напомнил я.

— Ну, разумеется. Так вот, перед вами прототип бесчисленных вторжений. Супероружие, против которого человек будет храбро сражаться до тех пор, пока его не спасет какой-нибудь из нескольких возможных вариантов развития событий. Есте-

ственно, в Америке все, как обычно, больше и лучше. Нечто совершает посадку. Из него вылезает Некто. Через десять минут, безусловно, благодаря великолепным коммуникациям, столь характерным для великой страны, начинается паника на всем пространстве от океана до океана, дороги и города забиты бегущим населением. Кроме Вашингтона, разумеется. Там, по контрасту, колоссальные, неохватные глазом толпы стоят молча — бледные, но уповающие, устремившие взгляд к Белому дому, в то время как где-то в горах Кэтскилл некий до поры до времени безвестный профессор с дочкой и грубоватым молодым ассистентом трудятся как безумные акушерки, обеспечивая появление на свет deus ex labjratoria*, который спасет мир в последний момент... Вернее, за минуту до наступления такого момента.

В нашей стране, полагаю, сообщение о таком вторжении было бы принято — во всяком случае, в определенных кругах — с оттенком известного скептицизма, но, думаю, вы согласитесь, что американские писатели знают свой собственный народ лучше, чем мы.

И каков же в конечном счете результат? Да просто еще одна война. Мотивации упрощены, оружие усложнено, но общий рисунок не нов. И, как следствие, ни один из прогнозов — ни спекулятивный, ни экстраполярный — ни в малейшей степени нам не подходят. Причем именно в тот самый момент, когда это явление произошло в действительности. Как подумаешь, так всех этих футурологов становится просто жаль, если учесть количество энергии, затраченной ими на прогнозы.

И Зиллейби с наслаждением принялся за салат собственного производства.

— Одна из моих вечных проблем, — заметил я ему, — заключается в том, чтобы угадать, когда именно вы говорите буквально, а когда — метафорически.

— На этот раз, уверяю тебя, можешь понимать все буквально, — вмешался Бернард.

Зиллейби бросил на него косой взгляд.

— Вот, значит, как? И никаких возражений? — удивился он. — Скажите-ка мне, полковник, а сколько времени прошло с тех пор, как вы впервые поняли, что вторжение — реальный факт?

— Лет восемь примерно, — ответил ему Бернард. — А вы?

— Примерно столько же. Может, чуть-чуть побольше. Мне эта идея сразу же пришлась не по душе, не нравится она мне и

* бог из лаборатории (*лат.*).

сейчас, а дальше, вероятно, будет нравиться еще меньше. Но пришлось принять. Добрая старая аксиома Холмса, знаете ли: «Когда мы отбросим невозможное, то, что останется, каким бы невероятным оно ни казалось, и будет истиной». Я, однако, не знал, что так считают и в официальных кругах. И как вы решили поступить?

— Ну, мы постарались изолировать Детей, позаботились об их обучении.

— Н-да, и каким же чудным и полезным подарком для человечества это обернулось, смею сказать! А почему вы так поступили?

— Минуточку! — вмешался в разговор я. — Я опять запутался между буквальным и метафорическим. Вы что, оба всерьез полагаете, что Дети — вроде пришельцев? Что они происходят откуда-то из внеземных пространств?

— Видите! — оживился Зиллейби. — Никакой паники от океана до океана. Здоровый скептицизм. Я же вам говорил!

— Именно так, — ответил мне Бернард. — Это единственная гипотеза, которую мой департамент не смог опровергнуть, хоть материалов у нас было побольше, чем у мистера Зиллейби.

— Ах, — воскликнул Зиллейби, внезапно весь обратившись в слух; вилка с салатом застыла в воздухе. — А не приближаемся ли мы к вопросу о таинственном интересе военной разведки к нашим делам?

— Думаю, теперь уже нет причин удерживать эти сведения, — согласился Бернард. — Я знаю, что вначале вы сами проделали немалую работу, пытаясь разобраться в причинах нашего интереса, мистер Зиллейби. Но, думаю, вам не удалось подобрать к нему ключ.

— И каков же был этот ключ? — спросил Зиллейби.

— Да просто Мидвич не только не единственное, но даже и не первое место, где возник эффект Потерянного дня. Кроме того, в течение трех предшествовавших Дню недель было замечено значительное учащение случаев засечки НЛО нашими радарами.

— Ну надо же! — воскликнул Зиллейби. — О тщеславие... Тщеславие! Следовательно, помимо нашей существуют и другие группы Детей? Где именно?

Но Бернард явно не хотел, чтобы его торопили, предпочитая вести рассказ по собственному плану.

— Один Потерянный день случился в крошечном поселке в Северной Австралии. Там явно вышла какая-то накладка. Всего

было тридцать три беременных, однако все Дети умерли. Большинство — спустя несколько часов после рождения, а самый последний ребенок — в семидневном возрасте.

Затем Потерянный день был отмечен в поселке эскимосов на острове Виктории в северной части Канады. Местные жители хранят молчание о том, что там произошло; надо думать, они так разгневались или испугались, когда стали рождаться дети, столь отличные от родителей, что их сразу же выкинули на мороз. Во всяком случае, никто из них не выжил. И это, между прочим, если сопоставить с историей возвращения наших Детей в Мидвич, показывает, что их способность оказывать «давление» появляется не раньше двухнедельного возраста, так что до этого срока они — индивидуальности. Еще один Потерянный день...

Зиллейби поднял руку.

— Разрешите высказать предположение. Он имел место за «железным занавесом»?

— За «железным занавесом» было два Потерянных дня, насколько нам известно, — поправил его Бернард. — Один вблизи Иркутска, почти на границе с Монголией. Очень мрачное дело. Мужья, решив, что их жены прелюбодействовали с демонами, уничтожили и детей, и матерей. Второе место — еще дальше на восток — называется Гижинск. Лежит в горах к северо-востоку от Охотска. Возможно, были и другие, но мы о них ничего не знаем. Почти с уверенностью можно говорить об аналогичных случаях в Южной Америке и Африке, хотя проверить эти слухи трудно. Аборигены говорят о своих делах неохотно. Кроме того, вполне возможно, что изолированные поселения могли «потерять» день и даже не заметить этого, так что появление Детей не вызывало большого удивления. По доходящим до нас слухам, на таких Детей смотрят как на уродов и убивают, хотя мы не исключаем и того, что некоторых из них матери прячут в укромных местах.

— Как я полагаю, в Гижинске было не так? — ввернул Зиллейби.

Бернард взглянул на него, и краешки губ его дрогнули.

— Похоже, вы ничего не упускаете из виду, Зиллейби? Вы правы, в Гижинске вышло иначе. Потерянный день случился за неделю до Мидвича. Тремя-четырьмя днями позже мы получили донесение об этом. Русские были очень обеспокоены. И это послужило для нас некоторым утешением, когда начались мидвич-

ские события. Они, надо полагать, тоже в свое время узнали о Мидвиче и вздохнули с облегчением. Между тем наш агент продолжал следить за Гижинском и своевременно доложил нам о странном эффекте — все женщины там оказались беременны. Сначала мы как-то не придали значения этому явлению, оно показалось нам не слишком важным, хотя и любопытным, но когда поняли, что ситуация в Мидвиче развивается аналогично, — интерес немедленно возрос. Когда же родились Дети, положение русских оказалось лучше, чем наше: они просто-напросто «закрыли» Гижинск — городок в два раза крупнее Мидвича, и поступление информации к нам тут же прекратилось. Мы же «закрыть» Мидвич не могли, нам пришлось работать в иных условиях, и, как мне кажется, вышло это у нас не так уж плохо.

Зиллейби кивнул:

— Понятно. Министерство обороны сделало вид, будто ничего не знает ни о нас, ни о русских. Но если бы выяснилось, что у русских появился целый выводок потенциальных гениев, то было бы не вредно иметь возможность выставить против них свою собственную команду.

— Более или менее так. Ведь то, что Дети необыкновенны, выяснилось очень скоро.

— Я должен был сообразить, — грустно покачал головой Зиллейби. — Мне не пришло в голову, что Мидвич может оказаться не единственным. Но теперь меня посетила иная мысль: должно было произойти какое-то важное событие, заставившее вас раскрыть свои карты. Вряд ли наши дела могли повлечь за собой этот поступок, так что, надо думать, такие события имели место где-то еще, скажем, в Гижинске? Произошло ли там что-нибудь такое, повторения чего можно ожидать и от наших Детей?

Бернард аккуратно положил на тарелку нож и вилку, потом долго внимательно их рассматривал, после чего снова поднял глаза.

— Дальневосточная армия, — заговорил он не торопясь, — недавно получила на вооружение новый тип атомного оружия среднего радиуса поражения — что-то порядка миль пятидесяти — шестидесяти. На прошлой неделе они провели первые полевые испытания. Города Гижинска больше не существует.

Мы так и уставились на него. С возгласом ужаса Анжела наклонилась вперед.

— Вы хотите сказать... все они...

Бернард кивнул:

— До единого человека. Весь город. Никого не предупредили, иначе могли бы узнать и Дети. Кроме того, все устроили так, что происшедшее можно списать на ошибку в расчетах, а если потребуется, то и на саботаж. — Он снова помолчал. — Такова официальная версия — и для внутреннего и для внешнего пользования. Мы, однако, получили из русских полуофициальных источников копию донесения, отправленного ими по особым каналам. В нем содержится мало конкретных сведений, но нет сомнений, что оно относится к Гижинску и появилось одновременно с осуществлением акции по уничтожению города. Мидвич в этом обращении даже не упомянут, хотя там есть предостережение, выраженное очень недвусмысленно.

О Детях там говорилось как о группах, представляющих не просто угрозу для страны проживания, но как о реальной и серьезной опасности для существования всего человечества. Правительства призываются к тому, чтобы без промедления «нейтрализовать» все известные группы. Изложена суть дела очень четко, но чувствуется оттенок паники. В обращении повторяется несколько раз, чтобы все это было сделано быстро и не только ради блага наций или континентов, а именно потому, что Дети — угроза всему человечеству.

Зиллейби изучал узор на тканой скатерти, наконец поднял голову и спросил:

— И какова же позиция военной разведки? Надо полагать, она хочет разобраться, какие козни затевают русские на этот раз?

— Большинство — да, но некоторые — нет, — признался Бернард.

Зиллейби опять поднял глаза.

— С Гижинском разделались на прошлой неделе, не правда ли? В какой именно день?

— Во вторник, второго июля, — ответил Бернард.

Зиллейби опять кивнул, как бы подводя итог своим размышлениям.

— Любопытно, — сказал он. — Но как, хотелось бы понять, об этом узнали наши Дети?

Вскоре после ужина Бернард объявил, что снова собирается в Грейндж.

— Мне не удалось поговорить с доктором Торрансом, пока там был сэр Джон, а уж после того, что с ним произошло, нам обоим стало не до разговоров.

— Думаю, вы не намерены раскрыть нам свои планы в отношении Детей? — спросила Анжела.

Он сделал отрицающий жест.

— Если бы у меня и были какие-то мысли, они представляли бы собой служебную тайну. А пока я хочу узнать у Торранса, нет ли у него каких-либо предложений, основанных на его опыте и знании Детей. Надеюсь вернуться через час или около того, — добавил он и вышел.

Покинув дом, Бернард автоматически направился к машине, но уже протягивая руку к дверце, подумал, что небольшая прогулка ему не повредит, и двинулся по дорожке к шоссе.

Сразу же за калиткой какая-то незнакомая дама в голубоватом твидовом костюме взглянула на него, заколебалась, а затем все же решилась подойти. На ее щеках возник слабый румянец, но приблизилась она решительно. Бернард снял шляпу.

— Я мисс Лэмб, а кто вы такой, мы всегда знали, полковник Уэсткотт.

Бернард ответил на ее слова легким поклоном, думая о том, кто же эти «мы». С успехом можно было предположить, что за словом «мы» скрывался весь Мидвич. Бернард поинтересовался, чем может быть полезен.

— Я к вам насчет Детей, полковник. Что с ними будет?

Он ответил достаточно правдиво, что пока в отношении Детей никакого решения не принято. Она жадно слушала, глаза ее ни на секунду не отрывались от его лица, пальцы, затянутые в перчатки, намертво сцепились.

— Никакой жестокости не допустят, ведь правда? — умоляющим тоном произнесла мисс Лэмб. — О, я знаю, та ночь была ужасна, но это же не их вина! Они еще не ведают, что творят. Вы понимаете, они же совсем маленькие! Я знаю, они выглядят вдвое старше своего возраста, но что с того, правда? Они не хотели зла, которое причинили. Они испугались! А разве мы не испугались бы, явись к нам толпа, которая полна решимости сжечь наш дом? Конечно, испугались бы! Мы имели бы полное право защищаться, и никто не посмел бы нас осудить! Господи, да если бы мужчины пришли в мой дом, я бы стала защищаться первым попавшимся под руку — может быть, даже топором!

Бернард в этом очень сомневался. Такая картина — маленькая хрупкая женщина, идущая против толпы с топором в руках — как-то не укладывалась в его голове.

— Уж очень сильное средство они применили, — напомнил он ей мягко.

— Я знаю, но, когда вы молоды и напуганы, очень легко показаться более жестоким, чем вы есть на самом деле. Помню, когда я была ребенком, случалось так, что несправедливость заставляла меня внутренне кипеть. Если бы у меня были силы поступить так, как хотелось, это было бы ужасно, говорю вам, просто ужасно!

— К сожалению, — указал Бернард, — у Детей есть такая сила, и вы должны согласиться, что применять ее они не имеют права.

— Да, — согласилась мисс Лэмб, — но все будет иначе, когда они подрастут и поймут. Я уверена! Больше они не будут! Люди кругом говорят, что их надо выслать отсюда, но вы же так не сделаете, правда, не сделаете? Они же не злые! Так получилось просто потому, что они испугались! Они раньше не были такими! Если они останутся здесь, мы сможем научить их любви и мягкости, сможем доказать, что люди не хотят им вреда...

Она заглядывала ему в глаза, заламывала руки, слезы готовы были хлынуть в любую минуту.

Бернард ответил ей ничего не выражающим взглядом, поражаясь преданности, позволившей оценить шестерых убитых и много тяжело раненных как результат ребячьей шалости. Он почти ощущал, как в ее мозгу возникает видение обожаемой тонкой фигурки с золотыми глазами, загораживающей весь остальной мир. Она никогда не проклянет, никогда не перестанет любить, никогда не поймет... Это ведь единственное удивительное, волшебное событие за всю ее бесцветную жизнь.

Сердце Бернарда обливалось кровью от жалости к мисс Лэмб.

Он смог лишь объяснить ей, что решение находится вне его компетенции, и заверить, стараясь при этом не пробуждать несбыточных надежд, что все, сказанное ею, он включит в свой доклад. Затем он как можно вежливее распрощался и ушел, чувствуя спиной ее встревоженный, укоризненный взгляд.

Деревушка, по улице которой сейчас проходил Бернард, выглядела сонной и притихшей. Надо полагать, думал он, чувство протеста на установление Детьми блокады весьма сильно, но те немногие жители, которых он видел, за исключением нескольких беседующих пар, явно занимались сугубо личными делами. Единственный полисмен, патрулировавший сквер, зевал от скуки. Первый урок, преподанный Детьми и заключавшийся в том, что собираться толпой опасно, очевидно, был усвоен прочно. Это был серьезный шаг к диктатуре — неудивительно, что русским так не понравился ход дел в Гижинске.

Пройдя ярдов двадцать по Хикхэм-лейн, Бернард набрел на двух Детей. Они сидели на обочине и смотрели на небо куда-то в западном направлении с таким вниманием, что даже не заметили, как он подошел.

Бернард остановился, посмотрел в ту сторону, куда были направлены их взгляды, и тут же услышал звук реактивного самолета. Самолет был хорошо виден — серебристый абрис на синем летнем небе, где-то на высоте пяти тысяч футов.

В тот самый момент, когда Бернард его увидел, под брюхом самолета возникло несколько черных точек. Затем появились белые купола парашютов — пять штук, которые плавно спускались вниз. Самолет же продолжал лететь дальше.

Бернард перевел взгляд на Детей как раз в то мгновение, когда они обменивались довольными улыбками. Он опять взглянул вверх на самолет и на пять медленно опускающихся куполов. Он не очень разбирался в самолетах, но был уверен, что это легкий бомбардировщик дальнего радиуса действия, обычно имеющий на борту экипаж из пяти человек. Он снова посмотрел на Детей, и тут они его заметили.

Все трое некоторое время рассматривали друг друга, а бомбардировщик продолжал гудеть где-то над головой.

— Между прочим, — заговорил Бернард, — машина была очень дорогая. Кое-кто сильно рассердится, когда узнает, что с ней случилось.

— Это предупреждение. Но им, вероятно, предстоит потерять еще несколько самолетов, прежде чем они поймут, в чем тут дело, — сказал мальчик.

— Вероятно. В ваши способности поверить не так-то легко. — Он помолчал, продолжая наблюдать за Детьми. — Вам не нравится, когда они над вами летают, верно?

— Да, — согласился мальчик.

Бернард понимающе кивнул:

— Это я могу понять. Но скажите мне, почему вы всегда в качестве предупреждения прибегаете к столь сильным мерам? Разве нельзя было просто развернуть самолет?

— Но ведь мы могли и заставить его рухнуть вниз, — ответила девочка.

— Думаю, да. Мы должны быть признательны, что вы так не поступили. И все же нужный эффект был бы достигнут и в случае, если бы вы повернули его назад. Так? Почему же вы столь жестоки?

— Так эффективнее. Нам пришлось бы завернуть множество самолетов, прежде чем поверили бы, что это делаем мы. А если они будут терять самолет каждый раз, когда тот пролетает над нами, им придется отреагировать, — объяснил мальчик.

— Понятно. Предполагаю, что та же аргументация годится и для событий прошлой ночи? Если бы вы просто отослали толпу прочь, предупреждение выглядело бы не таким эффективным? — предположил Бернард.

— А вы думаете иначе? — спросил мальчик.

— Мне кажется, все зависит от того, как это сделано. Уверен, что не было нужды заставлять людей сражаться между собой с такой яростью. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи практически, то с политической точки зрения неразумно делать каждый раз лишний шаг, который только усиливает неприязнь и ненависть к вам.

— Но и страх тоже, — указал мальчик.

— О, так вы хотите нагнать на нас страху? Зачем?

— Только затем, чтобы вы оставили нас в покое, — ответил ребенок. — Это ведь лишь перемирие, а не конец. — Его золотые глаза были обращены на Бернарда, а взгляд — тверд и серьезен. — Рано или поздно вы попробуете нас убить. Как бы мы себя ни вели, вы все равно захотите стереть нас с лица земли. Наши позиции могут быть укреплены лишь в том случае, если мы перехватим инициативу.

Мальчик говорил спокойно, но его слова с легкостью пробивали броню роли, разыгрываемой сейчас Бернардом. Каким-то внутренним оком он различал в словах мальчика, казавшегося шестнадцатилетним, голос совершенно взрослого человека.

— На минуту, — рассказывал нам позже Бернард, — это меня ошеломило. Никогда в жизни я еще не был так близок к панике, как в это мгновение. Комбинация из взрослого и ребенка казалась мне исполненной устрашающего смысла, угрожающего самому фундаменту установившегося порядка вещей... Сейчас это выглядит мелочью, но тогда было откровением и, клянусь Богом, привело меня в ужас. Внезапно я прозрел — вся их двойственность заключалась в том, что индивидуально это были дети, коллективно — взрослые. Они говорили со мной, приноравливаясь к моему уровню.

Бернарду потребовалось время, чтобы взять себя в руки. Потом он вспомнил сцену с начальником полиции, которая тоже ужаснула его, но в каком-то ином, гораздо более элементарном плане. Он внимательно всмотрелся в мальчика.

— Ты Эрик?

— Нет. Иногда я бываю Джозефом. Но сейчас я — мы все. Нам нужно поговорить с вами.

Бернард уже полностью овладел собой, не торопясь присел на обочину с детьми и заговорил с нарочитой серьезностью:

— Обвинения в намерении убить вас кажутся мне преувеличением. Разумеется, если вы будете продолжать так, как начали себя вести в последние дни, мы возненавидим вас и отомстим вам, или, вернее сказать, нам придется защищать себя от вас. Однако если вы измените свое поведение — что ж, тогда посмотрим. Неужели вы так сильно ненавидите нас? Если нет, тогда какое-нибудь сосуществование, я уверен, вполне возможно.

Он посмотрел на мальчика, все еще питая слабую надежду, что с ним надо разговаривать попроще, как обычно говорят с детьми. Но тот быстро развеял иллюзии Бернарда. Он покачал головой и ответил:

— Вы рассуждаете не на том уровне. Вопрос стоит не о любви или ненависти. Они тут вообще ни при чем. И переговорами этот вопрос тоже не решается. Тут дело в биологической необходимости. Вы не можете себе позволить не убить нас, так как, если вы этого не сделаете, вы обречены... — Мальчик выдержал паузу, как бы давая Бернарду время оценить значение этих слов, а затем продолжил: — У проблемы есть еще и политическая сторона, требующая немедленного решения, причем последнее должно приниматься на базе логики. Уже сейчас ваши политики, которые знают о нашем существовании, вероятно, обсуждают вопрос, не принять ли им решение по русскому образцу.

— О, значит, вам известно о русских?!

— Да, конечно. Пока Дети в Гижинске были живы, нам не приходилось бояться за себя, но когда они погибли, возникли два следствия: во-первых, нарушился баланс сил, а во-вторых, пришло понимание, что русские не решились бы на нарушение этого баланса, если бы не были абсолютно уверены в том, что колония Детей сулит не выгоды, а одни убытки.

Биологическую необходимость отрицать невозможно. Русские подчинились ей, исходя из политических мотивов, как наверняка захотите сделать и вы. Эскимосы подчинились ей, исходя из примитивного инстинкта. Результат тот же.

Вам, однако, будет труднее. Русским, когда они решили, что Дети Гижинска непригодны для использования в разрабатываемом проекте, найти правильное решение было легко. В

России ведь человек существует лишь для службы государству. Стоит ему поставить себя выше интересов государства — он уже предатель, а обязанность общества — защищать себя от предателей, будь то индивидуум или группа людей. Следовательно, в этом случае биологический долг и политический долг совпадают. И если неизбежно, чтобы какое-то число ни в чем не повинных, но случайно вовлеченных в это дело людей погибло, что ж, ничего не поделаешь: их обязанность — умереть ради своего государства.

Но вам эта проблема представляется куда менее ясной. Не только потому, что ваше стремление выжить обросло множеством условностей; у вас еще распространена весьма неудобная для вас же идея, что государство существует, чтобы служить людям, создавшим его. Поэтому вашу совесть будет грызть мысль, что у нас тоже есть «права».

Первый, самый острый момент опасности для нас прошел. Он возник, когда вы впервые услышали о русской акции в отношении Детей. Решительный человек мог бы быстро организовать «несчастный случай» и в Мидвиче. Вас устраивала возможность скрытно содержать нас здесь, а нас устраивала возможность быть спрятанными, так что с «несчастным случаем» особых затруднений не возникло бы. Теперь, однако, уже поздно. Люди, которые лежат в больнице Трайна, надо думать, рассказывают о нас. Прошлая ночь вообще должна была вызвать массу слухов, распространившихся по всей округе. Шансов создать видимость «несчастного случая» больше нет. Так как же вы намерены поступить, чтобы ликвидировать нас?

Бернард покачал головой.

— Послушайте, — сказал он, — попробуйте представить себе, что мы способны рассматривать ситуацию с более цивилизованных позиций — вы же все-таки находитесь в стране, которая известна своей способностью находить компромиссные решения. Я не убежден, что вы поступаете правильно, когда с легкостью отметаете возможность соглашения. История научила Великобританию быть более терпимой по отношению к меньшинствам, чем другие страны...

На этот раз ответ последовал от девочки.

— Цивилизованность тут ни при чем, — сказала она. — В сущности, дело очень простое. Если мы существуем — мы подчиняем вас, это ясно и неизбежно. Согласитесь ли вы на положение людей второго сорта и станете ли без борьбы на путь,

ведущий к вымиранию? Вряд ли вы настроены столь декадентски, что примете такой вариант. А тогда — политически — вопрос стоит так: может ли любое государство, как бы оно ни было терпимо, позволить существовать непрерывно наращивающему мощь меньшинству, контролировать действия которого оно не в состоянии? Ответ очевиден: не может.

Тогда как же вы поступите? Логично предположить, что мы будем в безопасности на время, пока ведутся ваши собственные дебаты. Самые примитивные из вас — ваши массы — будут руководствоваться темными инстинктами, пример которых мы уже видели прошлой ночью, и начнут охотиться на нас с целью уничтожить. Ваши более либеральные, ответственно мыслящие и религиозные круги будут встревожены этической стороной проблемы. Против применения любых жестких мер выступят ваши истинные идеалисты, а за ними потянутся ваши псевдоидеалисты. У вас ведь хватает людей, рассматривающих идеалы как своего рода премию вроде страховки, готовых переложить на плечи потомков и рабство, и нужду только ради того, чтобы самим предстать у райских врат с репутацией несгибаемых защитников высоких принципов.

Потом еще есть ваше консервативное правительство, тупо сопротивляющееся, когда его подталкивают к рассмотрению жестких мер, направленных против нас. И есть еще «левые», которые воспользуются шансом нажить партийный капитал и спровоцировать отставку правительства. Они будут защищать наши права как права угнетенного меньшинства, как права детей и так далее. Их лидеры будут пылать праведным гневом, выступая в нашу защиту. Они без всякого референдума заявят, что представляют собой Справедливость, Сострадание и Большое Сердце Народа. Потом-то кое-кто из них поймет всю серьезность проблемы, поймет, что если они начнут форсировать проведение новых выборов, то может произойти раскол между проводниками официальной партийной политики Большого Народного Сердца и рядовыми членами партии, чей страх перед нами превратит их во фракцию трусов. Тогда вопли насчет абстрактной справедливости и попыток заткнуть рты ее поборникам заметно поутихнут...

— Судя по всему, ты не слишком уважаешь наши общественные институты, — прервал ее Бернард.

Девочка пожала плечами.

— Как безраздельно доминирующий вид планеты вы могли позволить себе потерять чувство реальности и забавляться абст-

ракциями, — ответила она. — Пока все эти люди будут ожесточенно препираться, до многих из них дойдет, что проблема взаимодействия с гораздо более развитым биологическим видом отнюдь не так проста и что она становится со временем все более сложной. Тогда неизбежно возникнут попытки расправиться с нами. Однако прошлой ночью мы уже показали, что случится с солдатами, если вы бросите их против нас. Если вы пошлете самолеты, они разобьются. Ладно, вы вспомните, как это сделали русские, вспомните об артиллерии и управляемых ракетах, чья электроника нам неподвластна. Но если вы примените их, вы убьете не только нас. Вам придется уничтожить всех жителей Мидвича. Так что даже на обдумывание этой акции вам потребуется немало времени, а если она будет осуществлена, то какое правительство в этой стране сумеет пережить массовое убийство безвинных, даже оправданное ссылками на высокую социальную окупаемость этого мероприятия? Партия, которая санкционировала бы такое дело, не только стала бы политическим трупом, но, даже если бы действия по ликвидации опасности оказались успешными, ее лидеров линчевали бы на месте во имя справедливости и искупления.

Она умолкла, и тогда снова заговорил мальчик.

— Детали могут не совпадать, но что-то в этом роде неизбежно будет происходить по мере того, как информация об угрозе, вызванной нашим существованием, начнет становиться всеобщим достоянием. Возможна даже такая курьезная ситуация, когда обе ваши партии будут бороться между собой за то, чтобы потерпеть поражение на выборах, лишь бы не формировать правительство, которому придется принимать меры против нас. — Он замолчал, долгим взглядом окидывая лежащий перед ним мирный сельский пейзаж, и добавил: — Таково реальное положение вещей. Ни ваши, ни наши желания здесь роли не играют, хотя можно, пожалуй, сказать, что обеим сторонам даровано лишь одно стремление — выжить. Мы все, как видите, игрушки в руках жизни. Стремление выжить сделало вас многочисленными, но умственно недоразвитыми; оно же сделало нас могучими в умственном отношении, но слабыми физически. Теперь мы стоим друг против друга и нам не дано знать, чем все это завершится. Жестокая ситуация для обеих сторон, но очень, очень древняя. Жестокость так же стара, как сама жизнь.

Да, мы видим робкие признаки смягчения жестокости — юмор и сострадание. Они-то, пожалуй, и есть важнейшие изоб-

ретения человеческого гения, но корни их пока очень слабы, хотя и обещают многое. — Он опять помолчал и улыбнулся. — Это мысль Зиллейби — нашего первого учителя, — заметил он как бы в скобках. — Стремление выжить, однако, куда сильнее этих чувств, так что кровавые игры вряд ли отменяются...

Тем не менее нам кажется возможным по меньшей мере отсрочить наступление острой стадии конфликта. Об этом мы и хотим с вами поговорить...

ГЛАВА 20

Ультиматум

— Это, — заявил с упреком Зиллейби золотоглазой девочке, усевшейся на ветке дерева, что росло рядом с тропинкой, — это есть не что иное, как неоправданное ограничение моего права на передвижение. Вы прекрасно знаете: я в это время постоянно гуляю и так же постоянно возвращаюсь домой пить чай. Тиранию можно легко превратить в дурную привычку. Кроме того, у вас в качестве заложника остается моя жена.

Девочка, видимо, обдумала сказанное и сунула за щеку большой леденец.

— Ладно, мистер Зиллейби, — кивнула она.

Зиллейби сделал шаг вперед. На этот раз ничто не помешало ему переступить невидимый барьер, который только что задержал нас.

— Благодарю вас, милая, — проговорил он, вежливо склоняя голову. — Идемте, Гейфорд.

Мы двинулись в лес, оставив часового сидеть над тропой, лениво болтая ногами и наслаждаясь леденцом.

— Одним из интереснейших аспектов этой истории можно считать вопрос разграничения между коллективом и индивидуальностью, — заметил Зиллейби. — В определении этой границы мне далеко продвинуться не удалось. Наслаждение девочки леденцом носит бесспорно индивидуальный характер, вряд ли это удовольствие она разделяет с остальными. Данное нам разрешение переступить через барьер — явно коллективное решение, равно как и сам приказ, который нас остановил. И поскольку этот разум коллективен, то как быть с впечатлениями, которые он по-

лучает? Например, чувствуют ли все Дети вкус леденца, который сосет девочка? Вероятно, нет. Тем не менее все они должны знать о существовании леденца, а может быть, даже и об особенностях его вкуса! Аналогичная проблема возникает, когда я показываю им фильмы или читаю лекции. В теории, если в аудитории находятся двое — мальчик и девочка, — все остальные разделяют с ними полученный опыт. На этом основана разработанная для них организация обучения. Но на практике, когда я прихожу в Грейндж, зал всегда бывает полон.

Насколько я понимаю, когда я кручу фильм в присутствии двух представителей противоположных полов, все остальные также воспринимают его, однако можно предположить, что при передаче часть ощущений, воспринимаемых зрением, теряется, а поэтому они предпочитают видеть все собственными глазами. Очень трудно побудить Детей рассказывать об этих способностях, но, кажется, индивидуальное восприятие картины передается остальным все же лучше, чем индивидуальные ощущения от сосания леденца. Все это вызывает, естественно, целый ряд вопросов...

— Могу себе представить, и все же эти вопросы, так сказать, аспирантского уровня. Что до меня, мне для начала хотелось бы выяснить причину их пребывания на Земле.

— О, — отозвался Зиллейби, — полагаю, причина эта стара как мир. Ведь то же самое касается и нашего пребывания тут.

— Не могу согласиться. Мы же возникли здесь, на Земле, а вот откуда тут появились Дети — неясно.

— Уж не собираетесь ли вы принимать теории за бесспорные факты, дорогой друг? Широко бытует представление, что мы зародились тут, и чтобы поддержать это представление, сделано предположение, будто когда-то существовал некто, кто был нашим прародителем и одновременно прародителем человекообразных обезьян, то есть тот, кого наши деды называли «исчезнувшим звеном». Однако нет сколько-нибудь надежного доказательства, что подобный некто существовал в действительности. А что касается «исчезнувшего звена», то, Господи Боже мой, представление, о котором я говорил, фактически состоит из одних исчезнувших звеньев, прошу извинить меня за плохой каламбур!

Можете вы, например, объяснить разнообразие человеческих рас с точки зрения существования этого единственного звена? Я, как бы ни напрягался, не могу. Не могу я представить и на более

позднем этапе кочующее существо, которое порождает генетические линии, обладающие столь устойчивыми и отчетливыми расовыми признаками. На островах это еще могло произойти, но на континентах — никогда. На первый взгляд какое-то воздействие мог иметь климат, но тут же в голову приходит мысль, что монголоидные черты одинаковы от экватора до Северного полюса. Подумайте также о бесчисленных промежуточных типах, которые должны были бы существовать, а также о ничтожно малом количестве обнаруженных ископаемых останков. Подумайте о числе поколений, которое нам пришлось бы отсчитать, чтобы проследить белокожих, чернокожих, краснокожих и желтокожих к их общему предку, и вы придете к выводу, что там, где должны были бы остаться неисчислимые палеонтологические свидетельства этого процесса, имеется почему-то лишь огромное «белое пятно». Господи, да об истории развития рептилий мы знаем больше, чем об истории развития человека! Много-много лет назад мы уже составили полное эволюционное генеалогическое древо лошади. Если бы подобное было возможно для отражения эволюции человека, это давно бы сделали. А что у нас есть? Всего лишь несколько — поразительно мало — разрозненных кусочков! Никто не знает, где и как они ложатся в общую картину эволюции человека, по той простой причине, что никакой общей картины и нет, а есть лишь одно предположение. Эти кусочки так же чужды нам, как мы — Детям.

В течение часа или около того я внимал разглагольствованиям по поводу обрывистой и туманной филогении человечества, каковую Зиллейби закончил извинением за примитивность изложения предмета, который никак не может быть уложен в ту полудюжину предложений, кои он только что попытался мне сформулировать.

— Надеюсь, — закончил он, — вы все же усвоили, что широко распространенное представление имеет куда больше лакун, чем твердо установленных фактов.

— Но если отбросить его, то что же останется? — спросил я.

— Не знаю, — сознался Зиллейби. — Но я отказываюсь принимать на веру плохую теорию только потому, что лучшей нет, и не считаю, что отсутствие доказательств — надежный аргумент для отрицания какой-либо другой теории, от кого бы это отрицание ни исходило. В результате я не расцениваю появление Детей как нечто более удивительное, чем существование разнообразных человеческих рас, которые, на мой взгляд,

возникли уже полностью сформировавшимися или, во всяком случае, без четкой истории своего происхождения.

Столь жиденький вывод был настолько не характерен для Зиллейби, что я заподозрил наличие у него собственной теории.

Зиллейби покачал головой.

— Нет, — заскромничал он. Потом добавил: — Конечно, человек не может не думать... Боюсь только, что получается нечто совсем уж бездоказательное и далеко не всегда приемлемое даже для самого мыслителя. Например, для такого заядлого рационалиста, как я, крайне тревожно обнаружить вдруг, что ты начинаешь думать о существовании некой высшей силы, распоряжающейся у нас на Земле. Когда я размышляю о нашем шарике, мне начинает казаться, что в нем все более отчетливо проступают черты какого-то очень плохо организованного испытательного полигона. В общем, места, где то и дело на свободу выпускаются новые генетические линии, чтобы посмотреть, как будут они себя вести в нашем развале и беспределе. Наверное, наблюдение за тем, как подопытные существа реагируют на заданные им параметры, должно очень развлекать Изобретателя. Он изучает, удалось ли ему на этот раз произвести на свет безупречного разрывателя-на-части или же у него получился очередной разрываемый-на-кусочки. Он любуется прогрессом более ранних моделей и видит, что они весьма преуспели в превращении жизни в кромешный ад для других обитателей планеты... Ах, я же говорю вам, что размышления никогда не укрепляют базу для оптимизма. Вы со мной согласны?

— Как мужчина мужчине, скажу вам, Зиллейби, что вы не только много болтаете, но еще и несете при этом уйму чепухи, которой иногда умудряетесь придать видимость здравого смысла. Случается, это здорово сбивает слушателя.

Зиллейби обиделся.

— Мой дорогой друг, я всегда говорю разумно! В социальном смысле это и есть мой главный недостаток. Надо же уметь различать форму и содержание. Вы что, предпочитаете высказывания с этакой монотонно-догматической напористостью, которую наши слабоумные сограждане принимают, прости их, Господи, за гарантию искренности? Даже если бы я попытался следовать подобной манере, все равно в первую очередь надо было бы оценивать содержание.

— Хотелось бы мне знать, — сказал я упрямо, — когда вы сокрушаете идею эволюции человека, имеете ли вы что-то взамен?

— Значит, мои размышления насчет Изобретателя вам не понравились? Мне — тоже, и даже очень. Но по крайней мере у этой гипотезы есть существенное достоинство — она не менее невероятна, зато гораздо более содержательна, нежели многие религиозные догматы. А когда я говорю «Изобретатель», это вовсе не означает, что я имею в виду какое-то лицо. Гораздо более вероятна научная группа. Мне кажется, если бы группа наших биологов и генетиков выбрала для своих опытов какой-нибудь отдаленный остров, они обнаружили бы много интересного и поучительного, наблюдая за поведением своих подопечных в условиях острого экологического кризиса. А что такое планета, как не остров в космосе? Однако моя умозрительная спекуляция слишком далека от того, чтобы стать теорией...

Наш обходной путь вывел нас на дорогу в Оппли. Подходя к Мидвичу, мы увидели, как с Хикхэм-лейн вышел какой-то человек, по-видимому, пребывающий в глубокой задумчивости, и пошел впереди нас. Зиллейби окликнул его.

Бернард с трудом отвлекся от своих мыслей, остановился и подождал нас.

— У вас такой вид, — заметил Зиллейби, — что можно предположить, будто доктор Торранс вам решительно ни в чем не помог.

— До Торранса я так и не добрался, — объяснил Бернард. — А теперь, видимо, вообще нет смысла его беспокоить. Я тут разговорился с парочкой ваших Детишек.

— Значит, не с парочкой, — мягко поправил его Зиллейби. — Разговор может вестись лишь с коллективом мальчиков, с коллективом девочек или с обеими коллективными личностями одновременно.

— Ладно. Поправка принята. Итак, я разговаривал со всеми Детьми, во всяком случае, я так считаю, хотя мне показалось, что в стиле разговора как мальчика, так и девочки весьма сильно ощущался привкус манер известного нам Зиллейби.

Зиллейби выглядел весьма польщенным.

— Учитывая, что мы с ними нечто вроде льва с ягненком, мой контакт можно считать вполне удовлетворительным. Контакты на базе образования вообще весьма продуктивны, — сказал он. — Ну и как вы с ними поладили?

— Не думаю, что слово «поладили» точно отражает ситуацию, — ответил ему Бернард. — Меня информировали, мне прочли нотацию, мне дали поручение. Под конец же на меня возложили обязанность вручить ультиматум.

— Вот как! Кому же?

— Я, знаете ли, сам не уверен, кому именно. Грубо говоря, тому, кто может обеспечить Детей воздушным транспортом.

Зиллейби поднял брови.

— И куда же?

— Они не сообщили. Куда-то, где они, как я понимаю, будут избавлены от притеснений.

И Бернард познакомил нас с сокращенным вариантом аргументации Детей.

— В общем, все сводится вот к чему, — говорил Бернард. — Дальнейшее их пребывание в Мидвиче приобретает характер вызова властям, что не может продолжаться долго. Присутствие Детей нельзя игнорировать, но любое правительство, которое попытается как-то с ними взаимодействовать, взвалит на себя огромный груз политических тягот, если такое взаимодействие состоится, и ничуть не меньший, если оно не состоится. Сами Дети не собираются переходить в атаку и даже не хотели бы находиться в состоянии перманентной самообороны...

— Естественно, — промурлыкал Зиллейби, — в данный момент у них одно желание — выжить, чтобы потом господствовать.

— ...поэтому в интересах обеих сторон снабдить их средствами для эвакуации.

— Что означало бы, что они одержали победу, — прокомментировал Зиллейби.

— А с их точки зрения, ведь, пожалуй, рискованно всем оказаться в одном самолете... — вмешался я.

— О, поверьте, это-то они продумали! Они предусмотрели уйму деталей. Самолетов должно быть несколько. В их распоряжение передается взвод техников для проверки состояния машин, поиска бомб с часовым механизмом и прочих подобных приспособлений. Должны быть выданы парашюты, большая часть которых будет испытана по их выбору. Ну, и еще множество других условий. Они мгновенно учли все значение событий в Гижинске, учли куда быстрее нашего начальства. И не собираются пускать дело на самотек, боясь применения силы.

— Гм-м, — сказал я. — Ничего себе порученьице. Я тебе не завидую. А какова альтернатива?

Бернард пожал плечами.

— Никакой. Хотя, возможно, слово «ультиматум» тут тоже не вполне подходит. Требование — так, пожалуй, будет точнее. Я сказал Детям, что меня вряд ли кто-нибудь воспримет серьез-

но. Они ответили, что предпочитают испробовать сначала этот вариант — он сулит меньше неприятностей, если будет проводиться под покровом секретности. Если же из моей попытки ничего не выйдет, а совершенно ясно, что один я могу оказаться бессильным, тогда они предложат, чтобы во втором туре меня сопровождали двое Детей.

После того как нам на примере начальника полиции было наглядно продемонстрировано, что такое «давление», эта перспектива у меня особых восторгов не вызывает. Не вижу причин, которые смогли бы удержать Детей от применения силовых приемов на каждом новом уровне ведения переговоров, а если это покажется им необходимым, то и на самом верху. А что их может остановить?

— Да, уже некоторое время назад можно было предвидеть, что нечто подобное столь же неотвратимо, как смена времен года, — проговорил Зиллейби, пробуждаясь от своих раздумий. — Я не ожидал только, что все произойдет так быстро. Да, думаю, прошли бы еще многие годы, если бы русские не поторопили события. Все идет куда быстрее, чем того хотели бы сами Дети. Они знают, что еще не готовы к борьбе. Вот почему они горят желанием отправиться куда-то, где смогут подрасти, не встречая сопротивления.

Итак, перед нами моральная проблема, требующая величайшей осторожности в подходе. С одной стороны, долг перед человечеством, перед нашей культурой требует уничтожить Детей, ибо ясно, что, если этого не сделать, мы в лучшем случае попадем в положение угнетаемого вида и их культура, какой бы она ни была, вытеснит нашу, а потом и устранит ее вообще.

С другой стороны, именно наша культура отвращает нас от безжалостного истребления безоружного меньшинства, не говоря уже о наличии практических трудностей при реализации такого решения. С третьей — о Господи, как тяжело формулировать! — с третьей стороны, позволить Детям переложить проблему, которую они представляют, на территорию и плечи другого народа, еще хуже — это просто трусость и желание любой ценой избежать моральной ответственности.

Невольно примитивных уэллсовских марсиан вспоминаешь просто с завистью. Мы в ужасной ситуации, где ни одно решение нельзя счесть высокоморальным.

Бернард и я выслушали эту речь в полном молчании. Потом я почувствовал себя обязанным хоть что-то сказать:

— Все это представляется мне мастерским изложением сути самой скользкой проблемы, с которой когда-либо сталкивались в прошлом философы.

— Вы не правы, конечно, — запротестовал Зиллейби. — В затруднительных положениях, где все выходы аморальны, единственная возможность — действовать в интересах большинства. Следовательно, Дети должны быть ликвидированы с наименьшими социальными потерями и безотлагательно. Мне крайне тяжело дается такое заключение. За девять лет я к ним сильно привязался. И, несмотря на то что говорит моя жена, мне кажется, что мои отношения с ними приближаются к дружеским — насколько это возможно. — Он выдержал длительную паузу и печально покачал головой. — Да, этот шаг — единственно верный. Но, конечно, наши власти не смогут сделать его, за что я лично благодарю Господа Бога, так как практически не вижу способа, который не повлек бы за собой гибели всех живущих в деревне. — Зиллейби остановился и оглядел панораму Мидвича, тихо нежащегося в послеполуденном солнце. — Я уже старик, мне в любом случае жить осталось недолго, но у меня есть жена, куда более молодая, и совсем маленький сын. Поэтому хочется думать, что принятие решения затянется на достаточно долгий срок. Власти, полагаю, будут сопротивляться, но, если Дети решили покинуть Мидвич, они уедут. Гуманизм восторжествует над биологическим долгом. Что это такое — порядочность? декаданс? Кто знает. Ясно одно — день ужаса отодвинется. Вот только на сколько?

Когда мы вернулись в Кайл-Мэнор, чай уже был готов. Чаепитие на этот раз вышло коротким. Выпив чашку, Бернард встал из-за стола и распрощался с четой Зиллейби.

— Оставаясь тут, я ничего нового не узнаю, — вздохнул он. — Чем скорее я передам требования Детей своим удивленным начальникам, тем больше шансов, что дело сдвинется с мертвой точки. Ничуть не сомневаюсь, что ваши аргументы в отношении Детей верны, мистер Зиллейби, однако лично я буду бороться за то, чтобы они убрались из нашей страны куда угодно и как можно скорее. Я за свою жизнь перевидал немало гнусностей, но ничто не произвело на меня столь сильного впечатления, как мгновенная расправа с начальником полиции. Вас, разумеется, я постараюсь держать в курсе событий. — Он взглянул на меня. — Едешь со мной, Ричард?

Я колебался. Джанет все еще была в Шотландии, и ей предстояло появиться не раньше чем через пару дней. В Лондоне нич-

то не требовало моего присутствия, а мидвичская проблема казалась куда интереснее всего, что мог предоставить мне Лондон.

Анжела заметила мои колебания.

— Оставайтесь, если хотите, — предложила она. — Думаю, мы с мужем в такое время будем только рады гостю.

Я чувствовал, что она говорит искренне, и принял приглашение.

— Кроме того, — обратился я к Бернарду, — мы не знаем, включает ли твой новый статус право на компаньона. Если я поеду с тобой, мы, вероятно, обнаружим, что я все еще под запретом.

— Ох уж этот чудовищный запрет, — поморщился Зиллейби. — Я должен серьезно потолковать с ними — это совершенно абсурдная паническая мера.

Мы проводили Бернарда до дверей и посмотрели, как он тронул машину, помахав нам рукой.

— Что ж, этот гейм Дети выиграли, — опять заговорил Зиллейби, когда автомобиль полковника исчез за поворотом. — А с ним, возможно, выиграют и весь сет... только чуть позже. — Он еле заметно пожал плечами.

ГЛАВА 21

Зиллейби — македонянин

— Дорогая, — сказал Зиллейби, глядя через обеденный стол на жену, — если ты случайно выберешься этим утром в Трайн, может, ты купишь там большую банку леденцов «Бычий глаз»?

Анжела переключила свое внимание с тостера на мужа.

— Милый, — заявила она без особой нежности в голосе, — во-первых, если ты поднатужишься и вспомнишь, что было вчера, то поймешь, что никакой возможности поехать в Трайн нет. Во-вторых, я совершенно не горю желанием снабжать Детей сладостями. В-третьих, если ты предполагаешь пойти в Грейндж и показывать там свои фильмы сегодня вечером, то я решительно возражаю.

— Запрет на выезд снят, — ответил Зиллейби. — Вчера вечером я разъяснил им, как это глупо и нерационально. Их заложники все равно не смогут сбежать всем скопом без того, чтобы

известие об этом не дошло до них через мисс Лэмб или мисс Огл. А сколько именно будет заложников, совершенно не важно — половина или четверть жителей образуют такой же прочный щит, как и все население. Более того, я объявил им, что отменю свою лекцию по Эгейскому архипелагу, если половина из них будет отсутствовать из-за своей постовой службы, валяя дурака на дорогах и тропинках.

— И они согласились? — спросила Анжела.

— Разумеется. Они, знаешь ли, вовсе не глупы. И прекрасно разбираются в аргументации, если она разумна.

— Вот как! После всего, что мы тут перенесли...

— Но это действительно так! — запротестовал Зиллейби. — Только когда они нервничают или испуганы, Дети делают глупости, но разве мы в подобных ситуациях поступаем иначе? А поскольку они совсем юные, их поступки несоразмерны намерениям, но разве не все в юности поступают так же? Кроме того, они встревожены, взвинчены, а разве мы не были бы взвинчены и встревожены, если бы над нами висел кошмар того, что произошло в Гижинске?

— Гордон! — воскликнула миссис Зиллейби. — Я просто отказываюсь понимать тебя. Дети повинны в смерти шести человек. Они убили их. И все это наши знакомые, а сколько еще покалеченных, причем сильно! В любой момент то же самое может произойти и с каждым из нас. А ты их защищаешь?!

— Конечно, нет, родная. Я просто объясняю тебе, что в случае опасности они делают ошибочные шаги, оберегая собственные жизни. Им это известно, и они нервничают, совершая ошибку за ошибкой, решив, что время уже наступило.

— Значит, мы должны сказать им: «Нам очень жаль, что вы по ошибке убили шестерых. Давайте забудем об этом»?

— А что предлагаешь ты? Предпочитаешь возбуждать в них чувство антагонизма? — спросил Зиллейби.

— Конечно, нет, но если закон, как ты доказываешь, не может быть к ним применен — хотя я никак не возьму в толк, какая польза от законов, раз они не берут в расчет то, что известно каждому — и дела действительно обстоят таким образом, это вовсе не значит, что мы должны ни на что не обращать внимания и делать вид, будто ничего не случилось. Санкции могут быть не только правовыми, но и нравственными.

— Я бы на твоем месте был осторожнее, дорогая. Нам только что продемонстрировали, что санкции с позиции силы губительны для обеих сторон, — серьезно ответил Зиллейби.

Анжела поглядела на него с удивлением.

— Гордон, я тебя не понимаю, — повторила она. — Мы с тобой о многом судим совершенно одинаково. У нас одни принципы, но сейчас я тебя не узнаю. Нельзя же игнорировать то, что произошло. Это было бы все равно что простить преступление.

— Ты и я, родная, пользуемся разными мерками. Ты судишь, исходя из социальных стандартов, и обнаруживаешь преступление. Я подхожу с позиций межвидовой борьбы и нахожу не преступление, а жуткую первозданную необходимость. — Тон, которым были сказаны последние слова, совсем не походил на обычный тон Зиллейби, что заставило нас пристально вглядеться в выражение его лица — в выражение лица человека, чья ирония и точность формулировок придавали «Трудам» гораздо большую весомость, чем мог воспринять поверхностный читатель, дилетантски схвативший лишь жонглирование словами. Впрочем, он тут же опустил забрало: — Мудрый ягненок никогда не станет дразнить льва, ягненок постарается умиротворить его, выиграть время и тем самым сохранит надежды на лучшее. Дети любят «Бычий глаз» и ждут леденцов с нетерпением.

Его глаза встретились с глазами Анжелы, и, казалось, они не могли оторваться друг от друга. Я видел, как недоумение и боль уходят из ее взора, уступая место вере и такому отчаянию, что мне стало страшно.

Зиллейби обратился ко мне:

— Боюсь, кой-какие дела требуют моего присутствия тут сегодня утром, дружище. Может быть, вы захотите проверить, снята ли блокада, и отвезете Анжелу в Трайн?

Когда мы незадолго до ленча вернулись в Кайл-Мэнор, я нашел Зиллейби в кресле на кирпичной площадке перед верандой. Он не слышал, как я подошел, и, пока я рассматривал его, меня поразила происшедшая в нем перемена. За завтраком Зиллейби выглядел куда моложе и сильнее. Сейчас это был старый и усталый человек, можно даже сказать, просто старик, каким я его раньше и вообразить бы не смог. Чувствовалось в этом дремлющем человеке с шелковистой снежно-белой шевелюрой, которой играл легкий ветерок, со взглядом, направленным на что-то лежащее далеко-далеко за горизонтом, нечто вневременное, вечное.

При скрипе моих туфель на кирпичном полу он мгновенно изменился. Исчезла апатия, пропало куда-то отсутствующее выражение глаз, и в лице, повернувшемся ко мне, я снова узнал

прежнего Зиллейби, того самого, с которым познакомился десять лет назад.

Я сел в кресло, стоявшее рядом, и поставил на пол большую банку леденцов.

— Отлично, — сказал он. — Дети обожают именно этот сорт. В конце концов, они всего лишь дети, просто дети безо всяких там прописных букв.

— Послушайте, — сказал я, — боюсь показаться навязчивым... все же разумно ли идти к ним сегодня вечером? Все равно время вспять не повернешь. Все изменилось. Теперь их и деревню разделяет вражда. Может быть, она лежит между ними и нами всеми. Дети подозревают, что против них что-то готовится. Их ультиматум Бернарду вряд ли будет принят сразу, если вообще его примут. Вы говорили, что они возбуждены, значит, они и сейчас взвинчены, а следовательно, опасны.

Зиллейби покачал головой.

— Только не для меня, старина. Я начал учить Детей еще до того, как этим занялись власти, я и до сих пор их учу. Не скажу, что хорошо понимаю Детей, но полагаю все же, что знаю их лучше, чем кто-либо другой, а самое главное — они мне верят.

Он погрузился в молчание, откинувшись на спинку кресла и глядя, как тополя раскачиваются на ветру.

— Доверие... — начал Зиллейби, но в эту минуту к нам подошла Анжела с графином шерри и стаканчиками на подносе, и он прервал начатую фразу, чтобы узнать, что болтают о нас в Трайне.

За ленчем он говорил меньше обычного, а затем скрылся в своем кабинете. Немного позже я увидел его идущим по дорожке. Он, как видно, отправлялся на свою обычную прогулку, но так как меня присоединиться не пригласил, я поудобнее устроился в шезлонге. К чаю Зиллейби вернулся и посоветовал мне подзакусить поплотнее, так как обеда сегодня не будет, а подадут сразу поздний ужин, как это бывает в дни, когда он читает лекции Детям.

Анжела вмешалась, хоть и без всякой надежды:

— Дорогой, ты не думаешь?.. Я хочу сказать, что они видели все твои фильмы. Я знаю, что фильм об Эгейском архипелаге ты показывал им по меньшей мере дважды. Может быть, лучше отложить его показ и взять напрокат другой, поновее?

— Милая, это ведь очень хороший фильм. Его вполне можно смотреть и два раза, и больше, — объяснил с некоторой

обидой в голосе Зиллейби. — А кроме того, меняется и сама лекция. Я всегда нахожу что-то новое, говоря о греческих островах.

Около половины седьмого мы начали грузить вещи Зиллейби в машину. Их было очень много. Многочисленные ящики содержали проектор, реостат, ламповый усилитель, динамик, коробки с фильмами, магнитофон для записи лекции, и все они были весьма тяжелы. К тому времени как мы все это погрузили, положив сверху стационарный микрофон, стало казаться, будто идет подготовка к долгому сафари, а не к обыкновенной лекции.

Зиллейби слонялся вокруг, пока мы работали, пересчитывая и проверяя все, начиная от банки «Бычьего глаза», и наконец остался доволен. Он повернулся к Анжеле.

— Я попросил Гейфорда довезти меня до Грейнджа и помочь разгрузиться, — сказал он. — Не надо ни о чем тревожиться. — Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Гордон, — начала она, — Гордон...

Все еще обнимая ее левой рукой, Зиллейби погладил ее правой по щеке, глядя прямо в глаза. Потом с мягким упреком покачал головой.

— Но, Гордон, я теперь так боюсь Детей... А вдруг они...

— Не тревожься, родная, я знаю, что делаю, — ответил он. Потом повернулся, сел в машину, и мы поехали, а Анжела осталась на ступеньках, провожая нас печальным взглядом.

Не скажу, что я подъезжал к воротам Грейнджа с легким сердцем. Однако ничто, казалось, не оправдывало моей тревоги. Это был просто большой, довольно безобразный дом викторианской эпохи, с пристроенными по бокам совершенно выпадавшими из стиля крыльями, похожими на заводские корпуса. Во времена мистера Гримма они использовались как лаборатории. Газон перед домом почти не сохранил следов битвы, разыгравшейся здесь две ночи назад, и, хотя несколько кустов пострадали, трудно было поверить, что совсем недавно тут творилось нечто жуткое.

Нас ждали. Не успел я открыть дверцу машины и выйти из нее, как входная дверь распахнулась и больше десятка Детей возбужденно сбежали со ступенек, вразнобой крича: «Привет, мистер Зиллейби!» В одну минуту они открыли заднюю дверцу, двое парнишек начали вынимать оттуда вещи и передавать их

другим. Две девчонки помчались вверх по лестнице, таща микрофон и свернутый в трубку экран. Кто-то с воплем восторга ухватил банку леденцов и побежал вслед за ними.

— Эй! — крикнул Зиллейби встревоженно, когда они принялись за более тяжелые ящики. — Груз очень хрупкий, будьте, пожалуйста, с ним поосторожнее!

Один из мальчиков улыбнулся в ответ и поднял ящик, чтобы с преувеличенной осторожностью передать его другому. Сейчас в Детях не было ничего страшного или таинственного, хотя, может быть, так казалось потому, что они были необычайно похожи друг на друга, и это обстоятельство чем-то напоминало опереточный кордебалет. Впервые после моего возвращения я смог увидеть, что Дети — это действительно дети. Не могло быть сомнения, что приезд Зиллейби был для них долгожданным событием. Я видел, как он стоял, глядя на них с мягкой, слегка задумчивой улыбкой. Нет! Просто невозможно связать Детей, какими я видел их сейчас, с какой-то угрозой. Мне даже подумалось: полно, да они ли это? Может, те теории, те страхи и угрозы, которые мы только что обсуждали, касались совершенно иной группы Детей? Никак нельзя было представить себе, что это они довели до обморока доблестного начальника полиции, что это они несколько часов назад вручили Бернарду ультиматум для самых высших инстанций.

— Надеюсь, аудитория соберется? — спросил Зиллейби.

— О да, мистер Зиллейби, — заверил его один из мальчиков, — соберутся все, кроме Уилфрида, конечно. Он в больничке.

— Ах так! А как он себя чувствует? — спросил Зиллейби.

— Спина болит здорово, но картечины уже удалили, доктор обещает, что все будет хорошо, — ответил мальчуган.

Противоречивость моих ощущений росла. С каждой минутой мне становилось все труднее поверить в то, что все мы не обманулись из-за своего неумения разобраться в Детях. Было непонятно, как совместить образ того Зиллейби, который стоял сейчас рядом со мной, с образом Зиллейби, еще только утром вещавшего о неизбежной опасности, угрожавшей нам всем.

Последний чемодан был вынут из машины. И тут я вспомнил, что этот чемодан уже находился в автомобиле, когда мы начали грузить туда остальные предметы. Чемодан был, видимо, очень тяжел, так как за него пришлось взяться сразу двум мальчикам. Зиллейби смотрел с какой-то непонятной тревогой

за тем, как они поднимаются по ступеням, а потом обернулся ко мне.

— Благодарю за помощь, — сказал он, как будто отпуская меня.

Я был разочарован. Эта сторона поведения Детей увлекла меня, и я решил, что послушаю его лекцию и смогу изучить реакции Детей в часы, когда они находятся в своей компании и являют свою истинную детскую сущность.

Зиллейби понял выражение моих глаз.

— Я сам просил бы вас остаться, — объяснил он, — но, должен признать, мысли об Анжеле сегодня меня не покидают. Она сильно напугана, вы знаете. Детей она всегда недолюбливала, а последние дни повлияли на нее особенно сильно, хотя она и старается это скрыть. Сегодня, полагаю, она особенно нуждается в собеседнике. Я весьма надеялся на вас, мой дорогой друг. Было бы очень мило с вашей стороны...

— О, конечно, — ответил я. — Как эгоистично с моей стороны не подумать об этом. Конечно! Конечно! — А что я еще мог сказать?

Зиллейби улыбнулся и протянул мне руку.

— Прекрасно. Я очень вам благодарен, дорогой друг, и всегда знал, что на вас можно положиться. — Затем он повернулся к тем трем-четырем Детям, которые все еще ждали его, и улыбнулся. — Там, наверное, уже теряют терпение. Веди же, Присцилла!

— Я — Элен, мистер Зиллейби, — ответила ему девочка.

— Ах так! Ну, не важно. Пошли, моя дорогая, — сказал Зиллейби, и они вместе стали подниматься по ступеням.

Я сел в машину и не торопясь поехал обратно. Проезжая через деревню, я заметил, что в «Косе и камне» полно посетителей, мне захотелось остановиться, дабы выяснить, каково настроение завсегдатаев. Но, вспомнив просьбу Зиллейби, я подавил искушение и проехал мимо.

Я оставил машину на подъездной дорожке Кайл-Мэнора, чтобы можно было сразу же ехать за Зиллейби, а сам пошел в дом. Анжела сидела в большой гостиной у открытого окна. По радио передавали концерт Гайдна. Она повернула голову, и, увидев ее лицо, я обрадовался, что послушался Зиллейби.

— Радостная встреча, — сообщил я, отвечая на невысказанный вопрос. — Насколько я могу судить, это просто толпа очень

милых школьников, только удивительно похожих друг на друга. Нет сомнений, он был прав, когда говорил, что доверяет им.

— Возможно, — нехотя согласилась Анжела, — но я им не верю. Думаю, что никогда не верила, с той самой поры, как они заставили матерей вернуться в Мидвич. Мне удавалось прятать свои чувства, пока они не убили Джима Паули. Но с того момента Дети наводят на меня ужас. Я так рада, что удалось отправить Майкла. Трудно предугадать, что они выкинут в следующий раз. Даже Гордон не исключает, что они нервничают и могут поддаться панике. Оставаться тут чудовищно глупо: наши жизни полностью зависят от их настроения или от вспышки детской раздражительности...

Как вы думаете, найдется кто-то, кто примет всерьез ультиматум, переданный полковнику Уэсткотту? Я, честно говоря, думаю, что нет. Но это принудит Детей к действию, чтобы заставить с ними считаться. Им придется убеждать самовлюбленных, упрямых и тупоголовых чинуш. Бог знает, к каким средствам они прибегнут. После того что тут произошло, я боюсь. Я очень боюсь. Ведь им совершенно безразлично, что произойдет со всеми нами...

— Ну, если они начнут демонстрировать свои возможности здесь, — попытался я ее успокоить, — это вряд ли принесет им выгоду. Они отправятся в Лондон с Бернардом, как уже намекали. Если Дети расправятся с какой-нибудь лондонской шишкой так, как с начальником полиции...

Мои слова были прерваны яркой вспышкой, похожей на молнию, и сильным подземным толчком, от которого затрясся весь дом.

— Что это?! — вскрикнул я. И больше ничего не успел сказать.

Взрывная волна, достигшая окна, чуть не сбила меня с ног. Донесся звук взрыва, гулкий, раскатистый, рвущий барабанные перепонки. Дом заходил ходуном. Потом раздался грохот чего-то рушащегося, затем дребезг и звон бьющегося стекла и, наконец, наступила полная тишина.

Без какой-то определенной цели я промчался мимо Анжелы, скорчившейся в своем кресле, и через открытое окно выпрыгнул прямо на газон. В небе кружились сорванные с деревьев листья, медленно планируя на землю. Я посмотрел на дом. Две толстые плети плюща сорвались со стены и неряшливо свисали вниз. Окна восточного фасада смотрели на меня пустыми

глазницами. В них не осталось ни одного целого стекла. Я посмотрел в противоположную сторону — сквозь кроны деревьев ширилось красно-белое сияние. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что произошло.

Я бросился обратно в гостиную, но Анжелы там уже не было, ее кресло пустовало. Я окликнул ее и не услышал ответа.

Наконец я нашел Анжелу в кабинете Зиллейби. Пол комнаты был усыпан битым стеклом. Одна портьера сорвалась с карниза и теперь валялась на софе. Часть семейных реликвий Зиллейби слетела с каминной полки и рассыпалась по решетке. Анжела полулежала в кресле за столом, лицо и обнаженные руки покоились на кожаной обивке стола. Она не подняла головы, когда я вошел.

Сквозь открытую дверь и выбитые стекла врывался сквозняк. Он подхватил листок бумаги, лежавший на столе около руки Анжелы, и смел его на пол.

Это было письмо, написанное характерным заостренным почерком Зиллейби. Читать его не было нужды. Все стало ясным, еще когда я увидел красно-белое зарево в той стороне, где лежал Грейндж. Тогда же я вспомнил и тяжелый ящик, в котором, как я думал, находились магнитофон и прочее оборудование. Да и не мне это письмо предназначалось. Когда я положил его обратно рядом с рукой Анжелы, мой взгляд лишь случайно вырвал из середины несколько строк:

«...доктор скажет тебе, что это вопрос всего лишь нескольких недель или месяцев. Поэтому не надо горевать, моя любовь... А что касается прочего, что ж, мы слишком долго жили в прекрасном саду и начисто забыли прописные истины борьбы за существование. Было ведь сказано: «Si fueris Romae, romani vivito more»*. Это очень разумная мысль, но есть и еще более точное изречение для выражения того же самого: «С волками жить — по-волчьи выть».

* Если живешь в Риме, поступай как римляне (*лат.*).

Кракен пробуждается

Огромный айсберг, выброшенный на мель приливом, прочно стоял на дне. Холодные волны Атлантического океана разбивались о него, как о скалу, взметая в воздух тучи брызг.

Ослепительные белые утесы на фоне иссиня-черной воды: они были повсюду. Я невольно залюбовался. Мне показалось, что в то утро их было гораздо больше, чем обычно. Ледяные глыбы поменьше плавно раскачивались на волнах, ветер и течение медленно относили их к проливу.

— Думаю, — сказал я, — мне стоит написать... отчет.

— Ты хочешь сказать — книгу? — поправила Филлис, не отрывая взгляда от океана.

— Книгу?! Вряд ли из этого выйдет нечто в коленкоровом переплете, но, пожалуй, ты права, действительно книгу, — согласился я.

— Книга — всегда книга, даже если никто, кроме автора и его жены, никогда ее не прочтет.

— Все-таки не исключено, что кто-нибудь когда-нибудь и прочтет. Я чувствую, мне следует взяться за перо, ведь мы с тобой знаем о случившемся больше, чем кто другой. Есть, конечно, специалисты в своей узкой области более компетентные, но в целом общую картину мы можем описать куда лучше.

— Без ссылок на документы?

— Если хоть кто-нибудь прочитает книгу и она его заинтересует, он без труда отыщет необходимую документацию, то есть все, что от нее осталось. Я лишь опишу события, как они представляются мне... нам, — поправился я.

— Если рассматривать что-то одновременно с двух точек зрения, ничего путного не получится, — резонно заметила Филлис и плотнее запахнулась в пальто.

Ее дыхание становилось белым облачком пара на холодном воздухе. Мы любовались айсбергами. Их было не счесть сколько, самые дальние угадывались только по белоснежной пене разбивающихся о них волн.

— Книга поможет нам скоротать зиму, — предположила Филлис, — а потом, когда настанет весна, может быть... С чего ты хочешь начать?

— Не знаю, еще не думал об этом, — признался я.

— Мне кажется, тебе стоит начать с той ночи на борту «Джиневры», когда мы увидели...

— Но, дорогая, — возразил я, — еще никто не доказал, что эти явления взаимосвязаны.

— Если ты собираешься подыскивать всему доказательства, то лучше не берись совсем.

— Я начну с первого погружения.

Филлис покачала головой:

— Если читатель опустит что-либо несущественное — это полбеды. Много хуже, если нечто важное опустишь ты сам.

Я насупился.

— Да, я никогда не был убежден, что те болиды... Но, черт возьми, слово «совпадение» и существует потому, что в самом деле существуют совпадения.

— Вот так и напиши. Только начни с «Джиневры».

— Ладно, — уступил я. — Глава первая «Любопытный феномен».

— Милый, мы живем не в девятнадцатом веке! Я бы на твоем месте разделила книгу на три Фазы. Фаза первая...

— Дорогая, чья это будет книга?

— Конечно, твоя, милый.

— Значит ли это, что она будет принадлежать мне больше, чем моя жизнь с тех пор, как я встретил тебя?

— Да, милый. Итак, Фаза первая... Ой, посмотри скорей!

Громадная льдина, подточенная водой, откололась от айсберга и, тяжело описав в воздухе дугу, со всего размаху обрушилась в воду, взметнув к небу миллионы сверкающих брызг. Продолжая по инерции вращение, она на какое-то мгновение замерла почти горизонтально и качнулась назад, оставляя за собой искрящийся водяной шлейф. Мы как зачарованные смотрели на затухающие колебания этого гигантского маятника, пока льдина не успокоилась, выставив на обозрение миру другую свою грань.

Филлис вернулась к разговору.

— Первая Фаза, — начала она уверенно — и вдруг остановилась. — Нет, в начале нужен эпиграф — на целую страницу, отражающий самую суть.

— Пожалуй, — согласился я. — Думаю...

Филлис замотала головой:

— Подожди... сейчас... Вспомнила! Эмили Петифел! Ты о ней, вероятно, никогда и не слышал...

— Совершенно верно, — вставил я. — Мне хотелось бы...

— Это из «Розовой Книги Детства». Вот послушай. — И Филлис, вынув руку из кармана, продекламировала.

— Слишком длинно, дорогая, и, прости, немного не по теме.

— Да, но последние две строчки, Майк, вот эти:

Но что это, мама, ответь мне скорее,
Из моря украдкой выходит на берег?

— Жаль, дорогая, и все же я должен повторить: нет.

— Ты не найдешь ничего лучшего, — обиделась она. — Ну а что у тебя?

— Я имел в виду Теннисона.

— Теннисона?! — поморщилась Филлис.

— Слушай, — сказал я и, в свою очередь, прочитал небольшой отрывок. — Конечно, это не шедевр, но ведь и Теннисон был когда-то начинающим поэтом.

— Мои две последние строчки более точны.

— По букве, но не по духу. И, кто знает, может быть, слова Теннисона в конце концов окажутся истиной.

Мы еще немного поспорили, однако я так считаю: книга моя, а Филлис, если захочет, может написать свою.

Под громоподобными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен*, не потревоженный снами,
Древним, как море, сном.
Тысячелетнего века и веса
Огромного водоросли глубин
Переплелись с лучами белесыми,
Солнечными над ним.
На нем многослойную тень рассеял
Коралловых древ неземной раскид.
Спит Кракен, день ото дня жирея
На жирных червях морских,
Покуда последний огонь небесный
Не опалит Глубин, не всколыхнет вод, —
Тогда восстанет он с ревом из бездны
На зрелище ангелам... и умрет.

Альфред Теннисон

* Сказочное морское чудовище, по преданию, обитавшее у берегов Норвегии (*норв.*).

ФАЗА ПЕРВАЯ

Я — истинный свидетель, вы — истинный свидетель, практически все твари Божьи — истинные свидетели: ума не приложу, как возникают совершенно различные версии одного и того же события! Я знаю только двух людей, чье описание происшедшего в ночь на 15 июля полностью совпадает; эти двое — Филлис и я. Но так как Филлис — моя жена, люди, по своей простоте, говорят за нашими спинами, будто я повлиял на нее. О, как плохо они знают Филлис!

Итак, время: 23 часа 15 минут; место: 35-я широта, 24 градуса западнее Гринвича, судно «Джинерва»; ситуация: медовый месяц. Вот факты, не вызывающие сомнений.

Маршрут поездки проходил через Мадейру, Канарские острова, острова Зеленого Мыса и затем круто поворачивал на север, чтобы по пути домой захватить Азоры.

Мы стояли на верхней палубе, облокотясь на перила, вдыхая прохладный ночной воздух. Из салона доносилась заунывная мелодия — красивый баритон страдал от неразделенной любви. Отдыхающие танцевали.

Корабль шел плавно, как по реке. Мы молчали, уставившись в бесконечные просторы моря и неба. Эстрадный певец надрывно стенал за нашими спинами.

— Как хорошо, что я не могу разделить его горе, это было бы ужасно, — пробурчала Филлис. — И зачем тиражировать подобные завывания?

К счастью, мне не надо было отвечать — внимание Филлис неожиданно переключилось.

— Как мрачен и зловещ сегодня Марс, — сказала она. — Хочется верить, что это не дурное знамение.

Я взглянул на красную точку среди тысяч белых. Надо признать, в тот вечер Марс действительно был ярок, как никогда. Хотя, возможно, все объяснялось тем, что мы находились в тропиках: звезды здесь тоже совсем другие...

— Да, — согласился я, — хочется верить...

Некоторое время мы молча пялились на красную точку.

— Странно, кажется, он увеличивается, — озадаченно заметила Филлис.

Я сказал, что это скорее всего галлюцинация. Однако Филлис была права: Марс явно увеличивался в размерах, и более того...

— Еще один! Нет, двух Марсов быть не может... — растерялась она.

И тем не менее они были. Вторая точка, чуть меньше первой, мерцала таким же алым светом.

— Еще! Видишь? Там, слева.

— Вероятно, какой-то тип реактивных самолетов, — предположил я.

Точки становились все ярче и все ниже опускались по небосклону, пока не оказались почти над линией горизонта. От них по воде побежала розовая дорожка отраженного света.

— Пять, — насчитала Филлис.

И сколько нас ни просили потом описать эти точки подробнее, мы говорили тогда и продолжаем утверждать сейчас, что установить их точные очертания было невозможно. Равномерно красный, слегка размытый по контуру шар — вот все, что мы тогда разглядели. Попытайтесь вообразить пурпурный источник света, окутанный густым туманом, таким, что образуется довольно отчетливый ореол, и вы получите примерное представление, на что это походило.

Естественно, кроме нас, на палубе слонялись и другие отдыхающие, и не мы одни обратили внимание на необычное явление. Но кому привиделись тела сигарообразной формы, кому — цилиндры, кому — диски, кому, естественно, — блюдца; кто усмотрел восемь, кто — девять, кто — дюжину объектов. Мы — пять.

Что же касается ореола, то даже если он и являлся следствием работы реактивных двигателей, приближались объекты сравнительно медленно, и у пассажиров «Джиневры» хватило времени, чтобы сбегать в салон позвать своих друзей поглазеть на небо. Так что вскоре все перила облепили зеваки, наперебой высказывавшие догадки, одна лучше другой.

Взметнулось облако розового пара — первый объект с шипением погрузился в воду. Вскоре пар расстелился над водой, потерял розовый оттенок и стал просто белым туманом в лунном свете. Вода в месте погружения бурлила и пенилась. Когда

туман рассеялся, на глади моря не осталось ничего, кроме постепенно успокаивающейся воронки.

Следом погрузился второй шар, затем — третий, и, наконец, все пять небесных тел с огромным свистом исчезли в море, оставив после себя бурлящие воронки.

На «Джиневре» затрезвонили колокола, корабль изменил курс, и команда приготовилась к спуску шлюпок. Мужская половина пассажиров застыла наготове со спасательными жилетами.

Четыре раза корабль прошел туда и обратно, исследуя район, однако никаких следов аварии мы не обнаружили — море было пустынным и спокойным.

Я в то время являлся штатным сотрудником И-би-си*, поэтому, не раздумывая, поспешил к капитану, протянул ему свою визитную карточку и объяснил, что на радио наверняка заинтересуются происшедшим.

— Здесь, наверное, опечатка: Би-би-си? — переспросил капитан.

Конечно, И-би-си тогда уступала знаменитой радиовещательной компании, и мне вечно приходилось давать необходимые пояснения. Заверив капитана, что все напечатано правильно, я добавил:

— Насколько я успел выяснить, у каждого пассажира есть своя версия. Я бы хотел услышать вашу, официальную, чтобы сравнить со своей.

— Неплохая мысль, — согласился капитан, — но начнем с вас.

Когда я закончил, он кивнул и протянул мне вахтенный журнал. В главном наши наблюдения совпадали: объектов — пять и форму их определить невозможно. Я отметил про себя, что все пять тел зарегистрированы радарами и отнесены к разряду НЛО.

— А что вы лично об этом думаете? — поинтересовался я. — Не наблюдали ли вы нечто подобное раньше?

— Нет... никогда, — как-то нерешительно отозвался капитан.

— Никогда?

— Хорошо, только не для печати. Видеть — не видел, но мне рассказывали о двух случаях, почти в точности совпадающих с этими. Оба они произошли в прошлом году. Первый раз это случилось ночью — было всего три... болида. Во втором случае — полдюжины, и, несмотря на то что их наблюдали при дневном свете, они выглядели так же, как вчерашние, размы-

* EBC — English Broadcasting Company — Английская радиовещательная компания.

тые красные пятна. И тоже над Тихим океаном, правда, в другой его части.

— А почему не для печати?

— Тогда было всего два-три свидетеля, а вы сами понимаете... Какой моряк хочет прослыть пустозвоном?! Оба случая, конечно, стали известны, но только среди своих. Мы, так сказать, не столь скептичны, как остальные: в море иногда случаются странные вещи.

— Ну а хоть какое-нибудь объяснение, на которое я смог бы сослаться?

— Я предпочел бы этого не делать и ограничиться записью в вахтенном журнале. Вчера я зафиксировал происшедшее только потому, что на сей раз было несколько сот свидетелей.

— А почему бы нам не исследовать дно, вы же точно засекли место погружения?

Он покачал головой:

— Здесь больше тысячи саженей. Слишком глубоко.

— А в тех двух случаях? Тоже никаких следов крушения?

— Нет. Если б они были, то власти наверняка провели бы официальное расследование. Никаких доказательств.

Мы поговорили еще немного, однако больше ничего интересного мне не удалось из него вытянуть. Я вернулся в каюту и, написав короткий репортаж, передал его в Лондон. В тот же вечер материал пошел в эфир в рубрике «Любопытное происшествие».

Вот так я оказался одним из первых свидетелей того, что положило начало всем нашим бедам.

Я убежден, что все взаимосвязано: и эта ночь, и рассказ капитана, и то, что произошло в дальнейшем, хотя даже теперь, спустя годы, у меня нет никаких доказательств. Чем все это закончится? Боюсь заглядывать вперед, я бы даже предпочел вообще обо всем забыть, если б это было возможно. Да, все начиналось так незаметно! Ничто не предвещало катастрофы. Однако трудно представить, что можно было бы предпринять, заранее зная об опасности. Потенциальную угрозу расщепления атомного ядра человечество осознало довольно рано, но что от этого изменилось?!

Возможно, если бы мы сразу атаковали... Но что или кого атаковать, мы не знали, а потом уже было слишком поздно. Да и не хочу я здесь оплакивать наши просчеты. Моя цель — четко и по возможности кратко описать события, послужившие причи-

ной нашего сегодняшнего положения. Пусть даже сведения о них отрывочны и не связаны между собой.

«Джиневра» прибыла в Саутгемптон по расписанию, без каких-либо прочих происшествий. Их никто и не ждал — то, что произошло, само по себе было из ряда вон, и когда-нибудь, в отдаленном будущем, мы могли сказать своим внукам нечто вроде: «Когда ваши дедушка и бабушка были молодыми, они видели морского дракона».

Это был великолепный медовый месяц, лучшего я не мог себе и представить. И Филлис, когда мы, опершись на перила, смотрели на суету портового города, восторженно отозвалась о нашей морской прогулке.

Мы славно устроились в нашем замечательном новом доме в Челси, наслаждаясь тишиной и уютом, позабыв о странных болидах. Лишь в понедельник утром, явившись в офис родной И-би-си, я с удивлением обнаружил, что коллеги в мое отсутствие окрестили меня Ватсон-болидом из-за огромного количества откликов на передачу. Всучив кипу писем, мне сказали: «Ты заварил эту кашу, тебе и расхлебывать».

Оказывается, на свете существует несметное число любителей сверхъестественного, которые только тем и занимаются, что раскапывают душераздирающие секреты и тайны. Им достаточно малейшего повода, чтобы усмотреть единомышленника в первом встречном. Разбирая корреспонденцию, я выявил целый букет загадочных явлений. Одного моего коллегу, сделавшего передачу о привидениях, слушатели завалили письмами о левитации, телепатии, материализации, гипнозе и тому подобном. Я же затронул несколько иную область. Большинство моих респондентов сочли, что коль я занимаюсь болидами, то мне будет интересно узнать о таких явлениях, как: дождь из лягушек, таинственное выпадение золы, разновидности свечения на небе и морские чудовища.

Просмотрев письма, я отложил с полдюжины, возможно, относящихся к моей теме. В одном из них рассказывалось о недавнем случае у Филиппин: явное подтверждение рассказа капитана «Джиневры». Другое письмо заинтересовало меня тем, что его автор в интригующей форме приглашал встретиться с ним в «Золотом пере». Я решил принять приглашение, тем более что там всегда можно неплохо перекусить.

Встреча произошла неделю спустя. Пригласивший меня мужчина был всего на два-три года старше меня. Он заказал

четыре стакана тио-пепе и первым делом признался, что имя на конверте — вымышленное и что сам он — капитан королевской авиации.

— Видишь ли, — сказал он, — сейчас-то они уверены, что мне все померещилось, но едва найдутся доказательства, не преминут сделать это государственной тайной. Такая вот петрушка, дружище.

Я посочувствовал.

— Ладно, — продолжил он, — я все равно влип, а ты собираешь данные, поэтому я все тебе расскажу. Только на меня не ссылайся — не хочу неприятностей от начальства. Нет законов, запрещающих делиться галлюцинациями, но кто знает...

Я понимающе кивнул.

— Это случилось три месяца назад. Обычный патрульный полет примерно в нескольких сотнях миль от Формозы...

— А... а разве...

— Эх, парень, есть множество вещей, которые у нас не афишируют, хотя и не делают из них больших секретов, — сказал он. — Итак, я совершал обычный патрульный полет. Радар засек их еще вне зоны видимости; они стремительно приближались с запада. Я решил выяснить, что это, и пошел на перехват; попытался связаться с ними, но безрезультатно. Три красные точки — я их уже видел, — три красные точки, яркие даже при солнечном свете. Я снова и снова вызывал их — ни ответа, ни привета. Не обращая на меня никакого внимания, они неслись с бешеной скоростью, хотя я сам летел со скоростью, близкой к пятистам милям в час.

Так вот... — Он перевел дыхание. — Я — капитан патрульной службы, и я доложил на базу, что передо мной неизвестный тип летательных аппаратов — если это вообще можно назвать аппаратом, — и, так как они не отвечают, я предложил пальнуть по ним. А что еще оставалось? Дать им уйти? Тогда какого черта я вообще патрулирую!

Для очистки совести я еще разок попытался выйти с ними на связь, но им было плевать на меня и на мои сигналы.

Мы сближались. Нет, это точно были никакие не летательные аппараты. Это было именно то самое, что ты описал в передаче: темно-красное ядро с розовым ореолом. Я сказал бы — миниатюрные красные солнца. И чем дольше я на них смотрел, тем меньше они мне нравились. Я установил гашетку под контроль радара и позволил им обогнать меня. По моим подсчетам, они двигались со скоростью более семисот.

Секунда-две, и орудие выстрелило. Казалось, шар взорвался одновременно со спуском гашетки. Эх, парень, видел бы ты, как он взорвался! Мгновенно разбух до неимоверных размеров, становясь из темно-красного — розовым, из розового — белым и весь в эдакую малиновую крапинку. Ну и зрелище, доложу я тебе! Самолет мой тряхнуло взрывной волной, может быть, попали осколки... Не знаю, сколько прошло времени, наверно, немного (я — счастливчик, парень), потому что когда я пришел в себя, то обнаружил, что еще жив, а самолет быстро теряет высоту. Три четверти моего правого крыла — как не бывало, левое тоже выглядело не лучшим образом. Я понял, что пора катапультироваться, и, к моему удивлению, катапульта сработала.

Он призадумался, а потом добавил:

— Я понимаю, что не сказал тебе ничего нового, но обрати внимание на два момента: они перемещались значительно быстрее, чем те, которые видел ты, это во-первых. И во-вторых, что бы это ни было, оно очень уязвимо.

Еще мне удалось вытянуть из капитана патрульной службы, что после взрыва шар не развалился на части, а исчез, лопнул, взорвался весь, целиком, полностью. И, как ни странно, это обстоятельство впоследствии оказалось более значимым, чем думалось вначале.

В последующие недели пришло всего несколько писем, а затем болидная эпопея вовсе стала напоминать историю с Лохнесским чудовищем.

Все, касающееся болидов, спихивали мне — на И-би-си это считалось моим делом.

Изредка из обсерваторий сообщали, что ими зафиксированы красные объекты, перемещавшиеся на высоких скоростях. Однако там были очень осторожны в своих утверждениях, да и ни одна газета все равно не напечатала бы об этом ни строчки, хотя бы потому, что все это сильно смахивало на НЛО, а читатели, по мнению редакторов, предпочли бы в качестве сенсации что-нибудь новенькое.

И все же материал постепенно накапливался, и спустя два года события получили должную огласку и внимание.

Тринадцать болидов! Первой их засекла радарная станция на севере Финляндии. Болиды двигались в юго-западном направлении со скоростью тысяча пятьсот миль в час. Финны в своем сообщении назвали их «неопознанными летающими объектами». Шведы тоже засекли их, когда они пересекали территорию страны; им даже удалось наблюдать объекты, и они

описали их как маленькие красные точки. Норвежцы подтвердили информацию, но, по их данным, скорость точек не превышала тысячи трехсот миль в час. Шотландская станция доложила о них как о телах, «видимых невооруженным глазом», перемещающихся со скоростью тысяча миль. Две станции в Ирландии сообщили, что «неопознанные летающие объекты» пролетают прямо над ними в юго-западном направлении с небольшим отклонением. Еще более южная станция определила их скорость — восемьсот миль в час — и утверждала, что они «отчетливо видны». Метеорологическое судно на 65-м градусе северной широты зафиксировало скорость тел — пятьсот миль. Таково было последнее известие.

Причина, по которой сообщение именно об этом полете болидов оказалось в передовицах, тогда как предыдущие остались без внимания, заключалась не только в обилии поступивших сообщений, позволявших вычертить траекторию полета, причина была в самой траектории. Но, несмотря на окольные намеки и даже прямые выпады, на Востоке молчали.

После первых атомных испытаний в России и последовавших за ними поспешных и нехарактерных для Востока заявлений Москва взяла за правило в подобных вопросах симулировать глухоту. Такая политика имела определенный успех: создавалось впечатление, что за молчанием непременно стоит сила. Ну а поскольку те, кто был хорошо знаком с действительным состоянием дел в России, не собирались афишировать своей осведомленности, то игру в непричастность можно было продолжать и впредь.

Швеция, избегая конкретизации, объявила, что они предпримут меры против любого посягательства на их воздушное пространство со стороны кого бы то ни было. Британские газеты заявили, что некая супердержава, столь ревностно охраняющая свои границы, должна признать подобное право и за другими странами. В американских журналах говорилось, что, имея дело с русскими, надо стрелять первым.

Кремль не реагировал.

В редакцию посыпались письма. Сообщения о болидах шли отовсюду, я только успевал отбирать наиболее яркие, откладывая в сторону остальные. Было и несколько описаний болидов, спускающихся в море, причем настолько похожих на мои собственные наблюдения, что не удивлюсь, если их позаимствовали из моей же радиопередачи. В целом вся корреспонденция оказалась кучей предположений, догадок, бесконечных историй, информа-

ции из третьих рук, чистых фантазий, и я мало что извлек из этой кипы бумаг. Но два вывода я все-таки сделал: ни один человек не видел, чтобы болид приземлялся на сушу; ни одно из погружений не наблюдалось с берега — все они были замечены с борта корабля или самолета, далеко в море.

Сообщения поступали еще несколько недель. Скептики сдались, и только самые стойкие из них продолжали твердить: это не более чем галлюцинации. Письма приходили, но мы тем не менее не узнали о болидах ничего нового, ни одной фотографии — как у охотника, который в ответственный момент всегда оказывается без ружья.

Зато следующая вереница болидов пролетела как раз над тем, у кого оружие оказалось, причем в буквальном смысле слова.

Авианосец военно-морских сил США «Тускиги», находясь вблизи Сан-Хуана, на острове Пуэрто-Рико, принял сообщение из Кюрасао о том, что в их направлении летят восемь болидов. Капитан, уверенный, что это посягательство на воздушное пространство острова, сделал необходимые приготовления и, потирая руки, наблюдал за приближением болидов на экране радара. Выждав, пока нарушение воздушных границ стало бесспорным, он отдал приказ произвести шесть залпов с интервалом в три секунды и вышел на палубу полюбоваться ночным небом.

В бинокль он увидел, как шесть красных точек одна за другой превратились в большие клубы розового дыма.

— Так, — сказал он самодовольно, — с этими покончено. Посмотрим теперь, кто станет жаловаться.

Закинув голову, капитан стоял и смотрел, как оставшиеся две точки удалялись в северном направлении.

Шли дни, жалоб не поступало, но не уменьшалось и число сообщений о болидах; политика же умышленного замалчивания лишний раз доказывала, чьих рук это дело.

На следующей неделе еще два болида оказались достаточно неосторожны, пролетев в радиусе действия разведывательной станции Вумера, за что и поплатились; еще три были уничтожены морским судном в районе Кодиака.

Вашингтон отправил Москве ноту протеста с указанием на неоднократные нарушения воздушных границ и, выражая соболезнования родственникам погибших, подчеркнул, что ответственность лежит не на тех, кто находился на борту лета-

тельных аппаратов, а на тех, кто, вопреки международным соглашениям, послал их на смерть.

Кремль после нескольких дней «созревания» выдал ответный протест, заявив, что тактикой приписывания своих преступлений другим Запад никого не удивил, что оружием, разработанным советскими учеными для дела мира, недавно уничтожено более двадцати летательных аппаратов над территорией Союза, и это должно вразумить всякого, кто еще промышляет шпионажем.

Положение осталось туманным, а весь несоветский мир разделился на два лагеря: тех, кто верил русским, и тех, кто не верил им. У первых не возникало никаких вопросов — их вера была тверда. Вторые сомневались — считать ли заявление Москвы чистой ложью или, может, русские все-таки сбили пусть не двадцать, но хоть пяток болидов.

Обмен нотами затянулся на несколько месяцев.

Поток информации о небесных телах рос с каждым днем. О чем это свидетельствовало, сказать было трудно: то ли об увеличении интереса к проблеме, то ли об активизации самих болидов. Частенько попадались сообщения о новых столкновениях ВВС с «неизвестными летательными аппаратами», время от времени в газетах появлялись перепечатки из советских изданий с угрозами в адрес капиталистического мира и обещаниями показать всем милитаристским болидам силу и мощь единственно истинной народной демократии.

Однако для поддержания интереса публики необходимо «топливо» — без новых дров он быстро угасает. Да, болиды существовали, они проносились по небу на высоких скоростях, взрывались, если в них стреляли... Ну и что из того? Они не проявляли никаких признаков агрессии, во всяком случае, никто об этом не знал. Они не оправдывали ожиданий, а публика жаждала сенсаций.

Интерес к ним пошел на убыль. Началась пора спокойных рассуждений. Все вернулись к истокам, к версии огней Святого Эльма, новой формы природного электричества. Атаки на болиды со стороны военных судов и наземных станций прекратились. Загадочным телам позволили беспрепятственно совершать их непонятные маршруты. Регистрировались только время появления, скорость и направление движения. Красные точки в небе всех разочаровали.

Тем не менее в Адмиралтейство и штаб-квартиру ВВС стекались со всего мира всевозможные данные. На военных картах

отмечались маршруты болидов, созывались совещания, и постепенно кое-что начало вырисовываться.

В редакции И-би-си мой стол продолжал считаться местом, где оседало все, связанное с болидами, и хотя, казалось, дело совсем дохлое, на случай, если оно вдруг оживет, я держал порох сухим. В то же время я вкладывал свою лепту в создание общей картины, посылая специалистам информацию, которая, на мой взгляд, могла их заинтересовать.

Таким образом, я оказался в числе отмеченных и был приглашен в Адмиралтейство для ознакомления с некоторыми результатами работы комиссий.

Меня пригласил капитан Винтерс. Сообщив, что материалы, которые мне покажут, не являются государственной тайной, он подчеркнул, что желательно пока не использовать их в передачах.

Я пообещал, и тогда он извлек из стола карту мира, сплошь заштрихованную тонкими линиями, каждая из которых была помечена цифирькой и датой. Казалось, что на карту наброшена паутина, и это впечатление усиливали крохотные красные точки, разбросанные по всей ее поверхности и напоминающие паучков-крестовиков.

Капитан Винтерс взял лупу и склонился над столом.

— Вот, — сказал он, наведя лупу на Азорские острова, — это ваш вклад.

Я посмотрел на карту и различил маленькую красную точку, отмеченную цифрой пять и датированную днем, когда мы с Филлис наблюдали исчезающие в глубинах болиды. Рядом, ближе к северо-востоку, тянулась полоса точно таких же точек.

— Точка — это болид? — спросил я.

— Один или более, — ответил капитан. — А это их курсы, — добавил он, указывая на тонкие линии. — Естественно, только те, о которых нам известно. Итак, что скажете?

— М-да. Во-первых, бросается в глаза, что их чертовски много, гораздо больше, чем я мог вообразить. А во-вторых — какого дьявола они группируются в скопления вроде этого?! — Я ткнул пальцем.

— А! — воскликнул капитан. — Теперь на минуту отвлекитесь и прищурьтесь.

Я прищурился и понял, что он имеет в виду.

— Области концентрации...

Капитан кивнул:

— Вот именно! Пять основных и целый ряд поменьше. Самая большая — юго-западнее Кубы, вторая по плотности — в шестистах милях от Кокосовых островов, огромные скопления — у Филиппин, Японии и Алеутов. Я не обольщаюсь и не утверждаю, что места скоплений определены с абсолютной точностью, даже наоборот. Вот посмотрите, сколько линий ведет в район к северо-востоку от Фолклендов, а ведь здесь зафиксировано всего три погружения. О чем это говорит? Только о том, что это место — вдалеке от водных трасс и, следовательно, нет очевидцев. Что-нибудь еще привлекло ваше внимание?

Я отрицательно покачал головой, пытаясь сообразить, к чему он клонит. Капитан достал карту промеров глубин и развернул ее на столе рядом с первой.

— Области концентрации в районе больших глубин? — догадался я.

— Да, и почти нет сообщений о погружениях в местах мельче, чем четыре тысячи саженей.

Я задумался. Капитан тоже молчал.

— Ну и что? — не выдержал я.

— Вот именно: ну и что?

Мы снова склонились над картами.

— Да, еще! — вспомнил он. — Все сообщения касаются исключительно погружений, и ни одного — о взлете.

— Капитан, — спросил я, — что вы обо всем этом думаете? У вас есть какие-нибудь предположения? И если есть, собираетесь ли поделиться со мной?

— У нас есть целый ряд теорий, но все они, по тем или иным причинам, неудовлетворительны. Ну а ответ на второй вопрос вытекает из первого.

— А как насчет русских?

— Они здесь ни при чем. В действительности они обеспокоены еще больше нашего. Русские с молоком матери впитали ненависть к капиталистам и всегда во всем подозревают Запад. Вот и теперь они не могут отделаться от мысли, что эти болиды — наши козни и происки, хоть и не понимают, что за игру мы ведем. Единственное, в чем сходятся мнения Востока и Запада: эти штуки — не природное явление, и появление их не случайно.

— А если не Россия, а какая-то другая страна, вы бы об этом знали?

— Без сомнения.

Мы снова погрузились в изучение карт.

— Мне постоянно напоминают, — нарушил молчание я, — слова небезызвестного Шерлока Холмса, сказанные им моему тезке: «Когда вы устраните невозможное, то все, что останется — каким бы невероятным оно ни было, — и будет истиной». Кто может утверждать, что если болиды — не продукт земной цивилизации...

— Мне не нравится такое разрешение вопроса, — оборвал меня капитан.

— Оно никому не понравится, — согласился я, — и тем не менее... Или почему, например, не предположить, что нечто в глубинах достигло высокой стадии эволюции и теперь объявилось на поверхности во всей красе высокоразвитой технологии. Почему бы и нет?

— Еще менее вероятно, — заметил капитан.

— В таком случае мы опровергаем Холмса — мы устранили все возможное и невозможное. А глубины — совсем неплохое место, чтобы схоронить что-либо от глаз человеческих, преодолев, естественно, технические трудности.

— Кто спорит, — согласился капитан, — но среди этих, как вы выразились, «трудностей» — давление в четыре-пять тонн на квадратный дюйм.

— Гм, об этом стоит поразмыслить. — Я нахмурился. — Возникает еще один вопрос: что они здесь делают?

— Вот-вот.

— И никакой зацепки?

— Они прилетают, — задумчиво рассуждал капитан, — возможно, и улетают. Но преобладает явно первое — вот в чем дело.

Я взглянул на карту, испещренную линиями и точками.

— Вы что-нибудь предпринимаете? Или мне не следует задавать подобных вопросов?

— Для этого мы вас, собственно, и пригласили, к этому я и вел весь разговор. Мы собираемся произвести разведку. Само собой разумеется, что ни о каких радиопередачах не может идти и речи, но нам необходимо все записать и заснять, от и до. Так что, если ваши люди заинтересуются...

— И куда мы отправляемся?

Он показал пальцем на карте.

— О! — воскликнул я. — Моя жена питает пристрастие к тропическому солнцу, особенно в Вест-Индии.

— Сколько мне помнится, у нее было несколько довольно неплохих документальных сценариев.

— Да-да, — размышляя, пробубнил я. — Если И-би-си откажется, это будет непростительной ошибкой.

Пока берег не исчез за горизонтом, огромный предмет, возбуждающий наше любопытство, был скрыт под чехлом. Он как гора возвышался посреди кормы на специально сконструированной опоре.

Снимали чехол в торжественной обстановке, но «разоблаченная» тайна оказалась всего лишь металлической сферой около десяти футов в диаметре с круглыми, похожими на иллюминаторы, окнами и с большим кольцом для троса сверху.

Начальник экспедиции, капитан-лейтенант, окинув влюбленным взглядом свое детище, обратился к присутствующим:

— Аппарат, который вы сейчас видите, называется батископ.

Он сделал значительную паузу.

— Кажется, Бибе... — шепнул я Филлис.

— Нет, — ответила она, — у того была батисфера.

— А...

— Он сконструирован так, — продолжал капитан-лейтенант, — что способен противостоять давлению в две тонны на квадратный дюйм и теоретически может опуститься до глубины в тысячу пятьсот саженей. Однако мы не планируем погружение более чем на тысячу двести саженей, оставляя, таким образом, запас прочности в семьсот двадцать фунтов на квадратный дюйм. Даже в этом случае мы побьем достижения доктора Бибе, погрузившегося на глубину немногим более пятисот саженей, и Бартона, который достиг отметки семьсот пятьдесят саженей...

Мне стало скучно, и я обратился к Филлис:

— Я как-то не очень разбираюсь в этих саженях. Сколько это будет в нормальных человеческих футах?

Филлис сверилась со своими записями.

— Глубина, которой они собираются достичь, — семь тысяч двести футов, а которой могут достичь — девять тысяч.

— Внушительно.

Филлис в некоторых отношениях гораздо практичнее меня.

— Семь тысяч двести футов, — сообщила она, — это чуть больше мили с третью. А давление на этой глубине немногим больше тонны с третью.

— Ах ты моя сценаристочка, — восхитился я, — что б я без тебя делал? И все же...

— Что?

— Тот парень из Адмиралтейства, капитан Винтерс, говорил о давлении в четыре-пять тонн... — Я повернулся к начальнику экспедиции. — Какая здесь примерно глубина?

— В районе Кайманской впадины, между Ямайкой и Кубой, — ответил он, — более пяти тысяч.

— Но... — начал я удивленно.

— Саженей, милый, — подсказала мне Филлис, — в футах — тридцать тысяч.

— А-а-а, — протянул я. — Это около пяти с половиной миль?

— Да, — подтвердил капитан-лейтенант.

— А... — начал было я.

Но он уже вернулся к своему докладу.

— Это, — обратился он к собравшейся толпе, состоявшей к тому времени из меня и Филлис, — на сегодняшний день предел наших возможностей. Хотя... — Он сделал многозначительный жест и указал на точно такую же сферу, только гораздо меньшего размера. — Здесь перед нами совершенно другой аппарат, способный достичь в два раза большей глубины, нежели батископ, а возможно, и еще большей. Этот аппарат полностью автоматизирован и, кроме всевозможных измерительных приборов, оснащен пятью телевизионными камерами. Четыре из них дают изображение в горизонтальной плоскости, а пятая — в вертикальной, под самой сферой.

— Этот прибор, — вдруг раздался чей-то голос, имитирующий интонацию начальника, — мы называем «телебат».

Насмешка не могла смутить капитан-лейтенанта — никак не отреагировав, он невозмутимо продолжал лекцию. Но аппарат уже был окрещен и так и остался телебатом.

В течение трех дней мы занимались испытанием и наладкой оборудования. Нам с Филлис тоже позволили влезть в батископ и погрузиться на триста футов — просто так, чтобы прочувствовать, что это такое, — после чего мы уже не завидовали тем, кому предстояло погружение на тысячу саженей.

Утром четвертого дня все столпились вокруг батископа. Два участника экспедиции — Вайзман и Трэнт — протиснулись сквозь узкое отверстие внутрь аппарата, затем им передали необходимую на глубине теплую одежду, пакеты с едой, термосы с горячим чаем и кофе.

— О'кей, — махнул на прощание Трэнт, показавшись из люка.

Матросы задраили крышку люка и при помощи лебедки перенесли батископ за борт. Он висел, сверкая в солнечных лучах и слегка покачиваясь. Неожиданно на телеэкранах возникло наше изображение — кто-то из парней внутри батископа включил камеру.

— Все! — уже из динамика раздался голос Трэнта. — Опускайте!

Батископ коснулся воды, и через мгновение волны океана сомкнулись над ним.

Я не хочу описывать детально погружение — оно было долгим и утомительным. Надо сказать, смотреть на экран, ничего не делая, довольно скучное занятие. Вся жизнь моря, оказывается, четко разграничена на определенные слои-уровни. Верхний, самый обитаемый слой кишит планктоном, в котором будто не прекращается пылевая буря. Разглядеть можно только существа, вплотную приблизившиеся к иллюминаторам. Глубже, из-за отсутствия питательного планктона, жизни почти нет, лишь изрёдка на экранах проскальзывают тени каких-то рыб: мрак и пустота — вид однообразный до тошноты. Поэтому большую часть времени мы провели с закрытыми глазами и лишь изредка выходили на воздух покурить. Солнце палило нещадно, и матросам приходилось то и дело поливать раскаленную палубу водой. Флаг, что тряпка, болтался на флагштоке, разморенный океан распластался под тяжелым куполом неба и только где-то над Кубой виднелась тонкая полоска облаков. Кроме помех в наушниках, тихого гудения лебедки и голоса матроса, отсчитывающего пройденные сажени, ничто не нарушало безмолвие дня.

Иногда неожиданно раздавался бодрый баритон начальника экспедиции:

— Эй, там, внизу, все в порядке?

И мгновенно в наушниках отзывалось:

— Да, да, сэр.

Один раз, кажется, Вайзман, спросил:

— Был ли у Бибе костюм с электроподогревом?

Выяснилось, что никто не знает.

— Если нет, снимаю перед ним шляпу!

— Полмили, сэр! — раздался скрипучий голос матроса.

Лебедка продолжала вращаться, экраны показывали все то же: отдельные стайки рыб, тут же исчезающие в темноте. Смотреть было не на что.

В наушниках пожаловались:

— Эти твари неуловимы! Стоит поднести камеру к одному иллюминатору — появляются в другом!

— Пятьсот саженей. Вы обходите Бибе! — объявил капитан-лейтенант.

— Чао-чао, Бибе! — отозвались с глубины, и снова на долгое время наступила тишина.

Внезапно молчание прервал далекий голос:

— Удивительно! Здесь опять жизнь: куча головоногих, больших и малых. Видели бы вы их! Что-то еще, на границе света... очень большое... не могу точно... Возможно, гигантский кальмар... Нет, черт побери! Не может быть!.. Кит... на такой глубине!

— Маловероятно, хотя возможно, — авторитетно заметил начальник экспедиции.

— Но в этом случае... эх, черт, он скрылся! Н-да! Мы, млекопитающие, иногда добираемся и сюда.

— Обходим Бартона! — объявил капитан-лейтенант и добавил, неожиданно сменив тон: — Теперь, ребятки, все зависит только от вас. У вас все в порядке?

— Все о'кей, сэр!

И снова тишина.

— Скоро миля! Как самочувствие?

— А как там погода наверху?

— Полный штиль, ни ветерка.

— Тогда продолжим, сэр. Неизвестно, что будет завтра: может быть, придется ждать благоприятной погоды не одну неделю.

— Хорошо, пусть так. Раз вы уверены в себе...

— Уверены, сэр.

— В таком случае еще триста саженей.

Прошло немало времени, прежде чем до нас донесся голос Трэнта:

— Пусто, пусто и темно. Любопытно, как отличаются слои друг от друга.

И через несколько секунд:

— Опять кальмары?! Светящиеся рыбы... целый косяк! Ух! Видите?

Мы, не отрываясь, глядели на экраны, с которых на нас уставились диковинные существа — видения ночных кошмаров.

— Ошибка природы, — сказал Трэнт, — или безумие.

— Все, — вдруг объявил начальник экспедиции. — Тысяча двести саженей. Отбой, мальчики.

— Хм, — прозвучало в наушниках. — То, что хотели, мы не обнаружили...

Лицо капитан-лейтенанта ничего не выражало. Ожидал ли он от этого погружения какого-нибудь результата или нет — трудно сказать. Думаю, нет. Думаю даже, никто ни на что не рассчитывал: болиды, или что бы там ни было, должны были располагаться на самом дне, а до дна от того места, где зависли двое парней, как показывала эхограмма, оставалось не менее трех миль.

— Эй, там, на батископе, начинаем подъем. Готовы?

— Да, сэр.

Заработала лебедка, и ворот медленно начал набирать обороты.

— Как у вас, порядок?

— Порядок, сэр.

Минут десять прошло в молчании.

— Здесь что-то есть, — раздалось в наушниках. — Что-то большое. Плохо видно. Неужели опять кит? Постараемся вам показать.

Мы увидели пойманные лучом прожектора яркие точки каких-то крохотных организмов. Затем камера метнулась в сторону, на мгновение все исчезло, и, когда появилось снова, мы разглядели на самой границе света странную большую тень — что-то очень неясное.

— Кружит вокруг нас. Попробую... вот теперь должно быть лучше видно. Это не кит... видите?

На экранах вырисовалось светлое пятно, несколько овальное, неясных размеров.

— М-да, — звучал голос в наушниках, — это что-то новенькое. Конечно, может быть, и рыба, но больше похоже на черепахообразное. В любом случае ужасно огромное. Держится на расстоянии... не могу различить никаких деталей.

Камера снова показала нам нечто, проплывающее мимо.

— Пошло вверх. Идет быстрее, чем мы. Все, уходит из поля зрения... Может быть...

Внезапно голос оборвался, экран на секунду вспыхнул и погас. Звук лебедки резко изменился: она заработала вхолостую.

Мы некоторое время сидели в молчании, тупо уставившись на черные пятна экранов. Филлис нащупала мою руку и крепко стиснула.

Начальник экспедиции, не проронив ни слова, вышел на палубу.

Чтобы смотать более мили кабеля, требуется время. Возникла пауза. Все почувствовали себя как-то странно неловко и

разбрелись по кораблю. Мы с Филлис прошли на нос и сидели там, опустив головы, боясь взглянуть друг другу в глаза.

Прошел, казалось, не один час, прежде чем до нас долетел характерный звук последних оборотов лебедки. Не сговариваясь, мы поспешили на корму.

Из воды показался конец троса. Все, полагаю, ожидали увидеть его измочаленным, раскрученным, похожим на щетку, но вместо этого перед нами предстало нечто иное: оба главных кабеля и кабель коммуникации оканчивались гладкими шарами расплавленного металла. Ошарашенные, мы уставились на них, не в силах оторваться.

Вечером капитан корабля прочел молитву, и над океаном прогремело три орудийных залпа.

На следующий день погода не изменилась: палило солнце, море лениво и томно переливалось в его лучах. В полдень начальник экспедиции собрал нас всех вместе. Выглядел он очень усталым и больным.

— Я приказываю продолжать исследования, — коротко и бесстрастно произнес он. — Если ничего не изменится и мы успеем провести соответствующие приготовления, то погружение начнем завтра утром, сразу после рассвета. У меня есть указание проводить погружения вплоть до гибели аппарата, так как другой возможности для наблюдений не представится.

Мы сидели перед мониторами. Снова перед нашими глазами проносились океанические слои, каждый со своими особенностями. Все было, как и в предыдущий раз, только теперь вместо голосов Вайзмана и Трэнта в наушниках раздавались всевозможные помехи: треск, скрежетание, хлюпанье, чавканье — звуки, улавливаемые установленными на телебате микрофонами — адская какофония Глубин. Мы испытали своего рода облегчение, когда на глубине в три четверти мили все стихло.

Кто-то пробормотал:

— А говорили, что никакое давление не может раздавить микрофоны.

Мимо камер скользили головоногие, нервно метались косяки рыб, вспугнутые лучами прожекторов, иногда мелькали смутные очертания гротескных чудовищ.

Миля... миля с половиной... две мили... две с половиной... И тут на экране возникло нечто, привлекшее всеобщее внимание. Необъятное, неопределенное, овальной формы, оно пере-

мещалось с экрана на экран, кружась вокруг аппарата. Три-четыре минуты оно как бы наплывало на нас — всегда мучительно неясное, таинственное, страшное... Затем поднялось вверх и исчезло.

Спустя полминуты экраны погасли.

Почему бы иногда не похвалить свою жену?! Филлис пишет сногсшибательные сценарии, и этот был, несомненно, один из лучших. Жаль только, что его не приняли так, как он того заслуживал.

Мы послали его в Адмиралтейство на согласование, и через неделю нас принял капитан Винтерс. Он прямо с порога начал расхваливать Филлис ее сценарий, было видно, что он не на шутку очарован моей женой, и лишь когда мы устроились в мягких креслах, с сожалением покачал головой.

— Тем не менее, — сказал он, — я хочу попросить вас пока повременить с оглашением материала.

Филлис, естественно, огорчилась, она много и серьезно работала над сценарием не только ради денег: ей хотелось отдать должное погибшим Вайзману и Трэнту.

— Мне жаль, — сказал капитан, — но я предупреждал вашего мужа.

Филлис подняла глаза на Винтерса.

— Почему?

Меня волновал этот вопрос не меньше, чем Филлис: мои наблюдения и записи, не занесенные в официальные протоколы, тоже приходилось откладывать в долгий ящик. Я посмотрел на капитана.

— Постараюсь объяснить, я просто обязан это сделать, — согласился Винтерс, переводя взгляд с меня на Филлис. Он чуть подался вперед. — Сложность заключается в оплавленных тросах, вы сами это должны понимать. Одна только мысль о существе, способном перекусить стальной канат, поражает воображение; даже если только представить возможность его существования. А что будет, когда эта новость выплывет наружу: «Тварь, перекусывающая стальные канаты», «Автоген вместо зубов»? Начнется паника. Согласитесь, это не совсем обычная опасность, подстерегающая людей при глубоководном погружении. Мы должны прежде выяснить, в чем она заключается, а уж потом объявить о ней.

Капитан все понимал и сожалел, но должен был подчиняться приказам.

Мы поговорили еще немного; он уверил, что сам лично известит нас, как только настанет время огласить материал. Нам пришлось смириться.

Перед самым уходом Филлис спросила:

— Капитан, если откровенно, что вы сами об этом думаете? Кто это?

— Если откровенно, миссис Ватсон, то не только у меня, а вообще ни у кого нет правдоподобного объяснения.

Так мы и расстались, ничего не добившись.

Спустя неделю, во время обеда, раздался звонок. Филлис сняла трубку.

— Миссис Филлис? Здравствуйте, рад вас слышать. У меня хорошие новости, — раздался в трубке голос капитана Винтерса. — Только что я говорил с И-би-си и дал «добро» на ваш материал.

Филлис поблагодарила за приятное сообщение и поинтересовалась:

— Но что же все-таки произошло?

— Видите ли, несмотря на все наши старания, информация просочилась. Вы услышите это вечером в новостях и прочитаете во всех утренних газетах. В создавшемся положении, я считаю, вы вправе использовать свой шанс. Лорды Адмиралтейства со мной согласны, они заинтересованы, чтобы передача как можно быстрее вышла в эфир, и подтвердят ваш материал. Вот такие дела. Удачи вам.

Филлис еще раз поблагодарила его и повесила трубку.

— Но что же могло произойти? — спросила она.

У меня, конечно, ответа не было, и нам пришлось ждать девятичасовой сводки новостей.

Сообщение было кратким, но, на наш взгляд, существенным. По радио передали, что американское судно, проводя подводные исследования в районе Филиппин, лишилось глубинной камеры с экипажем из двух человек.

И тут же после новостей нам позвонили с И-би-си и стали твердить о приоритете, сообщив, что они изменили программу, чтобы вставить нашу передачу.

Передача вызвала много шума. Выйдя в эфир сразу за американцами, мы достигли пика общественного интереса. Лорды остались довольны. Передача показала, что они отнюдь не всегда плетутся в хвосте. Хотя, я считаю, им не следовало делать

подарков янки, придерживая наш материал. Правда, с учетом дальнейших событий все это не имеет большого значения.

На нас посыпалась корреспонденция с самыми разными объяснениями и догадками, но никакого света на загадку оплавленных тросов они не пролили.

Другое дело, что мы ничего и не ждали: людям и в голову не могло прийти, что между гибелью аппаратов и устаревшей темой болидов существует какая-то связь.

Однако, тогда как Королевский Флот, казалось, не собирался предпринимать никаких конкретных шагов, занимаясь теоретическими изысканиями, флот США действовал несколько иначе. Окольными путями пришла информация, что американцы готовят вторую экспедицию. Мы с Филлис сразу же обратились с прошением о включении в ее состав, но нам отказали. Сколько человек, кроме нас, обратилось с подобной просьбой — я не знаю, однако народу набралось столько, что американцам пришлось снарядить еще одно судно. На нем нам места тоже не нашлось, все места были отданы американским журналистам и обозревателям, которые собирались вещать не только на Америку, но и на всю Европу.

Что ж, это было их шоу. Жаль было, конечно, терять такую возможность, да что делать?

Мы подозревали, что американцы снова потеряют свой аппарат, но не могли даже предположить, что они потеряют и судно.

Неделю спустя объявился один парень с Эн-би-си — свидетель происшествия. Мы с трудом заманили его к себе на ленч, пообещав поделиться кое-какой информацией.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он, — и не хочу увидеть впредь. Идея была послать первым аппарат типа вашего телебата и, если все сойдет удачно, второе погружение произвести с экипажем. Добровольцев на это у них хватало. Даже смешно, всегда находятся молодцы, которым наскучило пребывание на земле.

Наше судно находилось в нескольких сотнях ярдов или, может, чуть больше от исследовательского. Но оба корабля связывал телевизионный кабель, так что мы тоже могли следить за погружением.

Сам я считаю, что это была неплохая затея для подогрева публики, хотя главным было, конечно, второе погружение с экипажем. Пусть не такое глубокое, как первое, но все равно...

Итак, мы полюбовались, как камера бултыхнулась в воду, и спустились в салон к мониторам. Наверное, мы наблюдали на экранах то же, что и вы: пелена планктона, затем какие-то рыбы странного вида, кальмары, целые стаи жутких тварей, о которых даже вспоминать не хочется.

Кто посообразительней, уже после первой мили поднялись на палубу под тент покурить и выпить чего-нибудь прохладительного. Я не выдержал где-то в районе двух миль и присоединился к ним, оставив двух-трех типов следить за мониторами и наказав, если что, кликнуть нас. Вскоре один из них тоже вышел перекурить.

— Две с половиной мили, — сказал он. — Темно, как в Туннеле Любви. Даже рыбе должно быть скучно от подобной картины.

Взяв себе кока-колу, он было снова направился ко мне, но вдруг замер, увидев что-то за моей спиной.

— Боже, — выдохнул он.

И тут же из салона раздался пронзительный крик.

Все обернулись в сторону исследовательского судна. Еще минуту назад оно мирно покачивалось на волнах, а теперь...

Н-да... Не знаю, какие у вас случаются грозы, но у нас в некоторых местах молния в один момент пронзает здание насквозь, и пламя охватывает его, будто спичечный коробок. Именно так выглядело исследовательское судно. Слышно было, как оно трещит в огне.

Не знаю, может быть, прошло всего несколько секунд, но мне они показались вечностью. Затем корабль взорвался.

Что там находилось на борту — один Бог ведает, но взорвалось оно, как пороховой склад.

На нас обрушился шквал воды и обломков. Мы попадали на палубу, а когда подняли головы, то увидели только затихающие волны от воронки. Подбирать практически было нечего, кроме полудюжины спасательных буев и трех страшно обгоревших тел. Мы подняли их на борт и взяли курс к дому.

Филлис налила ему чашечку кофе.

— Что это было? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Кто его знает... Выглядело так, будто пламя вырвалось из-под воды.

— Никогда не слышала ни о чем подобном, — тихо сказала Филлис.

— Да, — согласился он, — но все когда-нибудь происходит впервые.

— Не очень-то утешительно, — прокомментировала Филлис.

Парень с Эн-би-си внимательно посмотрел на нас.

— Кстати, ребята, вы были на «британской рыбалке»... Может, знаете, зачем нам это нужно? Почему нас вечно тянет сунуть голову в самое пекло?

— Я лично не удивляюсь, — ответил я.

Он кивнул.

— Попробуем так, — предложил он после минутной паузы. — Мне сказали, что невозможно пропустить ток высокого напряжения, к примеру, в миллион вольт, по неизолированному стальному тросу, находящемуся в воде. Не могу спорить, я в этом не разбираюсь. Но если бы это было возможно, то эффект был бы именно тот, который мы наблюдали.

— Но ведь там были и изолированные кабели? — спросила Филлис.

— Конечно. Даже телевизионный кабель, проведенный на наш корабль, и тот был заизолирован. Но он не смог бы выдержать тока столь высокого напряжения, враз расплавился бы. Мне представляется, что ток шел по основному кабелю, хотя друзья-физики со мной не соглашаются.

— У них есть другое объяснение? — спросил я.

— Даже несколько. Кое-что может показаться вполне правдоподобным, — сказал журналист и добавил: — Для тех, кто не видел взрыва.

— Если ты прав, то это весьма странно, — задумчиво произнесла Филлис.

Он посмотрел на нее.

— Все это странно, независимо от того, прав я или нет. Что бы ни говорили физики, они сами озадачены.

— Но с другой стороны... — начала Филлис.

Он покачал головой:

— Я гадать не буду, у нас слишком мало данных. Если бы все, что нам известно теперь, мы знали много раньше...

Мы вопросительно взглянули на него.

— Только между нами... наши собираются сделать еще пару попыток, но без огласки.

— Где?

— Одну — где-то недалеко от Алеут, другую — в бассейне Гватемалы. А что ваши?

— Не знаю, — честно признался я.

Он опять покачал головой:
— Темните...

В течение нескольких недель мы держали ухо востро, тщательно просматривали всю прессу, надеясь хоть что-нибудь вычитать о новых испытаниях... Безуспешно. Месяц спустя снова объявился парень с Эн-би-си.

Нахмурив брови, он сообщил:

— У Гватемалы ничего не обнаружили. Судно южнее Алеутских островов все время держало с базой связь по радио. Во время погружения связь оборвалась, судно исчезло.

Официальные сообщения об американских подводных исследованиях остались за семью печатями. Временами до нас доходили слухи, свидетельствовавшие о неспадающем интересе к событиям в океане. Иногда в прессе появлялись отдельные статьи, сопоставив которые можно было получить смутное представление о состоянии дел.

Наши контакты с Флотом, будучи дружескими, оставляли желать лучшего, что нас сильно огорчало. Коллеги по ту сторону Атлантики чаще находят общий язык со своими официальными источниками, но на этот раз и они молчали. Видимо, и там что-то застопорилось.

Зато о болидах все позабыли, только очень немногие нет-нет да и присылали весточку о новых появлениях красных точек. Я все же не расслаблялся: мало ли что вдруг может всплыть.

По моим данным, оба феномена — катастрофы в океане и болиды — никто так и не связал друг с другом. Вскоре их и вовсе забросили, оставив необъясненными сенсациями летнего сезона, а по прошествии трех лет и мы с Филлис о них почти не вспоминали.

Нас занимало другое: рождение сына Вильямса и его смерть восемнадцать месяцев спустя. Чтобы помочь Филлис пережить горе, я исхитрился раздобыть заказ на репортаж о путешествии, продал дом, и некоторое время мы скитались по свету.

Честно говоря, мои репортажи были моими только отчасти, на самом деле внешний лоск и эффектные концовки, которые так нравились слушателям И-би-си, принадлежали Филлис. Она, естественно, писала и свои сценарии, когда не была занята наведением глянца на мои репортажи.

Мы много трудились, и к моменту возвращения домой наш престиж вырос, у нас накопилось множество материала, было

над чем поработать, и даже появилась уверенность в том, что мы на правильном пути.

И тут американцы потеряли у Марианских островов круизный лайнер. Заметка была очень краткой — слегка приукрашенное в редакции сообщение телеграфного агентства, но что-то в ней было такое, что привлекло наше внимание. Филлис достала атлас и принялась изучать карту.

— С трех сторон Марианы окружают большие глубины, — сказала она.

— Да, — отозвался я. — Что-то тут не так. Не знаю, что именно, но мне как-то не по себе.

— Слухами земля полнится: надо проверить все неофициальные источники, — решила Филлис.

Мы так и поступили. Безуспешно. Ничего, кроме заметки телеграфного агентства: «Туристический лайнер «Кивиноу» затонул в ясную погоду, в живых осталось двадцать человек, назначено официальное расследование». Но о результатах расследования мы так никогда и не услышали. Инцидент был заглушен шумихой вокруг затонувшего при невыясненных обстоятельствах русского судна, промышлявшего восточнее Курил. Так как для Советов любая неудача связана с происками капиталистических акул и реакционных фашистских гиен, то желчные намеки и обвинения в адрес Запада сыпались довольно долго, и происшествие это стало казаться куда значительнее, чем потеря американцев — на самом деле, более серьезная. В шуме брани мистическое исчезновение гидрографического норвежского судна «Утскарпен» за пределами родной Норвегии осталось почти незамеченным.

К сожалению, я потерял свои записи, но насколько помню, еще с полдюжины кораблей, так или иначе связанных с морскими исследованиями, исчезли до того, как американцев постигла новая потеря, теперь у Филиппин.

На сей раз они потеряли эскадренный миноносец, а вместе с ним и терпение.

Хитроумное заявление «...так как воды в районе Бикини недостаточно глубоки для объявленной серии подводных испытаний атомного оружия, место полигона перенесено на тысячу миль к западу», возможно, и ввело в заблуждение простаков, но в кругах газетчиков и радиожурналистов началась настоящая драка за прикомандировку к экспедиции.

Мы с Филлис были на хорошем счету и нам повезло. Взяв билеты на самолет, мы спустя несколько дней составили компанию остальным счастливчикам.

Наше судно держалось на стратегической дистанции от места, где затонул «Кивиноу».

Не могу описать глубинной атомной бомбы — я никогда ее не видел. Нам позволили созерцать лишь небольшой плот, на котором возвышалось нечто вроде полусферической палатки. Нас успокоили, сказав, что эта бомба почти не отличается от атомной бомбы обычного типа, за исключением массивной оболочки, способной выдержать давление на глубине пяти миль.

На рассвете в назначенный день буксир оттащил плот за горизонт, а мы перешли к экранам. Дав «полный назад», буксир оставил плот дрейфовать в заданной точке, и в течение трех часов тот плавно раскачивался на волнах. Голос из громкоговорителя отсчитывал время до запуска; мы шатались по палубе, пока начался обратный счет:

— ...три, два, один, ПУСК!

С плота взвилась сигнальная ракета, оставляя за собой хвост бурого дыма.

— Бомба сброшена, — объявил голос.

Долго ничего не происходило, все в молчании застыли перед экранами. Плот продолжал раскачиваться на залитой солнцем воде. Если не считать рассеивающихся клубов дыма, оставленного ракетой, можно было подумать, что ничего не случилось — с виду полная безмятежность. Но мы сидели, затаив дыхание.

И вот внезапно плоская гладкая поверхность вздыбилась, море извергло огромное белое облако, которое, корчась и скручиваясь, поднималось все выше и выше. Наше судно содрогнулось от удара взрывной волны.

Мы оторвались от экранов и выскочили на палубу. Облако повисло над горизонтом, продолжая корчиться, разрастаться, и во всех его движениях было что-то непристойное, грязное.

И только когда облако поднялось на огромную высоту, на нас обрушился первый водяной вал.

Мы обедали за одним столиком с Малларби из «Книжных новостей» и Беннелом из «Сената». Никогда раньше я и не мечтал о столь прославленной компании. Но в свое время мне хватило ума жениться на Филлис, «окольцевав» ее прежде, чем она обнаружила, какой у нее был широкий выбор.

Это была ее игра. Моя роль в подобных представлениях довольно скромна — я поднимаюсь на палубу и демонстрирую свою общительность. Дальше следует партия Филлис, в которую я не вмешиваюсь. Мне остается только наблюдать, как разворачивается нечто среднее между шахматной игрой и искусным надувательством. Следить, как она реагирует на неожиданный ход противника, — одно удовольствие. Филлис редко проигрывает.

На этот раз она подвела собеседников к нужной теме между первым и жарким.

— До сих пор камнем преткновения было нежелание признать в качестве причины некий Разум, — заметил Малларби. — То, что произошло сегодня, — первый шаг к признанию.

— И все равно Разум остается под вопросом, — отреагировал Беннел. — Граница между инстинктивным и разумным весьма условна, особенно когда речь идет о самозащите. Хотя бы потому, что и то и другое может вызвать одну и ту же реакцию.

— Но вы же не станете отрицать, что даже независимо от причины это совершенно новое явление?

Собеседники вошли в азарт — Филлис добилась своего. Расслабившись, она поудобнее устроилась в кресле и вся превратилась в слух.

— Я могу предположить, — говорил Беннел, — что это существовало там в Глубинах столетиями, неизвестное нам, пока мы не влезли со своими исследованиями в его экологическую нишу.

— Конечно, можно предположить и такое, — согласился Малларби, — но я бы не стал. Бибе и Бартон тоже спускались в Глубины, однако с ними ничего не случилось. Вы также не учитываете оплавленные тросы, а это уже трудно объяснить инстинктами.

Беннел усмехнулся:

— Все теории, которые я слышал до сих пор, имеют множество слабых мест. Моя — не исключение.

— А гибель американского судна? Это что, по-вашему, — статическое электричество? — едко спросил Малларби.

— Я недостаточно знаком с деталями, чтобы утверждать, будто это невозможно.

— Боже мой, — фыркнул Малларби. — Утешение для детишек и дурачков!

— Пусть. Но если выбирать между двумя теориями — моей и Бокера, — я предпочту первую.

— Я не последователь Бокера. Его предположения мне, так же как и вам, кажутся нелепыми, но посмотрите, с чем мы столкнулись: обилие гипотез, неспособных объяснить ничего и взаимоисключающих друг друга — с одной стороны, и гипотеза Бокера — с другой. И ведь какой бы фантастической мы ее ни считали, она связывает вместе больше данных, чем все остальные.

— Жюль Верн мог бы предположить версию не хуже, — съязвил Беннел.

Ни я, ни Филлис ничего не слышали о гипотезах Бокера, но по тому, как Филлис уверенно вмешивалась в разговор, это было трудно предположить.

— Вероятно, — слегка нахмурившись, сказала она, — не стоит вот так просто отбрасывать теорию Бокера.

Это сработало. Через несколько минут мы были исчерпывающе осведомлены о взглядах Бокера, а наши собеседники так и остались в неведении насчет наших знаний.

Нельзя сказать, что имя Алистера Бокера было нам совершенно незнакомо. Это — известный географ, окруженный последователями и учениками, его имя часто появлялось на страницах газет. Тем не менее сведения, которые извлекла Филлис, были для нас совершенно новыми. Вкратце их можно обобщить примерно так.

С год назад Бокер представил в Адмиралтейство меморандум. Учитывая авторитет ученого, меморандум зачитали в высоких кругах, несмотря на то что суть его была следующей: оплавленные кабели и пораженное электрическим током судно должны рассматриваться как бесспорные доказательства разумной деятельности в определенных глубинах океана. Но давление, температура, постоянный мрак и тому подобное, заявлял Бокер, являются непреодолимым препятствием эволюции разумных форм жизни. Исходя из того, что ни одно государство до сих пор не создало механизмов, способных работать в подобных условиях, напрашивается вывод: Разум возник не в Глубинах. А если так, то он должен был откуда-то прийти и, кроме того, иметь защитную оболочку, выдерживающую давление как минимум в две тонны на квадратный дюйм. На Земле, кроме глубоководных океанических впадин, нет другого места с такими характеристиками.

Что из этого следует? Если эволюция не могла пройти на Земле — а она все-таки прошла, — естественно предположить, что она прошла на планете с высоким атмосферным давлением.

Вопрос: когда и каким образом эта разумная форма жизни попала на Землю?

Бокер припомнил болиды, вызвавшие много шума несколько лет назад и изредка появляющиеся вплоть до настоящего времени. Ни один болид, подчеркнул он, не опустился ни в каком другом районе Земли, кроме океанических впадин. А если вспомнить, с какой силой взрывались подбитые, можно представить, как велико давление внутри них.

Из всего вышеизложенного Бокер делал вывод, что мы сейчас, ничего не подозревая, подвергаемся инопланетному вторжению. И если бы его спросили об источнике этого вторжения, он указал бы на Юпитер как на ближайшую планету, отвечающую необходимым условиям существования пришельцев.

Меморандум заканчивался рассуждениями о причинах вторжения. По мнению автора, его совсем не обязательно рассматривать как враждебное — существует такая вещь, как бегство от условий, а интересы людей не могут столкнуться с интересами существ, которым необходимо для жизни давление в несколько тонн. Бокер призывал направить все усилия на поиск путей к контакту с целью научного обмена в самом широчайшем смысле слова.

Мнения, высказанные лордами Адмиралтейства по поводу меморандума, опубликованы не были. Но достоверно известно, что буквально через несколько дней Бокер забрал свой меморандум с их недружественных столов и представил его на суд главного редактора «Книжных новостей». Редактор, возвращая ученому меморандум и заботясь исключительно о репутации своего издания, высказался с присущим ему «тактом»: «Наша газета более ста лет существует без комиксов, и я не вижу причин нарушать сложившуюся традицию».

Потом документ оказался на столе у редактора «Сената». Бегло пробежав его, тот вскинул брови и продиктовал вежливый отказ. Меморандум еще долго путешествовал по различным изданиям, пока не затерялся. Его пересказывали из уст в уста, но все равно он был известен только в узких кругах.

— Не понимаю, — удивилась Филлис с таким видом, будто была знакома с ситуацией не первый год, — почему его не напечатали издания типа «Ежедневных заметок» или «Объектива»? Разве это не в их духе? Или американская пресса?

— «Заметки» согласились, — ответил Малларби, — однако Бокер предупредил, что подаст в суд, если они только упомянут его имя. Бокеру нужна была либо публикация в солидном изда-

нии, либо вообще никакой. «Заметки» поискали ученого, который согласился бы поставить свою подпись под чужой работой, но никто на это не соблазнился. Тогда Бокер зарегистрировал свое авторское право на меморандум, положил статью в сейф, и на этом все кончилось. «Заметки» отступились — без авторитетного имени это пахло просто очередной сенсацией. С «Объективом» вышло примерно то же самое. Меморандум напечатала одна маленькая американская газетенка, но так как это было уже их третье сообщение об инопланетном вторжении за последние четыре месяца, то никто не обратил на статью никакого внимания. Другие издания посчитали, что их обвинят в стремлении нажить дешевый капитал на гибели экипажа «Кивиноу», и отказались от публикации. Но рано или поздно этот материал все равно окажется в газетах, с ведома Бокера или нет — не важно, но непременно без его призыва к дружескому контакту. А ведь это, как я понимаю, самое главное для ученого. Да, они обязательно напечатают меморандум, оставив исключительно комический и драматический аспект работы — эдакая страшилка. Фу! Мороз по коже...

— А какой еще прок от этой мешанины? — поинтересовался Беннел.

— Все-таки, как я уже говорил, необходимо признать, что Бокер — единственный, кому удалось создать целостную картину событий, связав, казалось бы, совершенно противоречивые данные. Правда, такое изобилие данных ipso facto* содержит в себе долю фантазии. Можно отрицать или критиковать его теорию, но это лучшее, что мы имеем на сегодняшний день.

Беннел покачал головой:

— Мы опять вернулись к началу. Ну предположим, что в Глубинах существует некий Разум... У нас нет доказательств, что он не может эволюционировать при давлении несколько тонн с такой же легкостью, как и при пятнадцати фунтах. Вам нечего мне противопоставить. Нельзя довольствоваться утверждением типа «аппарат тяжелее воздуха летать не может». Докажите мне...

— Вы заблуждаетесь. Бокер говорит о том, что Разум развился в условиях высокого давления, но он не мог этого сделать под влиянием остальных факторов наших Глубин. Что бы власти ни думали о Бокере, с некоторых пор они и сами считают, что там внизу — нечто разумное. Ведь они не в пять минут сконструировали глубинную атомную бомбу. Но в любом слу-

* тем самым (*лат.*).

чае, прав Бокер или нет, главное его предложение не выполнено. Сегодняшнюю бомбу трудно назвать дружественным шагом, к которому он призывал. — Малларби на минуту задумался. — Я несколько раз встречался с Бокером. Это культурный, либерально настроенный человек, со свойственным всем людям этого типа заблуждением — они думают, что и другие тоже либералы. До него не доходит, что обыватель при виде всего нового и необычного пугается и говорит: «Уничтожить и побыстрее!» Нам с вами уже доводилось наблюдать подобное.

— Но если, — возразил Беннел, — как вы говорите, власти верят в Разум на глубине, то тут, мне кажется, есть чего испугаться. Тогда все, что произошло сегодня, — не более чем возмездие. Вы не можете этого не признать.

Малларби скептически покачал головой.

— Мой дорогой Беннел, я не только могу признать, я это уже признал. Представьте себе, как нечто, подвешенное на веревке, опускается к нам из космоса; оно испускает всевозможные волны, вызывающие у нас чувство дискомфорта и даже страдание. Что бы вы сделали? Наверняка обрезали бы веревку и попытались обезвредить это нечто. А теперь представьте, что вслед за первым появляется второй, затем — третий... «Это похоже на вторжение», — говорите вы и принимаете соответствующие меры. С какой целью вы их уничтожите — с целью избавиться от состояния дискомфорта, из мести или любого другого чувства, — не важно. Итак, кого винить — себя или объект из космоса? В нашем случае — вопрос чисто риторический. Трудно предположить форму разума, которая не возмутилась бы тем, что мы сегодня совершили. Конечно, если бы это была единственная Глубина, причем необходимая нам как воздух, — другое дело. Но вы сами знаете, что это не так. Ну а во что это выльется, я думаю, мы скоро увидим.

— Вы и в самом деле ожидаете ответной реакции? — удивилась Филлис.

— Давайте снова прибегнем к моей аналогии и попытаемся представить себя на их месте. Нечто огромной и разрушительной силы опускается на ваш город. Ваши действия?

— Но что мы можем сделать?

— Ну, хотя бы натравить на это мальчиков из секретных лабораторий. Если это повторится еще раз...

— Вы слишком далеко заходите, Малларби, — прервал его Беннел. — Вы предполагаете почти параллельную степень развития.

— Да, — согласился Малларби, — но не забывайте о том, как были уничтожены наши корабли. Я предполагаю высокоразвитую технологию...

— Неужели поздно вернуться к предложению Бокера? — вставила Филлис. — Ведь пока сброшена всего одна бомба. И если не будет другой, то у нас есть надежда, что они сочтут первую просто природным катаклизмом.

— Увы, — Малларби снова покачал головой, — первая, но не последняя. Слишком поздно, дорогая миссис Ватсон. Две совершенно различные цивилизации на нашей маленькой Земле? Человечество этого не потерпит. Мы внутри себя не можем разобраться, а вы хотите... Боюсь, призыв Бокера вообще не имел шансов на успех.

Все произошло примерно так, как и говорил Малларби. К нашему возвращению с испытаний был упущен последний шанс. Каким-то образом «проницательная» общественность связала все события воедино, и ханжеская попытка выдать бомбардировку Глубин за обычные испытания провалилась. Чувство скорби по поводу гибели «Кивиноу» сменилось пламенным чувством мести.

Атмосфера была, как при объявлении войны. Вчерашние флегматики и скептики превратились в ярых поборников крестового похода против... как бы это выразиться... того, кто имеет наглость нарушать свободу навигации. Единодушие, с которым мир подхватил эту идею, поражало воображение. Все загадочные явления, произошедшие в последние годы, связывали теперь исключительно с тайнами Глубин.

Волна всемирного ажиотажа застигла нас во время однодневной остановки в Карачи. Город кишел историями о морских чудовищах и пришельцах из космоса. Независимо от Бокера несколько миллионов человек самостоятельно пришли к аналогичному выводу. Это навело меня на мысль — не согласится ли Бокер в создавшихся условиях на интервью. Я связался с И-би-си с просьбой выяснить, насколько это реально.

Бокер согласился на пресс-конференцию для избранных лиц, но, как мы потом узнали, этот брифинг мало что добавил к сценарию, написанному нами по пути из Карачи в Лондон. Он повторил свой призыв к поиску мирного решения проблемы — столь контрастный с общественным мнением, что он, естественно, и не был услышан...

Скоро мы еще раз убедились, что ненависть не может питать самое себя. Никто не в силах долго сражаться с ветряными мельницами. Ничего сверхъестественного, что могло хоть как-то оживить ситуацию, не происходило. Королевский Флот предпринял лишь один-единственный шаг — отчасти для удовлетворения общественности, отчасти из соображений собственного престижа: сбросил еще одну бомбу. В результате все побережье Южных Сандвичевых островов оказалось заваленным дохлой рыбой, от которой несколько недель в воздухе стояла жуткая вонь.

Сложилось мнение, что происходящее не соответствует нашим представлениям о межпланетной войне. А поскольку это не межпланетная война, то сам собой напрашивался вывод — это происки русских.

У русских, в свою очередь, даже и не возникало сомнения, что все это — дело рук капиталистических поджигателей войны. Когда же сквозь «железный занавес» просочились слухи о вторжении инопланетян, красные ответили следующими взаимоисключающими утверждениями: во-первых, все это — ложь чистой воды, попытка скрыть приготовления к войне; во-вторых, все это — правда, ибо капиталисты, верные себе, атаковали мирных, ничего не подозревающих инопланетян атомными бомбами; и в-третьих, правда это или нет, СССР будет непоколебимо бороться за мир во всем мире всем имеющимся в его распоряжении оружием, кроме бактериологического.

Одним словом, все возвращалось на круги своя. Люди говорили: «Ах, и не напоминайте мне об инопланетянах. Однажды я уже поверил в эту чепуху. Хватит! Стоит задуматься всерьез... Интересно, какую игру ведут русские? Непременно они что-то затевают, если здесь замешаны атомные бомбы».

Так, довольно скоро status quo ante bellum hyphotheticum* был восстановлен, и мы снова оказались в привычном положении взаимных подозрений. Единственный положительный результат — морская страховка подскочила на один процент.

— Нам не везет, — жаловалась Филлис. — Болидов все меньше и меньше, интереса к ним никакого. После первого погружения и то не было так скверно. До сих пор не понимаю, как мы упустили Бокера. Теперь его идея окончательно зашла в тупик. Впечатление такое, будто и впрямь ничего не происходит.

— Если бы ты внимательно читала газеты, — сказал я, — ты бы узнала, что на той неделе сброшено еще две бомбы: одна —

---

* положение, существовавшее до предполагаемой войны (*лат.*).

в бухте Падающих Кокосов, другая — во впадине Принца Эдуарда. Сейчас надо читать то, что напечатано мелким шрифтом.

— И чего они выбирают какую-то глухомань для своих бомбежек?

— Ни один цивилизованный регион не положит атомных бомб у своего порога, и никто их за это не осудит. Предложи мне хоть миллион, все равно я откажусь от зрелища дохлой рыбы.

— Может быть, нам стоит пойти в Уайтхолл и поговорить с твоим адмиралом?

— Он капитан, — поправил я, обдумывая эту мысль. — В прошлую нашу встречу мне показалось, ты произвела на него впечатление...

— Я тебя поняла. — Филлис не дала мне закончить. — Хм, тогда — обед во вторник. Однажды ты обнаружишь, что промахнулся и получил отставку.

— Прелесть моя, тебе же самой нравится водить всех за нос! Ты бы рассердилась, если бы я потребовал от тебя зарыть свой талант в землю.

— Все это прекрасно, милый, но мне хотелось бы знать, чей нос ты имеешь в виду?

Капитан Винтерс принял приглашение на обед.

— По-моему, — сказала Филлис, откидываясь на подушку и изучая потолок, — Милдред очень привлекательна.

— Да, дорогая, — не задумываясь, откликнулся я.

— Да?

Мы немного помолчали.

— Мне показалось, она отвечала тебе взаимностью, — заметила Филлис.

— Э... — промямлил я, — так, легкое увлечение.

— Вот-вот.

— Дорогая, ты ставишь меня в неловкое положение. Мне надо было сказать, что одна из твоих лучших подруг некрасива?

— Я не уверена, что Милдред — одна из моих лучших подруг. Но она действительно привлекательна.

— И все равно она не может сравниться с тобой. Ты у меня — сама искренность: глаза, улыбка... Ты — чудо. Да тебе это прекрасно известно. И, честное слово, ты была на высоте.

— А капитан тоже ничего! — увернулась Филлис.

— Можно подвести итог: мы провели вечер с двумя милыми, привлекательными людьми, не так ли?

Филлис что-то пробурчала.

— Любимая, не ревнуешь же ты меня в самом деле? Мой талант притворяться...

— Как-то внезапно он у тебя прорезался, дорогой, — оборвала меня Филлис.

— Я всегда сочувствовал мужчинам, толкущимся вокруг тебя.

— Мне они не нужны.

— Дорогая, — заметил я спустя некоторое время, — я начинаю сомневаться, стоит ли нам еще видеться с Милдред.

— М-м-м... и с капитаном тоже.

— А все-таки, что говорил тебе капитан?

— О, массу комплиментов! В нем определенно есть ирландская кровь.

— Давай от дел суетных перейдем к насущным. Итак, о чем вы говорили с капитаном?

— О чем? Да в основном он старался держать язык за зубами, а то, что мне удалось из него вытянуть, не очень-то утешительно. Местами — просто ужасно...

— То есть?

— В принципе, ничего не изменилось. Ни здесь, ни там — на глубине. Во всяком случае, никто не имеет ни малейшего представления о том, что нас ждет. Неизвестность нагнетает тревогу, и наши адмиралы боятся, как бы она не обернулась паникой. Из его объяснений я поняла, что все попытки исследования Глубин не увенчались успехом. Например, эхолокация. Они прощупали все дно, но ничего не определили. Вторичное эхо оказывалось настолько слабым, что понять, стайки ли это мелких рыб или более крупные существа, было невозможно.

Мало проку оказалось и от глубинных микрофонов: то абсолютная тишина, то невообразимое нагромождение звуков, подобное тому, что мы слышали из телебата. Помня о том, что случилось с исследовательским судном, они попытались использовать трос из токонепроводящего материала, но и он сгорел на глубине тысячи саженей. Телекамера, работающая в инфракрасном свете, расплавилась на глубине восьмисот саженей и замкнула половину их приборов; хорошо, что они догадались изолировать ее от судна.

С атомными бомбами покончено, во всяком случае, на некоторое время. Капитан сказал, что их разрешено использовать только в определенных местах — «у черта на рогах». Но все равно радиоактивность уничтожает несметное число промыс-

ловой рыбы. Рыбинспекция по обеим сторонам Атлантики подняла дикий гвалт и утверждает, что своими испытаниями ВМС нарушили естественный процесс миграции рыб, а заодно и всю экологическую систему. Правда, кое-кто из специалистов считает, что данных для подобных утверждений маловато, что все это может происходить и по другой причине. Бесспорно, это отразится на обеспечении продовольствием. Словом, общественность без понятия, чего еще ждать от бомб, кроме гибели рыбы и повышения цен, поэтому популярность их резко упала.

— Ну, все это мы знали и раньше, — заметил я.

— Тогда кое-что новенькое для тебя: из сброшенных бомб две не взорвались.

— И что?

— Не знаю. Но адмиралы явно перетрусили. Видишь ли, эти бомбы сконструированы так, что взрываются на заданной глубине от давления. Надежно и весьма просто.

— Значит, они не достигли области нужного давления и застряли где-то по пути.

— Все это было бы так, но дело в том, что в бомбы вмонтировано специальное устройство, срабатывающее в подобных случаях как часовой механизм. И вдруг произошла осечка. Вот это и беспокоит адмиралов.

— Все элементарно, мой дорогой Ватсон, — улыбнулся я, — вода попала в часовой механизм, чего-то там заклинило и...

— Во-первых, ничего там не заклинило, — холодно обрубила Филлис, — во-вторых, Ватсон — это ты, а в-третьих, видел бы ты при этом лицо Винтерса...

— Еще бы! Посеять парочку атомных бомб — не шутка, я бы на их месте тоже не прыгал от радости, — откровенно признался я. — Что еще?

— Еще три судна пропали без вести.

— Когда?

— Одно — полгода назад, второе — с месяц, третье — на прошлой неделе.

— Возможно, здесь нет никакой связи.

— Все может быть... Но капитан уверен в обратном.

— Сколько осталось в живых?

— Никого.

Мы помолчали.

— Что-нибудь еще? — спросил я.

— Подожди, дай вспомнить. Ах да... они разработали какой-то специальный снаряд убийственной силы, но не атомный. Правда, испытать не успели.

Я с восхищением посмотрел на свою жену.

— Вот это работка, дорогая. И ты еще говоришь, что капитан держал язык за зубами! Да у тебя мертвая хватка! Может быть, тебе удалось раздобыть и какие-нибудь чертежи или рисунки?

— Глупая твоя голова. В газетах нет публикаций только потому, что никто не хочет лишний раз волновать народ. Ни одна редакция не пойдет на это. Прошлый шум-гам настолько сократил число тиражей, что теперь рекламодатели ни за что не станут рисковать. Никто ведь не собирается звонить, например, во впадину Минданао и интересоваться, не хочет ли там кто-нибудь приобрести любопытную информацию.

— Пожалуй, ты права, — согласился я.

— Иногда и вояки проявляют здравый смысл, — задумчиво констатировала Филлис и добавила: — Хотя, возможно, он и умолчал о чем-нибудь.

— Наверняка, — поддакнул я.

— А! Самое главное, — спохватилась Филлис, — капитан обещал познакомить меня с доктором Матетом.

Я сел.

— Но, милая, после нашей последней передачи Океанографическое общество пригрозило отлучением всякому, кто посмеет связываться с нами. Это же часть их антибокеровской кампании.

— Да, но доктор Матет — друг капитана, он в курсе всех дел. И мы с тобой все-таки не отъявленные бокерианцы, не так ли?

— Кто знает, совпадет ли твое мнение о нас с мнением доктора Матета? Ну да ладно... Когда же мы встречаемся с ним?

— Полагаю, я увижу его через пару дней, милый.

— Не понял. Не хочешь ли ты сказать, любимая...

— Так мило с твоей стороны доверять мне.

— Но...

— Все, дорогой. Пора спать, — отчеканила Филлис.

Как потом рассказывала Филлис, Матет встретил ее обычными словами.

— И-би-си? — недоуменно воскликнул он. — Мне помнится, капитан Винтерс говорил про Би-би-си.

Это был довольно крупный худощавый человек с огромной шарообразной головой. Полированный загорелый лоб заканчивался, казалось, на самой макушке, и весь величественный купол его головы был обрамлен волнистыми седыми волосами. Слегка портили впечатление пучки волос, торчащие из ушей. Два горящих карих глаза, выдающийся римский нос, большой выразительный рот, тяжелый, чуть-чуть раздвоенный подбородок... — Филлис настолько образно описала мне этого человека, что я ясно представил, как он сутулился под тяжестью своей невообразимой ноши.

На его вопрос Филлис вздохнула и в очередной раз пустилась в рутинные объяснения о различии двух радиовещательных компаний, уверяя, что спонсорство отнюдь не означает продажность и бессодержательность. Матет нашел, что это новая и любопытная точка зрения. Тогда Филлис процитировала лучшие фрагменты из наших самых популярных передач, перечислила имена всех знаменитостей, которые когда-либо давали нам интервью, и постепенно, шаг за шагом, ей удалось убедить доктора, что мы — достаточно милые и даже мужественные люди, сражающиеся во славу передовых идей науки. А когда Филлис заверила, что имя доктора Матета не будет упомянуто ни при каких обстоятельствах, он понемногу разговорился.

Все его объяснения, выдержанные в строго академическом стиле, изобиловали несчетными силлогизмами и всевозможными специальными терминами. Филлис пришлось изрядно поломать голову над этой тарабарщиной. Я изложу лишь суть разговора, не вдаваясь в подробности.

С год назад появились сообщения об изменении цвета некоторых океанических течений. Так, в течении Куросио, на севере Тихого океана, впервые обнаружена необычная муть, уносимая на северо-восток и постепенно исчезающая в безбрежных просторах.

— Само собой, мы взяли пробы воды и подвергли их тщательному анализу, — сказал Матет. — И чем бы, вы думали, вызвано изменение цвета?

Филлис выжидающе молчала, и он сам ответил на вопрос.

— В основном илом от ракушек радиолярий с заметным вкраплением диатомового ила.

— Как интересно, — удачно нашлась Филлис. — И в чем же причина?

— О! — воскликнул доктор. — Вот вопрос! Изменение слишком значительно, чтобы приписать его к явлениям обычным. Даже

в образцах, взятых на другом конце океана — у берегов Калифорнии, мы обнаружили большой процент диатомового ила.

— Поразительно! И что же в результате?

— В результате? Очевидны лишь следствия, например, изменение миграций рыб. Совершенно естественно, что в воде, богатой диатомовыми водорослями...

Он еще долго продолжал в том же духе, а Филлис пыталась хоть что-нибудь уразуметь.

— ...но нас интересует первопричина. Я смотрю в корень. Что произошло в действительности? Как случилось, что иловые отложения поднялись с огромнейших глубин на поверхность в таких удивительных количествах?

Филлис почувствовала, что пора и ей вставить словцо.

— Может быть, это как-то связано с атомными бомбами? Мы там...

Доктор Матет так свирепо посмотрел на нее, что Филлис осеклась.

— Бомбы сбросили гораздо позже! И сомнительно, чтобы результат взрывов обнаружился в Куросио, а не у Мариан.

— А-а-а...

— Естественней предположить, что мы наблюдаем вулканическую деятельность на дне океана. Как известно, это область повышенной сейсмической активности. Однако сейсмографы не зарегистрировали ни одного толчка...

Матет пустился в долгие пространные рассуждения о вулканах и о том, что причина кроется, безусловно, не в них.

— Тем более, — поддержала его Филлис, — ил не оседает, и нечто нам неизвестное продолжает происходить там, на дне.

— Да, — согласился Матет и вдруг, спустившись с высот Олимпа, добавил: — Честно говоря, один Бог знает, что там за чертовщина.

Они поговорили еще немного, и Филлис выяснила, что изменения произошли не только в течении Куросио: глубоководные отложения поднялись недалеко от Гватемалы — в Монзунском проливе, и по другую сторону перешейка — в Москитском течении. Повысилась плотность воды в экваториальной зоне Атлантики, у берегов Австралии, а также во многих других местах.

Филлис старалась записать все, что нам могло пригодиться для передачи. Только в конце беседы ей удалось задать вопрос, который давно крутился у нее на языке.

— Доктор, — спросила она, — как вы думаете, насколько это серьезно? Лично вас это беспокоит?

Он улыбнулся.

— Нельзя сказать, что я не могу уснуть по ночам, если вы это имеете в виду. Нет, нас, как вы изволили выразиться, беспокоит то, что мы вдруг оказались некомпетентны в сфере нашей компетенции. Мы бьемся лбами о стену и ничего не можем понять. — Он беспомощно развел руками. — А что касается результатов, считаю, что они даже благоприятны: со дна поднят огромный плодородный слой питательного ила. Я ожидаю в ближайшем будущем снижения цен на рыбу, и тем, кто предпочитает рыбные блюда, остается только позавидовать. К сожалению, я не из их числа. — Он опустил голову. — Меня беспокоит только то, что впервые я не могу ответить на простое «почему» в области, где я всегда считался неплохим специалистом.

— Слишком много географии, — сетовала Филлис, — слишком много океанографии, слишком много батиографии, слишком много всяких «графий». Будь ты хоть семи пядей во лбу, отобрать из этой кучи что-либо путное, по-моему, невозможно.

— Хм, — промычал я.

— Никаких «хм»! Когда у тебя в одно ухо влетает, а в другое вылетает, что в этом хорошего?

— Не думала ли ты, что Матет выложит тебе готовенький материал на целую передачу? Мало-помалу кое-что накапливается, вот и еще одна капля. Огорчаться не стоит. Кстати, он никак не связывает это с болидами?

— Да нет. Я попыталась навести его на эту мысль, но он не отреагировал. Матета интересуют только факты, и вообще он был очень осторожен в высказываниях. Мне даже показалось, он сожалеет о том, что согласился на встречу. Знаменитость, не поддающаяся ни на лесть, ни на уговоры. Ничего, кроме фактов, никаких тебе гипотез или догадок. Одно желание — не подмочить репутацию, как уже случилось с Бокером.

— С Бокером?! — воскликнул я. — Как хорошо, что ты напомнила. Уж он-то наверняка в курсе всех событий и имеет на этот счет свою теорию.

— После той пресс-конференции он избегает общения с прессой. — Филлис покачала головой. — И неудивительно: такая шумиха! Слава Богу, мы не принимали в этом участия.

— Будем тянуть жребий — кому звонить? — предложил я.

— Я сама.

— Меня восхищает твоя непрошибаемая самоуверенность. Хорошо, давай.

Я развалился в кресле и с упоением слушал, как искусительница Филлис, пройдя через обычный ритуал объяснений касательно И-би-си — Би-би-си, очаровывает светило науки.

Нужно признать, Бокер имел смелость и силу пойти против общественного мнения и не отказаться от своей, ставшей в одно мгновение непопулярной, теории. Но он сразу же дал нам понять, что не имеет ни малейшего желания ввязываться в пустопорожние споры, так как ему совсем не улыбается вновь оказаться посмешищем для толпы.

Бокер сидел перед нами гордый и невозмутимый, слегка склонив набок голову с пышной седой шевелюрой.

— Вы хотите знать мою гипотезу потому, что у вас нет никаких мало-мальски приемлемых объяснений? Прекрасно, мне не составит труда ее изложить. Вряд ли вы с ней согласитесь, но в любом случае прошу не упоминать моего имени. Когда до всех дойдет, что я прав, тогда другое дело. Я не ищу дешевой славы и не желаю, чтобы обо мне думали как о мелком трибуне. Договорились?

Я кивнул.

— Мы просто хотим, — пояснила Филлис, — воссоздать цепь событий. Если с вашей помощью удастся отыскать недостающее звено, мы будем очень признательны. Ну а если вы нам не доверяете, это ваше право, и мы его уважаем.

— Мне нечего возразить, так что приступим. Теорию о происхождении глубинного Разума вы знаете, не буду ее повторять. А нынешняя ситуация представляется мне таковой... Существа... назовем их так, благополучно устроились в экологической нише и следующая их задача — обустроить новое жилище на свой лад. Ведь они — самые настоящие первопроходцы, колонисты. Чем, по-вашему, станет заниматься человек, прибыв на новое место? Благоустройством. И вот то, что мы наблюдаем сегодня, — и есть первый результат их деятельности.

— И чем же именно они заняты? — спросил я.

— Почем я знаю? — Бокер пожал плечами. — Учитывая то, как мы их встретили, думаю, чем-нибудь вроде защитных сооружений. Скорее всего они добывают металл. Во впадине Минданао, а также в глубинах юго-восточнее бухты Падающих Кокосов работы идут полным ходом.

— Э-э... но горнорудные работы в таких условиях... — До меня дошло, почему Бокер пожелал остаться инкогнито.

— Откуда нам знать, каков уровень их цивилизации? Я могу привести вам множество примеров, где мы сами добились того, что на первый взгляд абсолютно невозможно.

— Это при давлении-то в несколько тонн, в кромешной темноте... — начал было я, но Филлис так взглянула на меня, что я тут же прикусил язык.

— Доктор Бокер, — сказала она, — вы обозначили две конкретные точки Мирового океана. Почему именно эти?

Бокер перевел взгляд на Филлис.

— Как однажды заметил мистер Холмс знаменитому тезке вашего мужа: «Самая большая ошибка — строить теории на пустом месте. Но пренебрегать уже имеющимися данными — умственное самоубийство». Я обладаю неплохим воображением, однако не могу представить себе ничего другого, кроме сверхмощного насоса, перекачивающего бескрайние залежи ила на поверхность океана.

— Но, — влез я, становясь в позу (мне порядком надоели постоянные издевки призрака мистера Холмса), — если, как вы утверждаете, они добывают руду, то почему цвет меняется за счет ила, а не за счет грунта?

— Прежде чем достигнуть рудоносных пластов, молодой человек, необходимо пройти огромный пласт ила, это во-первых, а во-вторых, согласитесь, плотность песка и ила значительно разнится: песок просто не успевает достичь поверхности и под собственной тяжестью опускается на дно.

К сожалению, мне не дали возразить.

— А все-таки, доктор, почему вы упомянули именно эти два места? — Филлис просто зациклилась на своем.

— Я не утверждаю, что в других местах ничего не происходит, но исходя из расположения, полагаю, что если там и ведутся работы, то с какой-то другой целью.

— С какой? — воскликнула Филлис, глядя на Бокера с поистине детским любопытством.

— Коммуникации. Вот, посмотрите сюда, — Бокер развернул карту, — немного ниже экватора — впадина Романш. Это узкий перешеек в подводных рифах Атлантического хребта — единственный проход, связывающий бассейны западной и восточной Атлантики. Здесь начинается изменение окраски. Причина наверняка вот в чем: некто на дне, мне сдается, не удовлетворен состоянием прохода — возможно, он загроможден

обломками скал или мелковат, а может быть, слишком узок. Так или иначе, его как минимум нужно очистить от наслоений ила, что, видимо, и происходит. В общем, что бы то ни было, это каким-то образом связано с благоустройством.

Мы молчали, переваривая его слова.

— А вот эти две точки? — Филлис первая собралась с мыслями. — В Карибском море и Гватемальской котловине.

Бокер достал портсигар и предложил нам закурить, но мы вежливо отказались. Тогда он закурил сам, откинулся на спинку стула и, выпустив под потолок тонкую струйку дыма, произнес:

— Как вам понравится такая идея — туннель, связывающий Глубины по обе стороны перешейка? Вспомните историю Панамского канала.

В чем, в чем, а в узости мышления Бокера не упрекнуть, если уж он выдвигает теорию, так это действительно Теория. И что самое главное: еще никому не удалось его опровергнуть. Проблема в том, что бокеровские гипотезы совершенно неудобоваримы для нормальных людей. И как ни хороша была очередная его гипотеза, она костью застряла у меня в горле, что случается со мной нечасто, ибо я всегда считал себя чуть ли не шпагоглотателем. Так что до конца разговора я занимался тем, что пытался расправиться с этой злосчастной костью. У меня не было ни мыслей, ни слов, ни сил, чтобы хоть что-то противопоставить безукоризненной логике Бокера.

На прощание он подкинул нам еще один сюрпризик.

— Вы, конечно, слышали о двух невзорвавшихся атомных бомбах?

— Конечно...

— А что вы знаете о вчерашнем атомном взрыве, за который ни одна страна не взяла на себя ответственность?

— Вы думаете, что это одна из тех бомб? — неуверенно спросила Филлис.

— Почти уверен. Очень хотелось бы думать, что это не так, но... но вот что любопытно: одну бомбу сбросили у Алеут, другую — во впадину Минданао, а эта взорвалась недалеко от Гуама...

— Как жаль, — сокрушалась Филлис, — что в свое время я не была прилежной ученицей и наплевательски относилась к географии, которую бедняжка мисс Попл тщательно пыталась в

меня вдолбить. Каждый день всплывают какие-нибудь новые названия, о которых я сроду не слышала.

— Не унывай, — утешил я, — в военных сводках упоминаются такие названия, о которых сами географы порой не подозревают, не говоря уж о том, что на обычных картах они и вовсе не значатся.

— Вот опять... сообщают, что около шестидесяти человек смыло какими-то цунами́, прошедшими над островом Ростбифа. Где этот Ростбиф? И что еще за цунами́?

— Не цунами́, дорогая, а цуна́ми, по-японски — волна, гигантская волна, возникающая в результате подводных землетрясений. А где находится Ростбиф — понятия не имею, зато могу предположить целых два острова Сливового Пудинга.

— И что ты вечно корчишь из себя отличника, Майк? — Филлис осуждающе посмотрела на меня. — М-да, интересно, как это все нас коснется?

— При чем тут мы?

— Я о том, что сейчас происходит на дне.

— С чего ты взяла, что это не настоящие цунами, и связываешь с ними...

— Ах, — перебила меня Филлис, — как звучит: настоящие цунами, с ними, с нами, сними-снами... что еще случится с нами?

— Хорошо, — не выдержал я. — Давай попробуем разобраться.

— ...сними-снами...

— Если тебя это так волнует, можешь позвонить своему ученому другу Матету.

— ...настоящие цунами...

— У него непременно есть сводки. Он тебе скажет точно — настоящие они или ненастоящие, или...

— Ты уверен? А как они это узнают?

— Спроси чего-нибудь полегче. Узнают и узнают. Матет обязательно в курсе, если там что-то не так.

— Хорошо, — сказала Филлис и вышла из комнаты.

Не прошло и трех минут, как она вернулась.

— Настоящие цунами. Цитирую: «Небольшое сейсмическое возбуждение, произошедшее вблизи острова Святого Амброзия; долгота такая-то, широта такая-то». Кстати, Ростбиф — второе название острова Надежды.

— А где этот остров Надежды?

— А кто его знает. — Филлис беспечно махнула рукой.

Она взяла газету и села на диван.

— Как скучно, — сказала Филлис, сдерживая зевоту, — ничегошеньки не происходит.

— Пока... — резонно заметил я.

— Вчера звонил капитан Винтерс: за два месяца — ни одного сообщения о болидах.

— Он как-нибудь прокомментировал это событие? — Я достал сигарету.

— Нет, просто упомянул между делом.

— Бокер сказал бы, что закончилась первая фаза колонизации: его первопроходцы обустроились. Дальнейшее зависит от того, как они будут жить: либо — долго, либо в долгах.

— Я думаю — в долгах, а, как говорят русские: «Долг платежом красен».

— Плачу́ и пла́чу, плачу́ и пла́чу... — отозвался я. — Если бы кто-нибудь услышал домашнее чириканье лучшей специалистки по сенсациям, он смог бы составить нам конкуренцию.

Филлис пропустила мое замечание мимо ушей.

— Помнишь, о чем говорил Малларби? — спросила она. — Вот и я не могу понять, какое нам дело, что происходит на дне, почему мы не можем оставить их в покое и уступить ненужную часть мира?

— На первый взгляд вполне разумно, — согласился я. — Но Малларби имел в виду другое, и в этом я с ним абсолютно согласен — мы столкнулись не с разумом, а с инстинктом. Инстинкт самосохранения сопротивляется уже самой мысли о чуждом ему Разуме, и не без оснований. Трудно представить себе форму разума, если, конечно, не впадать в абстракцию, которая не попыталась бы переустроить среду обитания на свой лад. И как-то уж очень сомнительно, чтобы интересы двух форм разума совпадали; настолько сомнительно, что, думается, вместе нам никак не ужиться.

Филлис задумалась.

— Уж очень мрачно, Майк. Прямо какая-то дарвиновская перспектива.

— «Мрачно» — это, дорогая, эмоции. На самом деле такова жизнь. Представь, один вид живет в соленой воде, другой — в пресной. Настанет день, когда они расплодятся настолько, что им станет тесно в своих водоемах, и тогда одни ради своего удобства или продолжения рода — назови как хочешь — начнут опреснять моря, а другие... как бы это сказать... — подсаливать реки и озера. Только так и никак иначе.

— То есть ты за то, чтобы закидать океаны атомными бомбами?

— Дорогая, я за естественный ход событий. «Всему свое время» — это не я сказал. Если за летом следует осень, еще не значит, что осенью надо будет тащить лестницу и обрывать листья с деревьев.

— Действительно, с какой стати?

— Вот и я говорю...

— То есть ты против бомбежек? Я правильно тебя поняла?

— Да оставь ты бомбы в покое! Черт возьми, не в них дело. Пойми, как только у человека наметилась первая извилина в мозгу, он огляделся и увидел, что мир, в том виде, как он есть, его не устраивает. Думаешь, эти, там на дне, всем довольны? Черта с два. У нас есть все основания для подобного вывода. Или ты считаешь, что наши бомбежки им пришлись по вкусу? Как бы не так. Тут же напрашивается следующий вопрос: сколько осталось до прямого столкновения?

— Ты спрашиваешь меня? Ты сам прекрасно знаешь, что все началось с первой бомбы. Я тоже об этом сожалею.

— Жалеть уже поздно, дорогая. Теперь в их черном списке преобразований природы мы с тобой — на первом месте. А в том, как скоро они обезопасились от нашего оружия, есть нечто зловещее, словно они приготовились ко всему заранее. Будем надеяться, что эти твари останутся в своих Глубинах и не позарятся на наши владения. В противном случае хотел бы я знать, чем мы их встретим?

— Значит, ты все-таки за атомные бомбы, — подытожила Филлис.

— Бог мой! Милая, ни я, ни ты, ни весь Королевский Флот, никто не хочет сбрасывать эти бомбы: шуму много, а результат сомнительный. Однако я очень надеюсь, что наш доблестный Флот, «ополчась на море смут, сразит их противоборством»*. А вот какое оружие мы применим, зависит от времени, места и условий.

Филлис сидела, подперев рукой голову, невидящим взором уставившись в газету.

— Ты говоришь — «такова жизнь», ты в этом уверен? — спросила она немного погодя.

— Да, пусть даже из предположений Бокера верна только часть... нам с ними не ужиться на Земле.

— И когда, по-твоему, это случится?

* В. Шекспир «Гамлет, принц датский».

Я пожал плечами. Если представить, какие естественные препятствия должны преодолеть и те, и другие, чтобы добраться друг до друга, пройдет по меньшей мере не один десяток лет, а то и столетий.

Филлис снова вперилась в пустоту, и я, зная этот симптом, не собирался нарушать ее задумчивости. Мы долго молчали, пока вдруг в наступившую тишину не вкрался мягкий и тревожный полушепот Филлис.

— ...ветер, его полночные завывания и стоны утопают в нарастающем рокоте гневных волн океана... слышишь, где-то совсем рядом противно завизжала лебедка — это матросы сбросили за борт спасательную шлюпку. Ветер подхватил их хриплые, просоленные голоса и понес прочь. Тише! Что это? Я слышу чей-то голос, доносящийся словно из небытия: «одна сажень, две...» — шум ветра все тише, голос все отчетливей: «три сажени, четыре...» Какой-то мерный, неясный гул, гнусное чавканье рыб — мы погружаемся: «пять саженей...» — противное чавканье сменяется жуткой какофонией: «полное погружение!..» — тишина: пять секунд, десять... Нет, я не слышу, я — ощущаю каждой клеткой, ощущаю тяжелые стоны Глубин... мне страшно... что-то происходит... опять чей-то голос. Что, что он говорит?.. я не могу разобрать... о Левиафанах?! теперь я различаю каждое слово... о Боже! Какой нечеловеческий голос:

«...Самая... недоступная точка Земли — дно. Так было, есть и будет. Кромешная темнота. Мрак. Самая мрачная точка Земли. Так было, есть и будет до тех пор, пока не высохнут моря и океаны, и тогда растрескавшаяся, безжизненная планета будет нескончаемо вращаться по своей орбите, а жизнь на ней станет историей. Но это случится не раньше, чем Солнце высушит пять миль воды над нами. А пока — здесь Мрак. Мрак и Холод. Мрак, и Холод, и Тишина. И Покой. Пусть будет так. Мы так хотим.

Дно — самое лучшее и самое страшное место на Земле. Здесь правит сама Смерть. Вглядитесь, все устлано бренными останками цветущей некогда жизни. Биллионы и биллионы существ обрели здесь свой последний приют. Тишина... Гробница Мира. Вы говорите: «Нет! Ничто не может существовать Здесь», а мы отвечаем: «Мы. Ваши предки миллион лет назад тоже выкарабкались на берег, преодолев толщу вод, так что мешает нам?.. ждите нас, мы идем...»

А потом сразу вступаешь ты и говоришь о неизбежности столкновения двух Разумов. Затем я — о возможности взаимопонимания и все такое прочее. Как идейка?

— Если честно, то я не понял: что, для чего, зачем?

— Мне представляется это как передача из серии «Камо грядеши».

— Конечно, можно попробовать. Но... Ты хочешь показать картину новой жизни на примере завораживающих кельтских мифов?

— Приблизительно...

— Это ужасно, Фил. Говорить об этом в таком тоне? Не знаю. Давай лучше попробуем подготовить документальный материал. Вот тогда, я думаю, будет что-то.

— Может, ты и прав. Но, пока у нас нет материалов на передачу, я бы, на твоем месте, так не пренебрегала моей идеей. Впрочем, кажется, за фактами дело не станет. — Филлис неожиданно замолчала. — Иногда мне очень страшно, Майк. Так хочется, чтобы они убрались отсюда и побыстрее.

Я мысленно согласился с ней. Но к тому, что произошло дальше, не был готов никто.

ФАЗА ВТОРАЯ

Мы выехали рано утром. Машина была загружена еще с вечера, и, выпив по чашечке кофе, мы быстро тронулись в путь. Я посмотрел на часы — пять минут шестого.

Нам предстояла неблизкая дорога, что-то около трехсот миль, до небольшого коттеджа в Корнуэлле близ Константайна, некогда приобретенного Филлис на скромное наследство тетушки Хелен.

Я, конечно, предпочел бы дом где-нибудь в окрестностях Лондона, но Филлис, по ей одной ведомой причине, была непреклонна.

Коттедж Роз — так назывался наш скромный пятикомнатный домик из серого камня — стоял на юго-восточном склоне холма, поросшего вереском, розовый цвет которого и дал название коттеджу.

Это невысокий дом, с крышей почти до самой земли в чисто корнуэллском стиле, с фасадом, выходящим на реку Хелфорд, так что ночью всегда видны огни маяка на мысе Лизард, а днем открывается изумительный вид на изрезанное побережье Фалмутского залива. А если вы отойдете ярдов на сто от подветренной стороны холма, то вдалеке за Маунтским заливом различите острова Силли, за которыми — Атлантика.

Если же вам захочется прогуляться в Фалмут — пожалуйста, семь миль, за покупками в Хелстон — ради Бога, девять. И уж, коль скоро вы добрались до Корнуэлла, то понимаете, что не зря преодолели почти триста миль.

Мы использовали коттедж как временное пристанище — закинув в котомку накопившиеся заказы, идеи, задумки, мы вырывались недели на четыре, чтобы разгрести весь этот скарб, поработать извилинами, постучать на пишущей машинке в тишине благостного уединения. Отдохнувшие и посвежевшие мы возвращались в Лондон: бегали по магазинам, поддерживали

нужные и ненужные связи, работали, наконец! Вся эта суета продолжалась до тех пор, пока из глубины души не вырывался крик отчаяния, и тогда, наскоро покидав вещи в автомобиль, мы трогались в путь.

В то утро я нещадно гнал машину. Филлис мирно спала на моем плече, пока я не разбудил ее.

— Йовил, дорогая. Самое время перекусить.

Я оставил Филлис приходить в себя после сладкого сна, а сам пошел купить свежие газеты.

...Мы сидели за столиком, уплетали кашу и просматривали прессу.

В передовицах сообщалось о кораблекрушении, но поскольку корабль был японским, я подумал, что газетам, видимо, просто нечего больше печатать. Из голого любопытства я прочитал заметку под фотографией: «Японский лайнер «Яцухиро», курсировавший между Нагасаки и Амбоном, затонул при невыясненных обстоятельствах. Из семисот с лишним человек, находившихся на борту корабля, в живых осталось пять».

Странное дело: меня не покидает ощущение, что мы тут на Западе слишком экспрессивны, а они — на Востоке — чересчур инертны. Так, например, если в Японии обрушится мост, сойдет с рельсов поезд, или, как сейчас, затонет судно, это не вызовет таких эмоций, как случись нечто подобное у нас. Я не осуждаю японцев, но тем не менее это так.

— Посмотри, — вдруг сказала Филлис.

— В чем дело?

Она ткнула пальцем в газету. «Гибель японского лайнера у Молуккских островов» — гласило название. Точно такое же коротенькое сообщение, только вместо фотографии — схема района кораблекрушения.

— Тебе не кажется, что корабль затонул где-то совсем рядом с нашей старой знакомой — впадиной Минданао?

— Действительно, неподалеку.

Я внимательно ознакомился с сообщением. «Смерть в тишине обрушилась на спящий лайнер. ...Бедные дети... несчастные матери...» — Ну конечно, без этого нельзя! — «...вопили от ужаса... Обезумевшие женщины в ночных рубашках выскакивали из своих кают... Бедные матери с огромными от ужаса глазами, подхватив самое драгоценное в жизни — детей...» и так далее, и тому подобное. Если отбросить всех этих женщин и детей, вставленных корреспондентом лондонской редакции, дабы

выжать слезу у читателей, то вся заметка выглядела настолько беспомощной, что я вначале поразился, почему две столь авторитетные газеты предоставили событию первые полосы, но затем понял, что скрывалось за всеми этими дутыми страстями: «Яцухиро» непостижимо и загадочно, без всяких видимых причин, внезапно, как камень, пошел на дно.

Позже я раздобыл копию сообщения агентства и увидел, что оно в своей неприкрашенной лаконичности куда более тревожно и драматично, чем все эти рассуждения о «ночных рубашках»: «Причина не выяснена, море спокойное, повреждений не было. Корабль погрузился в воду менее чем за одну минуту без явных следов аварии. Взрыва не наблюдалось»... Так что в ту ночь не было ни криков, ни воплей. У японцев едва хватило времени продрать глаза, и вряд ли они успели сообразить спросонок, что произошло. Их почти мгновенно поглотила вода: никаких криков — одни пузыри, когда двадцатитысячетонный стальной гроб взял курс на дно.

Я поднял глаза на Филлис. Она задумчиво смотрела на меня, опершись подбородком на ладони.

— Неужели это то самое, Майк, так скоро?

Я замялся.

— Трудно сказать, тут столько надуманного... и я не могу судить... Подождем до завтра. Думаю, из «Таймс» мы узнаем, что случилось на самом деле. А может, и нет...

Дальше мы уже ехали куда медленнее и остановились один только раз в Дартмуте — на ленч.

Наконец, к середине дня, ужасно уставшие, мы добрались до места. И хоть я не забыл позвонить в Лондон, чтобы попросить прислать все вырезки о кораблекрушении, мне уже казалось, что трагедия на другом конце света столь же далека от маленького серого домика в Корнуэлле, как гибель «Титаника».

На следующий день «Таймс» сообщила о происшествии, но как-то уж очень вяло и осторожно, очевидно, в редакции и сами разводили руками. Совсем иного характера были вырезки, присланные нам с И-би-си: фактов — нуль, зато куча комментариев. «Покрыта тайной гибель японского лайнера «Яцухиро», ушедшего в вечность в ночь на понедельник у южных Филиппин и унесшего с собой более семисот жизней. Со времен загадки «Марии Целесты» мир еще не знал столь таинственного происшествия». «Создается впечатление, что лайнер «Яцухиро» займет достойное место в длинном списке неразгаданных тайн

моря. Тайна шхуны «Мария Целеста», которая была обнаружена дрейфующей у...» «Рассказы пяти оставшихся в живых японских моряков только сгущают мрак, окружающий судьбу судна «Яцухиро». Почему оно затонуло? Как это случилось? Почему столь внезапно? Неужели мы так никогда и не найдем ответа на эти вопросы, как не нашли ответа на вопросы, связанные с «Марией Целестой?» «Даже в наш век, в век науки, море продолжает ставить нас в тупик. Гибель «Яцухиро» — очередная неразрешимая загадка в истории мореплавания. Как и знаменитая «Мария Целеста»...»

— Майк, они что, все с ума посходили? Вот опять: «Трагическая гибель «Яцухиро» стоит в одном ряду с неразрешимой загадкой «Марии Целесты». Но ведь самое таинственное в случае «Марии Целесты» — это как раз то, что она не затонула. Все наоборот...

— Приблизительно так.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Все очень просто, дорогая. Это — такой «угол зрения» или «уровень мышления». Никто не знает и не понимает, почему затонул «Яцухиро», и причисляют его гибель к загадкам морей. Ну а «Мария Целеста» — первое, что приходит в голову из этой области. Другими словами, все зашли в тупик.

— Тогда я предлагаю выбросить весь этот мусор.

— А вдруг на что наткнемся? Давай почитаем. Не может же так быть, что мы единственные, до кого дошла связь событий... Читай внимательнее.

Мы просмотрели уже почти всю кипу вырезок, узнав массу сведений о «Марии Целесте» и ничего — о «Яцухиро», когда наконец Филлис издала громкое «А!» первооткрывателя.

— Вот, — сказала она. — Это уже что-то новенькое. Слушай: «Роскошный, сверкающий золотом лайнер «Яцухиро», построенный на деньги с Уолл-стрит, затонул при невыясненных обстоятельствах у берегов Филиппин. В то время когда растущая пропасть между неконтролируемыми доходами зажиточной буржуазии и стремительно снижающимся жизненным уровнем японских рабочих...» А, ну понятно.

— О чем это они?

Филлис пробежала статью глазами.

— Да ни о чем. Пишут, что капиталистический лайнер, до краев набитый награбленными деньгами, не выдержал подобной тяжести и пошел ко дну.

— М-да, интересное наблюдение, первая и единственная версия во всей этой куче бумаг. Игра, как видно, пошла не для слабонервных. Если вспомнить, какую кутерьму подняли рекламодатели во время последней паники, созданной газетами, я думаю, они теперь решили просто прикрыться «Марией Целестой». Но не собираются же они на этом успокоиться. У более солидных изданий все-таки не такие чувствительные рекламодатели. Я не представляю «Трибюн» или...

Филлис прервала меня.

— Майк, ты что, еще не понял — игра кончилась. Затонуло огромное судно, погибло семьсот человек!.. Это ужасно. Сегодня мне приснилось, что я заперта в тесной каюте, а изо всех щелей хлещет вода.

— Вчера... — начал я и остановился. Мне захотелось напомнить Филлис, как вчера она вылила целый чайник кипятка на ненавистных домашних муравьев. Уж наверняка их полегло более семисот. Но я вовремя опомнился и продолжал: — Вчера множество народа погибло в автокатастрофах, столько же погибнет и сегодня...

— Да при чем тут это?

Конечно, Филлис была права, я привел плохое сравнение, но говорить о существах, для которых мы — самые настоящие муравьи, мне не хотелось.

— Мы привыкли считать, — сказал я, — что естественная смерть — это смерть в постели на старости лет. Заблуждение. Смерть естественна в любом проявлении, и всегда — нежданна.

Но это тоже оказалась неподходящая тема, и Филлис ушла, оскорбленно стуча каблучками.

Я раскаивался.

Мы ждали объяснения, и на следующее утро оно появилось. Видимо, мы были не одиноки в нашем ожидании. Почти все газеты сразу подхватили его, а толстые еженедельники развили и углубили.

В двух словах это называлось «усталостью металла».

Дело в том, что в конструкциях «Яцухиро» впервые был применен новый сплав, разработанный японцами. Эксперты пришли к выводу, что при критической частоте вибрации двигателя не исключено нарушение структуры сплава. Поломка какой-нибудь детали может вызвать цепную реакцию. Другими

словами, при совсем незначительном толчке или ударе корабль разваливается на части и тонет.

Существовала, правда, маленькая оговорка — мол, дескать, пока не будут изучены останки судна, кристаллическая структура деталей, нельзя считать это окончательным выводом, но, так как корабль покоится на глубине шести миль...

И тем не менее все работы по постройке судов класса «Яцухиро» приостановили на неопределенное время.

— О светочи науки! — простонал я. — Как вы любите все притягивать за уши. Слабое утешение для родственников погибших и никакое — для остальных. Таинственная усталость металла! Заметь, не сварной шов, не какая-нибудь заклепка, а именно — общая усталость, без каких-либо уточнений: что за сплав, в каких деталях он применялся — ничего! И вообще — все в порядке: злосчастный сплав использовался исключительно на одном японском судне, а значит, остальным не грозят подобные напасти. И море! Море — безопасно, как всегда! В путь, ребята, ничего не бойтесь!.. Посмотрим, что они запоют, когда развалится очередная посудина.

— Но теоретически усталость возможна.

— В том-то и дело, что теоретически. И то я сомневаюсь. А главное, им все сойдет с рук. Общество проглотит это «объясненьице» и не поморщится. Специалисты тоже протестовать не станут, во всяком случае, пока.

— И я бы хотела поверить и, наверное, даже смогла бы, не знай я, где это произошло.

— Надо внимательно следить за ценами на акции корабельных компаний, — задумчиво произнес я.

Филлис подошла к окну и долго смотрела на синие воды, простирающиеся до горизонта.

— Майк, — неожиданно сказала она, — прости меня за вчерашнее. Я... эти японцы так меня расстроили. До сих пор мы играли в какие-то шарады, ребусы; смерть Вайзмана и Трэнта казалась несчастьем, недоразумением. Но это... это же совсем другое. Целый лайнер ни в чем не повинных людей! Отцы, матери, дети... всех в одно мгновение... Ты понимаешь меня? Для моряков риск — профессия, но эти несчастные... Мне не по себе, Майк, я боюсь. Там, внизу на дне... что там?

Я обнял Филлис.

— Не знаю. Мне кажется — это начало.

— Начало чего?

— Начало того, чего не избежать. В Глубинах — чуждый нам Разум, мы ненавидим и боимся его. Тут ничего не попишешь, это происходит на уровне инстинкта, подсознания. Случайно на улице ты сталкиваешься с пьяным или сумасшедшим, тебя охватывает страх, и этот страх тоже иррационален. Это — животный страх.

— Ты хочешь сказать, что если бы причина крылась в каких-нибудь китайцах, все было бы иначе?

— А ты сама как думаешь?

— Я?.. Я не уверена.

— Точно знаю, я бы рычал от возмущения. Меня бьют ниже пояса, я знаю — кто и поэтому могу сориентироваться и дать сдачи. Но так, как это происходит сейчас, когда у меня только смутное представление — «кто» и никаких предположений — «как», я весь холодею при мысли «почему». Вот так, Фил, если тебя это интересует.

Она крепко сжала мою руку.

— Я рада, Майк. Вчера я вдруг почувствовала себя такой одинокой.

— Хорошая моя, это всего лишь напускная небрежность, защитная маска. Я пытаюсь обмануть самого себя...

— Я запомню, — произнесла Филлис со значением, но я не уверен, что правильно ее понял.

Гости врывались в наше уединение стихийным бедствием — всегда посреди ночи, как гром средь ясного неба. То они неверно рассчитали время, то — переоценили возможности автомобиля, то еще что, но обрушивались они, как тайфун, вечно голодные, с одной мыслью об яичнице с беконом.

Гарольд и Туни не явились исключением. В субботу, часа в два ночи, меня разбудил визг тормозов их машины. Выйдя на улицу, я увидел, что Гарольд уже вытаскивает из багажника вещи, а Туни подозрительно озирается по сторонам. Увидев меня, она воскликнула:

— О, это действительно здесь! Я только что говорила Гарольду, что мы, наверное, ошиблись, потому что...

— Да-да, конечно, — начал я оправдываться, ведь Туни была у нас впервые, — стоило бы посадить парочку розовых кустов. Все от нас только этого и ждут... кроме соседей.

— Я говорил ей, — пробурчал Гарольд, — но она не поверила.

— Ты мне всего лишь сказал, что в Корнуэлле роза — это не роза.

— Да, — подтвердил я, — здесь так называют вереск.

— А почему бы тогда для ясности не переименовать дом в коттедж Вереска?

— Проходите, — сказал я, закрывая тему.

Иногда просто диву даешься, почему твои друзья женятся на тех, на ком женятся. Я знаю как минимум трех девушек, которые составили бы Гарольду великолепную пару: одна, например, могла запросто сделать ему карьеру, другая... ну, да ладно. Туни, безусловно, красивее, но... есть, на мой взгляд, некоторое различие между комнатой, в которой живешь, и комнатой с выставки «Идеальный дом». Как говорит Филлис: «Откуда может взяться у девушки с именем Петуния то, чего не хватало ее родителям».

Подоспела яичница с беконом, и Туни пришла в восторг от нашего миланского столового сервиза. Она с расспросами накинулась на Филлис, а я тем временем решил разузнать у Гарольда, что ему известно об «усталости металла». Он работал в престижной конструкторской фирме в отделе конъюнктуры и ассортимента. Кое-что Гарольд должен был знать. Он бросил беглый взгляд на Туни — казалось, на всем белом свете ее интересует только сервиз.

— Нашей фирме это не нравится, — коротко сказал он и тут же переключился на неполадки своей машины.

Обычно такие разговоры невообразимо скучны, но в три часа ночи они прямо-таки действуют на нервы. Я уже было открыл рот, собираясь покончить с «неполадками» точно так же, как минуту назад Гарольд разделался с «усталостью», но тут Туни издала странный звук и повернулась ко мне.

— Усталость металла! — Она захихикала.

Гарольд попробовал вмешаться.

— Мы говорили о моей машине, милая.

Но Туни машина не интересовала.

— Хи-хи, усталость металла, хи-хи... — Она явно напрашивалась на вопрос.

Однако в четвертом часу ночи не до расспросов. С нашей стороны это не было невежливостью, обыкновенная самооборона. Гарольд поднялся со стула.

— Уже поздно, — сказал он, — пора...

Но Туни не из тех, кого легко смутить. Она принадлежала к тому типу женщин, которые считают, что их мужья, вступив в брак, уже один раз сваляли дурака, и не стоит ждать от них ничего путного впредь.

— Господи, — просвистела она, — неужели здесь верят этой чепухе?

Я поймал удивленный взгляд Филлис. Еще вчера я говорил, как газетчики здорово одурачили простаков, а тут, на тебе, Туни первая же и опровергла меня.

— Но почему же? — возразила Филлис. — «Усталость металла» отнюдь не новое явление.

— Конечно, — согласилась Туни, — недурно сработано. В этот бред могут поверить даже вполне разумные люди. — Она обвела нас испытующим взглядом.

Мне захотелось возразить, но я вовремя посмотрел на Филлис. «Не суйся не в свое дело» — явственно читалось в ее глазах.

— Но это же официальная версия, — сказала она. — Все газеты...

— Ах, милочка, вы верите газетам?! Неужто? Конечно, без официального мнения — никак, но и то, они это сделали лишь потому, что дело в японцах. Ах, как это напоминает Мюнхен.

При чем тут Мюнхен? Я ничего не понимал.

— Поясни, пожалуйста. Я не поспеваю за твоей мыслью, — мягко попросила Филлис.

— Ну это же ясно, как божий день! Они сделали это один раз — им сошло с рук, но дальше будет хуже. Здесь обязательно надо занять твердую позицию. Политика соглашательства ни к чему хорошему не приведет, это факт. Мы давно должны были ответить на их провокации.

— Провокации?

— Ну да. Подводный Разум, болиды, марсиане и прочая ахинея.

— Марсиане? — Филлис явно была ошеломлена.

— Ну, нептуняне, не важно. Не понимаю, почему его до сих пор не арестовали?

— Кого?

— Бокера, конечно. Говорят, едва его приняли в университет, как он тут же вступил в партию. С тех пор так и работает на них. Само собой, он не сам все это придумал, нет. Придумали в Москве и использовали Бокера, ведь он такой авторитетный ученый. История о Разуме под водой обошла весь мир, и множе-

ство народа поверило в этот бред. Но теперь с этим покончено. В задачу Бокера входило подготовить почву для... ну, вы меня понимаете.

Да... мы начинали понимать.

— Но ведь русские обвиняют нас, — робко вставил я.

— Не выдерживает критики, — отвергла Туни. — Они оседлали своего любимого конька и обвиняют нас в том, в чем виноваты сами.

— То есть все, от начала до конца — ложь?! — уточнила Филлис.

— Естественно, ну как вы не понимаете? Сначала они закидали нас летающими тарелками, затем — кроваво-красными аэросферами... Господи, это же так просто! Потом эти обитатели морских Глубин, так умело преподнесенные Бокером. А чтобы запугать нас еще больше, они перерезали парочку тросов и даже потопили несколько лайнеров.

— Э-э... а каким образом? — не выдержал я.

— Своими новыми миниатюрными подводными лодками, которые они использовали против несчастных японцев. Вот увидите, они будут продолжать топить корабли. История с «усталостью металла» только для отвода глаз, скоро опять вернутся к бокеровским подводным чудовищам. И это весьма дурно, потому что пока люди верят в эту дрянь, призывы к ответным мерам не достигнут ушей нашего правительства.

— Значит, версия с «усталостью металла» предназначена только для того, чтобы успокоить народ? — спросила Филлис.

— Ну правильно! — Туни обрадовалась, что ее наконец поняли. — Наше правительство ни за что не согласится признать, что это происки красных, тогда от него сразу потребуют принять ответные меры. Нет, оно никогда не пойдет на это — уж слишком велико их влияние здесь, у нас. И вот власти прикидываются, что верят в бокеровские бредни. Что ж, пускай. Когда все выплывет наружу, они предстанут перед миром в довольно глупом виде. Пока все нормально: корабль японский, русские далеко. Но это — пока. Народ уже начал выражать свое недовольство и требует от правительства твердой позиции.

— Народ? — удивился я.

— Народ в Кенсингтоне, и не только в нем.

Филлис принялась убирать тарелки.

— Просто удивительно, насколько, живя здесь, в глуши, ты оторван от остального мира, — сказала она, словно ее замуровали в коттедже.

Гарольд подавился дымом и закашлялся.

— Слишком много свежего воздуха, — объявил он и, демонстративно зевнув, взялся помогать Филлис.

На следующий день мы пополнили наши сведения о коварных намерениях русских, однако зачем им понадобилось топить безобидное пассажирское судно, так и осталось невыясненным. Все воскресные выпуски газет пестрели сведениями об «усталости металла», и Туни, по-моему, прекрасно провела время, пролистывая их с улыбкой посвященного.

Что бы ни думали в «Кенсингтоне, и не только в нем», в Корнуэлле прекрасно приняли официальную версию. В баре «Пик», к примеру, нашелся свой собственный эксперт по части кристаллических структур. Это был старый горняк, который с удовольствием делился воспоминаниями о всевозможных поломках горнорудной техники и объяснял их исключительно хрупкостью металла по причине длительной вибрации.

— Шахтеры, — утверждал он, — на много лет опередили ученых. Мы уже давным-давно знали про усталость, только называли иначе.

Слушатели с пониманием кивали, так как события на море во все века интересовали жителей Корнуэлла.

Гарольд выглядел озабоченным.

— Меня, похоже, ждет горячее времечко, — сказал он грустно, когда мы вышли из бара. — Муторное дело. Придется всем доказывать, что наша продукция не подвержена «усталости».

— Зачем? Ведь покупателям без ваших товаров все равно не обойтись?

— Все это так, но конкуренты... они будут из шкуры лезть, чтобы доказать, что их продукции не страшна никакая «усталость». Если в этой ситуации мы не поступим точно так же, нас поймут превратно. Придется увеличивать ассигнования... Черт бы побрал этот проклятый корабль! Превратись он в черепаху, это никого бы не удивило и все было бы нормально. А теперь столько хлопот на мою голову и ничего утешительного на горизонте. Не знаю, благодарить ли за это единомышленников Туни или кого другого, но факт остается фактом: число отказов плыть морем пропорционально возросшему количеству желающих лететь самолетом. И еще, ты не обратил внимание на акции судоходных компаний?

— Да, а что?

— Вот тут и впрямь худо. А их акции продают не друзья Туни... Это сколько же людей не верят ни в «усталость», ни в «красную угрозу»?!

— Ну а ты?

— Нет, конечно же, нет. Но не в этом дело. Я не из тех, кто влияет на цены акций. А вот если те, кто способен влиять на цены, вдруг забеспокоятся, заволнуются — тогда все к черту. Мне плевать, есть там кто на дне или нет, я боюсь новой экономической катастрофы... А тут еще вы!

— От нас твоей экономике никакого вреда, даже если бы мы захотели, ничего бы не вышло — многострадальная правда, увы, не перевешивает мирового производства. Не скажу, что у нас за пазухой нет материала на пару передач, но последнее время из наших источников не было ни одного сообщения о подводной жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Примерно то, что если у тебя вложен капитал в судоходство, я бы на твоем месте, пока не поздно, продал свои акции и вложил в авиакомпании.

Гарольд издал протестующий стон.

— Знаю-знаю, вы с Фил на этих болидах собаку съели, но хоть какое-нибудь практическое решение у вас есть?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда о чем говорить?! Что вы можете предложить, кроме библейского «горе мне, горе»? Чего вы добились после этой проклятой бомбежки? Перепугали уйму народа, подорвали производство... в общем, пострадали все и главное — без толку. Какого труда стоило привести людей в чувство! — Гарольд в отчаянии махнул рукой. — А вы опять за свое. Зачем зря будоражить народ, может, там, на дне, ничего и нет.

— А от чего, по-твоему, затонул японский лайнер? Какая польза от страуса, зарывшего голову в песок?

— Так безопаснее для головы, Майк.

Когда я передал Филлис наш разговор, то с удивлением обнаружил, что она полностью согласна с Гарольдом.

— Игра стоит свеч, когда есть практическая польза. В данном случае пользы нет, — без тени сомнения изрекла Филлис. — Всю жизнь нас окружают люди и вещи, о которых мы почти ничего не знаем. Пойми, Майк, обнажать истину без цели — распутство. Ух!.. Каков афоризм, а? И куда я дела записную книжку?

* * *

Гарольд с Туни уехали, и мы снова принялись за дела. Филлис с завидным усердием раскапывала, что еще не сказано о Бекфорде из Фонтхилла, а я занимался менее литературным трудом — корпел над составлением серии о королевских браках по любви, условно названной «Королевское сердце, или Венценосный купидон».

Незаметно пролетел месяц. Внешний мир почти не вторгался в наше добровольное заточение, Филлис преспокойно завершила сценарий о Бекфорде, написала еще два и вернулась к своему нескончаемому роману. Да и я благополучно отмыл королевскую честь от политического презрения и настрочил парочку-другую статей.

В погожие дни мы бросали дела, шли к морю, купались или брали напрокат лодку.

О «Яцухиро» все будто забыли, но термин «усталость металла» прочно прижился среди местных жителей, им обозначали всяческие незадачи — все, что касалось странным и необъяснимым. В обиход вошли всевозможные «усталости» — усталость фарфора, стекла и прочего. Болиды и все с ними связанное казалось таким нереальным, что мы тоже, забыв обо всем, наслаждались тишиной и покоем.

И тут в пятницу вечером в девятичасовой сводке новостей сообщили, что затонула «Королева Анна».

Сообщение, как всегда, было очень коротким: «...Никакими подробностями не располагаем, число жертв пока не установлено... «Королева Анна» — рекордсмен трансатлантических рейсов, судно водоизмещением девяносто тысяч тонн...»

Я наклонился и выключил радио.

Филлис закусила губу. В ее глазах стояли слезы.

— Боже мой, «Королева Анна»!

Я достал носовой платок.

— Майк, это мое любимое судно!

Я придвинулся к Филлис, и мы долго сидели обнявшись, вспоминая Саутгемптон, где видели судно в последний раз. Божественное творение — нечто среднее между живым существом и произведением искусства, горделиво уносящееся в открытое море. Мы тогда молча стояли у причала и смотрели, как тает на воде пенная дорожка.

Я прекрасно знал Филлис и понимал, что мысленно она уже там, на корабле: обедает в сказочных ресторанах, танцует в

шикарных бальных залах, прогуливается по палубе и переживает вместе со всеми то, что случится.

Я еще крепче прижал ее к себе. Как хорошо, что органы моего воображения расположены значительно дальше от сердца, чем у Филлис.

Спустя четверть часа зазвонил телефон, я снял трубку и с удивлением узнал голос Фредди.

— Привет! Что случилось? — спросил я, понимая, что десять часов вечера — несколько странное время для звонка директора отдела новостей.

— Боялся, что не застану. Слышали новости?

— Да.

— Отлично. Срочно надо что-нибудь о подводной угрозе. На полчаса.

— Но послушай, совсем недавно от меня требовали даже не намекать.

— Все меняется, Майк. Теперь — нужно! Не сенсации, нет. Заставь всех поверить, что на дне что-то есть...

— Фредди, если это розыгрыш!..

— Срочное и ответственное задание.

— Больше года меня считали полным кретином, раздувающим сумасшедшие бредни, а теперь ты звонишь в такое время, когда на вечеринках заключаются идиотские пари, и говоришь...

— Черт побери, Майк, я не на вечеринке. Я в своем офисе и, похоже, проторчу здесь до утра.

— Объяснись.

— Я как раз собирался... Понимаешь, слухи. Невообразимые слухи, будто это дело рук русских. И какого черта всем взбрело в голову, что красные начнут именно так. Люди взбудоражены настолько, что могут смести все в одночасье, не оставив и камня на камне. Так называемые любители лозунга «Мы им покажем!» воспользовались моментом. Идиоты, скоты... Их необходимо остановить. Они вынудят правительство подать в отставку, чего доброго, предъявят русским ультиматум или что-нибудь еще похлеще. Версия об «усталости металла» не пройдет, это понятно. Поэтому и всплыли вы со своими Глубинами. Завтра мы должны дать материал. В игру включилось Адмиралтейство. Мы вышли на несколько научных светил: в следующей сводке уже будут кое-какие намеки... Би-би-си не отстает, американцы вовсю развернули кампанию... Так что, если желаешь внести свою лепту, не медли.

— Я понял. На полчаса. В каком стиле?

— Интервью с учеными. Серьезно, деловито и чтоб кровь не леденило от ужаса. Не злоупотребляй заумными терминами. Материал для нормального смышленого человека с улицы. Главное — обыденно. Предлагаю фабулу: угроза серьезная и развивается быстрее, чем ожидалось. Удар, нанесенный нам, страшен, но ученые, объединив усилия, найдут средства дать отпор et cetera*. Осторожный, но уверенный оптимизм. Договорились?

— Попробую, но, честно говоря, оптимизмом здесь не пахнет.

— Это не важно, главное, чтобы слушатели прониклись. Твоя задача: убедить всех, что для их же пользы выкинуть из головы антирусский вздор. Если это удастся, мы отыщем возможность подкрепить твою версию.

— Думаешь, в этом будет нужда?

— Что ты имеешь в виду?

— После «Яцухиро» и «Королевы Анны»... мне кажется, они не последние. Там, на дне, видимо, не на шутку обиделись...

— Я ничего не хочу знать. У тебя есть дело, займись им. Закончишь — позвони, продиктуешь. Надеюсь, ты позволишь распорядиться материалом по нашему усмотрению?

— Хорошо, Фредди. Ты получишь то, что хочешь. — Я повесил трубку и повернулся к Филлис. — Дорогая, для нас есть работенка.

— Только не сегодня, Майк. Я не могу...

— Ладно, справлюсь сам. — Я пересказал ей пожелания Фредди Виттиера. — Для начала думаю выбрать стиль, придумать тезисы, а затем повыдергивать из старых сценариев подходящие отрывки. Ах черт, ведь они остались в Лондоне!

— По-моему, мы их знаем почти наизусть, а заумничать, как сказал Фредди, не стоит. — Филлис помолчала. — У нас с тобой неважная репутация, мы можем с треском провалиться.

— Если утром газеты сделают свое дело, то недоверия к нам поубавится. Наша задача — лишь закрепить...

— Нам нужна твердая позиция. Первое, о чем нас спросят: «Если все так серьезно, почему вы молчали? Почему до сих пор ничего не сделано?» Что ты ответишь на это?

Я почесал затылок.

— А если так: «Без сомнения, трезвые понимающие люди Запада восприняли бы это известие вполне нормально, но какой реакции ожидать от остального, более эмоционального и

* и так далее (*лат.*).

легко возбудимого населения планеты? Его реакция непредсказуема. Поэтому в интересах дела мы сочли необходимым не волновать аудиторию в надежде, что наши ученые предотвратят опасность раньше, чем она выползет на поверхность и возбудит тревогу общественности». Ну как?

— Лучше не придумаешь, — одобрила Филлис.

— Дальше — предложение Фредди об ученых умах, которые собираются вместе и всю мощь современной науки и техники вкладывают в месть и предотвращение опасности. Это — святой долг по отношению к погибшим и крестовый поход за безопасность океанов.

— Тем более что так оно и есть, — с ноткой поучения произнесла Филлис.

— Почему ты всегда считаешь, будто то, что я сказал — я сказал случайно?

— Ты всегда начинаешь так, словно истина — не более чем случайность, а заканчиваешь, как сейчас. Это раздражает, Майк.

— Я исправлюсь, Фил. Я напишу все, как надо. Иди спать, а я тут займусь делом.

— Спать?! С какой стати?

— Но ты же сама сказала, что не можешь?..

— Не говори чепухи. Неужели я могу тебе доверить одному готовить такой важный материал?!

Наутро, около одиннадцати часов, я в полубредовом состоянии, спотыкаясь, спустился на кухню, составил на поднос чашки с кофе, тосты, вареные яйца и на ощупь поднялся наверх.

Было уже больше пяти утра, когда я закончил диктовать в Лондон наш совместный труд. К этому времени мы настолько выбились из сил, что не соображали уже, хорошо получилось или нет.

— Давай сходим в Фалмут, — предложила Филлис.

Мы пошли в Фалмут и не преминули посетить четыре наиболее известных портовых бара.

Фредди оказался прав. Разговоры о красной угрозе не сходили с уст: бурные — между двойными виски и рассудительные — среди бокалов пива. Эта точка зрения наверняка бы победила, если б не единодушие, с каким утренние газеты взвалили ответственность на подводных существ. Такая солидарность создала впечатление, что антирусские настроения — выдумка местных консерваторов и экстремистов.

Однако это еще не означало, что все поверили новой версии. Многие помнили первую панику, быстро сменившуюся попыткой все высмеять. И вот сейчас людям опять предлагали резко изменить свое мнение. Но серьезные обзоры ведущих газет пресекли насмешки, и люди задумались: а вдруг действительно в этом что-то есть?!

— Завтра возвращаемся в Лондон, — объявила Филлис. — Ты достаточно раскопал морганатических браков, а там нас ждет интересная работа на нашу общую тему.

Филлис выразила мое желание. По обыкновению, мы еще затемно оставили коттедж Роз.

Вернувшись на лондонскую квартиру и включив радио, мы услышали о гибели авианосца «Мериториус» и лайнера «Карибская принцесса».

Насколько помню, «Мериториус» в момент гибели находился в Средней Атлантике, в восьмистах милях к юго-западу от островов Зеленого Мыса, «Карибская принцесса» — милях в двадцати от Сантьяго-де-Куба. Оба корабля затонули в течение двух-трех минут, и в живых не осталось ни одного человека. Трудно сказать, кого это потрясло больше — британцев, потерявших новенькое военное судно, или янки, лишившихся одного из лучших пассажирских лайнеров. Я уж не говорю о том, что и те, и другие были потрясены гибелью «Королевы Анны» — общей гордости трансатлантических рейсов. Всех обуяло неистовое негодование, но настолько жалкое и беспомощное, что оно напоминало чувства человека, которого кто-то в толпе ударил в спину, и вот он стоит, сжав кулаки, и озирается, не зная, кому дать сдачи.

Большинство американцев поверили в подводную угрозу и подняли такой ор о необходимости решительных мер, что он тут же перекинулся на Англию.

В пивбаре на Оксфорд-стрит я на собственной шкуре прочувствовал весь спектр общественных настроений.

— Почему, я вас спрашиваю?! — расходился какой-то толстяк. — Если в самом деле на дне сидят какие-то твари, почему мы их не атакуем? За что мы платим Флоту? Или у нас нет атомных бомб? Разбомбить их, к чертовой матери, пока они нам еще забот не подкинули! Или мы так и будем сидеть сложа руки, а они будут думать, что им все дозволено! Что, у нас не хватит сил показать им, где раки зимуют?! Ага, спасибо. Да, светлого...

Кто-то припомнил дохлую рыбу.

— К черту, — не унимался толстяк, — океан большой, ни хрена с ним не случится. Или пусть разработают что-нибудь другое, не атомное.

Кто-то предположил, что океан как раз слишком большой для игры в прятки, но ему тут же возразили.

— Правительство твердит: Глубины, Глубины. Все болтают об этих Глубинах. Тогда почему бы не шарахнуть по этим Глубинам, не задать им, как полагается. Эй, кто заплатил за этот бокал? Ваше здоровье!

— Я тебе отвечу, — откликнулся сосед, опрокидывая залпом полбокала, — если тебя интересует. Потому что все это — пыль в глаза, и только! Глубины, Глубины... скажите, пожалуйста! Расскажи это своей бабушке. Марсиане, как же! Ты мне вот на что ответь: наши корабли тонут? Тонут. У янки, у япошек — тоже? Тоже. А у красных тонут? Дудки. Вот и ответь: почему?

— Потому что весь их флот — раз, два и обчелся.

Кто-то вспомнил, что русские тоже когда-то потеряли судно и подняли дикий гвалт.

— Эх, вы... Да разве это подтвердилось?! Русские и не на такие выдумки способны.

— Болтать можно сколько угодно, — подвел черту джентльмен в шляпе, — но я скажу так: «Спасибо, старина, хватит. Мне бы, например, спалось спокойней, если бы я знал, что кто-нибудь хоть что-то делает».

Скорее всего американское правительство допекли подобные требования, и оно отдало приказ сбросить бомбу в Каймансkую впадину, недалеко от места гибели «Карибской принцессы». Вряд ли они надеялись на какой-либо результат от подобной бомбежки наугад в районе площадью 1500 миль.

Это ожидаемое событие вызвало неслыханный резонанс по обе стороны океана. Американцы гордились, что они первыми подняли «карающий меч возмездия», а мои оскорбленные соотечественники выражали своему правительству презрение, демонстративно приветствуя намерения Штатов.

Как сообщалось, флотилия из десяти кораблей вышла в море, имея на борту изрядное количество специальных глубинных бомб, не считая двух атомных. Это было праздничное, торжественное шествие под всеобщее бурное одобрение, заглушившее одинокий протестующий голос Кубы.

Всякий, слышавший прямую трансляцию, никогда не забудет вдруг изменившийся голос диктора: «...кажется... Что это?.. О Боже! Он взорвался!..» — и эхо взрыва, вырвавшееся из динамика. Затем снова бессвязное бормотание комментатора и еще один взрыв. Грохот, паника, крики, звон корабельных колоколов и вновь задыхающийся голос диктора: «Первый взрыв, который вы слышали, — это эсминец «Каворт», второй — фрегат «Редвуд», на его борту одна из атомных бомб, сконструированная так, чтобы взорваться на глубине пяти миль... Оставшиеся восемь кораблей флотилии на полном ходу покидают опасный район. Я не знаю, и никто не может сказать, сколько времени у нас в запасе. Думаю, несколько минут. Палуба ходит ходуном... мы стараемся из всех сил... Все взоры обращены туда, где затонул «Редвуд»... Эй, кто-нибудь! Кто знает, сколько нам осталось?.. Дьявол, кто-то же должен знать... Мы уходим, мы уходим так быстро, как можем... другие тоже... Все пытаются унести ноги... Кто-нибудь! Каких размеров может быть взрывная воронка?.. Ради Бога... Неужели никто ни черта не знает?!. Мы спешим из всех сил, может быть, нам удастся... Господи, сколько осталось?.. Может быть... может быть... ну быстрее, ради Бога, быстрее... Давай, жми на всю катушку! Пусть все провалится, быстрее... Кто-нибудь, сколько эта чертова посудина будет тонуть?! Пять минут, прошло пять минут... Все еще живы... Почти наверняка мы покинули район основной воронки. Господи, у нас есть шанс. Дай нам его использовать... Идем, все еще идем. Все смотрят назад, смотрят и ждут. Неужели он еще не достиг дна? Наверное, нет. Слава Богу... Уже больше семи минут. Может, она не взорвалась? Или глубина меньше пяти миль? Почему никто не может сказать? Сколько этот ад будет длиться?! Худшее, должно быть, позади. Остальные суда кажутся уже белыми точками... Живы, Господи... пока живы... Все глядят назад... Боже! Море...»

На этом месте передача оборвалась.

Правда, диктор остался жив. Его судно и еще пять из всей флотилии вернулись без повреждений, но слегка радиоактивные.

В офисе ему сразу влепили выговор «за использование ряда выражений, оскорбивших слушателей пренебрежением к Третьей Заповеди».

В тот же день все споры прекратились сами собой. Нужда в нашей пропаганде полностью отпала. Скептики были посрам-

лены, все удостоверились, что в Глубинах есть Нечто, и это Нечто — очень опасно.

Над миром прокатилась волна тревоги. Даже русские, преодолев национальную сдержанность, признали, что потеряли три судна: одно исследовательское — восточнее Камчатки и два, без уточнения, снова у Курил. «Вследствие этого, — объявили они, — мы выражаем свое согласие на сотрудничество со всеми силами доброй воли во имя преодоления угрозы, с целью установления мира во всем мире».

На следующий день правительство Ее Величества предложило провести в Лондоне военно-морской симпозиум по вопросам изучения проблемы. Симпозиум продлился три дня и, по мнению правительства, был весьма своевременным.

Начались повальные отказы от билетов на морские рейсы; перегруженные авиакомпании были вынуждены объявить предварительную запись. Курс судоходных компаний резко пошел на убыль, увеличились цены на продукты, все виды табака исчезли с прилавков. Правительство наложило ограничения на продажу нефтепродуктов и готовило систему служб жизнеобеспечения.

— Ты только загляни на Оксфорд-стрит, — говорила мне Филлис за день до открытия симпозиума, — раскупают все подряд! Особенно ситец. Самый задрипанный лоскут продается втридорога. Все готовы глаза друг другу выцарапать за тряпки, на которые неделю назад никто бы и внимания не обратил. Исчезло все до последнего клочка. Видно, припрятывают на складе, надеясь потом продать еще дороже.

— В Сити, говорят, то же самое, — подхватил я. — Похоже, скоро можно будет купить судоходную компанию, имея в кармане пару монет. Зато ни за какое состояние не удастся приобрести акции авиафирм. Цены на сталь возросли, на резину, на пластик — тоже. Единственно, чей курс пока стабилен — пивоваренные заводы.

— Я видела на Пиккадилли одну парочку, они грузили в «роллс-ройс» два мешка кофе... — Филлис вдруг осеклась, до нее только сейчас дошли мои слова. — Ты продал акции тетушки Мэри?

— Давно, — улыбнулся я, — и вложил деньги... гм-м... довольно забавно, в производство авиамоторов и пластика.

Филлис благосклонно кивнула, причем с таким видом, будто я выполнил ее распоряжение. Затем ей в голову пришла другая мысль.

— А как насчет пропусков для прессы на завтра? — спросила она.

— Пропусков на симпозиум не было вообще, но объявлена пресс-конференция.

Филлис уставилась на меня.

— Не было?? Они думают, что творят?!

Я пожал плечами.

— Сила привычки. Когда они готовят грандиозную кампанию, то сообщают прессе ровно столько, сколько считают нужным, и, как правило, с большим опозданием.

— Однако...

— Знаю, Фил, но нельзя же требовать от спецслужб измениться за одну ночь.

— Какая глупость. Совсем как в России. Там есть телефон?

— Дорогая, это же международный симпозиум! Не собираешься ли ты...

— Естественно, собираюсь. Чушь какая-то!

— Но учти: с кем бы из высокопоставленных особ ты ни захотела связаться, тебе скажут, что он только что вышел.

Это ее остановило.

— Никогда не слышала подобной бредятины, — пробурчала Филлис. — Как, по их мнению, мы должны делать наше дело?

Говоря «наше дело», Филлис подразумевала совсем не то, что имела бы в виду еще несколько дней назад. Наша задача внезапно изменилась. Теперь мы уже не убеждали общественность в реальности невидимой угрозы, а поддерживали моральный дух и пытались не допустить паники.

И-би-си завела новую рубрику — «Парад новостей», где мы, сами того не заметив, оказались в роли неких специалистов — океанических корреспондентов.

В действительности Филлис никогда не состояла в штате компании, да и я расстался с И-би-си уже пару лет назад; тем не менее, кроме отдела выплат, никто, по-моему, этого не заметил. Генеральный директор, ошибочно полагая, что мы его подчиненные, требовал от нас укреплять моральный дух общества, хотя зарплату нам начисляли не как прежде — раз в месяц, а поштучно и как придется.

Но о какой нормальной работе может идти речь, когда нет никакой возможности добыть стоящую информацию. Мы немного поговорили на эту тему, и я, оставив жену, пошел на И-би-си, в свой офис, которого, по существу, у меня не было.

Около пяти позвонила Филлис.

— Милый, — сказала она, — запомни, ты пригласил доктора Матета на ужин — завтра в клубе в девятнадцать ноль-ноль. Я буду с вами. Понял?

— Понял, дорогая.

— Я объяснила ему ситуацию, и он согласился со мной — это абсурд. Хотела пригласить и Винтерса — ведь они друзья, — но тот сказал, что служба есть служба, и отказался. Я встречаюсь с ним завтра за ленчем, ты не против?

— Не возьму в толк, дорогая, почему служба не есть служба при встрече тет-а-тет? Ну да ладно, можешь погладить себя по головке — ты хорошо поработала. Я ценю порыв души доктора Матета. Лондон сейчас переполнен всякими «ографами», которых он не видел много лет.

— Уж да. Теперь он в один день увидит их целую кучу.

На этот раз Филлис не пришлось улещать доктора Матета. Облокотясь на стойку, с шерри в руке, он напоминал мессию.

— У спецслужб свои правила, — изрек он. — Мы — дело другое. С меня никто не брал никаких обязательств. Я считаю своим долгом довести до общественности основные факты. Вы, конечно, читали официальное заявление?

Конечно, мы читали это заявление. В нем содержался чуть ли не приказ — всем судам держаться как можно дальше от Глубин до особого распоряжения. Естественно, что многие капитаны поступали так и раньше, но теперь, заручившись правительственной поддержкой, они могли ссылаться на это при любых разногласиях с судовладельцами.

— Какой-то чертежник, гордый, как индюк, своей работой, обозначил опасные области глубиной более двадцати тысяч футов, — сказал я, — а сейчас рвет на себе волосы, потому что кто-то ему сказал, что Глубины начинаются с двадцати пяти тысяч.

— Ученым советом принято считать опасную зону с четырех тысяч, — поправил Матет.

— Как?! — дико воскликнул я.

— Саженей.

— Двадцать четыре тысячи футов, милый. Надо все умножать на шесть, — ласково разъяснила мне Филлис и, пропустив мимо ушей мои благодарности, обратилась к доктору: — А по-вашему, с какой глубины?

— Откуда вы узнали, что я не согласен с мнением совета, миссис Ватсон?

— Вы использовали пассивную конструкцию, — мило улыбаясь, ответила Филлис.

— А говорят, что все нюансы речи лучше всего передает французский! Что ж, признаюсь. Я рекомендовал три тысячи пятьсот саженей, но судовладельцы встали на дыбы.

— Однако! — удивилась Филлис. — Я считала, что это — военно-морской симпозиум.

— Так-то оно так, но адмиралы не хотят ронять свой престиж. А их престиж прямо пропорционален безопасной площади Мирового океана.

— Выходит, очередной псевдосимпозиум? — огорчилась Филлис.

— Надеюсь, что нет.

Мы прошли к столику. Филлис легкомысленно болтала о том о сем, а затем изящно вернулась к разговору.

— В прошлый раз мы говорили об иле, вы тогда недоумевали. О чем вы думали?

Матет улыбнулся.

— О том, о чем и сейчас: изгою всегда труднее добиваться своей цели. Бедняга Бокер даже теперь, когда все согласились со второй половиной его теории, все равно остается изгоем. Я не имел возможности публично разделить с ним предположение о горных работах, но ничего другого не мог себе представить. И, как однажды заметил гений с Бейкер-стрит вашему тезке...

Я перебил его:

— Но вы ведь и не хотели присоединиться к одинокому голосу вопиющего в пустыне Бокера?

— Не хотел. И не я один. Провал Бокера предостерег нас от преждевременных высказываний. Кстати, вы знаете, что течения опять изменили цвет, то есть вернулись в первоначальное состояние?

— Да, капитан Винтерс говорил мне, — сказала Филлис. — Но в чем причина? — произнесла она с таким видом, будто и не звонила Бокеру, как только Винтерс сообщил ей эту новость.

— Если принять гипотезу горных работ... — Матет пустился в занудные объяснения. — Представьте, что вы откачиваете грунт: сначала у вас образуется небольшая воронка, она все расширяется, но с ее краев постоянно скатывается песок — песок всего

лишь прообраз ила. Он скатывается до тех пор, пока воронка не станет достаточно широка. Наконец вы достигаете твердых пород; можно представить, какой это долгий и титанический труд. Так вот, если принять гипотезу Бокера, то, видимо, они перекачали весь ил и добрались до твердых пород. Трудно представить масштабы проделанной работы, ведь необходимо убрать колоссальные залежи ила! Но если это так, то все объяснимо: дейтрит слишком тяжел, чтобы подняться выше, чем на пару сотен футов.

Филлис смотрела на Матета такими глазами, что трудно было заподозрить ее в том, что все это ей прекрасно известно и более того — что у нее уже готов сценарий передачи именно на этом материале.

— Теперь все ясно, доктор, — невозмутимо произнесла она. — Вы так доступно объясняете. Значит, нам точно известно место проведения работ?

— Да, мы можем сказать об этом с большой степенью точности, — согласился он. — И это будут первоочередные цели для наших ударов.

— Как скоро?

— Вот это уже не в моей компетенции, но думаю, этот день не за горами. Любая отсрочка может произойти только по техническим причинам. Вопрос в том, насколько большой район океана мы позволим себе заразить радиацией? Имеем ли мы право на непродуманный риск? И еще масса подобных вопросов.

— И это все, что мы можем сделать в качестве ответных мер?

— Это все, что известно мне. В настоящий момент главный упор — на безопасность мореплавания, а это не моя область. Тут я могу сказать только то, что сам знаю лишь по слухам.

Матет поведал, что, насколько ему известно, корабли подвергаются двум видам нападения (или трем, если считать поражение электричеством, что случалось пока крайне редко). Но самое интересное, что ни одно из них не взрывчатое.

Во-первых — вибрация. Вибрация такой интенсивности, что суда буквально рассыпаются на части за одну-две минуты.

Во-вторых — средство, менее туманное по природе, но более загадочное по своим возможностям, поражающее корабли ниже ватерлинии. Учитывая скорость, с какой тонули жертвы, и тот факт, что воздух, сжатый в корпусе, с грохотом вышибал палубы, можно предположить, что какой-то таинственный инструмент не просто пробивает обшивку, а как бы начисто срезает дно судна.

Еще до начала симпозиума Бокер выдвинул гипотезу, что существуют некие периметры обороны вокруг глубоководных районов. Он подчеркнул, что не представляет труда сконструировать механизмы, покоящиеся на заданной глубине и активизирующиеся только при приближении цели — таков принцип работы акустических и магнитных мин. Но само устройство механизма, способного резать сталь, как нож — масло, не мог вообразить даже Бокер.

Из-за скудности имевшихся данных, оспорить или развить эти предположения никто не мог.

— Я считаю, — сказал доктор Матет, — что самое главное сейчас — успокоить людей, объяснить им, что ничего сверхъестественного в этом нет. Надо пресечь глупую панику, в которой повинна исключительно фондовая биржа. Верно: нас застигли врасплох, но верно и то, что мы, как всегда, найдем средства отвести опасность. И чем быстрее люди поймут это, тем лучше для них. Именно поэтому я и согласился на встречу с вами. В настоящий момент создается множество различных комиссий, и, как только там разберутся, что в этой войне нет вражеских агентов и шпионов, думаю, появится много полных, откровенных сообщений.

На этом мы и расстались.

Я и Филлис старались изо всех сил, убеждая народ, что «твердая рука уверенно держит руль, и наши парни из секретных лабораторий, создавшие на своем веку всевозможные чудеса техники, не подведут. Дайте им пару дней — они горы своротят и покончат с напастью». И, надо сказать, у нас возникло приятное ощущение, будто спокойствие постепенно возвращается.

Возможно, основным стабилизатором обстановки стал серьезный инцидент в одном из технических комитетов. Поступило предложение испытать в качестве контроружия торпеды с дистанционным управлением. Все согласились, но встала на дыбы делегация России.

— Дистанционное управление, — заявили русские, — изобретение наших ученых, значительно опередивших капиталистическую науку Запада, и бессмысленно ждать, что мы подарим свое открытие подстрекателям войны.

Оратор с западной стороны заверил, что уважает пыл, с которым Советы борются за мир во всем мире, и отдает должное

советской науке, за исключением, конечно, биологии, но хотел бы напомнить, что цель встречи — консолидация всех сил перед лицом общей опасности.

Глава советской делегации усомнился, что Запад, обладай он подобным устройством контроля, какое изобрели русские инженеры, поделился бы своим открытием с советскими людьми.

Ему возразили, уверив, что Запад имеет устройство, о котором говорит советский делегат, и еще раз напомнили о целях симпозиума.

Срочно был объявлен перерыв, после которого русские, связавшись с Москвой, выступили с заявлением, что, мол, даже если признать истинность подобных утверждений, то не возникает сомнений — империалистические акулы украли секрет устройства у советских ученых. Учитывая ложные заявления и открытое признание в шпионаже, в равной степени демонстрирующие незаинтересованность Запада в продолжении диалога и в разрешении задач симпозиума, у делегации не остается другого выбора, как покинуть зал заседаний.

Эта акция русских убедила всех в нормализации положения и надолго успокоила растревоженный мир.

Что касается вибрационного оружия подводных обитателей, то комиссия по этой теме уверила, что уже проведены некоторые испытания, которые дали весьма обнадеживающие результаты.

На третий день, создав Комитет исследований и сотрудничества, включивший в себя представителей ЮНЕСКО, Постоянного комитета действия, Комитета военно-морского сотрудничества и других организаций, симпозиум завершил работу.

И тут среди всеобщего умиротворения раздался одинокий голос Бокера, как всегда резко диссонирующий со всеми остальными.

— Хоть время и упущено, — вещал он, — может быть, еще не поздно попытаться договориться с жителями Глубин. Они продемонстрировали человечеству технологию, равную нашей, если не превосходящую. Обитатели дна в пугающе быстрое время не только сумели обосноваться в океане, но и создали мощное средство защиты. Мы должны не только по достоинству оценить их возможности, но и отнестись к ним уважительно. Ведь при столь огромном различии в условиях существования серьезное столкновение интересов человечества с данным ксенобатическим разумом невозможно!

Как ни была горяча речь Бокера, из всех его слов до людей дошло только два — «ксенобатический разум», мгновенно переиначенный в «ксенобат».

— На языке, да не в голове, — с горечью заметил Бокер. — Если их интересуют только греческие слова, могу предложить еще одно — Кассандра.

Запрет избегать больших глубин дал положительные результаты: в течение нескольких недель не было ни одного сообщения о затонувших судах. Биржи угомонились, восстановилось спокойствие, число пассажиров хоть и медленно, но начало расти. И, несмотря на продолжавшиеся загвоздки с транспортом, стало казаться, что многострадальное человечество в который раз было обращено в панику любителями сенсаций.

А в это время мозговые центры спецслужб упорно работали, и месяца четыре спустя Адмиралтейство объявило, что некое военно-морское соединение, экипированное новейшим оружием, направляется в район испытаний южнее мыса Рейс, недалеко от места гибели «Королевы Анны».

На не слишком горячее пожелание прессы участвовать в испытаниях последовал категорический отказ. Никто из моих знакомых, впрочем, и не горел желанием присоединиться к экспедиции. Вполне возможно, власти просто не хотели рисковать больше необходимого или, может, их сбил тот прохладный энтузиазм, с которым пресса настаивала на своих правах. Но, так или иначе, ни одного корреспондента ближе чем на судах сопровождения не было, так что информацию из первых рук мы могли получить только от кого-нибудь из команды испытательных судов.

Филлис, познакомившись с одним молоденьким лейтенантом — прямым очевидцем событий, затащила его к нам на обед. После нескольких рюмок он разговорился.

— Самая настоящая конфетка, — убеждал он нас. — Хоть, по правде говоря, до испытаний не очень-то в это верилось, да, в общем, никто и не скрывал своих сомнений.

Где-то милях в пятидесяти мы бросили якорь и принялись готовиться. Ух, скажу я вам, эта антивиброфиговина вначале жутко бьет по мозгам. И кто ее только назвал «анти». Жужжит, как муха, действует на нервы; полуслышишь-получуешь, но потом — ничего, как родная.

Вообще, надо сказать, мы были нашпигованы что надо! Еще одна штуковина, эдакая металлическая акула (парни-разработ-

чики назвали ее «Дельфин», но точно — акула) — сразу рвет футов на двести вперед и пристраивается на глубине пяти саженей. «Дельфин» этот, конечно, под контролем, но чуть что — сразу сигнал и пошел на цель. Как он эту цель обнаруживает, радиус его действия, почему по нам не шарахнет — не знаю, в этом я не секу. Если вам чего такого надо, вы лучше обратитесь к разработчикам, а если в общих чертах, то — примерно таким образом.

Ну, приготовились мы, спецы-разработчики кончили крутить-вертеть все, что только можно, и приступили. «Дельфин» — впереди, корабль жужжит, как улей, у всех аж под ложечкой засосало, у меня, во всяком случае, точно. Команда, на всякий пожарный, в спасательных жилетах, даже свободные от вахты.

Три часа — ни черта. Уже когда стали закрадываться сомнения — не чухня ли вся эта затея, вдруг из мегафона: «Пошел «Дельфин-1», подготовить «Дельфин-2». Не успели вывести «Дельфин-2», первый достиг цели, и еще как! Взрыв, и тысяча тонн воды в небо! Мы, как положено, отсалютовали, спустили «Дельфин-2» и подготовили «Дельфин-3».

Рядом со мной стоял одни из их ученой команды — рот до ушей. «То, что там взорвалось, — говорит, — было под большим давлением. Сам по себе «Дельфин» взрывается раза в четыре слабее».

Мы строго держались курса и, как ястребы, вглядывались в океан. Минут пять, наверное, прошло, пока опять не затрещал мегафон: «Пошел «Дельфин-2», спустить «Дельфин-3». На этот раз море взметнулось много быстрее, чем в прошлый. Спустили «Дельфин-3» и снова стали ждать. Долго ничего не происходило, и вдруг мерзкое жужжание, которое к тому времени все перестали замечать, резко изменилось, и мы сразу обратили на него внимание. Этого типа, который стоял со мной, как волной смыло: он издал какой-то нечленораздельный звук и скрылся в лаборатории (тоже мне, соорудили прямо на палубе сарай и назвали его лабораторией). А жужжание все нарастало, пока не перешло в дикий вой. Палуба дрожала! Все схватились за свои спасжилеты и тряслись от страха.

И было от чего. Прямо перед нашим носом взорвался «Дельфин-3», взрыв намного слабее, чем предыдущие, но все равно ощущение не из приятных. Разработчики решили, что он взорвался сам по себе, от подводной вибрации. Тут из лаборатории вылетел один из их братии, весь взбудораженный, и приказал запус-

кать антивибромашину. И запустили: сбросили на дно несколько сферических контейнеров и принялись ждать, когда там жахнет, пока не поняли, что ничего не будет. Примерно так.

Потом из сарая донесся восторженный шум и оттуда гурьбой вывалились спецы, хлопая друг друга по плечам и пожимая руки.

Где-то через час с большим грохотом взорвался «Дельфин-4». Ученые совсем обалдели, скакали по палубе, целовались и распевали «Пароход Билл». Ну вот, пожалуй, и все.

Лейтенант был хорошим парнем, да неважным источником информации. Но уж очень нам хотелось послушать очевидца, хотя мы и сами приблизительно знали, как работает «Дельфин» и что сброшенные на дно сферы предназначены для поражения источника вибрации.

Успешные испытания мгновенно отозвались эхом на фондовой бирже. Сразу возник спрос на «Дельфинов», акции судоходных компаний несколько стабилизировались, но цена фрахта оставалась высокой — судовладельцы стремились покрыть расходы на покупку «Дельфинов». Оснащение судов требовало времени, цены росли буквально на все.

Однако темпы вооружения достигли такого размаха, что уже через полгода и Лондон, и Вашингтон позволили себе высказываться с оптимизмом. Премьер-министр обратился к парламенту с таким заявлением: «Битва выиграна. Наши суда, оснащенные новым оружием, вернулись на свои обычные маршруты. Правда, мы уже были свидетелями того, что победить в одном сражении — не значит одержать победу во всей войне. Мы обязаны помнить об этом. Разбойник с большой дороги, коим до сих пор остается скрытый противник, не дремлет и подстерегает нас на жизненно важных трассах океанических просторов. Сколько несчастий мы претерпели от него! И хотя мы победили в решающей схватке, все равно должны помнить об опасности. Нельзя позволить себе ни на минуту расслабиться в борьбе с коварным врагом.

Мы используем все завоевания и достижения человечества, весь наш разум, чтобы победить Антихриста, скрывающегося в океанских безднах. И пусть знания о нем ничтожны и еще никто не сталкивался с ним воочию, и пусть для нас, живущих под Солнцем, он так и останется безымянным и бесформенным порождением Тьмы — я верю, мы пройдем до самого конца по тернистому пути и победим. В борьбе мы познаем врага: его природу, его силу, а главное — его слабость, и тогда люди наши,

как флаг Свободы, поднимут паруса над безбрежной гладью океана и выйдут в море, встречая на пути своем лишь те опасности, которые в старые добрые времена встречали их отцы».

Но уже спустя месяц всего за какую-то неделю погибло более десяти судов. Чудом оставшиеся в живых утверждали, что «Дельфины» работали безупречно — подвели антивибраторы, которые не смогли предотвратить распада судна на куски.

И сразу — правительственное уведомление: «До тех пор, пока не будут проведены повторные испытания, всем судам не рекомендуется курсировать в районах Глубин».

Примерно в это же время появились два сообщения, незаслуженно обойденные вниманием: одно из Сафиры, другое — с острова Апреля.

Сафира — бразильский островок в Атлантическом океане, с населением не более ста человек. Примитивные условия, почти натуральное хозяйство, полное отсутствие интереса к делам внешнего мира... Говорят, что эти люди — потомки португальских мореплавателей, спасшихся после кораблекрушения и вынужденных обосноваться на острове в восемнадцатом веке. К тому времени, когда их обнаружили, они уже прочно вросли в эту землю и никуда не собирались возвращаться. Тот факт, что из граждан Португалии они превратились в подданных Бразилии, их не волновал. Символическая связь с приемной матерью-родиной поддерживалась небольшим корабликом, раз в полгода доставляющим на остров различные грузы. Обычно он возвещал о своем приближении протяжным гудком; сафирцы выскакивали из своих домиков и спешили к крохотному причалу, где покачивались их рыбачьи посудины.

На этот раз сирена гудела напрасно: никто не выбегал из деревянных хижин, никто не приветствовал прибывший с материка корабль, только стая птиц кружила над гаванью. Снова и снова раздавался над островом протяжный вой сирены, но, кроме пернатых, никто так и не отозвался на этот зов. Тишина. Даже привычный дымок не курился над трубами.

С корабля спустили шлюпку, и несколько матросов под командой помощника капитана налегли на весла. Подплыв к причалу и поднявшись по каменным ступенькам на крутой берег, они, чуя недоброе, остановились, вслушиваясь в тишину.

— Может, они уплыли? — нарушил безмолвие один из матросов.

— Н-да, — отозвался помощник капитана и, набрав полную грудь воздуха, крикнул, будто доверял своим легким больше, чем корабельной сирене.

Но в ответ — тишина. Только замирающее эхо прокатилось над бухтой.

— Н-да... Что ж, пойдем посмотрим.

Чувство неуверенности, охватившее матросов, заставило их держаться вместе. Гурьбой они шли за офицером, пока не приблизились к первой постройке.

— Фу, — выдохнул помощник капитана, распахнув ногой незапертую дверь.

На грязном столе в тарелке смердело несколько протухших рыбин. В остальном же по здешним понятиям было чисто и прибрано: постели расстелены на ночь, никаких следов беспорядка или поспешных сборов, все говорило о том, что хозяева вышли на пару минут. Но тухлая рыба и остывшая в очаге зола...

И во втором, и в третьем домике они застали точно такую же картину. В четвертом — матросы обнаружили в люльке мертвого младенца.

Подавленные и озадаченные, они вернулись на корабль.

Капитан связался с Рио. Из столицы приказали прочесать остров.

Команда неохотно сошла на берег, матросы старались держаться группами, но, ничего не обнаружив, почувствовали себя увереннее.

Поиски продолжались три дня. На вторые сутки в горных пещерах они наткнулись на десять трупов, шесть из них принадлежали детям. Очевидно, люди умерли от голода с неделю назад.

Третий день поисков ничего не дал, команда обшарила остров вдоль и поперек, но, кроме трех десятков одичавших овец и коз, ничего не нашла.

Они похоронили покойников, передали в Рио полный отчет и снялись с якоря.

Известие об этом событии прозвучало лишь в вечерних новостях, да некоторые газеты выделили ему пару строчек. Остров получил прозвище — «остров Марии Целесты», и вскоре о нем забыли.

То, что произошло на острове Апреля, долго бы не всплыло на поверхность, если бы не случай.

Группа яванских повстанцев, называемых то контрабандистами, то террористами, то коммунистами, то патриотами, то фанатиками, то просто смутьянами, доставляла правительству немало хлопот. Индонезийская полиция сбилась с ног, пока выявила и уничтожила их штаб-квартиру; повстанцы потеряли свое влияние на территории в несколько квадратных миль. Рядовые члены — мелкие сошки — растворились в толпе праздношатающихся оборванцев, но двум десяткам вдохновителей и организаторов восстания, за чьи головы обещали высокую награду, исчезнуть было гораздо сложнее.

Учитывая характер местности и находившиеся в распоряжении силы, индонезийские власти отказались от немедленного преследования мятежников, решив дождаться информатора, который рано или поздно заявится к ним, соблазнившись легкой наживой.

Уже за первый месяц объявилось несколько доносчиков, но все они остались без награды: всякий раз преступникам удавалось вовремя улизнуть.

Власти уже решили, что дело безнадежно, когда год спустя в Джакарту прибыл человек с донесением к правительству. Это был уроженец острова Апреля, что расположен немного южнее Зондского пролива, по соседству с принадлежащим Великобритании островом Рождества. Он рассказал, что еще полгода назад на их острове текла спокойная мирная жизнь, пока на небольшом катере туда не приплыли восемнадцать человек. Захватив единственный на Апреле радиопередатчик, они объявили себя новой администрацией, учредили на острове свои порядки, приказали построить себе дома и обзавелись женами. В общем, установили жесткую диктатуру, а тех, кто попытался возмутиться, расстреляли. Когда же на остров прибывали редкие в тех краях корабли, захватчики сгоняли часть населения в сарай и держали под прицелом в качестве заложников. Зная нравы навоявленной администрации, местные жители и пикнуть не решались, и суда покидали гавань, даже не заподозрив, что здесь не все чисто.

Бежать из этого варварского плена осведомителю удалось просто чудом. Загодя спрятав в кустах каноэ, он в сумерках отчалил от острова, надеясь добраться до материка и выяснить, действительно ли диктаторов послало на голову островитян джакартское правительство. На полпути его подобрал пароход и доставил в столицу.

Описание преступников не оставляло сомнений, что на Апреле объявились пропавшие карбонарии, и на остров под флагом Индонезийской Республики срочно снарядили канонерку.

Не желая рисковать лишний раз, операцию решили провести ночью. При свете звезд канонерка, скрытая от поселения высоким мысом, вошла в заброшенную бухту. На берег высадился вооруженный десант во главе с проводником-информатором, затем судно удалилось от берега и легло в дрейф.

Отряду для занятия позиции требовалось часа три, но уже минут через сорок на канонерке услышали первую автоматную очередь. Эффект внезапности был утрачен, и капитан приказал дать полный вперед.

Пока судно подходило к берегу, пальба сменилась глухим протяжным гулом. Все удивленно переглянулись: кроме гранат и автоматов, у группы ничего не было.

После недолгого затишья вновь раздались короткие очереди и снова оборвались протяжным воем.

Канонерка обогнула мыс. В слабом мерцающем свете разобрать, что происходит на острове в двух милях от судна, было невозможно; опять несколько выстрелов и далекие вспышки в непроглядной темени. Включили прожектор. Луч света нашарил поселок, однако — никакого движения, все будто вымерло. Это уже потом кто-то вспомнил, что справа по борту промелькнула неясная тень в глубине.

Корабль подошел к самому берегу и заглушил двигатели. Матросы замерли у орудий, держа пальцы на гашетке, и следили за лучом, прощупывающим остров. Остров странно блестел.

Прожектор высветил несколько автоматов, валявшихся у самой кромки воды. Капитан через мегафон призвал десант выйти из укрытия, но никто не отозвался. Луч еще раз обежал весь остров и вернулся к автоматам на песке. Повисла тревожная тишина.

Капитан решил дожидаться утра. Деревня в свете прожекторов казалась ярко освещенной сценой, на которой, чудилось, вот-вот появятся актеры. Но актеры так и не появились.

Едва занялся рассвет, от канонерки отчалила шлюпка с пятью матросами и старпомом. Под прикрытием корабельных орудий они высадились на берег и первым делом осмотрели брошенное оружие. Автоматы покрывал тонкий слой слизи; моряки бросили их в лодку и отмыли руки.

От берега к поселку вело четыре широких рва где-то восьми футов шириной, полукруглого сечения, глубиной пяти-шести дюймов. Небольшая насыпь по краям говорила о том, что след мог быть оставлен каким-нибудь шарообразным телом. Внимательно изучив борозды, старпом пришел к выводу, что только одна из них идет от поселка. Это открытие заставило его с тревогой взглянуть в сторону деревни. Он увидел, что вся округа, странно блестевшая ночью, до сих пор мерцает загадочным светом. Ничего не понимая, взяв автомат наперевес, старпом повел своих спутников в глубь острова, бросая по сторонам настороженные взгляды, вслушиваясь в малейшие шорохи.

Чем ближе они подходили к поселку, тем яснее становилась причина непонятного блеска. Трава, деревья, хижины — все было покрыто тонким слоем слизи.

Разновеликие домики стояли полукругом, образовывая небольшую площадь. Моряки сгрудились в самом центре и застыли спина к спине.

Ни звука, ни движения, только слабый трепет листвы в утреннем бризе. Люди вздохнули немного свободнее.

Вся земля под их ногами была устлана блестевшими от слизи железяками. Старпом носком ботинка поддел одну из них, затем, пристально оглядев лачуги, остановил выбор на самой большой.

— Пошли, — распорядился он.

Фасад дома, как и все прочее, искрился от слизи и казался до противного липким. Старпом пнул незапертую дверь и вошел внутрь. Никого: ни живых, ни мертвых, пара опрокинутых табуреток, а в остальном — полный порядок.

Они вышли. Старший помощник бросил взгляд на следующую хижину, вздрогнул и посмотрел более внимательно. Он обогнул дом, из которого они только что вышли, — все стены, кроме лицевой, были сухие и чистые.

— Похоже, — произнес он, — что кто-то заляпал этой гадостью поселок с центра площади.

Прочесав всю деревню, они убедились в правильности своей догадки, но не смогли ничего объяснить.

— Как? Чем? И какого дьявола?

— Что-то выползло из моря, — неуверенно предположил матрос.

— Что-то?! Целых три штуки!

Они вернулись на площадь и еще раз оглядели все поселение. Да, деревня покинута, и делать здесь больше нечего.

— Прихватите парочку железяк, — приказал офицер и направился в сторону ближайшего дома.

Там он отыскал бутылку, соскреб в нее слизь и закупорил пробкой.

— Теперь на солнце эта мерзость еще и воняет, — вернувшись, объявил он команде. — Пошли отсюда.

Взойдя на борт, старпом предложил капитану сфотографировать борозды на песке и разложил перед ним трофеи.

— Любопытно, — сказал старпом, подкидывая на ладони осколок матового металла, — их там словно дождем набросало. — Он поскреб железяку ногтем. — С виду свинец, а легок, как перышко. Вы видели раньше что-нибудь подобное, сэр?

Капитан отрицательно помотал головой и заметил, что мир в наше время полон странных вещей.

Вернулась шлюпка с фотографом.

— Дадим еще несколько гудков, — решил капитан, — и если в течение получаса никто не отзовется, перебираемся на новое место. Должны же мы, черт побери, отыскать того, кто нам скажет, что здесь произошло.

Через несколько часов они причалили в северо-восточной бухте острова, где на равнине недалеко от берега раскинулась точно такая же деревенька, разве что чуть поменьше. И вновь — четыре широкие борозды на пляже и никаких признаков жизни. Правда, на этот раз из четырех борозд две возвращались в море, и совсем не было слизи.

Капитан склонился над картой.

— Вот еще одна бухта. Снимаемся с якоря.

Деревня казалась вымершей, как и две предыдущие, хотя на пляже не было видно никаких следов. Снова и снова капитан и помощник рассматривали побережье в бинокли, снова и снова гудела корабельная сирена, но — ни одной живой души.

Они уже собирались отчаливать, когда вдруг старпом воскликнул:

— Взгляните, сэр! Вон там, на холме кто-то размахивает тряпкой!

Капитан направил бинокль, куда показывал помощник.

— Еще двое... трое, немного левее... Спустить шлюпку, — приказал он и добавил: — Держитесь от них на расстоянии. Возможна эпидемия или другая чертовщина.

Капитан наблюдал со своего мостика.

В нескольких сотнях ярдов восточнее поселка из-за деревьев вышли девять человек, они размахивали рубашками и что-то кричали в сторону шлюпки. Что именно, капитан разобрать не мог — их голоса тонули в шуме прибоя.

Лодка уткнулась носом в берег, старпом жестом поманил людей, однако никто не откликнулся на его зов. Тогда он сам направился к ним, но через десять минут вернулся к шлюпке в одиночестве.

— В чем дело? — прокричал капитан, не успел ботик пришвартоваться к судну.

Старпом запрокинул голову.

— Они не захотели плыть, сэр.

— Что с ними случилось?

— Лично с ними — ничего. Они говорят, что море небезопасно.

— Что они имеют в виду?

— Они боятся, сэр, что их может постичь участь тех двух деревень. Они были атакованы...

— Атакованы? Кем?

— Э-э... Лучше бы вам самому поговорить с ними, сэр.

— Я послал за ними шлюпку, черт возьми. С них и этого достаточно!

— Боюсь, сэр, что даже под угрозой смерти, сэр...

Капитан помрачнел.

— Хотел бы я знать, чем они так напуганы? Или кем?

Старпом облизнул пересохшие губы. Он всячески избегал вопрошающего взгляда капитана.

— Они... э-э... они говорят, сэр, что это киты, сэр.

Глаза капитана округлились.

— Кто?!

Помощник не знал, куда деться.

— Я понимаю, сэр. Это... э-э... Но они утверждают, что это были киты и... медузы, сэр. Огромные медузы. Может быть, э-э... вам в самом деле стоит поговорить с ними?

Известия с Апреля не «взорвали» мир в общепринятом смысле этого слова. Атолл, который невозможно отыскать на страницах атласов, не представляет для публики особого интереса. И те немногие строки, посвященные событию, очень скоро канули в Лету. Скорее всего об этом вообще никто бы не узнал,

не случись американскому журналисту оказаться в Джакарте и не наткнись он на этот материал. Он тут же слетал на остров Апреля и, вернувшись в Штаты, опубликовал статью в одном из еженедельников. Редактор еженедельника вспомнил происшествие на Сафире и, связав оба события воедино, представил миру новую угрозу в первом воскресном выпуске газеты.

Так случилось, что это произошло как раз накануне сенсационного коммюнике Постоянного комитета действий, и Глубины опять оказались в центре всеобщего внимания. Более того, сам термин «Глубины» зазвучал по-иному, более конкретно и драматично. Комитет поспешил дать очередные рекомендации: всем судам держаться континентального шельфа, ибо потери последнего месяца ярко свидетельствуют о том риске, которому подвергаются корабли.

Совершенно очевидно, что никто не стал бы наносить столь ощутимого удара по только оправившемуся судоходству, не имея на то веских причин. И тем не менее владельцы судоходных компаний в запале негодования обвинили Комитет во всех смертных грехах: от паникерства до преследования личных интересов, связанных с авиакомпаниями. «Если последовать этой рекомендации, — возмущались они, — то всем трансатлантическим лайнерам придется ползти каботажным рейсом через воды Исландии, Гренландии, через Бискайский залив, вдоль западного побережья Африки и т. д. Торговые рейсы в Тихом океане вообще придется отменить. А Новая Зеландия и Австралия оказываются отрезанными от всего остального мира. Правительство, — кричали судовладельцы, — пошло на удивительно необдуманный шаг, позволив Комитету без всестороннего обсуждения опубликовать «рекомендацию». Все это грозит замораживанием морской торговли, паникой и уж никак не способствует безопасности. Как можно давать рекомендации, когда заранее известно, что они невыполнимы?»

Комитет невозмутимо отбивался от нападок, утверждая, что это не приказ, а предостережение, что опасно пересекать места глубиной более двух тысяч саженей.

Судовладельцы огрызались, дескать, какая разница — приказ или предостережение, суть от этого не меняется. Поднялась невообразимая шумиха, газеты запестрели всяческими схемами-указателями, но, так как все их карты разнились между собой, создавалось весьма двойственное впечатление.

Комитет был уже готов несколько переиначить свое заявление, когда на мир обрушились два сообщения: одно — из сред-

ней Атлантики, о гибели итальянского лайнера «Сабина», другое — из южной, о потере немцами судна «Ворпоммерн».

Известие об этом передали по радио в субботу, а наутро все воскресные газеты (по крайней мере шесть из них) как коршуны налетели на правительство, обвинив его в некомпетентности, задав тем самым тон для всей остальной прессы.

«Таймс» открыто потребовала от общественности «как следует надавить на власти». Менее категорично по форме, но сходно по сути выступила «Гардиан». «Ньюс кроникл» была не то чтобы против, но не лезла на рожон. «Экспресс» отвернул свой молот от ковки имперских цепей к крушению оных, немощность которых, по его словам, лишь «ослабляет государство». «Самое большое предательство, — объявила «Мэйл», — неспособность «править морями»*», — и потребовала немедленной отставки саботажников. «Геральд» уведомила домохозяек, что предвидится повышение цен на продукты. «Уокер» заметил, что в обществе, управляемом должным образом, подобные трагедии невозможны в принципе, так как не будь в нем роскошных лайнеров — нечему было бы и тонуть. И далее обрушивался на судовладельцев, толкающих моряков на смерть, да еще за несоизмеримо низкую плату.

В среду я позвонил Филлис.

На Филлис периодически находило (едва мы дольше обычного задерживались в Лондоне), будто у нее нет никаких сил переносить блага цивилизации и ей необходимо немного передохнуть. Если я был свободен, мне дозволялось сопровождать ее, если нет — Филлис удалялась общаться с природой в одиночестве. Обычно возвращалась она где-нибудь через неделю, духовно окрепшая и окрыленная. Но вот уже две недели, как от нее не было ни слуху ни духу: ни звонка, ни открытки, как правило, предшествующей ее возвращению. Бывало, конечно, и такое, что открытка приходила на следующий день после приезда Филлис. Но две недели — срок немалый!

Я слушал гудки довольно долго и уже собирался повесить трубку, когда вдруг услышал знакомый голос:

— Привет, дорогой!

— А если это не дорогой, а налоговый инспектор... или убийца?

— О, они бы столько времени не висели на телефоне!

— Во-во, — пробурчал я.

* «Правь, Британия, морями...» — один из английских гимнов.

— Извини, я была в саду.

— Сажала розы?

— Укладывала кирпичи.

— Наверно, что-то с линией — мне послышалось «кирпичи».

— Да-да, именно «кирпичи», дорогой.

— А-а-а... Ну понятно, — отозвался я, — кирпичи.

— Я даже не подозревала, что это так здорово. Представляешь, оказывается, существует несметное число всяких растворов: фламандский, английский... А еще здесь нужна такая штучка, называется «мастерок».

— А что строишь, если не секрет? Какую-нибудь кладовку?

— Нет, — рассмеялась Филлис. — Обычная стенка. Как у Бальбуса или мистера Черчилля. Где-то я читала, что в минуты стресса Черчилль находил такую работу успокаивающей. А что было хорошо для Черчилля — хорошо и для меня.

— Я рад. Надеюсь, ты уже в полном порядке?

— О да! Это так успокаивает, Майк. Особенно когда кладешь кирпич, а ведро с раствором падает тебе...

— Я понял, Фил. Однако время идет... Ты нужна здесь.

— Мне приятно, дорогой, что ты соскучился, но бросить дело на половине...

— Да не я соскучился... То есть я, конечно, тоже... И-би-си хочет нас видеть.

— Зачем?

— Точно не знаю, но домогаются настойчиво.

— И когда же они хотят нас видеть?

— Фредди приглашал в пятницу на ужин. Ты как?

Наступила недолгая пауза.

— Хорошо, попробую успеть. Я приеду шестичасовым.

— Прекрасно, я встречу тебя. Кстати, Фил, есть еще одна причина.

— Да? Какая?

— Песок, дорогая. Осыпающийся песок и неостановимое колесо, и вечно сверкающее острие. Монотонный размеренный звук падающих капель в клепсидре жизни...

— Ты что, репетируешь, Майк?

— А что мне остается?

— Ну пригласил бы Милдред отобедать.

— Приглашал, но когда часто видишь ее, она действует на нервы. Даже странно.

— Майк, Милдред три недели как в Шотландии.

— Да? Ты сказала «Милдред», а мне послышалось...
— Все, кончай, дорогой. До пятницы.
— Я даю до пятницы обет молчания, Фил. Прощай.

Мы опоздали всего на несколько минут, но судя по поспешности, с какой Фредди потащил нас в бар, он, казалось, изводился от жажды уже не первый час. Фредди растворился в толпе у стойки и тут же вынырнул с полным подносом двойных и одинарных шерри.

Залпом осушив два двойных, он стал наконец похож на человека и начал замечать окружающее. Он даже обратил внимание на состояние Филлис: обломанные ногти и большой кусок пластыря на левой руке. Фредди нахмурился, но ничего не сказал. Я заметил, что он исподтишка разглядывает меня.

— Моя жена, — сказал я, — отдыхала в Корнуэлле. Разгар сезона по укладке кирпичей.

Мое объяснение скорее успокоило его, нежели заинтересовало.

— А как с вашим чувством единой команды? — спросил он. — Ничего не случилось?

Мы дружно замотали головами.

— Чудесно. Тогда у меня для вас кое-что есть.

Оказалось, один из всемогущих спонсоров И-би-си сделал предложение. Ему, видимо, понравились наши с Филлис репортажи, и он заинтересовался нами.

— Что ж, — произнес я, развалившись на стуле, — человек с понятием! Последние пять-шесть лет...

— Заткнись, Майк, — обрубила моя дражайшая женушка.

— События, — продолжал Фредди, — по мнению спонсора, достигли той точки, когда смело можно вкладывать в это дело деньги, пока они еще хоть что-то значат. Он заявил, что хочет внести свою лепту во благо общества и, с другой стороны, не видит ничего предосудительного в том, чтобы поиметь с этого барыши. Он предлагает снарядить экспедицию. Кстати, все это между нами: не дай бог Би-би-си что-нибудь пронюхает и опередит нас.

— И куда же отправится экспедиция? — как и подобает практичной жене, спросила Филлис.

— Это был и наш первый вопрос, — откликнулся Фредди. — Все зависит от Бокера.

— От Бокера?! — Я подскочил. — Неужели Фортуна сжалилась над ним?

— Некоторым образом. Как сказал спонсор: «Если отбросить космический вздор, то в остальном Бокер прав; во всяком случае, прав более чем другие». Поэтому он пошел к ученому и спросил напрямик: «Как думаешь, где в следующий раз объявятся эти существа?» Бокер, естественно, не знал. Но они договорились, что спонсор субсидирует, а Бокер возглавит экспедицию и выберет место на свое усмотрение. И даже спутников выбирает Бокер. Так что вы стали участниками по его выбору, с благословения И-би-си и вашего согласия.

— Он всегда был моим любимым «орафом», — сказала обрадованная и несомненно польщенная Филлис. — А когда отправляемся?

— Минуточку, — влез я. — Были времена, когда морские прогулки рекомендовались как оздоровительные мероприятия, но теперь...

— Конечно, ты прав, Майк, — поддержал меня Фредди. — Осторожность и только осторожность! Все уже получили массу впечатлений от первого знакомства с этими гадами. Но сейчас важно не то, чтобы вы с Фил лично познакомились с ними, а то, чтобы вы сумели побольше о них разузнать.

— Любая предусмотрительность достойна одобрения, — назидательно произнес я.

— В общем, завтра ступайте к Бокеру, а потом сразу ко мне — подпишем контракт.

Весь оставшийся вечер Филлис выглядела задумчивой.

— Если ты не хочешь... — не выдержал я, когда мы вернулись домой.

— Ерунда, конечно, хочу. Но, как думаешь, что значит — «субсидировать»? Могу ли я, скажем, как-нибудь отовариться за их счет?

— Даже лотосы приедаются, — проворчал я, обозревая окрестности.

— А мне нравится побездельничать на солнышке.

— «Нравится» — не то слово, дорогая. Я хочу сказать, — неторопливо рассуждал я, — что женщины двадцатого века считают инсоляцию неким косметическим средством с легким возбуждающим действием. Но вот что любопытно: ни в одной летописи нет даже упоминания, что твои предшественницы занимались чем-либо подобным. Зато мужчины, заметь, из века в век жарятся на солнцепеке.

— Угу, — отозвалась Филлис.

— Как ты смеешь на мою вдохновенную тираду отвечать сомнительным «угу»? — возмутился я.

— Майк, я сейчас в таком состоянии, что могу ответить «угу» абсолютно на все. Это же тропики, дорогой! Мистер Моэм столько раз это подчеркивал.

— Моэм, моя радость, даже не в тропиках зачастую зависел не от того, от кого надо, хотя и там ему тоже говорили «угу». И температура тут вовсе ни при чем. Даже в... в триангуляции, в которой он уступал только Евклиду — другому автору наиболее раскупаемых книг. Кстати, напрашивается вопрос: может ли подход к литературе с точки зрения тройственности...

— Майк, ты бредишь. Это жара. Давай просто лениво сидеть на солнышке и ждать...

И мы снова предались этому убийственному занятию, которому отдали уже несколько недель своей жизни.

Мы сидели под солнечным зонтиком неподалеку от гостиницы со странным вымученным названием «Гранд Отель Британия и ля Джустиция». Отсюда мы могли наблюдать и покой природы, и суету города. Справа до самого горизонта простиралось пронзительно голубое море, в которое вдавался поросший пальмами мыс, казавшийся миражем в дрожащем знойном воздухе — эдакий театральный задник в испанской пьесе. Слева кипела жизнь столицы — единственного города на всем острове.

Эскондида — так назывался остров — был случайно открыт в стародавние времена заплутавшими в океане испанскими мореходами. Прошло много лет, но, несмотря на все перемены, произошедшие в этой части света, остров сохранил свое название и даже испанский колорит. Архитектура, язык, темперамент островитян оставались по-прежнему скорее испанскими, чем английскими. Площадь (она же Плаза), церквушка, пестрые магазинчики и прочие достопримечательности выглядели, как иллюстрации из путеводителей по Испании. Зато население острова было очень разнообразно — от загорелых европейцев до черных как смоль негров.

За отелем высилось несколько гор с абсолютно лысыми макушками и ярко-зеленым пледом на плечах, как бы вздымавших Эскондиду к небу.

Название города — Смиттаун — можно было выяснить только из надписи на алом почтовом ящике, водруженном на Площади. А когда кто-то нам сказал, что Смит — не кто иной, как

удачливый пират, в голову сразу полезли всякие романтические истории и легенды.

Именно здесь уже пятую неделю и околачивалась наша экспедиция.

Бокер разработал собственную теорию вероятности и методом исключений получил десять возможных объектов нападения. Четыре из них, находящиеся в Карибском море, и предопределили наш маршрут.

Сначала мы высадились в Кингстоне на Ямайке и провели там неделю в компании оператора Теда Джерви, звукооператора Лесли Брея и техпомощника Мюриэл Флинн. Сам Бокер и двое его приближенных в это время занимались облетами Кайман-Брака, Большого, Малого Каймана и Эскондиды на военном самолете, любезно предоставленном ему местными властями, выбирая постоянную базу для нашей экспедиции. Доводы, побудившие Бокера в конце концов остановиться на Эскондиде, казались убедительными, но мы несколько огорчились, когда спустя два дня Большой Кайман подвергся первому нашествию Глубин. Однако, несмотря на наше разочарование, мы поняли, что Бокер действительно знает, что делает.

Четверо из нас сразу слетали туда, но без толку: следы на пляже уже оказались затоптаны ордами любопытных.

Все произошло ночью. Более двухсот местных жителей в испуге сбежало, большинство просто бесследно исчезло, а немногие оставшиеся считали своим долгом наврать интервьюерам с три короба, так что событие быстро обросло баснями.

Бокер решил не менять расположение лагеря, считая, что на Эскондиде у нас не меньше шансов, чем где-либо, тем более — Смиттаун единственный город на всем острове и рано или поздно настанет его черед.

Но шли недели, ничего не происходило, и мы начали сомневаться. Радио, что ни день, сообщало о новых нападениях, однако за исключением небольшого происшествия на Азорах остальные случились в Тихом океане. У нас появилось угнетающее чувство, что мы ошиблись полушарием.

Я говорю «мы», но подразумеваю только себя. У моих товарищей дел было по горло. В частности — освещение. Все нападения случались ночью, а для съемки в темноте нужен хороший свет. Как только городской совет узнал, что ему не придется раскошеливаться, то тут же дал согласие на дополнительную иллюминацию: здания, почтовые ящики, деревья — все было

облеплено мощными прожекторами, управление которыми в интересах Теда вывели на единый пульт в его гостиничном номере.

Островитяне полагали, что их ожидают грандиозные празднества, городской совет называл это занятие безобидной формой сумасшествия, а я — бесполезной затеей. Да и все мы с каждым днем становились все скептичнее, пока... Пока не случился набег на остров Гэллоу, прогремевший на весь Карибский бассейн.

Столица — Порт-Энн — и три самых крупных береговых поселения подверглись нападению в одну ночь. Три четверти населения — как не бывало. Выжили только те, кто заперся в доме или спасся бегством. Поговаривали о каких-то невероятных размеров танках, якобы выползающих из моря. Но во всей этой неразберихе совершенно невозможно было понять, где правда, а где ложь. Единственный достоверный факт — тысяча человек бесследно исчезли.

Настроения резко изменились. Спокойствия, безмятежности, чувства безопасности как не бывало: все вдруг ясно осознали, что могут стать следующей жертвой. Люди откапывали на пыльных чердаках дедовское оружие, давно вышедшее из употребления, и приводили его в порядок. Организовывались добровольные дружины, шли разговоры о создании межостровной Службы быстрого реагирования. В общем, первые две-три ночи город бурлил, по улицам с важным видом ходили патрули.

Однако прошла неделя, никакого намека на опасность, и боевой пыл потихоньку испарился. Кстати, активность подводных обитателей прекратилась повсеместно. Единственное сообщение — с Курил, но и то в чисто славянском духе: ни даты, ни подписи. Надо полагать, что оно долго блуждало по тамошним системам госбезопасности и тщательно рассматривалось под микроскопами.

На десятый день естественный принцип смиттаунцев во всем полагаться на mañana* полностью восстановился. По ночам и во время сиесты Эскондида беспробудно спала. Мы — вместе с нею. Казалось совершенно невозможным, что кто-то может нарушить покой. Мы полностью адаптировались к местной жизни, во всяком случае, некоторые из нас: Мюриэл увлекся островной флорой; наш пилот Джонни Таллтон постоянно прохлаждался в кафе, где очаровательная сеньорита обучала его

* завтра (*исп.*).

местному диалекту; Лесли адаптировался до такой степени, что приобрел гитару, треньканье которой днями напролет доносилось из открытого окна. Мы с Филлис вернулись к сценариям для будущих передач, и только Бокер да два его ближайших соратника — Билл Вейман и Алфред Хейл — не дремали. Если бы нас видел спонсор!..

Мы томились под зонтиком, а Лесли завел свой обычный репертуар. «O Sole mio»* летело сверху.

— Сейчас последует «La Paloma»**, — застонал я и отхлебнул джина.

— Мне кажется, — сказала Филлис, — пока мы здесь, стоило бы выяснить... Ох, что это?

Со стороны моря до нас донесся ни с чем не сравнимый шум. Мы выглянули в окно и увидели крохотного мальчугана цвета кофе, почти целиком скрытого широкополой шляпой. Он вел упряжку здоровенных волов, за которой визжала, скрипела, скрежетала пустая повозка. Мы обратили на мальчишку внимание еще утром, когда он спускался с гор с повозкой, груженной бананами, даже тогда нам показалось, что это весьма шумно и неприятно, но теперь, когда она шла порожняком, грохот был несусветный.

С трудом мы дождались, пока волы минуют Плазу, но тут опять послышался голос Лесли. Он уже пел «La Paloma».

— Мне кажется, — вернулась к разговору Филлис, — надо извлечь из этого Смита все, что можно. Почему бы ему не стать, к примеру, Робин Гудом? Что нам стоит сделать из него такового? А что ты знаешь о старинных парусниках?

— Я?! С какой стати я должен о них что-то знать?

— Любой мужчина почитает за честь разбираться в морских судах, я думала, что и ты... — Филлис неожиданно замолчала.

Сверху раздался заключительный аккорд «La Paloma», и Лесли грянул новую песню.

Я сижу в лаборатории,
Раскалился добела.
Ксенобатоинфузория,
Ты с ума меня свела!

Ох вы, атомы ядреные,
Термоядерный утиль!

---

* Солнце мое (*ит.*).

** Голубка (*исп.*).

Что ж вы, неучи, ученого
Подвели под монастырь?

А когда не торопили бы,
Я бы горы своротил,
Некробаротерапию бы
Шаг за шагом воплотил.

Я настроил бы локаторы,
Я бы выждал до утра,
Взмыл бы в небо авиатором,
Жахнул сверху... и ура!

Я бы.....
.....

— Бедняга Лесли, — печально сказал я, — посмотри, что с ним сделал этот чертов климат. Рифмовать «лабораторию» с «ксенобатоинфузорией»! Боже мой, что творится! Какое размягчение мозгов! Извилины плавятся. Пора объявить Бокеру ультиматум. Конкретный срок, скажем, неделя, и мы уезжаем. Иначе нас ждет здесь полное разложение, и мы тоже начнем сочинять песенки с дебильными рифмами. Струны наших душ заржавеют, и в один прекрасный миг мы вдруг обнаружим, что срифмовали «своротил — воплотил».

— Хорошо... — неуверенно начала Филлис.

За моей спиной раздались шаги и возник Лесли.

— Приветствую! Самое время пропустить стаканчик, а? Слышал новую песенку? Настоящий шлягер! Твоя жена назвала ее «Жалоба ученого», но мне больше нравится «Озадаченный ученый». Что пьем? Джин? — протараторил он и побежал к стойке.

— Итак, — сказал я мрачно, — я говорю «неделя» и настаиваю на этом. Хотя и этот срок может оказаться фатальным.

Я оказался более прав, чем думал.

— Любимая, да плюнь ты на эту луну и иди ко мне.

— У тебя нет души. В этом все дело. И зачем я вышла за тебя?!

— Хуже, когда души больше, чем нужно. Посмотри на Лоуренса Хоупа.

— Ты — свинья, Майк! Терпеть тебя не могу.

— Дорогая, уже час ночи.

— На Эскондиде сама жизнь смеется над часовых дел мастерами. Ненавижу тебя, Майк. Милая, милая Диана, забери меня от этого человека!

Я подошел к окну.

— «Корабль, остров, бледная луна...» — прошептала Филлис. — Так хрупко, так вечно... так прекрасно! Ты только вглядись!

Мы стояли у окна и любовались пустынной Плазой и спящими домами, серебряным в лунном свете морем.

— Как хорошо! Я запомню это навсегда! — Ее дыхание дрожало на моей щеке. — Почему ты не видишь и не слышишь того, что слышу я, Майк? Почему?

— Это было бы так скучно. Представь, мы с тобой хором взываем к Диане. У меня свои боги, Фил.

Она пристально посмотрела на меня.

— Может быть, но их трудно разглядеть.

— Ты так считаешь? А я уверен в обратном. «Кто обращен молитвой к Мекке, а я к твоей постели, Ясмин» — твой любимый Флекер, дорогая.

— Ну, Майк!

И тут со стороны моря до нас долетел крик. Затем еще и еще. Завизжала женщина...

— Майк, неужели...

Крики, выстрелы...

— Это они, Майк, они!

Шум нарастал. Люди высовывались из окон, спрашивая друг друга, что происходит. Какой-то мужчина выскочил из дверей, завернул за угол и понесся к морю.

— Эй, Тед! — закричал я и забарабанил в стену. — Вруби прожекторы, внизу, что у моря. Даешь свет, старина!

Я расслышал слабое «о'кей». Вспыхнули прожектора, но ничего необычного не было видно, только десятка два мужчин спешили к гавани.

Внезапно на несколько секунд шум стих. Хлопнула дверь Теда и в коридоре отчетливо прозвучали его шаги. Затем опять плач, вопли, еще громче, еще надрывнее, чем раньше, будто во время паузы тишина набиралась сил, чтобы в следующее мгновение взорваться.

— Я должен... — начал я и замер, не обнаружив рядом с собой Филлис.

Филлис закрывала дверь на замок.

— Я должен быть там...

— Нет, — отрезала она, загородив собой дверь.

Филлис была похожа на разгневанного ангела, если, конечно, не учитывать, что ангелов обычно изображают в пристойных одеяниях, а не в гипюровых ночных сорочках.

— Но, Фил, — взмолился я, — это же моя работа. Мы здесь именно для этого.

— Плевать.

Она не сдвинулась с места, только ангел превратился в маленькую капризную девочку. Я протянул руку.

— Фил, пожалуйста, отдай ключ.

— Нет, — коротко сказала она и швырнула ключ в окно.

Он монеткой звякнул о булыжник. Ошеломленный, я посмотрел ему вслед. Как это не похоже на Филлис.

По залитой светом площади проносились спешащие к морю люди. Я снова повернулся к двери.

— Отойди. Будь добра, отойди.

— Не глупи, Майк. Не забывай о главном.

— Это как раз то...

— Нет, не то! Ну как ты не понимаешь?! Все, что мы знаем о Них, мы знаем не от тех, кто сломя голову бросился выяснять, что случилось, а от тех, кто спрятался или убежал.

Я был зол. Но не до такой степени, чтобы справедливость ее слов не дошла до меня.

— Фредди, — продолжала Филлис, — говорил, что мы обязаны вернуться и рассказать обо всем, что увидим.

— А как же...

— Взгляни. — Она кивнула на окно.

Все это напоминало кино, которое прокручивают в обратную сторону: толпа, огромная толпа, пятилась, словно гигантский рак, пока не заполонила площадь.

Филлис покинула свой пост и присоединилась ко мне. Прямо под нами проскочил Тед с переноской в руках.

— Что это? — крикнул я ему.

— Бес его знает. Я не могу протолкнуться. Что бы там ни было, оно идет сюда. Я буду снимать из окна. В такой толчее невозможно работать.

Он еще раз оглянулся на площадь и скрылся в дверях отеля.

Вдруг из толпы вынырнул самолично доктор Бокер в сопровождении Джонни Таллтона. Запрокинув голову, Бокер закричал:

— Алфред!

Из окон отеля высунулось несколько голов.

— Где Алфред?

Никто не знал.

— Если кто разглядит его в этом месиве, пусть скажет, чтобы он непременно возвращался в номер. Остальным оставаться на местах, — распорядился Бокер. — Наблюдайте, но не высовывайтесь. Во всяком случае, пока. Тед, включай все прожектора. Лесли...

— Уже бегу, док.

— А ну назад! Укрепи микрофон в океане, и ни шагу на улицу! Еще раз говорю, это касается всех!

— Но что это, док? Что?

— Не знаю. И поэтому пока останемся в отеле. Мисс Флинн! Где, черт возьми, мисс Флинн? А, вы здесь. Хорошо. Следите внимательно...

Бокер повернулся к Джонни и обменялся с ним парой слов. Джонни кивнул и скрылся за отелем. Бокер еще раз окинул взглядом толпу и, хлопнув дверью, поспешил в укрытие.

Площадь к тому времени была запружена до отказа. Те, в ком любопытство боролось со страхом, толкались у дверей, готовые в любой момент броситься за спасительные стены. С десяток мужчин, кто с пистолетами, кто с винтовками, залегли прямо на мостовой, направив дула в сторону надвигающейся опасности. Если не считать одиночных всхлипов и выкриков, над площадью повисло тревожное всеохватывающее безмолвие. И вот тогда до нас докатился негромкий, но душераздирающий скрежет чего-то тяжелого о булыжную мостовую.

В крохотной церковной пристройке распахнулась дверь и оттуда в длинной черной сутане вышел священник. Его тут же окружил народ, люди бросились на колени. Священник простер над толпою руки, то ли защищая своих прихожан от власти дьявола, то ли благословляя на битву с ним.

Где-то совсем рядом прогремело три-четыре выстрела, затем еще... Мы видели стрелков, видели, как они перезаряжают винтовки, но мишень была скрыта от нас угловым домом. Оттуда, из-за поворота, раздавался хруст крошащихся кирпичей, звон стекла, и вскоре мы увидели первый танк — нечто из серого матового металла, вползающее на площадь, сметающее на своем пути углы и стены домов.

Со всех сторон защелкали выстрелы, но пули только плющились о его металлические бока, не оставляя ни вмятин, ни

царапин. Танк продвигался вперед медленно и бесстрастно. Массивный и неуязвимый, он как бы втягивал себя на площадь со скоростью не более трех миль в час. Наконец мы смогли разглядеть его как следует.

Вообразите себе яйцо, причем яйцо не менее тридцати пяти футов в длину, затем поставьте его на попа, отсеките нижнюю половину; то, что останется, покрасьте в свинцовый цвет, и вы получите самый настоящий морской танк.

Как он передвигался — оставалось только догадываться. На колесах? Вряд ли. Судя по виду и звуку, он просто полз на своем брюхе без всяких там приспособлений. Ни на что земное это не походило.

За ним показался следующий — такая же серая махина. Оба танка заняли позицию по краям площади, пропуская по центру, прямо на нас, — третий.

Толпа вокруг священника рассеялась, и он, высоко подняв голову и воздев над собой распятие, двинулся к танку. Но танк никак не отреагировал на святого отца, он просто покатым боком оттеснил старца и как ни в чем не бывало проехал мимо.

Достигнув самого центра площади, танк остановился.

— Войска занимают позицию, — шепнул я Филлис. — Это не случайность. Что дальше?

С минуту ничего не происходило. Во всех окнах торчали любопытные, кто-то еще зачем-то стрелял, вероятно, для очистки совести.

— Смотри. — Филлис указала на танк в центре площади.

На самой верхушке «яйца» образовался небольшой нарост — беловатое полупрозрачное подобие пузыря. Он был значительно светлее остальной поверхности и стремительно разрастался.

— Господи, он все раздувается...

Грянул одиночный выстрел; пузырь задрожал, но не больше. Казалось, он вот-вот оторвется от обшивки и взовьется в небо, как воздушный шар.

— Сейчас лопнет. Я уверена, сейчас лопнет.

— Еще два.

Первый пузырь был уже не менее трех футов в диаметре и все рос и рос.

— Сейчас, сейчас... — Голос Филлис дрожал.

Огромный пульсирующий пузырь продолжал расти, и лишь когда достиг футов пяти, вдруг перестал раздуваться, забился,

затрясся, как желе, и оторвался от тонкой ножки, связывающей его с танком.

Перетекая, как амеба, он постепенно уплотнялся, превращаясь в устойчивый шар. Мы и не заметили, как он оказался футах в десяти от нас.

И тут что-то произошло: не то чтобы пузырь взорвался — никакого звука мы не услышали, скорее он раскрылся, как бутон, раскинув во все стороны бессчетное число белых щупалец.

Мы инстинктивно отскочили от окна, подальше от этой мерзости. Четыре или пять щупалец неслышно упали на пол и моментально стали сокращаться, возвращаясь обратно.

Громко вскрикнула Филлис: одно щупальце дотянулось до ее правого плеча и теперь, сокращаясь, увлекало за собой.

Филлис попыталась оторвать его левой рукой, но пальцы тут же прилипли к белому телу.

— Майк! — закричала она. — Майк!

Щупальце натянулось, как тетива лука, неумолимо таща Филлис к окну. Я подскочил, обхватил ее и рванул с такой силой, что мы оказались в другом конце комнаты. Однако оторваться нам не удалось, и щупальце потянуло на улицу нас обоих. Я уцепился коленом за ножку кровати и что есть мочи держал Филлис. Когда мне уже казалось, что нам не вырваться, Филлис вдруг закричала, и мы повалились на пол.

Она была в обмороке, из ран на плече и кисти левой руки сочилась кровь. Я положил ее так, чтобы ничто не могло до нее дотянуться, и осторожно выглянул на площадь. Отовсюду доносились леденящие кровь крики и стоны. Первый пузырь, окруженный сонмом щупалец, лежал на земле. Щупальца одно за другим исчезали за ее оболочкой, унося в нутро пузыря свою добычу. Несчастные еще боролись, пытаясь вырваться из цепких лап, бились, вопили, но тщетно...

Вдруг я увидел Мюриэл Флинн: ее волочило по булыжной мостовой за чудесные рыжие волосы. Она так страшно кричала от боли и ужаса, что у меня зашлось сердце. Рядом тянуло Лесли, он не сопротивлялся, не кричал; ему повезло больше — при падении из окна бедняга сломал шею.

Какой-то мужчина пытался освободить ускользающую от него женщину. И он уже дотянулся до нее, но задел липкое щупальце, и дальше их поволокло вместе.

Кольцо сужалось, щупальца сокращались, люди бились, как мухи в паутине. Во всем этом была какая-то тщательно продуман-

ная жестокость. Не в силах оторваться от кошмарного зрелища, я чуть не прозевал, как от танка отделился второй пузырь.

Три аспида скользнули в окно, поизвивались на полу и медленно уползли назад.

Я выглянул на площадь. Снова та же картина: теперь уже второй пузырь собирал тщетно отбивающихся людей. Зато первый, нажравшись до отвала, захлопнулся и не спеша покатился к морю. Танки, похожие на больших серых слизняков, оставались на месте, занятые производством отвратительных пузырей.

Следующая «Горгона» взметнула в воздух своих змей, я отскочил, но на этот раз ничего не угодило к нам в комнату. Я решил закрыть окно, и очень вовремя: едва я задвинул задвижку, четыре щупальца с такой силой шмякнулись о стекло, что оно треснуло.

Вернувшись к Филлис, я положил ей подушку под голову и, оторвав кусок простыни, принялся перевязывать раны.

Вдруг с улицы донесся новый незнакомый звук. Я подошел к окну и увидел низко летящий самолет. Застрекотали пулеметные очереди, я отпрянул назад.

Прогремел взрыв, погас свет, распахнулось окно и мимо меня пролетели какие-то брызги, заляпав всю комнату. Я снова выглянул на улицу: набитые людьми шары катились к морю, танк тоже начал пятиться.

Пилот заходил на второй вираж. Я бросился на пол.

— Майк, — едва слышно позвала Филлис.

— Все в порядке, Фил, я здесь.

За окном раздался еще один взрыв.

— Что случилось?

— Они убираются, Фил. Джонни угостил их с воздуха, я думаю, это он. Теперь уже все в порядке.

— Майк, у меня болят руки.

— Потерпи, моя хорошая, я сейчас схожу за доктором.

— Что это было, Майк? Если бы не ты...

— Все уже позади, Фил.

— Майк, тут что-то липкое кругом... Ты не ранен?

— Нет, нет. Весь номер забрызган какой-то гадостью.

— Тебя трясет, Майк!

— Ничего не могу с собой поделать. Фил, милая Фил... Так близко... Если бы ты только видела... Мюриэл, Лесли...

— Ну, ну, — Филлис принялась утешать меня словно маленького, — не плачь, Мики, не надо. — Она попыталась встать. — Ой, как больно!

— Я сейчас, дорогая.

Со стулом наперевес я рванулся к двери и дал волю обуревавшим меня чувствам.

Наутро мы собрались вместе: Бокер, Тед, Джерви, я и Филлис — жалкие остатки экспедиции. Правда, оставался еще Джонни, но он уже был на пути в Кингстон вместе с магнитофоном и кинопленками, а также с моими записями.

Раны Филлис были тщательно перевязаны, и, несмотря на плохое самочувствие и бледный вид, она не пожелала остаться в постели.

Глаза Бокера потеряли обычный блеск, а на лбу и щеках появилась густая сеть морщин. Он немного прихрамывал и опирался на палку. Вообще за ночь он неимоверно постарел.

Только я да Тед вышли невредимыми из ночного бедлама.

Тед вопросительно посмотрел на Бокера.

— Если вы в состоянии, сэр, — произнес он, — надо первым делом убираться отсюда, подальше от этого дерьма.

— Несомненно, и чем скорей, тем лучше.

Мы вышли на свежий воздух.

Усеянная осколками металла площадь блестела от слизи, в воздухе стояло жуткое зловоние и, куда ни глянь, все покрывала отвратительная липкая скверна.

Уже на расстоянии ста футов вонь заметно поубавилась, а среди пальм на противоположном конце города воздух был чист и свеж. Редко когда я так остро ощущал прелесть легкого бриза.

Бокер сел, прислонившись спиной к дереву, и задумался. Мы пристроились рядом и ждали, когда он заговорит.

— Алфред, — вздохнул доктор, — Билл, Мюриэл, Лесли... Это я привел вас сюда... Я виноват...

— Вы не правы, доктор, — вступилась Филлис, — никто не гнал нас силком. Вы предложили — мы согласились. Случись то же самое со мной, уверена, Майк не упрекнул бы вас. Правда, Майк?

— Да, Фил. Уж я-то знаю, кого бы я поставил к стенке!

— Слышали, доктор? — Филлис взяла его за руку. — И все думают так же.

Бокер прикрыл глаза, опустил голову и осторожно положил ладонь на руку Филлис.

— Вы слишком добры ко мне, Филлис, — тихо сказал он, поглаживая ее руку. Затем выпрямился, весь подобрался и про-

изнес уже совсем другим тоном: — Что ж, мы получили кое-какие результаты, может, не столь однозначные, как ожидали, но и это уже кое-что!

Спасибо Теду — человечество увидит то, что давно жаждет увидеть. Спасибо Теду — у нас теперь есть первый образец!

— Образец? — удивленно переспросила Филлис. — Какой образец?

— Да так, — заскромничал Тед, — кусочек щупальца.

— Но как? Как тебе удалось?

— Повезло. Понимаешь, первый раз ничего не влетело ко мне в окно, но увидев, что происходит, я приготовил нож. А когда второй гад выбросил свои щупальца и одно упало мне на плечо, я тут же его отсек. Примерно около восемнадцати дюймов. Оно сразу же отвалилось и упало на пол, повертелось, поизвивалось, а потом свернулось. Мы отправили его вместе с Джонни.

— У-у-ух! — вырвалось у Филлис.

— Придется на будущее запастись ножами, — подытожил я.

— Не забудь хорошенько наточить их. Не так-то легко эти сволочи режутся, — посоветовал Тед.

— Эх, — с сожалением вздохнул Бокер. — Еще бы кусочек! Я бы сам с ним повозился. Есть в них что-то очень странное. Хотя суть ясна: нечто родственное морскому анемону. Вопрос в том, выращены ли они искусственным путем или... — Он поежился. — Особенно меня интересует, как они присасываются к телу и как отличают живое от неживого. И еще: кто управляет ими и как? По-моему, их используют не как оружие в нашем понимании, а скорее в качестве ловушек.

— Вы хотите сказать, — уточнила Филлис, — что они вылавливают и собирают нас как... э-э... примерно, как мы — креветок?

— Что-то вроде этого. Но зачем?

Мы призадумались. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы в голову Филлис пришло какое-нибудь другое сравнение.

— Пули, — вслух рассуждал Бокер, — не причиняют вреда ни танкам, ни медузам. Может, конечно, у них есть чувствительные точки, но мы о них ничего не знаем. Зато нам известно, что танки находятся под большим давлением: они взрываются со страшной силой, то есть давление в них — на грани взрыва. Отсюда следует, что на Апреле кто-то либо метнул гранату, либо случайно попал в чувствительную точку. Да, все раз-

говоры о «китах» — не ложь и не сказки: на расстоянии их действительно легко принять за что-нибудь подобное. В этом, по-моему, мы сами убедились. Ну а что касается медуз, так люди вовсе были недалеки от истины — пузыри, несомненно, близкие родственники кишечнополостных. Я думаю вот о чем: сдается мне, что внутри танков, кроме давления, ничего нет, они — просто груда металла. Какая же сила движет эти глыбы?

С утра я внимательно изучил их следы: булыжники на мостовой глубоко вдавлены в землю, некоторые расколоты под их тяжестью... Для меня это загадка. Может, какие-нибудь присоски?.. Безусловно, в их действиях есть некая разумность, но или не очень высокая, или плохо скоординированная. Ну разве не разумно — вывести танки в самый центр площади?!

— В свое время я видел, как настоящие армейские танки сносили на поворотах углы домов, точь-в-точь как эти, — заметил я.

— Вот, пожалуйста, еще одно доказательство плохой скоординированности. Может, кто-нибудь тоже что-то заметил? — Бокер обвел нас взглядом.

— Мне показалось, — замялся Тед, — что все пузыри отличались друг от друга. Хотя бы радиусом действия, и более поздние сокращались гораздо медленнее. Один провалялся на площади секунд двадцать, прежде чем начал сворачиваться.

— Ты полагаешь, они что-то искали? — заинтересовался Бокер.

— Я не захожу так далеко. Главное, что я все успел заснять.

— Будем надеяться, что сможем почерпнуть кое-что из пленок. А никто не заметил, как щупальца реагировали на выстрелы?

— Мне показалось, — сказал Тед, — что пули проходили сквозь них, как сквозь воздух. А может, почудилось...

Бокер хмыкнул и погрузился в размышления.

Филлис что-то бубнила себе под нос.

— Что-что? — Я наклонился к ней.

— Многореснитчатые кишечнополостные...

— А-а-а!.. — протянул я.

— Мы плохо продумали план, — заговорил Тед. — Надо было установить микрофон в твоей комнате, Майк. Ты мог бы вести синхронный репортаж.

— Во-во! То же самое мне скажут на И-би-си. Хотя мне все равно было не до этого. Ну ничего, будет время как следует поработать. Эх, черт возьми, — добавил я, — как вспомню, что

надо возвращаться в отель... Ничто в мире так не смердело, как этот проклятый Смиттаун!

Мы еще долго сидели в пальмовой роще, занятые каждый своими мыслями, пока Бокер не вывел нас из задумчивости.

— Знаете, — сказал он, — если бы я верил в Бога, я бы, наверное, страшно перепугался. Но, к счастью, я слишком старомоден и, слава Богу, в Бога не верю.

Брови Филлис поползли вверх.

— Почему? — воскликнула она. — Почему бы вы перепугались?

— Потому что, будь я суеверен, столкнувшись с чем-то новым, необычным, я наверняка решил бы, что Всевышний задумал преподать мне урок. «Вы, люди, — наверное, сказал бы мне Бог, — возомнили из себя невесть что и думаете, будто умнее других. Вы научились расщеплять атомы, побеждать микробов, полагаете, что вправе управлять миром, а возможно, и небом. Вы, тщеславные насекомые, глупцы, безумцы, в природе еще столько всякой всячины, что ваш крохотный мозг не в состоянии даже представить. Сейчас я покажу вам кое-что и посмотрю, что вы тогда запоете. Мне следовало это сделать гораздо раньше».

— Но, так как вы не верите?..

— Не знаю... На земле жили люди и до нас. И они находились в лучшем положении. Всякие там динозавры и прочее... короче, они выжили. А теперь все человечество на грани...

Он не стал заканчивать, да мы и не просили. Все сидели в молчании, отрешенно уставившись в безмятежное лазурное море.

Среди прочих газет, купленных в лондонском аэропорту, мне сразу бросился в глаза последний номер «Бихолдэра». Конечно, и у «Бихолдэра» есть определенные достоинства, но меня никогда не оставляло чувство, что он публикует не столько здравые мысли, сколько предрассудки. Вот и сейчас на первой полосе огромными буквами красовалось: «ДОКТОР БОКЕР СНОВА НА КОНЕ». И далее: «Мы никогда не сомневались в мужестве Алистера Бокера, без страха ринувшегося навстречу подводному дракону, мы также отдаем должное той проницательности, с какой он рассчитал место возможной встречи с монстром, но те кошмарные, фантастические сцены, которыми нас угостила в прошлый вторник И-би-си, заставляют скорее удивиться не тому, что четыре члена экспедиции погибли, но тому, как выжили

остальные. Мы считаем своим долгом поздравить доктора Алистера Бокера с тем, что ему в этой ситуации посчастливилось отделаться лишь растяжением коленного сустава, тогда как чудовище стащило с него носок и ботинок.

Однако каким бы душещипательным ни казалось это приключение, какой бы вклад ни внес доктор Бокер в развитие средств обороны, ошибочно с его стороны считать себя единственным на Земле провидцем.

Мы обеспокоены, и обеспокоены не без оснований, теми сокрушительными ударами по мировому производству, которые наносит подводный мир. Но мы уверены, что недалек тот день, когда наши выдающиеся умы найдут панацею от всех бед и восстановят свободу мореплавания. Мы скорбим о безвинно павших мирных островитянах и негодуем при мысли о свершенных злодеяниях. Тем не менее не следует поддаваться на очередную провокацию доктора Бокера, пытающегося запугать нас. Мы не сомневаемся, что все думающее население Земли на нашей стороне.

Мы склонны приписать предложение Алистера Бокера по созданию системы защиты вдоль всего западного побережья Соединенного Королевства, увы, не здравому смыслу, а стремлению ввести в заблуждение простодушного мирянина, склонного к экстравагантным сенсациям.

Давайте проанализируем, из чего исходил доктор Бокер, давая свои паникерские рекомендации: несколько набегов на крошечные тропические острова некоего, до сих пор нам не известного, чудовища, где в результате погибла пара сотен человек?! Но примерно столько же ежедневно гибнет в автокатастрофах! Конечно, все это весьма прискорбно, но вряд ли дает нам основания возводить дорогостоящие баррикады в тысячах миль от места происшествия, причем за наш с вами счет, дорогие читатели. Это примерно то же, как если бы мы принялись строить сейсмостойкие здания только потому, что в Токио произошло землетрясение...»

И так далее и тому подобное. Они разгромили Бокера в пух и прах. Я решил не показывать статью доктору, но, к сожалению, взгляд «Бихолдэра» не уникален, и Бокер вскоре прочитал эту галиматью в другой газете.

Хорошо, что нам с Филлис удалось ускользнуть раньше, чем коллеги по перу, встречавшие нашу экспедицию, набросились на доктора.

Однако не видеть Бокера — не значит забыть о нем. Пресса, мгновенно разделившаяся на его противников и сторонников, создавала впечатление его постоянного присутствия.

Едва мы открыли дверь своей квартиры, на нас обрушились звонки представителей обеих сторон. Я дозвонился до И-би-си и заявил, что если они не подключатся к нашему телефону, я оборву провод; пусть записывают все звонки, иначе мне придется выполнить свою угрозу, что будет им явно не на руку.

Они согласились и наутро доставили длиннющий список желающих с нами поговорить. Среди них я обнаружил имя капитана Винтерса.

— Тут есть, на мой взгляд, один с явным преимуществом, — сказал я. — Не хочешь ли набрать его номер?

— О Боже! Ничего я не хочу. Это ты хочешь, чтобы твоя жена стала инвалидом!.. — ни с того ни с сего взорвалась Филлис, но все-таки взглянула на фамилию в списке. — А! Морской Флот — это другое дело!

Филлис взялась за телефон.

— Нас желает видеть один из достопочтимых лордов Адмиралтейства, — сообщила она, повесив трубку. — Винтерс будет нас сопровождать, а потом приглашает на обед.

— Прекрасно.

Священный трепет, который мы испытали, чуть замявшись у дверей, растаял, едва мы предстали перед адмиралом. Адмирал оказался на удивление не страшным и даже по-отечески сердобольным.

Заботливо поинтересовавшись, не беспокоят ли Филлис раны, он поздравил нас с благополучным возвращением и предложил сесть.

— Э-э... — протянул адмирал, кинув взгляд на папку, лежавшую на столе. — Мы, конечно, получили доклад доктора Бокера, но в нем есть несколько спорных моментов. Нам кажется, в нем... э-э... как бы это сказать помягче... некоторая вольность обобщений, не совсем позволительная для ученого. Мы подумали, что не мешает встретиться с очевидцами, чтобы прояснить кое-какие детали.

Мы уверили его, что все понимаем.

— Весь сегодняшний день, — сказал я, — шли жаркие дебаты между нашим спонсором, членом правительства и администрацией И-би-си. Спорили о том, что можно позволить в эфире Бо-

керу, а чего нет. Не было только самого Бокера, а уж он будет биться до последнего против любых правок его выступления.

— Конечно, конечно. — Адмирал заглянул в папку. — Вот здесь он пишет про так называемые морские танки и какие-то странные тела, которые он почему-то нарек псевдокишечнополостными. Он говорит, что они неуязвимы для ружейных выстрелов, но взрываются от разрывных снарядов... Это так?

— Да, они лопаются, как электрические лампочки, — подтвердил я. — Все, что от них остается — куча металлических обломков.

— А слизь?

— Да, конечно. И слизь.

— На солнце она превратилась в лак, — добавила Филлис.

Адмирал кивнул.

— Теперь об этих, псевдокишечных. Вот что тут о них говорится. — Он зачитал нам бокеровское описание пузырей. — Вы можете что-нибудь добавить к этому?

— Да вроде все точно, — сказала Филлис.

— А как, на ваш взгляд, обе эти формы обладают... э-э... органами чувств?

— Трудно сказать, сэр. Да, они реагировали на некоторые раздражители... Но если вы имеете в виду степень их разумности, то в двух словах на это не ответишь. Могу сказать одно: направлял их некий Разум, мозг, если хотите. Ведь сделать механизмы с дистанционным управлением, по-моему, не так сложно.

— Видно, вы знакомы с теорией Бокера, он говорит примерно то же самое. А каково ваше мнение?

— Я затрудняюсь, сэр. В принципе, доктор Бокер вполне логичен. Моя жена выразилась по этому поводу довольно просто, она назвала это «ловлей креветок».

— То есть что попадется — то попадется? Дело случая?

— Именно это и отличает живое от неживого...

— Гм-м... А как насчет способа передвижения танков, есть идеи?

Мы покачали головами. Адмирал перебирал страницы доклада.

— Сколько я знаю доктора Бокера, он очень редко чувствует себя неуверенным, особенно что касается его специальности. Но в этот раз... А с этими кишечнополостными?! Если я правильно понял, они, по его мнению, не только не кишечнополостные, но и вообще не живые существа. Вот послушайте,

что он пишет: «Допустимо, что органические ткани можно получить путем синтеза, как это делают наши химики, синтезируя пластик молекулярной структуры. Если этого добиться, то полученный артефакт (придай ему чувствительность к внешним раздражителям) будет вести себя, как живое существо. Неподготовленный человек не в состоянии заподозрить искусственный продукт.

Наблюдения только подтверждают правильность моей теории. Из многочисленных форм жизни неведомый Разум выбрал кишечнополостных в силу их простой организации. Возможно, что и танки — произведение того же рода. Другими словами, мы подверглись нападению органических механизмов с дистанционным или программным управлением. Единственное, что отличает их, например, от наших торпед, управляемых на расстоянии, это то, что они органической природы. Я даже полагаю, что нам приходится решать более сложные задачи в управлении неорганическими машинами». Итак, мистер Ватсон, ваши впечатления?

— Я согласен с Бокером, сэр. А что с образцом?

— Вот копия экспертизы. Для меня это китайская грамота, но мои консультанты говорят, что от этого анализа мало проку. Все высказывания экспертов слишком осторожны, чтобы из них можно было что-нибудь почерпнуть. В общем, щупальце поставило ученых в затруднительное положение.

— Может быть, я что-то не понимаю, — заметила Филлис, — но разве это имеет большое значение? С практической точки зрения, я имею в виду. Живые они или псевдоживые, обращаться с ними, по-моему, надо одинаково.

— Это верно, — согласился адмирал, — но все равно выводы, не подкрепленные доказательствами, бросают тень и на доклад, и на самого ученого.

— О-хо-хо, — с болью в голосе изрекла Филлис, как только за нами закрылась дверь. — Как бы я хотела сейчас тряхнуть этого Бокера. Ведь он же обещал мне про «псевдо» — ни-ни. Самый настоящий enfant terrible*, а не ученый муж. Ну, попадись он мне!

— Да, — кивнул капитан Винтерс, — это только усугубляет его положение.

— И еще как! Пресса обязательно проболтается, и будет вам еще один «бокеризм», уж помяните мое слово. Плохо дело, снова

* ужасный ребенок (*фр.*).

все забуксует и даже разумные люди отвернутся от Бокера. Да, надо ждать неприятностей. Ладно, пошли обедать, пока я окончательно не вышла из себя.

Следующая неделя выдалась скверной. Вслед за «Бихолдэром» газеты с ликованием набросились на псевдокишечнополостных: редакционные писаки окунули перья в сарказм и зубоскальство, целые батальоны ученых, которые и раньше не оставляли в покое Бокера, бросились в новую атаку, готовые его растоптать, карикатуристы внезапно открыли, что их «любимые» политические деятели, оказывается, мало похожи на людей.

Вторая половина прессы, наоборот, рисовала кошмарные картины будущего и требовала защиты от псевдожизни.

Наш спонсор, опасаясь за свою репутацию, решил расторгнуть контракт с И-би-си. Дирекция рвала на себе волосы. Руководитель отдела продажи эфирного времени вспомнил старую поговорку, что любое паблисити — хорошее паблисити. Но спонсор утверждал, что покупательский бум — не что иное, как подтверждение теории Бокера, и влечет за собой продолжение роста цен. И-би-си парировала, что созданное паблисити уже накрепко связало его продукцию с именем Бокера, и бессмысленно не постараться заработать на этом сколько возможно.

— Моя фирма собиралась внести свой вклад в развитие науки и общественной безопасности, а не совершать вульгарный рекламный трюк, — сказал спонсор. — Тут накануне ваш комик высказался, что, дескать, только псевдожизнь открыла ему глаза на собственную тещу. Если это позволяет себе И-би-си, то что говорить о других?!

И-би-си заверила, что подобное не повторится, но заметила, что после отказа от стольких обещаний, данных спонсором редакции, вряд ли его фирме удастся сохранить авторитет.

В то же время коллеги с Би-би-си вдруг обнаружили неслыханную симпатию к нашей компании. Казалось, конкуренты что-то замышляют — больно подозрительной была их вызывающая вежливость.

Я пытался работать в редакции, но все, кому не лень, заглядывали в дверь, сообщали о событиях на фронте, советовали вставить или опустить ту или иную подробность, в зависимости от состояния дел. И через пару дней, не выдержав, я перебрался домой. Однако и здесь меня не оставили в покое. Телефон не умол-

кал: рекомендации, всяческие предложения, сообщения о смене конъюнктуры сыпались, как из рога изобилия. Я старался вовсю: писал, переписывал, пытаясь угодить всем беспокойным.

А И-би-си уже воевала с Бокером. Он кричал, угрожал, обещал все бросить, если его не пустят в прямой эфир.

Закончив сценарии, мы так устали, что не было сил вникать во все эти споры и распри. А когда вышла первая передача, мы решили, что на радиостанции ее перепутали с «Полчаса Маменькиного Ангелочка».

Собрав манатки, мы махнули за покоем в Корнуэлл.

— Боже мой! — воскликнул я, увидев нововведение. — Неужели не хватает веранды? Если ты думаешь, что в жару я буду сидеть там только потому, что...

— Это, — холодно перебила меня Филлис, — беседка.

— Неужели? — изумился я, разглядывая необычное сооружение со скособоченной стеной. — Ну и к чему нам беседка?

— А вдруг кому-нибудь летним днем захочется в ней поработать? Она прекрасно защитит от ветра и не даст разлететься бумагам.

— Да-а?..

— В конце концов, — оправдываясь, добавила Филлис, — если кто-то кладет кирпичи, значит, он что-то строит.

«Логично, но подозрительно», — подумал я и уверил Филлис, что если это беседка, то очень премиленькая, просто для меня это явилось неожиданностью.

— Чтобы прийти к подобному выводу, — ехидно заметила Филлис, — не нужно так долго думать.

Меня так и подмывало что-нибудь ответить, но я все же попридержал язык и сказал, что, на мой взгляд, все сработано чудесно, тем более что сам я вообще не способен положить один кирпич на другой.

Как иногда необходима смена обстановки! Эскондида, танки, пузыри со своими щупальцами... трудно было поверить в их существование. И все-таки мне не удалось расслабиться, как я надеялся.

В первое же утро Филлис взяла черновики своего романа и отправилась в беседку. Я слонялся вокруг в ожидании долгожданного успокоения, но оно так и не снизошло на меня.

Все так же по лицу хлестал ветер, все так же волны бились о скалы. Море могло рокотать, штормить, топить корабли, но

так было всегда, все это старые штучки. Я смотрел на пенный прибой и понимал всю нереальность Эскондиды. Эскондида принадлежала другому миру, миру, где никто не удивляется ни танкам, ни кишечнополостным. Здесь все было не так, Корнуэлл был реален и солиден. Над ним проходили века, его берега омывали волны, и если море забирало людей, то не потому, что бросало им вызов, а потому, что люди бросали вызов ему. Море казалось настолько мирным и домашним, что невозможно было вообразить его извергающим исчадия ада, наподобие тех, что выползли на пляж Эскондиды. Отсюда и Бокер представлялся мне уже злым духом, вызывающим сатанинские галлюцинации. Здесь без него жизнь текла размеренно и спокойно, по крайней мере так представлялось сначала. Но стоило мне спустя несколько дней вынырнуть из текучки наших будничных дел, я понял, до чего расшатан мир.

Воздушный флот работал строго по предписанию: перевозить грузы только первейшей необходимости. Жизнь вздорожала почти на двести процентов. Самолетостроение крутилось на полную катушку, пытаясь снизить стоимость перевозок, потребность в которых была столь велика, что даже первоочередники могли просидеть на аэровокзалах добрых пару лет. Все гавани были забиты до отказа брошенными судами. Докеры, потеряв работу, собирались на митинги, выходили на демонстрации, словом, всеми силами боролись за гарантированный заработок, в то время как их профсоюз колебался и выжидал. Выброшенные на улицу моряки присоединились к докерам, требуя защиты своих прав. Труженики авиалиний грозили поддержать бастующих, если им не повысят зарплату. Упал спрос на сталь, на уголь, и, когда было предложено закрыть несколько обанкротившихся предприятий, вся отрасль забастовала в знак протеста.

Буревестники из Москвы, ощутив, как меняется политический и экономический климат, провозгласили, что судоходный кризис — это, большей частью, происки реакции. Запад, говорили они, уцепился за несколько несчастных случаев, чтобы оправдать расширение военно-воздушных программ.

Промышленность работала только на самое необходимое. То и дело созывались конференции финансистов. Пронесся слух, что продукты будут распространяться пропорционально доходам, вспыхнули мятежи. Торговля бурлила.

Однако все еще находились смельчаки, за немалую плату готовые выйти в открытое море. Но это было не более чем бра-

вада — никакие сверхценные грузы не могли оправдать ни риска, ни баснословной цены таких круизов.

Вдруг кто-то спохватился, что все погибшие суда работали от силовых установок, и сразу моря запестрели парусниками. Возникла идея наладить их массовое производство, от которой быстро отказались, сочтя, что не сегодня-завтра с напастью будет покончено и нет надобности в инвестициях.

Ученые всего мира продолжали упорно трудиться. Каждую неделю испытывалось новое оружие, кое-что даже запускали в производство и тут же снимали по причине многочисленных изъянов. Оправдывая свои промахи, ученые в век научно-технического прогресса вспоминали, что и у магов и чародеев случались неудачи. Но в том, что со дня на день средство будет найдено, не сомневался никто.

Я так понимаю, люди верили в науку больше, чем наука сама в себя. Как ни хотели ученые мужи предстать освободителями человечества, у них ничего не выходило. И все же главная трудность состояла не в немощи инженерной мысли, а в недостатке информации. «Ну как, как подступиться, — жаловался мне один ученый, — если тебе нужно сделать ловушку для привидения, для духа? Ну хоть бы что-нибудь, хоть запах...» Ученые с радостью ухватились бы за любую соломинку, но, кроме теории Бокера, не было ничего. Может, именно поэтому в ученой среде к ней отнеслись довольно серьезно.

Что касается морских танков, то они не сходили со страниц газет и с экранов телевизоров. И-би-си то и дело прокручивала нашу запись с Эскондиды и даже любезно предоставила небольшой фрагментик Би-би-си. Видя, какую тревогу вызывают эти передачи, я недоумевал, но потом понял, что кому-то наверху выгодно отвлечь внимание народа от состояния внутренних дел. Что-что, а уж морские танки как нельзя лучше подходили для этой цели.

С тех пор как мы покинули Смиттаун, прошло не так много времени, а, по сообщениям прессы, в области Карибского бассейна пришельцы из Глубин совершили уже одиннадцать набегов, двенадцатый был отбитый благодаря оперативным действиям американских ВВС.

Но все это, однако, мелочи по сравнению с тем, что творилось в другом полушарии. С дюжину танков выползло на Хоккайдо и Хонсю, четыре города на Минданао одновременно атаковали около шестидесяти танков и так далее и так далее. Да,

британцам жилось гораздо спокойнее на высоком континентальном шельфе, нежели обитателям Филиппин и Индонезии, где тысячи людей в панике покидали побережье, бросали дома, срываясь с оседлых мест, и бежали в глубь островов. То же самое происходило и в Вест-Индии.

Мороз продирал по коже, когда я получал подобные вести. Совершенно отчетливо я осознал наконец весь ужас происходящего, насколько же все было серьезнее, чем представлялось. Сотни, тысячи танков свидетельствовали не об отдельных, случайных рейдах, а о широкой, развернутой кампании.

— Власти обязаны защитить людей, — не выдержав, возмутился я, — хотя бы раздать оружие! Какая, к черту, экономика, когда невозможно подойти к морю. Они должны сделать, чтобы люди могли нормально жить и работать.

— Кто знает, где танки вынырнут в следующий раз, — откликнулась Филлис, — нужны молниеносные действия, а это значит, что каждый должен иметь при себе оружие днем и ночью.

— Вот именно. Так что правительство никуда не денется и раздаст его.

— В самом деле?

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется странным: власть, якобы правящая по воле народа, готова пойти на все, лишь бы не давать этому народу в руки оружие? Народ защищает не самого себя, а правительство. Разве не так? Исключение разве что швейцарцы: они доверяют своему правительству, но у них нет выхода к морю и, следовательно, нет наших забот.

Филлис меня озадачила. Сегодня она выглядела особенно усталой и была совсем не похожа на себя.

— Что случилось, Фил?

— Ничего, — Филлис вздрогнула, — просто у меня сдают нервы при виде всей этой лжи и грязи. Майк, тебе никогда не хотелось родиться в век Истинного, а не Мнимого Разума? Мне кажется, они скорее отдадут этим монстрам тысячи жизней, нежели рискнут раздать людям оружие, и найдут для оправдания своего решения массу доводов. Какое им дело до нескольких тысяч или миллионов людей?! Женщины всегда восполняют потери. А вот ценным правительством рисковать нельзя.

— Дорогая...

— Нет, конечно, что-то они сделают. Например, поставят парочку гарнизонов в особо опасных местах. Но все равно всегда и везде они будут опаздывать. Плотно набитые человечес-

ким мясом шары будут катиться к морю, несчастных девушек, как Мюриэл, будут тянуть за волосы по асфальту, людей будут разрывать на куски, как того парня, которого ухватили сразу две медузы... вот тогда прилетят самолеты, а адмиралы скажут: «Нам ах как жаль, мы немножко опоздали, но вы сами понимаете, что существуют определенные трудности, сборы, приготовления». Или я не права?

— Но, Фил, дорогая...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Майк. Я действительно разволновалась. Никто, никто ничего не делает! Никаких попыток что-нибудь изменить! Все говорят: «Боже, Боже, какой упадок». Одни слова, слова, слова... будто словом можно остановить катастрофу. Зато стоит появиться Бокеру, как тут же его объявляют паникером. Так сколько, Майк, сколько, по их мнению, должно погибнуть людей, чтобы они сочли нужным что-либо сделать?

— Но, Фил, они же пытаются...

— Да? Майк, они просто балансируют! Какова минимальная плата за сохранение политического господства? Сколько людей должно погибнуть до возникновения опасности? Разумно ли на данном этапе объявлять чрезвычайное положение? Сплошная болтовня и нежелание ударить палец о палец. О, я бы!.. — Она неожиданно умолкла. — Прости, Майк, что-то я совсем расклеилась. Наверное, просто устала.

Филлис вышла. Этот ее взрыв очень меня обеспокоил. С тех пор как умер наш ребенок, я не видел ее в таком состоянии.

Следующее утро ничего не изменило. Я нашел Филлис сидящей в беседке. Уронив голову на руки, она плакала.

— Дорогая, любимая моя, что случилось? — Я нежно поцеловал ее.

Филлис посмотрела на меня.

— Я больше так не могу, — сказала она, слезы текли по ее щекам.

Я сел рядом и обнял Филлис за плечи.

— Все пройдет, моя хорошая, не расстраивайся.

— Нет, не пройдет, Майк. Мне страшно. — Она посмотрела на меня каким-то странным испытующим взглядом.

— Тебе нечего бояться, Фил.

— А ты, ты не боишься?

— Мы просто засиделись, Фил. Скисли, размякли над своими сценариями. Давай прогуляемся. По-моему, неплохо бы прокатиться на серфинге.

Филлис утерла рукой слезы.

— Хорошо, пойдем.

Стояла чудесная погода. Ветер, море, серфинг вернули Филлис к жизни. Она почувствовала себя намного лучше.

— День-два, — сказала она, — и все заживет без следа.

Довольные, мы вернулись в коттедж в половине десятого вечера. Филлис пошла варить кофе, а я включил радио. Поймав Би-би-си, где шла пьеса, в которой Гледис Янг собиралась стать заботливой матерью, я тут же переключил приемник на родную И-би-си. Там передавали какую-то нудятину, но я оставил ее — пусть говорят.

Вскоре передача кончилась и некто, кого я никогда прежде не слышал, представил своего закадычного друга — из динамика грянула песня:

Я сижу в лаборатории,
Раскалился добела...

Понадобилось время, чтобы до меня дошло, что происходит. Я уставился на приемник.

Ох вы, атомы ядреные,
Термоядерный утиль!

За спиной раздался грохот. Я обернулся и увидел Филлис, у ее ног валялся поднос с разбитыми чашками. Колени Филлис подкосились, я едва успел подхватить ее и усадить в кресло.

Я бы выждал до утра,
Взмыл бы в небо авиатором...

Я выключил радио. Каким-то образом И-би-си удалось раздобыть песенку Лесли, Тед успел ее записать...

Филлис не плакала. Она сидела в кресле и раскачивалась из стороны в сторону.

— Я дал ей успокоительного, и она уснула, — сказал доктор. — Вашей жене нужен отдых и перемена обстановки.

— Как раз за этим мы и приехали, — заметил я.

— Вам, кстати, тоже, — задумчиво произнес он, оглядывая меня.

— Со мной полный порядок. Я одного не понимаю, доктор: в сущности, она знает не больше других, все видели пленки. Правда, мы сами были участниками...

— Вам это часто приходит во сне, не так ли? — спросил он, внимательно глядя мне в глаза.

— Да, парочка кошмаров...

Доктор кивнул.

— И раз за разом все прокручивается, как наяву? Особенно то, что связано с женщиной по имени Мюриэл и мужчиной, которого разорвало надвое?

— Да, — опешил я. — Откуда вы знаете? — Тут меня осенило. — Но я обмолвился об этом раз или два, не больше! Я сам почти уже забыл...

— Такое вряд ли скоро забудешь.

— Вы хотите сказать, что я разговариваю во сне?

— И, по-видимому, часто.

— Понятно. Поэтому Филлис...

— Да. Я дам вам адрес моего друга с Харли-стрит, обязательно завтра же загляните к нему.

— Хорошо, доктор. Знаете, это все работа: каждый день я занимался тем, что описывал весь этот ужас. Теперь я могу расслабиться.

— Возможно. Но все равно зайдите на Харли-стрит.

Врачу с Харли-стрит я признался, что в своих сновидениях не Мюриэл, а Филлис видел влекомой за волосы по асфальту, и не парня разрывали на части, а именно ее — Филлис. Видно, она провела немало бессонных ночей, не давая мне в бреду кинуться в окно.

— Quid pro quo*, — сказал на это врач.

Нирвана — для избранных. И тем не менее я тоже на какое-то время окунулся в блаженство в старинном замке графства Йоркшир, куда мне посоветовали отправиться отдохнуть.

Первые дни при полном отсутствии газет, радио, телевидения не вызвали ничего, кроме раздражения, но затем я прямо физически ощутил, как ослабляются струны перенапряженных нервов. Казалось, произошла смена скоростей: непрерывная гонка уступила место стабильной размеренности, мотор заработал нормально. Пришло внутреннее упрощение, появились постоянные привычки. В общем, я стал другим человеком и за полтора месяца так втянулся в дурман ничегонеделания, что

* Одно за другое (*лат.*).

запросто застрял бы в Йоркшире еще бог весть насколько, если бы в один прекрасный день жажда не привела меня в маленький пивной ресторанчик.

Я стоял за стойкой, потягивая пиво. Хозяин включил радио. Наш архиконкурент передавал вечерние новости, и первое же известие пробило брешь в моей, с таким трудом воздвигнутой, китайской стене.

«Число жертв в Овьедо-Сантандер, — сообщал диктор, — до сих пор не установлено. На сегодняшний день зарегистрировано три тысячи двести пропавших без вести, однако испанские власти полагают, что цифра занижена на пятнадцать — двадцать процентов. Со всех частей света в Мадрид продолжают поступать телеграммы с выражением соболезнования; среди них из Сан-Хосе, Гватемалы, Сальвадора, Ла Серены, Чили, Банбери, Западной Австралии, а также с многочисленных островов Вест-Индии, которые сами пережили страх варварских нападений. Однако кошмар, доставшийся на долю жителей северного побережья Испании, ни с чем не сравним.

Сегодня в парламенте лидер оппозиции, присоединившись к премьер-министру, выразил глубокие соболезнования по поводу несчастья, постигшего испанский народ. Он отметил, что последствия нападений в Хихоне могли быть намного печальнее, если бы люди не взяли защиту в свои руки. Задача нашего правительства, подчеркнул он, обеспечить население всеми средствами обороны. А если власти уклоняются от своего долга, то пусть потом не осуждают народ за вынужденную самозащиту.

С незапамятных времен, напомнил он, у нас существует армия для обеспечения внешней безопасности; в 1829 году мы образовали полицию, дабы обезопасить себя от внутренних врагов; как бы теперь не оказалось, что правительство не способно оградить от страшного бедствия жителей побережья, которые имеют на это полное право, принадлежа к великой нации.

Члены оппозиции считают, что правительство, не выполнив предвыборные обязательства, порочит название своей партии, что политика сбережения ничем не отличается от скаредности. Самое время, говорит оппозиция, принять меры для безопасности, чтобы жителей наших островов не постигла судьба испанцев.

Премьер-министр уверил оппозицию, что правительство внимательно следит за ходом дела, и конкретные шаги, если это понадобится, будут предприняты незамедлительно. Однако, заметил он, Британские острова расположены вдали от Глубин, в которых сосредоточена главная угроза.

Имя Ее Величества возглавляет список фонда, открытого лорд-мэром Лондона для...»

На этом месте хозяин выключил радиоприемник.

— Эх! — возмутился он. — Из себя выводит. Одно и то же, одно и то же. Сколько можно? Что мы, шпингалеты неразумные?! Как во время войны, ей-богу! Дерьмовая охрана по всему городу, ожидающая дерьмовых десантников, дерьмовое вооружение, дерьмовое затемнение, тьфу! Как сказал один старик: «За кого они нас принимают?!»

Я предложил ему выпить и, объяснив, что оказался без новостей, спросил о том, что происходит в мире.

Если отбросить его однообразное прилагательное и добавить то, что мне удалось выяснить несколько позже, события разворачивались примерно так: последние недели область набегов расширилась за пределы тропиков. Банбери, а также Западную Австралию атаковало более пятидесяти танков. Спустя несколько дней врасплох была захвачена Ла Серена. В это же время в Центральной Америке на Тихоокеанское и Атлантическое побережья обрушилась целая серия вторжений. Неоднократно подвергались нападениям острова Зеленого Мыса; опасная зона распространилась вплоть до Канарских островов и Мадейры. Незначительные вылазки зарегистрированы в районе Африканского Рога.

Выражение «Ex Africa semper oliquid novi» можно несколько вольно перевести как: «Все любопытное случается там, где нас нет», то есть Европа, по мнению европейцев, была, есть и будет стабильна. Ураганы, землетрясения, цунами — все это слишком экстравагантно для Европы и божественным провидением направлено в более экзотические и менее здравомыслящие части света. Европеец сам в периоды своих буйных помешательств наносил Европе куда больший ущерб. Так что никто всерьез не думал, что беда может грянуть ближе, чем где-нибудь на Мадейре или Касабланке. Поэтому, когда пять дней назад танки выползли на скользкую дорогу к Сантандеру, для жителей это было, как снег на голову.

Едва они появились на улицах города, местный гарнизон был поднят на ноги тревожными телефонными звонками. Кто-то бешено орал в трубку, что вражеские подводные лодки вторглись в порт, кто-то утверждал, что субмарины высаживают танковый десант, кто-то называл субмарины «амфибиями», короче, никто в гарнизоне ничего не понял, и на место происшествия выслали разведотряд.

А тем временем танки занимали позицию. Верующие, уверенные в дьявольском происхождении «амфибий», на латыни призывали непрошеных гостей вернуться, откуда явились — к своему Господу-Люциферу. Но «амфибии», невзирая на заклинания, медленно выходили на позицию, гоня перед собой несчастных служителей культа.

Подоспевший разведотряд с трудом пробивал себе дорогу в толпе молящихся горожан.

«Будь то иностранное вторжение или сам Дьявол во плоти, правда за нами», — решил командир отряда и приказал открыть огонь.

Комиссариат, приняв пальбу на улице за восстание военных, бросил полицию на подавление мятежа.

Началась какая-то партизанщина. Грохот выстрелов, причитания молящихся, стоны раненых, исступленные крики попавших в сети кишечнополостных — все слилось в единую апокалиптическую симфонию.

Только наутро, когда пришельцы убрались восвояси, выяснилось, что бесследно исчезло более двух тысяч человек.

— Но почему так много? — не удержался я. — Они что, так и молились прямо на улице?

Как понял из газет хозяин паба, люди просто не могли взять в толк, что творится.

— Они там не шибко грамотные, — пояснил он, — прессы не читают и что в мире дерьмо такое, понятия не имеют. А потом началась дерьмовая паника: счастливцам удалось бежать, но в основном все пытались забраться под крыши.

— Но там же им ничего не угрожало? — изумился я.

Оказывается, мои сведения устарели. Со времен Эскондиды твари кое-чему научились; в частности, они усвоили, что, если разрушить первый этаж, здание разваливается само собой и остается только подбирать людей на развалинах. Таким образом, выбора не было: либо погибнуть под обломками, либо — на свежем воздухе.

На следующую ночь близ Сантандера дозорные заметили огромные полуовальные тени, выползающие на берег во время прилива. Жителей, слава Богу, успели эвакуировать, а испанская авиация остановила танки пулеметным огнем и бомбами.

В Сан-Висенте ВВС уничтожили целую дюжину, а остальных заставили повернуть назад.

Еще в четырех прибрежных городах войска потрудились на славу: из пятидесяти танков в Глубины возвратилось лишь пять.

Это была крупная победа, и немало тостов было поднято в честь доблестной армии.

На другую ночь ничего не произошло, хотя нападения ждали и расставили дозорных вдоль всего побережья. Вероятно, танки или те, кто их посылал, получили болезненный урок.

Утром поднялся ветер, а к вечеру над морем расстелился такой густой туман, что было видно не дальше, чем на несколько ярдов. Около одиннадцати без единого звука в Хихоне показались танки. И только треск ломающихся шаланд на их пути разбудил рыбаков.

Прежде чем все поняли, что случилось, первый уже успел выпустить пузырь. Раздались крики, началась суматоха.

Медленно и неуклюже продвигались адские машины по узким улочкам города, за ними из воды появлялись все новые и новые. Люди не знали, куда деваться: убегая от одного танка, они наталкивались на другой и так без конца; из тумана выбрасывалась призрачная нить, находила свою жертву и ускользала обратно в туман. Плотно набитые шары один за другим с плеском исчезали в море.

— Высадились, — угрюмо сказал дежурный по комиссариату и медленно опустил трубку телефона. — Мобилизовать всех боеспособных и раздать автоматы! — приказал он и добавил: — Вряд ли они помогут, но чем черт не шутит. Цельтесь хорошенько, и если обнаружите уязвимое место, тут же доложите.

Внезапно раздался взрыв, задрожали стекла; следом еще один. Зазвонил телефон. Взволнованный голос сообщил, что докеры бросают под танки динамитные шашки. И снова взрыв.

— Отлично! — Дежурный тут же принял решение. — Найдите их главного и от моего имени назначьте командиром.

Но не так-то просто было заставить неприятеля отступить. Бойня продолжалась почти до самого рассвета. Кто говорил, что было всего пятьдесят танков, кто утверждал, что — сто пятьдесят. Одни уверяли, что уничтожили семьдесят ползучих гадов, другие — тридцать.

Когда занялась заря и рассеялся туман, город представлял собой сплошные развалины, покрытые толстым слоем вонючей слизи. Но люди чувствовали, что заслужили лавры победителей.

— Около сотни этого дерьма, — заключил владелец паба, — уничтожили за две ночи. А сколько их еще ползает по дерьмовому дну?! Пора уже их с дерьмом смешать, дерьмо такое! Но нет! «Причин для беспокойства нет», — говорит наше дерьмо-

вое правительство. Ха! Слышали, знаем. Причины дерьмовой нет, видите ли, для дерьмового беспокойства! Вот так и будет, пока тыщу-другую бедолаг не схрумают летучие медузы! Тогда и посыплются дерьмовые приказы, вот увидишь.

— Бискайский залив, — заметил я, — самое глубокое место в нашем регионе.

— Ну и что? — по делу спросил он.

Вот именно — ну и что. Давно прошли те времена, когда нападения совершались исключительно вблизи Глубин. Даже если взглянуть на это с точки зрения механики: медленный покатый подъем куда удобнее кручи. Но с другой стороны, чем выше давление извне, тем меньше им надо тратить внутренней энергии. Господи, как мало мы о них знаем!

Мы выпили за то, чтобы его слова не сбылись, и я побрел назад в замок.

Колдовские чары распались, я уложил вещи и сообщил всем, что утром уезжаю в Лондон.

Чтобы не скучать в дороге, а заодно войти в курс событий, я накупил кипу газет.

«Защита побережья...», «Защита побережья...» — мелькало на каждой странице. Левые ратовали за немедленное вооружение, правые называли опасность химерой и всячески ее отвергали. В принципе, ничего не изменилось. Ученые еще не создали панацею, хотя что-то, как обычно, испытывалось. Порты были забиты судами, авиастроительные заводы работали в три смены, рабочие угрожали забастовкой, а коммунистическая партия вещала, что каждый самолет — это еще один голос, отданный за войну.

«Никого не обманет, — утверждали товарищи из Кремля, — что форсирование воздушных программ не что иное, как часть буржуазно-фашистских замыслов по развязыванию войны. Негодование русского народа, который сопротивляется одной лишь мысли о возможной войне, так велико, что в целях защиты мира правительство СССР приняло решение утроить производство самолетов. Войны можно избежать!»

Данный анализ этого утверждения нашими советологами не оставил сомнений, что Дельфийский оракул перенесен из Дельф в Москву, а незабвенная Пифия из храма Аполлона — прямо в Кремль.

Первое, что я увидел, открыв дверь, — куча конвертов на полу. Квартира была явно брошена. В спальне — следы поспешных сборов, в кухне — немытая посуда.

Я взглянул на настольный календарь, на нем неделю назад рукой Филлис было нацарапано лаконичное — «баранья отбивная».

Рядом лежала ее записная книжка. Обычно я никогда не заглядываю в нее, придавая ей статус личных писем, но сегодня — исключительный случай: нужно было найти хоть намек, где искать Филлис. Я открыл блокнот, однако последняя запись не внесла никакой ясности.

Неугомонный мистер Нэш*, ученая душа,
Открыл словарь и все слова смеясь перемешал.
И «да» — не «да», и «нет» — не «нет»!
О, мистер Бард! О, мистер Бред!

И пусть мне жить еще и жить, и снова, и опять,
Но все равно мне рифмы той вовек не отыскать —
Той рифмы, что прекрасней грез,
Что Огден Нэш с собой унес.

— Здесь меньше грез, а больше слез, — вырвалось у меня, — и совсем никаких объяснений. Определенно никаких, — пробурчал я и взялся за телефон.

Приятно было услышать, как обрадовался мне Фредди Виттиер.

— Ну-ну, — прервал я поток приветствий и поздравлений с возвращением, — я так долго никого не видел и ни с кем incomunicado**, что, кажется, потерял жену. Ты не просветишь меня?

— Потерял, прости, что?

— Жену, Филлис! — почти прокричал я.

— Фу-у-у! — облегченно вздохнул на другом конце провода Фредди. — Мне послышалось «жизнь». Филлис в порядке, не волнуйся. Она уехала с Бокером.

— Тебе не кажется, Фредди, что это не лучший способ сообщать новости? Что ты хочешь сказать этим своим «уехала с Бокером»?

— В Испанию, — лаконично пояснил Фредди, но тут же добавил: — Они там ставят какие-то ловушки на танки. В ближайшее время надо ждать от нее известий.

— Значит, она прикарманила мою работу?

— Наоборот, сохранила для тебя. Это другие пытались, а она не дала. Хорошо, что ты вернулся, Майк. Филлис продер-

* Огден Нэш — американский поэт (1902—1971).

** не общался (*исп.*).

жалась на курорте куда меньше, через неделю она уже приехала в Лондон.

Пустая квартира вселяла в меня уныние, и я допоздна проторчал в клубе.

Меня разбудил затрезвонивший прямо над ухом телефон. Включив свет, я обнаружил, что всего пять часов утра.

— Алло?

Это был Фредди. Мое сердце тревожно забилось — с чего бы ему будить меня в такую рань?

— Майк? Надевай шляпу, бери магнитофон, за тобой уже послана машина.

— Машина? — туго соображая, переспросил я. — Что-нибудь с Филлис?

— Филлис? О Боже, нет, конечно! Она звонила вечером, я передал ей от тебя поцелуй. А теперь пошевеливайся, старик. Машина будет с минуты на минуту.

— Погоди, у меня нет магнитофона. Он, наверное, у Фил.

— Дьявол! Постарайся раздобыть к самолету.

— К самолету? — Я совсем растерялся, но в трубке уже раздавались гудки.

Нехотя я выскользнул из-под одеяла и принялся одеваться. В дверь позвонили.

— Что все это значит? — спросил я нашего постоянного шофера.

Но он знал только, что меня надо доставить к самолету, улетающему спецрейсом в Нортольт. Я захватил паспорт, и мы вышли.

— А, вот и еще один «Говорящий Голос»! Да это же наш Ватсон! — окликнули меня в зале ожидания.

Я оглянулся и присоединился к небольшой заспанной группе с Флит-стрит, попивающей горячий кофе.

— Что все это значит? — поинтересовался я. — Какого черта меня вытащили из теплой, хотя и одинокой постели, поволокли ночью... О, спасибо. Да, это немного оживит.

Самаритянин, протягивающий кофе, уставился на меня.

— Ты что, ничего не слышал?

— О чем?

— Как? О подводных тварях. Ирландия, Банкрана, Донегол — город гномов и волшебных духов. Как раз место для этих гадов. Не сомневаюсь, аборигены наверняка скажут, что их снова дискриминировали, что первый город на Британских островах, кото-

рый посетили танки, не случайно оказался ирландским. Помяни мое слово, обязательно скажут.

Паспорт мне не пригодился.

Странно было почувствовать знакомый запах гнилой слизи в маленьком ирландском поселке. Эскондида, Смиттаун — тропическая экзотика, но здесь, среди мягкой зелени и туманной синевы, морские танки и медузы со своими отвратительными щупальцами казались совершенной нелепицей.

И тем не менее следы нашествия были повсюду. Борозды на пляже, вдавленный в землю булыжник, покореженные дома, женщины с красными от слез глазами, видевшие, как их мужья скрылись за полупрозрачными стенками пузырей, все та же мерзкая слизь и жуткий запах.

Донегол посетило шесть танков. Три из них удалось подорвать подоспевшим военным, остальные добрались до воды целыми и невредимыми. Больше половины населения, скатанное в тугие коконы, бесследно исчезло в море. Следующей ночью набег повторился, но несколько южнее — в заливе Голуэй.

Когда я вернулся в Лондон, кампания уже шла полным ходом. Здесь не место в деталях ее описывать — копии официальных сообщений сохранились до сих пор, и они гораздо точнее, нежели мои путаные воспоминания.

Вернулась и Филлис. Мы сразу кинулись в работу, работу для нас новую и необычную. Мы поддерживали связь с Адмиралтейством, а также с Бокером и сообщали нашим слушателям, что предпринимается властями против танков.

А предпринималось действительно немало. Ирландская Республика оставила прошлые обиды, рассчитывая получить от Соединенного Королевства побольше мин, базук, минометов, и даже согласилась расквартировать воинские подразделения. По всему западному и южному побережью заложили минные поля, в приморских городах расставили патрули, наготове стояли броневики и самолеты.

Но ничто не останавливало подводных дьяволов. Ирландия, Британия, Бискайский залив, Португалия ночь за ночью подвергались разрушительным набегам. И все-таки главное оружие противника — внезапность — было утрачено: первый же подрывавшийся на мине танк поднимал по тревоге армию, людей спешно эвакуировали, и, хотя разрушений было много, медузы, как правило, оставались без добычи. А то и вовсе ни одна тварь не возвращалась в море.

Много хлопот танки доставили по другую сторону Атлантики — в районе Мексиканского залива. Здорово досталось и Филиппинам, Японии, островам Индийского океана, но и там в итоге на них нашли управу.

Бокер сломя голову носился по всему миру, убеждая власти разных стран поставить хоть парочку капканов, но безуспешно. Все соглашались с ним: мол, было бы полезно узнать о враге побольше, но, ссылаясь на практические трудности, отказывали. «Вряд ли, — говорили ему, — люди пойдут на то, чтобы у них под боком отвратительный монстр безнаказанно продуцировал ненасытных медуз».

Все же несколько ловушек типа ловчей ямы Бокер вырыл, однако никто в них не попался. Тогда он, приложив всю мощь своего красноречия, убедил каких-то защитников не взрывать танки, а набрасывать на них стальную сеть. Сеть набросили, но что делать дальше, никто не знал. При всякой попытке вскрыть танк в воздух выбрасывался целый гейзер вонючей слизи, а частенько они просто взрывались сами по себе. По мнению Бокера, это вызывалось прямыми солнечными лучами, хотя были на этот счет и другие мнения. Короче говоря, изучение природы подводных существ не продвинулось ни на шаг после ночи на Эскондиде.

Из всех стран Северной Европы больше всего атак пришлось на Ирландию, как полагал Бокер, откуда-то из Глубин южнее Рокалля. Надо отдать должное ирландцам — они быстро научились расправляться с нечистью и считали позором, если хоть один танк ускользал из их рук. В Шотландии обошлось почти без жертв, а что касается Англии, то на ее долю выпало несколько мелких инцидентов в Корнуэлле, ну, разве что еще вторжение в Фалмутский порт: там двум танкам удалось достигнуть линии прилива, где их и уничтожили, остальные не доползли даже до берега.

Затем набеги прекратились. Прекратились неожиданно, и на материках — полностью.

По прошествии недели никто не сомневался, что некто, прозванный «Полководцем Глубин», дал отбой. Континенты оказались ему не по зубам, попытка захвата материков с треском провалилась, и танки отступили к островным районам. Но и там ситуация давно изменилась: неприятель нес крупные потери.

Еще через неделю отменили чрезвычайное положение.

День или два спустя Бокер дал в эфире свои комментарии.

«Некоторые из нас, — начал он, — не самые разумные, уже отпраздновали победу. Им я могу сказать, что если вода в котле не закипела только потому, что у каннибала кончились дрова,

жертве в котле рано радоваться. И если эта жертва не хочет быть съеденной, ей надо спешно что-нибудь предпринять, пока людоед не вернулся с охапкой хороших сухих дров.

Давайте внимательно посмотрим на так называемую победу. Мы, морская нация, в расцвете своего могущества, боимся выйти в открытое море! Нас вытеснили из среды, которую мы испокон веков считали своей. Мы еще отваживаемся выйти в мелкие прибрежные воды, но как долго это продлится? Где гарантия, что нас не погонят и оттуда? Мы — в блокаде, в блокаде более серьезной, чем когда бы то ни было. Наш хлеб насущный зависит от авиации! Даже ученые, пытающиеся изучить причину наших несчастий, и те отправляются в путь исключительно на парусниках! И это вы называете победой?!

Никто, никто еще не может сказать, где корень зла. Возможно, те, кто высказался о «ловле креветок», недалек от истины. Возможно. Лично я уверен, что все не так просто. А может быть, им нужна суша? Что ж, надо признаться, их попытки захватить сушу гораздо успешнее, чем наши — достичь Глубин. Следовательно, они лучше осведомлены о нас, чем мы о них, и потому опасны. Вряд ли эти существа пойдут старым путем, я думаю, они обязательно применят новое оружие. Но что будем делать мы? Сумеем ли противопоставить свое? Полагаю — нет. А вы?

На сегодняшний день потребность в оружии для нас не уменьшилась, а напротив — возросла многократно.

Кто-то может упрекнуть меня в том, что еще вчера я призывал к дружбе с ними, а сегодня — развернулся на сто восемьдесят градусов. Все правильно, но ведь никто же не попытался достигнуть взаимопонимания. Вероятно, ничего бы не вышло, теперь я в этом убежден, но, без сомнения, то, что я когда-то пытался предотвратить, нарастало и требует немедленного разрешения. Два Разума ненавидят друг друга. Жизнь во всех ее формах — борьба, и Разум — самое мощное оружие в этой борьбе. Разум — абсолют, а двух абсолютов быть не может.

Ход событий показал, что моя прежняя точка зрения оказалась печально антропоморфична. И я заявляю: как только мы отыщем контроружие, мы должны, обязаны напасть и стереть их с лица земли. Сейчас нам дарована провидением небольшая передышка, но они вернутся, непременно вернутся, ими движет то, что движет и нами: убить или умереть. И когда они вернутся, не дай Бог, они будут лучше вооружены...

Это — не победа. Я повторяю, это — не победа...»

* * *

Наутро я встретил Пэнделла из отдела связи. Он посмотрел на меня печальным взором.

— Мы пытались, — стал оправдываться я. — Мы сделали, что могли, но на него снизошло вдохновение.

— Увидишь его, передай все, что я о нем думаю, — попросил Пэнделл. — Дело не в том, что он не прав: я просто не знаю другого человека с таким поразительным даром портить людям праздник. Если вдруг случится, что он снова появится в нашей программе, — приемники выключат тысячи слушателей. Дай ему дружеский совет — в следующий раз обратиться на Би-би-си.

Так получилось, что мы встретили Бокера в тот же день. Он, естественно, поспешил услышать отклики на свое выступление. Я, по возможности щадя его самолюбие, рассказал, что мне было известно.

— Примерно то же — во всех газетах, — вздохнул он. — И за что я осужден навечно жить в демократической стране, где дурак равен разумному человеку? Если бы та энергия, что идет на околпачивание простаков в погоне за их голосами, была направлена на полезную деятельность — вот была бы нация! А так — что?! По меньшей мере три газеты ратуют за «сокращение миллионов, выброшенных на исследования», и это ради того, чтобы каждый смог купить в неделю лишнюю пачку сигарет! А значит, возрастет стоимость перевозок табака, следовательно, поднимутся налоги и так далее. А суда тем временем ржавеют в портах. Какая бессмыслица!

— Но мы же выиграли сражение, — возразила Филлис.

— Стало хорошей традицией, — съязвил Бокер, — сначала получать тумаки, а уж потом выигрывать войну.

— Ну и что?! — воскликнула Филлис. — Мы проиграли море, но в конце концов...

Бокер застонал и закатил глаза.

— Ну и логика!..

Тут вмешался я:

— Вы считаете, что они намного превосходят нас, не так ли?

— Не знаю, что и ответить, — нахмурился он. — Скорее они мыслят иначе. А если так, нельзя проводить никаких аналогий, любая попытка сравнения только собьет с толку.

— И вы действительно считаете, что война не кончена? — спросила Филлис. — Это не желание помочь задыхающемуся судоходству?

— Вам так показалось?

— Нет, но...

— Да, я имел в виду и это. Выбора нет: либо — мы, либо — нас. И если в ближайшее время...

ФАЗА ТРЕТЬЯ

Я сидел на корме и осторожно правил обернутым войлоком веслом. Вдруг что-то зашуршало о борт, и лодка дрогнула, наткнувшись на упругое препятствие.

Я напряженно вглядывался в темноту, пытаясь разобрать, на что мы напоролись, — вряд ли это мог быть берег.

— Что это? — прошептал я.

Филлис привстала, резко качнув нашу маленькую лодочку.

— Сеть, огромная сеть, — отозвалась она.

— Попробуй ее поднять.

Лодка накренилась, грозя опрокинуться.

— Нет, слишком тяжелая.

Такой задержки я не предвидел.

Пару часов назад, изучив с церковной крыши дальнейший путь, я приметил на северо-западе узкий проход между двумя холмами и подумал, что если удастся благополучно миновать этот перешеек, то дальше можно будет плыть в относительной безопасности. Мы дождались прилива и под прикрытием ночи пустились в дорогу. Устроившись на корме, я потихонечку правил веслом, позволяя течению бесшумно нести нас в направлении канала. И вот теперь этот невод...

Я развернул лодку и веслом нащупал сеть. «Не менее полудюйма», — прикинул я толщину веревки, вытаскивая из кармана складной нож.

— Придержи сеть, — попросил я Филлис.

Но не успел я открыть лезвие, как над нами взвилась осветительная ракета, залив ярким светом всю округу.

С левого от нас торфяного холма прямо в воду сбегала узкая тропинка, вдоль которой росло несколько кустов. От самой вершины до подножия холма тянулся ряд домов; далее из воды торчали лишь крыши да трубы.

Вдруг на берегу щелкнул затвор винтовки, раздался глухой выстрел, и над моей головой просвистела пуля. Мы кинулись на дно лодки.

— Убирайтесь туда, откуда явились! — долетел до нас голос с острова.

Мы подняли головы.

— Мы просто хотим добраться до своего дома, — прокричала Филлис невидимому собеседнику. — Мы проплываем мимо и не собираемся здесь останавливаться, тем более просить вас о чем-то.

— Все так говорят. Ну и куда же вы плывете?

— В Корнуэлл.

— В Корнуэлл? — засмеялся человек. — Что ж, тогда у вас еще есть надежда.

— Да, — подтвердила Филлис.

— И все равно уматывайте, иначе буду стрелять. Давайте, давайте отсюда!

— У нас достаточно еды... — начала Филлис.

Я замахал на нее руками. Теперь я окончательно убедился, что мы сможем достичь коттеджа, только пробираясь тайком, и уж вовсе не стоит афишировать, что у нас есть съестные припасы.

— Хорошо, — крикнул я. — Мы уходим!

Надобность сохранять тишину отпала, я отгреб от сети и взялся за шнур мотора.

— Вот так-то лучше. И больше не пытайтесь, — посоветовал невидимка. — Это я такой старомодный, а другие не столь щепетильны и с радостью размозжат вам головы. Я не любитель пулять без разбора.

Ракета догорела, тьма снова сомкнулась над нами.

Филлис перебралась на корму и крепко стиснула мое колено.

— Мне жаль, что так вышло, — сокрушенно вздохнул я.

— Ничего, Майк, ничего. Рискнем еще разок где-нибудь в другом месте. Бог любит троицу.

— А ведь он мог бы попасть! — Я поежился.

— Судя по всему, мы не первые, кто хотел здесь прорваться, — заметила Филлис. — Интересно, где мы сейчас находимся, ты не знаешь?

— Где-нибудь в районе Стейнс-Вейбридж. Жаль, что приходится отступать.

— Если б нас подстрелили, было бы хуже.

Мы медленно продвигались вперед, ориентируясь по одиноким факелам.

— Если тебе не известно, где мы находимся, то откуда ты знаешь, куда нам плыть? — поинтересовалась Филлис.

— Да я не знаю, — честно признался я. — Я просто «уматываю», как выразился этот джентльмен. По-моему, весьма разумно.

Сквозь густые облака изредка проглядывала серебристая луна. Филлис сидела, плотно укутавшись в пальто, и слегка дрожала.

— Июнь луна вино вина... — нараспев прочитала она. — Помнишь, как пели раньше июньскими вечерами на берегу... Sic transit Gloria Mundi*.

— Но даже для того времени люди были не в меру оптимистичны, — откликнулся я. — Заметь, между прочим, самые умные всегда прихватывали теплые пледы.

— Да? И кто, например?

— Не важно. Autres temps, autres mondes.

— Autre monde**, — озираясь, поправила меня Филлис. — Майк, ну нельзя же плыть неведомо куда! Давай найдем хоть что-нибудь, где можно согреться и выспаться наконец.

— Хорошо, — согласился я и прибавил скорость.

Где-то в миле от нас возвышался курган, сплошь утыканный черными точками домов.

От него тянулась длинная цепочка полузатопленных зданий, и мы выбрали одно из них поприличнее — в позднем григорианском стиле, подальше от острова.

Деревянная оконная рама так разбухла, что мне пришлось веслом выбить стекло. Проникнув внутрь, мы оказались в помещении, служившем некогда спальней. Филлис держала факел, освещая отделанную с большим вкусом комнату. Еще совсем недавно тут жили люди, а сейчас здесь было по щиколотку воды. Я прошлепал к двери и, поднатужившись, открыл ее — лестница, ведущая вниз, была полностью залита, но верхний этаж оказался чист и сух.

— Сойдет, — промолвила Филлис.

Она зажгла свечи и принялась обустраивать комнату на свой вкус, а я поспешил вниз, чтобы покрепче привязать лодку и перенести из нее наши скромные пожитки.

Вернувшись, я обнаружил, что Филлис скинула пальто, и улыбнулся, глядя, как она деловито и грациозно переставляет стулья, прекрасная в своем эластичном костюме, переливающемся в пламени свечей.

---

* Так проходит земная слава (*лат.*).

** Другое время — другой мир (*фр.*).

Мы завесили окна одеялами, чтобы никто не позарился на нашу лодку, заявившись на огонек. Затем, отодрав деревянные перила, я разжег камин, и мы славно устроились у огня, наслаждаясь теплом.

Отужинав сосисками и горячим чаем со сгущенным молоком, мы почувствовали себя почти как дома, хотя нас и не покидала мысль, что где-то в недоступных закромах бывшего особняка наверняка сокрыто нечто более лакомое, нежели сваренные в консервной банке сосиски и чай из дождевой воды.

Экономно затушив свечи, мы откинулись на подушки и расслабились, любуясь отблесками огня из камина.

— И что теперь? — спросила Филлис, передавая мне половинку сигареты.

— Как это ни печально, — ответил я, — но с мыслью о Корнуэлле, видимо, придется расстаться.

— Ты думаешь о том невидимке, который чуть не пристрелил нас? Почему он рассмеялся? Может, он нам не поверил?

— Мне кажется, что таких, как он, с ружьем наизготове, у нас на пути встретится еще ого-го сколько! И, думаю, его смех означал именно это.

— Даже вернись мы в Лондон, нас рано или поздно ждет то же самое. С каждым днем становится все хуже и хуже. Где-нибудь в деревне еще есть шанс выжить — там можно вырастить хоть что-то. А город — пустыня, пустыня из стекла и камня.

Филлис была права. С тех пор как кончились съестные припасы, город стал бесплодной пустыней. Именно поэтому я и решился перебраться в коттедж Роз. Там есть земля, правда, не ахти какая, но ни на что другое рассчитывать не приходилось — никто не позволит нам поселиться на плодородных землях. Вряд ли и в Корнуэлле нас встретят с распростертыми объятиями, но если никто еще не захватил коттедж, то у нас есть еще хоть какой-то шанс... конечно, если мы вообще туда доберемся.

Мы проговорили больше часа, но так ничего и не решили. Филлис зевнула. Разложив на кровати спальные мешки, я подбросил в камин дров и, устраиваясь на ночь, положил в изголовье заряженный дробовик.

Надежда появилась на следующий день, вернее — около часа ночи, когда меня разбудил глухой стук.

Я сел на кровати. В комнате было темно, лишь несколько головешек слабо тлели в камине. Раздался еще один удар, а затем что-то заскреблось, затерлось, зацарапалось о наружную

стену. Схватив ружье, я подскочил к окну и сдернул одеяло. Кругом плавал и бился о стены какой-то мусор, палки, обломки мебели. Лодка спокойно покачивалась на том же месте, где я ее привязал. И вдруг — снова глухой удар, теперь уже с противоположной стороны дома.

— В чем дело? — проснулась Филлис.

Мне некогда было ей отвечать: с дробовиком в одной руке и факелом в другой я бросился в соседнюю комнату.

Осторожно приоткрыв окно и предусмотрительно выставив вперед ружье, я глянул вниз. Маленькая моторная яхта, быстро уносимая течением, завернула за угол дома и скрылась из виду. Я успел разглядеть только лежащую на палубе женщину.

— Что случилось? — донесся до меня голос Филлис, когда я пробегал мимо дверей нашей спальни.

— Яхта, — бросил я, слетая вниз по ступеням.

Вода этажом ниже доходила уже до пояса, но мне было не до этого, я даже не почувствовал, насколько она холодна. С трудом забравшись в лодку, я еще изрядно попотел над мотором, и когда он завелся с пятого оборота, то яхты, конечно, уже и след простыл.

Я рванул вниз по течению и только совершенно случайно заметил в полузатопленной рощице мелькнувшую среди ветвей тень.

Кроме женщины, простреленной двумя выстрелами — в грудь и в шею, на яхте никого не было. Я скинул тело за борт и перебрался в свою лодку. У меня не было ни сил, ни желания разбираться в управлении, и я привязал яхту покрепче, чтобы течение не унесло ее до моего возвращения. Боясь схватить воспаление легких, я поспешил обратно, пока не зашла луна, а то не хватало еще заблудиться в темноте.

Оставлять яхту, конечно, было рискованно: в наше время это бесценная добыча. Но выбора не было. Я надеялся, что защитный цвет (красить суда во все цвета радуги перестали давным-давно) скроет ее.

Освободившись от мокрой пижамы, я завернулся в одеяло, которое Филлис предусмотрительно нагрела у огня, и приятное, спасительное тепло разлилось по телу.

— Яхта морская? — взволнованно спросила Филлис.

— Пожалуй, — согласился я. — С такими высокими бортами она действительно рассчитана на море, хоть и невелика.

— Не занудствуй, Майк. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Сможет ли она доставить нас в Корнуэлл?

— Скорей уж сможем ли мы доставить ее в Корнуэлл. Попытаемся, конечно, а что нам еще остается? Интересно, что ты скажешь, когда увидишь ее?

— Погоди, посмотрим еще, цела ли яхта. Может, она вся в дырах.

После ночного купания тепло подействовало как снотворное. Попросив Филлис разбудить меня с рассветом, я уснул в наилучшем за последние несколько недель расположении духа. Я знал, что мы отправляемся в Корнуэлл не на пикник, но оставаться в Лондоне было хуже во сто крат. Лондон — медленно захлопывающийся капкан, капкан, из которого хорошо бы унести ноги, пока он не лязгнул зубами.

Бокер даже не предполагал, предупреждая мир о грядущей опасности, что глубоководные существа уже пустили в действие новое оружие. Прошло шесть месяцев, прежде чем человечество осознало происходящее.

Если б суда продолжали следовать своими обычными маршрутами, события на море не ускользнули бы от глаз людей. Но трансатлантические перевозки стали достоянием авиакомпаний, а повышенная туманность на западе Атлантики не причиняла неудобств летающим на больших высотах самолетам. Поэтому доклады пилотов о плотных скоплениях тумана просто регистрировались, и только.

Просматривая сообщения тех дней, я обнаружил, что примерно тогда же появились сообщения о необычно большой облачности на северо-западе Тихого океана; плохая погода установилась севернее японского острова Хоккайдо, а еще севернее — у Курил, по слухам, и того хуже.

Но так как уже давно никто не осмеливался пересекать Глубины, известия об изменениях в климате были отрывочны и мало кого заинтересовали. Даже аномальная туманность у побережья Северной Америки долго не привлекала внимания.

В Англии хоть и жаловались на промозглое лето, но скорее по привычке.

Мир бы еще невесть сколько оставался в неведении, если б не русские. Москва объявила о появлении на советской территории обширной области густого тумана с эпицентром на 130° восточнее Гринвича, на 85-й параллели. Русские ученые установили, что никогда за время советской власти в этом регионе не наблюдалось ничего подобного, тем более в течение целых

двенадцати недель. «А значит, — заявило советское правительство, — это не что иное, как подрывная деятельность капиталистических поджигателей войны. Права СССР на область между 32° восточнее Гринвича и 168° западнее Гринвича подтверждены международным законодательством, следовательно, любое посягательство на социалистическую собственность рассматривается как акт агрессии. Советский народ вправе принять любые меры для сохранения мира в этом районе».

«Народы Запада, — тут же откликнулся Госдепартамент США, — заинтригованы советской нотой. Они хорошо помнят территориальное деление Африки и, в свою очередь, — точности ради — напоминают советскому правительству истинные координаты их арктических владений:

32° 4' 35" восточнее Гринвича и 168° 43' 35" западнее Гринвича, а это несколько меньшая область, чем заявлено в ноте. Однако последние наблюдения указывают на существование точно такого же явления и над территорией Соединенных Штатов, с центром тоже близко к 85-й параллели, но на 79° западнее Гринвича. По стечению обстоятельств именно этот район выбран правительствами США и Канады в качестве полигона для испытания ракет большой дальности. Подготовка к испытаниям уже завершена, и пробные запуски назначены на ближайшие дни».

Русские в своих комментариях указали на странность места, выбранного для полигона, где невозможны визуальные наблюдения. Американцы, не отставая от русских, изумились славянскому рвению к установлению мира в необитаемых районах.

Обмен нотами двух сверхдержав привлек внимание общественности к необычному явлению. Вот тогда и выяснилось, что удивительно густой туман распространился чуть ли не по всему земному шару.

Первое сообщение, которое что-то прояснило в беспредметных разговорах, пришло из Готхоба в Гренландии. В сообщении говорилось об увеличении потока воды через Дэвисов пролив, несущего из моря Баффина обломки льда, что совершенно нехарактерно для этого времени года.

Спустя несколько дней с Аляски сообщили об аналогичном явлении в Беринговом проливе.

Затем и со Шпицбергена пришли известия о стремительном подъеме уровня воды и понижении температуры.

Все это сразу объяснило загадочные туманы у Ньюфаундленда и в других районах, порожденные вторжением холодных течений в теплые воды. Но откуда взялись эти холодные течения?

Вскоре из Годхвана, что немного севернее Готхоба, известили о небывалом количестве айсбергов самых причудливых форм. Американцы, исследовав арктический район с воздуха, подтвердили, что океан севернее моря Баффина сплошь усеян айсбергами.

«Мы увидели, — описывал один пилот, — величайшее зрелище в мире: огромный ледник сползал с Гренландской ледниковой шапки. Сколько я ни летал над Гренландией — такого не видел. Здоровенные скалы, высотой в сотни футов, внезапно откалывались от ледника и, падая в море, вздымали вверх целые фонтаны воды. На сотни миль — сплошные тучи брызг, и льдины — гигантские белоснежные острова. Не успевал один айсберг отчалить от ледника, на него тут же обрушивался другой, и так беспрерывно; казалось, что фейерверки брызг буквально зависли в воздухе. Грандиозное зрелище!»

Примерно то же наблюдали летчики и над восточным побережьем острова Девон, и над южной оконечностью острова Элсмир. У Дэвисова пролива сталкивались, разбивались друг о друга бесчисленные ледяные глыбы, пробивая себе путь в Атлантику.

С другой стороны арктического круга была точно такая же картина.

Публика воспринимала эти новости, развалившись в мягких креслах. Хотя первые фотографии и произвели на всех неизгладимое впечатление, вскоре стали поговаривать о наскучившем однообразии полярных натюрмортов. Начальный испуг быстро сменился полным безразличием; мол, современной науке известно все и об айсбергах, и о течениях, и о всяком таком прочем. Чего, стало быть, волноваться?

Как-то Филлис случайно столкнулась с Туни.

— Не понимаю, — возмущалась Туни, — почему спят те, кто должен бодрствовать?! Полное безволие! А ведь это творится под самым носом! Почему они не остановят их?

— Но как остановить айсберги? — поинтересовалась Филлис. — Это же, наверное, не просто.

— Ах! — Туни махнула рукой. — Я не об айсбергах. Я о русских, которые их производят.

— А-а! Так это они их делают?!

— А ты как думала?! Естественно, русские. Рассуди логически: разве подобные вещи случаются сами по себе? Конечно, нет. А красные, хоть и достигли полюса позже других, всегда считали, что у них больше прав на Арктику, чем у кого бы то ни

было. Я совершенно не удивлюсь, если они заявят, что открыли Северный полюс еще в девятнадцатом веке. О, это в их стиле! Разве русские в состоянии вынести, что и кроме них кто-то что-то открывал?!

— Ну а чего ради им сдались эти айсберги? — полюбопытствовала Филлис.

— Как? — изумилась Туни. — Ты и этого не понимаешь? Но все же так элементарно! Это же часть их политики — повсюду, где только возможно, возводить на нашем пути препятствия. Посмотри, какое скверное в этом году лето; поговаривают об отмене Уимблдона — и это все из-за этих белых бестий, которых красные понапускали в наш Гольфстрим. И все молчат, все до единого — ни один ученый не проронил ни слова! Народ уже сыт по горло, доложу я тебе. Все устали и требуют положить конец безобразию. Уж слишком далеко все зашло, милочка. Давно уже можно было покончить с этим, взорвать их или еще что-нибудь...

— Кого взорвать, русских?

— Айсберги! Если разделаться с ними, красные сами утихомирятся.

— Ты абсолютно уверена, что дело в русских?

Туни искоса посмотрела на Филлис.

— Мне очень странно видеть, милочка, как некоторые при всякой возможности пытаются выгородить нашего отъявленного врага.

На этом они и расстались.

Обмен нотами затянулся до осени — осени еще более отвратительной, чем прошедшее лето. Что оставалось делать, как не относиться к этому философски.

Где-то на другом полушарии в самом разгаре было лето, но по погоде — не лучше нашей осени. Открылся сезон ловли китов, если так можно выразиться, поскольку желающих выйти в море было по пальцам пересчитать. Однако смельчаки все же находились, и вскоре до нас дошли вести с Земли Виктории о ледниках, сползающих в море Росса. Появились опасения, что и сам шельфовый ледник может отколоться от материка.

Аналогичные новости сыпались на нас в течение недели. Страницы солидных иллюстрированных еженедельников пестрели красочными фотоснимками фантастически красивых ледяных скал, низвергающихся в море... «Могущество Природы!» — было начертано на глянцевой обложке одного толстого журнала, под снимком переливающейся на солнце восхитительной

ледяной громады. «...Вздымаясь к небу готическими белоснежными шпилями, новый Эверест морей пускается в одинокий вояж! Перед вами тонко схваченная фотохудожником ледяная красота айсберга! На месте ледников, испокон веков считавшихся частью суши, простирается открытое море!»

Такое вежливо-снисходительное отношение к Матери-природе и благовоспитанное восхищение ее мудростью, способной без конца удивлять человечество, еще долго усыпляло б самые трезвые умы, если бы не очередная хулиганская выходка доктора Бокера.

«Воскресные новости», провозгласившие себя трибуном интеллектуальной сенсации, всегда испытывали затруднения с материалом. Более дешевым и менее уважаемым изданиям, работающим в стиле эмоционального нокаута, было значительно проще. «Воскресные новости» — совсем другое дело: отказ от сенсации во имя сенсации подразумевает некоторые познания, хороший вкус и литературные способности. Но, как следствие, возникала постоянная нехватка тем для поддержания должного уровня. Мне сдается, что именно глубокий кризис материала и подтолкнул «Воскресные новости» предоставить свои страницы Алистеру Бокеру.

То, что редактор предчувствовал, чем это обернется, легко прочитывалось из короткой преамбулы перед статьей ученого, в которой черным по белому было написано, что редактор снимает с себя всю ответственность за нижеизложенное.

С таким вот «доброжелательным» предисловием, под заголовком «Дьявол и Глубина» Бокер и развивал свою новую теорию:

«Никогда, — писал он, — со времен Ноева ковчега, мир не был столь преступно близорук, как теперь. Но так не может продолжаться вечно, скоро закончится полярная ночь, и тогда ослепшие прозреют.

Печальная история неудач, берущая начало от гибели «Яцухиро» и «Кивиноу», подходит к концу. Мы потерпели поражение и на море, и на суше. Да-да, именно поражение.

Многим, я знаю, не по вкусу это слово: они никогда не признают неудач, полагая себя доблестными рыцарями мира сего. Но слепое упрямство — отнюдь не доблесть, а слабость под личиной ложного оптимизма.

Оглядитесь вокруг: меняется наш образ жизни — повсюду волнения, рост цен, ломка всех экономических структур... Но что для большинства есть наш сегодняшний проигрыш? Так, временное отступление, которое кончится само собой. Откуда,

откуда такое непростительное спокойствие? Уже пять лет лучшие ученые мира бьются над проблемой контроружия, и за все пять лет они не продвинулись ни на дюйм. О чем это говорит? Только о том, что все наши надежды тщетны и мы уже никогда не вернемся в море.

Теперь о последних событиях в Арктике и Антарктиде. Хватит держать нас за неразумных младенцев! Настало время открыть глаза человечеству.

Меня не волнует, какие силы заставили молчать тех, кто уже давно установил связь между поражением на море и изменением климата: придворные клики, закулисные фракции, в чьих интересах держать общественность в неведении «во имя ее же собственной пользы», или другие ревнители порядка — это не имеет значения. Были, есть и будут люди, изо всех сил стремящиеся найти средство, которое уничтожит нашего общего врага в Глубинах. Однако хочется напомнить, что до тех пор, пока это средство не найдено, мы стоим перед лицом самой большой опасности, когда-либо существовавшей перед земной цивилизацией, и от которой у нас нет защиты! Мы не в состоянии побороть нависшую над нами угрозу, пока не обнаружим и не обезвредим их «Главное Командование». Но что мы можем противопоставить их оружию, что? Как остановить таяние льдов, как?

Вы считаете, что растопить ледник невозможно? Это фантастика? Абсурд? Нет, нет и еще раз нет! Если бы мы захотели, мы бы сами могли это сделать, используя освобожденную силу атома. Так что это — самая настоящая реальность.

Давайте вспомним о туманах. Из-за долгой полярной ночи мы о них давно ничего не слышали. Мало кому известно, что если арктической весной существовало всего две области распространения тумана, то к концу лета их уже насчитывалось восемь, причем значительно удаленных друг от друга.

Причина возникновения тумана всем известна — это встреча теплых и холодных течений воздуха и воды. Но как могло произойти, что в Арктике вдруг возникло восемь новых, независимых друг от друга течений? И как результат — беспрерывный поток ледяных глыб в Берингово и Гренландское моря. В Антарктике паковые льды проникли на сотни миль севернее их обычной весенней отметки. В арктических районах, к примеру, в Норвежском море льды появились, наоборот, южнее. Да и у нас самих нынешняя зима была непривычно холодной и влажной.

А айсберги? В последнее время мы только и говорим о них. Почему? Вероятно, потому, что число их неимоверно возросло.

Но тут же возникает еще одно «почему», на которое никто еще не ответил публично: почему их вдруг стало столь много?

Все знают, как образуются айсберги.

Когда-то, давным-давно, огромный ледник сполз на сушу. Продвигаясь к югу и снося на своем пути горы, он шел все дальше и дальше, пока не остановился стеной сверкающих скал из прозрачного зеленоватого льда, покрыв собой половину Европы. Затем постепенно он начал свое обратное движение к северу. Столетия ледник отступал, таял; его больше нет нигде, за одним исключением — в Гренландии. Гренландия — огромный остров (в девять раз превышающий Британские острова), последний бастион Ледникового периода. Только здесь на девять тысяч футов все еще возвышается этот гигантский памятник истории планеты — до сих пор непобежденный ледник. От его боков год за годом откалываются айсберги и, кажется, так было всегда. Но почему-то теперь их в десять, в двадцать раз больше обычного. Для этого должна быть причина, и она есть.

Если бы мы сами сегодня стали растапливать льды, то уже завтра могли бы полюбоваться результатом своих трудов. Это не такой уж долгий процесс, как считают некоторые. Более того: следствия будут проявляться вначале тонкой струйкой, а затем бурным потоком. Я видел так называемые подсчеты, предполагающие, что если полярные льды растают, то уровень воды поднимется только на сотню футов. Называть эти бумаги «подсчетами» — явная ложь. Это не более чем предположение, которое может оказаться как верным, так и неверным. Бесспорно единственное — уровень моря поднимается. Но насколько?

В этой связи я хочу обратить ваше внимание, что в январе сего года уровень воды в Ньюлине возрос на два с половиной дюйма».

— О Боже! — вырвалось у Филлис, когда она дочитала статью. — Опять этот сорвиголова! Нам надо с ним встретиться.

Мы попытались дозвониться Бокеру, но его линия постоянно была занята.

Наутро мы сами пошли к нему, и, на удивление, нас тут же приняли.

— Хорошо, что вы пришли, — вставая из-за стола, заваленного почтой, сказал Бокер. — Нынче все держатся от меня на расстоянии пушечного выстрела.

— Не перегибайте, док, — ответила Филлис. — Не успеете вы оглянуться, как окажетесь самым популярным человеком среди торговцев землей и землеройной техникой.

Бокер не прореагировал.

— И вас бы постигла сия участь, — произнес он, — когда б вы почаще общались со мной. И вы бы стали прокаженными. Спасибо Англии, в других странах меня давно уже упекли бы за решетку.

— Представляю, как вы огорчены, — откликнулась Филлис. — Тюрьма — прекрасное место отдыха для тщеславных великомучеников. Но ведь еще не все потеряно? — Филлис засмеялась. — Хорошо, а если серьезно, док? Неужели вам в самом деле нравится, когда вас побивают камнями?

— Просто у меня кончилось терпение.

— У других тоже. Вы все время норовите повернуть против течения. Однажды вы поплатитесь, Бокер. Не сегодня, так завтра.

— Если не сегодня, то, возможно, и никогда! — изрек Бокер. — Но зачем тогда, девушка, вы пришли ко мне? Только ради того, чтобы сказать, что меня неминуемо ждет возмездие? Чего вы хотите?

— Отрезвления, док. Я не понимаю, мне казалось, что вы были близки к грандиозному откровению, а скатились до каких-то там двух с половиной дюймов...

Бокер внимательно посмотрел на Филлис.

— Да, — произнес он, — и что вам не нравится? Если два с половиной дюйма помножить на сто сорок один миллион квадратных миль поверхности, то в тоннах это получится...

— Меня не интересует арифметика. Для нормальных людей два с половиной дюйма — ничто, ну, разве чуточку выше обычного. После такого многообещающего начала!.. Очень многие теперь раздосадованы, мол, стоило ли так тревожиться по пустякам. Некоторые даже смеются: «Ха! Ну и светило!»

Бокер махнул в сторону стола.

— Вон сколько ваших раздосадованных, точнее, возмущенных и взволнованных! — Он закурил. — Я только этого и добивался, причем с самого начала, и вы об этом знаете. Абсолютное большинство, а особенно специалисты, как могут сопротивляются очевидным фактам. И это в век науки! Отворачиваясь от доказательств, они готовы свернуть себе шеи, лишь бы ничего не видеть и не знать. Сколько понадобилось усилий, чтобы они приняли мою первую теорию? И то — скрепя сердце, с большим запозданием, когда уже невозможно было отрицать! А сейчас что? То же самое! События в Арктике взволновали многих, но сделать выводы никто не решился. Возможно, они молчали под давлением правительства. Я тоже молчал.

— Как это не похоже на вас, доктор, — заметил я.

Бокер только усмехнулся.

— Сначала я ошибся. А потом, когда все стало ясно, я сказал себе: «На этот раз вы откусили больше, чем сможете проглотить». Я решил никого не волновать понапрасну, пока была надежда, что их попытка растопить льды потерпит фиаско. Эдакая полудобровольная самоцензура. Но теперь все обернулось достаточно скверно.

— А что американцы?

— О, у них ничем не лучше нашего. Бизнес — их национальный вид спорта, а следовательно, вещь почти священная. Они испугались очередной паники и тоже играли в молчанку, правда, не сидели сложа руки, как мы, а сбросили в Северный Ледовитый океан парочку бомб. Беда в том, что результаты бомбежки остались в тумане в самом прямом смысле.

Меня интересует вот что: как эти существа проникли в Арктику? Вряд ли через Берингов пролив — им бы пришлось преодолеть несколько тысяч миль мелководья. Скорее всего рядом с нами — между Рокаллем и Шотландией. Перевалив через подводный хребет Фарерских островов, они оказались в достаточно глубоких водах, ведущих в полярный бассейн.

На этом отрезке существует два сравнительно узких прохода. Если объединиться с норвежцами и минировать проход чуть восточнее острова Яна Майена, а второй проход, между Гренландией и Шпицбергеном, закидать бомбами, то, может быть, это хоть что-нибудь даст. Они, конечно, могут контратаковать, но кто знает...

А тут еще братья-славяне паясничают, не понимая, что творится с морем. По их мнению, море причиняет Западу массу неудобств согласно диалектическо-материалистическому закону. И, доберись они до Глубин, не сомневаюсь, не преминули бы заключить соглашение с их обитателями на период диалектического оппортунизма.

— Это точно, — поддакнул я.

— Дальше — больше: Кремль вдруг так рассвирепел, что все внимание наших спецслужб перекинулось от действительно серьезной угрозы на гнусные ужимки этого восточного клоуна, который думает, что моря и океаны созданы назло капиталистам.

Вот так, молодые люди, и оказалось, что мы, как всегда, опоздали. Нет чтобы всем умам объединиться, так наоборот, наши «гениальные» мужи ищут опасность там, где ее нет в по-

мине, и игнорируют то, чего знать не желают. Бывают в истории моменты, когда люди напрочь забывают, для чего Бог создал страуса.

— Поэтому вы и решили, что пора объединить их умы... э-э... руки для удара? — спросил я.

— Да, но не только. На этот раз за мной стоят влиятельные и озабоченные люди. Я должен был дать сигнальный выстрел по эту сторону Атлантики. Что до американцев — не пропустите на этой неделе «Лайф». Кое-что, конечно, все-таки будет сделано.

— Что? — спросила Филлис.

Бокер оценивающе посмотрел на нас и слегка кивнул.

— Только между нами: я ничего не говорил, вы ничего не слышали. Единственное, по-моему, что власти еще в состоянии сделать, это организовать спасение ценностей. А тем, у кого нет шанса войти в список этих ценностей, остается уповать на Бога. Боюсь, что у нас с вами будет мало шансов.

— Эвакуация великих произведений искусств и наивеличайших личностей? Как перед войной? — взволновалась Филлис.

— Именно, именно.

Филлис нахмурилась.

— Вы сказали, что у нас будет мало шансов, док. Почему? — спросила она.

— Потому, что я не верю в систему ценностей нашего руководства. Шедевры искусства? Да, без сомнения, они постараются сохранить их, но за счет чего? Можете назвать меня филистимлянином, если пожелаете, но искусство, я вам скажу, стало Искусством только в последние лет двести. А до этого оно, в сущности, являлось лишь домашней утварью. Несколько тысяч лет мы прекрасно обходились и обходимся сейчас без культуры кроманьонцев, а попробуйте прожить, ну, скажем, без огня?

А наивеличайшие личности?! Это, по-вашему, кто? В венах каждого англичанина течет немало как норманнской, так и донорманнской крови. Но я не удивлюсь, что, когда начнется драка за выживание, в ход пойдут родословные; и те, в чьих жилах окажется больше донорманнской крови, станут с пеной у рта оспаривать свое преимущество на жизнь. Ну, повезет еще нескольким выдающимся интеллектуалам за их прошлые заслуги, ну, может быть, кое-кому из молодых. А для простых людей лучше всего пристроиться при знаменитостях.

— Кончайте, док. Вы же, в конце концов, не какой-нибудь лаборант-неудачник, — остановила его Филлис.

На лице Бокера промелькнула едва заметная улыбка.

— И все равно, — произнес он серьезно, — это будет дельце не из приятных.

— А скажите... — вырвалось у нас с Филлис одновременно.

— Давай, Майк, — уступила мне жена, — твоя очередь.

— А скажите, доктор, как, по-вашему, можно осуществить такой гигантский проект? Я имею в виду — растопить ледник?

— Есть целый ряд гипотез: от совершенно бредовой идеи, типа перекачки горячих океанических вод из тропиков, до использования геотермических вод. Последнее мне представляется тоже малореальным.

— А что предлагаете вы? — спросил я. Было бы невероятно, если б у Бокера не оказалось своей теории.

— Хорошо, я скажу, — как-то безнадежно согласился он. — У них есть насос для перекачки ила — это мы знаем. Так вот, если этот насос использовать совместно с тепловой установкой, скажем, на атомном топливе, то можно создать тепловое течение. Вопрос в том, есть у них атомный реактор или нет. К сожалению, не считая нашего подарка — помните невзорвавшуюся бомбу? — у нас нет на этот счет никаких данных. В принципе, я думаю, моя теория не так уж плоха.

— Допустим, вы правы, но где они возьмут уран?

— Помилуйте, в их распоряжении две трети земной поверхности! Неужели вы думаете, что если они знают об уране, они не в состоянии его раздобыть?!

— Ну ладно, а айсберги? — не унимался я.

— С айсбергами много проще. Будь у вас такое оружие, которым в три секунды можно потопить корабль, разве трудно с его помощью отколоть кусок льда?

Мы помолчали.

— И тем не менее, — Филлис покачала головой, — мне не верится, что мы бессильны...

— Дело в том, что, как я уже говорил, мы и эти твари мыслим совершенно по-разному. Вся наша военная стратегия основывается на земном опыте. Мы впервые столкнулись с внеземным Разумом и даже не имеем понятия о применяемых в морских танках сплавах, тем более о технологии изготовления этих сплавов.

Во время наших войн мы можем хотя бы предугадать очередной ход противника, ибо мыслим так же, как он; что касается этих существ... я даже не знаю, что сказать. Как движутся их танки? Вряд ли при помощи двигателя, в нашем понимании.

Может, как в случае с кишечнополостными, они использовали неведомую нам биологическую форму? Кто знает? Так как мы можем изобрести превентивное оружие?! Сколько лет прошло, а нас волнует все тот же вопрос: черт возьми, что, что происходит на дне?!

— Доктор Бокер, — не выдержал я, — скажите, сколько нам осталось до...

— Понятия не имею. Все зависит от них. Я считаю бесполезным и даже вредным гадание на кофейной гуще.

— Когда люди наконец поймут, что происходит, и в бессилии запросят о помощи, что вы им посоветуете? — спросила Филлис.

— Разве я правительство? Это ему самое время задуматься над вашим вопросом. Мой совет настолько непрактичный, что...

— И все-таки, док?

— Ну, раз вы так хотите... Я бы посоветовал присмотреть холм повыше, с хорошей плодородной почвой, оборудовать его и укрепить.

Однако хоть Бокер и дал свой «сигнальный выстрел», ничто не сдвинулось с мертвой точки. В Америке статья ученого затерялась среди других, не менее волнующих событий недели. В родной Англии от Бокера все отвернулись: здесь оказаться в числе «желтой прессы» значит вляпаться по уши в грязь, и тогда уж не жди, что кто-нибудь протянет тебе руку. В Италии и Франции к заявлению Бокера отнеслись более серьезно, но на мировой арене политический вес их правительств был значительно меньше. Россия, проигнорировав содержание статьи, не упустила случая прокомментировать ее как очередную выползку космополитов против трудящихся всего мира. В общем, по-нашему мнению, кампания провалилась. Но, как уверил нас Бокер, в стене официального равнодушия наконец образовалась первая брешь.

И в Лондоне, и в Вашингтоне были созданы комитеты по «всестороннему изучению явления и выработке рекомендаций». Правда, работали они спустя рукава и беды не знали, пока в Вашингтон не посыпались возмущенные письма из Калифорнии. Калифорнийцев мало волновало, что какой-то там уровень воды поднялся на каких-то там несколько дюймов, калифорнийцев волновало то, что резко упала средняя температура и над их побережьем появились холодные промозглые туманы. Они запротестовали.

Да, туго, наверное, пришлось вашингтонскому комитету, поскольку, когда протестуют калифорнийцы, получается довольно солидный шум. К тому же соседей поддержали и в Орегоне, и в Неваде.

Не знаю, как где, а в Америке поняли, что пора что-то предпринимать.

В апреле во время весеннего половодья вода перехлестнула набережную Вестминстера. Заверения, будто это случалось и раньше, были отметены бульварной прессой триумфальным «а что мы вам говорим». Весь мир, за исключением одной шестой, забился в истерике. «Бей их! Бей их!» — раздавалось со всех сторон. Даже солидные, серьезные издания присоединились к требованиям: «Закидать бомбами подводных завоевателей».

«Миллиарды, потраченные на бомбу, которую мы собирались сбросить на Корею, не должны пропасть даром, — писал какой-то писака. — Мы побоялись в свое время использовать ее по назначению, а теперь боимся применить в подводной войне. Первое — понятно, второе — непростительно. Люди, на чьи средства создано это оружие, не могут отомстить за родных и близких на море и на суше от руки ненавистного Дьявола. Так что же остается — размахивать этой бомбой на перекрестках да помещать ее цветные фотографии в иллюстрированных еженедельниках? О чем думает правительство? Отношение властей уже с самого начала...» и так далее и тому подобное; можно было подумать, что у всех отшибло память и люди напрочь забыли о бомбардировках Глубин.

— Прекрасно сработало, — сказал нам при встрече Бокер.

— А по-моему, очень глупо, — отреагировала Филлис. — Все те же старые аргументы за бомбежку без разбора.

— Я не об этом, — возразил Бокер. — Власти, конечно, сбросят парочку-другую бомб, причем, как всегда, без толку, зато с большой помпой. Нет, я говорю о перспективе. Сейчас все напоминает прожект, вроде строительства огромной дамбы из мешков с песком, но когда мы перерастем это — что-нибудь да будет сделано.

Бокер попал в самую точку. Прошел год, и весной правительство распорядилось возвести вдоль берегов Темзы защитные сооружения из мешков с песком. Предосторожности ради движение транспорта перенесли подальше от набережных, которые тут же заполонили толпы любопытных. Полиция тщетно пыталась рас-

сеять слоняющихся прохожих. Люди махали проплывающим на уровне мостовой буксирам, баржам и глядели на медленно поднимающуюся воду. Казалось, если вода прорвет укрепления, они возмутятся, но если ничего не случится, разочаруются.

Разочаровываться им не пришлось. Река уже ласкалась о тюки с песком, и кое-где вода просачивалась на тротуар. Полицейские, пожарные бдительно следили за своими участками, но, как они ни старались, везде поспеть было невозможно. Тогда в работу включились праздные зеваки, помогая подтаскивать мешки и затыкать многочисленные бреши. Никаких сомнений насчет того, что скоро произойдет, не оставалось. Однако никто не спешил покинуть набережную, предвкушая волнующие события.

Темза прорвалась одновременно в нескольких местах.

Команда И-би-си устроилась на крыше передвижной телевизионной станции, припаркованной на Воксхолл-Бридж. Оттуда мы увидели, как струи мутной воды хлынули сквозь заграждения и, сливаясь в единый поток, обрушились на тротуары, подвалы и фундаменты зданий.

Я поймал Би-би-си, которая разместилась на Вестминстерском мосту, и услышал, как Боб Хамблеби описывает скрывающуюся под водой набережную Виктории.

Парням с телевидения повезло меньше — они то и дело мелькали перед нашими глазами с фотоаппаратами и переносными телекамерами, пытаясь наверстать упущенное из-за неправильно выбранной позиции. Да, видимо, они проиграли немало пари — вода прорвалась не в том месте, на которое они поставили.

Все закрутилось, завертелось. Река вырвалась на улицы Ламбет Сауфварк и Бермондсэй, затопила Чизвик. Ниже по Темзе серьезно пострадал Лаймхаус. Сообщения неслись отовсюду, усилия сдержать натиск воды ни к чему не привели, оставалось ждать отлива и заделывать дырки в укреплении. И снова ждать — следующего наводнения.

Парламент, отвечая на многочисленные вопросы, старался выглядеть бодрым и самоуверенным, хотя все ответы его были малоубедительны:

«Основная работа возложена на министерства и департаменты... Все жалобы будут рассматриваться через муниципалитеты... Непредвиденные обстоятельства вмешались в первоначальные подсчеты гидрографов... Готовится приказ о срочной реквизиции землеройной техники... Общественность может пол-

ностью довериться своему правительству... Подобное больше не повторится, принятые правительством меры исключат дальнейшее наступление воды... Основная задача — строительство новых укреплений... Все человеческие и материальные ресурсы будут справедливо распределены по опасным районам страны...»

Однако всеобщая реквизиция — это одно, а справедливое распределение реквизированного — совсем другое. Несчастные клерки министерств и муниципалитетов побледнели, высохли и ходили с вечно красными от недосыпа глазами. Общество захлестнула полная неразбериха: постоянные переориентации и передислокации, душераздирающие жалобы и неописуемые угрозы, прямой подкуп и настоящий разбой. И все же в отдельных районах кое-что стало налаживаться.

Однажды Филлис пошла на Риверсайд посмотреть, как продвигаются работы, и среди тысяч зевак-ревизоров наткнулась на Бокера. Они вместе поднялись на мост Ватерлоо и взглядом небожителей оглядели копошащийся внизу муравейник.

— Альф, священная река, башни и стены без конца и без края, — произнесла Филлис.

— И по обеим сторонам будут не очень романтичные, но глубочайшие бездны, — заметил Бокер. — Интересно, как много они успеют сделать, пока до них дойдет вся тщетность затеянного?

— Трудно поверить, что такое бесподобное сооружение может оказаться ненужным, но, пожалуй, вы правы.

— Основой основ этого чудо-творения, — Бокер указал вниз, — являются посулы старого дурака-географа Стакли, что максимальный уровень воды не превысит десяти, ну самое большее — двенадцати футов. Одному Богу известно, откуда он выкопал эту цифру. Главное — всех занять работой, и многие, надо сказать, считают это действительно неплохим средством против паники. Любопытно, на что они надеются? Им удалось однажды выпутаться из войны, и теперь они тоже рассчитывают отделаться легким испугом? Ну-ну! Есть, слава Богу, такие, у кого побольше здравого смысла, но из моральных соображений они не вмешиваются в это дело.

— Я давно хотела спросить вас, док, что будет с простыми людьми? Для них что-нибудь делается?

Бокер устремил взгляд в пространство.

— Правительство думает о них, — с сарказмом произнес он.

Они некоторое время молча глядели на суету внизу.

— Что ж, — нарушил молчание Бокер, — полагаю, что найдется тот, кто, добравшись до Ада, еще посмеется над всем этим средь теней.

— Хочется верить, док. А кто?

— Король Канут.

Новости все прибывали, но из-за нехватки бумаги то и дело возникали трудности с их печатанием, так что на Соединенные Штаты места в газетах практически не оставалось. Однако мы знали, что и там не все в порядке. Климат Калифорнии больше не являлся проблемой номер один для американцев — от Ки-Уэст до самой мексиканской границы возникли иные, куда более серьезные осложнения. Во Флориде перед владельцами латифундий вновь предстала угроза заболачивания земель, а в Техасе огромная территория севернее Браунсвилла вообще исчезла под водой. Чудовищные потери понесли штаты Луизиана и Миссисипи. В народе стали популярны заклинания типа «Река, стой! Прочь от моего порога!», но река не уходила, напротив, вода прибывала.

Всего не перечислить. Весь мир страдал под одним и тем же игом. Разница была лишь в том, что в отсталых странах на укреплениях потели тысячи мужчин и женщин, тогда как в развитых — круглые сутки работала не знающая усталости техника. Но, как для тех, так и для других, задача была непосильной. Быстро росли ввысь защитные сооружения, но еще быстрее поднимался уровень воды. Реки разливались, и никакие искусственные отводы не спасали поля.

Незадолго до действительно серьезного наводнения у Блэкфрайерс наиболее мудрые и обеспеченные сообразили, что битвы не выиграть, и оставили Лондон. На их место пришли беженцы из восточных графств и других прибрежных городов, чье положение было еще хуже, чем наше.

Как раз в это время среди избранных сотрудников И-би-си (вроде нас с Филлис) разошелся секретный документ, если это, конечно, можно назвать документом: «В интересах поддержания общественного порядка... Должны быть приняты некоторые меры во избежание...» и так далее, и так далее еще на две страницы. Мне не доводилось читать более идиотского обращения, все его содержание вычитывалось между строк. Было бы куда проще и лучше сказать: «Ребята, оставаться опасно, но из соображений престижа мы просто не имеем права покинуть Лондон. Да, мы не можем вам приказать, но нас бы очень уст-

роило, если б среди вас нашлись добровольцы. Мы обязуемся повысить вам жалованье и гарантируем, если что случится, не оставить вас в беде. Ну как, согласны?»

Мы с Филлис обсудили предложение. Будь у нас семья, мы скорее всего, не колеблясь, поспешили б убраться в более безопасное место (хотя кто знает, где найдешь — где потеряешь), но так как мы — одни, то вправе распоряжаться собственной жизнью как нам заблагорассудится. Взвесив все «за» и «против», Филлис подытожила:

— Что нас ждет в другом месте — вдали от благ большого города, без новостей, удобств и прочего? Срываться с насиженного места и бежать, не зная куда, вряд ли умно. Я за то, чтобы остаться. Посмотрим, как будет дальше.

Короче, мы остались и очень обрадовались, узнав, что Фредди с женой поступили точно так же.

Прошло несколько недель. И-би-си арендовала два верхних этажа большого универсального магазина близ Марбл-Арч и занялась переоборудованием их в крепость, способную выдержать длительную осаду.

— Я бы предпочла что-нибудь еще повыше, например, в Хэмпстеде или на Хайгейт, — заметила Филлис, когда мы об этом узнали.

— Зато какая реклама для И-би-си, — откликнулся я. — «Внимание, внимание! Говорит И-би-си, передача ведется с самого края пропасти...» Да и для магазина тоже отличная реклама.

— Ну да, если верить, что вода в один прекрасный день отступит.

— А даже если нет, что они теряют, сдав два этажа?

Я внимательно изучил план магазина — к тому времени мы были уже совсем не те, что раньше, и старались предусмотреть все до мелочей.

Дом был построен на высоте семидесяти пяти футов над уровнем моря. Я сообщил об этом Филлис.

— А что у нашего архиконкурента? — спросила она.

— Бродкастинг-Хаус, восемьдесят пять футов.

— Гм-м, — произнесла Филлис, проводя пальцем по плану. — А их телестудия! Смотри, всего двадцать пять футов! Хочешь — не хочешь, им придется напроситься к нам в друзья.

Лондон, казалось, жил двойной жизнью. Ожидая неизбежного прорыва, все старались скрыть друг от друга свои приготовления. Представители фирм на официальных встречах, как

бы между прочим, вскользь упоминали о необходимости что-то делать, а возвращаясь в свои офисы, продолжали лихорадочно готовиться к наводнению. Бедолаги, работавшие на строительстве укреплений, не задумывались ни о чем — они радовались сверхурочным и до странности не верили в опасность.

Даже после прорыва мало что изменилось, кроме пострадавших, никто не забил тревогу. Стену восстановили, и все вернулось на круги своя. Настоящая драма разразилась только после весеннего разлива.

Хотя на этот раз по всему городу и были развешаны плакаты и объявления, предупреждающие об опасности, люди отнеслись к предупреждениям флегматично. «Слава Богу, у нас уже есть опыт», — говорили они и перетаскивали все свое добро на верхние этажи, непрестанно ворча на власти, неспособные оградить их от неприятностей.

За три дня до наводнения каждый житель Лондона получил уведомление о предполагаемом времени прорыва, но боязнь паники и тут сыграла свою роль: уведомление было осторожным и щепетильным, что практически не возымело воздействия.

День прошел нормально, и к вечеру множество народа выплеснулось на улицы, желая увидеть, что произойдет, если произойдет вообще. Подземка закрылась в восемь часов вечера, городской транспорт не работал, пешеходы мрачно прогуливались вдоль Темзы в нетерпеливом ожидании кульминации.

Ровная, маслянистая поверхность реки медленно надвигалась на укрепления и быки мостов. Черная вода беззвучно поднималась все выше, а толпы любопытных, затаив дыхание, смотрели вниз.

Предполагаемая кризисная отметка составляла двадцать три фута и четыре дюйма. Это было на четыре фута ниже нового парапета, поэтому никто не волновался, что река поднимется выше укреплений. Беспокоило другое — вдруг не выдержат стены.

Мы расположились на северном конце моста Ватерлоо. На набережной, все еще освещенной фонарями, не было видно ни единого человечка — все заняли позиции на мосту. Стрелки часов на башне парламента невыносимо долго ползли по циферблату, как бы сопровождая наползающую на стены реку, пока наконец не добрались до одиннадцати. Над притихшим городом раздались гулкие удары Биг-Бена.

Их мерный звон заставил людей вздрогнуть, переступить с ноги на ногу, затем снова все стихло. Большая стрелка поползла

ла вниз. Десять минут, пятнадцать, двадцать пять... И вот где-то в это время выше по течению послышался нарастающий рокот и ветер донес до нас эхо людских голосов. Все повернули головы и зашептались. Через несколько секунд вдоль набережной понесся огромный грязный поток, увлекающий за собой мусор, кусты, скамейки... Над мостом прокатился тяжелый сдавленный стон. И тут за нашими спинами рухнула стена старого замка. Освобожденная река ринулась в пролом, выворачивая огромные камни, разрушая преграды. Вода вырвалась на улицы.

Ни введение чрезвычайного положения, ни распоряжение об эвакуации ничего не дали. В стране царила полная неразбериха, хаос. Трудно поверить, что даже те, кто издавал указы, надеялись на их выполнение. Конечно, если бы речь шла всего лишь об одном городе, может быть, и удалось бы навести порядок. Но паника охватила больше двух третей населения страны: люди устремились в возвышенные районы, и лишь самые жесткие меры могли сдержать беженцев, и то ненадолго.

В Англии дела обстояли из рук вон плохо, в других местах — и вовсе отвратительно. Нидерландцы проиграли свою многовековую битву с морем и отступили в глубь материка. Рейн и Маас затопили страну, разлившись на многие мили. Население подалось в Бельгию и Германию. Но и на северогерманской равнине было не намного лучше: разлив рек Эмс и Везер прогнал людей из родных городов и селений. Датчане спешно эвакуировались в Швецию.

Какое-то время нам еще удавалось ориентироваться в происходящем. Но когда жители Арденн и Вестфалии в ужасе кинулись в бегство, спасаясь от голодных и отчаявшихся пришельцев с севера, достоверные сведения погрязли в трясине слухов.

Обитатели восточных графств Великобритании бежали от наводнения в Мидленд (там обошлось почти без жертв — людей заранее предупредили о грозящей беде). Жители Чилтерн-Хилса объединились в единый фронт, защищаясь от нашествия беженцев из Лондона и восточных окраин Англии.

В самом Лондоне события разворачивались по той же схеме, но с меньшим размахом. Обитатели Вестминстера, Челси, Ли Уолли, Хаммерсмита, оставив обжитые дома, уходили в Хэмпстед и Хайгейт, где их уже поджидали баррикады и ружейный огонь. Однако ничто не могло остановить ожесточенных переселенцев: они врывались в близлежащие дома, силой добывали

оружие, и начиналось кровопролитие. Нечто похожее происходило и в Сиденхеме, и в Тутингбеке.

Запаниковали и районы, еще не пострадавшие от наводнения. Несмотря на все потуги правительства восстановить спокойствие, подавляющее большинство считало, что необходимо перекочевать в более возвышенные места.

В некоторых, не тронутых водой, частях Лондона еще несколько дней сохранялась иллюзия привычной жизни. Не зная, что предпринять, люди пытались жить по-старому, и хоть подземку затопило, множество народа по привычке спешило на рабочие места, полиция продолжала патрулировать улицы. Но просачивающееся из пригородов беззаконие говорило о неизбежности краха. Вскоре вышло из строя аварийное освещение, и первая же ночь без единого огонька явилась своего рода coup de grace* по остаткам спокойствия. Начались повальные грабежи, особенно досталось продовольственным магазинам. Преступность достигла таких размеров, что и полиция, и военные оказались бессильны.

Мы решили, что пора переселяться в новую крепость И-би-си.

Из передач по радио выходило, что во всех городах Великобритании события развиваются в основном одинаково, если не считать, конечно, более низко расположенных поселений — там законы отмерли намного раньше. Я не собираюсь вдаваться в подробности — это дело историков, и не сомневаюсь, что когда-нибудь появятся их объективные скрупулезные труды.

И-би-си в эти дни постоянно дублировала своего рода конкурента, зачитывая вслед за ним многочисленные постановления правительства, все еще надеющегося восстановить некоторый порядок. Какое это скучное и неблагодарное занятие — изо дня в день убеждать еще не пострадавших домовладельцев оставаться на своих местах, или расквартировывать пострадавших, или предупреждать уже расквартированных. Возымели ли наши голоса хоть какое действие, нам было неизвестно. Возможно, на севере и был какой-то эффект от этих передач, но на юге, где любые попытки рассредоточить людей проваливались из-за невероятного скопления народа и затопленных автомобильных и железнодорожных трасс, от них точно не было никакого проку. Слоняющиеся оравы сорванных с насиженных мест лондонцев вселяли ужас в тех, кто еще не лишился родного крова; люди боялись, что если не пото-

* завершающим смертельным ударом (*фр.*).

ропиться, им может не хватить недоступного для воды клочка земли. Сначала, стараясь опередить друг друга, все хотели во что бы то ни стало раздобыть машину, но очень скоро выяснилось, что идти пешком куда безопаснее, хотя самое безопасное — вообще не высовываться из дома.

Английский парламент перебрался в Харрогит — город в Йоркшире, расположенный на высоте семьсот футов над уровнем моря. Та скорость, с какой он переехал в свою новую резиденцию, диктовалась все тем же страхом, что кто-то может его опередить; со стороны казалось, что парламент возобновил работу всего через несколько часов после наводнения в Вестминстере. На его заседаниях поднимались вопросы о разрушительных процессах на ледовых окраинах Земли. В частности, не ошиблись ли мы, проводя политику бомбардирования арктических Глубин с интенсивным использованием ядерных веществ? Не поступили ли мы в данном случае себе во вред, ведь парламент принял решение о бомбардировке вопреки советам экспертов?

Отвечая на этот вопрос, министр иностранных дел заявил, что, даже если отказаться от принятого решения, это мало что изменит.

— Русские, — пояснил он, — произвели больше ядерных взрывов, чем мы и американцы, вместе взятые.

Все удивились столь резкому повороту политики активных борцов за мир.

— Из наших источников, — разъяснил министр, — мы знаем, что Россия стоит перед угрозой образования на своей территории нового внутреннего моря. От устья Оби к югу простираются огромные пространства пойменных лугов, сейчас полностью залитые водой. Если ничего не изменится и уровень воды не будет подниматься, то новообразованный бассейн достигнет размера Гудзонова залива. К тому же Москву очень беспокоят быстро распространяющиеся наводнения в Карелии и области южнее Белого моря.

Администрация И-би-си тоже перебралась из Лондона в Харрогит и стала оживленным военным лагерем на окраине города. С противоположной стороны расположилось начальство нашего архиконкурента. На таком расстоянии друг от друга соперники могли жить совершенно спокойно, без боязни, что за ними подглядывают в телескоп.

Что касается нас, то мы день ото дня все глубже погружались в рутину.

Жилые помещения располагались на последнем этаже, этажом ниже — офисы, студии, техснаряжение, склады и прочее, в подвалах здания — огромные запасы керосина и дизельного топлива. Наша крыша служила посадочной площадкой для вертолетов, а крыша соседнего дома была сплошь утыкана нашими антеннами. Несколько обжившись, мы решили, что довольно неплохо устроились.

И все равно, несмотря на, казалось бы, надежное убежище, мы, руководимые все тем же страхом, первым делом перетащили часть содержимого продовольственного склада в собственные апартаменты, пока это не сделали другие.

Что за роль была нам отведена — оставалось только догадываться: насколько я понимаю — создавать видимость обычной работы. Последовать за администрацией в Йоркшир мы могли лишь в крайнем случае — при неминуемой опасности. На чем это распоряжение было основано? Вероятно, на уверенности, что Лондон погибнет не весь сразу, а по частям: сначала — одна его клетка, потом — другая... и так до тех пор, пока вода не заплещется у дверей наших «кают». А до той поры все штатные сотрудники И-би-си — оркестр, артисты, дикторы — обязаны были работать как ни в чем не бывало. Единственным свидетельством того, что составители сей программы допускали неожиданный поворот событий, было заблаговременное перемещение фонотеки в Йоркшир. И то опасались они скорее беспорядков и неразберихи, нежели катастрофы.

Забавно, что еще несколько дней кое-кто из администрации нет-нет да и показывался в Лондоне, но потом и те исчезли, бросив нас на произвол судьбы. С тех пор мы перешли на осадное положение.

Не хочу быть дотошным и утомлять вас подробностями следующего года — это долгая и нудная история мирового упадка.

Во время холодной затянувшейся зимы вода не переставала прибывать. Вооруженные оборванцы рыскали по Лондону в поисках пропитания, и в любой час дня и ночи можно было услышать отзвуки перестрелки неполадивших между собой банд.

Даже на нас пару раз попытались напасть, но эти попытки не увенчались успехом, и, так как вокруг еще хватало магазинов, представлявших собой более легкую добычу, нас оставили на закуску.

С приходом весны народу на улицах заметно поубавилось. Не желая провести еще одну зиму в голодном, антисанитарном

городе, многие подались в деревни, и уличные бои переместились от центра к окраинам.

Поредели и наши ряды: из шестидесяти пяти человек осталось двадцать пять. Остальные партиями улетели на вертолете, после того как центр жизни переместился в Йоркшир. Мы остались в виде какого-то незначительного поста, исключительно ради престижа компании.

Я и Филлис тоже подумывали, не пора ли и нам податься в новую столицу, но, потолковав несколько минут с командиром вертолета, решили еще немного повременить, уж больно переполненной и малопривлекательной показалась нам теперешняя штаб-квартира И-би-си.

Нельзя сказать, что мы испытывали большие неудобства на своей лондонской верхотуре, напротив, чем меньше нас оставалось в этом орлином гнезде, тем больше пространства и продовольствия приходилось на каждого.

Поздней весной правительство взяло все радиовещание под прямой контроль, и таким образом мы слились с нашими архиконкурентами. Бродкастинг-Хаус к тому времени практически опустел, запасы его истощились, и несколько сотрудников Би-би-си, до сих пор не покинувшие Лондон, присоединились к нам, благо у нас всего было вдоволь.

Новости мы получали по двум основным каналам: умеренно правдивые — из Харрогита от И-би-си и неумеренно оптимистичные — отовсюду. К последним мы относились весьма цинично и очень быстро от них устали. Казалось, что все государства мира встречают и даже побеждают напасть с прямотаки залихватской смелостью, свойственной исконным традициям их непобедимых народов.

К середине дрянного промозглого лета Лондон совсем притих. Банды ушли, остались только шакалы-одиночки. Без сомнения, их было довольно много, но в огромном городе они казались крохотной горсткой. Мы снова могли показаться на улицах без страха тут же быть убитыми.

Вода неумолимо поднималась, не оправдывая никаких прогнозов: самые высокие приливы достигали уже пятидесяти пяти футов. Граница наводнения проходила севернее Хаммерсмита, захватывала большую часть Кенсингтона, тянулась вдоль южной стороны Гайд-парка, затем к югу от Пиккадилли, через Трафальгарскую площадь вдоль Стренда и Флит-стрит и дальше шла к северо-востоку выше западной стороны Ли Уолли; только Сити и холм

с собором Святого Павла оставались незатопленными. На юге граница пролегала через Барнис, Баттерси, Сауфварк, большую половину Дептфорда и нижнюю часть Гринвича.

Однажды во время прилива мы прогуливались возле Трафальгарской площади. Вода плескалась у самых ног. Стоя у балюстрады и глядя на забрызганных пеной львов Ландсейера, мы гадали, что бы сказал адмирал Нельсон при виде своей статуи в окружении покачивающейся на воде удивительной коллекции обломков.

На полузатопленных шестах, светофорах, фонарях — излюбленном месте голубей — сидели чайки, кое-где на деревьях чирикали воробьи; скворцы еще не покинули церковь Святого Мартина, а вот голуби — голуби улетели.

— Не помню, кто сказал: «Так кончится мир — не грохотом, а хныканьем», — произнес я, глядя на тоскливый пейзаж.

— Не помнишь?! Да это же Эллиот!

— Да? Видимо, он обладал даром предвидения.

— Величайшее предназначение поэта — предвидеть, — назидательно отозвалась Филлис.

— Гм-м, — усомнился я, — а может, его миссия — снабжать нас цитатами при всяком неожиданном повороте событий. Ну, не злись, не злись. Эллиоту действительно надо отдать должное.

Мы помолчали.

— Если бы мы только могли помочь этому миру... — заговорила Филлис. — Мне все время казалось, что еще не поздно что-нибудь сделать, а вот теперь я начинаю сомневаться. Ничего не вернуть, все, поздно. А посещать места вроде этого выше моих сил, Майк.

— Это — единственное в своем роде, Фил. Когда-то оно было поистине уникально. А теперь мертво, хотя еще не стало музеем. «Вся гордость вчерашняя наша в Ниневии и Тире», — скоро запричитаем мы. Скоро, но не сейчас.

— Ты что, сегодня на короткой ноге с чужими музами? Чьи это слова?

— Это Киплинг, дорогая. Но скорее у него была не Муза, а Кошка.

— Бедняга Киплинг.

— Однако ему тоже надо отдать должное.

— Майк, — после затянувшегося молчания неожиданно произнесла Филлис, — давай уйдем отсюда. Прямо сейчас.

— Да, так будет лучше. Пора отвыкать от сентиментальности.

Филлис взяла меня под руку, и мы повернули назад. Вдруг откуда-то с южной стороны площади до нас донеслось тарахтение мотора и из-под арки Адмиралтейства выскочил катер. Резко повернув, он помчался к Уайтхоллу, поднимая за собой волну, захлестнувшую окна дорогих правительственных кабинетов.

— Здорово! — восхитился я. — Даже во сне такое не приснится!

— Стоит подумать, — заметила Филлис, снова становясь практичной, — где бы и нам раздобыть катер.

К концу лета вода поднялась еще на девять футов, и к середине сентября нас осталось всего шестнадцать человек.

Даже Фредди объявил, что ему надоело убивать время в четырех стенах и он собирается подыскать себе что-нибудь поинтереснее. Вертолет унес его вместе с женой в Йоркшир, а мы остались обдумывать наше собственное положение.

Как ни опротивело нам готовить бодренькие передачи из обливающегося кровью сердца империи, мы оставались на месте, потому что считалось, что они все еще приносят какую-то пользу. Да и все до сих пор работающие радиостанции мира насвистывали примерно одну и ту же песенку.

За два дня до отлета Виттиеров, поздним вечером, мы поймали Нью-Йорк. С высоты Эмпайр-Стэйтс-Билдинг диктор описывал изумительный вид ночного города: «Башни Манхэттена, как замершие на посту часовые; переливающаяся в лунном свете вода разбивается об их подножия...» Да, представить такую картину было несложно, но наше воображение рисовало нам уж никак не «часовых», а скорее обелиски. Дослушав передачу, мы поняли, что нам никогда не сравняться с американцами в живописании картин умирающего города, и, прощаясь с Фредди, сказали, что скорее всего тоже оставим Лондон.

Однако две недели спустя, когда мы вновь по прямому проводу услышали его голос, у нас еще не созрело окончательное решение. Да и Фредди не уговаривал нас последовать его примеру.

— Это не пустые слова, Майк. Это совет незаинтересованного человека тому, кто может оказаться на сковородке.

— В чем дело, Фредди?

— Понимаешь, если бы я так горячо не просился сюда, я б непременно подал прошение о переводе обратно. Черт побери, Майк, оставайся там и ни о чем не жалей!

— Но...

— Подожди минуточку. — Фредди на мгновение исчез. — Порядок! — снова раздался его голос. — Теперь нас никто не подслушивает. Пойми, Майк, здесь сущий ад. Йоркшир переполнен, жрать нечего, терпение у всех вот-вот лопнет; если через пару дней не вспыхнет гражданская война, я сочту это за чудо. Голодные озлобленные крестьяне думают, что мы сидим у них на шее, но это не так. Оставайся, Майк, не ради себя, так ради Фил.

— Так возвращайся, Фредди! Если все так плохо, на первом же вертолете и возвращайся! Подкупи, в конце концов, пилота...

— Да, наверное. Не понимаю, какого черта нас вообще сюда пустили. Мы здесь никому не нужны, лишние два рта и только. Жди нас следующим рейсом, Майк.

— Удачи тебе, Фредди. Привет жене и Бокеру, если его там еще никто не прикончил.

— О, Бокер здесь и считает, что вода не поднимется выше ста двадцати пяти футов. Он утверждает, что это хорошая новость.

— Еще бы — от него стоило ждать чего-нибудь похлеще! Ну ладно, Фредди, до скорого.

Еще одна супружеская чета, которая собиралась лететь следующим рейсом, осталась, хотя я никому не рассказывал о своем разговоре с Йоркширом.

Мы ждали Фредди два дня, на третий — связались с И-би-си, но там ничего не знали о нем — Фредди вместе с женой и вертолетом загадочно исчезли. А поскольку у компании других вертолетов не было, то последняя ниточка нашей связи с Йоркширом оборвалась.

За холодным летом пришла холодная, гнусная осень. Прокатились и тут же заглохли слухи, что вновь появились морские танки; может быть, танки сочли добычу на пустынных лондонских улицах слишком бедной? Не знаю, но, судя по сообщениям радио, в других районах они действительно активизировались.

Фредди оказался не далек от истины — в Йоркшире начались серьезные осложнения. Как-то вечером по радио мы услышали призыв местных властей ко всем лояльно настроенным гражданам поддержать законное правительство и оградить его от возможных попыток насильственного переворота. Но то, как это было подано, не вызывало сомнений, что такая попытка уже состоялась. Стало ясно — это конец. Даже лучший диктор И-би-си не смог придать убедительность словам, и весь правительственный призыв выглядел жалкой мешаниной из увещеваний, угроз и молений.

Наша администрация не могла или не хотела ничего прояснить.

— С беспорядками скоро будет покончено, — объявила она, желая пресечь распространившиеся слухи и не допустить среди нас антиправительственных настроений.

Мы ответили, что ничто не может вызвать в нас недоверие к законной власти, и еще раз запросили о положении в Йоркшире.

Но тут связь неожиданно оборвалась.

Ситуация, когда слышишь весь мир, и никто, никто даже не упоминает о родной Англии, пока не привыкнешь, довольно странная. Из Америки, Канады, Австралии, Кении мы что ни день получали запросы о нашем молчании.

Прежде, отдавая планете свои скудные знания, мы хоть слышали, как наши сообщения потом повторяли зарубежные станции. А теперь мы не понимали, что происходит. Если даже радиовещательные системы обеих корпораций оказались неисправными, то в эфир все равно выходили бы независимые станции Шотландии и Северной Ирландии. Но и от них не было ни звука. Остальному миру, занятому маскировкой собственных трудностей, было не до нас. Правда, однажды мы все-таки услышали голос, бесстрастно говоривший о «L'ecroulement de L'Angleterre». Что это значит, мы не поняли, но звучало очень зловеще.

Кончилась зима. Лондон, казалось, вымер — можно было пройти целую милю, так никого и не встретив. Как люди сумели перезимовать, оставалось загадкой. Остатками награбленного?

Естественно, это не тема для расспросов, тем более когда из-под пальто на тебя смотрит дуло пистолета. Мы и сами давно не расставались с оружием, но ни разу, к счастью, нам не довелось еще нажать на курок. Странно, волчьи инстинкты пока не взяли верх над разумной человеческой настороженностью. Случайно встреченные люди делились с нами слухами, сплетнями и некоторыми новостями местного значения. Именно от них мы узнали о плотном враждебном кольце, образовавшемся вокруг Лондона, о том, что окружающие районы объявили себя независимыми государствами и, выдворив беженцев, закрыли границы. Всякого вступившего на их территорию ждет верная смерть.

— Это что! Будет еще хуже! Все так считают, — заверил нас разговорившийся прохожий. — Пока есть запасы — все нормально, главное сейчас — не позволить себя обокрасть какому-

нибудь прощелыге. Потом будет наоборот — с ног собьешься, пока отыщешь пройдоху, у которого еще что-то припрятано. Вот где гадко-то станет.

Отметка прилива подобралась к семидесяти пяти футам. По ночам с юго-запада дул пронзительный ледяной ветер, прижимая к крышам бурый дым из печных труб. Запасы угля давно кончились, и люди сжигали в каминах все, что попадалось под руку, — столы, стулья, книги...

Я думаю, что в то время во всей Англии не было ни одного человека, который устроился бы лучше нашей группы. Продовольствия, топлива — всего имелось с избытком, и хватило бы на несколько лет — ведь никто не думал, что из всей команды нас останется только шестнадцать. Однако не хлебом единым жив человек! И когда впервые вода перехлестнула ступени нашего дома и все здание наполнилось шумным эхом ниспадающего в подвалы потока, щемящее чувство одиночества сдавило горло.

Многие из нас совсем раскисли и ходили понурые, задаваясь единственным вопросом: «Неужели сто футов — это еще не предел?»

Я не мог лицемерить и поведал всем новую версию Бокера о ста двадцати пяти футах, означающих, что в своем орлином гнезде мы можем чувствовать себя в безопасности. Это было слабым утешением, поскольку никто еще не забыл слова того же Бокера о том, что любые прогнозы весьма относительны, ведь никто точно не знает, сколько льда в Антарктиде, Арктике и в других северных районах. И все равно, лежа в постели, под гулкий плеск гонимых ветром по Оксфорд-стрит волн, мы твердили про себя, как молитву: «сто двадцать пять, сто двадцать пять...»

Как-то солнечным, но холодным майским утром я разыскивал Филлис. Расспросы привели меня на крышу, где я застал ее, глядящую на утыканное деревьями озеро, некогда бывшее Гайд-парком. Она плакала.

— Я так и осталась сентиментальной, Майк, — вытирая заплаканные глаза, сказала она. — Я больше не могу. Увези меня отсюда. Пожалуйста.

— Куда, Фил?

— В коттедж. В деревне будет лучше. Там кое-что и растет, а не только, как здесь, умирает. А тут... хоть с крыши прыгай. У нас нет выбора, Майк.

Я задумался.

— Даже если мы и доберемся до коттеджа, то все равно умрем от голода.

— Там... — Филлис замялась. — Мы продержимся, Майк, обязательно продержимся до того, как вырастим что-нибудь. Потом, там же есть рыба, ты наловишь много рыбы. Да, будет тяжело, но оставаться здесь, на этом кладбище!.. Я больше не могу, Майк. Что мы совершили, чтобы заслужить такую кару? Пусть мы несовершенны, но не настолько же! Если б хоть знать, с кем сражаться, а так!.. Люди тонут, умирают от голода, убивают друг друга... Все, все ради жизни! Может, тот, кто посильнее, и выживет, переждет на крыше какого-нибудь небоскреба, но что его ждет потом? Что еще придумают эти твари?

Ты знаешь, Майк, они мне часто снятся, лежащими там, внизу, в беспросветном мраке, иногда напоминающие ужасных осьминогов или слизняков, иногда — огромные облака мерцающих клеток. Но как бы они ни выглядели, они существуют, и от них никуда не деться. Они сделают все, лишь бы нас уничтожить.

Это так страшно, Майк, эти сны... огромные бескрайние равнины — дно океана, притягивающее к себе все — раковины, осколки костей, миллиарды и миллиарды крупиц планктона. Одно движение вниз, век за веком... И несметные полчища морских танков, без конца и края, насколько хватает глаз; они переваливают через расщелины, через затопленные города, они идут сюда, Майк.

Много раз мне снилось, что мы с тобой поймали и вскрыли танк, и там оказался Он Сам, и мы поняли, что надо сделать, чтобы уничтожить их всех. И никто, кроме Бокера, нам не поверил, но док создал новое оружие, и мы победили, Майк, понимаешь, победили.

Я знаю, все это глупо, но очень приятно проснуться с чувством, будто ты спас мир. Как жаль, что это всего лишь сны и кошмар продолжается.

Увези меня, Майк! — взмолилась Филлис. — Иначе я сойду с ума. Я больше не могу видеть, как дюйм за дюймом гибнет великий город. Увези, увези куда хочешь, лишь бы не оставаться в Лондоне. Лучше погибнуть, чем пережить еще одну такую зиму.

— Хорошо, дорогая, — сказал я.

А что я мог еще сказать?!

Оставалось найти способ добраться до Корнуэлла. Попытаться идти сухим путем? Но мы были наслышаны о специальных капканах, засадах, сигнализациях, сторожевых пунктах и так далее, причем, говорят, доходило до того, что буквально вырубали целые рощи, лишь бы ничто не могло помешать всадить очередному беженцу пулю в лоб. Во всем — строгий рас-

чет, каждому известно, что значит лишний рот, каждый знает свою задачу — не допустить и не пропустить. Таков закон борьбы за выживание. А поскольку наше собственное чувство самосохранения требовало от нас того же — выжить, мы решили идти другим путем.

Поиски катера ни к чему не привели, и все же мне удалось раздобыть небольшую лодку.

Мы задержались в надежде на более теплые дни, но в конце июня, расставшись с иллюзиями, я погрузил в лодку провиант, и мы тронулись вверх по реке.

Если бы не счастливая случайность, подарившая нам маленькую моторную яхту «Мидж», я не знаю, что бы с нами сталось. Думаю, в конце концов нас бы просто пристрелили.

Однако «Мидж» все изменила, и на следующий день мы вернулись в Лондон.

Что ни говорите, а плавание по затопленным улицам — дело довольно мучительное и неприятное. Нас выручала хорошая память, и мы ни разу не напоролись днищем на скрытые под водой фонари или светофоры. Обычно в более мелких местах я прибавлял скорость, но на углу улицы, ведущей к Гайд-парку, мы проторчали несколько часов в ожидании прилива.

Мучившее нас предчувствие, что кто-нибудь из оставшихся коллег захочет присоединиться к нам, оказалось безосновательным. Все без исключения, сочтя нас сумасшедшими, принялись уговаривать остаться и больше не покидать надежного пристанища, называя наше решение безумием. И все же они помогли нам заправить и снарядить «Мидж» в дорогу. Ребята так старались, что яхта осела на несколько дюймов.

Мы продвигались по Темзе медленно и осторожно. Больше всего нас беспокоил ночлег — «Мидж» с ее содержимым являла собой лакомую добычу. Мы причаливали на тихих, укромных улочках затопленных городов и там проводили ночь. Иногда из-за сильного порыва ветра мы застревали в подобных местах на несколько дней. В общем, путешествие, на которое обычно у нас уходило в среднем полдня, заняло больше месяца.

Чем ближе мы подплывали к Корнуэллу, тем тревожнее становилось на душе. Чем встретит нас коттедж Роз?

Держа револьвер наготове, я направил яхту в устье реки Хелфорд. Кое-где на склонах холмов показались вооруженные люди, но они почему-то пропустили нас; как потом оказалось, «Мидж» просто приняли за местную яхту.

Мы свернули в один из многочисленных рукавов, но ошиблись. Мы ошиблись еще с десяток раз (и все из-за размножившихся, как грибы после дождя, притоков), прежде чем увидели знакомый силуэт коттеджа с крышей почти до самой земли.

Конечно, здесь уже побывали, и неоднократно. Но хотя беспорядок был на славу, унесли немного, в основном съестное и топливо.

Бегло осмотревшись, Филлис скрылась в подвале, а через минуту уже бежала в сад к своей беседке.

— Слава Богу, все в порядке, — облегченно вздохнула она, вернувшись.

Мне показалось, что Филлис выбрала не самое удачное время проявлять заботу о беседке, пусть даже построенной ее собственными руками.

— Что в порядке?

— Провизия, конечно. Мне не хотелось тебе говорить заранее: если б что случилось, было бы так обидно.

— Подожди, подожди. Какая провизия?

— Майк, у тебя что — голова совсем не работает? Е-да, понимаешь — еда. Ты что, действительно думал, что я подрядилась в каменщики ради забавы? Я замуровала половину подвала, набив продуктами, и устроила еще один склад — под беседкой.

Я ошарашенно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать... Но это же было еще до наводнения!

— Но не до того, как они начали нападать на наши корабли. Уже тогда стало очевидно, что нас ждут большие трудности. Вот я и подумала, что неплохо было бы как-нибудь подготовиться, хотя бы запастись продуктами. Если б я сказала тебе об этом, ты бы меня не понял.

— Не понял?

— Ну, Майк, согласись, что ты из тех, кто будет лучше платить по курсу черного рынка, чем примет разумные меры предосторожности.

— И поэтому ты засучила рукава?

— Мне так не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, Майк. Поэтому я сама... Мне кажется, я не зря потрудилась.

— И надолго нам этого хватит?

— Не знаю. Здесь добрый фургон, плюс то, что мы привезли на «Мидж».

У меня еще оставались кое-какие сомнения, но выражать их я пока воздержался, и мы принялись за разгрузку и уборку.

Через четыре месяца узенькая полоска суши, соединявшая наш холм с большой землей, скрылась под водой, и мы превратились в настоящих островитян.

Здесь, в Корнуэлле, происходило то же самое, что и везде: неохотное отступление — вначале, и паническое бегство на возвышенности потом, когда страх, что тебя опередят, пересилил остальные чувства. Остались только те, в чьих сердцах теплилась надежда, что еще не все потеряно и вода не коснется их порога. Потом началась настоящая война. Каждый защищал свои владения: одни — от опустошительных набегов людей с возвышенностей, другие — от отчаявшихся беженцев. Не знаю, насколько это правда, но рассказывали, что, по сравнению с восточными графствами, здесь было намного легче, так как большинство населения ушло в земли более плодородные, нежели вересковые пустоши. А в Девоншире, Дорсете, Соммерсетшире велись непрекращающиеся ожесточенные бои между умирающими от голода жителями.

Через неделю сломался приемник и починить его не было никакой возможности.

Полная изоляция легла на нас тяжелым бременем. Хотя, с другой стороны, мы радовались, что наш остров не вызывал того искушения у местных обитателей, которого мы так боялись. Рыбы в море было полно, да и урожай, собранный корнуэлльцами в прошлом году, не заставлял их браться за оружие, чтобы добыть пропитание. Нас не трогали; все, наверное, думали, что мы обходимся рыбой и теми запасами, которые привезли на «Мидж».

Я начал писать эту книгу в начале ноября. С тех пор прошло четыре месяца. Вода продолжает медленно подниматься, но уже не с такой скоростью, и кажется, в Ла-Манше айсбергов значительно поубавилось.

Изредка нас посещают морские танки, иногда по одному, но чаще — по пять-шесть. Практически, они не доставляют нам никаких хлопот — дозорные всегда предупреждают людей об опасности, и все поползновения морских гадов терпят фиаско. Да и сами танки становятся все менее агрессивными, редко случается, что они заходят дальше, чем на четверть мили от края воды и, не найдя жертв, быстро поворачивают обратно.

Гораздо тяжелее было пережить лютую зиму, более страшную и холодную, чем все предыдущие. Неуспокаивающееся все три месяца море выбрасывало на берег огромные льдины, залив промерз до самого дна; хорошо, что наш домик расположен с подветренной стороны, иначе нам бы пришлось совсем туго.

Запасы тают на глазах, и мы подумываем покинуть Корнуэлл, как только наступит лето. Думаю, продуктов хватило бы еще на одну зиму, но что потом — все равно надо уходить.

Не питая больших надежд разжиться топливом где-нибудь в Плимуте или Девоншире, я на всякий случай поставил на «Мидж» мачту. Под парусами или нет, мы еще не решили, куда поплывем, ясно, что на юг, где можно что-нибудь посадить, вырастить и собрать урожай. Может быть, там нас ждет смерть от пули, но, как ни смотри, это лучше, чем умереть от голода.

— Нас ждет великое путешествие, — всякий раз говорит Филлис. — Пока нам благоволит Фортуна, мы должны рисковать.

Сегодня двадцать четвертое мая.

Мы не плывем на юг, я извиняюсь, что забежал вперед.

Потомкам не придется раскапывать жестяные банки с этими записями, они остаются со мной и, возможно, их даже очень скоро прочтут. С некоторых пор наши планы резко изменились.

А случилось вот что.

Мы готовили «Мидж» к путешествию. Филлис красила, а я копался в двигателе, регулируя зажигание, когда в заливе показалась лодка. Я убедился, что револьвер при мне, и пристально следил за приближением непрошеного гостя. Когда лодка подошла достаточно близко, я узнал в нем одного местного жителя, с которым мне пару раз доводилось встречаться последнее время.

— Эй, там! — закричал он. — Ваше имя — Ватсон?

— Да, — отозвался я.

— Тогда мне к вам.

Он убрал парус и причалил к берегу.

— Майкл и Филлис Ватсон? — еще раз спросил он, вылезая из лодки. — Вы работали на И-би-си?

Мы кивнули.

— Тут по радио передали ваши имена.

Мы, выпучив глаза, смотрели на необычного гостя.

— Кто? — придя в себя, выпалил я.

— Они называют себя «Совет Возрождения». Уже неделю, если не больше, они каждый день выходят в эфир и всегда заканчивают списком разыскиваемых. Вчера зачитали ваши имена, добавив, что «могут находиться в окрестностях Пенлинна». Вот я и подумал, что надо наведаться к вам.

— Но... Но кто они такие и чего хотят? — чуть ли не проорал я.

Он пожал плечами.

— Пытаются разгрести завал. И я говорю им — «Бог в помощь». Давно пора.

Филлис побледнела.

— Неужели?.. Неужели кончилось?

Мужчина внимательно посмотрел на нее.

— Нет, — тихо произнес он. — Но лучше хоть попытаться, чем бросить все так. — Он кивнул в сторону разрушенных домов.

— Но зачем мы им?

— Они хотят, если это в ваших силах, чтобы вы вернулись в Лондон. Если нет, оставайтесь здесь и ждите дальнейших указаний. Многих собирают в Шеффилде или Малверне, но вас почему-то хотят непременно видеть в Лондоне.

— И они не говорят — зачем?

Он покачал головой.

— Еще они говорят, что обеспечат всех портативными рациями, и советуют организовывать местное самоуправление.

Мы с Филлис переглянулись.

— Я, кажется, понял, зачем нас ищут.

Она кивнула.

— Пойдемте, — сказал я доброму вестнику. — У нас припрятана пара бутылочек на случай вроде этого.

— Расскажите все, что вам известно, — попросил я после того, как мы выпили по первому бокалу.

— Да вроде больше ничего. Два дня назад выступал Бокер. Вы его помните?

Еще бы нам было его не помнить!

— Так вот, он давал «общий обзор ситуации» и казался много приветливее, чем раньше.

— Расскажите, расскажите! — обрадовалась Филлис. — Милый док в хорошем настроении — это что-то значит!

— Главное, он говорит, что вода больше не поднимается — (можно подумать, я сам этого не заметил) — и, хотя много плодородных земель погребено под океаном, оставшейся части человечеству хватит, чтобы прокормить себя. А осталось нас на Земле одна пятая, если не одна восьмая, от былого.

— Что?! — вскричала Филлис, не веря своим ушам. — Всего?

— Похоже, что в сравнении с другими нам повезло, — заметил он. — Пережить три дьявольские зимы без лекарств, без еды — это не шутка. Люди дохли как мухи.

Мы молчали, не в силах вымолвить ни слова. Я понимал только одно — будущий мир будет очень сильно отличаться от прошлого.

— А может, не стоит и пытаться?.. — удрученно произнесла Филлис. — Эти твари все равно не уймутся и придумают что-нибудь новое.

Наш гость усмехнулся.

— Бокер сказал кое-что и про них. Считайте, что они получили свое.

— Что получили?

— Не помню, как называется... Что-то там сбросили в эти чертовы Глубины... Ультра... ультра...

— Ультразвук? — догадался я.

— Точно. Бокер сказал, что он убивает их. И знаете, кто это придумал? Японцы. Они утверждают, что уже очистили свои воды от подводных монстров.

— Но кто-нибудь узнал, что представляют собой эти монстры? Кто они? На что похожи? — сыпала вопросами Филлис.

— Не знаю. Все, что сказал по этому поводу Бокер, — «на поверхность всплыло огромное количество студенистой массы и быстро разложилось на солнце». Предполагают, что их разрывает от перепада давления при всплытии. Ну и бес с ними.

— По мне довольно и того, что им воздалось. — Я наполнил бокалы. — За освобождение Глубины!

Человек уплыл, а мы пошли в беседку.

Филлис выглядела так, будто только что закрыла дверь салона красоты.

— Я воскресаю, Майк! — угадала она мои мысли.

— Я тоже, Фил. Хотя впереди нас ждет отнюдь не пикник.

— Ерунда! Зато есть надежда! Без нее — слишком тяжко.

— Это будет очень странный и необычный мир, — размышляя, сказал я. — Всего одна восьмая, Фил!.. Одна восьмая!

— Во времена Елизаветы нас насчитывалось миллион!

Мы принялись строить планы на будущее.

— Я думаю, нам хватит горючего до Лондона.

— Да, Майк, надо быстрее заканчивать с «Мидж» и возвращаться в Лондон.

Филлис сидела, подперев голову руками, и смотрела на воду.

Зашло солнце, похолодало.

— Знаешь, о чем я думаю, Майк? Ничто не ново на Земле. Когда-то, давным-давно, наши предки жили на огромной зеленой равнине, покрытой густыми лесами. В лесах водились дикие звери, и люди охотились на них. Но настал день — и случился потоп... Мне кажется, я узнаю это море, Майк... мы уже были здесь. Ты понимаешь, Майк, мы ведь и в прошлый раз выжили.

БИБЛИОГРАФИЯ ДЖОНА УИНДЭМА

(Книжные издания)

1. «Тайный народец» (The Secret People, 1935 — под псевд. Джон Бейнон).

2. «Планетолет» (Planet Plane, 1936 — под псевд. Джон Бейнон). Также выходил под названием «Зайцем на Марс» (Stowaway to Mars).

3. «День триффидов» (The Day of the Triffids, 1951). Также выходил под названием «Восстание триффидов» (Revolt of the Triffids). См. также №№ 14 и 20.

4. «Кракен пробуждается» (The Kraken Wakes, 1953). Также выходил под названием «Из глубин» (Out of the Deeps). См. также №№ 14 и 20.

5. Сб. «Джиззл» (Jizzle, 1954).

6. «Перерождение» (Re-Birth, 1955). Также выходил под названием «Куколки» (The Chrysalids). См. также № 20.

7. Сб. «Рассказы о гусятине и насмешнике» (Tales of Gooseflesh and Laughter, 1956).

8. Сб. «Семена времени» (The Seeds of Time, 1956). См. также № 20.

9. «Мидвичские кукушки» (The Midwich Cuckoos, 1957). Также выходил под названием «Деревня проклятых» (Village of the Damned). См. также № 20.

10. «Толчок вовне» (The Outward Urge, 1959). Под псевд. Джон Уиндэм и Лукас Паркс.

11. «Проблема с лишайником» (Trouble with Lichen, 1960). См. также № 20.

12. Сб. «Посмотрим, как ей это удастся» (Consider Her Ways, 1961). Также выходил под названием «Бесконечный момент» (The Infinite Moment).

13. «Чокки» (Chocky, 1963).

14. Сб. «Омнибус Джона Уиндэма» (The John Wyndham Omnibus, 1964). Объединение №№ 3, 4 и 6.

15. Сб. «Путешественники во времени» (Wanderers of Time, 1973).

16. Сб. «Спящие на Марсе» (Sleepers of Mars, 1973).

17. Сб. «Лучшее Джона Уиндэма» (The Best of John Wyndham, 1973). Также выходил под названием «Человек извне» (The Man from Beyond) и в виде двухтомника: т. 1 — «Лучшее Джона Уиндэма 1932—1949» (The Best of John Wyndham 1932—1949), т. 2 — «Лучшее Джона Уиндэма 1951—1960» (The Best of John Wyndham 1951—1960).

18. Сб. «Изгнанники на Эсперусе» (Exiles on Asperus, 1979). Под псевд. Джон Бейнон.

19. «Паутина» (Web, 1979).

20. Сб. «Джон Уиндэм» (John Wyndham, 1980). Объединение №№ 3, 4, 6, 8, 9 и 11.

Содержание

Куколки Джона Уиндэма 5
День триффидов 19
Куколки 239
Кукушки Мидвича 417
Кракен пробуждается 607
Библиография Джона Уиндэма 780

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Уиндэм Джон

День триффидов

Сборник фантастических романов

Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*
Младший редактор *А.С. Рычкова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Джон Уиндэм (1903—1969). «Патриарх» английской научной фантастики. Классик — и классицист от фантастики, оригинальный и своеобразный, однако всегда «преданный» последователь Герберта Уэллса. Писатель, стилистически «смотревший назад» — но фактически обогнавший своими холодновато-спокойными «традиционными» романами не только свое, но и — в чем-то! — наше время…

Продолжать говорить о Джоне Уиндэме можно еще очень долго. Однако для каждого истинного поклонника фантастики сами за себя скажут уже НАЗВАНИЯ его книг:

«Кракен пробуждается»,

«Кукушки Мидвича»,

«Куколки» — и, конечно же, «лучшее из лучшего» в наследии Уиндэма — «День триффидов»!

ISBN 5-17-013065-1

9 785170 130658